

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Меджлис татарских мурз Республики Татарстан
Министерство культуры Республики Татарстан

ТАТАРСКИЕ МУРЗЫ И ДВОРЯНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Казань – 2010

ББК 63.3
Тат 23

Редакционная коллегия:

*Р.С.Хакимов, И.К.Загидуллин, Ф.Г.Тарханова (ответственный редактор),
А.Ш.Терегулов, Ф.Я.Уразаев, И.З.Файзрахманов*

Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – 376 с.

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научно-практической конференции «Татарские мурзы и дворяне: история и современность», состоявшейся в г. Казани 9 апреля 2010 г.

ISBN 978-5-94981-151-1

© Институт истории АН РТ, 2010

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Открытие конференции

А.Ш. Терегулов

Приветственное слово

*Хөрмәтле морзалар, кунактар!
Многоуважаемые мурзы-дворяне, гости!*

Сегодняшняя конференция, на которой мы собрались, для нас мурз-дворян очень значительна. Дело в том, что многие десятилетия мы скрывали своего социального происхождения, фамилии, некоторые даже сменили свои фамилии или оставили родину.

А сегодня мы, не стесняясь своего социального происхождения, уже решаем самые актуальные вопросы. Мурзы-дворяне в течение многих столетий оказывали и оказывают существенную роль в делах государства, в науке, культуре, образовании и военной службе.

Мы не можем забыть имена мурз-дворян, которые понесли утраты из-за негативного отношения государства к их социальному происхождению: только в д. Нов. Каргалы Башкортостана было репрессировано 26 человек, в том числе Терегулов Нигматулла Мухарямович, который в свое время передал 2-ю маобитскую тетрадь М.Джалиля. В последнее десятилетие в стране проводят разные реформы, но в отношении моральной жизни общества остается желать лучшего. Люди разобщены. Сегодня я призываю продолжать дела наших предков и принять активное участие в работе I конференции потомков мурз.

Целями создания и деятельности Меджлиса, которые записаны в его уставе, являются:

1. Возрождение сословия татарских мурз в рамках исторических традиций в современных социально-экономических условиях.
2. Содействие возрождению традиций ислама среди татарского народа.
3. Воспитание будущего поколения в духе традиций татарских мурз – глубоко и широко образованным, владеющим исторической культурой своего народа.
4. Быть примером высокой морали, чести и достоинства.
5. Беззаветное служение интересам татарского народа и своей Родине.
6. Активное участие в общественно-политической жизни татарского народа и мурзинского сословия.
7. Укрепление национального согласия на основе равноправия между народами, населяющими Российскую Федерацию.
8. Установление культурных и экономических связей с татарской диаспорой, проживающей за рубежом.

Потомки мурз-дворян ведут значимую работу в обществе: науке, здравоохранении, искусстве, образовании, правоохранительных органах, органах госбезопасности, госаппарате. 95% членов Меджлиса заняты интеллектуальным трудом. Меджлис зарегистрирован как Региональная общественная организация РТ, свидетельство выдано 3 февраля 2006 года, имеет государственный статус. В декабре 2007 года подписан договор на безвозмездное пользование комнатой, в течение 5 лет. Комната находится в г.Казани по ул. К.Маркса, 41/13. На сегодняшний день в составе Меджлиса изменений нет. У Меджлиса 5 учредителей: Яушев Булат Энгелович; Еникеев Ренат Ахметович; Яушева Ляйля Мухаметовна; Уразаев Фарит Язгарович; Терегулов Айрат Шарафутдинович.

Таблица 1. Сведения о численности и месте проживания представителей родов мурз – членов Меджлиса татарских мурз РТ на 1 марта 2009 г.

№	Фамилии родов	Кол-во чл.	Из рода мурз	Казань	Н.Челны	З.Дол.	Азнакаено	Нурлат	В.Гора	Бугульма	Лениногорск	Дрожжаное	Москва	С.-Петербург	Ессентуки	Д.Восток	Екатеринбург
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	Акчурины	23	1	19											1		
2	Амирхановы	5		5													
3	Апаковы	13	2	8	4												
4	Азеевы	5		4												1	
5	Акуловы	1		1													
6	Апанаевы	7		7													
7	Адутовы	1			1												
8	Башировы	2		2													
9	Бурнаевы	1	1	1													
10	Бикбовы	1															1
11	Ванеевы	1											1				
12	Габитовы	10															
13	Даушевы	3		3													
14	Ерзины	1			1												
15	Еникеевы	53	7	43		1	2						3				
16	Карачурины	1															
17	Курмашевы	1															
18	Мамлеевы	11	5	3	3									1			
19	Терегуловы	14	2	11				1	1								
20	Утямышевы	3	1	1									2				
21	Уразгильдеевы	13	7	6								5					
22	Утягановы	3	3	3													
23	Уразаевы	4		2	2												
24	Файзуллины	5		5													
25	Чанышевы	28		11									2	3			
26	Эдилерские	3			1								1				
27	Юнусовы	9	4	2													
28	Яушевы	30	19	1	1						1		2				
29	Туляковы	1															
30	Замановы	4		1						2			1				
31	Яппаровы	4												3			
32	Сакаевы	2															
33	Бурнашевы	1	1														
34	Давлетьяровы	1															
	Итого:	265	34	158	13	1	2	1	1	2	1	5	12	7	1	1	1

Геральдическая комиссия:

1. Еникеев Ренат Ахметович – председатель.
2. Чанышев Рашит Мингарифьянович – секретарь.
3. Терегулов Айрат Шарафутдинович – член комиссии.

Совет старейшин – в лице одного представителя от каждого рода.

На сегодняшний день в Меджлисе мурз состоит 265 членов из 34 родов, проживающих в 30-ти городах России, Ближнего и Дальнего зарубежья.

Геральдическая комиссия с начала деятельности работала 8 раз:

1. Февраль 2005 г. – принято 76 членов.
2. Июнь 2005 г. – 48 членов.
3. Декабрь 2005 г. – 22 члена.
4. Февраль 2007 г. – 45 членов.
5. Сентябрь 2007 г. – 24 члена.
6. Март 2008 г. – 14 членов.
7. Ноябрь 2008 г. – 9 членов.
8. Ноябрь 2009 г. – 26 членов.

Геральдическая комиссия работает с участием совета старейшин.

По причине потери корней, отсутствия документов и не относящиеся к Роду мурз, отклонено 33 прошения.

Продолжение Таблицы 1.

Новосибирск	Башкирия	Тольятти	Сочи	Караганда	Й.-Ола	Пермь	Алма-Ата	Ташкент	Самарканд	Франция	Австралия	КНР	США	Ульяновск	Киров	Агрыз	Англия	Всего
19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
												3						23
																		5
							1											13
																		5
																		1
																		7
																		1
																		2
																		1
																		1
																		1
							5					5						10
																		3
																		1
1													3					53
	1																	1
					1													1
							3			1								11
	1																	14
																		3
														2				13
																		3
																		4
																		5
			1								11							28
																	1	3
							5				2							9
		1		4											1	1		30
	1																	1
																		4
						1												4
								1	1									2
																		1
	1																	1
1	4	1	1	4	1	1	14	1	1	1	13	8	3	2	1	1	1	265

Меджлис начал работу с сентября 2003 года. Члены Меджлиса, которые ушли из жизни, внесены навечно в ряды Меджлиса с 2003 года.

1. Апанаев Мурат Ибрагимович (1930 – 23/VIII/2007) – ветеран труда из семьи репрессированных.

2. Замалетдинова-Еникеева Найля Рафаэловна (1975 – 13/X/2005).

3. Еникеева Амина Усмановна (1928 – 1/VII/2008) – ветеран труда.

4. Еникеев Рашид Ибрагимович (1928 – 1/VII/2008) – участник ВОВ, кавалер ордена Отечественной войны II степени и многих орденов и медалей, ветеран 3-да «Радиоприбор».

5. Еникеев Амирхан Никмаджанович (1909 – 16/II/2000) – писатель, участник ВОВ, на фронте писал на татарском языке и читал свои произведения солдатам, тем самым согревал души бойцов. Принят в Меджлис в честь 100-летия со дня рождения.

6. Чанышев Ахат Абзалович (1931 – январь 2005) – ведущий специалист в текстильной промышленности.

7. Чанышева-Сухова Светлана Гареевна (1940 – 13/VII/2007) – инженер-проектировщик.

8. Яушева Разия Мухаметовна (1923 май – 2007) – хирургическая сестра на фронте, кавалер ордена Отечественной войны II степени, награждена многими медалями, в том числе медалью Жукова.

9. Яушев Энгель Гарифович (1924 – 4 февраля 2009) – участник ВОВ, ВМФ, имеет боевые медали, в том числе за победу над Германией. Из семьи репрессированных, имена которых высечены на памятнике среди 1500 фамилий на Архангельском кладбище.

Таблица №2. Численность членов Меджлиса татарских мурз РТ на 1 апреля 2010 г.

№	Горда и регионы	Количество
1	Казань	158
2	Города и районы РТ	28
3	Москва и Московская область	12
4	Санкт-Петербург и Ленинградская область	7
5	Ессентуки	1
6	Дальний Восток	1
7	Екатеринбург	1
8	Новосибирск	1
9	Республика Башкортостан	4
10	Тольятти	1
11	Сочи	1
12	Караганда	4
13	Йошкар-Ола	1
14	Пермь	1
15	Алма-Ата	14
16	Ташкент	1
17	Самарканд	1
18	Франция	1
19	Австралия	13
20	КНР	8
21	США	3
22	Киров	1
23	Лондон	1
24	Ульяновск	1
Всего		265

Меджлис ведет работу согласно своему уставу. Проводятся советы старейшин родов; один раз в год проводится валовый сбор с собрания Меджлиса.

В заключение хочу выразить глубокую признательность от имени всего Меджлиса Минти-меру Шариповичу Шаймиеву за понимание и выделение помещения Меджлису.

М.А. Усманов

Приветственное слово

Хәерле көн, кадерле милләттәшләр, хөрмәтле кунаклар!

Элегрәк, ягъни дөнъялар «нормальный» вакытта, морзалар гел татарча сөйләшкәннәр, аннан соң башкачарак юлдан киткәннәр. Шуны һәм кайбер татар булмаган кунакларның да монда булуын исәпкә алып, мин үз чыгышымны һәм Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе исеменнән әйтеләчәк котлау сүзләрен рус телендә житкерергә булдым.

Уважаемые гости, коллеги! 25–30 лет тому назад если, исходя из источников и литературы, кому-либо задашь вопрос «Ваш род из мурз?» – они, как правило, отрицали это. Но в последние десятилетия пошел обратный процесс. Не только прямые потомки мурз, но и «побочные» родственники стали с определенной гордостью заявлять, что они из мурз. На это были различные реакции. Я, как историк, это должен отметить. Одни это приветствовали, другие ухмылялись: «Вот, нашлись чабаталы морзалар!». Но я считаю, что этот процесс является очень серьезным, историческим процессом. Дело в том, что мурзы в течение нескольких столетий нашей истории, как высшее сословие и господствующий класс, занимали особое положение и оказывали сильное

влияние на развитие общества, его культуры. Так было, когда все сословия и классы сосуществовали «нормально».

Здесь возникает и другой вопрос: «А потом как стало?» В 90-х – начале 2000-х годов наши некоторые национальные лидеры из общественного движения стали заявлять: «Мы, татары, как нация сохранились благодаря нашей религии, благодаря нашему духовенству». Да, в определенной степени это так. Но возникает вопрос: как сохранились, как подошли к началу XX века, в каком положении, на каком уровне оказалось социально-культурное развитие? Думаю, мне не стоит здесь подробно вам рассказывать о жалком положении татарского общества в XVI – первой половине XIX столетий. Лишь в начале XX века, благодаря развитию капиталистических, буржуазных отношений, появлению нового господствующего сословия – купечества, татарский народ и татарская культура получили известное развитие, которое иногда образно называют Татарским Ренессансом. И здесь, безусловно, выдающуюся роль сыграло, прежде всего, наше купечество, которое заботилось о развитии культуры, в особенности школьного образования и т.д. А как было до этого? Было очень печальное положение по той простой причине, что у татар, начиная со второй половины XVI века в течение XVII–XVIII столетий высшее, господствующее сословие – землевладельцы, в том числе и мурзы, почти полностью исчезли, особенно на территории Среднего Поволжья. В качестве представителей сословия, небольшое число мурз сохранилось лишь в Пензенском, Тамбовском, Касимовском и т.п. краях, а в остальных местах их земли были захвачены, отобраны колонизаторами. Они превратились, образно говоря, в мурзы-лапотники («чабаталы морзалар»), т.е. в обычное крестьянство. Такое положение этого сословия способствовало тому, что культура стала развиваться слишком однобоко. После исчезновения сословия мурз духовенство становится практически единственным господствующим сословием. Духовенство, разумеется, тоже заботилось о культуре, но оно по своей природе, как представители всякой религии, отличались консервативностью, что является естественным атрибутом, более того, необходимым качеством духовенства вообще. Ибо они заботятся прежде всего о конфессиональной части культуры. Развитие светской культуры получается в результате деятельности прежде всего светских высших сословий. Если светских высших сословий нет, то светское развитие всего общества приостанавливается, консервируется, не получается полноценного развития. Иначе, образно говоря, из кисти, лишенной двух-трех пальцев, не получится нормальный кулак...

Татары, как и другие народы России, к началу XX столетия пришли именно в таком положении. Почему здесь я об этом так подробно говорю? Говорю потому, что если мы хотим полноценнее, объективнее знать историю своего общества, своего народа в целом, то мы должны знать духовную, материальную культуру не только крестьянства, пролетариата, т.е. низших сословий, но и высших сословий общества. Без этого полноценной нормальной культуры нет вообще. Приведу лишь один пример. Мы в советское время привыкли утверждать, что подлинная культура – это культура крестьянская, пролетарская и т.д. Но когда требовалось проиллюстрировать это, показать результаты высокого развития культуры России, то обращались не к бедным крестьянским хижинам, лаптям или частушкам, а, как правило, обращались к Державину, Пушкину, Юсуповым, показывая их дворцы, быт, образ жизни, творческое наследие и т.д. То есть обращались к «продукции» материально-духовной деятельности высшего, господствующего сословия. Говоря так, я несколько не хочу отрицать значение изучения культуры народных масс, низших слоев. Я за изучение истории всех сословий и классов, без каких-либо дискриминаций.

Если у нас, татар, многое не сохранилось, то это потому, что само высшее сословие не сохранилось, вернее было разгромлено, полностью разорено. Если мы хотим знать культуру, историю своего народа, то мы должны знать историю всех сословий, в том числе дворянства и мурз. А в дальнейшем и купечества. Поэтому данная конференция в нашем представлении является весьма актуальной, нужной, своевременной. Ибо без изучения истории деятельности наших предшественников в широком смысле слова, в т.ч. мурз, мы не сможем полноценно осмыслить, осветить историю народа в целом.

Поэтому от имени Академии наук Республики Татарстан, от имени ученых, являющихся членами этого сообщества, от своего имени желаю больших успехов в работе этой конференции. И очень хочется, чтобы некоторые научные доклады в качестве статей были опубликованы на страницах главного печатного органа Академии наук Татарстана – журнала «Научный Татарстан». Я надеюсь на такое дальнейшее сотрудничество и желаю вам успехов и всех благ.

Спасибо за внимание!

Р.З. Бикбов

Приветственное слово

«Әссаламу галайхим ва рахматулла, ва барәкәтү».
Кадерле морзалар, кадерле дуслар, кадерле кунаклар, хәерле иртә!

Уважаемые участники сегодняшней конференции, позвольте Вас поздравить с поистине историческим событием, потому что до сегодняшнего дня в таком статусе и в таком варианте и мурзы, и ученые не собирались, чтобы обсудить эту серьезную тему. Сейчас мы выслушали очень краткий, но очень внушительный экскурс в историю, но я хотел бы обратить ваше внимание на тему: «Татарские мурзы и дворяне: история и современность» и на связь истории с современностью. Очень важно знать историю, но еще важнее – как связать историю с сегодняшним днем. Когда мы говорим о дворянах и мурзах, то мы обычно представляем такой обобщенный образ прекрасно воспитанного, великолепно образованного человека, благородного, с высоким достоинством. Вы, наверное, думаете, что я описываю человека будущего. Но это не так. Сегодня мы должны не только гордиться своим происхождением, но и уметь воплотить в жизнь то, что когда-то сделано нашими предками; не только сохранить, но и приумножить качества человека, о котором я сейчас вам говорил. Я благодарю организаторов за приглашение на эту конференцию, потому что я получил удовольствие уже вчера вечером, когда встретился и со своими старыми знакомыми, и приобрел новых друзей, так что уже вчера, состоялась некая конференция. Только ради вчерашнего дня я был готов приехать на эту конференцию, потому что в моем архиве появились новые, совершенно уникальные данные. В частности, я получил фотографии прямых потомков Агафуровых, которые сегодня живут в Японии. Одну из них будет возможность опубликовать в статье. Агафуровы – это купцы, которые сделали очень многое в конце XIX – нач. XX вв. наряду с такими купцами, как Рамиевы, Хусаиновы, Апанаевы. Вероятно, их род уходит корнями к мурзам, потому что эти люди были благородными, высокообразованными, очень много сделавшими для татарской нации, чтобы она развивалась.

Дорогие друзья, уважаемые участники! Позвольте пожелать всем участникам конференции серьезной и успешной работы! Доклады, которые сегодня будут выслушаны, обязательно должны быть опубликованы. Эта конференция – некий этап изучения истории и умение приложить их к сегодняшнему дню. Всем мурзам успехов и крепкого здоровья! Я видел светящиеся глаза, так же, как и вчера, когда мои знакомые рассказывали о своих родословных, о новых исследованиях, о своих находках.

Р.М. Нугманов

Приветственное слово

Добрый день! Я хотел бы поблагодарить Меджлис за приглашение на очень важное событие в моей жизни, точно так же, как то событие, когда я и члены нашей семьи узнали наше происхождение, это событие произошло не так уж давно. Мы живем в удивительное время, в романтическое время, наш дед Илам-Гирей во время гражданской войны был вынужден увести всю свою семью в Среднюю Азию. У нас была очень большая семья, и наш дед, который прекрасно читал по-арабски (у него была богатая библиотека), всегда писал, сочинял музыку, играл на скрипке. Работал сапожником и все это время скрывал свое происхождение и своих детей по всем нам известным причинам. Одно очень настойчиво внушал: чтобы не забывали и не теряли фамилию. Я думаю, пришло время и восстанавливается справедливость, потому что дворянство – это неотъемлемая часть не только татарского народа, это неотъемлемая часть истории всего общества, народов, которые живут на евразийском пространстве тесно переплетаясь. Совершенно справедлива та истина: что тот народ, та страна, которая забывает свою историю, искажает ее – не имеет своего будущего. И поэтому то, что происходит сейчас и в эти минуты – вполне естественное и неизбежное явление, потому что, как мы надеемся, будем жить и процветать, поэтому мы обязаны восстановить истину нашей истории. Я приехал сюда, чтобы напитаться этой историей. В

своей деятельности – я режиссер, но всю свою жизнь меня интересовали наши корни, история наших стран – в частности Казахстана, где я родился и вырос, когда-то я немало время посвятил творчеству и охране культуры Татарстана, а также с моим братом, присутствующим здесь, мы объездили огромную территорию Казахстана, открыли более 500 артефактов. Их мы издали в АН Казахстана. Татарстан, безусловно, это наша родина, наши корни, и я безмерно счастлив быть здесь, открывать для себя все это и действительно благодарен тому времени, которое пришло и которое позволило нам быть свидетелями и активными участниками. История восстановления фактов, места дворянства в жизни страны это не единственная функция Меджлиса. Вот как говорил выступающий до меня: «Современность и будущее – это необходимые составляющие работы Меджлиса». Я это запомнил. Мне немножко было обидно, что заявленный представитель Президента не присутствовал, правда, по важным причинам. Жаль: это тоже был бы некий знак того, что все люди, члены Меджлиса ощущают свою нравственную ответственность перед судьбой страны, и их участие в жизни страны было бы весьма ценным. И мечтал увидеть в своей жизни, что это осуществилось. Спасибо!

Г.Г. Гагарин

Приветственное слово

Президент Российской генеалогической федерации, председатель Историко-родословного общества России С.В.Думин огласил приветствие Предводителя Российского Дворянского Собрания князя Григория Григорьевича Гагарина.

Многоуважаемые господа, дорогие друзья!

Руководство Российского Дворянского Собрания сердечно приветствует Вас, собравшихся для участия в научно-практической конференции «Татарские мурзы и дворяне: история и современность».

Тема конференции является весьма актуальной в нынешний год – 225-летия Жалованной грамоты дворянству Императрицы Екатерины II и в преддверии 400-летия окончания Смутного времени, восстановления Российской государственности и призвания на царствие Династии Романовых. Сегодня, когда Россия все еще находится в переходном состоянии, фактически на распутье, когда все средства информации буквально-таки забиты не лучшими образцами западной массовой культуры, когда демографическая ситуация стала критической – особенно важно не забывать и славную и героическую историю нашего Отечества, и историю, и родословные корни своих предков, и историю, и родословие представителей служилого сословия, главной задачей которого веками была защита своей страны, которые создавали величие и славу Российской Державы.

Проводимая конференция является реальным подтверждением того факта, что Российское Государство на протяжении столетий создавалось творческими усилиями всех населявших его народов, что в состав первого сословия России естественным образом включалась национальная элита. Издавна в числе государевых служилых людей были и благородные татарские мурзы, совместно со всем российским дворянством, российской аристократией верно служившие Государю и Отечеству на военном и гражданском поприще, совместно созидавшие единую великую Державу.

Тема настоящей конференции представляется весьма значимой и потому, что в непростые времена, уже которое десятилетие переживаемое Россией, очень важно утвердить в обществе, у наших современников чувство личной сопричастности к истории нашей страны, к тому, как будет развиваться ее будущее. А это невозможно без ясного понимания вклада каждого народа, его национальной элиты в создание и развитие единой Державы. Без этого не достичь ни необходимой исторической преемственности государства и поколений, ни уважения к истории своего Отечества, к Вере предков, ни понимания и уважения к традиционным нравственным ценностям.

Считаю весьма важным участие в конференции делегации Российского Дворянского Собрания, в том числе Меджлиса Татарских Мурз. Мы, отмечу, гордимся, что в состав единого Российского Дворянского Собрания, которое, как и традиционно российское дворянство, является

союзом многонациональным и многоконфессиональным, входит Меджлис Татарских Мурз, объединение исторической татарской аристократии, которое за последние 15 лет стало весьма авторитетной и значимой организацией. Деятельность Меджлиса по восстановлению истории своей земли, истории и генеалогии татарских родов, по их объединению, многочисленные культурные и благотворительные акции, изданием собственной сословной газеты – все это является важной составной частью деятельности Российского Дворянского Собрания в целом.

Желаю участникам научного форума успешной работы и интересных докладов, полезного взаимного общения. Уверен, что проводимая конференция будет способствовать главному – сохранению исторической памяти о величии России и о людях, создавших великую Державу, а это, в свою очередь, даст и нам силы продолжать их дело: обустраивать, крепить, любить и беречь нашу Родину.

И.Р. Утямышев

Приветственное слово

Хөрмәтле морзалар! Хөрмәтле конференция кунаклары!

Мин бүген монда килүемә бик шатмын. Бу – энием туган яктар. Мин үзем дә монда тудым, минем ата-бабаларым да шушы туган яктар. Шуның өчен дә без бик шат. Төрле жирдән килгән кунакларга бик зур рәхмәт әйтәбез һәм сезне бик зур бәйрәм белән тәбриклибез.

Уважаемые коллеги! Сегодня мы рассматриваем все проблемы, вопросы на высоком научном уровне, потому что это очень почетная конференция, настоящая, академическая, на уровне Академии наук Татарстана. Рассматриваем важную проблему истории и развития роли татарского дворянства на современном этапе. Говоря о дворянстве, следует отметить, что дворянство сформировалось многие и многие века тому назад. Татары – это один из крупнейших тюркских этносов, я хотел бы даже сказать образующийся тюркский этнос, который ведет свою историю с истории гуннов, а там, видимо, тоже были знатные люди, кровь которых течет и у нас. Но это, как говорится, история и мы ничего уже не можем доказать. Этнос внес большой вклад в целую мировую цивилизацию. Была сокрушена Великая Римская империя и история стала развиваться по-новому. Затем была вторая волна, ровно через 800 лет, это – эпоха великого Чингиз-хана, который консолидировал многие евразийские народы и опять же тюркский этнос. Татарский народ играл решающую, ведущую роль в мировой политике. Напрашивается вопрос: «800 лет прошло?». Наверное, что-то должно произойти и, как говорится, без нашего участия. Вы сами видите, что творится в мире.

Дворяне это не те люди, которые в силу своих каких-либо физических сил смогли вырваться вперед, это те люди, которые в исторические эпохи смогли консолидировать народ, племена в единое целое и повести за собой, которые, в свою очередь, проявляли активность, пассионарность, жертвенность. Это проявлялось из поколения в поколение. Конечно, история татарского дворянства трагична. В России существуют два народа, которые создали некий суперэтнос – это татары и русские. Славянский и татарский этносы, начиная еще с древнебулгарского периода, тесно контактировали. В жилах многих русских течет татарская кровь. Российское дворянство много чем обязано своим происхождением татарам. То есть этот «ручей» никуда не исчез, просто он проявился в другом поколении.

Слов нет, печально сложилась судьба татарских мурз, князей и дворян, которые вынуждены были уйти в деревни, в леса, создать новые поселения, но, тем не менее они не покорились и сохранили свой язык, религию и историческую память. Это – великий подвиг, сподвижничество. Записывались при этом крестьянами, но все равно они сохранили свой боевой дух, память предков, они были лидерами и поэтому, несмотря на такие тяжелые условия, наш народ сохранился, потому что роль народа велика, если еще взять и золотоордынский период. Это был консолидирующий тюркский этнос, который объединил все это огромное пространство. Видимо не потому, что все мы приходим из одной языковой группы, а потому, что все-таки в определенный период времени все эти народы говорили на одном общем языке, который являлся основой современного татарского языка. Говоря о татарском дворянстве, следует упомянуть, что эти мурзы, оставаясь в деревнях, не покорялись, многие переходили в духовенство. По большому счету, у татар не было

крепостничества, они так или иначе оставались вольным народом. Скажем, моя деревня Маскара – известное поселение, которое являлось духовным центром с мечетями. Там были известные на весь регион медресе и мечети. И мурзы, выходцы из этой деревни, стали купцами, они построили много школ, развивали промышленность. То же самое можно сказать и о других поселениях. Например, Ташкичу в Арском районе, с которым связано имя Шигабутдина Марджани. По воле судьбы, я имею родство с этим великим человеком. Я хочу сказать, что татарская деревня – это истинный хранитель национального языка. Я ежегодно езжу в деревню Маскара, езжу в Кукмор, где проводятся конференции школьников, и район преимущественно татароязычный. Тем не менее, представители всех народов говорят на чистейшем татарском языке. Это такой островок, где сохранился язык. И вот это надо всячески развивать, чтобы создать сеть ВУЗов на национальных языках, это будет способствовать и сохранению языка и, в первую очередь, будет способствовать сохранению специалистов и населения, которые проживают там. Это необходимо, чтобы не было миграции в другие регионы.

Хотелось бы отметить: носить титул дворянина, титул мурзы, князя – очень почетно, но это великая обязанность, потому что, как и любой ранг, как и любое звание, надо его с годами подтверждать и в поколениях, и при жизни, потому что мы обязаны сделать все для нашего народа, для сохранения его великой культуры. Татары, я еще раз отмечу – это государствообразующая нация. Это, возможно, из области фантазии, но возможно, если бы татарский язык был признан вторым государственным языком. То, что я говорю, это не в пределах каких-либо крамольных заявлений. Если ислам был бы признан такой же официальной религией, Россия позиционировалась бы и как великая исламская страна. Тогда у нас не существовало бы многих проблем, как в рамках СНГ во взаимоотношениях с нашими тюркоязычными братьями, так и с другими исламскими странами, были бы решены многие проблемы на Кавказе. Но, может быть, я несколько фантазирую, но это было бы, мне кажется, достаточно интересно. Хотелось бы еще раз поблагодарить всех участников конференции, что они нашли время и возможность приехать в Казань. Мне кажется, что участие на таких высокоуровневых Собраниях – это наш долг. Хочу пожелать Вам успехов в этом непростом и благородном деле!

Доклады

Ф.Я. Уразаев

Родословная тюрков-татар: мировоззренческий аспект

Родословная – это механизм передачи информации от поколения к поколению, возможность расширения взаимодействия человека с окружающим миром во времени и пространстве, формирование в себе принципов созидательного начала. Родословная – это логика развития культуры.

Именно непрерывность сохранения и развития культуры позволяет говорить о непрерывности истории народа.

Культура – важнейший социальный регулятор. Через культуру можно объяснить как падение, так и взлет государства, исчезновение и появление цивилизаций. Через культуру можно понять место общества в мировой истории [1, с.38].

Важным компонентом этнокультурного развития нации Ю.Бромлей в своих трудах называет этнические стереотипы, которые позволяют ему ориентироваться в культурном и социальном пространстве и времени [2, с.177].

Родословная тюрков-татар, культивирующая передачу информации от поколения к поколению по мужской линии, в историческом плане отличается, допустим, от культуры других народов, передающих свое родословное начало по женской линии. Даже эти различия позволяют говорить о том, что на уровне «архитипа» [3, с.53] конструкция мировоззренческих аспектов у тюрков-татар имеют свои особенности в формировании культурной матрицы нации.

Подобная структура этнического сознания зародилась и формировалась в длительном процессе развития первобытных родовых коллективов, которые являлись коллективами, объединявшими, как правило, кровных родственников. Постепенно кровно-родственные коллективы трансформировались, превращаясь в более крупные и структурно более сложные образования, становясь частью более крупных этнополитических и этнокультурных коллективов. По мере развития эти общности стали осознаваться скорее как языково-культурные, а не кровно-родственные, но при этом не утратили свой интеграционный потенциал, преобразуясь в современные нации со сложной и многоуровневой структурой «идентификаций» [4, с.103].

Дальнейшее развитие родословной системы тюрков-татар в историческом плане связано с образованием родовых Джиенов [5, с.73].

Джиен, будучи родовым собранием, был в определенное время самым значимым праздником татарского народа, решая кроме задач объединения всех членов общины, еще и социально-экономические проблемы общества, прежде всего, вопросы создания новых семей, выделения земельных угодий, строительства новых домов, избрание главы рода и многие другие проблемы. Этот праздник имеет древние исторические корни, уходящие в глубь столетий. Достаточно отметить, что еще в китайской хронике «Вэйшу», относящейся к концу VI века, предки тюрков ежегодно весной (конец мая и начало июня) при реке приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам и, используя жертвоприношения, ... собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения...» [6, с.49–50]. Подобные родовые собрания и праздники, как показывают различные исторические источники, существовали у различных тюрко-татарских народов. Все они с одной стороны были связаны с мифологией и картиной мира народа, а с другой – имели связь с календарным годовым циклом жизни и хозяйствования [7, с.47].

Кочевая культура тюрков-татар, регулируемая календарным годовым циклом, позволяла сохранить динамизм развития общества во времени и пространстве, основываясь на принципах родословной, способствовала возникновению мощной государственной системы. Ярким примером этого являлась Золотая Орда Чингисидов. Официальное название этого государства «Улус Джучи» [8, с.8].

К высшему слою элиты Золотой Орды относились потомки Чингиз-хана. Прежде всего, они составляли правящую верхушку аристократии. При этом Чингисиды могли претендовать на

ханский престол. Представители других родов были лишены возможности стать главой государства.

Основы такого положения были заложены Чингиз-ханом. В политической традиции кочевников Великой Степи власть монарха и его рода была тесно связана с представлениями о сакральном характере [9, с.7] главенства в государстве. В качестве одной из иллюстраций В.Трепавловым приводится надпись на печати каана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246 г.): «Силою вечного Неба беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык» [10, с.65].

За словами «силою вечного Неба» можно увидеть, что в древних тюркских государствах хан, формируя сакральное начало, в одном лице представлялся предводителем рода и заместителем всевышнего на земле.

На этом месте, откладывая на время изучение сакрального начала тюрков-татар, обратим внимание на формирование социальной структуры Золотой Орды. Изучение этой структуры государственной системы татар позволит нам в дальнейшем более достоверно раскрыть изучение сакрального начала в тюрко-татарском мировоззрении.

В своей монографии «Общественный строй в Золотой Орде» Г.Федоров-Давыдов социальную стратификацию Джучиева Улуса описывал следующим образом: «Во главе всех чингизидов в XIII в. выступал каган (каан). За ним в иерархической системе следовал хан – глава какой-либо основной чингизидской ветви... Следующую ступень занимали царевечи-чингизиды – потенциальные претенденты на трон. В военном плане они, как правило, являлись командующими 10-ти тысяч воинов – темниками и возглавляли соответствующие улусы. Далее следовали нойоны (беки, эмиры) – темники не чингизиды. Ниже них числились нойоны или эмиры – тысячники»... [9 с.6–7], сотники и десятники. Руководство страной было сосредоточено в руках дивана, местное управление сосредоточивалось в руках областных правителей, тесно связанных с центральной администрацией, подчиненных центральному аппарату – дивану – совету при хане, состоящему из эмиров (из четырех бекларибеков). Руководство делами военного характера осуществлялось через бекларибеков (Аргынов, Барынов, Ширинов и Кипчаков). В данной военизированной системе были использованы представители национальной аристократии и других народов.

Ф.Хузин в своем исследовании «От хуннов до Казанского ханства: о преемственности культуры, социальной структуры и административно-политического устройства тюрко-татарских государств» эту тему раскрывает следующим образом: «По данным крупного источниковеда и исследователя раннетюркских государств С.Кляшторного (1983), верхушку хуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанные между собой брачными отношениями, и глава государства выбирался из самого знатного из четырех родов. Есть некоторые основания говорить о том, что суть такой системы сохранилась и позднее – существование в Улусе Джучи и постзолотоордынских государствах клановой системы, включающей четырех (как правило) или более знатных родов, представители которых занимали важные государственные посты, доказано убедительно» [11, с.268].

Данная постановка в труде С.Алишева («Болгаро-казанские и золотоордынские отношения») закрепляется следующим образом: «По свидетельству Ибн-Фадлана, секретаря Багдадского посольства в Камско-Волжском Болгарстане в 922 году, царь болгар Алмас (Алмуш) «послал для нашей встречи четырех царей, находившихся под его властью». Когда их призвали в палату, эти «цари были с правой его стороны. Здесь мы наблюдаем, сохранность тех традиций, которые были присуще и в устройстве государственной системы хуннов.

Традиция деления территории государства (тюрков-татар – У.Ф.) на две стороны (левая – западная, правая – восточная; левое крыло, правое крыло), а ее население на тумени, которыми управляли «начальники над десятью тысячами всадников» ... восходят к хуннскому времени [11, с.268].

Доктор исторических наук Г.Давлетшин, описывая стройную государственную структуру древних тюрков (хуннов – У.Ф.), проживавших в III веке до н.э., фиксирует следующее: «Во главе государства стоял Шаньюй (могущественный предводитель рода, владеющий всеми правами). Он в одном лице аккумулировал в себе верховную государственную и духовную власть, состоящую из 24 родов, которые в свою очередь были равномерно разделены на два крыла, включающие по 12 родов.

Власть переходил по наследству от отца к сыну. Главный собор для моления находился в ставке (в орде хана) Шаньюй» (перевод с татарского) [12, б.19].

Данная информация дает нам основание предполагать, что в древнетюркском мировоззрении знание своей родословной до 24 колена по мужской линии было необходимым условием.

В мировоззрении тюрков-татар родословная (шежере) имело не только социально-культурное значение в развитии общества, но и способствовало регулированию биологических особенностей в человеческой природе. Заключение брачного союза – никах – запрещался до 7 колена. На уровне 3 колена происходит кровосмешение, приводящее к тяжелым физиологическим последствиям, с представителем последнего он разрешался, поскольку он – «ете ят» [13, с.170] – в переводе 7-е поколение – чужое, не кровнородственник.

С принятием ислама знание родословной до 7 колена по Корану считалось богоугодным делом. В государственной системе Золотой Орды духовное начало отошло в руки наследников пророка Мухаммеда (сеидам – У.Ф.), оставляя Чингисидам только социально-государственную структуру.

В своих трудах этнолог Д. Исхаков, обращаясь к высказыванию С. Герберштейна и раскрывая эту тему, фиксирует следующее: сеидом именуют «верховного жреца татар» [14, с.3] в Казанском ханстве. Автор также приводит по этому вопросу высказывания Г. Петряковича. По его мнению, «значение сеида в Казани было большое: в отсутствии царя (т.е. хана – У.Ф.), при сношении с другими государствами он становился «в головах»; когда цари казанские или тамошние князья сносились с Россией о делах чрезвычайной важности, что нередко в таких случаях они прибегали к посредству этого духовного сановника...

В случаях, когда интересы аристократии ханства расходились с позицией сеида, первые могли физически расправиться с высшим духовным лицом» [14, с.5].

Как видим, сеиды, считавшиеся потомками пророка Мухаммеда в позднезолотоордынских (татарских) государствах, хотя и образовывали особую группу мусульманского духовенства, однако, их взаимоотношения с Чингисидами не всегда были однозначными.

Также нужно указать и на некоторые чисто «механические» казусы, возникшие с географическими особенностями данного региона при исполнении исламских нормативов. В связи с этим в Поволжье, в первую очередь среди татар, Ислам, безусловно, имел свои особенности. «Даже географическое расположение этого региона уже предполагает нюансы в совершении некоторых мусульманских обрядов. Так, Ибн-Фадлан с удивлением обнаружил невозможность совершения пятикратного намаза по классическим канонам, поскольку в короткие летние ночи (в июне – день летнего солнцестояния – У.Ф.) последний намаз (Ясту) болгары-мусульмане вынуждены были совмещать с предпоследним (Ахшам).

Позднее для татарских ученых канон пятикратного намаза стал одной из самых сложных богословских проблем. Споры, развернувшиеся вокруг нее, продолжались в течение многих веков» [15, с.7].

В наших исследованиях изучение исламского начала в жизни тюрков-татар подталкивает нас еще раз обратить внимание к «сакральному» в древнетюркском мировоззрении. Оно, в отличие от мусульманского, обеспечивало предводителю рода легитимность и возможность одновременно быть наместником всевышнего на земле. Целостность восприятия, в данном контексте, обеспечивали родовые Джиены. Связанные с календарным годовым циклом жизни и хозяйствования, они играли в этом процессе ключевую роль и проводились в период летнего солнцестояния. Об этом свидетельствует информация секретаря Багдадского посольства Ибн-Фадлана о посещении им Камско-Волжской Булгарии в 922 г.: «16 мая (по старому стилю – У.Ф.), в четверг, состоялось торжественное облечение царя болгар властью... Далее состоялось торжественное чтение писем халифа... Чтение писем царь (булгар) и все присутствующие, по приглашению Ибн-Фадлана, выслушали стоя... После описанных событий, приблизительно до середины июня, Ибн-Фадлан оставался в ставке царя... Царь болгар... в конце июня потребовал, чтобы болгарские племена отправились вместе с ним... к небольшой речке Джавшыр. Там (т.е. на Джиене – У.Ф.), по-видимому, должно было произойти окончательное всенародное принятие ислама» [16, с.86].

На формирование традиционной духовной культуры тюркских народов огромное влияние оказал древнетюркский культ Тенгре. Это – культ солярности, жизнь по биоритмам Солнца. Это были обряды, отмечающие изменения природного цикла, переход от одного года к другому. Эти праздники, являющиеся сами по себе целостной системой символов, принадлежали более обширным символическим системам, воплощенным в годовом цикле. Календарные народные обычаи и обряды заняли свое место как отражение традиционной культуры, как выражение национального своеобразия и самосознания тюрков-татар.

Первый календарный праздник тюрков-татар, связанный с годовым циклом жизни – Науруз [17, с.19]. В тюркском мировоззрении год начинался с периода весеннего равноденствия (март), который носил определение – ел сырты – хребет года (по восточному календарю в «первой луне»).

Второй календарный праздник тюрков-татар – Джиен. В мировоззрении тюрков с астрономической точки зрения соответствовал дате летнего солнцестояния и был неразрывно связан с представлениями о середине годового пути Солнца. Джиен, будучи родовым собранием, по восточному календарю проводился в «пятой луне».

Третий календарный праздник тюрков-татар – Сюмбеля. В древнетюркском астрономическом мировоззрении соответствует осеннему равноденствию (октябрь). В народном сознании сохранился как праздник урожая (Уңыш бэйрәме). По восточному календарю соответствует «седьмой луне».

Четвертый календарный праздник тюрков-татар – Нардуган. В древнетюркском астрономическом мировоззрении соответствует зимнему солнцестоянию (декабрь). В праздник Нардуган, когда день был самым коротким, а Солнце – Тенгре, по представлениям древних тюрков, уходило очень далеко, они молили Верховное божество скорее вернуться. Возвращение лучей Солнца они отождествляли с рождением дочери Солнца – Умай (Хомай). По восточному календарю это соответствовало «девятой луне в день У».

Таким образом, календарные праздники древних тюрков в соответствии с их представлениями первоначально проводились именно в самые важные, переломные моменты годового цикла. Для кочевой культуры, включающей в свою основу движение во времени и пространстве, эти циклы природы были путеводителем, своего рода биокомпьютером.

Период от «первой луны» (весеннее равноденствие) до «девятой луны» (зимнее солнцестояние) так же включает в себя сакральное начало и отражает цикл зачатия, созревания человеческого плода в утробе матери и рождение ребенка. Такое культовое мировоззрение у древних тюрков отождествляло возникновение божественного явления, то есть рождение человека и продолжение человеческого рода.

В христианской религии все 12 апостолов Иисуса [18, с.704], рожденные с 21 по 23 декабря в день зимнего солнцестояния, символизировали божественное явление. В этот день, когда Солнце в своей траектории относительно Земли в течение трех дней занимает горизонтальное положение, происходит стабилизация в вибрации магнитного поля Земли, которая приводит к качественному изменению структуры воды. Стирается негативная информация. Начинается новый этап времени по кругу. В христианстве этот ритуал обозначен акраплением воды.

В мистическом христианстве, как описывает Менли П.Холл в своей книге «Энциклопедическое изложение... символической философии», на церемонии Ордена Круглого стола, предводителем которого был Артур Великий, за круглым столом «обычно рыцарей... было либо двенадцать, либо двадцать четыре. Число двенадцать символизировало знаки Зодиака, а также число апостолов Иисуса» [18, с.704].

В исламе Ураза байрам каждый год по традиции передвигается на 12 дней вперед и в течение 12-летнего цикла возвращается по «скользящему графику» к исходной точке, начиная новый отчет времени.

Как видим, в разных монотеистических мировых религиях циклы природы в виде символов способствуют движению человека во времени и пространстве.

Календарь с 12-летним животным циклом, зародившийся среди кочевых народов Центральной Азии, также широко применяется среди тюркоязычных народов. С ним мы встречаемся в хронологии «енисейских памятников, орхонских надписей и уйгурских юридических документов» [17, с.9].

Тюркский календарь 12-летнего животного (зодиакального) цикла основывается на трех естественных показателях: месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде обращения Юпитера вокруг Солнца. Тюркские камы (жрицы) древних веков установили, что Юпитер делает полный оборот примерно за 12 лет. Так, в результате многовекового наблюдения за небесными светилами тюрки выявляли закономерности их движения, на основе которых создали лунно-солнечно-юпитерский календарь 12-летнего животного цикла. Кроме того, год делился на 24 сезона по 15 дней ($24 \times 15 = 360$ дней) в каждом.

По свидетельству Марко Поло, у золотоордынских ханов в XIII веке год рождения ребенка записывался по «животному» календарю. В официальных документах золотоордынских ханов встречаются датировки по хиджре, но год, помимо порядкового номера по хиджре, имеет еще указание на название по животному циклу. Годами цикла и хиджре датировались тарханские

ярлыки золотоордынских ханов Токтамыша, Тимур Кутлуга (последний был составлен в 800 г. по хиджре (1398, т.е. в год барса). В этой связи определенный интерес представляет ярлык хана Бердибека митрополиту Алексею (датирован 708 годом по хиджре, т.е. годом курицы) [19, с.11].

Летоисчисление по циклическому календарю употреблялось и в период Казанского ханства, даже после присоединения его к России. Такая система записи счета лет нашла отражение в литературных произведениях той эпохи: в произведении казанского поэта Мухаммедьяра «Тухфай мардан», а также в сочинениях «Таварихы Болгария» и др. [19, с.11].

В современной культуре татар сохранность календарных праздников, связанная с годовым циклом (Науруз, Сабантуй), еще раз доказывает силу древних традиций, имеющих свое особое значение в нашей повседневной жизни.

В заключение можно сказать, что древнетюркское мировоззрение, вобравшее в себе календарь годовых циклов жизни, как целостное явление, в течение веков способствовало неразрывному формированию виртуального мира тюрков-татар. В свою очередь, использование внутренней картины мира народа (мифологии) во времени и пространстве по родословной способствовало развитию культуры, позволяя гению человека формировать на этой основе государственные системы тюрков-татар.

Структурно она выглядела в следующей последовательности: родословная (шежере), родовые джиены, государственная система, передаваемая от поколения к поколению по мужской линии;

Схематично эту картину мира можно было бы охарактеризовать следующим образом:

хан, представлявший собой в одном лице предводителя рода и наместника всевышнего на земле, приобретаая сакральное начало, в мировоззрении тюрков-татар ассоциировался целостностью;

совет при хане (диван), состоящий из четырех эмиров – темников (бекларибеков), командующих 10-ти тысячами воинов, контролировал соответствующие улусы («даруги» – территории, пространства), что в мифологическом плане соответствовал четырем сторонам света во времени и пространстве (четыре традиционных календарных праздника в тюркском мировоззрении);

государственная структура тюрков-татар, состоящая из 24 родов, которые, в свою очередь, равномерно разделенные на два крыла (левое – западное и правое – восточное), включающие по 12 родов и календарь с 12-летним зодиакальным животным циклом в древнетюркском мировоззрении также является проекцией восприятия во времени и пространстве;

согласно древнетюркскому мировоззрению разделение времени года на 24 сезона и формирование 24 родов в пространстве, как государственная система, обеспечивала целостность восприятия.

При внимательном исследовании древнетюркских календарных праздников обращает на себя внимание их неразрывность с ритмами природы, человеческой деятельностью, с биоритмами человеческого организма.

Вышеописанное мировоззрение, являясь базисным элементом в культуре тюрков-татар, в течение веков на уровне архитипа обеспечивало их обществу – устойчивость, целостность и безопасность развития.

На сегодняшний день данная тема ученым сообществом изучена недостаточно. Надеюсь, что в будущем она найдет своих исследователей. Разрешите пожелать от имени участников нашей конференции успехов ученым Татарстана и России в этом важном деле.

Список использованной литературы

1. Хакимов Р.С. История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы // «Панорама-форум». – 1999. – №19. – Специальный выпуск.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.
3. Солдатова Г.У. Психология межнациональной напряженности. – М.: Смысл, 1998.
4. Тишков В.А. О феномене этничности // Ресурсы мобилиционной этничности / Отв. ред. М.Н.Губогло. – М.; Уфа, 1997.
5. Шарафутдинов Д.Р. Сабантуй – образ жизни народа. Научно-популярный очерк. – Казань, – 1997.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в срднеи азии в древние времена. – Т.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
7. Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. – Казань: Гасыр, 2004.
8. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009.
9. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009.

10. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. – М., 1993.
11. Хузин Ф.Ш. От хуннов до Казанского ханства: о преемственности культуры, социальной структуры и административно-политического устройства тюрко-татарских государств // Форум «Идель–Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.
12. Алишев С. Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.
13. Дәүләтшин Г. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан: Татар. китап нәшр., 1999.
14. Асфандяров А.З. Аулы мензелинских башкир. – Уфа: «Китап», 2009.
15. Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань: Издательство «Иман», 1997.
16. Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX в. – Казань: Издательство «Иман», 2000.
17. Шамси С. Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль. – М.: Изд-во «Мифис-Сервис», 1992.
18. Беркутов В.М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.
19. Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – СПб.: СПИКС, 1994.

Б.Р. Рахимзянов

Контакты Москвы с сибирскими Чингисидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку»

Захват Иваном IV Казани и Астрахани привел к тому, что Москва стала регулярно и напрямую контактировать с восточными линиями Джучидов: Ордаидами Бухары, Казахской Ордой, Шибанидами Ургенча, Бухары и Самарканда. Но более всего завоевание поволжских ханств отразилось на контактах Москвы с татарской элитой Сибири. Контроль над Казанью предоставил Москве, посредством камского бассейна, прямой доступ к отдаленным районам Сибири. В течение последующего пятидесятилетия Москва постарается взять все центры пушной торговли под свой контроль. Эти попытки приведут к естественному в данной ситуации конфликту с местной татарской знатью, которая на протяжении многих предыдущих десятилетий контролировала ресурсы региона. Как и в случаях с Казанью и Астраханью, Москва будет использовать как дипломатию, так и военную силу для установления своей гегемонии в регионе. Основная масса дипломатических усилий Москвы будет направлена на установление личных связей между московским царем и Чингисидскими правителями региона. Но в отличие от ситуации до взятия Казани, позиция, принятая Москвой, будет позицией безусловного превосходства [12, с.135].

Сибирская элита состояла как из пришлых Чингисидов (в данном случае Шибанидов), так и местных татарских аристократических кланов (бекской (княжеской) династии Тайбугидов).

В середине XVI в. в отдаленной Бухаре разворачивались события, которые могли помешать московскому продвижению на восток. В середине 1550-х гг. шибанидский хан Абдулла II пришел к власти в Зарафшанском ханстве. Намереваясь добиться большего влияния в Западной Сибири с целью развития бухарской торговли, Абдулла вооружил войско внука хана Сайид-Ибрагима («Ибака» рус. летописей) Кучума, который тогда находился вместе с ним в Бухаре, и направил его в кампанию для восстановления контроля над Тобольско-Иртышском бассейном [2, с.18–20; 3, с.187].

К середине 1560-х гг. кампания Кучума добилась значительных успехов. Он уничтожил Тайбугида князя Ядыгара (Едигера), подчинил себе некоторое количество других сибирских князей и вместе со своими сыновьями вскоре воцарился в государственном образовании, которое можно назвать «Сибирским ханством» [2, с.18–20; 7, с.91–94; 3, с.81–82, 187].

Восстановление шибанидской власти в слиянии Тобола и Иртыша привела русского царя Ивана IV Грозного и Абдулла II к прямому столкновению властных интересов за контроль над богатыми пушными ресурсами региона. В течение последующих сорока лет Шибаниды, Тайбугиды и люди Москвы (представленные в основном разношерстными группами казаков) ожесточенно бились друг с другом за контроль над данной территорией.

Успехи Кучума привели к тревоге в Москве. Они не только прервали выгодные взаимоотношения между Иваном IV и Тайбугидами, в Москве теперь уже опасались того, что Кучум, возможно, имеет планы на московские территории в Перми [7, с.92–93]. Поэтому, судя по всему, Москва решила воздействовать на Кучума дипломатическими методами, и в 1569 г. послала ему письмо. Несмотря на то, что само письмо не сохранилось, сохранился ответ хана на него.

В нем Кучум упомянул недавние военные столкновения между его людьми и людьми Ивана IV, и заявлял о своей готовности продолжить борьбу, если это потребует. В более спокойном тоне он вспоминал и мирные времена прошлого, когда их предки жили в мире и торговали друг с другом. Он говорил о неуместности вражды между сыновьями бывших друзей: «С кем отец чей был в недружбе, с тем и сыну его в недружбе ж быти пригоже; будет в недружбе бывал. Ино в дружбе и быти, кого отец обрел себе дру[га] и брата, сыну с тем в недружбе быти ли?» [8, с.52].

Кучум не праздно философствовал. Предки последнего сибирского хана и предки Ивана Грозного действительно были «братьями и друзьями» в свое время [6, т.41, с.81–83]. Шибанидский хан предложил восстановить «родственные» связи. Хотя текст местами поврежден, похоже, что сибирский хан предложил московскому правителю стать его отцом и/или старшим братом [8, с.52]. Примирительный тон Кучума может объясняться другим письмом, полученным им недавно от хана Абдуллы II из Центральной Азии, в котором говорилось, что Абдулла не в состоянии далее оказывать военную помощь Кучуму [10, с.247].

Вскоре между двумя сторонами было заключено соглашение. Хотя оно не сохранилось полностью, сохранившиеся фрагменты позволяют говорить о том, что сибирский хан вступил в эти отношения как подчиненное Ивану IV лицо. Документ, выданный Москвой Кучуму, назывался в московских источниках «жалованная грамота», а сам себя идентифицировал как – «ярлык». Оба термина, когда они употреблялись московской стороной, – «ярлык» и «жалованная грамота», – всегда употреблялись по отношению к документу, выданному от вышестоящего субъекта к нижестоящему [8, с.64]¹. К тому же, тон Кучума крайне почтительный, он неоднократно апеллирует к благосклонности Ивана. Посол Кучума утвердил документ в Москве, причем называл его «жалованный ярлык» [8, с.64–65].

После этого Москва восстановила свою экономическую и политическую гегемонию в регионе, установленную ею еще в 1550-е гг. после соглашения с князьями-Тайбугидами. Кучум должен был поставлять в Москву ежегодную «дань», состоящую из определенного количества мехов, в совокупности с некоторыми таможенными пошлинами. В качестве «благодарности» он мог оставаться в Сибири и получать «любовным жалованьем и доброю мыслию великое защищенье». Как результат всего этого, «всего твоего (Кучума. – *Б.Р.*) улуса людем безстрашное пребывание» было гарантировано Москвой [8, с.64].

При всем том почтительном тоне, который Кучум проявлял в данных соглашениях, в них нет ни одного упоминания о службе. Отношение Кучума к московскому правителю можно обозначить как «послушание». После того, как пакт будет разорван, Москва будет неоднократно припоминать Кучуму, как тот «послушен был», но потом «от его царского жалования отстал, и ... непослушником учинился» и «непослу[шание] чинил еси» [8, с.133]. В дополнение к терминологии, связанной со словом «слушать», Москва также использовала физическую метафору для констатации прежней «послушной» московскому правителю позиции Кучума – он, говорилось, ранее был «под царскою высокою рукою»: «А отец наш блаженные памяти тебя в своем царском жалованье держал под своєю царскою высо[кою] рукою» [8, с.133].

Вскоре пакт был разорван, и Кучум в период между 1580–1590-ми гг. вел постоянную, правда все более безнадежную борьбу против московского влияния в Западной Сибири. Первый удар по влиянию Кучума был нанесен в начале 1580-х гг., когда в регион были посланы московские казаки во главе с Ермаком. Вскоре они выбили хана из его укреплений в Кашлыке/Сибири [7, с.206, 238–239]. В своем письме к Кучуму от 1597 г. царь Федор Иванович вспоминал данную кампанию, говоря, что его люди вынудили его стать «казаком», лишив его ханства в Сибири [8, с.133]. В этом же году и сам Кучум будет горько вспоминать данные события: «А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не яз отдал, сами естя взяли» [8, с.130].

Кучум стал терять семью и своих последователей в результате стычек с московскими воеводами. Первым из родственников Кучума, попавшим в московский плен, был его племянник, султан Мухаммад-Кул б. Атаул («Махмет Кул»). В 1570-е гг. Кучум послал его против московских владений в регионе Перми. В 1582 г. он был предан Тайбугидами и передан в руки московских

¹ По поводу этих терминов подробнее см.: [9].

казаков, и силой привезен в Москву [7, с.238–239; 1, ч.2, с.90]. В Москве, однако, Мухаммад-Кул быстро помирился со своими захватчиками. Его имя мы встречаем в московских разрядных книгах в первый раз в 1585 г. при упоминании кампании против шведов, и очень вероятно, что «сибирский царевич», присутствующий при аудиенции польского посольства в 1586 г., является никем иным, как им [1, ч.2, с.90, 93].

В 1591 г. у озера Чили-Кула еще один из людей Кучума попал в московские руки. Это был его сын, Абул-Хайр б. Кучум. Как и его кузен Мухаммад-Кул, Абул-Хайр тоже согласился на сотрудничество с Москвой [4, т.11, с.18].

20 августа 1598 г. в плен попала большая группа жен, детей и внуков Кучума. В ней упоминаются 5 сыновей хана: Шаим (20 лет), Асманак (13 лет), Бибадшах (12 лет), Кумыш (6 лет), Молла (5 лет). Трое из них, Шаим, Бибадшах и Молла были упомянуты в письме от этого года от мирзы Бай Сеида к царю Федору Ивановичу. Он начал свое письмо с заверений о том, что отныне все в Сибири, «от мала до велика», отныне являются покорными слугами Москвы и что они не будут подчиняться людям Тюмени (а ими являлись Кучум и его последователи): «Сибирские земли все от мала до велика холопи твои» [8, с.129].

Он также просил о том, чтобы Москва уполномочила своих местных воевод на разрешение проезда торговых караванов вновь в/из Сибири к Ногаям и в Бухару. Заканчивал он свое письмо просьбой о том, чтобы три младших сына Кучума, находящиеся в московском плену, были бы отпущены в Бухару. Учитывая планы Бухары на гегемонию в регионе, сдача сыновей Кучума в руки хана Абдуллы II означала бы предоставление последнему потенциальных кандидатов на Шибанидскую реставрацию в Сибири. Мальчики остались в Москве [4, т.11, с.17–18, ссылки 31–34].

В этом же 1597 г. Кучум прислал письмо в Москву с запросом возвратить «Шаина» [8, с.130]. Возможно, им был его сын Шаим, отмечаемый в более поздних московских материалах. Еще некоторые из людей Кучума, а именно султаны «Канай» и «Иделин» (данные персоналии трудно идентифицировать) вероятно покинули его лагерь, забрав с собой «много людей»: «Со многими людьми пошли от тебя прочь» [8, с.131, 134].

Кучум терял не только своих людей, но и целые кланы. Одними из них были «жигатские мурзы», покинувшие его ради службы сыновьям казахского хана Уруса [8, с.128]. Мурза Чин, сын мурзы Иль Юсупова, покинул Кучума вместе со всем своим улусом ради службы московскому правителю [8, с.134]. Многие его давние сторонники из числа Ногаев и Тайбугидов также покинули его («отстали»).

Так как фортуна неотвратимо отворачивалась от него, Кучум сделал попытку помириться с Москвой. В 1593–1594 гг. он написал российскому царю Федору Ивановичу письмо, которое, к сожалению, не сохранилось. Два более поздних письма из Москвы Кучуму, впрочем, немного затрагивают его содержание. Кучум, очевидно, просил Москву «отдать» ему его юрт, освободить его племянника, и вновь определить его в «царское жалованье под царскую высокую руку» [8, с.131, 133]. Федор был готов даровать эти блага, по крайней мере, частично: «Хотели тебя пожаловати устроить на Сибирской земле царем, как было тебе быти в нашем царском жалованье вперед крепку и неподвижну» [8, с.133–134].

Примерно около 1597 г. Кучум написал свое второе письмо в Москву, вновь «прося» себе ханства, в этот раз уже конкретно указывая прибрежные территории Иртыша как желаемую местность. Его просьба вызвала к жизни два ответа из Москвы: одно от Федора Ивановича, второе от его собственного сына султана Абул-Хайра. Судя по многочисленным текстуальным сходствам в письмах, похоже, что Абул-Хайр писал под диктовку официальных лиц Посольского приказа.

В письме Абул-Хайр выражал надежду, что «ваше (Кучума. – *Б.Р.*), чаем, цареву величество ныне похочет быть под великого государя, его царского величества рукою» [8, с.131]. Он уговаривал отца приехать в Московское государство «быти при царском величестве, при его пресветлых очех», где он получит полную благосклонность – города, земли и деньги – в соответствии с его статусом [8, с.131–132]. Чтобы уверить хана в том, что отношение к нему в Московском государстве будет адекватным, Абул-Хайр подчеркивал, что у великого князя и царя уже находятся на службе множество ханов и султанов: «А у великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси Самодержца, у его царского величества служат многие цари и царевичи... и изо м[ногих] государств государские дети, и те все в [его?] жалованье живут без оскудения» [8, с.132].

Если же Кучум все же решит вернуться в свой юрт в Сибири, то тогда Федор Иванович «своим царским жалованьем пожалует, [в Сиб]ирской земле царем велит быти» [8, с.132].

Письмо московского царя было во многом идентично письму Абул-Хайра. В самом начале письма Федор Иванович делал сомнительное с точки зрения соответствия исторической истине заявление, что Сибирь издавна являлась «вотчиной» великих князей, начиная с XV в.²: «Из давних лет Сибирское государство была вотчина прародителей наших... как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем великим государем царем» [8, с.132].

Москва заявляла, что Сибирь изначально подчинялась великим князьям. Эта претензия была отражена также и в титуле царя: «Всея Сибирские земли и северные страны повелитель и государь» [8, с.132].

Федор Иванович завершал свое письмо к хану-«отступнику» декларацией того, что если последний желает «служить» московскому царю, он волен приезжать в Московию: «Объявляем, чтоб ты, Кучум царь, ехал к нашему царскому величеству, будет похочешь нашему царскому величеству служить, ... и наши царские прес[ветлые] очи видишь» [8, с.134].

Нюансы взаимоотношений Кучума с Москвой ясно показывают нам те усилия, которые прилагала Москва по повышению статуса своего правителя по отношению к Джучидской стороне. Москва уже не старалась скрыть свой снисходительный тон по отношению к Джучидам. Напротив, начиная с 1570-х гг. Москва старалась показать явное превосходство великого князя перед Кучумом. Это становится ясно из следующих моментов: 1) употребления терминов «ярлык» и «жалованная грамота» по отношению к документам, исходящим к Кучуму от Ивана IV; 2) финансовых обязательств Кучума по отношению к Ивану, позиционированных как «дань»; 3) оформления данных взаимоотношений как отношений «послушания» Кучума Ивану, причем первый был «под высокой рукою» последнего.

В 1597 г. неравенство сторон стало даже более очевидным. Письмо Федора было заявлено как «повеление» (возможно, на тюрки оно было переведено как «ярлык») [8, с.132]. Потенциальная «служба» Кучума была отмечена безо всяких витиеватостей, также как и «служба» Москве других ханов и султанов.

В итоге, к 1590-м гг. Сибирь более не являлась юртом Кучума, но скорее была московским владением. К этому моменту Москва приобрела как реальную силу, так и титулярную возможность «сделать его ханом в его бывшем юрте». Предлагая Кучуму «должность» хана в сибирском юрте, Федор в действительности назначал Джучида на ханство в пределах своего собственного владения, как он полагал. Он уже мыслил Сибирь как свою.

Согласно политической практике Степи, хан, присвоивший себе право назначать других ханов в пределах собственного юрта, обычно повышал возрастание своей власти в том числе и посредством титулярных изменений. Обычно вместо просто «хана», он становился «великим ханом» (тюрк. «улуг хан»), «великим господином ханом» (т. «улуг падишах хан») или «каганом». В своих отношениях с Кучумом Федор Иванович присваивал себе именно такие полномочия. Всегда чувствительные к политической семиотике Степи, московские официальные лица подчеркнули титулярное величие Федора в его письме к Кучуму от 1597 г. Вместо просто «царя и великого князя», он многократно назывался в письме «великим царем» и «великим государем царем»: «Да мы великий государь царь и [вели]кий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец, милостивый, истинный великий царь, христианский государь ...» [8, с.133].

Из татарских документов XVII в. мы знаем, что московский титул «великий государь царь» переводился на тюрки как «улуг падишах хан» [11, р.175–214].

В итоге Кучум остался непоколебим. Вместо того, как ему рекомендовали в Москве, совершить путешествие на запад и «увидеть царские светлые очи», он предпочел принять последний бой. Количество его сторонников быстро сокращалось. Вскоре Шибанидский хан навеки исчез со страниц исторических источников. Этого не скажешь о некоторых его сыновьях. Они попали в руки победителей и были привезены в Москву. Здесь, в центре праздничной процессии, они были проведены от окраин города до Кремля в сопровождении помпезной церемонии, знаменующей имперские претензии Москвы в отношении обширных восточных земель [12, с.150].

В течение двух веков между московским и татарскими правящими домами происходили драматические изменения. Всего лишь четыре поколения разделяют мольбы Василия II к Улуг-Мухаммаду и категорический ярлык Федора Ивановича к Кучуму. Некоторые современники в Степи оценивали головокружительное восхождение московского правящего дома как свиде-

² Термин «вотчина» является оригинальным термином письма. Возможно, в татарской версии оно было переведено как «юрт». Эти два слова были взаимозаменяемы в дипломатической терминологии.

тельство того, что фортуна поменяла свое направление, что пришел век новой династии: «В наших деи в бусурманских книгах пишется что те лета пришли, что Русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманы высока» [5, с.265]³. Эти слова оказались поистине пророческими. Действительно, новая сила родилась на пространствах Восточно-Европейской равнины. К концу XVI в. Московское государство установило господство практически над всей Центральной Евразией. Начиная с XVII в., Русское государство будет удерживать и расширять свою власть посредством эффективного соединения технологических, административных и фискальных рычагов. Несмотря на то, что некоторые линии Джучидов продолжали удерживать троны Евразии и после 1600 г., даже вплоть до конца этого столетия, их дни были сочтены.

Список использованных источников и литературы

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863–1887. – Ч.1–4.
2. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983.
3. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Книга, 1989. – Т.9–12.
5. Продолжение древней российской вивлиофики. – СПб., 1793. – Ч.8.
6. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т.41; СПб., 1887. – Т.59.
7. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука, 1986.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М., 1819. – Ч.2.
9. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979.
10. Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. – М., 1991. – Т.1.
11. Inalcik H. Power relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman empire as reflected in titlature // *Passé turco-tatar, présent soviétique: etudes offertes à Alexandre Bennigsen / Publiées par Ch. Lemerancier-Quellejay, G. Veinstein, S.E. Wimbush.* – Louvain: Editions Peeters; Paris: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1986. – P.175–214.
12. Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph.D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. – Harvard, 1994. – 238 leaves.

Ф.Л. Шарифуллина

Роль касимовских татар в истории России

На территории Рязанской области, в городе Касимове и нескольких сельских поселениях Касимовского района, проживает компактная, немногочисленная группа татар, с уникальной историей формирования и развития в составе Русского государства. Численность касимовских татар, стабильно державшаяся в течение нескольких столетий в пределах 5–6 тысяч человек, к концу XX века сократилась до 1040 человек. Миграционные процессы способствовали тому, что они стали самой урбанизированной группой среди волго-уральских татар. В настоящее время большинство касимовцев проживает в крупных городах России – Санкт-Петербурге, Москве, Рязани, Казани, Челябинске и др., а также в Средней Азии (Ташкенте, Самарканде, Бухаре), Казахстане (Алматы, Петропавловске), Прибалтике (Риге, Таллине). Из статистических материалов последних лет видна тенденция возвращения касимовцев из Средней Азии и Казахстана на свою родину. В связи с притоком татарского населения, в начале XXI века численность татар в городе Касимове и Касимовском районе возросла до 2 тысяч человек.

Начало формирования касимовских татар относится к середине XV века, когда на территории Русского государства в условиях сложной политической обстановки было образовано татарское ханство. Оно располагалось на территории Мещеры, центром которой являлся Городок (Городец Мещерский), известный впоследствии как Царевичев городок, Хан-Керман, Касимов. Последнее название было получено от имени его владельца – золотоордынского царевича Касима. Предпосылки и причины образования татарского ханства не всегда трактовались буржуазными историками с

³ Этот пассаж был записан в 1551 г. московским послом к Ногаям, доставленным в Москву. Он передавал прямую цитату ногайского информатора.

объективных позиций. Так, В.В.Вельяминов-Зернов считал, что создание царства являлось добровольным актом со стороны московского князя и имело сознательный расчет: с одной стороны, с помощью касимовских татар охранять с юга русскую границу, с другой – «царька, родственника хана казанского всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань. Главнейшую опасность для Руси представляло царство Казанское; Казань, только что возродившаяся, еще свежая силами, грозила захватить власть в свои руки» [1, с.14, 27]. Эту точку зрения о причинах создания Касимовского царства поддерживали Н.М.Карамзин [2, с.10], Г.Перетяткович и другие российские историки [3, с.150; 4, с.262]. Казанский ученый М.Г.Худяков полагал, что «на образование этого удела нельзя смотреть, как на добровольную меру русского правительства, напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержанной Улу-Мухаммедом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей» [5, с.547].

В пользу касимовских ханов рязанские и московские великие князья были обязаны платить ясак, «выход». Об этом свидетельствуют тексты договорных грамот: «А что шло царевичю Касиму и сыну его Даньяру царевичю с вашии земли при твоём деде..., а то тебе давати с своеи земли царевичю Даньяру» [6, с.284]. Договорная грамота рязанских князей 1496 года свидетельствует, что они платили татарскому царевичу ясак, который едва ли может быть чем-либо другим, как не тем самым, что шло царевичам Касиму и Данияру: «а имети ли у тебя выход и царевичев ясак с твоей отчины треть по старым дефтерям» [1, с.149]. Кроме дачи с Рязанской земли, в Царевичев городок, в пользу управляющего там царевича, шел от великого князя московского «выход» (то есть дань): «А дети мои... дают сыну моему Василию с своих уделов выходы в Царевич городок». До тех пор пока Рязанское великое княжение сохраняло кое-какую самостоятельность, «ясак», который давали рязанские князья в Царевичев городок, был обязательным от «выхода» Московского [1, с.154–156].

По мнению историка советского периода М.Г.Сафаргалиева, причины и история образования Касимовского ханства были обусловлены феодальными распрями, характерными в 1-ой пол. XV века для Русского государства и Золотой Орды. Весной 1445 года Улуг-Мухаммад, основатель Казанского ханства, отправил своих сыновей – Махмуда (Махмутека) и Якуба против князя Василия. Тот выступил к ним навстречу и попал в плен. За свое освобождение князь обязался дать хану откуп в двести тысяч рублей и выполнить ряд требований. Он возвратился в Москву с Касимом и Якубом и их дружиной. Вскоре, в том же году, судя по договорной грамоте, видно, что Городец Мещерский был отдан царевичу Касиму с уплатой ему «дани и «выхода» [7, с.504]. Следует отметить, что кроме Городца, татарам были переданы другие города с их волостями. Царевичи Касим и Якуб в 1449–1450 годах управляли также Звенигородом, который в 1493 году перешел во владение Абдул-Латифа, ставшего впоследствии казанским ханом. В 1486 году Каширой правил крымский царевич Нур-Девлет, а с 1517 г. – бывший казанский хан Абдул-Латиф. Он был также с 1508 года, владельцем Юрьева. В 1495–1502 годах Каширой, Серпуховом и Хотунью правил казанский хан Мухаммад-Амин. В 1543 году Каширой владел хан Шах-Али. В 1552 году под властью астраханского хана Дервиш-Али находилась Калуга. В 1576 году касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу были отданы Тверь и Торжок. В такие северные города, как Белоозерье, Вологда московские правители ссылали неугодных им татарских ханов, беков и служилых татар [8, с.192; 8а, с.47, 82]. Со временем татары либо выезжали, либо ассимилировались среди местного населения.

Касимовское ханство оказалось наиболее устойчивым: оно официально просуществовало более двухсот лет, вплоть до последней четверти XVII века. Территория его простиралась на 200 верст вокруг Касимова, до городов Краснослободск, Темников и включала в себя земли нескольких уездов: Касимовского, Елатомского, Шацкого, Темниковского [9, с.410–411, 438, 440–445].

Особенности политического и социально-экономического развития обусловили своеобразие этнической истории касимовских татар. Основу их этнического субстрата составили финно-угорские и тюркские племена, обитавшие на землях Мещерского края еще до образования Касимовского ханства. В качестве этнического суперстрата выступили выходцы из Казани, Астрахани, Крыма, Сибири, киргиз-кайсацких и ногайских орд, оседавшие на территории царства в течение XV–XVII веков.

История Касимовского ханства была тесным образом связана с историей Казанского ханства, раздиравшегося в 60-х гг. XV века междоусобными распрями. В 1467 году царевич Касим, пытаясь занять ханский престол после смерти своего брата Махмуда, казанского хана, организовал на Казань поход, в котором участвовали также и московские войска. Дальнейшие династические споры значительно осложнили международное положение Казанского ханства. Воспользовавшись этим, Москва взяла реванш. В 1487 году был организован поход русских войск на Казань, завершившийся

установлением вассальной зависимости нового хана Мухаммад-Амина от московских правителей. Владельцы Касимовского ханства имели титул царевичей, кроме тех лиц, которые ранее где-нибудь, до воцарения в Касимове, были ханами: Нур-Девлет в Крыму, Шах-Али в Казани. Они сохранили титул хана (царя). Из правителей Касимова первым получил титул царя Саин-Булат (Симеон Бекбулатович), который после крещения в 1573 году покинул Касимов. Положение татарских царевичей на сословно-иерархической лестнице феодальной знати в России было настолько высоким, что даже в середине XVII века они считались «честью... бояр выше, а в думе ни в какой не бывают и не сидят». В Государеве родословце середины XVI века татарские царевичи помещены непосредственно за потомками удельных князей московского дома [10, с.234–235]. До 1486 года титул касимовских ханов переходил по наследству (включая правление Касима и его сына Данияра). После Данияра касимовские цари и царевичи назначались по усмотрению русских правителей.

Из исторических источников известно, что царевичи Касим и Якуб выехали из Казани в Касимовское ханство со своими придворными из числа казанцев. Группы казанцев, иногда весьма значительные, выезжали на постоянное местожительство в Касимовское ханство и в более поздние времена. В 1535 году из Казани вышли сторонники Шах-Али – «казанские князья Шабас князь Епанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом с своим с Евлушем, Хурсуловы братья, и с ними князей, мурз и казаков шестьдесят человек из Казани». В «сентябре 1546 года приехали из Казани к великому князю служить князи казанские Кулуш князь, Тереур, Бурнаш да Чюрины братия Нарыкова, 76 человек». В «1551 году приехали к государю служить казанские князья: Кастров князь с товарищи» [11, с.20, 49, 60]. В марте 1552 года Шах-Али «вывел с собой князей Казанских и мурз 84 человека, в их числе Уразми Канбаров, Муралей (Нур-Али) мурза и другие, всего 84 человека». Примерно в это время «к государю приехал служить Камаи-мурза князь Усеинов сын, а с ним 7 казаков из Казани» [11, с.70, 94]. Часть казанцев попала в Касимовское царство в 1552 году, после завоевания Иваном IV Казанского ханства, когда оставшихся знатных казанцев царь «... вывел вместе с средними людьми и роздал им поместья в городах и волостях московских...» [3]. В Касимовское царство русское правительство высылало казанских татар-феодалов не лояльных к русскому царю [12, с.57]. По преданию, туда была вывезена казанская регентша Сююмбике. Из сохранившихся до наших дней родословных (шеджере) некоторых касимовских татар (Акчуриных, Максутовых, Бурнашевых, Костровых и др.) видно, что их предки были выходцами из Казанского ханства [13, с.74, 123]. С XII века в Мещерском крае стали появляться выходцы из Крыма, в частности из рода Ширин, сыгравшего значительную роль в делах Касимовского ханства. С ними связывали свое происхождение Ширинские и Гиреевы [14, с.70; 14а, с.114]. В 1458 году Городцом владел крымский царевич Нур-Девлет. Затем там правили Сатылган, Джанай. Вместе с ними из Крыма приходили их дружины, постепенно оседавшие на территории Касимовского царства. И в более позднее время, в XVI–XVII веках, крымские степняки-кочевники различными путями проникали на Рязанскую землю [1, с.128–150, 192, 208, 209; 15, с.390]. У татар д. Колубердеево (Ташенка) сохранилось предание о том, что их деревня образовалась на месте земель, розданных пленным крымцам или туркам. Возможно, в какой-то степени это подтверждается и татарским названием деревни – «Колубердеево», что с татарского переводится как «данная рабам» [16, с.1].

В качестве пленных в Касимовское царство попадали и женщины, захваченные во время военных походов, предпринятых московским правительством. Об этом свидетельствуют некоторые архивные материалы [17] и легенда о том, что в 1678 году, в царствование Федора Алексеевича в «Чигиринском» военном походе в Малороссию особо отличились касимовские татары во главе с Сейид-Бурханом. Ими был захвачен большой полон: «Добычу, полон захватила дружина отважных татар! Набег совершен не из легких, приказ был одобрен царем! Обоз из полячек прекрасных с победой в Касимов везем!» [18, с.186]. В царстве проживали также выходцы из Сибирского ханства. В 1614 году Касимов был пожалован сибирскому царевичу Арслану Алиевичу, затем его сыну Сейид-Бурхану, мать которого Фатима-Султан стала последним правителем города. Вместе с сибирскими царевичами прибывали их дружины и домашняя челядь. Письменные источники и устные предания свидетельствуют о притоке населения, которое привели с собой ханы Ураз-Мухаммад и Саин-Булат из киргиз-кайсацких орд. О казахском происхождении этих ханов и отдельных родов свидетельствуют родословные Шакуловых, Девлеткильдеевых, Максутовых, Тевкелевых и др. Старожилы д. Мунтова (татарское название – Мылты) сохранили предание о принадлежности их предков к роду «мылты». Подобное название родового подразделения (кыркмылтык) есть и у казахов Куныя-Ургенчского района [19, с.34].

В формировании касимовских татар приняли активное участие ногайцы. Они попадали в Мещеру различными путями: по приглашению, самовольно, в качестве пленных. Московское правительство усердно приглашало на службу ногайских мурз, обещая им землю и денежное жалованье [20, с.11]. В Касимове и его окрестностях проживали представители таких знатных бекских родов, как Джалаир, Мангыт (мурзы Мангитские или мурзы Мансуровы), Кипчак (князя Мамакаевы) [1, с.208, 209; 9, с.403, 419, 426, 434]. Группа служилых ногайцев была переведена в Касимов из Ярославля и Романова [21, с.227–228; 22, с.64, 74; 23; 24, л.129; 25, с.71].

Ежегодно южная часть государства (на востоке до мордовских и понизовых мест, на западе до заозских городов) подвергалась нападениям ногайцев. Многие из них оставались там на постоянное жительство. Они свободно проникали через проторенные дороги. Этому не препятствовала вся оборонительная система Руси, в частности, засечные линии, которые находились в запущенном состоянии. В начале XVII века все пути, ведущие на Рязанскую землю, были открыты для Больших, Малых Ногаев, крымцев, азовских татар. По излюбленной дороге – Старому ногайскому шляху, они проникали на Русь. В челобитной от 1613 года рязанцы всех чинов жаловались, что «иные татаровя у нас живут без выходу», то есть постоянно. Стояли татары по правому берегу р. Оки [15, с.75, 77, 79]. Для Больших Ногаев излюбленной дорогой был старый Ногайский шлях, разветвления от которого вели в мордовские места, в Верхоценскую волость, в Рязанскую землю, до реки Оки и за Оку. В официальных документах неоднократно отмечалось о «приходе ногайских людей на мещерские места... идучи в Крым или из Крыма в Ногай» [22, № 31]. Кроме того, в Касимове содержали тех ногайцев, которые попадали в плен [1, с.288; 26, с.38]. Касимовские татары из деревень Алишево, Шегашаново, Толстиково называли себя «нугай». Ногайским князьям Мамакаевым принадлежал лес «Мамак урманы» [27, с.20]. Следы ногайского компонента сохранились в говоре касимовских татар [28, с.47]. У касимовских татар отмечен высокий процент (7,2) эпикантуса (признака, позволяющего установить участие монголоидного элемента) по сравнению с другими группами татар. В этом отношении касимовские татары более близки к казанским татарам из Арского района (4 процента эпикантуса), которые являются, кроме касимовцев, наиболее монголоидной группой среди всех поволжских татар, что сближает их с ногайцами-едисанцами. Среди касимовских татар преобладает темный европеоидный тип (памиро-ферганский), распространенный в сарматскую эпоху в степях Нижнего Поволжья, а позднее – в составе населения Средней Азии (узбеков, таджиков) [29, с.64, 153–154].

Расположение ханства на основном оборонительном рубеже Русского государства, который на юге протянулся по берегу Оки, предопределило судьбу отрядов касимовских царевичей в XVI веке. Южная граница Московского государства получила организованную и постоянную защиту от набегов кочевников. Она обеспечивалась ценой жизни многих касимовских татар. Татарские князья с их уланами и казаками создавали кордон против восточных набегов кочевников [30, с.37; 31, с.208]. Они несли сторожевую службу на «Казанской Украине» и на Волге, перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно [1, с.286–287]. В начале XVII века касимовцы были снаряжены сторожить крымскую границу. Условия военной службы служилых татар были очень тяжелыми: скудное походное питание, физические лишения, постоянное пребывание верхом на конях, болезни подтачивали здоровье служилых людей. В тяжелейших условиях происходило оформление института служилых татар, первоначально известных как «служилая мещера». Использование татар на Московской великокняжеской службе имело давние традиции. Отдельные татарские мурзы, выходцы из Орды, уже с конца XIV века переходили на военную службу к московским князьям, как, например, к Дмитрию Донскому – Алабуга и Серкиз, к Василию Васильевичу – царевич Бердыдат.

Касимовские татары принимали участие во всех военных походах, предпринятых Русским государством. Служилые татары обычно группировались в отряды, подчинявшиеся мурзам и князьям. Из этих отрядов создавались отдельные полки, а иногда и большое войско, например, у Шах-Али было 30-тысячное войско. Они часто выступали под командованием касимовских ханов, например, в 1480 г. во главе с Нур-Девлетом, в 1490–1491 годах – с Сатылганом, в 1501 году – с Нур-Девлетом и Мухаммад-Амином, в 1487 году – с Мухаммад-Амином, в 1505 году – с Сатылганом и его братом. В конце 1555 года татары были включены в состав русского войска, отправлявшегося воевать против шведов, затем Ливонии, в конце 1578 года против польского короля. В 1654–1667 годах они участвовали в длительных войнах с поляками, с 1676–1681 годов – с Турцией, в 1687–1689 годах – в Крымских походах, в 1700–1721 годах – в Северной войне Петра I против шведов, в 1768–1774 годах – в русско-турецкой войне и т. д. [1, с.111, 285, 296, 419].

Наряду с военными походами русское правительство использовало служилых татар на дипломатических переговорах Москвы с татарскими ханствами, ногайскими ордами. Их отправляли вожакими и переводчиками (толмачами) к послам, ездившим в Орды, а иногда одних посылали с грамотами или для переговоров, как, например, в 1553 году городецкий татарин Ян-Булат приезжал в Москву от посла Данилы Губина с донесением из ногайских улусов [1, с.290].

Вознаграждением за несение службы были земельные поместья, становившиеся нередко наследственными. Ими владели целые группы татар или каждый в отдельности [32, с.2, 3; 33, с.234]. В свою очередь, «... служилый человек с поместья должен был содержать себя и свою семью и быть готовым к походной службе конным и оружием» [34, с.263–264]. Территория царства, издавна освоенная земледельческим населением, заселялась служилыми татарами не сразу. Раздача земель вокруг города Касимова происходила вплоть до середины XVII века. Об этом свидетельствуют отдельные записи из Древних актов и грамот: в одном из них говорится о «разделе имения Касимовского уезда в селе Подлипках между служилыми татарами Коскеем Карамышевым и Девлеткеем Девлетказиным; о разделе имения между служилыми татарами Кадриком Биманакковым и Доином Торгасовым в селе Старбаево; об отделе поместной земли служилым татарам в селе Лому, в деревнях Болотцы, Келдышево, Купреяновской и др. [35, с.38, 39; 36, с.27]. Перед большим походом правительство выдавало служилым людям жалованье [34, с.264].

Значение Касимовского ханства во внешней политике Русского государства особенно возросло в I-ой пол. XVI века, когда основной целью московской внешней политики стал «восточный вопрос» – подчинение Казанского ханства. В 1551 году казанцы были вынуждены предложить возглавить Казанское ханство касимовскому хану Шах-Али, который согласился стать казанским ханом в третий раз. В Казани располагалась ханская гвардия, состоявшая из касимовских служилых татар. Численность их была, видимо, значительной. По сообщению «Казанского летописца», в 1521 году во время резни в Казани погибло пять тысяч касимовских татар ханской гвардии [37, с.134]. Однако задачи московской политики не были решены. Хан Шах-Али, не спешил учитывать интересы московских политиков. Очевидно, что в середине XVI века ситуация с касимовскими царевичами значительно изменилась в отношении их роли: они перестали быть «послушными орудиями» в руках московских правителей, пытавшихся подчинить себе Казань мирным путем. Гибкая политика касимовских ханов и функционирование Касимовского ханства в качестве буферного государства тормозили военную экспансию Москвы в отношении Казанского ханства, обеспечив тем самым его жителям относительно мирное существование в течение их последних лет жизни, вплоть до его завоевания в 1552 г., когда было истреблено почти все население громадного города [5, с.644]. Московские правители относились к касимовским татарам настороженно, с недоверием. Об этом свидетельствует тот факт, что накануне взятия Казани в 1552 году, Иван Грозный, приказав войскам готовиться к штурму, отдал особое распоряжение насчет хана Шах-Али и касимовских татар. Русские военачальники, опасаясь перехода их на сторону казанцев, располагали отряды касимовских татар на заднем фланге, не принимавшем участие в боевых действиях: «Им не велели ходить в ту часть войска, которая, окружая Казань, должна была, на другой день, оберегать тыл атакующих и перерезать путь осажденным...» [1, с.388–389]. Хан Шах-Али не выполнил условий договора об освобождении русских пленных, а на требование ввести в Казань русские войска, ответил, что не впустит их в исламский город. Он был недоволен тем, что в его управление передавалось не все Казанское ханство, а всего лишь его половина.

Со второй половины XVI века заметно снижение роли царства как буферной организации в отношении Казанского ханства, которое в 1552 году было завоевано и присоединено к Русскому государству. Касимовских правителей стали ограничивать в их власти. Фактически они перешли на положение служилых землевладельцев, а их делами стали ведать московские воеводы. Постепенно русское правительство стало принимать меры к упразднению Касимовского царства. Последняя регентша Фатима-Султан (бием) владела лишь своей летней резиденцией в селе Царицыно (Бием Сала) недалеко от Касимова. После ее смерти в 1681 году, царство перешло в руки единоподержавного управления Российского престола. Так закончилась история Касимовского царства, просуществовавшего в самом центре русского государства более двухсот лет: с середины XV до последней четверти XVII века. В 1796 году Касимов стал одним из уездных городов Рязанской губернии [38, с.120; 39, с.366; 40, с.662, 644].

Период XVIII – начала XIX веков явился переломным в политической и социально-экономической жизни татар. С упразднением в XVIII веке Касимовского царства, являвшегося для его населения своего рода этносоциальным организмом, были ликвидированы все те условия, на которых зиждилось сословие служилых татар. Приток извне тюркоязычного населения прекра-

тился. Более того, среди касимовских татар наблюдалось усиление миграционных процессов, что отразилось и на динамике их численности. Так, между 1719 и 1745 годами происходит убыль татарского населения Касимовского уезда на 18%. К концу XIX – началу XX века стало заметным снижение численности татар в г. Касимове и Касимовском уезде. Если в XVIII веке их численность достигала 6 тысяч человек, то к концу XIX века – около 5 тысяч человек. Главные направления миграции касимовских татар (на восток, за Волгу и Приуралье) совпадали, в основном, с миграциями других групп поволжских татар, особенно татар-мишарей [13, с.241; 41, с.36].

Упразднение Касимовского царства создало благоприятные условия для более тесных экономических и культурных связей касимовцев с русскими и с волго-уральскими татарами. С другой стороны, упразднение имело отрицательные последствия для самих касимовских татар. Постепенно они лишились былых привилегий: русское правительство с первой половины XVIII века издало ряд указов, направленных на устранение инородческого служилого землевладения. Так, указами 1713 и 1715 годов инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, приказывалось перейти в православие. В противном случае эти земли отходили государю или их крестившимся родственникам [42, с.7; 38, с.136]. В таких условиях, борясь за выживание, часть служилых татар была вынуждена принять православие. В их числе были семьи Костровых, Ширинских, Тургеневых и др. Впоследствии они вошли в состав русского феодального класса, а позднее – русской буржуазии [43, с.110, 170; 44, с.6]. В Касимове в конце XIX века проживали русские князья с татарскими фамилиями – Енгальчевы, Кудашевы, Колончаковы, Кугушевы и др. [45, с.52, 133]. Феодально-зависимым людям переход в православие давал возможность стать свободными. В архивных документах XVII–XVIII вв. имеются многочисленные дела с заявлениями подателей о крещении. В их числе челобитная «крымского полоняника Муртазы», дело «о находившейся у крымского татарина Байсукина пленной польской девки Агафьи», челобитная «новокрещеного ногайца (Баима) Ивана об исключении его из холопства от князя Прозоровского» [46, л.50].

Другой причиной, способствовавшей переходу в христианство, была материальная заинтересованность. В архивных документах немало дел о крещении и вознаграждении крестившимся татарам. К ним относятся дела татар Кутюша Шейдякова, Кудайната Урмаметьева, Кантемира Байтерякова о даче им в качестве награждения разного жалованья и княжеского титула; челобитная крещеных татар Степана Тебеева, Андрея Джинайдарова о даче им за принятие греческого закона по сукну английскому и по тафте; выписка о даче государева жалованья новокрещеным татарским мурзам – князю Шейдякову, Тупаеву, князю Тургеневу, князю Борису Куликову, Исупову и Мамаеву [47]. Переход в христианство простых татар и мурз способствовал постепенной русификации крестившихся. Они потеряли связь со своим народом и пополнили генофонд русского народа. Видимо, именно в связи с этими событиями возникла пословица: «Поскреби русского, найдешь татарина».

Среди населения, не пожелавшего принять крещение, усилился процесс сопротивления, заканчивающийся нередко физической расправой. Так, в 1656 года архиепископ рязанский Мисаил отправился в Касимов, Щацк и Тамбов крестить татар и мордву. Иноверцы отказались креститься. Но среди мордвы и татар уже составилась заговор. Они в числе более 500 человек с оружием в руках поджидали приезда Мисаила и, завидев его, бросились на него и убили [48, с.431].

В то же время шел процесс усиления позиций ислама. В Касимове, рядом с правителем, селились представители духовенства (сеиды, ахуны, абызы). Духовенство пришло в Касимов со стороны: Тамбовской (Девликамовы из с. Бостан), Пензенской, Казанской (Утягановы) губерний, из Крыма (Ширинские). В Касимовском уезде образовались наследственные династии [49, с.8]. В последней четверти XIX века в Касимовском уезде функционировало 8 мечетей [50, с.527]. Ислам выполнял для касимовских татар, также как и для всего татарского народа, «охранительную функцию» в экстремальных условиях. С помощью ислама татарам в период с середины XV века удается сохранить себя как этнос и не раствориться в массе христианского, русского народа [51, с.81]. Поэтому неудивительно, что Касимовская противомусульманская миссия, образованная с целью обращения татар в христианство, в последней четверти XIX века потерпела крах. Протоиерей Павел Алфеев в своем отчете писал, что «не так легко воздействовать на татар, как это представлялось. По своей сплоченной обособленности и религиозному образованию касимовские татары не похожи на крымских и казанских татар» [52, с.759].

Следует отметить, что указы и инструкции 1737, 1741, 1754, 1766 годов еще больше ущемляли права бывших служилых татар. Русское правительство под разными предлогами урезало или просто захватывало у них земли, леса и луга. Одновременно их привлекали к отбыванию различных трудовых повинностей в пользу государства. Часть касимовских татар несла феодальную

повинность на лесоповалах в качестве лашманов (от немецкого *laschmann* – лесоруб). В указе Петра I от 1718 году было предписано высылать служилых татар на бесплатные работы по заготовке, обработке и вывозу корабельного леса. Они, наряду с татарами-мишарями, были приписаны к Воронежским корабельным верфям. Лашманы рубили лес в тяжелейших условиях, зимой, в трескучие морозы, когда в соснах было мало влаги [42, с.7, 10, 18–19, 21]. Люди гибли тысячами от непосильного труда, голода и холода. Память об этих трагических событиях сохранили многие документы и устные народные предания, байты, песни, в которых отправление на лесоповал приравнялось к смерти.

При Петре I основная масса служилых татар была переведена в «однодворцы» – низшее податное сословие феодального государства и обложена подушным окладом [53, с.103]. Налоги им приходилось платить в двойном размере, как Казанской адмиралтейской конторе, так губернатору и воеводе. Все это способствовало резкому ухудшению социально-экономического положения касимовских татар. Правительство сохранило им владельческое (четвертное) право на землю по прежним жалованным грамотам и право общинного владения землями, значившимися за ними по писцовым книгам [42, с.18, 21]. Землепользование, основанное на «четвертном» праве, имело много общего с частной собственностью: земли могли передаваться по наследству, продаваться своим же общинникам. «Четвертные» земли, расширявшиеся за счет освоения новых лесных массивов, закреплялись за родами [49, с.205]. С течением времени, в связи с увеличением наследников и разделов между ними, участки дробились и мельчали, способствуя малоземелью и аграрному перенаселению. Кроме того, подобная форма землевладения способствовала довольно раннему и интенсивному имущественному расслоению татар.

Царизм, одновременно с национальным гнетом нерусских народов, проводил феодально-классовую политику, рассчитанную на создание социальной опоры в лице татарских феодалов. Эта политика особенно ярко выразилась при царствовании Екатерины II. Она представляла им дворянские привилегии, разрешила Мусульманское духовное собрание [54, с.58–59]. Привилегированные слои татарского общества проводили политику царской администрации и жестоко эксплуатировали рядовых татар, усугубляя тем самым и без того тяжелое социально-экономическое положение трудового населения.

Сельское хозяйство у касимовских татар тесно переплеталось с промыслами, связанных с обработкой животного сырья: с кожевенным и овчинным. В Касимове было немало мерлушечных мануфактур, принадлежащих татарским купцам. П.С. Паллас, будучи в Касимове в 1768 году, отмечал, что «...живущие... в городе все зажиточные мехами торгующие купцы» [55, с.4]. Они развернули торгово-предпринимательскую деятельность не только в Касимовском уезде, но и далеко за его пределами. Кожевенные изделия поставлялись во многие южные города России. Касимовские торговцы принимали активное участие в установлении торговых связей России с Казахстаном и Средней Азией, так как мусульманам было легче проникнуть в среду населения исповедовавшего ислам, нежели иноверцам [39, с.364, 366; 56, с.312; 57, с.304–305].

Касимовские татары издавна принимали активное участие в торговле. Этому в значительной степени способствовало удобное расположение города Касимова на стыке торговых путей, наличие в крае крупной реки Оки – главной жизненной артерии, благоприятствовавшей интенсивным торговым связям центральных губерний России и Востока. Там соединялись три главных государственных пути: Астраханский, Закавказский (Липецкий), Нижегородский (Сибирский). Через эту территорию также проходил важный сухопутный путь, обычно зимний, из Нижней Волги на Москву, затем на Нижний Новгород и на Казань. Через Касимов была проложена дорога – Наровчат – Темников – Кадом. Благоприятным фактором было установление еще во второй половине XV века высоких таможенных пошлин для казанских и восточных купцов в окраинных русских городах (Нижний Новгород, Муром) и в Сурско-Окском междуречье [58, с.139–140]. В результате торговля перешла в руки местных купцов, в том числе и касимовских татар. Служилые татары пользовались некоторыми привилегиями, например, им предоставлялось право на ведение торгово-предпринимательской деятельности в любом районе России. Они проводили торговые операции и в Касимове, на действовавших там Казанской и Сергиевской ярмарках. Предметами торговли служили в основном хлеб, мед, воск, домашние животные, меха, кожи, заготовки и изделия сапожного ремесла [59, с.117, 119, 131; 60, с.270].

В XVIII веке торговля имела большое значение в жизни татар, являясь одним из «средств заткнуть дыры, порожденные обидами и недостатками в земле и малой плодородностью ее, обилием всякого рода повинностей» [42, с.99]. Касимовские купцы захватили в свои руки значительную часть торговли на Макарьевской, Троицкой, Ирбитской, Крестовской и других

ярмарках, где совершали крупные торговые сделки и получали большие прибыли. Они вели активную торговлю и на международной ярмарке близ Нижнего Новгорода. Среди них имелись крупные купцы, связанные с торговыми центрами Средней Азии, Ирана и т.д. Через реки Оку, Волгу и по Каспийскому морю, купцы добирались до Персии. Обмен товарами происходил чаще в Астрахани, путь до которого на малых судах занимал менее 20 дней, а на обыкновенных стругах – 40–42 дня. Путь персидской торговли с Россией был удобен для торговли шелковыми тканями [61, с.122]. Все это способствовало установлению постоянных рыночных и культурных связей между различными регионами внутри страны и далеко за ее пределами.

В поисках средств существования касимовские татары устремлялись в различные области страны. Часть их (около 15%) оседала на постоянное жительство в различных городах, в том числе в Москве (в Татарской слободе, в Замоскворечье), в состав населения которой они вошли еще в XIV–XVI веках. В начале XX столетия был зафиксирован приток касимовских татар в Петербург [62, с.25; 63, с.70; 64, с.35, 37, 42]. В новом районе они вливались в единую массу переселенцев-татар, теряя в культурно-бытовом отношении свои особенности. Переселение в иноэтничную среду, даже тюркоязычную, напротив, приводило к консервации этнокультурных особенностей, как, например, у касимовских татар, поселившихся среди казахов, в г.Петропавловске [65, с.6–10]. Известны факты переселения небольших групп населения, возможно ремесленников и торговцев, в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии, в Казахстан, Среднюю Азию. В Казанской губернии они основали д. Тевели-Ходяшево. Жители некоторых деревень Буинского уезда Симбирской губернии являлись выходцами из Касимовского уезда. По преданиям жителей деревень Яндовище в Сергачском уезде и Маклаковка в Васильсурском уезде Нижегородской губернии, деревни Усть-Карновар в Петровском уезде Саратовской губернии их предки были коренными касимовскими татарами – выходцами из Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии. Крепостные касимовские татары были поселены в деревне Терся Елабужского уезда Вятской губернии [66, с.126; 67, с.88, 28, 52; 68, с.44; 69, с.63, 111]. Миграции обусловили, с одной стороны, утечку татарского населения с территории их этнического формирования, с другой – способствовали росту численности и консолидации волго-уральских татар в составе Российского государства.

Касимовские татары приняли активное участие в формировании общности экономической жизни татарской нации. Этому способствовало быстрое развитие различных отраслей промышленности, установление постоянных, прочных экономических связей, способствовавших расширению и укреплению внутреннего рынка в масштабе всей этнической территории татарского народа. Формирование и развитие касимовских татар происходило в тесной связи с татарами – казанскими и мишарями. Поэтому следует подчеркнуть, что эта группа, несмотря на наличие мощного иноэтнического окружения и значительного вкрапления позднего тюркского этноса, сохранила единство в культуре с основными группами волго-уральских татар. После 1552 года, когда весь Средневожский и Приуральский край вошел в состав Русского государства, постепенно сложились новые условия, которые привели к активному смешению и территориальному взаимопроникновению татарских групп.

Одновременно усилился рост синхронной этнокультурной информации. В конце XIX века сложился общенациональный татарский литературный язык. На нем велось обучение в школах и духовных училищах. Преподавательские кадры приглашались в основном из Казани. Касимовским татарам было хорошо известно творчество татарских просветителей и писателей, книги которых привозили из Казани, Оренбурга. В Касимове издавались на татарском языке газеты «Аң», «Чалгы». Уровень грамотности татар был довольно высок: 57% взрослого населения писали и читали на татарском языке [70, с.190–193]. В конце XIX века в учебных заведениях (мектебе и мэдресе) обучение шло на литературном татарском языке. Из Казани и других культурных центров поступала печатная продукция, создавались библиотеки из произведений татарских классиков. Был организован татарский театр «Чулпан», на сцене которого ставились пьесы татарских и русских драматургов.

Касимовские татары имели тесные контакты с русским народом. Служба в Русском государстве, складывание широкой экономической общности в пределах единого рынка, отсутствие каких-либо серьезных отличий в развитии хозяйства касимовских татар и их соседей способствовали установлению между ними прочных хозяйственно-культурных связей и приобщению к русской культуре. В касимовском говоре имеется значительное число русских заимствований, особенно в области хозяйственно-бытовой терминологии. Татары, преимущественно мужчины, свободно владели русским языком. Совместное проживание в течение нескольких веков на единой общей территории, общность исторических судеб выработали у татар, русских и других народов страны взаимную

веротерпимость и лояльность. Русский писатель Сергей Терпигорев, наблюдавший жизнь касимовцев в конце XIX века, отмечал: «Русские и татары ходят друг к другу в гости. Особняком не живут» [71, с.14]. В последние годы XX века процесс этнокультурного сближения с русским народом протекает наиболее активно. Интенсивное проникновение русского языка наблюдается и в татарских семьях. Молодежь, как правило, владеет им лучше, нежели родным. Увеличивается количество смешанных браков. В то же время татары еще продолжают сохранять некоторые особенности материальной культуры, родной язык, национальное самосознание.

Велика заслуга касимовских татар, как представителей татарского этноса, в распространении такого прогрессивного явления, как просветительство среди тюркоязычных народов России. В казахской степи, в Крыму открывали начальные школы, религиозные учебные заведения и вели просветительскую работу татары из числа духовенства, купцов, среди которых было немало касимовских татар [45, с.50].

На благо России служили и продолжают служить такие видные представители касимовских татар, как Сара Шакулова – первая в истории татарского народа женщина-математик, выпускница Сорбонны; А.М. Ишимбаев – заслуженный учитель, краевед; Р.Х. Агжитов – заслуженный организатор колхозного строительства; Ф.А. Тугеева – родоначальница династии врачей; В. Альбетков – Герой Советского Союза; В. Акбулатов – инструктор первого советского космонавта Ю. Гагарина; З. Байрашева и У. Бекбулатов – казанские профессора; Симаковы – солисты Ленинградского театра оперы и балета и другие замечательные личности.

Список использованных источников и литературы

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.1. – СПб., 1863.
2. Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т.5. – 2-е изд. – СПб., 1897.
3. Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI в. – М., 1877.
4. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. – М., 1884.
5. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М.: «Инсан», 1996.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л., 1950. – № 76.
7. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. – Вып. XI. – Саранск, 1960.
8. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952.
- 8а. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. – Т.1. – Вып.1. – Киев, 1917.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.2. – СПб., 1864.
10. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). – М.: Мысль, 1982.
11. Полное собрание русских летописей. – Т. XXIX. – М.: Наука, 1965.
12. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ Казан. гос. ун-та. – Казань, 1964.
13. Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам) – Казань: Изд-во «Магариф», 2010.
14. Ахметзянов М.И. Татарские родословные. – Казань, 1995.
- 14а. Ахметзянов М.И. О шеджере рода Ширинских // Панорама-Форум. – Казань. – 1996. – № 1 (4).
15. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в 1-ой пол. XVII века. – М.-Л., 1948.
16. Гайнетдинов Ф.Н. Материалы по этнографии касимовских татар и мишарей // Архив МАЭ. – Л., 1933. – Ф. К-1. Ед. хр. 27.
17. РГАДА. Ф.131. Оп.2. Ед. хр.65.
18. Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. – М., 2004.
19. Васильева Г.П. Историко-этнографическая карта Ташаузской области // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / ТИЭ. Нов. серия. – Т.48. – М.-Л., 1961.
20. Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1961 год. – М., 1962.
21. Акты Московского государства. – Т. 2. – № 56. – СПб., 1894.
22. Акты Московского государства. – Т. 1. – № 32. – СПб., 1890.
23. Писцовые книги Рязанского края. – Рязань. – Т.1. – Вып. 2–3. № 32, 64, 66, 74.
24. РГАДА. Ф.210. Д. 217.
25. Пирогов В. Материалы для статистики Костромской губернии. – Вып. 2. – Кострома, 1881.
26. Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI – начале XVII вв. по Писцовым книгам. – Рязань, 1911.
27. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX вв. // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2004.

28. Махмутова Л.Т. Бастанский говор татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии.* – Вып. 3. – Казань, 1974.
29. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // *Труды Института этнографии АН СССР.* – Т.7. – Нов. серия. – М.-Л., 1949.
30. Каргалов В.В. На степной границе. – М., 1974.
31. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952.
32. Сторожев В.Н. К вопросу о четвертиках. – СПб., 1892.
33. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897.
34. Веселовский С.В. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. – М.-Л., 1947. – Т.1.
35. Описание дел Рязанского исторического архива // *Труды Рязанской ученой архивной комиссии.* – Рязань, 1891. – Т.6. – Вып. 1. – № 3.
36. Описание дел Рязанского исторического архива // *Труды Рязанской ученой архивной комиссии.* – Рязань, 1892. – Т.7. – Вып. 2. – № 2.
37. Рахимзянов Б.Р. Представители Большеордынской династии в Казани и Мещере (1520–1550-годы) // *Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции.* – Казань, 2006.
38. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1891.
39. Щекатов А.А., Максимович Л.И. Словарь географический Российского государства. – Ч.3. – М., 1804.
40. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. – Т.14а. – СПб., 1895.
41. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М., 1972.
42. Ташкин С.Ф. Инородцы Приволжско-Пруральского края и Сибири. – Казань, 1922.
43. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992.
44. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979.
45. Терпигорев С.Н. Лакейская столица. Исторические рассказы и воспоминания. – СПб., 1890.
46. РГАДА. Ф. 131. Оп.2. Ед. хр.65; Ф.127. Оп.1. Ед. хр. 267.
47. РГАДА. Ф.131. Оп.3. Ед. хр. 4; 88; 510.
48. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч.3. – СПб, 1866.
49. Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар // *Избр. соч.* – Т.1. – М., 1968.
50. Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т.2. – СПб., 1865.
51. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль X–XIX веков // *Татарская религиозная мысль в общемусульманском контексте.* – Казань, 2002.
52. Алфеев П. Касимовская противомусульманская миссия // *Рязанские епархиальные ведомости.* – Рязань, 1898. – № 13.
53. Водарский Я.В. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М., 1977.
54. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977.
55. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч.1. – СПб., 1773.
56. Сербина К.Н. Источники книги Большого Чертежа // *Исторические Записки.* – Т.23. – М., 1947.
57. Важинский В.М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII века // *Города феодальной России.* – М., 1966.
58. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т.1. – Ч.1. – Саранск, 1950.
59. Привалова Н.И. Торги города Касимова в середине XVII века // *Исторические Записки.* – Т.21. – М., 1947.
60. Дубинская Л.Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // *Города феодальной России.* – М., 1966.
61. Кильбургер Ф. Краткое известие о русской торговле. – СПб., 1820.
62. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. – Т.7. – Рязань, 1887.
63. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978.
64. Старовойтова Г.В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда // *Советская Этнография.* – №1. – 1980.
65. Белиловский У.А. Городской очерк Петропавловска Акмолинской области за 1886 год. – Томск, 1887.
66. Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // *ИОАИЭ.* – Т.19. – Вып. 2. – Казань, 1903.
67. Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк // *ИОАИЭ.* – Т.4. – Казань, 1883.
68. Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. – Вып.2. Лаишевский уезд. – Казань, 1895.
69. Исаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993.
70. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – Т.35. – Рязанская губерния. – СПб., 1903.
71. Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Омск, 2007.

З.А. Тычинских**Об этнических контактах сибирских и касимовских татар**

Первые сведения о контактах сибирских и касимовских татар можно отнести ко второй половине XVI века. После взятия Московским государством Сибири, бывшие сибирские царевичи получают надельные земли в Касимовском ханстве и становятся правителями этого «царства» [1, с.2], основанного в XV веке, и в течение двухсот лет выполнявшего роль буфера между Россией и Казанским ханством. Последними правителями Касимовского ханства стали потомки сибирских царевичей Сеид-Бурган и Фатима [1, с.318, 491].

После упразднения в конце XVII в. Касимовского царства большая группа татар мигрировала в другие регионы, в том числе и в Сибирь. Политика Российского правительства в начале XVIII в. была направлена на урезание землевладельческих прав касимовских татар, которых принуждали к принятию крещения. Указами 1713, 1715 гг. большая часть привилегий, данная ранее служилым татарам, составлявшим основу ханства, была упразднена. По данным Ф.Л.Шарифуллиной, между 1719 и 1745 гг. наблюдается значительный (на 18 %) спад численности населения в Касимовском царстве. Среди направлений миграции касимовских татар в первой половине XVIII в. Ф.Л.Шарифуллиной выделяются гг. Санкт-Петербург, Москва, а также Заволжье и Приуралье [2, с.25]. Х.Ч.Алишина сделала предположение о появлении в этот период в Сибири большого количества служилых татар – выходцев из Касимовского ханства [3, с.98–99].

Однако архивные материалы и данные этнографических исследований пока не позволяют говорить о массовом потоке мигрантов из Касимова в Сибирь в ранний период – в XVII–XVIII вв. Нам известен выходец из Касимовского ханства, давший начало известному роду служилых татар Кутумовых – князь Семеней (Исень) Аганин.

Некоторые исследователи (И.Н.Юшков, Н.А.Томилов) происхождения фамилии Кутумовых связывают с именем хана Кучума, но, на наш взгляд, эта версия достаточно спорна.

Мы полагаем, что род Кутумовых ведет свое происхождение от выходца из Касимовского ханства мурзы Семеней Аганина. Косвенным свидетельством этого может служить то, что в источнике, датированном 1646 годом, в г. Касимове фиксируются некие мурза Муратов и князь Семинеев. Фамилии Семинеевых и Муратовых до настоящего времени известны среди касимовских татар (первые – в д. Татарбаево, вторые – в д. Болотце). Семинеевы также проживают в деревнях Азеево и Караулово [4, с.99].

Местом проживания рода Кутумовых в Сибири на протяжении нескольких столетий были юрты Медянские (Сатылган аул). Существуют различные версии относительно происхождения данного названия деревни. Одна из наиболее распространенных – от имени некоего Затлы-хана (информатор Р.С.Кутумова). Но, на наш взгляд, происхождение названия деревни, скорее всего, связано с касимовскими корнями мурз Кутумовых, ведь, как известно, Сатылган – имя одного из правителей Касимовского царства, вступившего на должность касимовского султана в 1490 году и правившего ханством примерно до 1503–1506 гг. [1; 5, с.128].

Кутумовы относились к категории служилых татар, являясь потомственными служилыми, и в XVIII веке занимали высокие должности в татарских казачьих командах, а затем офицерские чины в Сибирском татарском казачьем полку, существовавшем в Сибири в XIX веке. По данным респондентов (Г.Х.Кутумов, Р.С.Кутумова, Г.С.Кутумова), медянские Кутумовы ведут свой род от братьев-близнецов Хасана и Хусаина, приехавших «когда-то давно лет 300 назад из Петербурга». Будучи военными, офицерами, они и здесь оставались на военной службе, став служилыми – «йомышлы».

Архивные материалы позволяют уточнить представленную информаторами родословную Кутумовых и отнести первые сведения об их предках ко второй половине – концу XVII в., когда в документах упоминается некий Исень Ишмаматов, он же Семеней Аганин, родом из касимовских мурз [6, лл.169–170].

Можно предположить, что предки Семеней Аганина были на службе у хана Кучума и ушли с его отрядами в конце XVI века, а уже через столетие вернулись на прежние земли. С другой стороны, возможно, что касимовские мурзы отправились в далекую Сибирь уже после распада в конце XVII века Касимовского царства, привлеченные выгодами государственной службы в огромной и малонаселенной Сибири. Это вполне созвучно с положением Д.М.Исхакова о том, что «татары», в отличие от «черного» ясачного населения, «являлись в определенной мере экстерриториальной группой, обла-

давшей правом переселения из одного ханства в другие» [7, с.19]. Думается, подобная практика «переселения» сохранилась и после завоевания Москвой татарских ханств. Военно-служилая элита сохранила свои военные функции и после русской колонизации, став служилыми татарами. Таким образом, в родовой легенде Кутумовых о происхождении от петербургских офицеров отразилось соотнесение принадлежности рода к военно-служилому сословию.

В «Деле по просьбе отставного пятидесятника Кутумова о возвращении во владение земли, отданной во владение татарам юрт Медянских» (1836–1848 гг.) пятидесятник Татарского казачьего полка Измаил Кутумов, опираясь на «данные» и закладные, пытается отстоять свое право владеть обширными землями «пашенными и переложными с поскотиною и санными покосами... доставшимися в вечное владение князя Ишмаметева-Аганина». В число этих документов также входили «закладная 7161 года (1653) от захребетного татарина Бекшеня Киримова на 40 десятин и «скаска», отобранная 29 октября 1831 года от жителей юрт Медянских о том, что Кутумов точно происходит от Касимовских мурз и родной покойный прадед его Исень Ишмаметев имел жительство тоже в Медянских юртах» [6, л.157, 170]. На основе этой «скаска» можно представить начальный период родословной мурз Кутумовых. Отцом князя Исеня (Семеней) Аганина был некий мурза Ишмамет (Аганин ?), но пока по имеющимся материалам трудно установить, кто именно прибыл из Касимовского царства – Ишмамет или Семеней. Сыном Исеня (Семеней) был «тобольский служивый татарин» Кутум Семенеев (по данным поступной 1706 года от сына боярского Петра Тарыштина), его сыном был Мурат Кутумов (купчая 1744 г.), сын Мурата – Умер, а пятидесятник Измаил Кутумов, фигурирующий в данном «Деле», был сыном Умера [6, с.31].

Другой документ «Ведомость об учреждении Тобольской иррегулярной из магометан казачьей команды», датируемый 1797–1807 гг. [8, л.161], проливает свет еще на одну ветвь рода Кутумовых. По всей видимости, братом Умера, отца Измаила Кутумова, был Мустафа, сыном которого был упоминаемый в данной «Ведомости» атаман поручик Мамедрафи Кутумов, находящийся на службе с 1769 года. Мамедрафи в начале XIX века было около 50 лет. У него были сыновья: старший – Муртаза, которому тогда было 32 года, близнецы Хасан и Хусаин, которым было по 4 года.

На протяжении длительного времени, с конца XVI по начало XIX веков в Сибири существовал институт татарских голов. Татарскому голове была вручена огромная власть над аборигенным населением. Он осуществлял руководство военным контингентом – служилыми татарами. Кроме того, ему принадлежали «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами. Первым татарским головой в Тобольске был Черкас Александров, один из сподвижников Ермака. В дальнейшем, уже с XVII века, на должности татарских голов назначались представители татарского населения. Долгое время на должности тобольских голов находились представители рода татарских мурз Кульмаметевых, которые, на наш взгляд, являлись потомками беклярибека Сибирского ханства. Функции татарского головы включали в себя многие из тех функций, которые были характерны для карача-бека (беклярибека), в ведение которого находились военное и дипломатическое ведомства, а также высшее гражданское судопроизводство [9, с.69].

Некоторый, хоть и очень непродолжительный, период должность головы тобольских служивых татар занимали представители рода Кутумовых. В «Путевых записках» Г.Ф.Миллер сообщает о том, что после смерти Сабанака «в настоящее время служилые подчиняются некоему Кутумову из касимовских татар, из России, живущему в Тобольске. А ясачные управляются русским приказчиком» [10, с.76]. Эти сведения относятся к 40-м годам XVIII века. Архивные материалы подтверждают эти данные. Так, в купчей 1737 года татарским головой был назван Чура Кутумов, о котором, видимо, и идет речь в «Записках» Миллера. В «Рапорте Министру полиции от генерал-губернатора Сибири И.Пестеля» от 24 октября 1811 года говорится, что в 1732 году служилые татары избрали головой Чуру Кутумова [11, л.17].

Вплоть до недавнего времени, как указывают информаторы, бережно хранилась царская грамота, выданная Кутумовым, по которой они считались российскими дворянами и во владение им за верную службу даровались земельные угодья «за Медянками до Суклема и до середины Тобола». Грамота, написанная, по преданию, золотыми буквами, после революции 1917 года находилась у одного из представителей рода Кутумовых – Ихсана. В Гражданскую войну Ихсан был офицером Белой Армии, а в 20-е годы он бежал из Сибири, изменив фамилию [12].

Обращает на себя внимание обстоятельство, что, в отличие от всех других представителей сибирско-татарской знати, довольно быстро (в течение XVII в.) утративших былые звания и положение, Кутумовы на протяжении длительного времени сохраняют свои позиции и звание мурз, несмотря на активную политику клана Кульмаметевых, направленную на устранение возможных

конкурентов. Даже в первой половине XIX века, когда Кульмаметевыми были заняты практически все руководящие должности (голов, сотников, атаманов) казачьих команд Татарского полка, Кутумовы, наряду с ними, продолжают оставаться на высоких казачьих постах. Думается, это не случайно. По документам конца XVII века, сын «касимовского мурзы» Семеней Аганина, известного нам уже с середины XVII века, (Иш)маммет Семенеев, был в числе пяти служивых татар, получавших наибольшие оклады, а именно – по 15 рублей [13, с.59]. По справке 1631 г. в г. Тобольске 4 человека получали по 12 руб.; 4 – по 11; 2 – по 9; 10 – по 8; 18 – по 7; 18 – по 6; 36 – по 5; 68 – по 4; 1 – 3 руб. 50 коп. и 82 человека – по 3 рубля. Кроме того, 12 человек, которые получали старшие оклады, получали еще и по 2 чети ржи и 2 чети овса [14, с.171].

По окладным книгам 1696 года обнаруживаем, что самые большие оклады среди тобольских служивых татар были у голов служивых татар – Авазбакея Кульмаметева – 23 рубля, а также его сына Сабанака Азбакеева – 16 рублей. Наибольшие оклады среди служивых татар – по 15 рублей – были у Кармышана Кочемаметева, Тахлыбая Копландина, Юзюпа Алышаева, Мамета (по другим источникам – Ишмаммета) Семенеева и Мамет Мурата Азбакеева. По 14 рублей получали Акшац Мамеделеев, Кутлумавет Исенеев, Аничко Аиткулов, Урмашко Надыров [13, с.59]. Русская администрация сохраняла иерархию среди «лучших людей» аборигенного населения на протяжении XVII века, поэтому оклады служивых татар отражали социальную значимость прежней ханской элиты. Кроме того, обычно на места умерших служивых с их окладом приверстывались их дети или братья. Исходя из этого, в указанных служивых татарах со старшими окладами можно видеть потомков высшей аристократии Сибирского ханства.

Ведь не случайным было выдвижение на должность голов служивых татар в первой половине XVIII века представителя рода Кутумовых. Эта ситуация напоминает борьбу за лидирующие позиции между двумя соперничающими кланами. О высоком статусе Кутумовых говорит и тот факт, что им, наряду с Кульмаметевыми, удалось сформировать довольно крупное частное землевладение в Сибири в XVII–XVIII вв.

В 1784 году татарские мурзы получают права российского дворянства [15, с.313]. Сибирские мурзы Кульмаметевы направляют прошения в Петербург о пожаловании дворянства, указывая в них на свои многочисленные заслуги. 25 апреля 1796 года «Жалованной грамотой» императрицы Екатерины II род татарских мурз Кульмаметевых был причислен к российскому дворянскому сословию [11, л.1; 16, с.344].

Получили ли мурзы Кутумовы дворянские титулы, пока не установлено. В отличие от ситуации с Кульмаметевыми, архивные материалы пока это не подтверждают, имеются лишь косвенные сведения (например, свидетельства информаторов о выше приведенной грамоте), позволяющие предположить данный факт.

Список использованных источников и литературы

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч. 3. – СПб., 1866.
2. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. – Казань, 1991.
3. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. – Т.1. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999.
4. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / под ред. Уразмановой Р.К., Халикова Н.А. – Казань: ПИК «Дом печати», 2002.
5. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 41. Д. 113.
7. Исхаков Д.М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв. / Научный доклад на соискание ученой степени д. ист. наук. – М., 2000.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7.
9. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999.
10. Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых описаниях // История Сибири. – Новосибирск, 1996.
11. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347.
12. ПМА, 2002.
13. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1885.
14. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. – Т.3. – Ч.2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
15. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. – Иркутск: Восточносибирский отдел ИРГО, 1883.
16. Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М.: Наука, 1999.

Г.Г. Файзуллин, Э.И. Саттаров

Правовые основы института татарских мурз и дворян в постсоветской России: история и современность

Во-первых. В третьем тысячелетии, несмотря на неизбежные процессы глобализации и интеграций экономических, социально-культурных и духовных ценностей множеств стран, являющихся субъектами международного права, есть потребность у различных народов, наций и этносов в сохранении своих культур, языка и религии, которые выработаны веками в процессе эволюций различных цивилизаций. В этом контексте выносимая на обсуждение на научно-практической конференции проблема «Татарские мурзы и дворяне: история и современность» является весьма актуальной и отвечает с одной стороны геополитическим интересам России, а с другой – объективно показывает роль тюркских народов, в том числе татар в создании Российского государства, начиная с XV века до наших дней. В фундаментальных трудах Л.Н. Гумилева предлагается та концепция о взаимоотношениях Руси и Степи, призванная реконструировать в официально-догматическую русскую историю. В этом контексте и можно высоко оценить комментарий академика Д.С. Лихачева, который является консолидирующей и в полном объеме отвечает геополитическим интересам многонациональной, многоконфессиональной постсоветской России, желающей в будущем стать правовым государством. По словам Д.С. Лихачева, концепция Гумилева имеет одну очень важную сторону: она смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор. В этом концепция целиком соответствует основной идее понятия «дружбы народов» [1, с.9]. Высоко оценил Л.Н. Гумилева первый Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев: «Период Золотой Орды нельзя рисовать только черными красками. Нужно видеть и созидательную сторону этого государства. Великий ученый и гражданин Лев Николаевич Гумилев назвал «татаро-монгольское иго» союзом народов, возникшим на основе взаимного интереса: русским нужны были татарские войска для охраны западных рубежей, а дань была весьма умеренной платой за обеспечение безопасности. Но таких историков, как Л.Н. Гумилев, решившихся открыто сказать иную, нетрадиционную точку зрения, единицы» [2, с.14].

Во-вторых. Основываясь на научные исследования и прошлого, и настоящего времени, в том числе М.Н. Карамзина, Л.Н. Гумилева, Ш. Марджани, И. Гаспринского, К. Насыри, Р. Фахрутдинова, Гаяза Исхаки, Заки Валиди Тоган, Р.Г. Сибгатов, С.Х. Еникеева (Саид мурза Еникеев), А.Х. Халикова, М.З. Закиева, Р.С. Хакимова, И.Р. Тагирова, Д.М. Исхакова, Р.З. Закирова, Мурада Аджи, Яраслава Пеленского, Надир Давлета и др., можно проследить решающую роль в становлении Российского государства, одновременно со славянскими народами, и тюркских народов, в том числе и татар. Все это означает, что федерализм как принцип современного правового государства имеет объективные причины и уходит глубокими корнями в историю разных этносов, образующих единое российское многонациональное и многоконфессиональное государство.

В-третьих. В связи с тем, что согласно науке теории государства и права, одновременно с появлением государств как политической системы любого государствообразующего народа возникает и право (закон), призванное регулировать общественные отношения, исходя из социально-экономических формаций в котором находится социум. Разумеется, вместе с решением «общих задач» государство, используя нормы права (закон), защищает интересы преимущественно тех сословий, классов, наций, этносов и т.п., которые доминируют в данной общественно-экономической формации страны.

Процесс правовой консолидации дворянства начался еще в петровскую эпоху. «Указ о единонаследии» подготовил единство имущественной базы этого сословия и специально подчеркнул его служебную функцию, ставшую обязательной.

Когда в России в начале XVIII в. началось формирование дворянского сословия, Петр I в Указе от 17 апреля 1722 года определил суть дворянства, прежде всего как службу общему благу. «Служение Отечеству» должно было «спасти страну от глупости и превратить подданных из скотов в людей». Особое значение придавалось равенству перед законом всех подданных Российской империи. «Не персоны управляют законами, но законы управляют персонами».

Духовно-нравственное воспитание дворян в образцовых образовательных учреждениях заслуживает серьезного внимания не только как частный вариант проблемы воспитания, но и как особое явление отечественной культуры, поскольку выяснен факт существования дворянской культуры как феномена.

XVIII – началу XIX вв. относится расширение дворянства на многонациональной основе. Присоединение Прибалтийских провинций сопровождалось (с 1710 г.) оформлением остзейского дворянства. Указом 1783 г. права российских дворян были распространены на шляхетство трех украинских губерний, в 1784 г. – на князей и мурз татарского происхождения.

Дальнейшее развитие капиталистического уклада и начало разложения феодальной системы в первой половине XIX в. породило в общественной жизни явление дворянской революционности, направленной на уничтожение феодальной системы и утверждение нового, буржуазного строя. Как известно, в истории русского революционного движения выделяется дворянский этап; его первым проявлением было движение декабристов.

Дворяне сохраняли свою корпоративную организацию, а также господствующее положение в управлении страной, особенно в органах местного управления: возглавляли уездное по крестьянским делам присутствие, дворянское собрание избирало неперменного члена губернского присутствия, дворяне возглавляли училищные советы, занимали первое место в воинских присутствиях и определяли личный состав мировых судей.

В составе господствующего класса Русского государства издавна имелись выходцы из тюркских народов. Их число заметно увеличилось после образования Золотой Орды. Несмотря на то, что Северо-Восточная Русь находилась в зависимости от ханов, некоторые ордынские феодалы, даже члены царствующего дома, выезжали на службу в русские княжества, да и сами князья считали за честь породниться с татарской знатью.

В Российском государстве не только русские, но и другие тюркские народы (татары, чувашаи, башкиры и иные) за доблестное служение Российской империи удостоились дворянского титула. Процесс инкорпорации мусульман в состав российского дворянства в первую очередь коснулся территории Европейской России. Указ 22 февраля 1764 г., подтвержденный положениями «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г., распространял на татарских князей и мурз все привилегии российского дворянства, кроме права владения крепостными-христианами [11].

В последнее время стала осознаваться необходимость изучения обязательных правил и правовых норм, регулировавших жизнь населения Российской империи. Исследователи все чаще обращаются к законодательным источникам по истории отдельных народов и регионов [3, с.72–77; 4, с.121–129; 5, с.156–162; 6, с.244–249; 7]. Именно законодательные акты фиксировали волю господствующих и определяли положение, права и обязанности подчиненных классов и сословий, устанавливая правила и нормы взаимоотношений в обществе. «В современных условиях, когда на фоне обострения межнациональных и межконфессиональных противоречий идет поиск форм нового политического устройства России, отвечающего интересам различных регионов и народов, осмысление опыта законодательного регулирования и управления многоэтничным государством приобретает особую значимость» [8].

К примеру, при Иване III (1440–1505 гг.) военную силу Касимовского ханства составляли служилые татары, которые верно служили русским монархам. Со строительством новых русских городов и военных гарнизонов местные татарские князья признали над собой власть Московского Великого князя (Грамота Ивана IV, данная челобитной Кадомской мордвы в 1538 г). По их содержанию в правовом положении Московское княжество не ограничило прав коренных этносов: татар, мордвин, чувашей и др. Татары получили значительные вотчины за службу в Московском княжестве. В связи с тем, что татарская элита (царевичи, мурзы, князья, тарханы) имела репутацию хороших военачальников, их охотно нанимали на военную службу, и русские князья с их помощью защищались от своих противников (тевтонских рыцарей, шведов, поляков и т.п.) на Западных рубежах. Они защищали Русь и от крымских и ногайских воинов. Мурзы принимали участие на всех войнах, которые вела Россия при Иване Грозном, в том числе и на Ливонской войне. В 1534 г. темниковские татары во главе с Тенишем князь Кугушевым участвовали в походе на Великое княжество Литовское [9, с.34].

В четвертых. В условиях политических и экономических преобразований в постсоветской России, осуществляемых на конституционной основе, новый импульс получил возрождение тех социально значимых традиций, ценностей и исторического наследия предыдущих поколений различных народов, наций и этносов Российской Империи, которые порой были переданы в забвение, несмотря на то, что многие из них сыграли в прошлом позитивную роль в укреплении целостности нашего Отечества.

В настоящее время в рамках таких международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой

дискриминации от 7 марта 1966; Международный Пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., Конституция Российской Федерации (1993) и Федеральный закон «Об общественных объединениях» [10], был восстановлен упраздненный институт дворянства в годы советской власти. В настоящее время в Москве в соответствии с существующим законодательством создано Российское Дворянское Собрание.

По Конституции Российской Федерации Россия является не только правовым, демократическим (ст.1), социальным (ст.7), но и многонациональным и федеративным (ст.1) государством» [11, с.89, 94, 122.]. В научных трудах отмечается, что «В мире накоплен значительный опыт федеративного государства. И хотя существуют некоторые общие принципы федеративных отношений, тем не менее каждая страна обладает собственным, во многом уникальным опытом» [12, с.336] Россия, будучи конгломератом различных этносов, наций, народов, религий, изначально запрограммирована быть федеративным государством.

Общеизвестно, что Россия как часть мировой цивилизации, обладает большим потенциалом и способна в будущем занять достойное место в мировом хозяйстве. Страна, которая оказалась способной не революционным, а эволюционным путем подвергнуть радикальному реформированию свою политическую и экономическую систему, заслуживает быть развитым и благополучным государством в мировом сообществе. Общеизвестно, «в экономической жизни страны государство выступает прежде всего как властная структура, устанавливающая правила поведения на рынке, и влияющая своими обязательными предписаниями на условия функционирования рыночных субъектов». В перспективе задачей государства является продолжение разработки стабильной и непротиворечивой правовой базы, восполнения имеющихся здесь многочисленных пробелов. В условиях переходного периода большую роль играют «регулирующие функции государства с использованием широкого набора экономических регуляторов применительно к складывающейся ситуации, этапам развития экономики» [13, с.4].

Сегодня, когда речь идет о становлении правового государства и гражданского общества в России, очевидна тенденция стабилизации. Постепенно формируются властные структуры, учитывающие принципы правового государства, определена стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года. Реализация этой программы должна привести к экономической стабильности, без которой не достижима национальная безопасность России. В этом контексте проводимая государством политика по обеспечению межнациональной, межконфессиональной стабильности не только отвечает интересам национальной безопасности России, но и отвечает интересам ее многонационального народа.

Список использованных источников и литературы

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Хранитель. – 2006.
2. Кредо. Минтимер Шаймиев о стране, республике и народе. – Kazan-London, 2002.
3. Острась З.С. Использование крестьянами в борьбе за землю обычного и государственного права (на материалах Левобережной Украины второй половины XVII–XVIII вв.) // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
4. Колесников П.Г. Правовое положение крестьян Белоруссии // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
5. Траат А.М. Об этапах изменения правового положения крестьянства Эстонии // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
6. Усманов Х.Ф. Земельное право башкир-вотчинников // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
7. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сост. Ф.Х.Гумеров. – Уфа, 1999.
8. Ногманов А. Хронологический перечень законодательных актов о татарах Среднего Поволжья и Приуралья 2-й половины XVI–XVIII вв. // Эхо веков. – 2000
9. Еникеев Саид мурза, князь. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа, 1999.
10. В ред. от 02.02.2006 №19-ФЗ, от 23.07.2008 №160-ФЗ.
11. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н.Топорнина. – М.: Юристъ.
12. Хаким Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения. 1989–2006). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007.
13. Абахов Ю.М., Зельднер А.Г., Мильчакова Н.А. и др. Повышение действенности механизмов государственного управления и регулирования. / Государственное регулирование экономики в современных условиях. Сборник статей. – Т.2. – М.: Институт экономики РАН, 1997.

СЕКЦИЯ 1. «Исторические вопросы формирования татарского дворянского сословия»

И.Р. Габдуллин

Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв.

Одной из групп служилого населения в Российском государстве XVI–XVIII веков являлись тарханы. В основном эта группа известна по источникам, как связанная с Уфимским уездом.

Слово «тархан», обозначавшее одну из привилегированных социальных групп населения впервые зафиксировано в Тюркском каганате в VI веке. В Хазарском каганате, Волжской Булгарии, у половцев-кыпчаков тарханы известны как представители правящей элиты или же чиновники-администраторы.

Несколько меняется содержание термина «тархан» в период становления империи Чингизхана и Золотой Орды. Тарханами в этот период за особые военные или иные заслуги могли становиться как представители знати, так и «черные люди».

Опубликованные и архивные документы говорят нам о том, что к тарханам относились различные группы служилого населения – плативших и не плативших ясак, жалованных поместьями землями и служивших исключительно с вотчинных владений, получавших денежный оклад и не имевших его, участвующих в станичной службе и призывавшихся только на походную службу. Были, наконец, тарханы, которые не передавали свой привилегированный статус по наследству.

Из всего многообразия критериев, отличающих положение тархана, на наш взгляд, первенствующим являлось наличие поместного владения – суюргала. Отнюдь не все тарханы были владельцами служилых поместий. Некоторые из них владели ими на территории бывшего Казанского ханства еще в середине XVIII века. Например, в 1746 году Уфимского уезда Казанской дороги команды старшины Зайта Абдулина деревни Кутлугушевой служилый тархан Кутлугул Дюскеев дал купчую ландмилиции Шешминского полка поручику Ивану Лаврентьевичу Тимашеву в том, что продал свою поместную землю с бортями и угодьями до города Самары по реке Кинель выше пригорода Алексеевска за 300 рублей [31, л.145]. Все подобные поместные владения были пожалованы еще в период Казанского ханства.

В соответствии с принятым еще в середине XVI века положением о поместной службе служилый человек никогда не мог получить только один вид оклада – поместный, денежный или хлебный. Даже конные стрельцы и городовые казаки, относящиеся к низшей служилой группе – приборным, получали хлебные и денежные оклады или в исключительных случаях – денежные и поместные. Таким образом, тарханы, владевшие поместьями, должны были верстаться и денежными окладами. Об этом говорят и немногочисленные упоминания в источниках. Так, в 1675 году башкир Казанской дороги Байлярской волости Уразай (Урай) Нагаев бил челом государю пожаловать его поверстать в оклад тархана деда 8 рублей жалованья [2, с.34]. В то же время в том же документе челобитчик указывает на то, что «дед и отец ево Уразайков служилые были татаровя и не ясашные и он, Уразайко, в ясак не положен» [34, л.1].

В согласии с установленными правилами поместной службы все служилые люди, получившие поместные и денежные оклады, обязательно должны были быть записаны в городовые десятины. Десятни служили основным документом, на основании которого производилась раздача денежного жалованья провинциальному дворянству [19, с.3]. О том, что башкир, пожалованных тарханством, записывали в уфимские десятины свидетельствуют соответствующие указы. Так, в 1702 году Бурзянской волости «башкирцы Юмашка Бабраев да Карачучка Сараязов» были пожалованы «за службы дедов и отцов и их службы велеть по породе их написать в уфимскую десятню написать

тарханами» [8, с.38]. Башкирские тарханы, вписанные в уфимскую десятню, номинально были приравнены к служилым людям по отчеству. Во второй половине XVII века уфимская администрация отождествляла дачу тарханства и запись в служилые мещеряки. Челобитные о записи мишарей в служилые и башкир в тарханы рассматривались и хранились вместе. При этом наблюдается некоторая зависимость между численностью служилых татар (мещеряков) и тархан. В 1661 году числилось 187 башкирских тархан, по спискам же 1681 и 1683 годов – 90 человек [2, с.30]. В какой-то мере двукратное уменьшение числа тархан объясняется тем, что к 1680 году к конным стрельцам и казакам Уфы была добавлена сотня служилых татар и мещеряков, получавших от 4 до 6 рублей [28, л.280]. Таким образом, военным властям Уфы было необходимо и достаточно иметь около двух сотен служилых мещеряков и тархан.

Следует предположить, что такое незначительное количество служилых людей не предназначалось для походной службы. Действительно, почти во всех челобитных служилых мещеряков и тархан XVII века фигурирует только один вид службы – посылка в станицы. В одном из документов говорилось, что отец потомственного тархана Акинчия Таникеева Демской волости Таникей «во многих ваших (т.е. царских – И.Г.)... послугах завсегда и про все находился и по вашему указу посылан был на ваши службы в станицу до Яику и до Ашкадару и в оных дальних и ближних посылках» (1682 г.) [2, с.37]. В Уфимском уезде станичная служба считалась настолько тяжелой и затратной, что в 1690 году уфимских конных стрельцов и казаков освободили от «городовых и острожных поделок... для дальней их службы и отъезжих их караулов» [27, л.661]. Самая дальняя уфимская станица в XVII веке, отмеченная в документах Уфимской приказной избы, доезжала до Яицкого городка.

По нашему мнению, именно тарханы, посылавшиеся ежегодно на станичную службу, вписывались в уфимские десятни и верстались денежными и поместными окладами. Именно среди них следует искать владельцев поместий за пределами Уфимского уезда, главным образом на территории бывшего Казанского ханства. Об этом в частности говорят и топонимы этих территорий. Селения с названиями Большие, Верхние, Нижние и Красные Тарханы располагаются ныне в Тетюшском районе, Тарханка в Аксубаевском районе, Тархан в Азнакаевском и Балтасинском районах Татарстана [24, с.250–256, 366]. Зафиксирована и фамилия Тархановых среди служилых татар Казанского уезда в первой четверти XVIII века [10, с.243]. Селения с названиями Тарханское, Тархан-Ефаево зафиксированы в Темниковском уезде. О наличии тарханов в Мещере говорит и жалованная грамота царя Ивана Васильевича князю Еникею Тенишеву, выданная в 1539 году. В грамоте говорится: «татар из тарханов и башкирцев и можарян, которые живут в Темникове, судить и ведати их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш» [Еникеев, 1999, с.36–37]. Тарханы в Темниковском уезде прослеживаются и по материалам второй половины XVII века. Так, в 1657 г. отмечены тарханы Кежеватовы, а в 1683 г. «тарханцы» показаны среди жителей д.Атаново (правильнее Атюнино – И.Г.) [12, с.262, 429].

В Казанском ханстве пожалование тарханства подтверждалось так называемыми «тарханскими ярлыками» или же «тарханскими грамотами». К настоящему времени известны четыре текста тарханских грамот, выданных казанскими ханами в конце XV – первой половине XVI веков. Впервые подлинный ярлык на тарханство, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем (казанский хан с 1521 по 1524 год) в 1522 году, был найден археографом С.Г. Вахидовым в 1912 году в Мамадышском уезде Казанской губернии. В 1963 году казанским историком Р.Н. Степановым в фонде «Уфимская приказная изба» РГАДА был обнаружен ярлык на тарханство, выданный ханом Ибрагимом (правил в Казани с 1467 по 1479 год). Еще два текста тарханских ярлыков в переводе на русский язык, выданные предкам нефтепромышленника и старшины Надыра Уразметова казанскими ханами Мухамет-Амином в 1516 году и Сафа-Гиреем в 1526 году выявлены И.Р.Габдуллиным в фонде «Сенат и Сенатские учреждения» РГАДА в 2003 году. В том же году они были опубликованы в книге «Элмэт – Альметьевск» [1, с.290–291].

Первый из этих ярлыков применительно к суюргальному землевладению был проанализирован казанским историком Ш.Ф. Мухамедьяровым, который выделил ее следующие особенности: 1) обусловленность владения несением военной или иной службы государю; 2) наследственность суюргального владения; 3) налоговый иммунитет; 4) административно-судебный иммунитет [41, с.98–99]. Второй из этих ярлыков впервые был опубликован в журнале «Казан утлары» в 1965 году. Необходимо отметить то, кому был выдан этот ярлык. Это вдова Гуль-Бустан-хатун, ее сын Мухамет-Газиз-хан и их служащий Хуш-Килде. Высокий статус Мухамет-Газиз-хана подчеркивается в грамоте не только тем, что он именуется «ханом», но и представлением его как выходца из царского рода («шах нэселе») и потомком Джанэкэ султана. Да и эпитет

«хатун» по отношению к матери Мухамет-Газиз-хана применялся в постзолотоордынских государствах только по отношению к представителям знатнейшей элиты [42, 1965, с.146–149]. Султанами же в то время именовали только представителей дома Чингисидов. Упомянутый же в грамоте Джанэкэ султан, видимо, является представителем «золотого рода» Джанэкэ (или Джанаса), дедом казанского хана Улуг-Мухамеда [5, с.206]. Иными словами можно сказать, что один из получателей ярлыка был Чингисидом, и являлся близким родственником казанских ханов. Основные положения этого более раннего по времени ярлыка повторяются и в ярлыках казанских властителей Сахиб-Гирея, Мухамет-Амина и Сафа-Гирея. В последнем из этих ярлыков, выданных в 1526 году Хасяну и Хосяину Асылходжиным любопытным моментом является то, что по отношению к этим тарханам применено не переведенное переводчиками словосочетание «Яобуроше», которое означает «обязанные военной службой» [30, л.451об].

Таким образом, определяющим фактором при жаловании тарханством являлась военная служба. Основу же войска в постзолотоордынских государствах, как и в более раннее время, составляли конные рати. В связи с этим, в земледельческом государстве, каким являлось Казанское ханство, местные правители вынуждены были обращаться за военной поддержкой в кочевые степи, по сути дела нанимая на службу степную элиту. Конное войско нанималось, прежде всего, в Ногайской Орде, в т.ч., по выражению московского историка В.В.Трепавлова, в Ногайской Башкирии, наиболее близкой территориально к Казанскому ханству. В какой-то мере именно с этим обстоятельством связано появление нового колеса в казанской арбе – Ногайской даруги (бывшая «Беловоложская земля»). Нанятые на службу степные воители жаловались поместьями с ясачным крестьянским населением в непосредственной близости от Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на границах Казанского ханства и Ногайской Орды. Видимо, этим можно объяснить наличие «ицких» волостей в бассейне р. Ик: Айлинской, Бурзянской, Кыпчакской, Минской, Табынской, Тамьянской и др., территориально оторванных от основного ядра материнских волостей Ногайской Башкирии.

О военной службе в Казанском ханстве выходцев с территории будущего Уфимского уезда имеются многочисленные свидетельства. В частности, можно отметить целый ряд топонимических параллелей, связанных с племенной структурой Ногайской Башкирии. Крупнейшей родоплеменной волостью в Уфимском уезде была, как известно, Минская волость. С минцами связаны такие населенные пункты Татарстана как Мингер Сабинского района, Новый Менгер Арского и Старый и Большой Менгер Атнинского и на нагорной стороне с. Шонгуты (татарское название – Мен иле Шонгаты) Апастовского районов. В старинных преданиях в ряде этих селений говорится, что часть их предков была из захваченных в плен «минцев», подчеркивается также особая роль коневодства в начальный период истории селений [4, с.10; 14, с.137]. В Муслюмовском районе расположены такие селения, как Верхний и Нижний Табын, Тамьян, Кряш-Шуран и Татарский Шуран. Можно назвать также Старое и Новое Дуваново Дрожжановского района, Карадуван Балтасинского, Старый и Новый Тазлар Арского районов. Кроме того, на территории современного Татарстана отмечены топонимы с выраженной этнической или же политонимической окраской. Так, в окрестностях с. Старый Багряж-Елхово на западе Альметьевского района имеется «башкирское кладбище» («башкорт зираты») с пятью надгробными камнями и тамгами. Здесь же были найдены фрагменты керамики близкой посуде чияликской культуры. Неподалеку располагается и каменный бал-бал (каменная баба) со знаком-тамгой на груди. «Башкирское кладбище» располагается и у с. Катмыш Муслюмовского района. На могильнике над могилами были сооружены небольшие курганы. Имеются и надмогильные плиты, один из которых датируется XIV веком [18, с.41, 96]. Широко распространены топонимы, касающиеся ногайцев – «Нугай кабере» («ногайская могила») и «Ногай коесы» («ногайский колодец») в Пестречинском районе, «Нугай елгасы» («ногайская речка») в Сабинском и Альметьевском районах, «Нугай тавы» («ногайская гора») в Зеленодольском и Арском районах и т.д. [14, с.136]. По преданиям башкир д. Кучербаево Стерлитамакского уезда, всю западную часть Уфимской губернии, включая Мензелинский и Бугульминский уезды, до присоединения региона к русскому государству занимали ногайские племена [26, с.98]. Об этом же, опираясь на народные предания и легенды, писали и земские статистики в XIX веке, отмечая, что ногайские татары в Бугульминском, Ставропольском, Бугурусланском и Бузулукском уездах проживали «со времени первого появления орды в Поволжье» [39, с.74]. Ими же отмечалось наличие валов ногайских времен в бассейне р. Шешма Мензелинского уезда. Об этом в частности писал уфимский статистик Н.А.Гурвич, отмечавший, что в трех верстах от с. Багряш (имеется в виду с. Старый Багряж-Елхово Альметьевского района РТ) находится местность, называвшаяся «Ногайским городком» или же «Ногайским жилищем», в котором

жил, согласно местным преданиям, «ногайский хан, современник и едва ли не родня Мамаю». Здесь же располагались остатки вала длиной в 320 сажень и лес также называвшийся «Ногайским» [40, с.339; 43, с.74]. Наличие крупного центра, в котором пребывал хан в бассейне р. Багряж во времена эмира Тамерлана, рассказывается и в «Тэварихы Болгария» Муслими [23, с.89].

Имеются и многочисленные письменные свидетельства о пребывании как башкир, так и ногайцев в Казанском ханстве и уезде. По писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов в д. Шатки Ногайской дороги (ныне с. Шадки Тюлячинского района РТ) проживал «башкирский князь» Тятигач Муралеев [25, с.42–43]. Он же был связан и с д. Чиндырево той же дороги, которая в 1591 г. была жалована ему и служилому татарину Ишею Наурузову [25, с.49–50]. Видимо, И.Наурузов также был выходцем из Ногайской Орды, т.к. в Казанской губернии в начале XIX в. известны татары, ведшие свое происхождение от башкирских князей Наурусовых [15, с.24–25]. В какой-то мере с Башкирией связан и герой общетюркского эпоса «Чура-батыр» – казанский князь Чура Нарыков, являвшийся главой клана Аргын в 1520–1540-е годы. Хотя, эпос и показывает Чуру Нарыкова как выходца из Крыма, но есть и ряд моментов, которые связывают как его род, так и клан Аргын с Башкирией. Так, в шежере племени тамьян-катай показан отец Чуры Нарык, названный там «мирзой». Сами же тамьянцы по эпосу «Чура-батыр», входили в состав клана Аргын [15, с.48–51]. С присоединением Казанского ханства к Московскому государству, видимо, часть тамьянцев осталась на своей поместной земле и именовалась служилыми татарами. К середине XVII века эти служилые татары проживали в д. Шырдан Свияжского уезда. Позднее, они оказались в Надыровской волости, где ими была основана д. Кульшарипово (ныне в Альметьевском районе Татарстана). В 1744 году служилые татары из д. Кульшарипово Кульшарип Дюсметев и другие «по крепостной уступочной записи» приобрели часть земель у служилых тархан Кульмаметева и Шарипова по р. Кинель и переселились в основанную ими д. Мукменево Тамьянской волости [45, л.263, 269 об]. При этом, по родословной тамьянских башкир Кулшариф сын Дусмухамеда оказался потомком башкира Тамьянской волости князя Шагали Шакмана [6, с.130]. По преданиям же жителей д. Кульшарипово, селение основал Кулшариф, внук Юлдаша, переселившийся из д. Шырдан нынешнего Зеленодольского района Республики Татарстан. Из того же селения Шыр-дан переселился и Юлдаш, основатель д. Кичучатово (ныне в Альметьевском районе Татарстана) и пращур Ризы Фахретдинова.

Другой известной группой тарханов являлись потомки лиц, жалованных тарханством в 1523 году казанским ханом Сахиб-Гиреем. Этот тарханский ярлык был выдан Шихахмеду Мухамем-медову, Абдалу и Балашу Шихахмедовым и их товарищам, всего семь человек. Этот ярлык впервые упоминается в ходе спорного дела о вотчине между ясачными татарами Акешкой Доскеевым, Мурзакайко Юкачевым «с товарищи» и башкирами Иректинской волости. Сама грамота была во владении ясачных татар, утверждавших что «жалованную грамоту» на ту вотчину была дана «деду ево Доскейки Белякова». Возможно, Беляк этого документа и Балаш названного ярлыка одно и то же лицо. В ходе рассмотрения этого дела башкиры окрестных волостей заявили, что «та де вотчина татарская Акешкова с товарищи, а не башкирская и владели истари деды и отцы их Акешковы и товарищей ево». Башкиры же Иректинской волости (племя *иректе* являлось частью табынского племени), оказавшиеся потомками Абдала Шихахмедова, утверждали, что владения ясачных татар Акешки и его товарищей располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни... да деревня Балтачева Атойма тож... да деревни Ныс». Сами же ясачные татары заявили, что «в Казанском уезде деды их живали... как города Уфы не было», а «та де вотчина (по р. Ик – И.Г.)... написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятия в первых летех». Видимо, владения по Зюрейской дороге были даны этой группе как поместье, а вотчины располагались по р. Ик. Пребывание же табынцев зафиксировано в Мамадышском уезде. Позднее, Акешка Доскеев с товарищами оказался в числе «башкир тарханского роду» [35, л.2 об; 36, л.7–9]. Из этого же «тарханского» рода и башкирское население д. Исламбахты нынешнего Ермакеевского района РБ. В их родословной встречается имя Юкачи, которое, видимо, имеет прямое отношение к ясачному татарину Мурзакая Юкачеву [5, с.83].

Такая же ситуация сложилась и с потомками тарханов Хусаина и Хасана Асылхужиных, проживавших к 1678 г. в д. Адаево Зюрейской дороги Казанского уезда. К этому времени этот род попал в число ясачных татар. Потомки этих тархан, проживавшие в д. Ермаково нынешней Самарской области в своей «летописи» утверждали, что их предкам были дарованы земли в районе Бугульмы [16, с.323; 17, с.17–18]. Видимо, имея поместья на Нагорной стороне Волги и в окрестностях Казани, своими вотчинными землями на периферии ханства по р. Зай, они владели лишь наездами. Именно потомки этого тарханского рода положили начало основанной ими Надыров-

ской волости. По сведениям межевых контор, Надыровская волость получила свое наименование «от татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорозжую землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану», поселился там вместе с другими «инородцами» [11]. Но все же этот род помнил свои «служилые» корни. Так, один из родственников Надыра Уразметова Уразко Байбурин еще в 1690 году подает челобитную с просьбой записать его в тарханы, указывая при этом на то, что родственники его «исстари служили царю... по Уфе в тарханах» [37]. Принадлежность Надыра Уразметова и его родственников к татарской феодальной верхушке подтверждается и прошением Юсупа Надырова в 1777 году о снятии с него и его родственников подушного оклада, в связи с «тарханством» его предков (в 1781 году его просьба была удовлетворена) [22, с.594]. Подтверждением данной формулы может служить и упоминание в некоторых документах того периода этой волости как «Надыревой служилых татар». В указе, данном Надыру Уразметеву в 1735 году, во время начала народного восстания 1735–1740 годов предписывалось «выбрать служилых мешеряков и татар лутчих людей вооруженных сколко человек возможно... и явитца в команды господина статского советника Кирилова» [29, л.121 об.–122].

Еще одним известным родом служилых татар, выходцев из Башкирии, были Манашевы. В шежере племени Кыпчак, родоначальник рода показан как Монаш (или Мунаш) би [7, с.97–99]. Сам род Манашевых связан со служилыми татарами д. Кугарчин нынешнего Рыбно-Слободского района Татарстана. Впервые род Манашевых упоминается в 1618 году, когда «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою-рекою по Кинель-речке» получил служилый тархан д. Кугарчин Ногайской дороги Казанского уезда Килей Монашев. В том же 1618 г. «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской дороге «что бывало исстари городище Чаллинское» [38, л.391]. Вотчина же по р.Кинель еще в 1613 году была дана брату Килея Булату Монашеву, в то же время поместная земля Монашевых оставалась в Казанском уезде. Известно, что к 1690-м годам у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в д. Челны Зюрейской дороги, а вотчина его располагалась «за Камою-рекою по Кинеле-реке по обе стороны до вершины да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманаке (Аманат – И.Г.), что промеж ими течет да по Зичайке (Зычи – И.Г.) речке» [46, л.22–28]. В 1719 г. (1690–1691 гг. – И.Г.) на эти же земли по реке Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева» [44, л.45–47]. Начиная с XVII века, на данной территории локализуется Кыпчакская волость Казанской даруги Уфимского уезда, включая и «Ицкие волости» (реки Зыча, Аманат, Савруш). Потомки Монашевых, носившие позднее фамилии Манашевых, Акбулатовых и Сулеймановых, при этом уже именуются башкирами-вотчинниками. Иначе говоря, эти башкирские тарханы как по своему положению, так и по сословной принадлежности мало чем отличались от служилых татар [32, л.2, 3, 5; 8, с.44; 47, л.2]. В данном контексте интересно высказывание тархана Кыпчакской волости Давлетбая Сурбаева, который имея в виду служилых татар других областей Российского государства говорит: «А в Казани де и в Свияжском и в Чебоксаре и во всех понизовых городех по нашему указу с их братья служилых тарханов подводы не емлют» [33, л.1].

Видимо, царское правительство использовало как раз служилых татар (или же тарханов) в своих посольствах к башкирским племенам после взятия Казани. Русские власти при этом учитывали общность языка и культуры, единую религию, возможно и родственные связи служилых татар и башкир. Да и принятие русского подданства башкирскими племенами, видимо, как раз начиналось со служилых татар (тарханов), как представителей (лидеров) тех или иных кочевых сообществ.

Сохранились сведения о даровании тарханства также в народных преданиях и шежере. Так, башкиры-гайнинцы свое происхождение вели «от поколения тарханова, обитавшего в Булгарской области» [21, с.341]. Уроженцы же Бураевского района Башкортостана вели свое происхождение от Ялдака тархана, жалованного за службу Казанскому хану землями по р.Белой» [5, с.306].

Известны и случаи причисления служилых татар в тарханы. Так, в грамоте за 1702 год в тарханы были написаны служилые татары д. Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и д. Янгаз-Нарат Абдрахман Каминкин. Упоминаемый в этом списке Кутлуметко (Кутлумбетко) Кулушев, видимо, имеет прямое отношение к подавшему в 1685 г. челобитную о тарханстве жителю д. Танламас Казанской дороги Кутлуметко Кутлугушеву. Эта деревня издавна входила в состав Кыр-Иланской волости, в этой же волости отмечена и Танламасовская тюба. При подаче своего челобитья он также предъявил ярлык на тарханство, выданный казанским ханом

Ибрагимом (правил в 1467–1479 годах). По его утверждению «в прошлых годах давних служили деда и отец мой в служилых тарханех». Тарханы в Кыр-Иланской волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 году. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Позднее эти служилые татары – тарханы оказались в составе башкир [9, с.225].

С тарханами и служилыми татарами связан также ряд населенных пунктов юго-востока Республики Татарстан, в частности, Тайсуганово, Кульшарипово и Кичучатово (ныне Альметьевский район). По преданиям, д. Тайсуганово основано Абдрахманом (Абдрахман Туймухаметов – Габдрахман бине Туймухэмэт аль-Бикчураи) (1691–1764), пришедшим со своими родственниками с р. Кинель со стороны Бугуруслана из д. Галино. Известно, что эта деревня состояла в Султангуловской волости Бугурусланского уезда. В ней проживали башкиры Кыпчакской волости, ведшие свой род от тарханов Манашевых. Какое-то время Абдрахман Туймухаметов проживал и в д. Муртыш-Тамак Байлярской волости. При этом байлярское племя во время ногайского господства на Южном Урале (по крайней мере до XVI века) входило в состав кыпчакского племенного объединения.

На какой же ступени феодальной лестницы в Казанском ханстве стояли тарханы? В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на некоторое сходство положения тархан Казанского ханства и служилых татар Московского государства. В целом единый по статусу институт служилых татар был неоднороден – в него входили как потомки Чингисидов, князья, мурзы, так и простые служилые и кормовые татары. Такое же положение было и с тарханами Казанского ханства. Наряду с рядовыми тарханами, тарханские права отмечены и у Чингисидов. В целом основная масса тарханов, видимо, стояла невысоко в иерархической лестнице ханства. В этой связи любопытным является упоминание в ярлыке Ибрагима хана вместе и в одном контексте тарханов и «илче». Как известно, Казанское ханство административно подразделялось помимо даруг на «или» – низшие административные единицы (волости в русском понимании этого слова).

С насильственным включением в состав Российского государства «подрайской земли» по средней Волге и Каме и добровольным присоединением башкир, статус тархан несколько меняется. В первую очередь это было связано с тем, что, согласно статье 43-й Судебника 1550 года, тарханский иммунитет в Московском государстве был отменен [20, с.40]. В этих условиях феодальная элита Казанского ханства была включена в состав института служилых татар, уже сложившегося к тому времени. Также как русские служилые люди они жаловались поместьями и вотчинами, записывались в десяти, верстались поместным и денежным окладом. Иначе обстояло дело на окраинах Российского государства, куда руки властей доходили крайне редко.

Список использованных источников и литературы

1. Амирханов Р., Габдуллин И. Надыр Уразметов // Элмэт – Альметьевск; Казань: Фонд «Альметьевская энциклопедия», 2003.
2. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. – Уфа: Китап, 2006.
3. Ахметзянов М. Татарские родословные (на татарском языке). – Казань: Татар. кн. Изд-во, 1995.
4. Ахметзянов М.И. История села Большой Менгер (на татарском языке). – Казань: Идел-Пресс, 2000.
5. Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа (на татарском языке). – Казань: Магариф, 2002.
6. Башкирские родословные / Сост.: Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. – Вып. 1. – Уфа: Китап, 2002.
7. Башкирские шежере / Сост. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкир. Кн. Изд-во, 1960.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. – СПб., 1864.
9. Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. Материалы научной конференции АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации (Казань, 7–8 июня 2002 г.). – Казань: Фэн, 2002.
10. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 342.
12. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I, ч. II. – Саранск: Мордовское государственное издательство, 1950.
13. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: Гилем, 1999.
14. Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993.
15. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Мастер Лайн, 1998.
16. Исхаков Д.М. Из истории села Старое Ермаково Клявлинского района Самарской области // Из истории Альметьевского региона. – Вып. 1. – Альметьевск: Татполитграф, 1999.

17. Исхаков Д.М. Юго-Восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XV–XVI вв. // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Региональная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. – Альметьевск: Фонд «Альметьевская энциклопедия», 1999.
18. Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Альметьевск: РИЦ «Дом Печати», 1999.
19. Калачев Н.В. Десятни. – СПб., 1875.
20. Каштанов С.М. Отмена тарханов в России в середине XVI века // История СССР. – №6. – 1986.
21. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974.
22. Материалы по истории БАССР. – Т.4. – Ч.2. – М., 1956.
23. Мослими. Тэварихы Болгария (Болгар тарихы). – Казань, 1999.
24. Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань, 1997.
25. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста Р.Н. Степанова. – Казань, 1978.
26. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1988.
27. РГАДА, ф.233, кн.352.
28. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115.
29. РГАДА, ф.248, оп.3, кн.169.
30. РГАДА, ф.248, оп.67, кн.5959.
31. РГАДА, ф.615, оп.1, д.7853.
32. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.196.
33. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.319.
34. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.676.
35. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.766.
36. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.769.
37. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1087.
38. РГАДА, ф.1209, оп.1, д.153.
39. Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – Т.36. – СПб., 1877.
40. Справочная книга Уфимской губернии / Составитель Н.А. Гурвич. – Уфа, 1883.
41. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая итоговая конференция молодых ученых города Казани 27–28 марта 1964 г. – Казань, 1966.
42. Усманов М., Мухамедьяров Ш., Степанов Р. Новый ярлык // Казан утлары (на татарском языке). 1965. – №8.
43. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. – Т.45. – СПб., 1877.
44. ЦГИА РБ, ф.И–10, оп.1, д.1298.
45. ЦГИА РБ, ф.И–10, оп.1, д.1328.
46. ЦГИА РБ, ф.И–2, оп.1, д.6402.
47. ОР РГБ. Ф.364. Оп.7. Д.8. // Любавский М.К. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.

Приложения

Тарханская грамота (в переводе на русский язык), выданная казанским ханом Мухамет-Амином Асылхоже Мизякову и его сыновьям в 1516 году

921-го году месяца (по-татарски) Зулхитжа 23-го числа от Мухамет Аминя Богодор хана честнейшим и во благоденство возрастившим родственником и честно воспитанным детям и в честь превознесенным даже до последнего веку всем мусульманским обладателем и присудствующим чиновным и воинским и на одном месте пребывающим главным людям и редовым посланцом, куриером, судовым и пахотным людям, заставщиком, тамгачам и в царствующей Казане поселенным казну хранителям и от обид, вреда и бед защитителям оное объявляетца. Пожаловал Асылхожу Мизякова з детми ево Хасяном и Хусеином в тарханы и чтоб оным в отлучке в пути и где они будут жить как самим, так и людям и скоту ни в чем никому обид и утеснения чинить не касаться, ясаку с них и оброку и никаких мелких податей не требовать и насилством в дома не становиться и впредь их за знатнейших почитать.

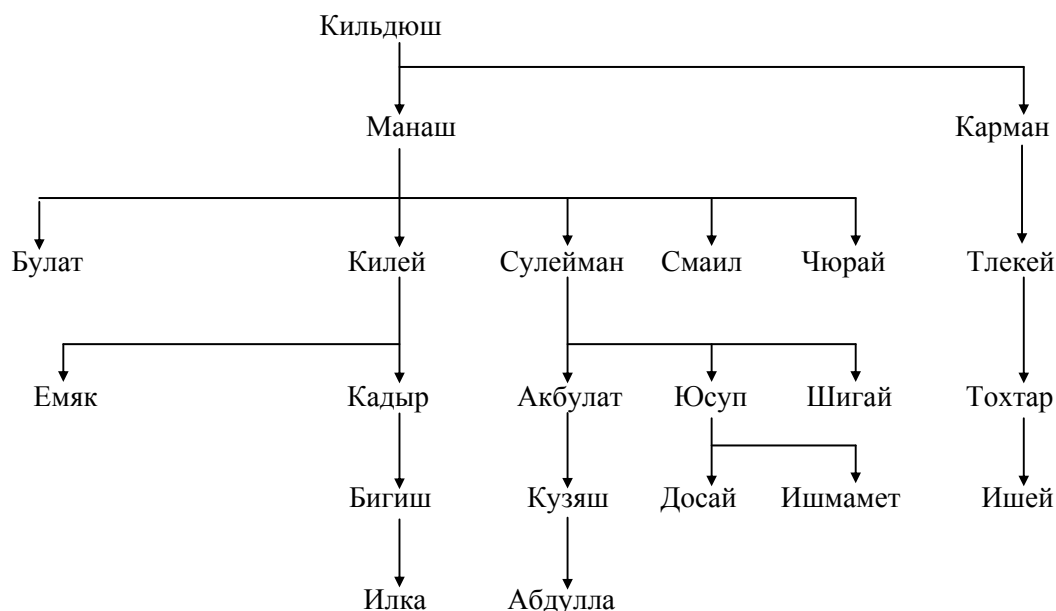
РГАДА, ф. 248, оп. 67, д. 5959, л. 451.

Тарханская грамота (в переводе на русский язык), выданная казанским ханом Сафа-Гиреем Хасяну и Хосяину Асылходженым в 1526 году

Месяца Шахбана 15-го дня лета 933 году от Абдулватх Сафа Герей Богодор хана честнейшим и достоинство и чести благопостижнейшим и честно воспитанным детям ево ханским и в честь превознесенным всем мусульманским обладателям и присутствующим чиновным и воинским главным людям, заставщиком, тамгачам, от зла хранителям, первым знатым старшинам и редовым судебным и пахотным людям и в царствующий Казане всем поселенным следующую он, хан, речь объявляет. А имянно, о нижеписанных тарханах Хасяне и Хосяине Яобуроше Асылходженых, которые де предъявля старинных своих тарханских грамот просили ево, хана, чтоб их пожаловать по прежнему в тарханы, понеже де были они изстари тарханы, которым де ныне он, хан, и пожаловал. И чтоб оным пожалованным тарханом в отлучке в пути и в домех их ни в чем обиды и утеснения отнюдь не чинить и ясаку ничего не требовать посланцам и протчим приезжающим людям, по их домам квартиру не требовать и им награждения и пищи с них не требовать и жить им во всяком тишине и покое.

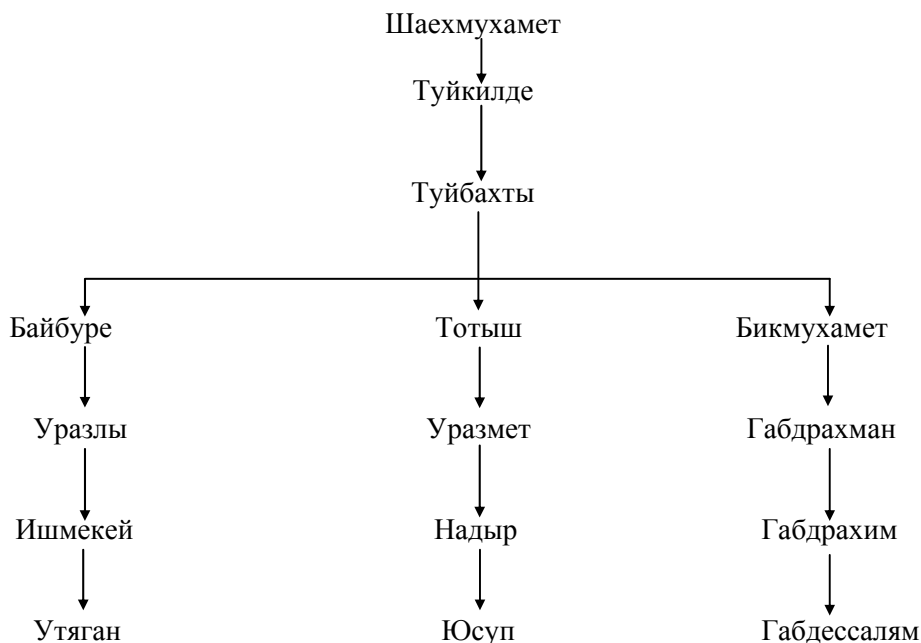
РГАДА, ф. 248, оп. 67, д. 5959, л. 451об.

Из родословной Манашевых

Из родословной Надыровых

А.А. Горин

К вопросу о роли татарской аристократии в процессе формирования служилого сословия Московского государства XV–XVII вв.

Вопрос о роли татарской аристократии в течение многих лет не рассматривался в отечественной историографии. Однако в последние полтора десятилетия отечественная историческая наука впала в другую крайность: появилось множество диаметрально противоположных версий, грешащих тенденциозностью. Однако вопрос роли аристократии выходцев из Великой Степи продолжает оставаться актуальным по сей день.

Сословие служилой аристократии государства Российского, как и в любом многонациональном государстве, прошло ряд этапов своего формирования. Условно периодизируя данный процесс, описанный в ряде работ отечественных и зарубежных историков, например, М.Владимирским-Будановым [5, с.255], М.Бычковой [3, с.51], Т.Кадеровой [7, с.186], И.Михайловой [10, с.497] и др., можно выделить следующие этапы становления государственной системы, инструментов формирования слоя служилой аристократии:

первый этап «вотчинно-удельный» – с X по XV вв., когда государственное служилое сословие формировалось при помощи жалования уделов, денежных подарков и других способов материального стимулирования;

второй этап «разрядный» – с XV по сер. XVI вв. На этом этапе главенствующую роль играл служебный «стаж» рода и должности, занимаемые представителями этого рода при дворе Московских князей. В принципе существование этого этапа объясняется тем, что в указанную эпоху Московия утверждала свою независимость и мерилом почетности служила верность человека и его рода «законным» правителям;

третий этап «волевой» – продолжался с середины XVI по 1682 г. На этом этапе происходит формирование самодержавной власти, когда определение сиюминутного статуса человека целиком и полностью зависит от воли Государя, так как местническая система уже пришла в упадок, а новая кодифицированная система идентификации находилась еще на стадии формирования. Именно в этот период волей Государей происходит слияние различных групп земельных собственников в единую монолитную массу;

четвертый этап «генеалого-геральдический» – с 1682 по январь 1917 г. (последний зарегистрированный в Российской Империи герб принадлежал Ф.Т.Петрову – начальнику горного Алтайского округа).

С высокой вероятностью достоверности можно предположить, что на первоначальных этапах механизмы формирования служилого сословия предполагали создание лично и поземельно зависимого от главы государства сословия, представители которого могли бы составить конкуренцию удельным князьям присоединяемых земель.

Механизм формирования этого сословия хорошо виден на примере внесения в русскую систему идентификации геральдической и других видов символики. Традиционно считается, что этот процесс активизируется лишь в XVI–XVII вв. Однако такое мнение не учитывает, что ряд русских земель длительное время находился к моменту их объединения вокруг Московского княжества в зоне действия европейской статусно-знаковой системы, геральдики. Уже в XIV веке начинается процесс, характеризуемый историком С.Т.Голубевым, как «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель» [6, с.6–7].

Российская геральдика как таковая начинает свое формирование в момент, когда российский социум входит в тесный контакт с европейскими социумами, в пределах которых система геральдической идентификации играет ведущую роль в определении статуса родов, уровня их династических притязаний.

Однако, начиная с XIV века, в силу ряда причин к московскому князю на службу начинают отъезжать и представители аристократии Золотой Орды. После же присоединения к Московскому государству Казанского и Астраханского ханства в середине XVI в., число выходцев их Орды джучидов и наследовавших ей государств по числу своему становится сопоставимо с числом удельных князей и служилых аристократов русского происхождения.

Безусловно, представители ордынской аристократии оказываются в обществе, состоящем из лиц, статусы которых приобретены в различных государствах и строятся на различных канонах, зачастую просто не существующих в традициях улусов Великой Степи.

Статус русской аристократии, сохранившей свою самобытность, регулировался волей Великого князя и зачастую, влияя на положение их потомков, не гарантировал им сохранения положения предков в государственной иерархии. Н.Бранденбург, например, в своей работе отмечает, что хотя *«употребление гербов проникло в Россию сравнительно поздно, именно лишь в XVII веке, а настоящим образом прививается только с XVIII в. (для подтверждения этого тезиса Бранденбург ссылается на предвзятые исследования Котошихина – прим. авт.), тогда как в Польше они вводятся уже в XIV и XV столетиях. Тем не менее, гербы старых русских княжеских родов, потомков удельных князей, могут иметь перевешивающее значение, в силу того, что они образовались на основаниях, совершенно отличных от гербов западно-европейского рыцарства... гербовые изображения указанных родов суть ни что иное, как те же эмблемы, которые существовали на печатях уделов княжеских Рюриковичей, так что первоначальные гербы старых русских княжеских фамилий состояли исключительно из одной их родовой эмблемы»* [1, с.35–36].

То есть, кроме идентификации, как таковой, других прав «по умолчанию» у русской удельной аристократии после реформ Ивана III, Василия III и Ивана IV попросту не остается. Местничество постепенно приходит в упадок. Иван IV практически отменяет его во время военных походов, отдавая предпочтение талантливым полководцам перед родовитыми. Прямо говорит о формировании дворцовой администрации из представителей служилой аристократии и С.Каштанов: *«Дворцовые должности находились в руках не у княжеско-боярской знати, входившей в состав Боярской думы, а, как правило, у нетитулованных представителей старомосковских родов, издавна связанных с великокняжеской властью»* [9, с.43].

В землях, которые находились под влиянием Польши, также статусная система оказалась далека от совершенства: в работе Е.Карновича прямо говорится о том, что *«в Польше не существовало, – как существовало на Западе и как, в подражание ему, было заведено у нас, – отдельных фамильных гербов. Во всей Польской геральдике было всего сотни три дворянских гербов, да и то, большей частью занесенных из-чужа: из Германии, Венгрии, Чехии, Дании, Италии и других стран. Каждый герб имел особое название, не заключающее иногда в себе никакого значения и не соответствовавшее очень часто геральдическим изображениям, внесенным в герб. Так, например, были гербы Абданк, Лелива, Элита, Наленч, Порай, Слеповронь, Корьбут и проч. Такие гербы служили как бы знаменами особых воинских отрядов и шляхетских братств, и каждый новый шляхтич, родом поляк или переселившийся в Польшу иностранец, если он получал*

там «индегинат», то есть право гражданства, приписывался к одному из существовавших в Польше гербов. Причем название гербов превращалось в *przydomek* как бы в придаточную политику шляхтича, как например Наленч-Рачинский, Элита-Михайловский, Бонч-Осмоловский...» [8, с.20–21].

Итак, разделение русской аристократии на «включенную в европейскую геральдику» и «не включенную в нее» порождает статусный дисбаланс, поскольку в русской системе иерархии приоритеты имеют одни аристократические семьи, в то время, как в рамках международной системы – совершенно другие. Если добавить к этому не устоявшийся социальный и национальный состав русской аристократии, то становится ясно, что проблема статусного дисбаланса уже к XV веку заставляет правителей Руси искать компромисс, позволяющий привести в соответствие «внутреннюю» и «внешнюю» систему иерархии, одновременно эффективно включая в нее аристократию вновь присоединяемых земель, а также – представителей аристократии, «отъезжающих» на службу к Московским государям.

Можно предположить, что проведение унификации статусной системы могло быть проведено при наличии широкой социальной базы лиц, отвечающих следующим условиям:

- обладавших аристократическим происхождением, легитимным, как для Московского государства, так и для Европы;
- свободных от всякой статусной системы, кроме системы родовой идентификации;
- лиц, не связанных ни с одним слоем аристократии, как вотчинной, так и служилой, являвшихся носителями каких-либо систем статуса, принятых на Руси или в Европе.

Неудивительно, что русские Великие князья и цари делают ставку на татарскую аристократию. Если проследить исторические факты с XV по XVII вв., то можно заметить, что татарская аристократия обладала на территории Великого Княжества Московского статусом выше, нежели собственно русская аристократия.

Об этом подробно пишут, например, и М.Худяков: «Хан Мухаммед скончался вскоре после возвращения в Казань из Нижнего Новгорода. Он имел трех сыновей – Махмуда, Касима и Якуба. В 1445 г. царевичи Махмуд и Якуб участвовали в русском походе, в 1446 г. Касим и Якуб действуют с войском в России, оказывая поддержку Василию Темному. Касим остается в России в качестве удельного князя Мещерского Городка на Оке, Якуб упоминается под 1452 г., как участник русского похода на Вагу и Кокшеньгу» [12, с.21], и В.В.Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о Касимовских царях и царевичах», изданном в 1863 г.

Значительная часть русской аристократии породнилась в период с XIV по XVI вв. с представителями ордынской знати, уже имевшей и статус, и служилое звание мурз, нойонов, огланов и др. М.Е.Бычкова, например, называет такие роды с «ордынскими» корнями, как Урусовы, Бабиचेvy, Нарбековы, Державины, Парецкие [3, с.6]. Учитывая же доверие Ивана Грозного к касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу (вспомним, этого человека Иван IV в 1574 г. оставляет вместо себя в качестве правителя «на Москве»), нужно признать статус татарской аристократии исключительно высоким. «До Петра I в России был известен лишь княжеский титул, как отличительный знак родов, произошедших от Рюрика, Гедимина или князей Литовской Руси, а также – потомков грузинских царевичей, горских владетелей, татарских мурз, въезжавших в Россию» – пишет в своей работе С.Василевич [4, с.3].

К третьей четверти XVII века дворянство и боярство, забыв о разрядных книгах по примеру царствующей семьи, занялось поисками своих объективных родословных, стараясь найти или приписать свое происхождение какой-либо известной персоне, отдавая предпочтение, как уже говорилось выше, представителям западной знати или ордынской аристократии [3, с.33]. Не случайно первый специфически российский герб принадлежит роду Нарбековых, будучи основан на родовой легенде о подвигах представителя этого рода в ходе взятия Казани в 1552 г.

К сожалению, на данный момент исследования в данном вопросе слишком малочисленны, чтобы можно было с полной уверенностью говорить о ведущей роли татарских мурз как социальной базы для становления системы служилой аристократии русского государства в XV–XVII вв. К тому же в данном случае мы сталкиваемся с деликатной проблемой: не секрет, что «выезжие» из Орды и государств, образовавшихся при ее распаде, вели на территории Московской Руси весьма разную в духовно-идеологическом плане жизнь. Одни, как, например, Нарбековы или Юсуповы даже принимая православие, сохраняли духовную связь с традициями предков. Другие, как род Юшковых, сохраняя родовые легенды, в значительной степени русифицировались (именно об этом говорит изучение истории рода), третьи, как те же Татариновы окончательно отождествили себя с русской культурой.

Однако, значительная часть аристократии, происходящей от монгольских и крымских родов, а также имеющей корни народов Поволжья и Приуралья, даже на службе русским Великим Князьям и Царям сохранили не только национальную личностную самоидентификацию, но и титулы. Например, представитель рода Казаковых Субханкул Казаков (1776–1858) сохранил титул мирзы вплоть до конца жизни [11, с.14]. Эта часть аристократии правомерно подчеркивает свое происхождение, как в генеалогических исследованиях, так и в геральдике. Упрощает этот процесс обычно мусульман отслеживать свою родословную по мужской линии, который дает возможность полноценного включения мусульманской аристократии в систему русской лестницы.

Суммируя вышесказанное, мы можем с уверенностью заявить, что для правителей Русского государства XV–XVII вв. аристократия, вышедшая из государств – наследников Золотой Орды, стала наряду с самобытным русским дворянством крепкой социальной базой для реформирования социальной системы, позволившей в кратчайшие сроки создать слой служилой аристократии, ставший надежной опорой русским самодержцам в борьбе с удельной аристократией, а также принципиально реформировать статусно-идентификационную систему, преодолев последствия феодальной раздробленности и построив гибкую систему иерархии, учитывающую особенности национально-регионального компонента социума.

Список источников литературы

1. Бранденбург Н. Род князей Мосальских XIV–XIX вв. – СПб., 1892.
2. Бычкова М.Е. Первый русский дворянский герб // Гербовед. – 1993. – №2.
3. Бычкова М.Е. Легенды московских бояр. – М., 1997.
4. Васильевич С. Титулованные роды Российской Империи. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910.
5. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. – Вып. 2. – СПб., 1889.
6. Голубев С.Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV – начала XVI столетия). Кн.6 // ЧИОНЛ. – Киев, 1892.
7. Кадрова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во II половине XVI – XVII вв.: Дис... канд. ист. наук. – Саранск, 2001.
8. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – СПб.: Издание А.С.Суворина, 1886.
9. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. – М.: Наука, 1970.
10. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.
11. Нагорная М.А. Родословная Казаковых (XVI–XXI вв.). – Нижний Новгород, 2002.
12. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань: Фонд ТЯК «Татарнамэ», 2006.

Д.В. Макаров

Малоизученные группы служилых татар XVI–XVII вв.

В ходе работ по подготовке энциклопедических словарей «Ислам в Москве» и «Ислам в Центрально-Европейской части России» в серии «Ислам в Российской Федерации» одной из значительных тем являлась служба мусульманских военно-служивых сословий в Московской Руси.

При проработке данной тематики выяснилась колоссальная разница в уровне исследований по различным группам татар. Наряду с такими достаточно хорошо исследованными группами, как касимовские, темниковские, романовские (после их потомки – костромские) татары, существовали также калужские, малоярославецкие, боровские, юртовские, мугреевские, коломенские, каширские, звенигородские, пронские, бордаковские, михайловские группы татар. Возможно, этим перечнем весь список не исчерпывается.

Все вышеназванные группы отличаются следующими характеристиками – до конца не выяснено их происхождение, эпизодически известна их роль в истории и в большинстве случаев неизвестна их дальнейшая судьба.

В качестве примера рассмотрим 2 группы: калужских и звенигородских татар.

Калужские татары – по-видимому, проживали в Калуге и ее ближайших окрестностях. Известны данные о украинной службе калужских, а также боровских и Малого Ярославца татар в 1616–1631 гг. [1, с.312–313].

В 1616 г. в Боровске служило 30 новокрещен и 7 татар – не указано, откуда.

В 1617 г. в Боровске – 77 боровских татар, 38 московских татар и новокрещенов; в Калуге – 8–19 новокрещенов.

В 1618 г. в Калуге – 19 калужских новокрещенов.

В 1619 г. в Калуге – 11 конных новокрещенов и татар и 7 пеших новокрещенов, в Серпухове – 7 боровских татар.

В 1620 г. в Туле – из 182 татар 36 московского, 69 боровского, 25 серпуховского, 52 коломенского уездов.

В 1621 г. в Туле – 100 боровских и московских новокрещенов и татар.

В 1628 г. в Крапивне – всего 211, из них 45 Московского уезда, 60 боровских, 3 Ярославца Малого, 24 серпуховских, 11 калужских, 50 коломенских, 18 каширских.

В 1629 г. в Крапивне – из 307 татар 43 Московского уезда и 23 новика; 59 боровских и 28 новиков; 3 Ярославца Малого; 24 серпуховских и 7 новиков; 11 калужских и 17 новиков; 48 коломенских и 23 новика; 14 каширских и 7 новиков.

В 1630 г. в Крапивне – из 310 татар 65 Московского уезда, 86 боровских, 4 Ярославца Малого, 35 серпуховских, 28 калужских, 72 коломенских, 20 каширских.

В 1631 г. в Крапивне – 58 (70) новокрещен и татар 3-й статьи – Московского, Боровского, Каширского, Серпуховского, Калужского, Коломенского уездов.

После 1631 года служба калужских, малоярославецких и боровских татар не фиксируется, возможно, в графе «МОСКОВСКИХ ГОРОДОВ», причем все служили в Крапивне.

В 1632 г. – 70 НК (новокрещен) и татар московских городов.

В 1634 г. – 70?НК и татар московских городов.

В 1635 г. – 270 НК и татар московских городов.

В 1636 г. – 306 НК и татар разных городов помещиков [1, с.313].

Обращает на себя внимание малая численность воинских контингентов, выставяемых калужскими татарами – от 11 в 1628 г. до 28 в 1630 г. Возможно, это связано с тем фактом, что после убийства Лжедмитрия II начальником его личной охраны ногайским мурзой Ураком Урусовым [2, с.317] и бегства последнего в Крым, оставшиеся в лагере Самозванца в Калуге татары и ногаи были истреблены [3, с.153]. Данное обстоятельство объясняет чрезмерно малую численность калужских татар в вышеуказанные годы, т.е. через 18–20 лет после этих событий.

Происхождение калужских, а также боровских и Малого Ярославца татар исследователь Д.З.Хайретдинов гипотетически связывает с выходцами из различных кыпчакских групп [4]. Того же мнения придерживаются Ф.Л.Шарифуллина и А.М.Орлов [5, с.57; 6, с.50–51]. По-видимому, нет серьезных оснований сомневаться в данном предположении, хотя проводить исследования в данном направлении необходимо.

Интересен тот факт, что на начальном этапе служба данных групп татар проходила в пограничных гарнизонах, размещавшихся в местах их проживания, и лишь по мере перемещения границы (поневоле приходит на ум концепция «плавающей границы», выдвинутая для границ США в XIX веке, и примененная Б.Рахимзяновым также для границ Московского государства второй половины XVI–XVII вв.) места дислокации гарнизонов также перемещаются. Причем основным местом службы является крупный военный лагерь в Крапивне, находившийся на одной из важнейших сакм – Муравском шляхе и фактически блокирующий ее [7, с.60–61]. В составе войска, принимавшего участие в осаде Смоленска в 1632–1634 гг., данные группы татар не фиксируются [8, с.60].

Интересен также факт достаточно раннего присутствия среди калужских татар новокрещенов (см. выше), причем это фиксируется еще до начала кампании по массовому крещению татарской феодальной знати, и даже до принятия Соборного Уложения 1649 г., фактически подрывающего экономику мусульманского служилого сословия [9, с.40, 41].

По-видимому, конфессиональное давление на мусульман ближних к Москве районов Руси началось еще до наступления на их права в более окраинных районах, каковыми были Темников и даже Касимов.

Последующая судьба калужских, малоярославецких и боровских татар пока что не прослежена. Основная причина в этом состоит в том, что этой темой просто не занимались. Тот небольшой объем работ, который выполнялся по истории ислама в Калуге, ограничивался преимущественно имамом Шамилем и турецкими военнопленными. Малоисследованными являются даже крымский хан Шахин-Гирей и казахский султан Арын-Газы, проживавшие здесь в ссылке [10, с.103–104].

Остается предположить, что эти группы тюрко-мусульманского населения были частично окрещены и ассимилированы, частично переведены в другие места проживания в связи с перемещением границы. По аналогии с хорошо исследованными романовскими татарами возможно предположить также частичное бегство за границу (в Крым), но, если таковое и имело место, в крайне незначительном масштабе. Проживание прямых потомков калужских татар в данном городе не зафиксировано. В татарской общине города стереотипов сознания, связанных с преемственностью населения, не наблюдается.

Следующим пунктом в нашем исследовании являются татары Звенигорода. По приводимым таблицам они входят в состав московских или же московских городов татар. Численность точнее определить не представляется возможным. Происхождение звенигородских татар определяется гораздо лучше в связи с тем, что этот город неоднократно передавался на кормление различным татарским царевичам. С 1446 по 1452 г. здесь находилась резиденция Касим-хана, сына Улуг-Мухаммада. С 1492 по 1497 г. Звенигородом владел правнук Улуг-Мухаммеда царевич Абдул-Латиф [11, с.7].

В 1552 г. в Звенигородском уделе воцарился астраханский хан Дервиш-Али (прав. в Астрахани в 1537–1539, 1554–1556 гг.), который правил здесь до 1554 г., после чего с военной помощью Москвы и Ногайской Орды вернулся в Астрахань [12, с.80].

В 1554 г. в Звенигородском уделе поселяется новый владелец – последний казанский хан (правил с марта по сентябрь 1552 г.) Ядыгар-Мухаммед (Едигер), свергнутый с престола и плененный Иваном Грозным в 1552 г. Он крестился в начале 1553 г. под именем Симеона Касаевича и был поселен в Звенигороде, где и умер в 1565 г. [12, с.80].

В 1569 г. в Звенигородский удел приезжает астраханский царевич Муртаза-Али, крещеный в 1570 г. под именем Михаила Кайбуловича – потомок некогда правившего дома (внук хана Аккубека). Как и в случае с Едигером, Муртазу держали на случай возвращения в Астрахань, присоединение которой к Москве все еще оспаривалось Крымским ханством и Османским халифатом. Вероятно, Муртаза-Али жил в Звенигороде до своей смерти. Последнее его упоминание относится к 1574–1575 гг.: «Того же лета послал государь царь и великий князь под Пернов царя Семиона Бекбулатовича да царевича Михаила Кайбуловича и бояр и воевод»; А.Юрганов полагает, что он умер в 1577–1578 гг. [12, с.80–81].

Обращает на себя внимание также тот факт, что в перерывах между татарскими владельцами Звенигорода татарское помещичье землевладение продолжало сохраняться.

Из войск и приближенных этих татарских владельцев и состояли, по-видимому, отряды служилых татар, чьи потомки сохранили свою идентичность вплоть до 1920-х гг. В этой связи интересен тот факт, что на кормление татарским царевичам выделялся ряд других городов современной Московской области – Кашира, Серпухов, Сурожик (совр. Истра), расположенные поблизости от Звенигорода. Но ни в одном из них не прослежено проживание мусульманских потомков того татарского населения, как это фиксируется в Звенигороде.

Напротив, в городе Звенигороде к началу XX века фиксируется наличие мусульманской общины (татарской), причем обладающей достаточно высоким социальным статусом и стабильным материальным положением. Имеются документы о наличии в 1910 г. мусульманского кладбища, что является свидетельством существования институционализированной мусульманской общины [13; 14, с.266]. О материальном положении говорит хотя бы тот факт, что татарам Звенигорода принадлежала сеть магазинов, находившихся на площади на пересечении Дворянской (ныне Пролетарская) и Московской улиц, причем число этих магазинов превышало сравнимо с самим татарским населением, составлявшим в 1900 г. 80 человек обоего пола (г.Звенигород и Звенигородский уезд [15, с.154]. В это же время количество магазинов составляло не менее 20 (по фотоматериалам). В настоящее время большую часть татарского населения города Звенигорода составляют потомки бежавших от репрессий 1920–1930-х гг. выходцев из Ульяновской, а также Нижегородской областей и Татарстана. Но, несмотря на это, а также на тот факт, что лидерство в общине прочно закрепилось за потомками мигрантов 1920-х гг., в массовом сознании татарского населения города имеется представление о непрерывности существования мусульманской общины с XV века.

Напротив, современное татарское население Каширы и Серпухова, которыми также неоднократно владели различные Чингисиды, подобных представлений не сохранило, что показывает перерыв в заселении этих регионов [16, с.117–118; 17, с.311–312].

В ходе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Помимо хорошо или относительно хорошо изученных групп служилых татар, ставших позже татарским дворянством (темниковские, касимовские, каринские, арские, романовские, кост-

ромские), имеется ряд групп, крайне мало изученных. И это не только астраханские и сибирские группы, но также и большая часть центрально-русских.

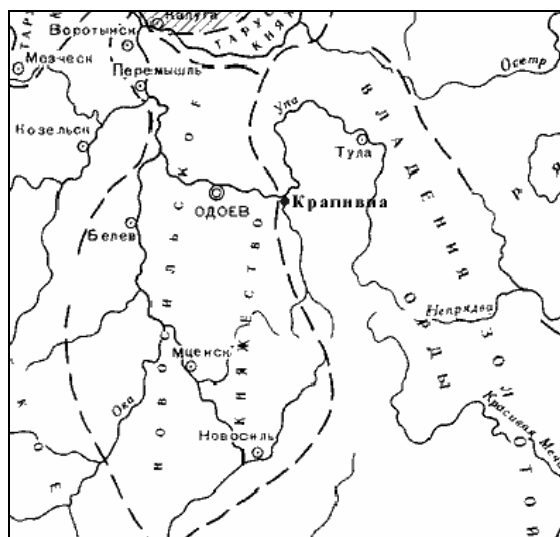
2. Все без исключения группы служилых татар внесли колоссальный вклад как в этническую историю татар, так и в общую историю России. Вклад этот до сих пор не изучен и не оценен.

3. Изучение всех этих групп возможно лишь при комплексном подходе, включающем в себя военную историю, демографию, межевые дела, родословные родов, в т.ч. татароязычные шежере, этнографические исследования, этнопсихологию.

4. Изучение малоисследованных групп служилых татар не менее важно для понимания исторических процессов в России, нежели чем таких известных, как, скажем, темниковские.

Список использованных источников и литературы

1. Бурцев И.Г. Украинная служба татар // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т. 4. – С.312–313.
2. Ишеев М.Р. Урусов Петр (Урак) Арсланович // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т. 4. – С.317.
3. Днепровский А.С. Утраченные кладбища города Калуги // Калужский некрополь. – Калуга: Облиздат, 2009. – С. 151–154.
4. Устное сообщение Д.З.Хайретдинова.
5. Шарифуллина Ф.Л. Костромские татары (историко-этнографический очерк) // Этнологические исследования в Татарстане. – Казань: Институт истории АН РТ. 2008. – Т.2. – С.55–68.
6. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 112 с.
7. Книга большому чертежу <http://lib.rus.ec/b/132062/read>.
8. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства на сайте «Генеалогия и архивы». <http://www.ufagen.ru/node/5594>. – С.60.
9. Соборное Уложение 1649 г., главы 16, 20, цит. по: «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания статистика)» / Сост. Арапов Д.Ю. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – 366 с.
10. Макаров Д.В., Хайретдинов Д.З. История ислама в Калужской области // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.103–104.
11. Беляков А.В. Абдул-Латыф бине Ибрагим // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.7.
12. Хайретдинов Д.З. Звенигородский удел, XV–XVI вв. // Ислам в Москве. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.79–81.
13. Письмо городской администрации г. Звенигорода неофициальному имаму Х.Х.Хасянову с просьбой навести порядок на кладбище от 20.05.1950 г. (в письме содержится ссылка на землеотвод под кладбище в 1910 г.). Содержится в архиве МРОМ г. Звенигорода.
14. Макаров Д.В. Социализация мусульманских общин Центральной России // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.266–268.
15. Макаров Д.В. Мусульманская община Звенигорода // Энциклопедический словарь «Ислам в Москве». – Москва–Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.154–155.
16. Хайретдинов Д.З. Каширский удел XV–XVI вв. // Ислам в Москве. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. – Т.2. – С.117–118.
17. Хайретдинов Д.З. Тюрко-мусульманские юрты Московии XV–XVI вв. // Ислам в Центрально-Европейской части России. – Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – Т.4. – С.311–312.

Э.И. Амерханова

Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII вв.

В Среднем Поволжье после завоевания Казанского и Астраханских ханств давно существовавшая родовая знать стала новым чужеродным компонентом среди во многом ордынской по происхождению русской служилой корпорации. Социальная стратификация в Московском государстве XVII в. была очень дробной. Разделение на чины определялось родовитостью служилых людей, различными службами и владельческими правами на вотчины и поместья. Однако, не всегда положение родовитого землевладельца обозначало принадлежность к чинам думным, выборным или городovým служилых людей «по прибору».

В историографии проблема выработки разных способов социальной эволюции знати Казанского ханства давно рассматривается как один из важнейших факторов «замирения» территории Среднего Поволжья, создания и укрепления здесь институтов царской власти. Превращение верха коренных народностей этого региона в служилых людей Московского государства происходило в несколько этапов. На начальном этапе насильственное крещение становилось условием сохранения статуса, далее, с усилением протеста, вырабатывались иные подходы, касавшиеся сохранения землевладения, несения службы и распоряжения крепостными людьми. Сложная источниковая основа исследований данного региона XVI–XVII вв. не позволяет определить, какое количество родов казанской знати предпочло остаться на своих землях, сохранить исповедование ислама. Становясь служилыми татарами, эти представители знати Казанского ханства сохраняли такое обозначение и для следующих поколений, следовательно, этот термин обозначал один из чинов служилых людей.

При обозначении служилых татар присутствует обозначение и этнической принадлежности, и религиозной, так как те, кто принимал христианство, становились служилыми новокрещеными. Так, в этом случае невозможно с точностью установить, к какой народности принадлежит новокрещен. Хотя для служилых татар сохранение языково-этнической идентичности происходило через сохранение имен и фамильных прозваний, родовых признаков и земельных владений.

Численность служилых татар на протяжении второй половины XVII в. изменялась очень существенно. Материалами для подсчетов служат следующие источники: писцовые описания Ивана Болтина 1602–1603 гг. [7], Семена Волынского 1647–1656 гг. [8], С. Кайсарова 1685–1687 гг. [9], сметные списки 1661–1663 гг. [1], список 1675/76 г. [5, ед.хр.1295/10], материалы разбора 1700 г. [12] и более ранних разборов, сохранившихся лишь в виде выписей из десятен.

В начале XVII в. писцовое описание специально было организовано только для особых категорий служилых людей: «за служилыми за князьями, за новокрещены, и за мурзами, и за татарами в поместьях, а владеют по государевым грамотам и по выписям с казанских дач...» [7, с.32].

Служилых татар в 1602–1603 гг. было около 280 (точная цифра нами не обозначается из-за не всегда точного отнесения землевладельца к служилым татарам) [7, с.205–226]. Они владели землями по всей территории Казанского уезда, в то время как основная масса служилых новокрещен была помещена по Зюрейской и Арской дорогам (19 из 24 поселений), т.е. в районах наиболее упорного сопротивления в период завоевания Казанского ханства. Через замену прежней знати местными феодалами, проявившими лояльность московскому правительству, определялась политика в отношении местных элит.

По подсчетам на 1602–1603 гг. выявлено 280 служилых татар, в середине века по писцовому описанию Семена Волынского выявлено 284 служилых татарина с земельными владениями. Таким образом, на протяжении первой половины XVII в. землевладение и численность служилых татар были стабильными. Положение начинает меняться с принятия в 1649 г. Соборного Уложения. В ст. 44 гл. XVI землевладение служилых татар и других служилых представителей коренных народностей Поволжья четко отделялось от землевладения русских служилых людей. Создание особой границы в определении этой категории было отражением сложившейся на тот период нормы обычного права, однако ее закрепление в законодательстве обозначило интерес к землевладению этой категории служилых людей.

В начале 60-х гг. были составлены сметные списки, в которых указывается, что казанских служилых мурз и татар – 779 человек. Разница в 495 человек не может быть определена только отсутствием источников по Казани. Возможно, большая часть служилых татар и мурз были чле-

нами семей, а поместья записывались на главу семьи. Этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

«Служат те ... мурзы, и татаровя с поместей, а для отъезжающих служб дают им поденной корм: 1 статье по 4 деньги, 2 статье по полу—4 деньги, 3 статье 3 деньги на день человеку...» [1, с.2]. К сожалению, в источниках встречаются лишь упоминания о разделении этой служилой группы по статьям, вследствие чего в отношении данной группы главным определяющим условием положения служилого татарина или мурзы является его поместный оклад. Некоторые исследователи, как уже говорилось, считают эту сословную группу составной частью служилых людей «по прибору», которые испомещались в окраинных уездах страны и верстались также, как и служилые люди «по отечеству». Но в «отличие от служилых людей «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами» [6, с.142], что нельзя отнести к служилым татарам, испомещавшимся только в индивидуальном порядке. Об этом свидетельствует постоянное присутствие в царских наказах воеводам указание проверить «и казанцом дворяном и детем боярским, и литве, и немцом, и черкасом, и всяким иноземцом, и новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром десяти...» [3, с.292]. К сожалению, до нас не дошли выписи из десятен, касавшихся служилых татар.

В поместное владение служилого татарина обязательно включались не только пахотные угодья, но и ряд других экономических составляющих: сенные покосы, бортные урожаи, рыбные ловли, мельницы, взятые на оброк кабаки и др. Характерным явлением поместных владений служилых мурз и татар было широкое распространение именно этих, менее важных по сравнению с пахотной землей, составляющих. Среди них выделялись главным образом огромные сенные покосы, количество которых зачастую намного превышало такие же угодья русских дворян и детей боярских, и составляло от 100 до 1600 копен в одних руках [5, ед.хр. 9581]. Вероятно, в таком явлении нашел свое отражение традиционный характер использования этих хозяйственных угодий, что определило их концентрацию в руках представителей одного рода или семьи.

Новый этап в законодательстве российского государства, начавшийся в последней четверти XVII в., отразил и другие подходы к решению статуса рассматриваемой сословной группы. В середине 70-х гг. XVII в. подтверждалось изъятие поместий и вотчин у некрещенных служилых людей и отдачи этих владений новокрещенцам [10, № 616].

В 1681 г. был обнародован именной указ, названный в том же Полном собрании законов «Об отписании на великого государя у мурз и татар низовых городов (кроме тех, кто захочет креститься в православную веру) поместий и вотчин» [11, №867].

Ужесточение законодательства в конце 70 – начале 80-х гг. в отношении служилых татар можно связать с внутривосточными процессами в государстве. Православная церковь оставалась главным политическим институтом в государстве, ее поддержка была необходима монархии, особенно в условиях утверждения абсолютизма. Желание сохранить баланс между политическими и идеологическими интересами предопределило колебания политики правительства в отношении всей служилой верхушки коренных народностей Среднего Поволжья. К тому же эти законодательные акты можно рассматривать в рамках общероссийского процесса реформирования армии, а также необходимо учитывать стремление к более четкому определению статуса служилых людей, при котором приоритет в поддержке правительства получили только имущественно обеспеченные служилые люди.

Очень быстро последовавшая отмена в 1682 г. этих нововведенных ограничений произошла, вероятно, в результате непродуманности политики, что привело к недовольству рассматриваемой социальной группы. Не последнюю роль сыграло, вероятно, начавшееся в 1682 г. восстание в Приуралье и Поволжье (так называемое башкирское восстание). К нему могли присоединиться и служилые татары низовых городов, которые представляли из себя значительные военные силы. Однако далее в 80-е гг. XVII в. правительство неоднократно подчеркивало заинтересованность в христианизации служилых татар – социальной группы, сохранявшей в своем названии напоминание о прежних безуспешных попытках изменения их конфессиональной принадлежности.

Отдельно следует рассмотреть такую группу как слободские служилые татары. В 1654 г. они записывались в тягло, так как они жили «в посаде» [4, №11, с.27: (паг. 2-я)]. Однако, затем последовал ряд исключений из этой нормы. В 1670 г. в отношении нескольких татарских родов указ о переводе в тягло был пересмотрен, и они вновь вернули себе положение нетяглых служилых людей. Видимо, многие другие слободские татары также перестали платить тягло и выполнять повинности. Вследствие этого в 1685 г. после подачи челобитной казанских посадских старост с жалобой, правительство пошло на значительные уступки казанским служилым людям, объявив их

дворы в татарской слободе белыми и подтвердив обязательность их службы великому государю с «торговых своих промыслов» [11, №1143].

Служилые татары выделялись в особую сословную группу не только по отношению к государству посредством своей службы, но и по происхождению, так как доступ в нее был запрещен согласно указу 1675 г.

Для этой сословной группы существовал еще один – территориальный принцип испомещения служилых людей. Разделение Казанского уезда на административно-территориальные единицы – дороги сохранилось со времен Казанского ханства, что обусловило причисление каждого служилого татарина к той дороге, в рамках которой находилось его поместье или вотчина. На этой основе формировались подразделения дворянского ополчения, что еще более подчеркивало милиционную систему его комплектования. Вероятно, в этом нашел свое отражение и сложившийся с еще более раннего времени порядок заселения и службы татарского населения и других народностей средневожского региона.

В законодательстве также находим подтверждение возможности таких повышений: «служилых ... иноземцов, мурз, ... и татар, записанных в городской, дворовый и выборный список, ведать в Разрядном приказе» [11, №768]. Перечисление служилых татар среди других особых категорий служилых людей традиционно повторялось в качестве почти устоявшегося формуляра, но это отнюдь не характеризует их равенство в положении.

Анализ служб казанцев позволяет выявить еще одну особенность переходного статуса служилых татар. Для них, в отличие от русских служилых людей, было несвойственно несение служб административного характера, следовательно, все их надежды на повышение земельного и денежного оклада были связаны с военными службами. Такое ограничение возможностей было не случайным и диктовалось иной этнической и религиозной принадлежностью. Выполнение административных служб ограничивалось воеводой и, вероятно, служилой корпорацией в виду доходности этих назначений.

Изучение сказок казанских служилых людей, поданных на разбор кн. Н.И. Репнина в 1700 г. [12], позволило восстановить завершающий этап существования этой сословной группы в составе служилого города Казани. По материалам разбора выявлено всего 32 имени служилых татар. Возможно, это число нельзя назвать окончательным из-за особенностей проведения разбора, но сокращение численности можно признать катастрофическим.

Незаконченный во второй половине XVII века процесс преобразования социальных групп в сословия, в частности служилых татар, завершился в начале XVIII века, когда последние были переведены в тяглое сословие. Этот процесс имел несколько этапов, хотя отдельные историки считают, что он был единовременным [2, с.1–26; 13, с.129–132]. Как указывали потомки служилых татар в конце XVIII века в своих прошениях, их предки служили в войсках еще в 1737 г., при подавлении очередного Башкирского восстания. До середины XVIII века многие татары, по сути являвшиеся государственными крестьянами – однодворцами, называли себя служилыми татарами.

Список использованных источников и литературы

1. Веселовский С.Б. Сметы военных сил московского государства 1661–1663 гг. / С.Б. Веселовский // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1911. – Кн. 3. – С.1–60.
2. Губайдуллин Г. К истории разложения феодального класса у приволжских татар / Г. Губайдуллин // Известия Восточного факультета Азербайджанского университета: Востоковедение. – Баку, 1928. – Т.2. – С.1–26.
3. Димитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. / В.Д. Димитриев // История и культура Чувашской АССР: Сб. статей. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С.284–419.
4. Малов Е. Древние грамоты и разные документы: (Материалы по истории Казанской епархии) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете. – Казань, 1902. – Т.18. – Вып.1/3. – № 11. – С.1–54. (Паг. 2-я).
5. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.
6. Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в. / авт.-сост. и ред. А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
7. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов, под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
8. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / РАН, Ин-т рос. истории, Казан. гос. ун-т, Ин-т истории АН РТ; отв. ред.: Н.М. Рогожин, М.А. Усманов; сост.: И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2001.

9. Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д.А. Мустафина. – Казань, 2009.
10. ПСЗ. Собр.1-е. – Т.1.
11. ПСЗ. Собр. 1-е. – Т.2.
12. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5039. Л.1–58.
13. Степанов Р.Н. Первый этап в политике царизма по переводу служилых татар из военного сословия в податное: конец XVII – первая четверть XVIII вв. / Р.Н. Степанов // Итоговая научная конференция за 1964 г. – Казань, 1964. – С.129–132.

С.В. Думин

Татары-казаки в Великом княжестве Литовском

Литовские татары как группа служилых людей Великого княжества Литовского сформировались в конце XIV – начале XVI в. Польский хронист Ян Длугош и литовские исторические сочинения XV–XVII вв. связывают появление татар в Литве с походом великого князя Витовта 1397 г. (направленного против улусов, враждебных литовскому союзнику хану Тохтамышу, который в 1395 г. вместе с приближенными нашел убежище в Литве). Витовт поселил пленных в окрестностях Вильно (совр. Vilnius) и Трок (Trakai), пожаловав им земли с обязанностью военной службы. На тех же условиях земли получали и довольно многочисленные добровольные переселенцы (царевичи, князья и рядовые воины-ордынцы). Им была обеспечена свобода вероисповедания, разрешено строить мечети. Важнейшей привилегией служилых татар стало право владеть крепостными крестьянами (и пожалованными, и приобретенными). Первоначально разрешались и смешанные браки (женитьба татар-мусульман на христианках, причем потомство обычно сохраняло веру отцов); этими браками обычно объясняют и быструю утрату литовскими татарами родного языка (славянизация завершилась к середине XVI в.), и утверждение среди них обычая единобрачия. Благодаря своему привилегированному статусу татары, осевшие в Великом княжестве, вошли в состав той группы его населения, на основе которой формировалось шляхетское сословие, и стали его составной частью (хотя из-за вероисповедания так и не получили политических привилегий шляхты, права участвовать в сеймиках и сеймах, выборах королей).

В литературе, посвященной литовским татарам, неоднократно предпринимались попытки рассмотреть права и обязанности различных групп татарского населения Великого княжества Литовского, установить, какие категории татар существовали в Литве в XV–XVIII вв., чем отличались они по своему положению, и практически все авторы, в течение последних 150 лет обращавшиеся к этому вопросу, в качестве одной из категорий литовских татар выделяют *татар-казаков*.

Впервые, насколько нам известно, специально остановился на положении татар-казаков известный востоковед, профессор А.О. Мухлинский. В опубликованной в 1857 г. в Петербурге брошюре «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар» автор, отмечая разделение татар в Литве на знатнейших, – князей, мурз, уланов, – и простых татар, упоминает о том, что «между татарами были еще так называемые татарские казаки; они употреблялись при дворе великих князей, королей и воевод для посылок с письмами. В Литовской метрике находится большое число листов и актов, относящихся к таким татарским казакам» [1, с.25–26]. В этой брошюре А.О. Мухлинский приводит и заголовки таких документов, вторично воспроизведенные им (в латинской транскрипции) и в приложении к публикации в «Теке Виленской» сочинения анонимного автора середины XVI в. о литовских татарах (в числе прочих материалов Литовской метрики, относящихся к данной группе). Это «List danyj Tatarom Rudomińskim i Memeżskim Wileńskogo powetu, wyzwolajuczy ich od posyłania z listy czerez Wojewod Wileńskich odno zostawujuczy wodłuh dawnogo sposobu pry służbie ziemskoj» 4 июля 1540 г., а также «List Tatarom Kozakom Merczlańskiem trem osobam, na zostawienie ich wodłuh listu sudowoho Carewicza Oziubek Sołtana pry czti, za prymowkoju niekotorych Tatar» 5 июля 1540, и «List tatarom powetu Trockoho danyj iż nie majut ich Wojewodowie Trockije i ich Namiestniki na swoi potreby i pryslugih swoich na dieckowanie, abo dla iskania jakich złoczyńcow posyłati, okrom inszych prostych Tatar na to ustanowienych» 14 октября 1541 г. [2, с.99–100].

Опираясь на эти документы, А.О. Мухлинский и большинство последующих авторов полагают, что, в отличие от привилегированной части служилых литовских татар, – которую в литературе обычно именуют *татарами господарскими*, – татары-казаки составляли группу, которая

кроме военной службы должна была нести в пользу великого князя некоторые дополнительные повинности (аналогичные повинностям военнотатарских крестьян, так называемых путных слуг, с XVI в. именованных путными боярами). Такой точки зрения придерживался, например, автор опубликованной в 1938 г. монографии, посвященной литовским татарам – Станислав Кричинский [3, с.99–100].

Выделял татар-казаков из общей массы служилых татар и такой известный историк Великого княжества Литовского, как М.К. Любавский [4, с.56].

Аналогичную позицию занимают и современные польские историки – П. Боравский [5, с.145, 151, 152; 6, с.54–55; 7], Я. Собчак [8, с.51, 56–57]. Я. Собчак при этом полагает, что татары-казаки существовали в Великом княжестве Литовском еще в конце XVII в. (в момент издания привилея татарам короля Яна III 22 марта 1677 г.) [5, с.145; 7, с.5]. Согласно П. Боравскому, татары-казаки стали исчезать во второй половине XVI в. и в большинстве перешли в ряды татар господарских [4, с.51, 56–57].

Точку зрения А.О. Мухлинского полностью разделяли и советские историки, изучавшие литовских татар, в частности. Я. Гембицкий [9, с.56], А.П. Грицкевич [10, с.85–86], причем последний полагал, что казаки составляли низшую группу военно-служилых татар и могли быть и господарскими, и панскими [10, с.86].

Нельзя не заметить, однако, что, формулируя подобную точку зрения и считая казаков менее привилегированной категорией служилых татар, предполагая наличие у татар-казаков дополнительных повинностей, все авторы опираются преимущественно на материалы А.О.Мухлинского, те самые заголовки привилеев, опубликованные в 1857–1858 гг. Как ни странно, оригиналы этих документов до сих пор не использовались в литературе и не предпринимались попытки проверить достоверность информации, содержащейся в опубликованных заголовках.

В данной статье мы обратились к этим документам и к другим источникам, где упоминаются татары-казаки, чтобы выяснить реальное содержание этого термина в Великом княжестве Литовском, установить, кем были татары-казаки, в чем состояли их обязанности и права, отличались ли они от других великокняжеских служилых татар по условиям службы, юридическому положению, т.е. составляли ли они одну из категорий литовских татар, как утверждается в литературе.

Изучение материалов Литовской метрики показало, что татары-казаки встречаются в литовских источниках первой половины XVI в. Позже упоминания о них исчезают из документов. Впрочем, в первой половине XVII в. в Литовской метрике неоднократно упоминаются татары, служившие в королевской надворной казацкой хоругви; в заголовках документов они нередко названы татарами-казаками, однако в этих случаях речь идет не об их принадлежности к особой категории татарского населения, а о службе, которую они исполняли за жалование, вооруженные «по-козацки» [11, лл.11, 39, 88, 138, 292 об., 293 об. 298, 299 об., 309, 598 об.–400 об., 414, 473–474].

Одним из наиболее важных документов для изучения положения данной группы является перепись литовского войска 1528 г., точнее, постановление сейма, в котором был зафиксирован размер военной службы отдельных литовских феодалов, в том числе и татар. Этот документ, опубликованный в «Русской исторической библиотеке» и недавно переизданный нашими белорусскими коллегами [12], широко известен. Напомним лишь, что в нем отдельно от поветовых шляхетских (боярских) хоругвей, отдельно от «почтов», выставляемых литовскими князьями и панами, названы и семь хорунжеств или стягов литовских татар, возглавляемых татарскими хорунжими, выходцами из рядов аристократии. Списки каждого стяга составлены по общему образцу. Сначала назван хорунжий и другие татары, обычно выставлявшие со своих имений по несколько коней, а затем, как правило, перечисляются татары-казаки, причем во всех случаях, кроме одного, подчеркнуто, что они «людей не мают», т.е. не имеют крестьян, следовательно, владеют только землей. Например, в реестре «Абрагимова стягу», т.е. в хорунжестве князя Абрагима Тимирчича (позже, по имени его рода, наследственно возглавлявшего этот стяг, получило название хорунжества Юшинского стяга воеводства Троковского), после перечисления татар, владевших людьми, следует продолжение, состоящее из нескольких частей, имеющих каждая отдельный подзаголовок: «Того ж стягу татаре казаки што людей не мают», «Казаки ларьские», «То вацкие казаки», «То казаки кирклянские», «Казаки Троцькие». Обычно же структура хорунжества в переписи проще: сначала идут татары, владевшие людьми; затем «татаре козаки, што людей не мают». По этому принципу составлены списки хорунжеств князя Ивана (Кадышевича Петровича, из рода Найман, впоследствии Найманское хорунжество), князя Банка Сеньковича (хорунжество Ялоирское), «реестр татар новогрудских», реестр «Типирского и Кричинского стягу хорунжества Олишкова (Олишка Казкевича, хорунжество Кондрацкое), хотя в последнем случае в конце списка

отдельно указаны «пуняне», т.е. татары, жившие в Пунской волости, которые строго говоря, казаками не названы [13, стлб. 108–117; 5, с.133–167].

На первый взгляд, можно было бы заключить, что признаком принадлежности татар к числу казаков можно считать отсутствие у них зависимых людей. Однако в одном из хорунжеств – князя Сейджала Миньбалатовича (Сеит-Джалыла Минбулатовича Барынского) в реестре отдельно упоминаются «козаки Сейжалового стягу, што люди мають» (17 человек), и лишь после них перечислены «того ж стягу козаки, што людей не мають» [13, стлб. 113–114].

Итак, среди казаков могли быть и лица, владевшие крестьянами. Подтверждают это и другие документы. Так, например, 26 июля 1522 г. король Сигизмунд I отправил кривскому наместнику лист, в котором извещал: «бил нам челом татарин наш Маньтуш козак о том, што ж перьвей сего подали есьмо ему шесть служоб людей а чотыры земли пустовьских у Виленском повете». Однако покойный канцлер М. Радзивилл (занимал эту должность в 1510–1522 гг. – С.Д.) дал Мантушу в Марковском повете лишь 3 человек и 2 земли, в связи с чем кривский наместник, в соответствии с первым пожалованием, должен был найти ему и дать недостающих 3 человек и 2 земли [11, д.12, л.106]. Т.е. будучи казаком, Мантуш получил людей и землю, но, несмотря на это, продолжал именоваться казаком даже в документе, оформлявшем ему дополнительное пожалование. Следовательно, мы должны заключить, что хотя большинство казаков не владело крестьянами, само по себе отсутствие крестьян не являлось признаком принадлежности к данной группе татар, т.е. не имущественное положение определяло принадлежность татар к числу казаков.

По подсчетам П. Боравского, из 544 татар (глав семей), упомянутых в различных татарских стягах, 406 составляли татары-казаки, не владевшие крестьянами, ещё 17 – татары-казаки, крестьян имевшие [5, с.152]. Следует, однако, констатировать, что, кроме пунян, казаками, строго говоря, не названы в списке и большинство татар, перечисленных в реестре хорунжего Ахмета Улана (Влана) Санчуковича. Там упомянуты «татаре козаки, што людей не мають», но после них следует список татар, живших в двух селах у реки Лососни в Гродненском повете, и заголовки там иные: «то татарове того ж стягу Лососинского, што людей атаманства Бузунова не мають», «то татаре, што на огородах седят а пашни не мають», «то татаре лососинский Мацькова атаманства», «того ж атаманства огородники, што пашен не мають» [13, стлб. 114–117]. Таким образом, жившие в Лососне татары в реестре казаками не названы, и упоминания в ряде работ о «казаках лососинских» [5, с.151] не совсем точно передают источник. Тем не менее, казаками в 1528 г. именуется большинство литовских служилых татар.

Чтобы выяснить, отличались ли татары-казаки по своему юридическому положению от «татар господарских», которых противопоставляет им большинство исследователей, следует выяснить три вопроса:

1. Существовали ли в Великом княжестве Литовском группы татар, наряду с военной службой исполнявшие другие повинности.
2. Были эти дополнительные повинности возложены на татар-казаков или на другие группы татар.
3. Зафиксировано ли в литовских юридических памятниках особое положение татар-казаков.

Наличие в Литве татар, наряду с военной службой или вместо нее выполнявших другие повинности, не вызывает сомнений. Уже упоминавшийся лист Сигизмунда I нескольким татарам Троцкого воеводства 15 октября 1541 г. подтвердил, «иж не мають их воеводове Троцкие и их наместники на свои потребы и прислугах своих на децкование або для иманья яких злочынцов посылати кром инших простых татар, на то установеных» [11, д.28, л.64].

Традиционно этот документ считается доказательством того, что татары-казаки, отождествляемые с «простыми татарами», должны были выполнять поручения воевод и наместников, – ездили на децкование (для расследования дел по жалобам), участвовали в поимке злоумышленников, т.е. выполняли обязанности, аналогичные обязанностям путных слуг (позже – путных бояр).

О широком распространении такого рода повинностей должен был свидетельствовать и другой документ, изданный А.О.Мухлинским, – лист Сигизмунда I татарам Рудоминским и Межеским Виленского повета 4 июля 1540 г., освобождающий их от обязанности возить письма виленских воевод. Но обращение к тексту этого документа позволяет констатировать, что речь в нём идет лишь о восстановлении норм, нарушенных местными властями. Татары Араз и Ходор с братьею и их товарищами пожаловались королю, что тогдашний виленский воевода и канцлер ВКЛ О.М.Гаштовт «увел им был новину и посылал их з листы своими по двором своим и на иншыя потребы свои и в ловы и теж казал и з собою ездити, а перед тем де они за перьшых воевод виленских на потребы их з листы и в ловы не еждывали, нишли только службу земскую

нам служывали, по тому як иньшие татарове у паньстве нашом Великом. князстве Литовском служать, и били нам чолом, абыхмо от тое новины их вызволили и зоставили их пры старыне, так же и хоружый татарский пан Иван Петрович перед нами то сознавал, иж они перед тем здавна в таком взневоленьи от перьших воевод виленских не бывали, одно завжды часу потребы на службу нашу земскую з иньшими тотары становили ся». Король распорядился оставить за ними только их прежнюю обязанность земской военной службы, с тем, чтобы и будущие воеводы не могли заставлять их нести дополнительные повинности [11, д.24., л.69].

Итак, обязанностью татар, живших в Рудомине и Мемеже (Немеже) – типичных татарских «околицах», т.е. селах, где и жили, судя по переписи 1523 г. большинство упомянутых в документе татар-казаков, являлась только военная служба, а все дополнительные повинности, возложенные на них воеводой, воспринимались как «взневоленье», посягательство на их исконные права. Поскольку эту точку зрения разделял и король, данные злоупотребления воевод должны были быть отменены.

С подобными жалобами на представителей великокняжеской администрации татары обращались не раз. Еще в 1503 г. гродненские татары жаловались на тамошнего старосту, князя Александра Гольшанского, который пытался заставить их нести стражу, разыскивать и арестовывать преступников, а также собирать мыто с купцов, ехавших в город [14].

В числе не датированных «выроков» Сигизмунда I 1530-х гг. имеется еще один важный документ – решение по жалобе шестнадцати трокских и вацких татар [11, д. 226, л. 118–119] (именно многих из них мы находим в числе татар-казаков стяга князя Абрагима, т.е. в хорунжестве Юшинском, в списке 1528 г.) [13, стлб. 111–113].

Как стало известно королю, «служебники» трокского воеводы, земского маршалка Великого княжества Литовского Яна Яновича Заберезинского заставляли этих татар ездить децкими с собой и своими слугами, каждый раз встречать воеводу, «и на каждую послугу где бы кольве твоя м[и]л[ос]ть самому, або наместнику тв[оей] м[и]л[ости] Троцкому была потреба, их посылаете, а к тому дей наместник тв[оee] м[и]л[ости] Троцкий велит им с слугами своими злодеев имати и до замку н[а]шого Троцкого водити, а хто бы дей з них в том ся сплошил, он за то их винами караеть, и теж кажет им наместник твой Троцкий, а в небытности его самого слуга ег[о], которого он на свое местцо там покладает, перед собою становити и их судит, и радить, и винами их обтяжаеть, и хотя бы которая вина на нас г[оспо]д[а]рья приходила, и они то все на себе берут, для чего ж дей многий з них земли свои позаставляли и по паном служать, и пры том они жаловали, яко есмо тых часов по двором нашим у ловы ездили, ино они до пуцы Биштанское не могли ехати для великое тяжкости, и дома их граблены и спустышены, то пак дей врадник тв[оей] м[и]л[ос]ти Троцкий як винами непомерными за то их обложил и на каждом з них правил по чотыры рубли грошей». Будучи в Троках, Сигизмунд I расследовал это дело, и «тые татарове Троцкии повелили, иж они повинни з нами г[оспо]д[а]рьем у ловы ехати до пуцы двора н[а]шого Жыжморского, а тыи вацкии татаре ездят до пуцы Рудницкое, и Межырецкое, и инде, где бы кол[ь]ве н[а]шо властное росказан[ь]е г[оспо]д[а]рское им было, а э ыншым никим не мають ездити». Царевич Азюбек-солтан и некоторые другие князья, мурзы и уланы, т.е. представители литовско-татарской знати, подтвердили, «иж они перед тым николи з воеводами Троцкими и их наместники як у ловы, так и з децкими, и злодеев имати, и воевод спотыкати не еждивали, тол[ь]ко на службу земскую на войну ездят, и там, где кольве мы сами г[оспо]д[а]рь им роскажем». Татары били челом, «абыхмо пры старыне их заховали и с тых всих новин и тяжкостей их вызволили, жебы часу потребы служба н[а]ша [т.е. военная служба – С.Д.] не была з них умешкана».

Король, «бачачы на то, иж они завжды ку службе н[а]шой потребны сут[ь], и не хотячы того видети, жебы служба н[а]ша мела ся тым умен[ь]шати, с тых всих новин и тяжкостей вызволили и очывисто [...] прыказали, абы вжо они без кожного обтяжен[ь]я были захованы».

Извещая об этом своим «выроком» Я.Я. Заберезинского, Сигизмунд I потребовал, чтобы тот «ни в чом тяжкости чынити им не казал и тым татаром н[а]шым у ловы с собою и з наместником своим ездити, и з служебники своими, и з децкими врадника своег[о] посылати, и себе завжды спотыкати, и злодеев имати им не велел, нехай они з нами г[оспо]д[а]рем у ловы ездят, и каждое послуги н[а]шое пил[ь]ни были, яко мы им роскажем, и што с[я] теж дотычет прысуду тв[оей] м[и]л[ос]т[и] и твоя бы м[и]л[ос]ть яко воевода их судил и справовал водле давного обычая, и естли бы хто з них у которую вину нашу упал, твоя бы м[и]л[ос]ть на нас г[оспо]д[а]ря то укладывал. мы будем ведати, што маем з ними учынити, а враднику своему штобы твоя м[ил]о[с]ть жадными винами карати и за то их грабети не казал».

По приказу воеводы, наместник должен был вернуть им «вси грабежи», т.е. все незаконно

отобранное (за слушание) имущество, «и от того часу штобы тв[о]я м[и]л[ос]ть в тых всех речах супокойне их заховал подле стародавнего обычая и водле теперешнего листу н[а]шого, жебы наперед тая послуга ни в чом нам з и них не вмен[ь]шала».

Таким образом, и в данном случае попытки наместника заставить татар ездить на децкование, нести стражу и другие подобные повинности (возложенные на путных людей) были незаконны.

Иное дело – обязанность ходить на охоту с великим князем, возложенная на эту группу татар, издавна. К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить, насколько такая повинность была распространена среди литовских служилых татар в то время. Может быть, речь идет о специфической повинности, возложенной на какую-то группу татарских поселенцев? Подобные случаи известны. Например, еще в 1559 г. в имении Колнолары (Трокское воеводство) упомянуто 10 домов татар, владевших землей «на повинности трубачей» («powinności trębackiej») [11, д.569, л.252–257 об., 380 об.–383]. Судя по приведенному выше привилею 1541 г., ходить в пушу на охоту обязаны были далеко не все служилые татары. Кроме того, и по этому «выроку» Сигизмунда трокские и вацкие татары, добившись того, чтобы обязанность участвовать в охоте исполнялась только в присутствии самого короля и только в определенных пушах (находившихся рядом), сохранили привилегированное положение. Эта обязанность по отношению к монарху не превратилась у них в домениальную повинность, как у крестьян-слуг – осочников, загонщиков, и не могла быть превращена в денежный сбор (как случалось со многими повинностями крестьян). Она уже не представляла интереса для наместников и воевод (которые не могли использовать ее в своих интересах). Вероятно, королевские охоты в этих пушах проводились не так уж часто, и, поскольку основной обязанностью этой группы татар также являлась военная служба, их дополнительная повинность была со временем забыта (позднейшие источники о ней умалчивают).

Жалобы татар на злоупотребления воевод и наместников очень созвучны аналогичным жалобам мелких бояр, которых представители местной администрации также нередко пытались приравнять к слугам, заставляли исполнять не свойственные им повинности. Однако приведенный выше документ 1541 г., подтверждая свободу некоторых татар Трокского воеводства от обязанности исполнять различные поручения воеводы, указывал, что для их исполнения существуют «простые татары». Можно ли считать, что в последнем случае имеются в виду татары-казаки? Считались ли они «простыми татарами»?

В Литовском статуте 1529 г. размеры годовщины и навязки татар (т.е. штрафа, соответственно, за убийство и за ранение или оскорбление) отдельно не указаны. На практике на служилых татар уже тогда распространялось действие артикулов, определявших размеры шляхетской годовщины и навязки [15, с.651; 11, д.15, л.75–75 об.], что затем было специально оговорено в Литовских статутах 1566 и 1588 гг. [16, с.168; 17, с.458]; при этом навязка и годовщина «простых» татар, – ремесленников, огородников, возчиков, – была установлена в значительно меньшем размере. По-видимому, такое различие существовало и в первой половине XVI в., и в этой связи очень показателен другой королевский привилей, также известный А.О. Мухлинскому и другим исследователям по заголовку – «Лист татаром козаком Меречлянским трем особам, на зоставене их водлуг листу судового царевича Озюбек Солтана при чти [чести – С.Д.], за примовкою некоторых татар».

«Татарове козаки меречлянские на имя Юлуш Тулушиковичом, а Тофъта Онышевичом, а Соболя Малеевич», пожаловались, что «некоторые татаре ку чти им были прымовили и меновали их простыми люд[ь]ми; а поведили, жебы навязки за бой по дванадъчать коп грошей им не суживано» (т.е. оспорили их права для того, чтобы не платить им шляхетской навязки – С.Д.). Но дело это было расследовано царевичем Азюбек Солтаном и Фурсом Уланом Осанчуковичем и по свидетельству мерешлянского хорунжего Олишка Казкевича оказалось, что «за отъца и дядька его, як они хоружими были и за его хоружства завжды суживано им трем навязки до двенадцать рублей грошей». Это решение утвердил своим листом и король [11, д.24, л.70–70 об.]. Следовательно, навязка татар, именовавшихся казаками, издавна была равной навязке татар господарских и шляхты, а сами они не считались «простыми людьми». Отсюда следует, что упоминание о «простых татарах»; обязанных нести дополнительные в документе 1541 г., относится не к ним, а к татарам, по своему положению действительно приближавшиеся к путным слугам. По отношению же и татарам-казакам такие требования являлись злоупотреблением со стороны местных властей.

Следует, впрочем, упомянуть и еще об одном указании на наличие у значительного числа татар дополнительных повинностей. Речь идет об известном сочинении «Альфуркан татарский истинный, на сорок частей разделенный», опубликованном в 1616 г. в Литве под псевдонимом Петра Чижевского. Этот памфлет, направленный против татар и обвинявший их во всех смертных грехах, был призван мобилизовать против них общественное мнение, добиться ограничения их прав и привилегий, и, в

частности, доказать, что татары «не шляхта, не земляне, не князья, а ... невольники этого государства». Если верить Чижевскому, татары, жившие в Сорок Татарах (в Троцком воеводстве, неподалеку от Вильно; именно там, очевидно, жили упоминаемые в 1528 г. кирклянские казаки) [11, д.569, л.270об.–300 об.], и другие (не названные) татары «к приезду Его Королевского Величества в Вильно [...] мосты на дорогах должны чинить, так они не свободного состояния». Кроме того, «еще старые осочники (загонщики – С.Д.) рассказывают, что татары в пуши с рушницами и ощепами должны были ходить и зверей добывать, когда для нужд Его Королевского Величества на зверей охотились, о чем теперь забыли» [18, с.7–8.]. Вообще же, как утверждал Чижевский, татары якобы были поселены у Вильно не для военной службы, а чтобы заниматься извозом, снабжать овощами княжескую кухню, ездить с письмами и давать подводы, куда им прикажут, исправлять мосты и дороги, топить печи в замках и дворцах великого князя, ходить на охоту [19, с.52–53.].

Оставив в стороне эту «гипотезу» памфлетиста (он был яростным противником службы татар в литовском войске, считая, что войско, где служат иноверцы, «Бог не благословит» [19, с.16], и стремился добиться перевода татар в разряд слуг), мы должны констатировать, что в «Альфуркане» имеется указание лишь на обязанность одной из групп татар (в том числе – потомков кирклянских казаков) чинить мосты вместе с крестьянским населением. Если даже данные Чижевского достоверны (а сведениями, подтверждающими или опровергающими их, мы не располагаем), эту общеволостную повинность исполняла лишь небольшая часть татар, т.е. нет оснований считать ее обязанностью татар-казаков в целом. Что касается рассказа старожилов об участии татар в великокняжеской охоте, то он относится, видимо, к приведенному выше эпизоду с троцкими татарами.

Итак, мы должны сделать вывод, что по своим обязанностям татары, именуемые в некоторых источниках казаками, не отличались от остальных господарских татар, и их единственной обязанностью была военная служба за пожалованную землю. При этом казаки, как и остальные татары, пользовались шляхетской навязкой, т.е. не относились к числу «простых» татар.

Собственно говоря, изначально неправомерным представляется нам само противопоставление татар господарских и татар-казаков. Дело в том, что выражение «татарин господарский» обозначало татар, служивших великому князю. Они противопоставляются в источниках не татарам-казакам, а татарам, находившимся на службе других лиц, под их частной юрисдикцией, – татарам князя Острожского, Радзивиллов, княжны Збаражской [17, с.266; 11, с.85–86] и т.п. Татары-казаки являлись такими же господарскими татарами, как и остальные татары, объединенные в хорунжества или (как татары Клецкого замка [13, стлб. 190], а затем татары Мстиславского воеводства) [11, д.569] служившие в поветовых хоругвях вместе с боярами-шляхтой. Они исполняли ту же службу, пользовались теми же правами, владели землей на тех же условиях, что и другие господарские татары, как и остальные, имели право владеть крестьянами (хотя реально, как мы видели, в первой половине XVI в. этим правом пользовались лишь немногие из них), т.е. принадлежали к числу литовских феодалов.

Но если права и обязанности всех господарских татар, исполнявших военную службу, совпадали, откуда в документах специальный термин для обозначения многочисленной группы татар, служивших великому князю, какое содержание вкладывали в него сами литовские татары и составители актов, где татары-казаки упоминаются?

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к источникам по истории Золотой Орды и татарских ханств, образовавшихся на ее обломках, – Казанского, Крымского, Касимовского. Татары-казаки там хорошо известны, и именно оттуда, несомненно, проник в Литву этот тюркский термин.

Кем были ордынские казаки? На этот счет существует несколько мнений. Русский историк В.В.Вельяминов-Зернов, например, утверждал, что «простые татары, приходившие служить в Россию вместе со своими царевичами, а равным образом и простые татары казанские, крымские и прочие обыкновенно звались у русских казаками, да и сами они называли себя казаками» [20, с.74]. Но В.В.Вельяминов-Зернов не изучал этого вопроса специально, и исследования других авторов позволяют по-иному взглянуть на эту многочисленную группу населения татарских ханств.

Как отмечает советский историк Н.И.Никитин, «термин "казак" тюркского происхождения. Этимология этого слова не вполне ясна, но его суть применительно к степным районам страны, по мнению большинства исследователей, как правило, сводилась к тому, что им в XVI в. обозначался изгой, свободный человек, бродяга, вольный удалец, промышлявший военным делом» [21, с.168]. «Человек вольный, независимый, искатель приключений», – таково основное значение слова «казак» в словаре тюркских наречий В.В.Радлова, вышедшем в конце XIX в. [22, с.364].

Для татарской знати, князей (беков, возглавлявших отдельные улусы) и мурз (членов ари-

тократических родов, служилой знати) служба хану была обязанностью, вытекавшей из владения улусом, «кочевым леном» [23, с.46–47]. Казаками же называли татар, вышедших из подчинения сюзерену, покинувших свой род, порвавших связи с ним. Они собирались в отряды, нередко предлагали свою службу ордынским и другим феодалам по собственному выбору, иногда самостоятельно совершали набеги, нападения на купеческие караваны. Татары-казаки продолжали существовать в татарских ханствах и после того, как в Великом княжестве Литовском это обозначение местных татар уже вышло из употребления. Так, 3 сентября 1561 г. король Сигизмунд Август известил черкасского и каневского старосту князя Михаила Вишневецкого о том, что по сообщению крымского хана «некоторые козаки белгородские двадцать и четыре чловеки хочут до земли московское идти и службу свою нам господару оказать, а мы жебыхмо им жалованье наше дать велели». Староста должен был послать казакам в Белгород распоряжение идти в Московскую землю еще до наступления зимы. Перечисленные в документе имена этих казаков – чисто татарские (Ясе-Хожа, Бокайчик, Карача-акчай и т.д.) [24, с.156–157].

Именно в этом значении, – вольный человек, независимый от государственной власти и промышлявший военным делом, существуя вне традиционных структур феодального общества, термин «казак», «козак» утвердился, в частности, на Украине [25], и затем получил широкое распространение в польских, литовских, русских источниках.

На наш взгляд, упоминание в литовских документах татар-казаков позволяет пролить некоторый дополнительный свет на историю формирования группы литовских служилых татар. Как мы уже говорили, ее составили два основных компонента: татары, взятые в плен великим князем Витовтом во время похода 1397 г. и поселенные по реке Ваке в окрестностях Трок и Вильно, и добровольные переселенцы [26, с.439–148; 13, стлб. 962–963]. Сами литовские татары уже в XVI–XVII вв. отрицали свое происхождение от пленных и утверждали, что их предков великие князья призвали на помощь во время войны [18, s.20; 27, s.333.]. Вполне вероятно и правдоподобно, что именно казаки, – т.е. татары, в меньшей степени связанные с улусной системой, наиболее мобильный элемент ордынского общества, – в первую очередь и откликались на призывы Гедиминовичей или являлись к ним на службу по собственной инициативе. Именно отряды казаков (а не улусы, как полагают С. Кричинский, П. Боравский и некоторые другие авторы) [3, s.61–64;5] могли стать основой, по крайней мере, части литовско-татарских стягов. Важно подчеркнуть, что и в Литве в рамках хорунжеств еще в первой половине XVI в., видимо, сохранялась некоторая обособленность отдельных крупных групп татар, уже подчиненных общему хорунжему. Как мы уже упоминали, в переписи 1528 г. упоминаются и особые должностные лица, – атаманы, – возглавлявшие трокских, вацких татар, два стяга лососинских татар (в составе хорунжества князя Ахмета Улана) [13, стлб. 111–113, 115–117]. Об их функциях источники не сообщают. Можно лишь предполагать, что атаманы являлись своеобразными татарскими старостами, представлявшими татар отдельных поселений перед администрацией, которые, возможно, отвечали и за сбор отряда на войну, приводили его к хорунжему. Мы не знаем даже, являлись ли атаманы выборными или их назначали хорунжие, а может быть, другие представители местной великокняжеской администрации. Тем не менее, сам термин «атаман», также весьма характерный для казачьей военной организации, несомненно, является наследием раннего этапа поселения татар в Литве.

Существование отдельных «атаманств», на наш взгляд, является дополнительным доводом в пользу предположения о первоначальной самостоятельности некоторых крупных татарских поселений в Литве, вошедших затем в состав образованных великим князем татарских хорунжеств. Судя по имеющимся источникам, атаманы существовали лишь в некоторых татарских поселениях в Литве. В большинстве из них атаманы больше не упоминаются примерно со второй половины XVI в., но в окрестности Лососня в Гродненском повете, где обитало большинство татар, приписанных к Уланскому хорунжеству, еще в ревизии татарских имений 1631 г. назван тамошний атаман – Ясинский Кульзиманович [11, д.569, л.101 об., 125 об., 131, 132 об., 138 об., 140, 144 об., 145 об., 150]. Более поздние упоминания об атаманах у литовских татар нам неизвестны.

Что некоторые ордынские татары-казаки или их группы могли после выезда в Литву включаться в состав уже существующих татарских отрядов, очевидно, свидетельствует привилей 15 мая 1542 г. князю Магмету Кадышевичу на хорунжество татарское в Виленском повете, которое держали его дед князь Петр, отец князь Кадыш и брат Ивашко. После смерти брата князь Магмет должен был занять его должность и, в частности, получал право «судити и местца козаком роздавати водле давнего обычая до своего жывота» [11, д.24, л.231 об.].

Указание на давний обычай, – право татарского хорунжего, т.е. военного главы стяга, раздавать казакам «местца», т.е. по всей вероятности, земельные участки, расширяет наши сведения о

компетенциях этих татарских «урядников» на раннем этапе поселения татар в Литве и формирования литовских татар. Но в данном контексте казаки – не название особой группы служилых татар, а обозначение татарских воинов, поступивших на службу великому князю.

Чрезвычайно любопытен еще один документ, – привилей короля Сигизмунда I 1522 г. князю Нуруму Майковичу Осанчуковичу с подтверждением за ним звания хорунжего стяга Уланов Осанчуковичей, которое «неслушным обычаем под ним упросил» его «брат» (кузен) князь Ахмет Войкович. Аргументом для решения дела в пользу князя Нурума было и то, что «такъжо и братья ж его и иньшые татарове козаки с ними перед нами мовили» [11, д.12, л.12].

Татары-казаки, упоминаемые в данном документе, участвуют в решении дела о замещении должности хорунжего, поддерживают перед королем одного из кандидатов. Но гораздо важнее в данном случае то обстоятельство, что татары-казаки стяга Осанчуковичей в этом документе не противопоставляются «братьям» князя Нурума, т.е. представителям высшей татарской аристократии. Конструкция «братья его и иньшые татарове козаки» («братья его и иные татары-казаки») позволяет считать, что казаками являлись и «братья» Нурума, и другие татары стяга, т.е. этот термин может обозначать здесь всех служилых татар.

Еще один документ, подтверждающий это толкование термина, – лист Сигизмунда I 21 октября 1530 г. Обдуле Абрагимовичу на звание хорунжего татарского трокского после его отца князя Абрагима Тимирчича, маршалка и писаря татарского [11, д.17, л.134 об.]. Это хорунжество, – стяг князя Абрагима, – упоминается в переписи 1528 г., и в его списке, как уже говорилось, кроме самого хорунжего, группы его родственников и других татар, владевших людьми, отдельно названы несколько групп татар-казаков [13, стлб. 111–113].

Лист 1530 г. извещает, что король дал хорунжество Обдуле Абрагимовичу и приказывает, чтобы татары «его были послушны по тому, как и отца его кн[я]зя Абрагима». Адресован же этот документ «Ко всим козаком татаром повету Троцкого», и здесь термин «казаки-татары» явно выступает в качестве общего названия всех служилых татар хорунжества (в самом деле, странно было бы, если бы король информировал о назначении нового хорунжего только часть татар стяга!).

Казаки упоминаются и в следующем привилее на это хорунжество – маршалку и писарю татарскому князю Кульзиману Ходыревичу (двоюродному брату Обдулы), которому Обдула Абрагимович добровольно передал королевский лист на это звание.

Князь Кульзиман бил челом королю «о том, што ж которое хоружое троцькое над козаки, перве сего держал от нас марьшалок и писар[ь] наш татарьский князь Обрагим Тимирчич, и потом сыну своему он буде спустил, ино тот сын его Обдула тот врьд хоружое троцькое ему дядку своему спустил, и оные листы наши, который на тот врьд в себе мел, ему отдал». 2 декабря 1533 г. Сигизмунд I утвердил князя Кульзимана хорунжим и дал ему право «на том ураде своем хоружестве троцьком рядити и справовати по тому, как и предки его першые хоружие в том ся справовали» [11, д.17, л.532–532об].

По какой-то причине князь Кульзиман видимо так и не занял этот пост или вскоре вновь уступил его тому же Обдуле [11, д.17, л.312–314 об.]. «Хоружий козацкий татарский кн[я]зь Обдула Абрагимович» упоминается (вместе с братом и племянником) в судебном решении 17 октября 1536 г. (по их жалобе на высокодворского наместника господарского, забравшего у них крестьян, пожалованных еще их отцу князю Абрагиму Тимирчичу) [11, д.17, л.312–314об]. Поскольку и князь Обдула, и князь Кульзиман, разумеется, возглавляли весь стяг, а не какую-то его часть, татарами-казаками приведенные здесь документы явно считают всех служилых татар, входивших в состав этого хорунжества.

Еще раз вернемся к документам, упоминающим литовских татар-казаков и рассмотренным выше, и мы увидим, что практически все они допускают подобное – более широкое – толкование данного термина. В самом деле, даже в реестре татарских стягов 1528 г. вовсе не обязательно усматривать противопоставление татар-казаков другим татарам, записанным в тех же хорунжествах. Ведь в списке каждого стяга после перечисления татар, владевших крестьянами, следует заголовок «то татаре козаци, што...», т.е. «это татары-казаки, которые...», допускающий двоякую интерпретацию: или данный документ противопоставляет казаков остальным татарам, – т.е. эти *татары-казаки*, которые отличаются от всех остальных татар, перечисленных выше, тем-то и тем-то (обычно – не имеют людей), или же это *татары-казаки*, которые отличаются от перечисленных выше *татар-казаков* тем, что не имеют крестьян, или тем, что составляют внутри стяга особую группу (как, например, в стяге князя Абрагима Тимирчича ларские, вацкие, троцкие, кирклянские казаки). Ведь по тому же принципу составлен и список хорунжества Ахмета Улана, где реестры составлявших его отрядов озаглавлены то «татаре козаци, што людей не мають», то просто

«татарове» (с указанием атаманства, к которому они принадлежат, их имущественного положения, – «татарове, што на огородах седят а пашни не мають»), причем и эти лица, видимо различаясь по размерам службы, составляют одну категорию татар, с общими правами и обязанностями. Татары, перечисленные в списках стягов до подзаголовков «то татаре козаки», собственно говоря, не имеют и документе специального названия [5, s.152]. Списку татарских хорунжеств в рукописи предшествует общий заголовок: «Реестр князей и вланов татарских. В том же реестре кожды з них них менован есть на кольку конех мает служити». После этого следуют списки отдельных хорунжеств, в которых упоминаются и татарские князья, и уланы (Чингисиды, князья крови) и другие татары, в большинстве названные казаками.

Итак, можно ли утверждать, что казаки – это все военно-служилые татары Великого княжества Литовского, упоминаемые в источниках первой половины XVI в.? Очевидно, у нас есть все основания констатировать, что именно в таком значении употреблялся в то время в Литве этот термин. По-видимому, самоназвание татар, выезжавших на литовскую службу, – казаки, т.е. вольные воины, независимые от сюзерена, имеющие право выбирать себе государя и служить ему по своему усмотрению, – на некоторое, довольно короткое время утвердилось в Литве как общее название татар, занятых военной службой. В таком контексте татары-казаки видимо противопоставлялись татарам, исполнявшим другие обязанности, например, татарам-ремесленникам, может быть, – «простым татарам». Кстати, не в этой ли связи в приведенном выше привилее 1541 г., подтверждавшем нескольким татарам право на навязку, равную шляхетской, подчеркивалось, что речь идет о татарах-казаках, т.е. о татарах служилых?.

Тем не менее, данный термин довольно быстро вышел из употребления и его вытеснил более четкий и универсальный термин «татары господарские», который определял юридический статус литовских татар-землевладельцев как служилых людей великого князя.

Очевидно, какую-то роль сыграло при этом и появление украинского казачества. Такое название окончательно закрепилось за представителями этой степной вольницы и вряд ли было приемлемо для одной из групп литовских феодалов, «землян господарских», какими являлись служилые татары. Нельзя исключить, кроме того, и влияния ордынских традиций. Среди литовских татар существовала знать, потомки мурз и уланов, сохранившие в Литве свои княжеские титулы и с помощью великих князей закрепившие, за собой на длительный срок практически наследственную власть над татарскими хорунжествами. Культивируя ордынские традиции, поддерживая некоторые контакты с татарскими ханствами, литовско-татарская аристократия, несомненно, помнила, что в феодальной иерархии ордынского общества казаки стояли ниже князей и мурз, поэтому и в Литве знать не могла принять для себя этого названия. И хотя в ряде случаев, как мы видели, татарами-казаками документы именуют всех татар стяга, независимо от их происхождения, – обычно потомки знати стремились так или иначе выделиться среди остальных служилых татар. Вопрос о положении татарских князей в Литве изучался нами специально [28]. Здесь мы отметим только, что татарская аристократия (князья, мурзы, уланы) по своему юридическому положению не составляла особой категории литовских татар. Она владела землей на том же праве, с теми же обязанностями, одинаковой была и головщина и навязка всех служилых татар, все они пользовались правом владеть крепостными, а право представителей некоторых родов занимать должности маршалков и хорунжих своего стяга освящалось традицией; но не было закреплено юридически. Среди литовских служилых татар потомки ордынских мурз и казаков в какой-то степени противостояли друг другу, но это противопоставление носило уже внутрисословный характер, существовало в рамках единой сословной группы – господарских татар, одной из групп литовского класса феодалов. Именно по этой причине, благодаря равному доступу всех служилых татар Речи Посполитой к шляхетским привилегиям, все их потомки (более 200 родов) после присоединения этих земель к Российской империи были признаны в потомственном дворянстве (некоторые семьи при этом сохраняли титулы князей и мурз, но это не влияло на объем их привилегий), и даже, вопреки общему русскому законодательству, сохраняли право владеть крепостными-христианами [28; 29, s.147–163].

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующие в литературе оценки положения татар-казаков и их места в иерархии литовских татар, их противопоставление татарам господарским основано на недостаточно надежной источниковой базе и опровергается документами Литовской метрики.

2. Татары Великого княжества Литовского, именуемые в источниках казаками, пользовались всеми правами и привилегиями служилых господарских татар, и их единственной прямой обязанностью являлась военная служба за землю, пожалованную великим князем.

3. Термин «татары-казаки» был принесен в Литву из Золотой Орды и первоначально обозначал рядовых татарских воинов, порвавших связи со своим родом и свободных от вассалитета по отношению к ордынским феодалам. Распространение этого термина в Литве, очевидно, связано с переходом на литовскую службу наемных отрядов или отдельных ордынских казаков и первоначально казаками именовались только эти лица или их потомки.

4. В первой половине XVI в. в Великом княжестве Литовском термин «татары-казаки» приобрел более широкое значение и мог употребляться для обозначения основной массы господских татар, военнотатарских татар вообще, как одно из названий этой группы в целом. Среди служилых татар казаки не составляли особой категории.

5. Исчезновение термина «татары-казаки» уже во второй половине XVI в. объясняется дальнейшей интеграцией группы служилых господских татар, тем обстоятельством, что этот термин стал ассоциироваться с украинским казачеством, т.е. непривилегированными слоями общества Речи Посполитой, в то время как литовские служилые татары в этот период все больше сближались с остальной шляхтой Великого княжества.

Список использованных источников и литературы

1. Мухлинский А.О. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб., 1857.
2. Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w r. 1558, z języka tureckiego przełożył i objaśnił i materiałami historycznymi uzupełnił [...] // *Teka Wileńska*, 1858. – № 6.
3. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-genealogicznej / «*Rocznik Tatarski*», 1938. Т.3.
4. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – Москва, 1892.
5. Borawski P.. Tatarskie chorągwie plemienne a armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // *Acta Baltico-Slavica*. XII. 1979.
6. Borawski P. Sytuacja prawna ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim (XVI–XVIII w.) // *Acta Baltico-Slavica*. XV. 1983.
7. Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986.
8. Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. «*Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Wydział historii i nauk społecznych. Prace komisji historycznej*». Т. XXXVIII. Warszawa-Poznań, 1984.
9. Гембіцкі Я. Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявечча // *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Беларускае АН. Кніга 8. Працы класа гісторыі*. Мінск, 1929. Т.3.
10. Грыцкевіч А.П.. 3 гісторыі паселішчаў татар у Беларусі // *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*. – Мінск, 1981. – Вып.6.
11. РГАДА. Ф. 389.
12. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. – Мінск, 2003.
13. Русская историческая библиотека (далее: РИБ). Т. XXXIII: Литовская метрика. Переписи войска литовского. – Петроград, 1913.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею. – С.-Петербург, 1840. – Т.1. – № 208.
15. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов. Вильно, 1890. – Т. XVII.
16. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. / *Временник Московского общества истории и древностей российских*. – М., 1855. – Кн. 23.
17. Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. – Каунас, 1532. – Т.2 (Текст).
18. Alfurkan. Чижевский П. Альфуркан (1616 г.).
19. Ibidem.
20. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч.1.
21. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // *Вопросы истории*. – 1986. – № 4.
22. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1899. – Т.2. – Ч.1.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
24. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т.2. – СПб., 1865.
25. Архив Южной и Западной России. Ч.3. Акты о казаках. – Т.1. – С.1500 по 1648 г. – Киев, 1863.
26. Думин С.В. Служилые татары в Великом княжестве Литовском в конце XIV – начале XVI в. (формирование группы) // *Наш радавод: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии XIII – начала XX в.»*. – Гродно, 1991. – Ч.3.

27. Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa, 1978. S. 333.

28. Думин С.В. Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Т. XX. 1989.

29. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. [Татарская шляхта в Великом княжестве Литовском и изменения в ее правовом положении в XVI–XVIII в.] // Roczniki Historyczne. Rocznik LVII. 1991.

Р.Х. Амирханов

От Урала до Вятки: земли татар племени минг

«...Ат та туйган жиренә,
Ир дә туган жиренә».

«...Конь стремится к земле, где трава,
Муж стремится к стране, где рожден».

Татарский эпос «Идегей». Песнь IX.

В России, как правило, изучение родословий посвящено только царствующим особам, князьям, генсекам, иногда – приближенным к царствующему дому. Система изучения и составления родословных для простого народа не организована. Если часть населения и составляет свое родословие, то только благодаря собственной инициативе отдельного человека, любителей истории и краеведов. Поэтому не стоит удивляться тому, что многие внуки не знают даже имен своих дедушек и бабушек. В отсталости в вопросах изучения и составления своего родословия (генеалогии) упрекать население мы не имеем никакого права, потому что доступ к архивным материалам для широкого круга людей практически невозможен. Неблагоприятная ситуация может продолжаться до тех пор, пока государство не опубликует архивы, в частности, текстовые материалы ревизских сказок и метрических книг.

Методическая литература по составлению родословий практически отсутствует, изучение генеалогии в школах и ВУЗах в качестве отдельного предмета не организовано. Чтение метрических книг, которые первоначально написаны на арабице, даже татароязычному населению представляет почти непреодолимое препятствие, так как двукратная насильственная смена алфавита оторвала татар от письменных источников своих предков. И как результат – среднее и молодое поколение татар менее грамотно, чем их отцы и деды.

Интерес к правдивой истории и к историческим источникам не является массовым, потому составление своих родословных продолжает быть уделом энтузиастов. Все это вместе взятое привело к отрыву молодого поколения от истории своих предков, превращая их «Ахметов, не помнящих родства». А такими людьми, известное дело, легко управлять.

Родословия имеет не только познавательное и воспитательное значение, но являются серьезными источниками при изучении миграционных, демографических и других процессов в жизни населения. Они, родословия, в своей основе базируются на устной и письменной народной памяти. В устной и письменной памяти порой бывают ошибки, например, в чередовании имен предков, но от этого их документальная ценность несколько не снижается. Наиболее полны и стройны те родословия, составленные муллами и мурзами. Подтверждением этому служат два *списка* родословия, которые хранятся в селе Сарайлы Благоварского района Республики Башкортостан.

Село Сарайлы географически расположено на левобережье реки Дема, на левом берегу небольшой реки с названием Балышлы, ближе к ее истоку. Это село почти слилось с селами Балышлы (на правом берегу реки Балышлы) и Новый Буляк. Село Новый Буляк образовалось в 1913–1914 годах путем выделения части населения Сарайлы, приписанной к «типтярскому» сословию; на самом деле «тептяри» перебрались с одного конца Сарайлы на другой. Близкими *их соседями являются* села Удрякбашево (родина генерала А.Ишбулатова, на р. Большой Удряк), Новая Каргала (родина Амирхана Еники, расположена при одноименной речке, западнее от железнодорожной станции Благовар), Шамеево (бывшее Новое Балышлы, выделившееся из с. Балышлы), Старое Усманово и Сафарово, что на полпути на железнодорожная станция Чишма (здесь, на «Акзирате», находится мавзолей Хусейн-бека). Невдалеке находятся села Новое

Калмашево (на р. Калмаш), Ямакаево, также несколько близлежащие друг другу села с общим названием Тирмя, что на речке Слак. Здесь находится мавзолей Тура-хана. Администрация района находится в русском селе Языково.

Наши края в древности пребывали в зоне влияния культуры сармат, саков и массагетов, о чем свидетельствует курганная археологическая культура в районах Уфы, Оренбуржья, Бугульмы и др. С образованием Золотой Орды – находились в составе этого государства, а с его распадом – в составе Ногайской Орды. Имеется основание полагать, что наши края были одним из культурных центров этой Орды. На это указывают древние Имэн-кала (Уфа) и мавзолеи, множество татарских тамг на камнях-валунах, скалах и др. А множество татарских тамг означает обитание в этих краях большого количества племен с развитым административным управлением. Последнее подтверждается населенными пунктами с общим названием Кубово. Например, между озером Кандры и районным центром Буздяк расположены населенные пункты Копей-Кубово, Батырша-Кубово, Казаклар-Кубово и Телякей-Кубово. Селения Копей-Кубово и Телякей-Кубово отмечены также на карте Уфимской губернии [24, с.90–91]. Западнее Уфы есть села Ново-Кубово, Старо-Кубово, Сарт-Кубово. Слово «кубово» в названиях населенных пунктов связано с древними административными традициями татар Ногайской Орды. Эта же традиция существовала и на юго-западной части Ногайской Орды, например, в Караногайской, Ачикулакской, Едишкульской и Едисанской приставствах [1, с.44–54]. Проживающие здесь племена состояли из кубов, к которым принадлежали по несколько родовых ветвей. Например, сарай-кубу принадлежали ветви алты-гожа-уйсун, эменек-уйсун, кара-гора-уйсун, куяшлы, каншлы, уйгур, буйрабаш, яшул, чавжейли, казаяклы и тубей. К конгур-кубу – беке, казанулы, ктай, бадрак и баята. В Караногайском приставстве население было распределено между четырьмя древними кубами: найманским, терковским, кипчакским и минским. В Крыму есть населенные пункты Киик-Коба, Шан-Коба, Фатыйма-Коба, Мурзак-Коба, Буран-Коба [2, с.15, 17]. В данном случае слово «коба» может читаться как «кобау».

На татарском языке *кубово* (күбөү) или *куб* означает *куп*, значит – *много*, много (несколько) племен. Следовательно, *кубово*, «*коба-кобау*», *куби*, *суби* означают удел, область, край с множеством племен (родов). В большинстве первенство в управлении административными единицами кубово принадлежало мангытам и/или мингам.

Чуби-Минская волость может означать Суби-Минская волость, но не от слова *сыбы* (имена Идел-сыбы, Яик-сыбы и др.), а от слова *куби*, *кубово*. Если это наше предположение *верно*, то *первоначально* родовая волость могла называться «Куби-Минская». Тем более, эта волость соприкасается почти со всеми населенными пунктами, имеющими в своем названии слово Кубово.

В татарских родословных термин Кобау встречается в качестве имени человека, например, Кобау, его сын Токай [3, л.2 об.–3]. В данном случае имя Кобау-Кобай означает «Оль» («Старший»).

И в наших краях издревле проживают различные роды из племени мин/минг, что подтверждается с родословными и источниками.

Например, во время проведения 7-й ревизии (1816 г.) в селе Удрякбашево проживало 239 душ «мещеряков», 18 душ «служилых татар», 13 душ «удреков» и 25 душ «башкир» [4, л.179]. Сословия «мещеряки», «служилые татары» и «башкиры» являются традиционно надуманными, но кто же «удреки»? Ответ может быть найден в названиях нескольких рек вблизи этого села. Село Удрякбашево основано на реке Большой Удряк, что впадает в реку Дему. В Большой Удряк справа впадают Средний Удряк и Асыл Удряк. Асыл Удряк свое начало берет от довольно большого озера Асыл, которое чаще называют Ачылы, что неверно. (Слова «ачылы» означает «кислое», что не соответствует вкусу воды этого озера. Слово «асыл», то есть «красивый» на самом деле соответствует этому прекрасному озеру, дающей пристанище и человеку, и животным).

За пределами реки Балышлы в Дему впадает речка Яман Удряк (иногда называют Келтей-Удряк). Название рек Удряк и части жителей села Удрякбашево *удреками* может быть связано с наименованием рода (ветви) *удрек* племени мин (минг, мангыт), возможно – как ветвь бадраков. Дело в том, что совсем недалеко расположено село Сатышево, входящее когда-то в состав Ислакской волости Белебеевского кантона, где, судя по шежере из этого села, проживали бадраки [Национальный музей РБ, документальный фонд, Нв 21111]. Шежере, в которой содержатся несколько родословных, переписано в 1924 году Муртазой, сыном Саяхетдина. В одном из родословных указано пять поколений: Барыйс Аткан Бабсак би – Сарыш би – Колын би – Базрак би – Байконгыр. Судя по приставке би, этот род принадлежит к потомкам Идегея, а имя Базрак есть Бадрак, би – рода бадраков. В истории татар Ногайской Орды род бадраков довольно известен. Например, в столице Казанского ханства проживали татарские роды Барын, Ширин, Кипчак,

Мангит. К этим родам соотнесен и род Бадрак. В 1549 году правитель Ногайской Орды Юсуф би в своем письме на имя Ивана IV сообщал о посольстве казанцев в Крым с просьбой о назначении им хана после смерти Сафа Гирея. Посольство возглавляли казанцы Янборс Расов и Данин, сын Махмута из рода бадрак. Столь высокое посольство возглавляли только представители древнего и знатного рода [5, б.185–186].

Отметим, что селения с общим названием Бадрак (иногда Батрак, Базрак) есть в Лениногорском и Мензелинском районах РТ, в Самарской и Ульяновской областях, в Башкортостане (Бурзянский и Бураевский районы), в Крыму.

Приведенные здесь примеры также подтверждают, что наши края издавна являлись одной из частей обширной территории Ногайской Орды, а жители – наследниками татарской племени мин (минг, мангыт).

Наступила вторая половина XVI века, одна из трагичных в истории татарского народа: под военным давлением Московии пала Казань, последовали жестокие мор и голод в среде татар Ногайской Орды, продолжались ожесточенные бои населения за восстановление Казанского ханства. Правительства тюрко-татарских ханств и Ногайской Орды не сумели сосредоточить свои силы на отпор противника, с севера последовали атаки на мирное население Орды, разрушались города и святая святых – захоронения предков татар. Татары были вынуждены сражаться на нескольких фронтах – против русских, появившихся с востока калмыков, вставших на русскую сторону казаков, бывших подданных Золотой Орды и др. Помощи татарам извне не поступала: сильная в тот период Порты была занята «приобретением» новых земель на юге и западе. В это время разрушалась устоявшая экономика государства, основанная на скотоводстве. В Орде отсутствовало централизованное управление, каждый род управлялся автономно. Захваченные татарские земли новыми хозяевами объявлялись «государевыми», что лишало коренное население земель – основы степной экономики. Коренные народы обязывались просить у московских царей, словно милости, утверждения за ними права на владение и пользование своими же землями.

К экономическому гнету прибавился гнет религиозный – началось силовое навязывание татарам «святой греческой веры». Татары, не принявшие нового административного и религиозного порядка, массами уходили вглубь Ногайской Орды, куда «рука» Московии пока еще не доходила. Однако и в глубине территории Орды покоя им не было – терзали воеводские власти, заседавшие в острогах, возведенных на земле татар, в том числе *Уфимского острожка*. Чтобы как-то уменьшить аппетит пришельцев, татары были вынуждены заключать с правителями новых хозяев договоры на *землепользование, так называемые отдельные грамоты*.

Согласно источникам наши предки до русского завоевания татарских земель проживали на Темниковской стороне. По мере усиления новой власти они постепенно продвигались вглубь Ногайской Орды, пока не осели в Придемье, на землях своих же исторических родов. Происходила вынужденная смена места жительства на единой исторической территории своих предков. Но и здесь их доставала «рука» московской власти, вновь возникали вопросы землевладения. *Вновь* приходилось узаконивать свое право на землевладение, составляя отдельные грамоты.

Одними из первых обладателей грамоты на землевладение из рода Казанфара бия были Шейх-дирбеш (Шихдербышка) и его сын Тохтамыш (Тохтамышка).

По данным от 15 сентября 7089 года (1581 г.) были даны вотчины и «бортные ухозя» по обеим берегам Камы и по реке Ику «Шихдербышке да Тевкелу да Бехтемирке» [6, л.216 об.]. Тохтамыш «с товарищами» и жителями деревни Сарали (Сарайлы – Р.А.) и в 1595 году владели землями в Предкамье по бассейнам рек Тойма, Карин, Чаллы, Итня и др., а также «за Камою рекой» (в Закамье – Р.А.) «по речкам Польской Кабан, Ургузе, Такирмен, Малакас, Кузабы, Итня, Кирмалы, Кавзияк, Тыгырменлик, Сурунчак» и др. [7, с.15].

По данным на 3 февраля 7145 года (1637 г.) жителям Зюрейской дороги деревни Балтачева Алакейке Тявкиеву, Тявгилдайку Тявкиеву, Курманайке Шихдербышеву, Балтачке Сопаргочеву, Ахпайке Басубину и Ясчейке Тораеву принадлежали земли по речке Учюмене «по обе стороны» и сенокосы «за Камою рекою верхняя межа по речке Алюк, а нижняя межа по Ик реке...» [6, л.138].

В 1643 году Тохтамышу (Тохтамышке) Шихдербаеву, Тактке Кутееву, Янбатейке Янсеитову продолжали принадлежать земельные угодья при деревне Сарали (Сарайлы). Имя Тохтамышы «при деревне Сарали» упоминается также в работе И.Р. Габдуллина [8, с.216].

По данным на 1 ноября 7205 года (1697 г.) жителям разных деревень Байларской волости Казанской дороги Арычко Тохтамышеву «с товарищи» принадлежали вотчины «по Ику реке по обе стороны, верхняя межа озера Большое, а нижняя межа озера Урла и те озера тоже... И тою

вотчиною по Ику реке и озера изтари владели прадеды, деды и отцы их и оне владеют поныне...» [6, д.1010, л.218].

В конце XVIII века потомками Тохтамыша «с товарищами» считали себя жители деревень Саклавбаш, Усюлю Саклов, Имановой, Сарсаз, Такирмен, Чураш, Сарали Бикметево, Сулюково, Абдуловой, Сеитово, Семекеево, Кугаш, Каран, Клянчитатамак, Сарманово, Рангазар и др. [7, с.15]. По данным ревизии 1834 года эти села находились в составе Сарайли-Минской волости, за исключением трех последних, находившихся в составе смешанных волостей Сарайли-Минской и Байларской.

Е.И. Чернышов, ссылаясь на С. Мельникова, отмечает, что деревня Сарайли была основана в период Казанского ханства [9, с.276]. Д.М. Исхаков, со ссылкой на работы Е.И. Чернышова, считает сарайли-минцев на реке Мензеля переселенцами из деревни Сарайли Казанского уезда, которая существовала также в период Казанского ханства [10, с.131]. Подобного мнения придерживается и Р.Г. Кузеев [11, с.299–304]. Он также пишет, что до конца XVIII века сарайлы-минцы жили в низовьях реки Ика: земля их «лежит между речек Мензели и Итили». В «Писцовой книге...» на Зюрейской дороге Казанского уезда в 7157 году (1649 г.) упоминается ясачное село Сарайли близ Елабуги в связи с «отмерением» земли двум церквям «Государева дворцового села Тресвятского, Елабуга то ж» [12, с.219]. Последние сведения совпадают с информацией о землевладениях Тохтамыша Шейхдирбишева.

Тохтамыш Шихдербай (так пишется в источниках) приходится сыном Шейх Дирбешу из родословной Сарайлинской рукописи. Шейх Дирбеш и его брат Шейх Маман являются сыновьями Хасан-шейха, внука Дистана, правнука Казанфара бия. У Шейх Дирбеша было 12 сыновей. Кроме Тохтамыша, Турай, Тутай, Кахарман, Тукбирде, Туйкэ, Ырыс, Байсуба, Максу, Солтан, Таубакты, Илбакты [13, б.36, 37, 46, 49].

Следующие межродовые разделы земли происходили в середине XVII века, но уже в Придемье. Эти разделы, как мы предполагаем, связаны с незаконными изъятиями татарских земель новоявленным русским служилым населением Уфимского острожка. Они, не удовлетворившись земельными угодьями в непосредственной близости от места своего проживания, начали захватывать татарские земли за пределами своего жилья. Дело в том, что русское правительство пока еще не было способно обеспечивать своих служилых продовольствием, воеводы острожка старались создавать местную «хлебную базу» путем раздачи им земель коренных жителей, то есть за пределами острожка. До 1623–1624 годов служилые люди владели землями у речки Сутолка, на Случевке и Шугуровской, возле Ногайского оврага, где протекала речка Ногайка. В наши дни эта территория очерчивается лишь парком Салавата Юлаева (бывшие Ушаковский, Матросова), перекрестком улиц Цюрупы и Октябрьской Революции [14, с.13, 16, 17, 79, 84, 151]. В последующие годы служилые люди начинают претендовать на более дальние татарские земли, как за пределами рек Дема и Белая, так и за речкой Берсуан (Чесноковкой), даже вверх по Белой, до реки Уршака [15, с.283].

Но местным хозяевам пришлось пресекать дальнейшего поползновения новоприбывших на их земли, для чего официально закрепляли права на собственные землевладения посредством отдельных грамот, так как завоеванные земли стали считаться «землями государевами», то и отдельные грамоты оформлялись от имени царя. Со времени появления в уфимском округе русского острожка хозяевам пришлось дважды закреплять свои ближние и дальние внутриведомственные (родоволостные) разделы земли в 1646 и 1671 годах.

В разделе земли 1646 года участвовало 11 хозяев, потомки Идегея, *сохранив за собой 9 участков*. В 1671 году раздел земли осуществили другие потомки Идегея: четыре сына Казанфара-бия (Кузьябахты, Дистан, Байбахты и Кадаш-би), четыре сына Чублюка (Яик-сыби, Кадыр-сыби, Минли-сыби и Идил-сыби), а также Уразлы Урманов, Маматкол Тинглиев и Аккунды Акманов [16, б.107–111]. Все участники раздела земли происходили «от княжества и тарханства татарского» [17, л.1].

Межродовой раздел земли осуществлялся по естественным границам (рекам, озерам, лесным угодьям), что помогло нам в установлении их границ на современных картах.

Общая территория разделенной земли в современных названиях очерчивается правобережьем реки Белая и левобережьем реки Дема на всей их протяженности, от истоков Демы почти до реки Ика. Здесь их земли соединяются с землями родственной Сарайли-Минской волости. На юге охватывают Стерлитамакский, Давлекановский, Благоварский, Чишминский, Гафурийский, частично Белебеевский районы РБ; на севере – Белорецкий и Бирский, включая Аургазинский,

Кушнаренковский, Чекмагушевский и Ютазинский районы РБ, также частично территории Сармановского и Тумутукского районов РТ. На юго-западе территория охватывает Кандры-куля.

На этой территории возведены города Уфа, Стерлитамак, Ишимбай, Салават, Белорецк и Бирск.

До раздела 1646 года эта огромная территория имела общее название – Минская волость [6, д.939. л.8 об.]. Владел землями Минской волости князь Казанфар [6, д.1007. л.37]. Власть Казанфара бия распространялась от истоков Демы до устья Камы.

Однако власть руководителей племени мин не ограничивалась только землями Казанфара бия.

Как пишет Заки Валиди, племя мин было многочисленно, проживало на обширной территории от Заказанья до Крыма. Это племя в Ногайской Орде являлось правящим. Не зря наследники *рода* Идегея имели право называться биями, так как только они являлись мурзами [18, б.36].

В родословной, составленной в 1963–1970 годах жителем села Каркалитамак (Миякинский р-н РБ) Вафиним Газизом Мухаммедвафовичем, Казанфар назван «бием» страны Сарайли [13, б.12]. В данном случае слово «страна» может означать «род». Следовательно, территория от Яика до устья Камы, во всем своем величии, принадлежала татарскому роду сарайлы племени мин/минг, потомкам Идегея бия и Казанфара бия.

После раздела земли в 1671 году на этой огромной территории возникло множество минских татарских родовых объединений-волостей, превращенные на небольшой период русскими в волостные административные единицы.

В первой половине XVIII века насчитывалось от 70 до 76 волостей. На ногайской дороге – около 30, Сибирской – от 23 до 25, Казанской – 15–17, Осинской около – 4–5 [19, с.68].

Ниже приводим названия 33-х наиболее крупных татарских родовых объединений (в алфавитном порядке): Байларская, Булярская, Гарейская, Еддятская, Енейская, Дуванская, Иланская (Еланская) (в нескольких сочетаниях), Илекей-Минская, Ирехтинская, Канлинская, Киргизская, Кырыкуйли-Минская, Кубовская, Кудейская, Кулиле-Минская, Кыпчакская (в нескольких сочетаниях), Минская, Миркит-Минская, Мурзаларская, Сарайлы-Минская, Сунларская, Табынская, Тазларская, Тангаурская, Таныпская, Тамьянская, Уранская, Услуги-Минская, Уршак-Минская, Чуби-Минская, Шамшадинская, Юрматинская (в нескольких сочетаниях), Юрминская, Яик-Суби-Минская. Позднее Уршак-Минская волость стала называться Минской волостью тюбы Кадышевой. В землевладельческих документах встречаются наименования «Сарайлинская волость Дистановой тюбы», «Дистанова тюба из Кырыкуйлинской волости». В Минской волости были тюбы Тарханская и Булашевская [20, с.197, 342]. В остальных волостях тюб не было. На близкую родственность татар-минцев на всем пространстве земли Казанфара бия указывает и следующий документ.

В 1734 году сарайлинцы Чуби-Минской волости вышли с обращением в адрес Уфимской провинциальной канцелярии, что их родственники Дистановы живут «по Мензеле речке в Сарайлинской волости», которые ныне «желают они принять по прежнему к себе». 10 июня 1743 года Уфимской провинциальной канцелярией было «велено вотчинною землею владеть обще с родственниками, а жить им по прежнему на Казанской дороге до указа» [6, д.1007, л.49 об.].

Кроме названия племени и/или рода, в названиях родовых объединений имеются и другие сведения. Например, как было отмечено выше, в названии Чуби-Минского объединения слово «Чуби» может означать либо «сыбы» («суфи»), либо «кубово». Названия Киргизский или Кыпчакский связаны лишь с названиями населенных пунктов. Название Кулиле-Минского объединения связано с преобладанием на территории озер («озеро» по-татарски «күл»). Название Кырыкуйли-Минской связано с названием рода «кырыкуйли» – «сорок домов», то есть, «очень много» родов (дворов). Название татарских родов через число «дворов» («домов») довольно распространено. Например, «учуйлы» (учил, учалы) означает «три двора», «дюртуйли» («дюртюли») – «четыре двора». На территории современного Башкортостана существуют четыре населенных пункта с названием Дюртюли: в Дюртюлинском (районный центр), Давлекановском, Караидильском и Шаранском. Все они расположены в районах больших рек и озер, довольно насыщенных населенными пунктами. Село Дюртюли есть и на территории Республики Татарстан, вблизи Мензелинска, и в Чистопольском районе.

В Кармаскалинском районе РБ есть село Бишаул-Унгарово, что маркируется на территории землевладения Кужабакты, старшего сына Казанфара-бия. Возможно, название этого села произошло от Бишуйлы, то есть «пять дворов», «пять домов». И на Кубани есть станица Пятизбанная, что означает «Бишуйли». Есть татарские села с названием Дюртмунча и Бишмунча, что, видимо, связано с названием родов.

На картах Генерального межевания в названиях деревень сохранились имена отдельных участников раздела земли 1646 года. Например, деревня Тенергулово (на левом берегу реки Уршака, у впадения реки Тепериш), впоследствии переименованная в Петряево. Деревня Кадыргулово (на правом берегу реки Уршака) южнее современного села Тимошкино. Одно из селений носит название Канзафарово (Зилаирский р-н РБ), другое – Яик Себе (на левом берегу Демы южнее Раевки) на территории землевладения Яик-сыбы, сына Чублюка. Село Яик Себе существовало до середины 1940-х годов, на более поздних картах отсутствует. В верховьях реки Уршак есть село с названием Ямгурчи.

На картах Генерального межевания встречаются названия рек и озер, дающие повод на определенные размышления. Вблизи Уфы существовало озеро Карлук, соответствующее названию одного из татарских племен на востоке. Здесь же протекает река Юрмат, названная как Юрмаш и Чурмаш. Река Аургазы названа Ургаза. Река Лобовка, левый приток реки Уфа, называлась Лабау, подобно Лаба, левому притоку реки Кубань (Куман). Названия рек Лабау и Лаба указывают на общность культуры и языка проживающего там населения. На эту общность указывает название сел и рек в Закамье и Кубани по имени рода Каратай: в Закамье есть несколько сел Каратай, на Кубани – река Черный Жеребец.

В Башкортостане есть две реки с общим названием Слак, одна впадает в Калмаш (вблизи Акзирата – приток Демы), другая – в Курсак (также приток Демы). Есть села и реки, которые в названиях содержат слово «мин» («минь»), например, Минка, Минлярово, Минлино, Миньковка, Миндзитарово, реки Миньяк, Миньяр. Есть населенные пункты и реки с названиями Нагаево, Нагайка, Нукай. Есть селения Мурзино и Мурзалар вблизи Камбарки, Бузовьяза и Акъяра. Есть поселения с названием Кипчак, например, вблизи Камбарки. Населенные пункты Тамьян, Табын, Балтач, Кудаш, Ямашево, Багряж, речки Менеуз, Калмаш существуют как на территории Татарстана, так и Башкортостана, что указывает на единство территории и культуры народа, издревле проживающего в этих регионах.

И в Закамье, и в Придемье есть реки и села с названием Сарайли (в русскоязычных источниках называются еще Сарали). Кроме селения Сарайли в Благоварском районе были деревни Сарайли на Деме (вблизи устья) и в районе Раевки, также на реке Сарайли (приток Большого Шишеняка, впадающего в Зилим). Недалеко от реки Резяпово есть еще одна река с названием Сарайли. На реке Слак (впадает в Курсак) было селение Сараево. На территориях Республики Татарстан и Республики Башкортостан несколько сел имеют название Крым-Сарай.

Село Сарайлы, по рассказам сельчан, названо нашими предками в память прежнего своего местожительства, что могло быть связано с Сарайчиком, центром, столицей Ногайской Орды, или Сарай, столицей Золотой Орды. Отсюда произошло наименование нашего рода сарайли племени минг (мангыт).

В рукописи и шежере Даушевых, хранившейся в селе Ахун (Учалинский р-н РБ) сохранилась запись о том, что сарайлинцы являются выходцами из города Сарайчик на реке Яике [21, б.7]. Даушевы происходят от Чалбака-хана и Урдача-бия и восходят к Абу Бакиру Сиддыйку. Род Даушевых, как и многие роды наших селений, восходит к Идегею, они являются наследниками дома сарайли татарского племени мин.

Имеется общность в названии татарских родов Закамья, Придемья и Крым. Это четко определяется в трудах Петра Кеппена XIX века [22, л. 236].

В январе 1847 года на основании «Высочайше утвержденного» положения Комитета Министров 50 семействам татар Крыма было разрешено переселиться в Керченский Магометанский форштадт «из поселян Феодосийского уезда, Сарайминской и Армаэлинской волостей». Перечисляются деревни: Бююк-Коджалар, Бешуйлы-Каралар (Бишөйле Каралар), Кол-Алчин (Кол Алчын), Узун-Аях-Карса (Озынаяк Карса), Баш-Киргиз (Баш Кыргыз), Коп-Кочеген (Күп Күчегән) и Сараймин (Сарайли-Мин).

Здесь все ясно, особые комментарии не требуются.

Раздельные грамоты с родословными являлись юридическими документами, действительными при проведении Генерального межевания, а также в конце XIX века. Следовательно, человек без «роду и племени», не знающий своих генеалогических корней не мог претендовать на землевладение, то есть на социально-экономическое благополучие.

В раздельной грамоте 1761 года границы родовых волостей определены, в основном, по берегам рек, озер, линии лесов. Поэтому в последующие годы, в том числе при Генеральном межевании земель, стали возникать земельные споры, даже между близкими историческими

соседями. Приведем пример такого земельного спора между соседями – чубиминцами и кырыкуйлеминцами.

В 1734 году сарайлинцы Чуби-Минской волости обратились в Уфимскую провинциальную канцелярию с обвинением своих соседей кырыкуйлинцев в насильственном завладении части их земли, что обосновали раздельной грамотой 1761 года [6, д.1007, л.32–33]. Спор связан с землями на левом берегу реки Большого Удряка, принадлежащего по раздельной грамоте 1671 года сарайлинцам Чуби-Минской волости. Кырыкуйлинцы отстаивали свои права на земли по обеим берегам этой реки. Спор двух соседей власти решили просто: до раздела 1646 года все земли принадлежали князю Канзаферу, «который так и назначенным участкам известной меры нет», что означало «границы неизвестны», разбирайтесь, мол, сами.

В 1868 году поверенные вотчинников Чуби-Минской волости Уфимского уезда деревень Верхний Хозят Камалетдин Канзафаров, Нижний Хозят Мухаметвали Азнабаев, Мутальпово (Усманово) Масалим Мухарьямов сообщали властям следующее [4, д.46. л.163–163 об.; 6, д.939. л.8 об.–9]: согласно раздельной грамоте от 9 февраля 1671 года вотчинникам Чуби-Минской волости принадлежал лес по реке Белой «на нагорной стороне две Ману горы, по речке Курт, вниз реки Сим». На основе этой раздельной грамоты названная территория была обмежевана и закреплена за законными хозяевами еще в 1836 году. Следовательно, раздельные грамоты XVII века на землевладение свою юридическую силу имели и в конце XIX века.

Вместо заключения

Принадлежность татарам земель от Яика (Урала), далее по Чулману (Каме) и Нократу (Вятка) сообщается и в татарском эпосе «Идегей» [23, с.260, 261, 268–270, 335, 367, 524].

Когда Идегей оказался во дворе Тимура (Тамерлана), Нурадын обратился к отцу следующими словами:

«... Идел белән Жаектан
Сарай белән Болгардан,
Нораның кара комыннан,
Уел белән Кыелдан,
Каргалы, Элэк буеннан –
Татарның тулы йортыннан
Сиңа килдем атаем! ...».

(«...Наш дорогой родимый край
Идиль, Яик, Болгар, Сарай,
Черные пески Нуры,
Уел, Кыел, Илек, Каргалы –
Вся татарская наша земля»).

В ответ Идегей сказал сыну:

«Сарай белән Болгарның,
Чулман белән Нократның
Халкы ханнан өреkkәндә,
Өркеп мине көткәндә,
Без дә анда булаек!».

(«Если Сарай, если Булгар,
Если Чулман, если Нукрат,
Дети нугаев, дети татар
Свергнуть Токтамышша хотят,
Если ждет меня мой народ, –
Будем там, где народ живет!»).

Затем Идегей обратился к Тимуру со следующими словами:

«... Наши реки Чулман и Нукрат,
Ныне ждет меня мой народ,
Токтамышша не признает,
Дай мне разрешенье, эмир, –
Я к реке Идиль поскачу,
Свой народ соберу, сплочу,
На Токтамышша стрелой полечу,
Поведу на злодея народ,
Пока моя смерть не придет,
Буду стрелять, буду стрелять!».

При бегстве в Сибирь путь Токтамышша хана пролегал на Чулман (Каму) через вершины реки Ика, через земли мингских татар. (Песнь XIII).

Со времени властвования беклярбека Чингисида Ногай Золотая Орда стала называться еще «Нугай Йорты», то есть «Государство Ногай». В эпосе «Идегей» есть такие строки, сказанные Токтамышем:

«... Дом, где вкушал я покой и мир,
Где Нугайский народ вековал».

Из всего вышесказанного следует следующее: сведения, почерпнутые из татарского эпоса «Идегей», архивных источников и Сарайлинской рукописи, показывают бесспорность исторической принадлежности древних земель от Урала (Яика) до Камы (Чулмана) и Вятки (Нократа) татарам племени мин/минг/мангыт. И никому более. Что касается исторических имен предков татар-мингов, то они совпадают с их именами в ревизских и метрических материалах.

Список использованных источников и литературы

1. Калмыков М.Х., Керейтов Р.Х., Сакалиев А.И. Ногайцы. – М.; Черкесск, 1988.
2. Возгрин В. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992.
3. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.823.
4. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп.1. Д.1755.
5. Гарипова Ф. Исемнәрҙең ил тарихы. – Казан, 1994.
6. РГАДА. Ф.1324. Оп.1.
7. Рамазанова Д. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. – Казань: Магариф, 2001.
8. Габдуллин И.Р. К вопросу об этнической эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации. – Казань: Фэн, 2002.
9. Чернышов Е.И. Данные о населенных пунктах по Казанскому уезду. Т.1. Машинописный текст. Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
10. Исаков Д.М. Из этнической истории татар...
11. Кузеев Р. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М., 1974.
12. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1657 годов. – М., 2001.
13. Әхмәтжан М. Турай, Миякә арасы – бар да меңнәр баласы. – Казан, 2010.
14. Синенко С. Город над Белой рекой. – Уфа: Изд. «Башкортостан», 2002.
15. Демидова Н. Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971.
16. Әхмәтжанов М. Меңнәр кабиләсенә нисбәтле шәжәрәләр // «Мирас». – 2001. – №11.
17. ЦГИА РБ. Ф.172. Оп.1.
18. Вәлиди Туган Әхмәтзәки. Башкорттарзың тарихы. Төрөк һәм татар тарихы. – Өфө: КИТАП, 1994.
19. История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. – Уфа, 1991.
20. Южноуральский археографический сборник. – Вып.2. – Уфа, 1976.
21. Әхмәтжанов М. Ахун – татар авылы. // Татар иле. – 2002. – №40.
22. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.119.
23. Идегей. Татарский народный эпос. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006.
24. Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон. – Т.69. – М., 1902.

Ф.Г. Ислаев

К вопросу о происхождении «лапотных» мурз

После покорения Казанского ханства православная церковь при поддержке государственных институтов вела постоянную работу по распространению христианства среди мусульманских народов. На протяжении столетий такая деятельность среди мусульман то усиливалась, то ослабевала. На первых порах основное внимание уделялось крещению татарских феодалов – князей-мурз. Покорители Казанского ханства, осознавая, что без помощи местной элиты управлять завоеванным обширным краем будет невозможно, стали стимулировать переход в православие лояльных новым властям мурз. В тех условиях единственным доказательством верной службы Московскому государству была смена религиозной идентичности, т.е. принятие мурзами православной веры. Результатом таких настойчивых усилий, по данным Р.Ф. Галлямова, доля новокрещеных среди служилых мурз и татар в начале XVII века доходила до 40%, в то время как крестившиеся среди ясачных татар составляли всего 4–5% [2, с.13]

Переход мурз и служилых татар в православие стимулировался не только материальными благами, но и насилием. Об этом свидетельствует жалоба романовских служилых татар царю Алексею Михайловичу, что «романовский воевода Олексий Малышкин посадил нас холопеи твоих в тюрьму и мучил, сажал в цепь и в железа и нудил нас холопеи твоих сильно креститься в православную христианскую веру; и не мога мы, холопи твои, претерпеть муки от него... подали

мы челобитную, чтобы нас... крестить в православную христианскую веру; а мы, холопы твои, хотим быть в своей басурманской вере... Не вели, государь, нас сильно крестить в православную христианскую веру, а вели, государь, нам быть в своей басурманской вере» [3, с.118]

80-е годы XVIII века – период очередной попытки крестить все татарское служилое сословие. Именным указом государя от 21 мая 1680 года было велено крестить в православную христианскую веру романовских мурз и татар. Причиной монаршего решения стало их добровольное обращение к царю с желанием креститься, так как они познали «истинную веру греческого закона». За добровольное крещение мурзы просили «писать княжим именем», то есть называться русскими князьями. Мурзам сохранили княжеские имена, обещали им должности стольников с назначением жалованья и освободили от государевой службы на три года [7, т.2, с.267]

Через год, 16 мая 1681 года, было решено поместья и вотчины некрещеных мурз и служилых татар (с крестьянами и бобылями) отписать на Великого Государя. Фактически это означало экспроприацию земельных владений служилого сословия. При этом речь шла не только о самих мурзах и служилых татарах, но и об их женах, вдовах и детях. В случае крещения мурзы не только сохраняли прежние поместья, вотчины и крестьян, но награждались и денежной премией: мурзы получали по 10 рублей, жены – 5, а дети – по 2,5 рубля. Денежное вознаграждение за крещение служилым татарам назначалось в два раза меньше – по 5; 2,5 и 1,25 рубля. Этот указ закрепляет практиковавшееся и ранее материальное стимулирование за переход в православие [7, т.2, с.312–313].

24 мая 1681 года были внесены существенные дополнительные изменения в предыдущее решение. Данное решение касалось непосредственно романовских и ярославских мурз и служилых татар. Крещеным мурзам и служилым татарам было велено передать поместья и вотчины своих же не крестившихся родственников. При этом степень родства особой роли не имела, так как упоминались и деды, и отцы, и братья родные, и двоюродные, и племянники. Если мурзы и служилые татары «упрямством своим» не пожелают креститься, то их вместе с женами, детьми и «людьми басурманской веры» предписывалось высылать в город Углич и размещать там на постоянных дворах. А кормиться они там должны за счет своих же бывших поместий, которые отписывались новокрещеным мурзам и служилым татарам; если же они пожелают креститься, то «велено их крестить, а поместья и вотчины им вернуть» [7, т.2, с.315].

Однако эти меры не дали ожидаемых результатов. Последующие события показали, что правительство было раздражено поведением мурз и служилых татар, которые отнюдь не торопились принять православную веру. Были приняты дополнительные меры. 19 февраля 1682 года Курмышскому «подьячему и приставу со товарищи» было велено ехать в Курмышский уезд «во все мурзинские и татарские деревни» для того, чтобы татары и мурзы «упрямство свое отложили и во святую благочестивую христианскую веру греческого закона крестились». Мурзы и служилые татары Курмышского уезда должны были до 25 февраля, т.е. в течение одной недели, креститься и бить челом государю о своих поместьях и вотчинах, чтобы крестившимся оставили земельные владения. Если же они до указанного срока не крестятся и государю челобитные не подадут, то их поместья и вотчины будут немедленно переданы тем мурзам и служилым татарам, которые к 25 числу успели сменить веру. Выполнять это решение приходилось в рекордно короткое время, поэтому им приходилось ездить наспех, «днем и ночью, неотложно» [1, т.9, с.311–312].

Эффективность принятых решений невозможно оценить из-за недостатка источников. Можно допустить, что мурзы и служилые татары продолжали упорствовать, не торопились менять веру предков, пытались сохранить исламскую веру и оказывали воздействие на тех, кто принимал крещение. Мурза Сюняк Еникеев отказался крещеному сыну Семену отдать долю своего богатства, «ко крещению его, Семена, не отпуская, едва от него ушел, а отец веры татарской, сейчас очами ослеп и многим мурзам и татарам раскол чинит, чтоб они в православную христианскую веру не крестились, а веровали в свою басурманскую веру». Земли отца были переданы крещеному, а остальных сыновей за некрещение лишили наследства, «чтобы это всем был урок и за образец». Судя по жалобе крещеного мурзы на своего отца, данный документ показывает, что Сюняк Еникеев вел соответствующую работу среди мусульман против их христианизации. [5, с.92, 100].

Однако ситуация вокруг крещения мурз и служилых татар коренным образом изменилась к лету 1682 года. Причиной тому стала неожиданная смерть царя Федора Алексеевича, последовавшая 27 апреля, и развернувшаяся борьба за престол, которая сопровождалась стрелецким бунтом. В этих чрезвычайных условиях в обмен на верность новому государю им было разрешено сохранить веру предков, но за это они теряли половину своего богатства. 29 мая 1682 года был обнародован указ об оставлении за мурзами и татарами половину поместий, если они даже не будут креститься, а вторую половину «отписать на государя». Новое правительство, пытавшееся

найти дополнительную опору среди служилого сословия в борьбе против стрелецкого бунта, 13 июля 1682 года издало новый указ – о возвращении служилым татарам и мурзам второй половины их поместий и вотчин. За возвращение своих поместий и вотчин мурзы и татары должны были, прежде всего, верно служить государям, своим крестьянам не чинить дополнительных налогов и не преследовать христианскую веру [7, т.2, с.403, 456].

Таким образом, круг замкнулся, служилые татары и мурзы получили возможность вернуть свои потерянные земельные владения и сохранить веру предков. Не будь чрезвычайной, неожиданной смены царской власти и стрелецкого бунта, татарские мурзы и служилые татары не получили бы возможности сохранить свое материальное богатство и верность исламу.

К сожалению, нам не удалось обнаружить статистические данные о мурзах и служилых татарах, принявших православную веру после этих мер. Тем не менее, часть мурз крестилась, сохранив княжеский титул. Среди военно-служилого сословия встречаются фамилии: капитан князь Борис Бабичев, вахмистр князь Афанасий Енгальчев, поручик князь Василий Макулов, капрал князь Михаил Енгальчев, князь Федор Кудашев, майор князь Иван Тугучев, вахмистр князь Семен Енгальчев, князь Андрей Манцырев, князь Андрей Еникеев и другие [4, т.1, с.75, 121, 139, 237, 397; т.2, с.56, 74, 76, 285]. Большинство из них обрусели и стали частью российской элиты. Мурзы и служилые татары, которые не захотели принять православную веру, стали переселяться в Закамье, Заволжье, на Урал и в Сибирь. Об этом свидетельствуют многочисленные данные об основании татарскими мурзами и служилыми татарами деревень в этих регионах.

Вопрос о христианизации татарских мурз окончательно был решен во времена Петра I, особенно активное участие в антиправительственных выступлениях мурз и служилых татар. Власть понимала, что позиция татарского феодального сословия становится основным препятствием на пути совместных усилий государства и церкви по интеграции татар-мусульман в российское общество путем их христианизации. Совпадение по времени подавления мятежа иноверцев и активизации мер по крещению мурз и служилых татар показывает, что здесь имеется прямая логическая связь.

3 ноября 1713 года принимается указ о крещении магометан в Казанской и Азовской губерниях, у которых в поместьях и вотчинах имелись крестьяне православной веры. По этому указу следовало, что мусульмане, имеющие свои поместья, а в поместьях и вотчинах крепостных православного исповедания, должны креститься в течение полугода, а «как воспримут святое крещение, и тем поместьям и вотчинам и людьми и крестьяне владеть по прежнему. А ежели в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми и со крестьянами у них взять и отписать на него Великого Государя, и без указа никому не отдавать». Формально указ носил ограниченный характер и касался только тех мурз и служилых татар, которые имели в своих владениях крепостных крестьян православного исповедания. Видимо, это вполне осознавал и законодатель, поэтому 27 ноября того же года последовал именной указ Петра I Сенату, который можно было уже трактовать иначе. Указ предписывал, что «деревни, которые за басурманами, сказать, что ежели не крестятся все, отнять и чтоб долгового срока не давать» [7, т.5, с.66–67, 71].

Уточненные данные о количестве крещеных и некрещеных мурз и служилых татар Казанской губернии были собраны к 22 марта 1715 года. Оказалось, что в 5 уездах губернии крещеных мурз и служилых татар было всего 94 человека. Общее количество мурз-мусульман было значительно больше – 500 человек. Количество служилых татар было почти в десять раз больше – 4911 человек. Кроме того, 507 некрещеных мурз и татар Пензенского уезда служили в различных городах других губерний. К служилому сословию относились еще 267 некрещеных мордовских мурз, 209 станичников и 1127 служилых чувашей – всего 1630 человек [4, т.5, кн.1, с.258]. Как показывают эти данные, некрещеных мурз и служилых татар было 5918 человек, а крещенных – 94 человека; таким образом, только 1,8% служилых татар и мурз оказались крещеными. Эти данные – наиболее яркое свидетельство провала прежней политики крещения татарского служилого сословия.

Противники крещения, естественно, лишились не только крепостных православного исповедания, но и всего богатства, прежде всего поместий и вотчин. Вероятно, именно после этих событий среди татар утвердилось выражение «чабаталы морза» – «лапотные мурзы». Не пожелавшие принять православие мурзы и служилые татары, как свидетельствуют документы, «из городов Казанской губернии многие служилые иноверцы побежали и ныне бегут в Уфимский уезд, а уфимские башкиры и мещеряки и татары тех беглых принимают и не выдают». Именно сохранившие верность исламу мурзы и служилые татары стали организаторами борьбы мусульман против христианизаторской политики правительства и миссионерства православной церкви.

Список использованных источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т.1–5. – СПб., 1841–1843.
2. Галлямов Р.Ф. Этносоциальная история Предкамья во второй половине XVII – начале XVIII вв. (По писцовым и переписным книгам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1995.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т.1–12. – СПб., 1846–1875.
4. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Имп. Академией наук. Под ред. Н.В. Калачева. – Т. 1–6. – СПб., 1880–1901.
5. Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа, 1999.
6. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – Т. 1–50. – СПб., 1868–1915; Т. 2. (1722). – СПб., 1879.
7. ПСЗ. Собр. 1-е. – Т. 1–45.

Л.Ф. Байбулатова

«Асар» Ризаэддина Фахреддина как источник по истории татарских мурз Поволжья и Приуралья

В последнее время в обществе все больше возрастает интерес к изучению своей родословной, выявлению своих предков, как минимум до седьмого колена. Для одних это стало желанием написать историю своей семьи, другие, под влиянием современных веяний, стремятся подчеркнуть свою индивидуальность и особенность, выискивая в родословной известных личностей, как по происхождению, так и по занятиям. Доступность архивных материалов существенно облегчает исследователям поиск необходимых данных, однако сведения, получаемые из ревизских сказок или метрических книг, наиболее часто используемых при выявлении предков, в большинстве своем представляют собой короткую информацию. В связи с этим большой интерес представляет биобиблиографический свод «Асар» Ризаэддина Фахреддина. Это произведение включает в себя биографические описания представителей мусульманского духовенства, путешественников, ханов, поэтов, мударрисов, общественных деятелей, говоря словами самого автора, людей, «более или менее просветивших народ, [...] разделявших с ним беды и горе» [6, с.221]. Хронологические рамки свода охватывают период с X века до 1927 г. Он состоит из четырех томов, два из которых были изданы при жизни Р.Фахреддина в 1900–1908 гг., оставшиеся два тома находятся в рукописном состоянии. Здесь надо отметить деятельность уфимских ученых, издавших в 2006 и 2009 гг. две брошюры, в которые вошла часть биографических описаний из двух последних томов [8; 9]. Что касается первых двух томов, то издательством «Рухият» в 2006 и 2009 гг. они были изданы на кириллице на современном татарском языке, с переводом на русский [6; 7].

В четырех томах свода насчитывается 854 биографических описания, среди которых есть также очерки о мурзах и дворянах Поволжья и Приуралья. Из общего количества описаний нами было выявлено 13 биографических очерков, посвященных представителям мурз или дворян. Это – Надир бине Уразмет (том 1, часть 2, с.58), Абдулла бине Муслим бине Али бине Альмухаммед бине Чуенчал мирза бине Давыш мирза (т.1, ч.2, с.64–67), Абдулджалиль бине Мирсалим бине Мякаш бине Чунбай мирза бине Альмухаммед мирза (т.1, ч.2, с.82), Нигматулла бине Хабибулла бине Абдулманнан бине Акходжа (т.1, ч.8, с.422–424), Шагиахмед бине Юсуф бине Кутлугмухаммед бине Тевкел (т.2, ч.10, с.119–120), Сибгатулла бине Фахреддин бине Валишах бине Мансур бине Галикай (т.3, с.32), Салимгарей бине Шахингарей бине Юсуф бине Кутлугмухаммед бине Мамеш ат-Тевкел (т.3, с.99–103), Науширван бине Ширияздан бине Шахиахмед Яушев (т.3, с.293–293 об.), Гумер бине Габдерахим бине Мустай бине Биктимер бине Ишали бине Шахум бине Бахбет суфи бине Бикмет бине Матвин бине Давлетъяр (т.3, с.332–332 об.), Исхак бине Махмуд бине Исмагил бине Губайдулла бине Динмухаммед бине Дустмухаммед бине Бахеткильде бине Касим бине Кармыш аль-Кирмани (т.3, с.267–267 об.), Нугман бине Ахмер бине Хасан бине Типерпулад бине Шабай бине Мурад бине Хасан бине Нугай бине Байбик бине Бикбулад бине Изаки бине Булад бине Акчура бине Адаш (т.4, с.9–10), Мухаммед бине Алтынчура бине Расмухаммед бине Касай бине Назармамет бине Утаб бине Килдечура бине Атайчал бине Кулсары бине Котлыяр бине Тимеркарабуга бине Бишкурта бине Бурангул князь бине Туйне би

бине Урал би бине Бурджан би бине Бикбулад би бине Ичик (т.4, с.24–25), Нургали бине Хасан бине Исмагил бине Муэмин бине Давид бине Муслим (т.4, с.51). Перечисленные лица составляют всего 1,5% от общего количества персоналий. Но, вероятно, у Ризы Фахреддина могло не быть сведений и материалов о принадлежности других описываемых личностей к мурзам или дворянам. А как исследователь, который стремился к объективности, он не мог, по его словам, приукрашивать и использовать непроверенные и не подтвержденные данные, ученый считал, что таким образом искажается история [3, л.4–5].

Что могут дать исследователям своих родословных эти биографические очерки? Их содержание условно можно разделить на несколько информационных блоков. Во-первых, это шежере, или перечисление имен отца и дедов описываемой личности. Шежере являются одним из немногих источников, которые мало подвергались изменениям и составлялись как фамильная история, которую необходимо было сохранить для будущих поколений [5, с.170–187]. В биографиях свода «Асар» количество перечисляемых имен в шежере редко доходит до 18 колен. В основном такое встречается в тех биографиях, которые были написаны на основе источников личного происхождения – писем и воспоминаний родственников. Некоторые имена в шежере сразу указывают на принадлежность к феодальной элите, так, например, в шежере Мухаммеда бине Алтынчуры даны имена его предков – князя Бурангула сына Туйне би сына Урал би сына Бурджан би, причем далее указывается, что Бурджан – это наименование рода. Или, второй пример – шежере Дашкиных-Дашковых, где основателями фамилии указаны Давыш мирза и Чуенчал мирза.

Следующий блок – это сведения о получении титула и пожаловании земель во владение. Из наиболее древних дворянских родов, представленных в «Асаре», указан род мирзы Давыша, начало которого ведется, по словам Ризы Фахреддина, из Золотой Орды, а его потомки, известные как князья Дашкины, расселились в Уфимской и Оренбургской губерниях. Те же из потомков, кто принял христианство, носят фамилию Дашковых [6, с.52, 247–248]. Есть также сведения о получении или подтверждении титула в середине XVI века, т.е. после падения Казани. Так, например, в биографии Нугмана бине Ахмера (род Акчуриных) говорится, что Адаш и сын его Аккура получили ярлык на княжение от русского падишаха, князем был и сын Акчуры Булад, а сын последнего – Изаки – кроме княжеского титула, в 1783 г. получил за свою службу на государство марийские деревни, население которого платило ясак ему и его сыну Буладу [4, л.10]. Также в описании Мухаммеда бине Алтынчуры упоминается его самый древний предок Ичик би, который прибыл в Казань по приглашению Ивана IV, где ему и еще нескольким биям после присяги царю были пожалованы их же земли [4, л.24]. О дарении деревень говорится и в биографии Нургали сына Хасана, прапрадед которого – Давид – был из касимовских мурз, и за свою службу получил дарственную на деревню Мирзалар и окрестные земли в Тетюшском уезде [4, л.51]. За свои услуги при взятии Казани получил в дар земли и мурза Надир бине Уразмет, общая площадь дареных земель, по словам Фахреддинова, равнялась площади государства Хивы. Ему были подарены земли вдоль рек Зай, Кичу, Шушма и Сок, на которых располагалось около сорока татарских селений [6, с.49, 245]. К сожалению, в остальных перечисленных биографических очерках упоминаются только титул и место, где проживали предки описываемой личности.

Следующий информативный блок – это описание жизнедеятельности личности. Этот блок наиболее содержательный, в него входят следующие сведения: дата рождения и смерти, данные об образовании, т.е. в каких медресе и у каких мударрисов обучался, деятельность после завершения обучения. Следует отметить, что 11 из 13 выявленных татарских мурз были имамами и мударрисами, один – Науширван Яушев – военным, еще один – Салимгарей Тевкелев – до назначения оренбургским муфтием также был военным. Кроме того, дается личная оценка Фахреддинова и мнения других людей об описываемой личности. Для полной характеристики личности автор приводит также личные и деловые письма, если они есть, считая их репрезентативным источником, отражающим личные качества и деятельность людей, освещающим социальное и нравственное положение общества того времени.

Что касается достоверности «Асар»а как источника, то следует отметить следующее: источниковую основу биографических статей этого свода составили как документальные, так и нарративные источники. Из документальных источников Ризаэддин Фахреддин использовал делопроизводственную документацию Оренбургского Магометанского Духовного Собрания и других учреждений, отложившихся в архиве Духовного управления, материалы фискального и административного учета (это ревизские сказки, метрики, формулярные списки). Так, например, в биографии Нугмана бине Ахмера отмечается, что сведения о его предках – Адаше и Акчуре были переписаны с документов, хранящихся в Саратовском Дворянском собрании [4, л.10]. Офи-

циальная часть биографии муфтия Салимгарея Тевкелева была написана на основе его формулярного списка.

Из документальных источников использовались также книжные колофоны и иджазы. Долгое время колофоны оставались вне внимания отечественных исследователей, в то время как этот художественно-документальный источник дает сведения об авторе или переписчике произведения, месте и дате его создания. Так как книги зачастую переписывались шакирдами, то можно установить, где именно и в чьем медресе они обучались. Такие сведения, например, приведены в биографии Мухаммеда бине Алтынчуры, где перечислены 9 переписанных им рукописей. Иджазы, несмотря на то, что являются официальным документом, предоставляющим право преподавания определенных наук и выдавались только учеными, уже имеющими право преподавать эти же науки, являются, с точки зрения Ризы Фахреддина, не всегда достоверными, поэтому требуют тщательной проверки. В первую очередь, ученый сомневался в достоверности санада (*санад* – перечень имен ученых, до того выдававших разрешения, восходящий или к автору книги, или к широко известному авторитету) и учености выдаваемого и получаемого человека [2, с.94]. Поэтому Риза Фахреддин в своих описаниях использовал иджазу только как дополнительный иллюстративный материал. В биографиях мурз сведения о получении иджазы зафиксированы только в биографии Нургали бине Хасана, где с его слов записано, что получил иджазы не только от казанских ученых, но и от бухарских [4, л.51].

Из повествовательных источников автором были использованы эпистолярные документы, в первую очередь, письма-воспоминания, написанные ему по его же просьбе одним из родственников описываемой личности. Такие письма Риза Фахреддин собирал на протяжении всего периода написания свода. Отмечая плохую культуру написания (плохой почерк, беспорядочность написания и др.) писем у татар, что сильно затрудняло вычленение необходимой информации, ученый в дальнейшем предпринял попытку структурировать будущие письма, заранее печатая в журнале «Шура» объявления со списком интересующих его вопросов о той или иной личности [2, с.98]. Такие вопросы задавались и конкретным людям, у которых он намеревался получить воспоминания. Риза Фахреддин очень серьезно подходил к использованию этого вида источника. По его словам, чтобы проверить любой незначительный факт из письма, он был вынужден обращаться и к другим источникам [3, л.19]. В том случае, если не было возможности проверить, то автор считал необходимым отметить, что данные были взяты из писем, авторство которых указывалось.

Большое значение Р.Фахреддин придавал частным письмам, считая их показателем мыслей, целей и устремлений того или иного человека [1, с.58]. Видимо поэтому в биографических описаниях личная и деловая переписка дана практически без изменений (некоторые давались в сокращении), как иллюстративный материал, предоставленный на суд читателей, которые сами должны вынести суждение об описываемой личности. В биографиях мурз такие письма представлены в статье, посвященной муфтию Салимгарею Тевкелеву, в которую вошла его переписка с министром внутренних дел.

Из исторических работ в своде «Асар» зафиксировано использование трудов Шигабутдина Марджани «Вафият аль-аслаф ва тахиат аль-ахлаф» и второй том «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Риза Фахреддин сам пишет, что при написании «Асар»а, он часто обращался именно к этим двум книгам, и, несмотря на то, что их автором являлся Марджани, считал необходимым проверять используемые данные [6, с.19, 219].

Изучив более детально источниковую основу свода, мы пришли к выводу, что Риза Фахреддин при составлении биографических очерков больше опирался на повествовательные источники, с одной стороны, это наиболее субъективный вид источников, но в тоже время мы можем говорить, что автор проверял их документальными источниками. И даже документальные источники перепроверялись, об этом свидетельствует тот факт, что нами были выявлены документальные материалы, собранные автором, на которых его рукой были сделаны надписи о проверке того или иного факта по другим источникам. Кроме того, во многих своих работах биографического характера, в том числе и в «Асар»е Р.Фахреддин неоднократно писал, что перо историка не должно ошибаться, он не должен ничего скрывать, преувеличивать и занижать, т.к. сокрытие тех или иных событий наносит больший вред, чем их обнаружение [3, л.5].

Таким образом, можно сказать, что свод «Асар» является одним из источников, который необходимо использовать при изучении родословных. С одной стороны, в него включено достаточно большое количество биографических описаний, с другой стороны, эти описания были написаны с использованием широкого круга источников. Использование автором исторических

методов исследования позволяет говорить о высокой степени достоверности данных, приведенных в биографиях.

Список использованных источников и литературы

1. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. – Уфа: Китап, 1996. – 170 с.
2. Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахреддина. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 174 с.
3. НА УНЦ РАН. Ф.7. Оп.1. Д.13 (старый акт).
4. НА УНЦ РАН. Ф.7. Оп.1. Д.14 (старый акт).
5. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1972. – 224 с.
6. Фәхрәддин Р. Асар. 1 том. – Казан: Рухият, 2006. – 360 б.
7. Фәхрәддин Р. Асар. 2 том. – Казан: Рухият, 2009. – 304 б.
8. Фәхрәддинов Р. Асар. Беренче китап. – Уфа: Гилем, 2006. – 177 б. (на башк. яз.).
9. Фәхрәддинов Р. Асар. Икенче китап. – Уфа: ТТЭИ, 2009. – 224 б. (на башк. яз.).

Г.Р. Еникеев

Хранители наследия Татарской Орды

«Жир китәрдә ни калыр?
Жиреннән тайган ил калыр;
Ил китәрдә ни калыр?
Ил киткәндә Йорт калыр,
Йорт китәрдә сөт калыр,
Ак күкрәктән сөт имгән
Сүзе татлы тел калыр.
Тел китәрдә ни калыр?
Язганнан язган хат калыр;
Баш китәрдә ни калыр?
Буында типкән кан калыр;
Буыннан буын чабылса,
Ул чагында ни калыр?
Йорт урнында яу калыр;
...Ялгыз башы каңгырап,
Куйдай булып маңгырап,
Дуадактай хан калыр...».

«Уйдет земля – что останется?
Останется страна без (этой) земли;
Уйдет страна что останется?
Уйдет страна – останется Дом,
Уйдет Дом – останется сладкозвучный язык,
молоком материнским вскормленный.
Уйдет язык – останутся наши письма.
Да и слетит голова – останется что?
Останется наша кровь,
пульсирующая в поколениях;
Но если прервется связь поколений –
Вот тогда останутся лишь брань
и вражда вместо Дома,
да одинокий хан,
подобный горестно бродящим
в пустынной степи,
барану или бесплодной гусыне...».

*«Идегэй» дастаны – Жантимер бинең Токтамыш ханга әйткән сүзләре
(Татарский дастан «Идегэй» – слова Джантимура бия хану Туктамышу).*

Историю татарского дворянства России – впрочем, как и историю татарского народа в целом – вряд ли возможно более или менее достоверно и полно освещать в рамках положений-догм официальной историографии, доставшейся нам от эпохи «романо-германского ига» (Н.С.Трубецкой) и режима партийно-советского тоталитаризма. В принципе, увы, эти догмы не претерпели особых прогрессивных изменений и поныне. Поскольку и романовскому правительству, и советско-большевистской власти было необходимо – в силу проводимой ими государственной политики и соответствующей той политике идеологии – «изведение татар» в истории, настоящем и будущем, исключив из истории Отечества и в целом из истории Евразии ту или иную положительную и значительную роль как татарского народа в целом, так и в особенности его элиты («знати»).

Испокон веков и неизменно сословие биев (мурз) было наиболее просвещенной, сплоченной и активной частью татарского народа, бывшей издревле его основой и неизменно хранившей свою подлинную историю и Заветы предков (Бабаларымыз Сүзе). Поэтому татарские мурзы (бийи) и их потомки, сколько себя помнят, подчеркивали преемственность поколений. У них, как и было принято издревле у татар, «через отцов, дедов, прадедов и предков ведется непрерывная цепочка, все звенья которой принадлежат «князьям, мурзам и рядовым татарам – казакам» (Д.М.Исхаков), к «войсковым людям – карачы» (Эвлия Челеби) или же, как часто называли они и их потомки себя, к «туменам» («төмәннәр»), «туменским бийям» (Ахметзаки Валиди Туган).

Таким образом, татарские знатные роды и поныне составляют своеобразный «субэтнос» в татарском народе. Но особенность их не в том вовсе, что их предки, как трактуется это в официальной историографии (см. выше), якобы были «слоем феодалов, служивших в разбойничьих татарских государствах татарским («халха-монгольским») ханам-завоевателям». И не в том особенно сословия татарских мурз (бийев), что, дескать, после «разрушения самими же татарами построенной им халха-монголами государства», эта татарская знать, мол, большей частью «перешла на службу к Московским (русским) князьям-деспотам», и якобы продолжала «жестокую эксплуатировать как своих тружеников, так особенно «простых русских людей». Да и после, дескать, эти татарские мурзы (бийи) и уланы «завоевали вместе с русскими народы Евразии» и вообще, мол, «держали в ужасе культурные народы» в пределах своей досягаемости.

Приведенные постулаты официальной историографии, взятые мной в кавычки – это тезисы-лозунги антитатарской и антиордынской агитации, вырабатывавшейся и совершенствовавшейся веками. Идеологическая война против Татарской Орды велась со времен ее возникновения и особенно упрочения ее власти на определенных территориях Евразии – например, это измышления агитатора хорезмшахов Ибн аль-Асира, антитатарские вымыслы перса Рашид ад-Дина, служившего высшим сановником в государстве татар Хулагу, но, тем не менее, «боровшегося пером» против монголо-татар», его соавторов-сообщников – врагов татар-ордынцев из числа китайской знати, и западных «хронистов» типа Матфея Парижского. Агитпродукция подобных публицистов-сочинителей разных времен и разных народов – представителей врагов татар-ордынцев – и легла в основу идеологии историографии Романовых, которая, в свою очередь, была усовершенствована и развита большевистскими историками-идеологами.

Вначале заметим, что у средневековых татар принадлежность к сословию биев (мурз), прежде всего, означала не только обладание ими правом по рождению на занятие того или иного «руководящего поста», а в первую очередь предполагала наличие обязанностей перед обществом по соблюдению определенных принципов и нравственных требований. И соответственно, это предполагало наличие у представителей бийского рода обязанностей по обладанию соответствующими качествами. И только соответствуя определенным требованиям, тот или иной индивидуум мог быть выдвинут или назначен на определенный пост, или ему могло быть поручено обществом то или иное дело. Поэтому происхождение от того или иного благородного рода – то есть рода, поколения представителей которых зарекомендовали себя как честных, добродетельных, справедливых и надежных в любом деле – и было своеобразной рекомендацией от предков, представителей нескольких поколений. Возможность наделить такой рекомендацией своего представителя – также было основным достоянием того или иного рода (клана) в татарском обществе, например, не материальное богатство или власть – и то и другое, по представлению татар, было слишком ненадежным в этом суетном мире. «Согласно обычаям татар» (С.Герберштейн), как известно, любой хан мог быть переизбран («изгнан»), и татарский хан, как и любой ордынский чиновник, «мог требовать лишь исполнения закона (Язу), но не нарушения его» (Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилев).

Кстати, отсюда и понятие «золотой род» Чынгыз-хана – а вовсе не едино «по признаку рождения от первой жены, настоящей императрицы». Таким образом, у татар представитель благородного рода, относящегося к «белой кости» (аксөяк), наследовал не должность или богатство отца – вернее, вовсе не в том было его основное наследство. Главное было в наследовании благородного имени и соответствующих качеств, обретенных представителем того или иного рода «белой кости» в роду и в семье («Доме»), в обретении «путевки в жизнь», которой обеспечивал человека его род. Обладание подобной «путевкой» отнюдь не всегда было гарантией незамедлительного занятия высокого поста либо «устройства» на «прибыльное место» – представитель благородного рода мог находиться и на довольно низком уровне власти или «благополучия» в обществе. Представитель бийского рода мог быть даже простым воином, ремесленником, пастухом или купцом – особенно в юности; притом, был обязан и при этом «стремиться к совершенству ума и дел своих» – любых дел, за которые брался. Но, тем не менее – би никогда не должен был забывать, кто он таков и должен был исполнять свои обязательства по воспитанию своего потомства в соответствии с требованиями, предъявляемыми к представителям рода «благородных» (намуслы зат). Только в этом случае представитель рода – если он не забудет о клане и обществе, и будет постоянно работать над собой и воспитывать своих детей соответствующим образом – мог рассчитывать, что и клан, и соответственно, общество его не забудут и окажут ему и его потомству всемерную и всестороннюю поддержку.

Указанное своеобразие формирования правящего сословия у средневековых татар, видимо, было обусловлено тем, что татары в ходе своего развития как этноса (народа) проживали уже в VIII–XII вв. на обширном пространстве от Северного Китая до Черного моря. Расселение это, достаточно четко отраженное в различных источниках разных времен и народов, шло преимущественно вдоль северного маршрута Великого шелкового пути и ее ответвлений, при том татары стремились контролировать эти маршруты в той или иной мере – в противостоянии с конкурентами. Основными конкурентами татар в указанное время были Хазарский каганат, Хорезмское шахство, Тангут и Киданьская (позже – Цзиньская) империя. Имеются об этом вполне достоверные и достойные доверия сведения из мировой историографии, которые, в силу противоречия их постулатам официальной истории «без татар», мягко выражаясь, не слишком популярны в среде большинства деятелей официальной, «академической» исторической науки. Приводить оные сведения в объеме одной статьи, само собой, не представляется возможным (многие из этих сведений мной проанализированы и системно изложены в моих трех книгах по истории татар). Но кое-какие сведения, по теме указанной статьи, ниже будут приведены.

Два социальных термина, упомянутые выше – «би» (в разных транскрипциях-толкованиях также и «бий, бей, бек») и «мурза» («морза, мирза, мырза»), имеют давнюю историю и разную этимологию. Сословный термин «би», как представляется, был известен в среде татар еще «до Чынгыз-хана» (об этом чуть ниже). Социальный термин «мурза», как известно, происходит из выражения «эмир заты», что означает «из породы правящих» (С.Х.Еникеев). Это наименование («мурза») основательно «потеснило» в обиходе в Золотой Орде и в государстве татар Хулагу (Персия) наименование «би», и стало, в принципе, синонимом этого слова.

В силу того, что татарские бийи (мурзы) были правящим слоем Великой Орды и, по сути, ее создателями, их потомки, помимо конкретного места происхождения своих предков (в смысле географическом), также помнят, что они происходят «из Золотой Орды». Или что их предки – «из Акутубы» (татарское выражение, одно из его значений – «из верноподданных Белой державы»).

Упоминание термина «би», в соответствующем смысле, относящееся к периоду «до эпохи Чынгыз-хана», содержится в татарском историческом источнике – дастане «О роде Чынгыз-хана». Указанный дастан был долго под запретом к изучению обществом, наряду с другими историческими источниками и в целом подлинной историей татар – во исполнение известного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Также во исполнение указанного Постановления, татарам России в «предки» были назначены «древние булгары Поволжья». При том столицей «булгар», которыми заменили подлинных предков татар, был объявлен древний татарский город Биляр (множественная форма от слова «би») – «город Бийев».

Обратим внимание на упомянутый татарский исторический источник, дастан «О роде Чынгыз-хана», содержание которого в целом согласуется со сведениями многих других источников разных народов и разных времен и, посему следует полагать, довольно точно передает характер событий, в ходе которых родилась Держава Чынгыз-хана, известная как Монголо-татарская империя. Заметим, что сама эта Держава и составлявшие ее государства, возглавляемые потомками Чынгыз-хана и их соратниками, были известны ее современникам как «державы татар» – именно так они назывались в источниках разных времен и различных народов, например, в арабских, западноевропейских, китайских, русских.

Татарское предание «О роде Чынгыз-хана» активно распространялось в Поволжье и на Урале и в XVII в. – в ходе нарастающего народного сопротивления режиму романовского правительства. Ныне в мире известны многие экземпляры этого дастана, написанные в XVII–XVIII вв. Хотя, судя по содержанию, дастан был известен в татарском мире со средневековья и содержит сведения намного более ранних татарских источников (М.А.Усманов). Характерно, что в дастане «О роде Чынгыз-хана» нет признаков религиозного догматизма, присущего Исламу XVIII–XIX вв., нет признаков религиозной неприязни к представителям иных религий, хотя Чынгыз-хан и его соплеменники воспринимаются в дастане именно как мусульмане (А.Франк). Да и сами татары-мусульмане еще и в XVII веке говорили о Чынгыз-хане, упоминая его именно как своего предка: «мы считаем его мусульманином» (Эвлия Челеби).

В целом татарский дастан «О роде Чынгыз-хана» представляет собой манифест Великой Орды, рассчитанный на восприятие его средневековым читателем и слушателем, и составлен как народный эпос о своем Герое и его делах. Особо отметим, что в дастане Чынгыз-хан предстает вовсе не как деспот и тиран, прокладывающий путь к вершине власти путем террора и насилия, жестоких расправ над своими конкурентами. Как известно, описание Чынгыз-хана как «прирож-

денного кровавого завоевателя» присуще прокитайским и афразийским («мусульманским») источникам – сочинениям пропагандистов противников татар-ордынцев.

Татарским автором Чынгыз-хан описывается как справедливый, добродетельный, гуманный правитель, как заступник народа, поначалу скрывающийся от тиранов «в казаках» и призванный (избранный) представителями своего народа – бийями – на царство. Автор дастана сообщает, что Чынгыз-хан с юности обладал прирожденными качествами незаурядного лидера: «кто видел Чынгыза хоть раз, тот готов был следовать за ним, покоренный его светлым и человечным обликом». В дастане мать Чынгыз-хана говорит: «мой сын Чынгыз выглядит так – у него стать ангела Джабраила (Гавриила), золотистая окладистая борода, и он не имеет греховной привычки [как многие] стегать коня».

В целом содержание татарского дастана о происхождении Чынгыз-хана, о его избрании бийями на власть, о его последующем правлении совпадает со сведениями итальянца Марко Поло, прожившего и сотрудничавшего 17 лет с татарами – именно с правителями Монголо-татарской Державы: «Случилось так, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, звался он по-ихнему Чынгыз-хан, и татары, рассеянные по всему свету, пришли к нему и признали его своим государем...».

Что характерно: в татарском дастане сообщается, что Чынгыз-хан, после избрания его ханом «сыновьями народа» – бийями – отвоевывает власть вместе с ними в войне с тиранами, но жестоких расправ над побежденными не допускает. Также автор татарского дастана не приписывает Чынгыз-хану и его соратникам никаких жестоких расправ после «покорений многих других Орд» – государств. Напротив, сочинениями о «жестокостях татар-завоевателей», как известно, отличались именно пропагандисты противников татар. Также и Марко Поло отмечал, что с подданными покоренных государств Чынгыз-хан и его соратники обращались вовсе не так, как это описывали сочинители черной легенды о «безжалостных и коварных монголо-татарах»: «Народу зла не делали, а народ видит, что царь добрый, и правление хорошее, и шел за ними охотно» – пишет Марко Поло о Чынгыз-хане и его соплеменниках-татарах.

Интерес представляют и те сведения древнего татарского дастана, в которых говорится о том, что Чынгыз-хан и после того, как стал великим правителем, «имел добрый нрав и отличался исключительной справедливостью». Также в дастане сообщается, что Чынгыз-хан «покорил со своим войском множество царей и государств, его имя стало широко известным в мире. Каждому бийю (князю) своему он оказывал заботу, почет и уважение. Сына своего Йучи он поставил править Термезской Ордой, сына Жодая – Индостанской Ордой, сына Герея – Ордой в Корале (в Крыму). Четвертому сыну Тули Чынгыз-хан поручил правление Московской Ордой, поскольку народ там отличался добрым нравом, дела там неизменно были в ладу, и был это великий Юрт (страна). Правители – ханы (цари) в тех городах и поныне родом из них, от рода Чынгыз-хана» сообщает автор дастана. Также отмечается, что «Чынгыз-хан оставил в мире Слово свое» – то есть свои Заветы. Местом рождения и главным юртом (страной) Чынгыз-хана татарский дастан называет страну Катай.

Отметим, что средневековый Катай («Катая» Марко Поло, где, как он сообщал, помимо татар проживало также много мусульман, христиан и буддистов из числа других народов) – это северо-западные пограничные районы современной КНР и частью Алтай, где, как известно по многим восточным источникам, были татарские государства еще задолго «до эпохи Чынгыз-хана» (там находилась и «Татарская степь», а Восточный Туркестан авторы IX–X вв. называли «страной тугызугызов и татар»). Известно, что было также татарское государство задолго «до эпохи Чынгыз хана», территории которого располагались «от Оби до Волги и от Сырдарьи до Сибирской тайги» (Л.Н.Гумилев). Это был Кимакский каганат, созданный и управляемый татарами, татары были также значительной частью подданных этого государства. Имеется также множество малоизвестных сведений о том, что татары задолго до «монголо-татарского нашествия» проживали и там, где жили «куманы» – половцы, то есть, в Дешт-и Кыпчаке. Так что сведения Марко Поло и татарского дастана о том, что после того, как татарские бийи «избрали Чынгыз-хана своим царем», многие «татары, рассеянные по всему свету, прибыли к нему и признали его своим государем», подтверждаются и иными источниками.

Автор татарского дастана также сообщает, что после прихода к власти Чынгыз-хан обращается к своим соратникам, избравшим его: «бийи мои уважаемые, я ваш – вы мои!», подчеркивая свое равное с ними положение, не «возвышаясь» особо над ними. И по контексту дастана в целом Чынгыз-хан воспринимается именно как, в современном выражении, «демократичный» правитель – никто не «падает ниц» перед ним, безмерное уважение к Чынгыз-хану со стороны народа и

соратников связано именно с качествами его личности – справедливостью, умом, способностями и личным обаянием.

Обратим внимание еще на один источник, вернее, группу источников, переведенных и проанализированных русским академиком-востоковедом В.П.Васильевым. Данные В.П.Васильева полностью согласуются со многими сведениями о средневековых татарах из других источников, в том числе с данными, полученными после кончины академика, в XX в.

Отметим особо, что В.П.Васильевым были обнаружены и переведены многие исторические источники, до которых после свержения в Китае власти монголо-татар в конце XIV в. не добрались китайские историки Минской династии, сочинившие новую «историю монголов» («История династии Юань» и «Сокровенное сказание монголов»). Сочинена была китайская «официальная история монголов» на китайском языке и в течение одного года. Притом китайцы постарались уничтожить все обнаруженные ими «книги на татарском языке и бумаги с татарскими письменами» (Чулууны Далай, В.В.Бартольд). Именно поэтому, как отмечал академик В.П.Васильев, многие исторические источники, содержащие сведения о татарах Чынгыз-хана, совершенно отличающиеся от версии официальной «истории о монголах», не были занесены в официальные каталоги.

Выводы академика В.П.Васильева, владевшего китайским, маньчжурским и халха-монгольским языками, сделанные после перевода и анализа многих исторических источников, вкратце следующие: народ, в котором родился Чынгыз-хан, и единоплеменные с ним поколения, носили одно название и самоназвание, и «не иное, как Татар». То есть этническое наименование «Татар» относилось к одному этносу, а не было «общим наименованием разных племен (этносов)», и китайцам был известен только восточный край территорий, на которых проживали татары в VIII–XII вв.

На основе полученных им результатов В.П.Васильев также отмечает, что Чынгыз-хан и его соплеменники «не говорили на языке, который мы называем ныне «монгольским». При том наименование «Монголы» не было этническим наименованием ни татар Чынгыз-хана, ни предков халха-монголов, – «хотя язык монгольский существовал с давнего времени, но не назывался этим именем» в рассматриваемое время – поясняет В.П.Васильев. Наименование «Монгол» было дано государству, Державе татар, Чынгыз-ханом и его соратниками, и применялось как в качестве названия государства, «как чисто ученое и официальное», так и в отношении подданных государства как политоним, например, как название «советские» применялось в отношении граждан Советского Союза. В.П.Васильев поясняет, что в письмах к китайцам правители татар, для обозначения названия своего государства, использовали китайские иероглифы, означающие «получить древнее», или «сохранить древнее». Озвучивалось эти иероглифы (составленное ими слово) как «Мэнгу» или «Монгол», и это название не означало какой-либо народ, а означало название государства. Иероглифы наименования «Монгол» «имели значение «получить, сохранить древнее» – пишет В.П.Васильев. Заметим, что слово «Мэнгу» (Мэнге) означало на древнетюркском, и поныне на татарском означает «вечное» (ср. со значением «получить и сохранить древнее»). Прилагательное же от слова Мэнге («Вечный», «Вечная»), соответствующее природе татарского языка, будет, в данном случае, Мэнгел («Вечный, Вечная»).

Уместно будет привести пример использования татарскими ханами термина «монгол» – именно как политонима – также еще и в XVI в.: в 1520 г. наследник и продолжатель дела татарского хана Менгли Гирея, стремившегося восстановить единство Улуса Джучи, хан Мухаммад Гирей «свой шертный ярлык, данный польскому королю, оформил следующей интигуляцией: «Великой Орды великого хана, Дашт-и Кыпчака и всех **МОНГОЛОВ** падишаха мое, Мухаммад-Гирай хана слово» (М.А.Усманов) (выделено мной – Г.Е.).

По сведениям В.П.Васильева также можно узнать, кем по социальному положению был сам Чынгыз-хан, избранный царем татарскими бийями. Обратим внимание на перевод «Записок о монголо-татарах» китайца Мэн-хуна¹, составленных им в 1219 г.:

«Я сам, при свидании с их регентом, императорским наместником, великим князем Мухури, слышал, как он называл себя всякий раз татарским человеком; и все их вельможи и главнокомандующие», как пишет Мэн-хун, назывались «би», при том он отмечает, что татары (родной

¹ Мэн-хун находился у средневековых татар в качестве представителя императорской ставки Южного Китая и участвовал в разработке межгосударственных соглашений Сунской династии (Южный Китай) с молодой Державой Чынгыз-хана, направленных против империи Цзинь (Северо-восточная часть Китая). То есть, сведения Мэн-хуна – это сведения военного дипломата и разведчика. И главное – сведения Мэн-хуна дошли до нас в первоизданном виде, уцелев при основательной чистке и правке китайской историографии историками китайской династии Мин.

народ Чынгыз-хана), «вовсе не знали, откуда взялось название Монголов». Заметим, что Мухури (Мөһери) – это ближайший соратник и соплеменник Чынгыз-хана, как и сообщает Мэн-хун там же.

В.П. Васильев сохранил слово «би», в тексте перевода записок Мэн-хуна, в оригинале, оставив нам ценнейший факт – есть подобное слово (би, бий) в татарском языке – историческое слово, хорошо известное в татарских исторических источниках и литературном языке. Переводится как «достойный, знатный и благородный человек», примерно равное по значению словам «князь» либо «рыцарь».

Уместно будет отметить, что самого старшего сына Чынгыз-хана тоже звали **Би**, как и передает это имя Мэн-хун в другом месте своих «Записок о монголо-татарах». Заметим, что этому первенцу, рожденному «настоящей императрицей» – первой женой Чынгыз-хана – тоже не нашлось места в официальной «истории о монголах», факт его существования был сокрыт, также как были сокрыты и многое другие факты из истории татар, «неудобные» антиордынским и анти-татарским сочинителям «истории о монголах».

Заметим также, что сведения о татарах, соплеменниках и соратниках Чынгыз-хана, полученные В.П.Васильевым, согласуются с выводами академика-востоковеда В.В.Бартольда о том, что у татар Чынгыз-хана обычаи, образ жизни, мировоззренческие традиции, духовная и материальная культура были подобны тем, какие были у уйгуров-тюрок Восточного Туркестана. То есть, примерно такими, какие были и у жителей «страны тугызугызов и татар», «народа садоводов, купцов и ремесленников» (Л.Н.Гумилев).

Мэн-хун сообщает также о том, что Чынгыз-хан был по происхождению не ханом (царем), а «всего лишь» сыном татарского старшины, «простого десятского и офицера Есукэя». При том транскрипция В.П.Васильева, даже в переводе с китайского – «Есукэй» – ближе к имени реального отца Чынгыз-хана, сохранившегося даже в народных преданиях татар – Юзекэй, кстати, и ныне есть татарская фамилия – Юзекеев (Юзикеев). И еще ранее, более чем за полвека до В.П.Васильева, и Н.М.Карамзин писал это имя так – «Езукай». «Общепризнанная» («научная») транскрипция имени отца Чынгыз-хана, как известно – «Есугей».

Как видим, Чынгыз-хан был по происхождению таким же татарским бием, как и избравшие его «сыновья народа», а не «потомственным ханом, пришедшим к вершине власти путем жестоких расправ над своими конкурентами и объединившим народ путем беспощадного террора», каким его изображают противники Великой Орды.

Поразительно, но и этот факт из записок Мэн-хуна, переведенных В.П. Васильевым, находит отражение в татарских дастанах. Например, в дастане «Карачы» говорится:

«Ты задашь вопрос – ответим:

От Чынгыз-би хана мы приходим».

Как видим, татарские бийи признавали и уважали Чынгыз-хана именно как своего лидера, избранного ими из собственной среды, как своего соратника, а вовсе не как «потомственного хана, имевшего право на трон по факту рождения».

Недавно стало доступным общественности малоизвестное до недавнего времени, наиболее раннее и соответственно наименее искаженное издание труда Абуль Гази Багадур хана «Родословная история о татарах». Этот труд хана-историка был составлен автором на татарском языке во второй половине XVII века, с использованием также и древних татарских исторических источников (я о нем писал в своей книге «По следам черной легенды»). Правда, этот труд ханачингсида широко известен ныне как «Родословное древо тюрок» – поскольку в ходе многочисленных переводов – «редактирований» в соответствующем антиатарском и антиордынском направлении было искажено не только, как видим, название, но и содержание этого бесценного памятника истории татар. Но все же в указанном издании наглядно видно, что в этом труде (во вступлении) Абуль Гази Багадур хан прямо указывает: «Эту книгу я назвал историей родословной о татарах; о породах татарских до Мунгл-хана, от Мунгл-хана до Чынгыз-хана», а также, как пишет хан-историк, о породах татарских и после Чынгыз-хана: о его сыновьях Угедей-хане, Чагатай-хане, Таулай-хане и Джучи-хане, их потомках и «породах».

Как видим, начиная писать собственную родословную историю, хорезмский хан Абуль Гази Багадур конкретно определяет название и самоназвание своего народа, этноса, которому принадлежит его клан Чингисидов: «Татары».

По свидетельству английского посла Джильса Флетчера, посещавшего Москву в 1588–1591 годах, еще и «в период правления Ивана Грозного», и вплоть до Смутного времени в среде татарских царевичей, муз (бийев) бытовало мнение, что «вся страна от их границ на север и запад, до города Москвы включительно, принадлежит им». Татары в то время, что известно не только по сведениям

упомянутого посла-разведчика, проживали от границ Польши до Волги, Каспия и далее на восток – то есть, практически по всей территории современной Украины, России и не только. Но романовы-западники, придя к власти в стране, доставшейся им от Ордынской династии, «зело тихим образом», но весьма усердно и последовательно «делали политику над татарами по умалению сих магометан во всем государстве». Это писал один высокопоставленный романовский чиновник в 1735 г. Идеологической основой этой политики и была сочиненная при помощи западноевропейских иностранных специалистов историография России. При том, как выясняется, труды русских ученых, таких как М.В.Ломоносов и даже романовский чиновник В.Н.Татищев, оказались «непригодными» для романовской версии истории России и были полностью отредактированы в соответствии с постулатами «черной легенды» о «завоевателях татарах и их рабах – русских князьях». А сведения по истории татар, полученные такими учеными, как упомянутый выше академик В.П.Васильев, попросту оказались фактически сокрытыми чиновниками, осуществлявшими руководство официальной романовской исторической наукой-идеологией, и их подручными.

Но, тем не менее, дошло до нас многое: например, по сведениям польского путешественника, лингвиста и этнографа Яна Потоцкого известно, что татары во множестве проживали от Москвы до Средней Азии включительно еще и в конце XVIII века. И главное, что отмечает Ян Потоцкий: несмотря на разнообразие во внешности, татары Европы и Азии «говорят одним и тем же наречием» – то есть, на одном языке – «и все они почитают себя настоящими татарами Чингиз-хана».

И поныне многих и многих потомков элиты и основы народа средневековых татар – бийев (мурз), в силу определенных исторических условий частью «рассеянных по разным народам», объединяет малоизученное донныне свойство – «чингизизм» («чыңгызлык»). Притом это не только «почитание Чингиз-хана и его потомков, и акцентирование роли Джучиева Улуса, или Золотой Орды в своем происхождении, в своей этнической идентификации значительной частью тюркомусульман Центральной Евразии», и в особенности Волго-Уральского региона (Габдрафиков И.М., Кучумов И.В.). Чингизизм – это также передающаяся испокон веков из поколения в поколение, общая для представителей знатных родов многих тюркских народов своеобразная идеология, кодекс чести, система моральных ценностей, свод добродетелей, таких как Единобожие; «стремление к совершенству в делах и помыслах своих»; благоразумие, храбрость, умеренность во всем, справедливость, этническая и религиозная терпимость.

Список использованных источников и литературы

1. Абулгачи-Баядур-хан. Родословная история о татарах. – Т.1. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1768.
2. Арсланова А.А. Остались книги от времен былых... (Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.
3. Валиди Туган А. История башкир. История тюрков и татар. Научное издание. На башкирском языке. – Уфа: Изд-во «Китап», 1994.
4. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах // Записки Императорского Археологического общества. – Т. XIII. – СПб., 1859.
5. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. – Брюссель, 1939.
6. Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. – Т. 10, 1896.
7. Бартольд В.В. Сочинения. – Т. V. – М.: «Наука», 1968.
8. Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. Обретая себя. Проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований. – Казань: «Мастер Лайн», 2006.
9. Гатауллина З.Ф., Искужин Т.С., Ишкулов Ф.А. История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства). – Уфа: Китап, 1996.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
11. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – СПб.: «Абрис», 1994.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
13. Дафтаре Чыңгыз-намэ. На татарском языке. – Казань: «Иман», 2000.
14. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: «Гилем», 1999.
15. Идегэй. Татарский народный эпос. На татарском языке. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1988.
16. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007.
17. Исхаков Д.М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнологические исследования в Татарстане. Материалы итоговой конференции Института истории АН РТ, посвященной 10-летию Института. – Вып. I. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С.18–27.

18. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. I–III. – М., 1998.
19. Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000.
20. Мамлеев М.Ш., Мамлеев Р.Ф. Каргалинские корни. – Уфа: «Белая река», 2003.
21. Петров А.М. Великий шелковый путь: о самом простом, но мало известном. – М.: «Восточная Литература», 1995.
22. Поло Марко. Книга о разнообразии мира. Перевод И.М. Минаева. – М., 1955.
23. Потоцкий Ян. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. – Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Перевод Л.А. Хетагурова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
25. Татарский эпос. Дастаны. На татарском языке. – Казань: Изд-во «Раннур», 2004.
26. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979.
27. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972.
28. Флетчер Дж. О государстве Русском. – СПб., 1905.
29. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. – М.: «Наука», 1983.
30. Эвлия Челеби. Книга путешествия. – М.: «Наука», 1961.

Г.Б. Азаматова

**Деятельность представителей татарского дворянства
Уфимской губернии в земских учреждениях
и просвещении мусульманского населения
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Известно, что представители небогатого татарского дворянства – «лапотные мурзы» по своему положению сливались с остальной массой сельского населения. Такую уравнищность нельзя рассматривать однозначно. Хотя большинство татарских дворян и не обладали высоким экономическим статусом, их положение отличалось по таким параметрам как уровень образования, представленностью в государственных и общественных учреждениях, сфере образования и т.д. Они составляли тонкую социальную прослойку с собственной субкультурой, которая была ориентирована с одной стороны на сохранение национальных и религиозных традиций, а с другой на открытость светской культуре и контакты с российскими институтами и учреждениями.

Одной из сфер, где проявились черты открытости и неразрывной связи татарского дворянства с общегосударственной жизнью, была сфера земского самоуправления. Несмотря на малую долю мусульманского населения в земских собраниях и среди земских служащих, в истории Уфимского земства можно найти сведения, дополняющие исторический портрет татарских дворянских фамилий.

Основной точкой соприкосновения, через которую осуществлялось сотрудничество с местным самоуправлением, явилась сфера образования. Земства открывали русско-инородческие училища, которые не пользовались популярностью по причине их русификаторской направленности. Но знание русского языка становилось настоятельной необходимостью, поэтому некоторые просвещенные лица понимали, что обучение в них дает определенные преимущества. В сентябре 1891 г. 22 жителя дер. Старо-Яушевой, дворяне Дашкины, ходатайствовали об открытии русско-башкирского училища при мектебе и просили назначить учителем русского языка дворянина Салимгарея Асфандияровича Яушева, окончившего Оренбургскую татарскую учительскую школу. Это ходатайство поддержал местный инспектор, который писал директору народных училищ Уфимской губернии: «ввиду постоянно замечаемой между дворянами из башкир стремления к обучению своих детей, даже девочек русской грамоте, я признавал бы означенное ходатайство заслуживающим уважения». Однако директор счел ненужным открывать школу, ссылаясь, что таковые были и в соседних селениях [1, л.68]. В том же году от имени 55 домохозяев г.Белебея в уездную земскую управу обратился губернский секретарь Зиганша Мухаметгареевич Терегулов. В прошении указывалось, что в существующих русских училищах г.Белебея детям мусульман национальный язык преподавался только два раза в неделю (имелись в виду уроки мусульманского вероучения). Поэтому они желали бы открыть при медресе русский класс, где дети бедных родителей могли бы

«изучать родной национальный язык и вместе русский». Земское собрание, рассмотрев ходатайство, вынесло постановление о выделении ежегодного пособия в 120 руб. для русского класса. В ответе директора народных училищ указывалось, что приговор жителей необходимо заменить на другой, «с исключением из него совершенно лишнего требования, чтобы детей их учили в то же время природному их языку, так как это не составляет предмета забот со стороны учебного начальства» [1, л.47]. Русский класс при медресе г. Белебея приобрел широкую популярность среди местного населения. Согласно списку начальных училищ Белебеевского уезда за 1914 г. учителями в нем были Мамлеев, окончивший городское училище, и Баишев, окончивший прогимназию. При учебном заведении был открыт также вечерний класс, где муллы готовились к сдаче экзамена по русскому языку. За 18 лет деятельности (1896–1914 гг.) он подготовил 299 кандидатов на звание мулл, успешно сдавших экзамены. При русском классе работала и женская школа с пособием от Белебеевского земства. Учительницей русского языка была Майкамал Терегулова (с 1 января 1918 г. переведена в Верхне-Бишиндинское училище), родной язык и вероучение преподавала Хадича Терегулова. В 1918 г. здесь также работали преподавательницы Г.Еникеева, Ш.Сакаева, Кудашева. В ноябре 1917 г. заведующий Белебеевским русским классом Х.Сакаев писал в уездную земскую управу, что занятия женского и мужского училищ, где состояло 81 и 85 учеников соответственно, шли в четыре смены в одной классной комнате. Другая классная комната была занята «чесоточной командой» из 7 человек (т.е. больными военными). Заведующий просил о скорейшем переводе больных солдат в специальную квартиру, дезинфекции и ремонте класса. В другом его обращении содержалась просьба о проведении в здание электрического освещения, так как пяти- и семилинейные лампы-коптилки слабо освещали учебное помещение.

Востребованными учебными заведениями стали русско-мусульманские училища в д.Буздяк. Мужская школа открылась в 1870 г. В нем долгое время преподавали Гадельгарей Мухаматгареевич Кудашев и Миннигарей Хайруллоевич Мамлеев. Гадельгарей Кудашев был родом из д. Уйбулатово Каръявдинской волости Белебеевского уезда. В 1876 г. после окончания Оренбургской татарской учительской школы его назначили в д.Урметеву Куручевской волости, а через год перевели в русский класс при медресе в г.Оренбург. Дело по обучению продвигалось с большими трудностями из-за враждебного настроения местных мусульман, а со стороны учебной администрации сыпались незаслуженные нарекания в адрес учителя. Гадельгарей Кудашев обратился к инспектору иногородских школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринскому с просьбой перевести его на вакантное место учителя в д. Буздяк. Прежний учитель Ибрагим Нигматуллоевич Шахмаметьев болел чахоткой и поэтому не мог вести занятия с должной энергией и заинтересовать население. С приездом в 1885 г. Кудашева ситуация сразу изменилась. В первый же год работы учитель, благодаря постоянным беседам о пользе училища, привлек в него более 50 учащихся. Помимо урочных часов он проводил и вечерние занятия, где вел с детьми беседы на разные темы, читал рассказы на русском языке, переводил их на родной язык. Ученики были увлечены занятиями в школе, и родителям стоило больших трудов, чтобы привлечь их к работам по хозяйству. Своих выпускников Гадельгарей Мухаматгареевич старался направлять в городские училища, Казанскую татарскую учительскую школу и гимназии, более 30 из них стали учителями. Уфимская газета «Турмыш» в октябре 1916 г. извещала о предстоящем праздновании 40-летия педагогической деятельности Кудашева. Однако по причине военного времени, когда многие представители местной интеллигенции и выпускники Буздякского училища находились на фронте, мероприятие было отложено. В феврале 1918 г. на Белебеевском уездном земском собрании слушался доклад группы мусульманских гласных о плодотворной деятельности Г.М.Кудашева. Собрание вынесло решение об участии земской управы в чествовании юбиляра, в смету внесли 500 руб.

Женское русско-башкирское училище в д. Буздяк открылось 3 марта 1893 г. и стало первой в Уфимской губернии школой с содержанием от земства. В первый же год на учебу поступило 10 учениц, преподавательницей была дочь известного татарского просветителя Хусаина Фаизханова Амина, окончившая Елизаветинский женский институт. В июле 1896 г. на уездном земском собрании она же была избрана попечительницей школы. Во время голода 1898 г. Амина ханум развернула широкую благотворительную деятельность в соседней с Буздяком деревне Шланлыкуль, благодаря чему дети, старики и убогие получали питание, снабжались одеждой. При Шланлыкулевском русско-башкирском училище Амина Фаизханова организовала ткацкую мастерскую. Среди селений, где развитие земских школ было связано с деятельностью представителей татарского дворянства, можно отметить селение Новые Каргалы. Русско-татарское мужское училище Министерства народного просвещения было открыто в 1886 г. и получало пособие от земства. В 1903 г. в деревне начало действовать женская одноклассная (с 3-х летним курсом обучения)

русско-татарская школа. В 1914 г. учительницами были Гринева, окончившая епархиальное училище, и Еникеева, выпускница прогимназии. Школа располагалась в доме Исхака Еникеева.

Мужское училище также занимало наемное помещение: в 1914 г. земская управа выплачивала «квартирные» Сайфутдину Еникееву, Бикмухамету Терегулову, в 1915 г. – Усману Янгуразову. Учителями в 1914 г. значились – Сюндюков, Терегулов и Еникеев. Г.Н.Сюндюков в марте 1918 г. Белебеевской земской управой был приглашен на должность члена коллегии по народному образованию. Гиниатулла Нигматуллович Терегулов, выпускник Казанской татарской учительской школы, был преподавателем в 1912–1915 гг. В 1915 г. Г.Н.Терегулов поступил в Уфимский учительский институт. В это время ему предложили вести в уфимском медресе «Галия» уроки математики, алгебры и геометрии. Он вспоминал, что первую половину дня преподавал шакирдам медресе, а другую половину был студентом института [2, с.120–124]. После его окончания в 1918 г. Г.Н.Терегулов вернулся в д. Новые Каргалы, где стал учителем высшего начального училища и председателем школьного совета.

Высшее начальное училище (до 1912 г. оно называлось 4-классным городским) открылось в д. Новые Каргалы в 1911 г. Оно было единственным в Уфимской губернии подобным учебным заведением, предназначенным для мусульманского населения. Заведующий училищем М.Н.Мухамедов вел уроки арифметики, алгебры, физики, рисования, черчения, гимнастики, пения. В июле 1914 г. местный житель Камалетдин Терегулов сдал свой дом под квартиру М. Мухамедову сроком на один год. В 1917–1918 гг. в штатном расписании училища значились преподавателями: З.Ш.Еникеева, П.И.Злобина (с сентября 1917 г.), К.М. Яковлева (с 1918 г.), О.Ф.Королюк (с 1918 г.) Г.Д.Плохова, Е.В.Скобелев. В Новых Каргалах находилась районная библиотека губернского земства, которой заведовал Миннигайса Мухамедович Терегулов.

Во время строительства здания высшего училища было решено устроить на приусадебном участке пришкольное хозяйство и пасеку. М.Мухамедов и сельский комитет в лице комиссара И.Терегулова, членов Т.Сабитова, М.Терегулова, Ш.Мамлеева, М.Еникеева, С.Терегулова, Ф.Утяшева, секретаря Г.Еникеева приняли соответствующее постановление.

Белебеевскому уездному собранию 1918 г. был представлен доклад помощника агронома З.И.Горшкова «Об агрономических мероприятиях при Каргалинском высшем начальном училище», после этого в смету расходов уездного земства внесли 1264 руб. На том же собрании вынесли постановление об открытии одногодичных курсов при Ново-Каргалинском высшем училище для подготовки учителей мусульман, так как ощущалась острая нехватка кадров для русско-башкирских и русско-татарских школ Уфимской губернии.

Среди учителей-мусульман из дворян следует отметить Нурмухамета Мамлеева. После окончания Оренбургской татарской учительской школы он преподавал в Калмыковском русско-башкирском училище Бирского уезда, к 1880 г. имел уже 12 летний педагогический, за высокие трудовые достижения был награжден серебряной медалью «За усердие». В 1906–1907 гг. учителем Калмыковского училища состоял Ибатулла Еникеев. В Татышевском русско-башкирском училище того же уезда преподавал Абдулла Еникеев, в Старобекметевском – Шарияздан Максюттов. В д. Верхние Киги Златоустовского уезда в двухклассном мужском училище с 1901 г. работал Ибатулла Асадуллович Еникеев, в 1904 г. стал заведующим школой. В Верхне-Кигинской женской школе с 1904 г. занятия по рукоделию вела Гайнияма Салимгареевна Мамлеева. В русско-башкирском училище в д. Абдуллино того же уезда в 1906 г. детей обучал Галий Еникеев, в д. Ново-Муслюмово в 1911 г. – Давлетша Еникеев.

Имена учителей из татарских дворян наиболее часто встречаются в местностях их компактного проживания. Согласно списку земских училищ Белебеевского уезда за 1914 г. среди учителей значились следующие представители дворянских фамилий: Утяшева (Аксаковское училище), Хайретдин Нигматуллович Сакаев (Давлекановское 1-е), Кудашев (Тюпкильдинское, в 1918 г. избран на общественную должность в Белебеевском уездном земстве), Кудашев (Аитовское), Еникеев (Альшеевское), Мамлеев (Зильдяровское), Терегулов (Калмаш-Башевское), Еникеев (Нижне-Аврюзовское), Бибиямал Терегулова (Старо-Тураевское), Хайретдин Терегулов (Усман-Ташлинское), Еникеев (Юмадыбашевское), Еникеев (Арасланбековское), Мамлеев (Белебеево, русский класс при медресе), Кудашев (Бишкуразовское), Кудашев Гадильгарей, Мамлеев, Кудашев (Буздякское), Сюндюков, Терегулов, Еникеев (Ново-Каргалинское), Еникеев (Старотураевское), Еникеев Хисматулла (Тузлукушевское), Сакаев (Шланлыкулевское) [3, с.28–130].

Для снабжения начальных школ учебниками земские управы нанимали отдельных возчиков. Дворянин деревни Буздяк, проживающий в г.Белебее Сагисайран Мамлеев был нанят земской управой летом 1914 г. для доставки учебных пособий и мебели с оплатой из расчета «по 5 копеек с

версты на лошадь». С.Мамлеев обеспечил учебными пособиями и инвентарем 36 школ, расположенных в Богадинской, Тюрюшевской, Васильевской, Каръявдинской, Старокалмашевской, Киянликулевской и Куручевской волостях, за что земская управа выделила 145 рублей.

Мероприятия земств в сфере распространения русской грамоты активизировались с реализацией плана по введению всеобщего обучения. С 1910–1911 гг. наблюдается тесное сотрудничество земства и национальной интеллигенции, с помощью которой решались ключевые и наиболее проблемные вопросы подготовки учительских кадров, велись поиски по правильной организации в новых русско-татарских и русско-башкирских школ. При губернской управе был организован отдел по образованию инородцев, заведующим был Леонид Мендияров, которого сменил Гумер Терегулов. Отдел издавал популярные брошюры на татарском языке по медицине, кооперации, народному образованию, занимался открытием библиотек в мусульманских селениях. Г.Х.Терегулов являлся сторонником партии кадетов, активным общественным деятелем. Летом 1914 г. на совещании по внешкольному образованию он выступил за организацию отдельных мусульманских библиотек. По его мнению, ситуация, когда в библиотеках русских селений имелись книги для мусульман, но не было библиотекарей, знающих мусульманскую литературу и татарский язык, пагубно отражалась на просвещении народа. Для областного совещания по вопросам инородческого совещания 1916 г. он подготовил доклад «О современном положении начального образования инородцев», в котором критиковал существующие инородческие училища и проводил мысль о необходимости открытия школ, соответствующих «жизненным и национальным интересам каждой народности» [4, с. 79]. Во время гражданской войны Гумер Терегулов уехал с армией Колчака в Сибирь. В 1918 г. на должности заведующего отделом народного образования мусульман его сменил Халиулла Шагибекович Еникеев.

Х.Ш.Еникеев работал сначала учителем начальных училищ в Белебеевском уезде. С разрешения министра народного просвещения в 1909 г. поступил в Учительский институт г. Уфы и был единственным в то время учащим из мусульман. Во время учебы в институте получал стипендию от земства. К его аттестату об окончании института (1912 г.) было приложено заключение педагогического совета: «Добрейшей души человек. Искренность и простота видны в каждом его действии, в каждой поступке. К занятиям всегда прилежен. Затрудняется лишь в переложении усвоенного на русском языке, к отвлеченному мышлению на которое очевидно еще не вполне привык» [5, л.3]. После института Х.Еникеев хотел стать учителем в Казанской татарской учительской школе. За него перед директором народных училищ Казанской губернии ходатайствовал директор Учительского института А.Н.Лисовский, который писал: «Проситель безупречен в нравственном отношении: трезв, скромнен и очень трудолюбив». Х.Еникеев подал также прошение Попечителю учебного округа об определении его учителем городского училища, но получил ответ, что «по существующему законоположению просьба Еникеева, как магометанина, не может быть удовлетворена».

В 1916 г. губернское земство организовало 3-х годовичные педагогические курсы для подготовки учителей-мусульман. В 1918 г. заведующим курсами был Галий Сагитович Еникеев, уроженец д.Новые Каргалы (1888 г.р.). В 1905 г. он окончил Белебеевское городское 4-х классное училище, в 1914 г. – Уфимский учительский институт (с серебряной медалью). В 1917 г. состоял членом Белебеевской земской управы, земским представителем в педсовете Белебеевской учительской семинарии.

Среди земских служащих из татарских дворян необходимо отметить Мирсаяфа Шагабутиновича Резяпова, служившего в течение 10 лет «агентом губернского земского страхования». В 1878–1884, 1887–1891 гг. от землевладельцев он избирался гласным Стерлитамакского уездного и Уфимского губернского земского собраний. В выборах могли участвовать землевладельцы, обладающие не менее 200 десятин земли. Земскими гласными Уфимского земского уездного собрания состояли: Еникеев Г.А. (в 1887–1890 гг.), Еникеев О.С. (1906–1914 гг.), Еникеев М.И. (1912–1914 гг.), Стерлитамакского: Тукаев Г.Л. (1878–1886 гг.), Курамшин А. (1887–1890 гг.), от Белебеевского уезда: Алкин К.С. (1894–1911 гг.), Биглов М.С. (1887–1890 гг.), Биглов А.Д. (1903–1908 гг.), Еникеев И.А., Еникеев М.М., Еникеев Ф.И. (1881–1883 гг.), Еникеев Ш.Х., Еникеев Ш.Г., Еникеев М.Н. (1909–1911 гг.), Тевкелев А.П. (1881–1883 гг.), Тевкелев К.П. (1881–1883, 1887–1911 гг.), Терегулов Н.Н. (1881–1883 гг.), Терегулов А.Г., Терегулов И.В. (1909–1911 гг.), от Бирского уезда: Кайбишев Ф.Ш. (1881–1883 гг.), Кайбишев Ф.М. (1909–1914 гг.) и др.

В 1911 г. в губернской управе служил Ильдархан Чанышев. В 1913 г. член Белебеевской уездной земской управы Шагибек Нигаметдинович Сакаев заведовал Буздякской земской библиотекой. В 1914 г. членом Бирской управы состоял Фазылбек Кайбишев. Председателями Бе-

лебеевской земской управы являлись А.А.Ахтямов (1883–1885 гг.), М.М.Биглов (1907–1909 гг.) и Ф.Г.Музафаров (1913–1917 гг.).

Татарские дворяне стремились дать своим детям хорошее образование. После окончания начальных школ родители стремились устроить сыновей и дочерей в начальные, средние и высшие учебные заведения, татарские учительские школы, несмотря на стесненность в средствах. Нередко они обращались с прошениями о выделении пособия в учебное ведомство, земские управы. Однако стать стипендиатами уездного или губернского земства удавалось далеко не всем.

В 1896 и 1898 гг. студенту 3-го курса медицинского факультета Казанского университета Рустембеку Сариаскаровичу Давлеткильдееву были выделены пособия по 180 руб. Совместно с пятью сонаследниками в Белебеевском уезде он имел 280 дес. земли, которые были заложены в Дворянском земельном банке. 50-летняя мать воспитывала одного несовершеннолетнего и трех малолетних детей. Старший брат Р.С. Давлеткильдеева был на службе с жалованием 25 руб. в месяц, сестра – замужем.

В 1896 г. студент Казанского ветеринарного института Магадий Нуреевич Резяпов получил стипендию в размере 230 руб., в следующем 1897 г. – 180 руб. В своем прошении он указывал, что не владеет недвижимостью, а два его брата являются сельскими учителями. Здесь же в 1896–1900 гг. учился Хусейн Зиганшевич Терегулов, он получал стипендию Белебеевской земской управы в сумме 115–230 руб. в год. На заседании уездного земского собрания 1895 г., где рассматривалось его прошение, отмечалось, что его родители «несостоятельные люди» – обедневшие дворяне. За Мадину Резяпову ходатайствовала мать, дворянка Магишап Хусаиновна Резяпова, вдова вышеупомянутого земского служащего и гласного Мирсаяфа Резяпова. В 1898–1904 гг. Уфимское губернское земство ежегодно выделяло по 240 руб. на ее обучение в Мариинской женской гимназии и содержание в дворянском Новиковском пансионе. Стерлитамакское земское собрание в 1907 г. назначило Мадине Резяповой стипендию 350 руб. для обучения в Стебутовских сельскохозяйственных курсах.

Уфимский дворянин Шахбазгарей Еникеев, студент Казанского ветеринарного института в 1902–1904 гг., получал земскую стипендию от 100 до 200 руб. Марьям Исламгулова, дочь почетного гражданина, бывшая учительница Шланлыкульской школы Белебеевского уезда, обучаясь в Санкт-Петербургском медицинском институте и как слушательница повивального института получала стипендии земства: в 1902–1903 гг. – 200 руб., 1904 г. – 300 руб., 1905–1906 гг. – 150 руб.

Ученику реального училища Сайтгирею Еникееву, сыну коллежского секретаря Арслангарея Еникеева, служащего Оренбургского магометанского духовного собрания, в 1902–1904 гг. выдавалась ежегодная безвозвратная стипендия земства в размере 100 руб.

Для обучения в Казанской татарской учительской школе в 1902 г. потомственному дворянину Искандеру Сайтгареевичу Сакаеву также было назначено пособие земства (65 руб.).

Слушательница Санкт-Петербургского медицинского института дворянка Ракия Шаихгаттарова Губеева в 1903 г. получила возвратную стипендию от земства в размере 400 руб. Ее мать – Ханифа Миграновна – владела 141 дес. земли в Стерлитамакском уезде, недвижимостью и землей в Казани.

Сыновья дворян Уфимской губернии, поступившие в Казанскую татарскую учительскую школу, нередко являлись стипендиатами земских учреждений. Так, по ходатайству вдовы чиновника Рахимы Еникеевой в 1903–1905 гг. была выделена личная возвратная стипендия ее сыну Абдрахиму Еникееву, в 1904–1905 гг. возвратная стипендия поступала Г.Х.Еникееву (140 руб.), в 1904 г. – Гали Гумерович Чанышеву (150 руб.). (В 1906 г. он преподавал в Старо-Балтачевском училище Бирского уезда). Сын дворянина д. Кузеевой М.М.Чанышева – Гумер Чанышев – также получал возвратную стипендию: в 1904–1906 гг. – по 140 руб., 1907–1908 гг. – 145–150 руб., 1909 г. – 75 руб.

В 1904 г. студенту Ветеринарного института Сулейману Чанышеву было выдано 200 руб. Отцу просителя принадлежало 91 дес. удобной земли в Стерлитамакском уезде, который будучи в преклонном возрасте не мог обеспечить обучение сына. Стерлитамакское уездное собрание 1910 г. выделило Сулейману Чанышеву 200 руб. как единовременное пособие в Варшавском ветеринарном институте.

Среди татарских стипендиатов из дворян, служивших впоследствии в земстве, выделялся Шахбазгарей Хайретдинович Еникеев (1879–1954). Уроженец Уфы, учился в Уфимской мужской гимназии как земский стипендиат. Будучи студентом Казанского ветеринарного института, летом 1904 г. вместе со студентом Пушкиным был командирован губернской управой на борьбу с сибирской язвой в Уфимский уезд. За самоотверженность и успешное лечение домашнего скота

они получили письменные благодарности от Анненского, Верхнее-Николаевского, Безводовского сельских обществ. После завершения обучения Ш.Х.Еникеев поступил на земскую ветеринарную службу (д. Буздяк), в 1906 г. стал участковым ветеринарным врачом в Уфимском уезде. Ш.Х.Еникеев принимал активное участие в становлении ветеринарной службы в крае: состоял членом Ветеринарного совета и Зоотехнической комиссии губернской земской управы, Уфимского ветеринарного общества, при котором действовала амбулатория для бесплатного лечения домашнего скота, в 1909–1912 гг. был гласным Белебеевского уездного и губернского земского собрания. Летом 1910 г. Шахбазгарей Хайретдинович был направлен в командировку в Великокняжескую станицу области Войска Донского для изучения методов борьбы с сапом, по результатам которой представил подробный доклад губернской управе. В 1911 г. он совершил научную командировку в бактериологическую лабораторию Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге.

Шахбазгарей Хайретдинович проявил себя как благотворитель: в неурожайные 1908–1909 гг. он содержал в Буздяке столовую на 50 мест для голодающих. Его племянник Давлет Мухамеджанович Шейх-Али вспоминает, что спустя более 40 лет дядю узнавали на улицах в Уфе, благодарили его со слезами на глазах [6]. Ш.Х.Еникеев являлся членом Уфимского мусульманского благотворительного общества, в 1913–1914 гг. был секретарем правления. Его супруга Хажар Ибрагимовна (в девичестве Шейх-Али) в 1915–1916 гг. состояла помощницей председателя Уфимского женского благотворительного общества Марьям Султановой.

В советское время Ш.Х.Еникеев работал заведующим 2-й Уфимской горветлечебницей. В годы сталинского террора против него было сфабриковано дело об антисоветской деятельности. В деле по обвинению Ш.Х.Еникеев проходил с ветеринарным врачом Б.А.Куровским, также работавшем до революции в земстве. Они были арестованы 3 ноября 1937 г., до ожидания приговора два года провели в тюрьме. 11 октября 1939 г. народный суд вынес решение о невиновности Ш.Х.Еникеева и Б.А.Куровского. После этого Ш.Х.Еникеев был назначен на должность старшего ветеринарного врача Уфимской государственной конюшни. Во время войны в конюшне сохраняли племенных лошадей, занимались заготовкой сена, пытались уберечь имущество от мародеров. За продолжительную и безупречную работу в марте 1949 г. Шахбазгарей Хайретдинович был награжден Почетной грамотой. В 1953 г. встал вопрос о присвоении ему ордена Ленина, однако этому «помешало» упоминание им в анкете об армии Колчака, где недолгое время Ш.Х.Еникеев служил ветврачом.

Таким образом, представленные некоторые штрихи к портрету татарских дворян конца XIX – начала XX века позволяют утверждать, что татарские дворяне Уфимской губернии, несмотря на ослабленное социально-экономическое положение своих хозяйств, занимали высокое общественное положение среди мусульман Приуралья, принимали активное участие в деятельности губернского и уездных земских учреждений, выступая представителями мусульман, отстаивали их интересы, вносили посильный вклад в распространение русского образования и просвещения среди татар и башкир. В отличие от основной массы татарского населения, их дети обучались в русских начальных, средних и высших учебных заведениях и в дальнейшем посвящали себя развитию культуры и экономики страны.

Список использованных источников и литературы

1. ЦГИА РБ. Ф.И–113. Оп.1. Д.463.
2. Тергулов Г. Безнең Галимжан Ибраһимов // Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр. – Казан, 2007. – Б.120–124.
3. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. Белебей, 1914. – С.28–130.
4. Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – Уфа, 1916. – С.73–79.
5. ЦГИА РБ. Ф.И–123. Оп.1. Д.45.
6. Шейх-Али Давлет. Они прожили благородно // Дворянский вестник. – 2003. – 5 июня. – № 53.

Р.Ю. Почекаев

Сановные династии Золотой Орды

Не только ханская власть в Золотой Орде сохранялась в руках одного рода – семейства Джучидов. Неоднократно случалось так, что и высшие государственные посты могли передаваться представителями того или иного аристократического семейства своим потомкам или другим близким родственникам. В рамках настоящего исследования мы намерены охарактеризовать золотоордынские сановные династии, выделить их основные группы.

Основными источниками по данной тематике являются сочинения Рашид ад-Дина, Хазрет-Вассафа, Гийас ад-Дина Али, Шараф ад-Дина Али Йазди, Хафиз-и Абру; немногочисленные, но не менее важные сведения содержатся в китайской династийной истории «Юань ши». К этой тематике обращались также исследователи – Ю. Шамильоглу, А.П. Григорьев, Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов, Ю.В. Селезнев и др. Развитие и обобщение результатов их исследований сделало возможным решение поставленной нами задачи.

На раннем этапе существования Золотой Орды высшие государственные посты нередко сохранялись в руках тех родов, представители которых пришли в Дешт-и Кипчак с Джучи и его ближайшими преемниками в первой половине XIII в. Так, например, Байху из племени хушин, эмир правого крыла войск Бату, на закате своих дней сделал своим преемником собственного приемного сына Элдэке. Черкес, бекляри-бек при хане Токте, был потомком другого видного военачальника Бату – Мунгету-нойона сиджиута [7, с.172, 183]. Их влияние в рассматриваемый период было настолько значительным, что они могли позволить себе «рекомендовать» хану своих преемников. В частности, Байху заявил Бату, что по старости и здоровью не в состоянии исполнять свои обязанности и порекомендовал на свой пост Элдэке, который длительное время был его заместителем [7, с.172].

Со временем заслуги этой «военной аристократии» стали забываться, и на первые места стали выходить члены семейств, имевших родство с ханским домом. Так, например, уже при Бату «старшим эмиром» был Ит-Кара из племени алчи-татар, а при хане Туда-Менгу, внуке Бату – Бек-Тимур, вероятно – потомок или близкий родственник Ит-Кары [7, с.111]. Известно, что из племени алчи-татар была Борақчин, старшая жена Бату, так что возвышение двух упомянутых нойонов вероятно, связано с тем, что они приходились ей близкими родственниками.

В первой половине XIV в. наиболее известными золотоордынскими сановниками были родственники знаменитого хана Узбека. Его двоюродным братом по материнской линии был Кутлуг-Тимур, который после прихода Узбека к власти занял пост бекляри-бека, а когда его отношения с этим капризным и неуравновешенным монархом испортились, стал улус-беком Хорезма. Его брат Мухаммад-ходжа стал даругой Азака (Азова), другой брат – Сарай-Тимур являлся военачальником, а затем, когда хан Джанибек бин Узбек в 1356 г. завоевал Азербайджан и поставил там правителем своего сына Бердибека, он стал его везиром. Во время правления Бердибека в Золотой Орде Сарай-Тимур стал золотоордынским везиром – вторым по значению сановником после бекляри-бека [2, с.12–14, 128–129]. Сведений о том, какой пост занимал Харун-бек, сын Кутлуг-Тимура, не сохранилось, однако, учитывая, что он был женат на дочери Узбека, можно предположить, что и он являлся одним из высших ханских сановников.

С Кутлуг-Тимуром успешно соперничал за власть и влияние при ханском дворе еще один родственник Узбек-хана – Иса-бек (Иса-Коркуз) из рода уйшин, который также был женат на ханской дочери и, соответственно, получил право прибавить к своему имени почетную приставку «гурген». Несколько раз он сменял Кутлуг-Тимура на посту бекляри-бека, а его потомки, хотя и не заполучили этот пост, также оставались влиятельными сановниками. Так, Аамат, сын Иса-бека, являлся одним из ближайших эмиров Джанибек-хана, на чьей дочери был женат, а Салчи, сын Аамата и ханской дочери, в 1375 г. стал правителем Хаджи-Тархана – Астрахани [2, с.13–14; 3, с.222; 6, с.275–276]. Таким образом, несколько представителей сановной аристократии с более-менее одинаковыми основаниями претендовали на власть (как в данном случае Кутлуг-Тимур и Иса-гурген – близкие родственники хана) и между ними шла с переменным успехом борьба за одни и те же посты.

Свое собственное место заняла в золотоордынской сановной иерархии и «региональная аристократия», т.е. те кланы, которые смогли закрепиться на определенных территориях, и впоследствии практически приобрели монополию на административные должности в тюменах, распо-

ложенных в пределах их родовых владений. К таковым, например, можно отнести семейство правителей китайских владений Золотой Орды – Бок-Бугу или племени найман и его внука Терэла: в течение длительного времени они управляли китайской областью Пиньянфу, которая после завоевания империи Цзинь была передана под власть Бату. Любопытно отметить, что после того, как великий хан Хубилай конфисковал владения золотоордынских правителей, расположенных в Китае и Чагатайском улусе, власть этого рода в Пиньянфу прекратилась, Терэл остался на службе у Хубилая и неоднократно направлялся с миссиями именно к золотоордынским ханам [10, с.246–247].

Гораздо длительное время находился у власти род кият, некоторые представители которого сделали блестящую карьеру. Этот род с сер. XIII в. был связан с Крымским полуостровом: знаменитый золотоордынский военачальник Бурундай, происходивший из киятов, участвовал в покорении Крыма на рубеже 1230–1240-х гг. и, вероятно, получил здесь владения. Его потомки уже в начале XIV в. стали правителями-темниками Солхата и оставались таковыми в течение полувека. Крымскими темниками были Тулук-Тимур, его сын Кутлуг-Тимур, внук Али [3, с.259, 294; 4, с.120–121]. Другой сын (брат?) Тулук-Тимура, Иса (Исатай), стал основателем новой «провинциальной династии»: по указу хана Узбека он в 1320-е гг. стал наместником хана в Синей Орде. Длительное время управляя этим регионом, он закрепился здесь, приобрел поддержку местного населения и, пользуясь ослаблением ханской власти после Узбека, сумел сделать свой пост наследственным: после его смерти новым наместником левого крыла стал его сын Джир-Кутлуг, а когда и он погиб, его сменил его собственный сын Тенгиз-Буга [9, с.109]. Родственник Тенгиз-Буги, знаменитый Мамай, опираясь на могущество своего рода, сумел добиться наивысшего в Золотой Орде поста бекляри-бека, который занимал около двух десятилетий. При этом он не терял связей с Крымом, который в течение 1360–1370-х гг. оставался его опорным пунктом: ведь именно здесь находились его родовые владения, и отсюда он черпал ресурсы для борьбы за объединение Золотой Орды.

К числу «региональной аристократии» можно отнести и еще один род, известный в истории Золотой Орды – семейство Суфи, также происходившее из племени кунграт. Основатель этого рода, Нангудай, был эмиром хана Узбека и даже женил своего сына на его дочери. Однако этот клан сделал ставку не на родство с ханским домом, а на свои родовые владения: Нангудай был улус-беком Хорезма, и поэтому когда в Золотой Орде в начале 1360-х гг. началась смута, и сам родоначальник погиб, его потомки фактически отделили Хорезм от Золотой Орды и стали править самовластно. Сначала правителями были сыновья Нангудая – Хусайн-Суфи и Йусуф-Суфи, затем – представители третьего поколения рода, пока последний из них, Сулейман-Суфи в 1388 г. не был окончательно изгнан из Хорезма Тимуром [5, с.75, 77, 126].

Иногда имели место своеобразные «коллизии», когда представители разных категорий сановной аристократии могли претендовать на один и тот же пост. Так, после смерти в 1358 или 1359 г. Кутлуг-Тимура, наместника Солхата из рода кият, хан Бердибек отверг претензии на эту должность его родственника Мамай, потомка целой плеяды наместников, и передал Солхат в управление Кутлуг-Буге – брату своей бабки Тайдулы. Видимо, хану пришлось отдать этот почетный пост своему двоюродному деду, чтобы выказать уважение его роду: предоставить ему, например, пост бекляри-бека он не мог, потому что этот пост занимал Могул-Буга, родной брат Кутлуг-Буги [ср.: 1, с.211, 213].

По мере ослабления ханской власти все большее значение стали приобретать предводители самых сильных племен, становившихся время от времени настоящими «гегемонами» Дешт-и Кипчака. Наиболее известным таким кланом в истории Золотой Орды были мангыты. Его родоначальник Идигу уже на рубеже XIV–XV вв. основал фактически самостоятельно государство – Мангытский юрт (будущую Ногайскую Орду), однако при этом не только не устранился от золотоордынской политики, но и обеспечил своим потомкам право претендовать на пост бекляри-бека Золотой Орды. С конца XIV в. и до 1550-х гг. (когда имели место последние попытки восстания Джучидской державы, фактически упраздненной в 1502 г.) мангытские беки – сыновья, внуки, правнуки и даже праправнуки Идигу – занимали пост бекляри-бека в Золотой Орде, Тюменском, Астраханском и Крымском ханствах [8, с.78 и след].

В Крымском и периодически в Казанском ханствах с мангытами успешно соперничал в борьбе за власть клан ширинов. В Крымском ханстве они, подобно мангытам в Золотой Орде, из поколения в поколение занимали пост бекляри-бека. Интересно отметить, что даже борьба за этот пост зачастую шла не с представителями других влиятельных крымских родов, а внутри одного рода – между дядьями и племянниками, родными и двоюродными братьями и пр. Так, например, в

1473 г. на пост бекляри-бека Крымского ханства претендовали сразу три представителя рода ширин – братья Эминек и Кара-Мирза и их племянник Шейдяк, сын прежнего бекляри-бека Мамака. В результате их распри хан Менгли-Гирей, в течение двух лет пытавшийся лавировать между членами могущественного клана, передавая пост то одному, то другому претенденту, в 1475 г. был свергнут с трона, а Крым попал под сюзеренитет Османской империи [1, с.45–60].

Стоит отметить, что далеко не всегда представители одного аристократического семейства занимали один и тот же государственный пост. Так, например, если предки Мамака были даругами-темниками Солхата, то ему удалось достичь поста бекляри-бека. Обратный пример касается еще одного даруги Солхата – на этот раз эмира Зайн ад-Дина Рамадана из племени Сарай: он пользовался влиянием при последних ханах из дома Бату, а его сын Хасан после прихода к власти Токтамышша (из рода Туга-Тимура) не сумел удержать прежних позиций и был вынужден довольствоваться ролью ханского посла, хотя и выполнявшего весьма ответственные поручения хана в Египте и Литве [2, с.174].

Однако, в любом случае, утверждение на том или ином государственном посту конкретного сановника, даже если он происходил из могущественного клана, представители которого из поколения в поколение занимали соответствующий пост (как мангыты в Золотой Орде или ширины в Крымском ханстве постоянно занимали пост бекляри-беков) – осуществлялось указом хана, поскольку формально в Золотой Орде (и выделившихся из нее постордынских государствах) источником власти являлся хан, и только он мог делегировать соответствующие полномочия тем или иным сановникам.

Однако, сановная знать в Золотой Орде была сложно структурирована, и такое явление как «местничество» среди ее представителей было делом весьма распространенным. И если поначалу золотоордынские ханы могли как-то управлять этой ситуацией, то по мере их ослабления знать стала сначала проявлять сепаратистские тенденции (что наиболее ярко проявилось в деятельности эмиров эпохи «великой замятни» – таких как Пулад-Тимур в Булгаре или Хаджи-Черкес в Астрахани), а затем и сама начала возводить на трон «удобных» ханов, при которых наиболее могущественные представители знати могли обрести желаемые посты и передавать их по наследству.

В заключение отметим, что в настоящей статье мы лишь затронули вопрос о составе господствующего класса Золотой Орды. Безусловно, наши построения достаточно схематичны, и при анализе истории каждого конкретного аристократического клана, находившегося у власти, вполне могут быть выявлены некие особенности. Однако это – предмет комплексного исследования с привлечением специалистов в области дипломатики, археографии, эпиграфики, просопографии, статистики и других специальных дисциплин.

Список использованных источников и литературы

1. Гайворонский О. Повелители двух материков. – Т.1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев; Бахчисарай: Оранта, 2007.
2. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
3. История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Клановая структура Улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. – Казань: Фэн, 2007. – С.108–143.
5. Йазди, Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. – Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2008.
6. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамака-царя» // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М.: Восточная литература, 2009. – С.273–283.
7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001.
9. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. / Пер., коммент. В.П. Юдина. – Алма-Ата: Гылым, 1992.
10. [Храпачевский Р.П.] Золотая Орда в источниках. – Т. III: Китайские и монгольские источники. – М., 2009.

СЕКЦИЯ 2. «Генеалогия и этнические связи татарских дворянских родов»

Д.М. Исхаков

Об исторических стратах генеалогии «Арских князей»

Под «Арскими князьями» мы понимаем группу татарской знати из Казанского ханства, после похода 1489 г. войск Ивана III на Вятскую землю оказавшейся на северной окраине Арской даруги ханства в зависимости от Московского великого княжества. Другая их часть продолжала находиться в Казанском ханстве, контролируя политический центр Арской даруги крепость Арск [16, с.233–238]. Нами уже высказывалось мнение о том, что «Арские князья», будучи структурным элементом правящей элиты Казанского ханства – так называемых «Казанских князей», являлись карача-беями из клана Кыпчак [12, с.95–107; 13, с.95–98; 14, с.14–15, 31–42; 15, с.330–339].

Генеалогии «Арских князей» изучаются уже длительное время и они известны в ряде списков [детальнее см.: 19, с.181–187; 3, с.43, 48–49; 22, с.12–25; 4, с.30–38; 10, с.60–67; 24, с.175–179; 14; 15; 21, с.239–253]. Однако, до сих пор нет их сводного списка, что объясняется источниковедческими трудностями, в частности тем, что некоторые из звеньев родословной «Арских князей» не удается надежно «вписать» в общую генеалогическую цепочку, начинающуюся с Кара бека [14, с.35–36]. Недавняя попытка удмуртского историка В.С.Чуракова по интеграции этих звеньев в генеалогическую цепочку «Арских князей» построена на ряде допущений [21, с.241–242]. До этого автора подобную попытку сделал краевед Г.Г.Касимов, искусственно «склеивший» два звена генеалогии «князей». Результат его внеисточникового генеалогического изыскания нашел отражение в одной публикации популярного характера (см.: 23, с.95–102)], поэтому не может считаться успешной.

Тем не менее, в целом рассматриваемая генеалогия может быть в главных моментах восстановлена, хотя не все известные имена из документов, связанных с «Арскими князьями», туда попадут. Итог такой реконструкции выглядит следующим образом (см. приложение). Однако вначале две генеалогические линии не удалось связать с Кара беком (см. приложение, звенья 3.4.1 и 3.4.2). Но не исключено, что отец Девлетьяра «Магмет-Казый» жалованных грамот 1510, 1520 гг. и Газы-би Мансуров жалованной грамоты 1505 г. являются одним и тем же лицом. Если это так, то данная генеалогическая ветвь будет иметь такой вид (см. приложение, 3.4.3). В этом случае можно было бы допустить, что «Ализян» (Галижан) – это Гали (Галижан) бек – второй сын Кара бека. В принципе такое решение возможно и оно приводит к более обоснованному выводу, чем у В.С.Чуракова. Но, как видно из полученной генеалогии, некоторые проблемы при этом все же сохраняются (скажем, в жалованных грамотах первой половины XVI в. при таком решении будут фигурировать за одну и ту же дату дед и внук). Поэтому данная попытка создания сводной генеалогии «Арских князей» все еще остается в некоторой степени уязвимой.

Теперь обратимся к более детальному анализу генеалогии «Арских князей». Начнем с ее древнейшей части, названной нами «кыпчакско-йемекским» этапом. Причина такого ее наименования была рассмотрена в более ранних наших работах [14; 15]. Некоторые новые данные на этот счет еще будут приведены ниже.

При рассмотрении же древнейшего звена генеалогии хотелось бы остановиться на ее самом начале, связанном с «Сократ хэкимом» (по другой версии его имя звучало как «Сенкорат») [22, с.12–16].

В одном из вариантов родословной Кара бека сказано, что он – «из рода великого Сократ хэкима». Далее пояснено, что «Сократ хэким раньше пребывал совместно (мәңү сувы эстәгәндә) с шахом Искандером». Тем не менее, в этой версии генеалогии «великим предком» (олуг бабамыз) «Арских князей» признан не Сократ (Сенкорат), а Гыйффэт султан [22, с.12]. Далее в этой же

генеалогии насчет «Бачтан султана» сказано, что он прибыл на Яик и устье Сакмары из «Румского вилайета».

В другой версии генеалогии Кара бека начальное звено определено как «Сенкорат, бывший из Тюрка (Төрктән) и державший в русском юрте родину» [22, с.16]. В данном варианте Сенкорат является отцом «Пачман султана».

Наконец, в третьей версии шежере Кара бека, имеющей обширную, крайне запутанную начальную часть, есть пассаж, имеющий отношение к основателю Османской династии Осману и его сородичам, чьи предки, согласно генеалогии, прибыли в «страну Рум» из «Сельджука и Туркестана». Похоже, что один из них находился в Эрзеруме. После перечисления ряда имен, в рассматриваемой генеалогии вслед за именем Байбик хана появляется имя Пачман хана со следующим примечанием: «Пачман хан жил в устье Сакмары, прибыв из города Эрзерума» [22, с.21–22].

Как видим, в генеалогии Кара бека упорно проводятся две версии: а) о родстве представленных в этой родословной лиц с Сократ хэкимом, сопровождавшим Искандера шаха, т.е. Александра Македонского; б) о приходе предка Кара бека Бачман султана из «Румского вилайета» или «города Эрзерума». Заметим, что в одной из версий рассматриваемой генеалогии Сенкорат (Сократ), выступающий отцом Бачман султана, объявляется выходцем из «Тюрка» (Төрктән). Из-за того, что в определенный период «Рум» и «[страна] Тюрк» слились, фактически в этой версии генеалогии «Арских князей» речь идет о том же самом «Румском вилайете».

Но в том варианте предания о «ногайском хане» по имени «Басман», которое было записано П.И. Рычковым у башкирского старшины Кадряса, в свою очередь опиравшегося на некую «татарскую историю», приход этого хана к Яику и устью Сакмары произошел из «Малой Татарии», находившейся «близ Крыма» [22, с.18–19].

Таким образом, в генеалогических преданиях в целом речь идет о западном направлении первоначального района проживания Бачмана и его группы. Именно это явно противоречит историческим данным о предводителе кыпчаков Бачмане.

Далее, с одной стороны, фигуры Сократ хэкима и Искандера шаха, очевидно, мифологичны и генеалогические предания повторяют тот же сюжет, что и в других «Тарихах», характерных для Волго-Уральского региона. Например, в «Таварих наме-и Булгари» Т. Ялчыгула Сократ хэким рождается в Самарканде, затем идет в «вилайет Юнан», а оттуда – к Искандеру-руми, сопровождая его в качестве советника; в дальнейшем они оказываются в «городе Болгарах», где у Сократа рождается сын, который там становится шахом [8, с.180–181]. В другой генеалогии – башкиру (клана кыпчак) в начале родословной стоит имя «тысячелетнего» философа Локмана хэкима [5, с.94–95, 116–117, 203, 207], сподвижника Яфеса. Все эти данные говорят о проникновении в указанные генеалогии книжных учений, связанных с исламом.

Однако при более тщательном анализе, у этого совершенно мифологического сюжета обнаруживается уникальное историческое основание.

Дело в том, что у тех кыпчаков, которые обитали на северных границах Государства хорезмшахов (в их число входило и объединение илбари во главе с Бачманом), к началу вторжения монголов имелись теснейшие родственные связи с семьей хорезмшахов (в частности, мать последнего хорезмшаха Мухаммеда Теркен хатун происходила от кимаков) [18, с.204]. Кроме того, известно, что хорезмшах Мухаммед после сражения на берегу Таласа с каракитаями принял титул «второго Искандера» [2, с.209–216]. В плане обсуждения этого вопроса показательны также, что в одну из версий родословных Кара бека неожиданно вторгается линия основателя османской династии Османа, который, как известно, был из племени кай, являвшейся частью кимаков [2, с.219], т.е. бывшего из того же этнического круга, что и предки Бачман султана. Не случайно Эвлия Челеби называл Османа правителем татарского происхождения – именно у кимаков, как известно, правящая элита была из татар [2, с.218–219]. В целом составители родословной, скорее всего, приход Бачмана в Поволжье из западных регионов («Рума», «Эрзерума», «Тюрка») вывели из трактовки вышеприведенных сюжетов. На самом деле кимаки и после монгольского завоевания оставались на своих землях. Хотя не исключено, что западный «след» в рассматриваемой генеалогии мог появиться после прихода к власти в Улусе Джучи хана Тохтамышша, среди личных илей которого был и клан Кыпчак.

Наконец, далеко не случаен и титул «хан» у Бачмана в некоторых версиях его родословной. В частности, С.М. Ахинжанов приводит данные о том, что один из индийских султанов, бежавший в первой половине XIII века в ходе монгольских рейдов и именованный «Улуг ханом Аджамом», был из кыпчаков и носил титул «хан илбари и шах йемеков». Его отец имел титул «хана илбари»,

а дед являлся потомком Абар (Табар) хана Ильбари, ханствовавшим над 10 тыс. семейств [2, с.202]. Поэтому, вовсе не удивительно присутствие у пяти предков Бачмана титула «султан», причем по меньшей мере двое из них имели уже мусульманские имена (Габделгазиз, Габдерахман).

Ясно, что в лице представителей этой древнейшей части генеалогии «Арских князей» мы имеем дело с домонгольскими кыпчаками, в дальнейшем сыгравшими важнейшую роль в формировании средневековых (золотоордынских) татар. Показательно функционирование среди них этнонима «татар».

Сейчас обратимся к золотоордынской части генеалогии Кара бека. Конечно, по своим звеньям эта часть генеалогии слегка коротковата (на период с 1236 г. по конец XIV века приходится всего 4 или 5 поколений). Но если отсчет начать с Бачман султана, в принципе, звеньев достаточно. Важно то, что этот этап родословной может быть перепроверен на основе дополнительных данных. Естественно было бы начать его рассмотрение с фигуры Бачман султана (хана), но такая работа нами была уже проведена ранее [14; 15]. Поэтому, далее хотелось бы сосредоточиться на остальных звеньях золотоордынского этапа рассматриваемой генеалогии.

Балын (Балым) бек нами был отождествлен с «Балым гозей» (Мәлүм хужа), похороненном на Балынгузском городище (недалеко от Билярского городища), где была его «каменная палатка», т.е. мавзолей. На самом деле это городище именовалось «Балымерским городом» [14, с.36–37], т.е. в его названии воспроизводилось наименование другого городища, расположенного в районе Болгарского городища (оно известно как «Балымерское городище») [20, с.124–125]. Похоже, что в обоих случаях в топониме «Балымер» (Буламер) отражено имя Балын бека (кстати, окончание «ер» может трактоваться не только как «ор-ыр» – крепость, как нами было предложено ранее [14, с.37–40], но и как «ир» – муж, воин), высокий статус которого отражен и в топониме «Хужалар тавы» («Гора хозяев» или «Гора хаджей» – так называется возвышенность, где находится могила «Балым ходжи / хози»). Вряд ли случайно появление около 1367/68 г. у Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича после его успешного похода на Булгарский вилайет титула [князя] «Болгарского и Болымецкого», во второй своей части явно образованного от наименования «Балынгуз» (Балымуз → Балымес). Этот факт на самом деле свидетельствует о значимости в Булгарском вилайете в XIV века тех групп, которые были связаны с «бисурманским городом Балымером».

Имя сына Балын бека Калдар бека фигурирует в «Дефтере Чынгыз-намэ» (конец XVII в.) среди имен клановых вождей Чингиз-хана [9, с.20]. Хотя его клановая принадлежность не обозначена, более того, в списке вождей Чингиз-хана присутствует «Кыбчак би», на самом деле Калдар бек выступает как полноценный предводитель отдельного кланового образования, имевшего свои племенные атрибуты (дерево – сандал; птица – голубь, уран Арна; тамга – ковш; панцирь – «Чэка тургай») [9, с.20–21]. Имея в виду, что кыпчаки делились на несколько ветвей, Калдар бек, бывший, скорее всего, предводителем кимаков (йемеков), в данном списке мог фигурировать вне связи с другой ветвью кыпчаков, обозначенных через эпоним «Кыбчак би».

Следующее звено генеалогии, представленное именами Канбар (Ханбар) бека и Кукчэ тархана, нашло отражение в топонимах и гидрониме. Как отметил М.И.Ахметзянов, Ханбар бек мог жить в районе р. Камбарки [22, с.26] (от него название пос. Камбарка) в южной Удмуртии. Учитывая географическую локализацию владений потомков Бачмана (устье р. Сакмары, обе стороны р. Ика, бассейн р. Зая), такое объяснение представляется приемлемым. Со своей стороны заметим, что в Тюлячинском районе Республики Татарстан есть татарская деревня *Кукчэ*, чье название точно совпадает с именем Кукчэ тархана, брата Ханбар бека. Из этих данных можно заключить, что со второй половины XIV века, не исключено, после походов Тимура против Золотой Орды и Булгарского вилайета конца XIV века, кыпчакские группы, точнее, золотоордынские группы кыпчакского происхождения, продвинулись далеко вглубь Предкамья. Поэтому начало формирования княжества клана Кыпчак во главе с Кара беком возможно следует датировать временем поколения его отца – Канбар бека. Кстати, имя брата Кара бека – Нар бека тоже обращает на себя внимания в связи с тем, что среди казанских татар известны представители фамилии Нарбековых. Но этот вопрос нуждается еще в дополнительном изучении.

Кара бек является звеном, переходным от золотоордынского этапа к казанско-ханскому (татарскому) этапу. Эта часть генеалогии, начинающаяся с имени Кара бека, может быть введена в более точные исторические рамки на основе сохранившихся эпиграфических и актовых материалов. Кроме того, есть высказывание одного из потомков Кара бека (через линию Мурсеита и Деняша) о том, что у них было родословное, которое велось с 867 года (1462–1463 г.), где наверху стояло имя Мирсеита [25, с.76]. В таком случае эта дата является временем рождения

Мирсеита (Мурсеита) или датой начала его родословной. В итоге, используя эти и другие данные [14, с.33–34], мы пришли к выводу, что сам Кара бек мог жить в конце XIV – начале XV века (не позже 1420-х гг.). Кроме того, сохранилось надгробие Сейтяк-бека, согласно которому он родился в 1493 г., а умер в возрасте 60 лет, т.е. в 1553 г. Его отец, Альсуфый бек, родился поколением раньше, о чем свидетельствует и дата смерти его жены – 1504 г. Таким же образом, в конкретные хронологические рамки (см. приложение) можно ввести и остальных представителей генеалогии «Арских князей», живших уже после Кара бека [14, с.33–34, 36].

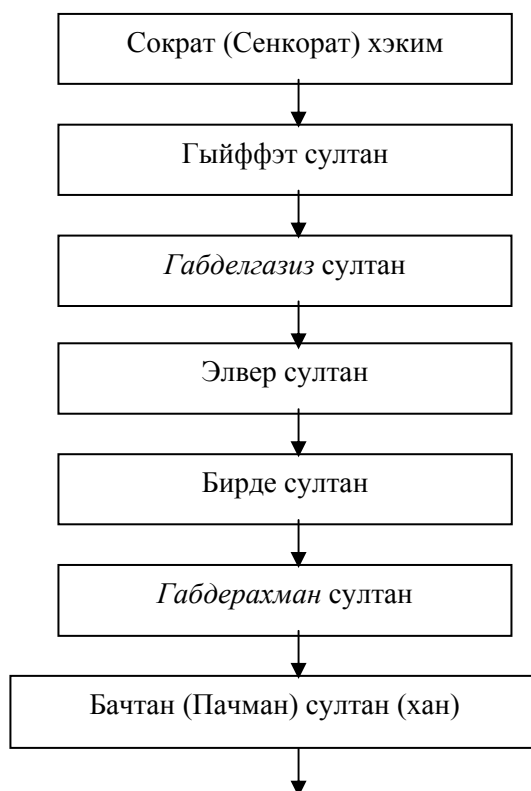
В некоторых вариантах генеалогий «Арских князей» высокий статус Кара бека нашел весьма своеобразное отражение. В частности, в одной из версий их родословных XVIII века «Кара бий» назван «ханом» [6, л.115]. Так же он именуется и в генеалогии, находящейся среди бумаг Р.Фахретдинова [1, л.1]. Внук Кара бека – Алыш бек в родословной назван «баш бик» [1, л.1], т.е. «главный бек», что, скорее всего, соответствует титулу «улу бия», означающего карача-бека.

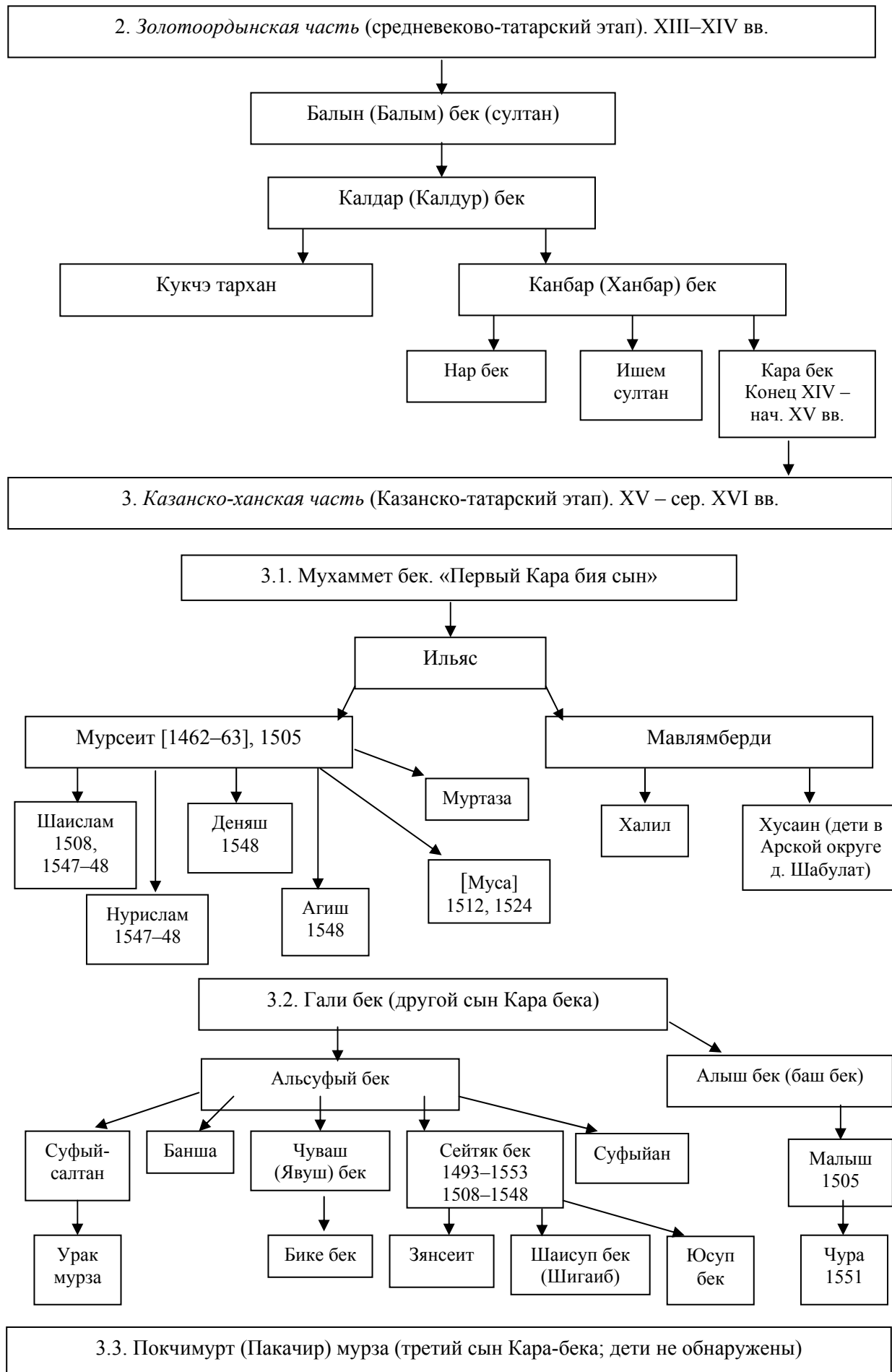
Анализ генеалогий показывает, что титул «бек» среди потомков Кара бека носили не все – один из его сыновей был только мурзой [7]. В дальнейшем титул «бека» сохраняли потомки Гали бека, второго по старшинству сына Кара бека. Такая система передачи титула «бек» от старшей ветви к младшей напоминает переход юрта (княжества) в рамках ханства от одной линии к другой в порядке старшинства. Не исключено, что и после присоединения группы «Арских князей» к Московскому великому княжеству они продолжали участвовать в делах Арской даруги – во всяком случае, в генеалогиях «Арских князей» той ветви, которая находилась в бассейне р. Чепцы (в Карино-Нукрате), есть упоминания об уходе некоторых из них на территорию, относящуюся к Казанскому ханству (см. приложение). Да и участие отдельных «Арских князей», например Явуша, в обороне Казани в 1552 г. [17, с.202], на наш взгляд, свидетельствует о том же.

Приложение

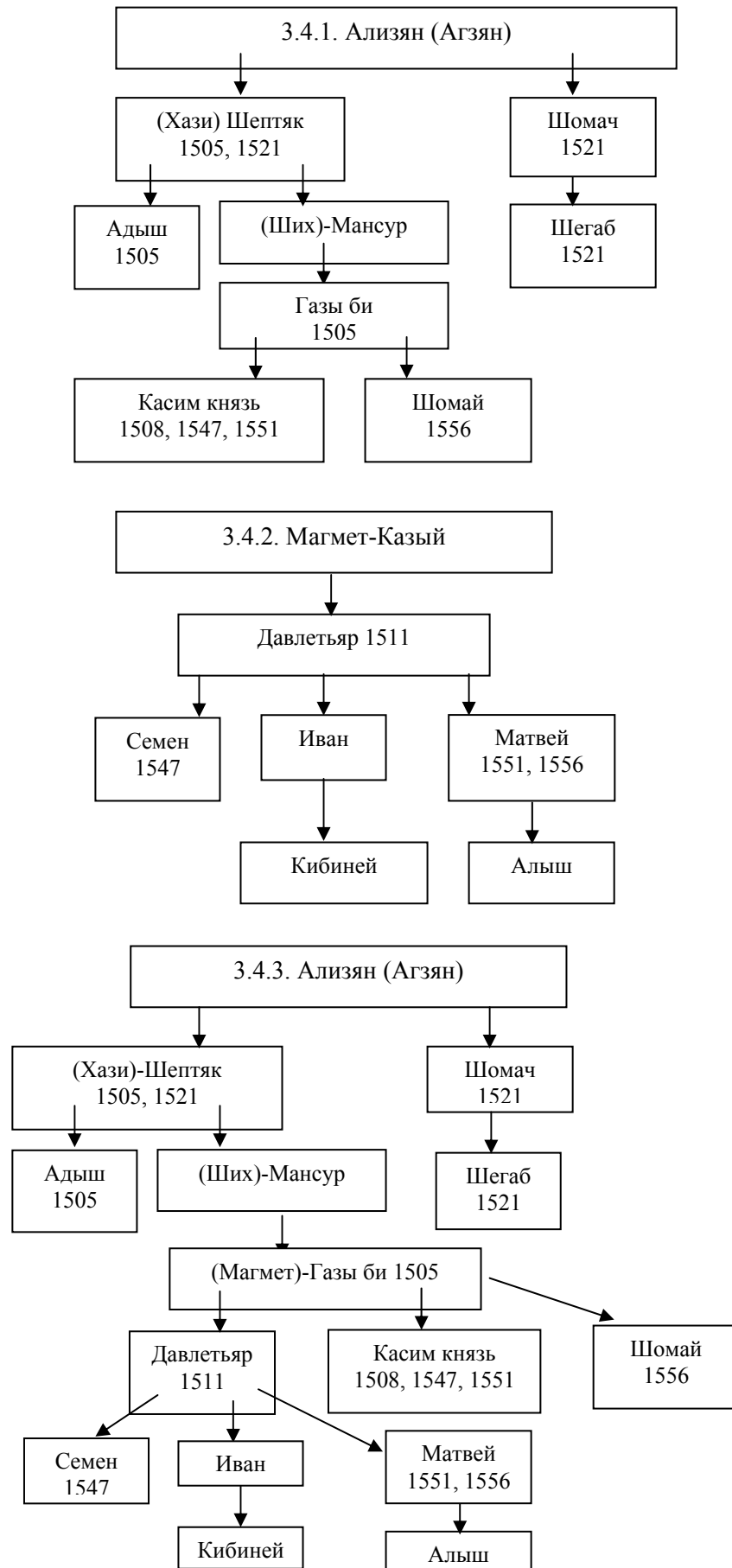
Генеалогия «Арских князей»

1. Древнейшая часть (Кыпчако-йемекский этап). XII – нач. XIII вв.

3.4. Генеалогии, которые напрямую не удалось связать с Кара-беком

Список использованных источников и литературы

1. Архив Санкт-Петербургского отделения Института Востоковедения РАН. Ф.131. Оп.1. Ед.хр.33.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989.
3. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере. (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). – Казань, 1991.
4. Ахметзянов М.И. Нугай Урдасы. Татар халкының тарихи мирасы. – Казан, 2009.
5. Башкирские шежере. – Уфа, 1960.
6. ГАКО. Ф.59. Оп.1. Ед. хр. 289. Т.1.
7. ГАКО. Ф.583. Оп.4. Ед. хр. 344.
8. Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и Булгар» Таджутдина Ялчыгулова. – Уфа, 1998.
9. Дәфтэре Чынгыз-намэ. – Казан, 2000.
10. Исхаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978.
11. Исхаков Д.М. Нократ татарлары // Казан утлары. – 1990. – № 3.
12. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств // Панорама-Форум. – 1995. – № 3.
13. Исхаков Д.М. О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры. I-я региональная научно-практическая конференция «Проблемы истории и культуры Заказанья», 6–7 декабря 1995 г. Тез. докл. – Казань, 1995.
14. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1998.
15. Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002.
16. Исхаков Д.М. К вопросу о средневековой истории татар Вятского края // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
17. ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965.
18. Торланбаева К.У. Катун и соправление (К вопросу о соправлении и его истоках) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы международного круглого стола. – Алматы, 2004.
19. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей». «Дафтар-и Чингиз-наме». «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. – Казань: Изд-во КГУ, 1972.
20. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территорий. – Казань, 1975.
21. Чураков В.С. Историко-генеалогический аспект арской проблемы // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
22. Ахметзянов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). – Казан, 1995.
23. Дәүләтьяров М. Шәжәрәм (Дәүләтьяровлар нәселенә тарихы) // Аргамак. – 1995. – № 10/11.
24. Исхаков Д.М. Нократ татарлары // Казан утлары. – 1990. – № 3.
25. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. – Казан, 1987.

Р.М. Адутов

Дети Удигутов (фрагмент из неопубликованной рукописи). Алтайская гипотеза*

*Наш род – кукушка (кәккүк)
Наш уран – бирух (барадж?)
Наша птица – удод (һөдһөд)
Наше дерево – вирс (чаган)
Наша тамга – хамза.*

По Хубби Хузя Тюмисову (1912 г.) [1]

Окружающие нас леса и реки, животные, растения, люди и города имеют имена. Этимологией (происхождением) своих *антропонимов* (имен людей) и *топонимов* (названий населенных пунктов) интересуются многие. В этом не являемся исключением и мы (Адутовы), проявляя устойчивый интерес к этимологии своей фамилии.

* Мнение ред. коллегии не всегда совпадает с выводами автора.

Основанное в XI веке нашими предками родовое селение Адутовых – селение Елпачиха (Удик) в Бардымском районе Пермского края является, пожалуй, одним из первых тюркских селений в долине реки Тулва, левого притока реки Кама в среднем ее течении [2].

Голова собаки; артефакт из Бардымского р-на.

*Современный азиатский волкодав
(Бишкекский собачий рынок, 2009 г.).*

Историческая память жителей селения говорит, что когда-то наши предки жили далеко на юге: «в местах, где на вершинах высоких гор даже летом лежал снег». Имеющиеся факты косвенно подтверждают это.

Некоторые народы Центральной Азии в своем словаре не имеют звука «Ф»: нет этого звука у киргизов, например, этот звук также отсутствует у жителей многих деревень района;

деревня Тюнд(г)ук в Бардымском районе: функционально – «Тюндюк» – верхний, несущий элемент юрты, традиционного жилища жителей Азии;

в Горном Алтае есть селение Барда, располагающееся на берегу речки Барда, там также существуют и множество других топонимов Барда – Старая Барда, Большая Барда, Малая Барда и др. Один из притоков реки Катунь на Алтае называется река Кажьмакты – на берегах речек Кажьмакты и Барда располагается и село Барда в Пермском крае [2].

Видя очевидную идентичность топонимов, в т.ч. западного Предуралья и Алтая – сошлемся на мнение академика М.Закиева, указывающего, что звук «У» у племен, мигрировавших в регион Урало-Поволжья из Средней и Центральной Азии, всегда превращается в звук «О». И, наоборот, традиция жителей селения Елпачиха – Удик говорит о том, что до появления наших предков на Урале в долине реки Тулва жили удмурты.

В Бардымском районе Пермского края и в наши дни существует селение «Аржан» – душа ара.

Зная, что с «древнего» языка «Адут» переводится как «первый», в современном русско-удмуртском словаре читаем: первый – Одык.

При взаимозамещении же звуков «О» и «У» происходит трансформация «Одык» в «Удик».

Из двух, используемых в настоящее время топонимов селения – Елпачиха (официально) и «Удик» (в просторечии) – нас интересует второй, более ранний.

Ни для кого из Адутовых не секрет факт связи фамилии и наименования села, факт связи антропонима «Адут» и топонима «Удик» [2].

Каким образом, как произошла фонетическая трансформация этого топонима в антропоним «Адут»? И как объяснить трансформацию звука «К» (одык) в звук «Т» (адут)?

Тамга из архива автора.

Означает ли присутствие звука «т» в «Адут» о присутствии в прошлом какого-то существительного, рядом с прилагательным «первый – одык(удик)» в древнем топониме селения [2]?

Это приводит нас к предположению, что древний топоним селения мог состоять не из одной, а из двух частей.

В словаре же удмуртского языка мы находим слово: «Гурт» – деревня. То есть топоним селения мог звучать и как «Одык гурт» – первая деревня. Это, во-первых. Во-вторых, появляется долгожданный звук «Т» (гурт) [2].

Возможно и образование поэлементной аббревиатуры (составленной из начального элемента первого слова и целого второго слова) топонима селения «Одык гурт» – «Одыгурт, которая впоследствии превратилась, с совпадением (через омоним) символа и топонима, в фамилию. В наши дни в названии селения применяется только «Удик» – первая часть древнего топонима «Одык» с пониманием того, что значение топонима (удик – первый) связано с сакральным значением фамилии «Адут».

Представляю изумление наших предков, возможно имеющих птицу «ӨДӨҺӨТ» своим тотемом, вдруг обнаруживших на своем пути Великого переселения на Урал удмуртское селение «ОДЫГУ(Р)Т» – в силу особенностей фонетики пришельцев произносимое как «ӨДӨҺӨТ».

Это и послужило, на наш взгляд, основой согласия наших предков на принятие удмуртского топонима в качестве антропонима, созвучного с именем птицы рода [2].

*Схватка Женщины Змеи и Птицы.
Артефакт из Бардымского р-на.
Фото автора*

ОДЫК ГУРТ – ОДЫГУ(Р)Т =
удмуртский топоним
= ӨДӨ(Һ)ӨТ = Ө(А)Д[ИГ]УТ = АДУТ[ОВ]
символ =антропоним =фамилия

По легенде они, спасая свои жизни от нападения врага, ушли из Алтая по разным направлениям в составе нескольких колонн. Путь «нашей» занял около 4-х месяцев. В долину реки Тулва на Среднем Урале колонна заходила 5–6 дней «в дни, когда все травы цвели», т.е. в середине июля. Если взять «20 км в сутки» за среднюю скорость передвижения, то получаем длину колонны в 100–120 км. Поразившись необычайной красоте окрестностей Бардымского хребта переселенцы приняли решение остаться здесь.

Список использованных источников и литературы

1. О пермских татарах. Сборник статей. Под ред. Р. Ягафарова. – Казань, 2000.
2. Рафаэль Адутов. Дети Удигутов. Неопубликованная рукопись. 2005.
3. Гвоздикова И. Адигут Тимясев, аттестованный народом командир // Ватандаш». – 1997. – № 9.

Р.У. Акчурин

Из истории рода Акчуриных

История рода Акчуриных уходит своими корнями в глубь веков. В 1239 году после незначительного сопротивления небольшое Мордовское княжество, расположенное в бассейне реки Мокша, было включено в состав новообразованного государства империи Чингисидов. Впоследствии в западной части этого государства образовалась Золотая Орда, которая состояла из ряда областей – улусов, во главе которых стояли представители «золотого» рода – Чингисиды и их ближайшие родственники. Земли по реке Мокша вошли в улус с одноименным названием – улус Мокша. Мордовская земля в то время считалась богатой. Богатство ее заключалось в бортевых угодьях, бобровых гонах, в обилии благородной пушнины. Мед и пушнина являлись самым дорогими и ходовыми товарами международной торговли того времени.

Если в русских княжествах всю процедуру сбора ясака, дани и выходов оказалось возможным возложить на сильную и оформившуюся власть русских князей, то в мордовских землях приходилось полагаться на своих беков и мурз, раздав при этом в личное владение населенные земли, которые назывались «беляками». Золотоордынские ханы были заинтересованы в притоке в эти края представителей знатных татарских родов. Те, в свою очередь, взимали дань-ясака с беляков, т.е. мордовского населения, живущего на принадлежавшей данному беку или мурзе территории. Ясак взимали по существующей в Золотой Орде порядку, который обеспечивал богатство Золотой Орды и самого бека или мурзы. Золотоордынская администрация для управления мордвой находилась в городе Укеке (близ современного г. Саратова).

В конце XIII столетия Золотую Орду раздирали междоусобицы. Темник Ногай, выйдя из подчинения хана Тохты, начал против него войну, и многие феодалы бежали на окраины государства. В 1298 году золотоордынский князь Саид-Ахмед, выходец из Сарая (столицы), на основании ярлыка хана Тохты установил свою юрту в среднем течении реки Мокша, в районе будущих городов Темникова, Кадома, Краснослободска для сбора ясака с мордвы. Саид-Ахмед создал свой «беляк», свое феодальное владение. Потомок князя Саид-Ахмеда князь Бихан был владельцем крепости Сарыклыч, которая находилась в устье рек Саровки и Сатика и была укреплена с Запада земляным валом, так что со всех сторон была защищена преградами. На соседних землях располагались и другие подчиненные князю Бихану городки, где сидели его родственники. Находилась крепость на расстоянии 60 км от г. Темникова.

Начиная с 1298 года, все потомки Саид-Ахмета, считаясь природными татарскими князьями, носили княжеский титул. Впоследствии различные ветви этого рода принимают свои фамилии. В России фамилии оформляются в XVI веке, поэтому, как считают генеалоги, на одно поколение приходится 25–30 лет. С установления власти Саид-Ахмета на Мордовской земле до конца XVI века, т.е. до образования фамилии, прошло 300 лет. Значит, сменилось 10–12 поколений его рода, который был весьма многочисленным, и каждое его ответвление принимало свою фамилию (по отчеству или дедичеству), сохраняя при этом княжеский титул.

В то время шел бурный процесс колонизации татарами Мордовского края, поэтому назрела необходимость переноса улусного центра ближе к вновь осваиваемым землям. Так, создается город Наровчат, по-татарски Мокша. Он превращается в крупный политический и культурный центр на северной окраине Золотой Орды. В 1312 году хан Тохта скончался, и новый хан Узбек перенес монетный двор из г. Укека в г. Наровчат. Здесь началась чеканка золотоордынских монет. Именно в это время наблюдается заселение татарами мест по бассейнам рек Мокша и Цны. Город Мокша (Наровчат) постепенно превращается в благоустроенный город с большими каменными сооружениями, здесь строится каменная соборная мечеть. При раскопках в настоящее время обнаружены остатки больших каменных сооружений из квадратного татарского кирпича, канализации и других благоустройств.

Хан Узбек Султан Мухаммед (1312–1342 гг.) правил 30 лет и известен в истории тем, что при нем в 1312 году ислам стал государственной религией в Золотой Орде. В то же время Узбек хан раздавал привилегии и православной религии: по грамоте данной в 1313 году в Орде митрополиту Киевскому и всея Руси Петру, говорилось: «Узбеково слово ко всем князьям великим, средним и нижним, воеводам, книжникам, баскакам, писцам... во всех улусах и странах, где Бога бессмертного силою наша власть держит и слово наше владеет. Да никто не обидит в Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритов, игуменов и прочь. Их грады, волости,

села, земли, ловли, борти, луга, леса, винограды, сады, мельницы, хутора свободны от всякой дани и пошлины: ибо сии люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют. Да будут они подсудны единому митрополиту, согласно с древним законом их и грамотами прежних царей ордынских... Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое. Кто дерзнет порицать веру русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, да умрет!...». И, в память о нем, по сегодняшнему дню татары часто называют своих детей Узбеками (Үз бәк – по-татарски означает Сам князь).

На территории Мордовии появляются новые города, основанные татарами. В 1361 году татарами был основан город Темников. Местные татары по сей день этот город называют Тәмән кала (Тюмень-кала), где слово «кала» означает крепость (в отличие от других городов, которые они называют «шахар»), т.е. Темников для основавших его татар служил крепостью.

Город Темников, являющийся одним из старейших городов Поволжья, был основан одновременно с городами Тюмень в Сибири и Тюменью на Северном Кавказе, возникшими на местах ставок темников-военачальников над десятитысячным войском. Город Темников и его уезд, как видно из документов, являлся беяком потомков Саид-Ахмета и Бихана. Территорией этой владели их потомки. Это еще раз подтверждает, что все князья, выходцы из этой территории – потомки князя Саид-Ахмета.

В фондах Саровского монастыря, ныне хранящиеся в центральном государственном архиве Мордовии, имеются родословные татарских князей Седиахметовых, Акчуриных, Кугушевых, Тенишевых Еникеевых, Енгальчевых, Кудашевых и других, составленные на основе более старинных родословных в начале XVIII века. Родоначальником татарских князей назван князь Бихан из Золотой Орды, о нем говорится буквально следующее: «При Великом Князе Дмитрие Ивановиче и его сыне Василии Дмитриевиче был из Золотой Орды князь Бихан, а житие имел на устье меж рек Сарово и Сатика, которые по запустошению его от мору и от рати рязанской на том старом городище, а ныне на том месте построена Саровская пустынь, а в то время оный князь Бихан по власти Золотой Орды владел многими... городами и другими жилищами татарскими и мордовскими». Далее перечисляются потомки в таком порядке: «Князь Бихан роди князя Ханубека, Ханубек роди князя Худай-бердия, Худай-берды роди князя Касима, Кутая, Мурата, князь Кутай роди Седиахмета, Седиахмет роди князя Акчуру». Сыновьям и внукам князя Акчуры Кудашу, Булату, Буляшу, Кулаю приписываются основание современных сел Темниковского района: Адаево, Итяково, Аксела, Шавцы, Ченышева, Дашкина, Митралы.

Потомство князя Саид-Ахмета вместе с татарами, входящими в темниковскую группу, в результате ослабления Золотой Орды потеряло свою независимость, но сохранила за собой свои земли и право взимать ясак с местной мордвы. С этого времени собственно история темниковских татар связана с историей русских княжеств.

После поражения темника Мамай в Куликовской битве, его бегства в Крым и гибели там, на золотоордынский престол с помощью самаркандского правителя Тимура взойшел Чингисид из Белой Орды – хан Тохтамыш. Ему удалось восстановить ханскую власть в Орде, господство Золотой Орды над Русью, в том числе над мордовскими землями. В 1382 году он совершил поход на Русь, взял и сжег Москву. Великий князь Московский Дмитрий Донской вынужден был обязать выплатить все недоимки по невыплаченной дани за прошлые годы. Установив и укрепив свою власть, Тохтамыш возмнил себя сильнейшим из всех правителей Востока и вступил в противостояние со своим прежним союзником и покровителем эмиром Тимуром. Тимур, мурза из татарского рода Барлас, собрал под своей властью все военные силы Средней Азии и напал на Золотую Орду. В 1395 году эмир Тимур как ураган ворвался в ее пределы, нанес полное поражение войскам Тохтамыша, прошел по территории Золотой Орды, разрушая города, сметая и уничтожая все на своем пути. Дошел он до самых окраин государства, в том числе до г. Наровчата, разрушил его, сравнив с землей. В результате с 1395 года улусный центр по управлению мордвой переносится в г. Темников. Таким образом, этот город становится одним из важнейших административных центров Золотой Орды. В этот период границей между Золотой Ордой и русскими княжествами служила река Ворона (Карга).

В период подготовки к решительной войне с Тимуром хан Тохтамыш, нуждаясь в денежных средствах, решил продать мордовские земли Московскому князю. Дмитрий Донской приобретает Мордовскую область – Мещеру. При вступлении на великокняжеский престол сына Дмитрия Донского – Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), покупка утверждается официально ханом Тохтамышем, и эта область окончательно закрепляется за Москвой. В русской летописи это описано следующим образом: «Иде князь Василий Дмитриевич в Орду к царю и дал ему царь Мещеру».

Таким образом, Темниковское княжество официально вошло в состав Русского государства вместе местными князьями и мурзами, которые однако остались там у власти, сохранили свои беляки и пошлыны с мордовского населения и все другие привелегии. Русские князья были заинтересованы привлекать к себе на службу царевичей (Чингисидов) и татарских князей и мурз, попавших в немилость в Золотой Орде. Здесь их принимали с большим почетом, они приобретали поместья, им отдавали в «кормление» большие города. Особенных успехов в проведении этой политики добился Великий Князь Московский Иван III. Он привлекал татарских царевичей, отдав им в кормление ряд русских городов: Серпухов, Звенигород, Каширу, Юрьев, Сураж. В годы правления его отца Василия Темного на территории Московского государства появляется новое государственное образование – Касимовское ханство.

При Иване III (1440–1505 гг.) военную силу Касимовского ханства составляли мурзы и служилые татары. Военные отряды касимовских ханов, верно служа русским монархам, участвовали во всех войнах, которые вела Россия. Моральные и материальные условия татарских беков и мурз были весьма привлекательными, их обязанностью была военная служба, многие во время военных походов занимали командные посты. В течение нескольких веков войска Золотой Орды в постоянных войнах одерживали победы, стратегические и тактические военные достижения татар были очень высокими, в Восточной Европе и Азии татары были признаны самыми опытными военачальниками. Поэтому Россия допетровских времен была так заинтересована в привлечении татарских царевичей, князей, мурз и служилых татар к себе на службу. Это происходило, видимо, по следующей причине: русские князья успешно боролись со своими противниками на Западе, однако, не имея специально подготовленного войска, не могли противостоять степной тактике Золотой Орды, унаследованной крымскими и ногайскими татарами.

10 мая 1509 года был подписан царский Указ о пожаловании князя Адашева сына Акчуры княжением на мордве: «Василий, Божию милостию Государь Всея Руссии и Великий Князь Володимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверский, Югорский, Пермский, Болгарский и иных. Пожаловал есми князь Адашева сына Акчуру княжением на мордве на Коняльской со всем, потому же как было то княжение за отцом его за князем за Адашем и за дядею за его князем за Седиахметом и вы сотник, да все земские люди черные, тое мордвы коняльские, чтите его и слушайте во всем, а он вас и судит и блюдет и пошлыну емлет у вас по тому же, как, вас ведал в суде и в пошлинах наперед того отец его князь Адаш и дядя его князь Седиахмет. Писана на Москве 7017 (1509) мая 10 дня».

Потомок князя Бихана в шестом колене князь Аккура Адашев сын – родоначальник князей Акчуриных – был пожалован грамотой царя Василия Ивановича от 10 мая 1509 года княжением над мордвой Коняльской, которое княжение прежде было за отцом его князем Адашем и за дядей его Седиахметом.

У правнуков Акчуры прозвание через отчество и дедичество их деда и отца становится родовым, т.е. фамилией.

Акчурины, как правило, служили по городу Темникову (Тумен (Төмән) – десять тысяч воинов).

Мурзы не только обороняли свой край, но и участвовали во всех внешних войнах, которые вела Россия. В то время Иван Грозный вел так называемую Ливонскую войну. Как видно из документов, в 1534 году темниковские татары во главе с Тенишем князь Кугушевым (потомок Акчуры) участвовали в походе на Великое княжество Литовское. Времена правления Ивана Грозного были очень сложными и неоднозначными. В послании к архимандриту и монахам Кирилло-Белозерского монастыря Иван IV называл себя «смердящим псом и нечистивым и скверным душегубом, живущим в пьянстве, блуде, убийстве, разбое, в ненависти, во всяком злодействе» и он ничуть не преувеличивал и не сгущал красок, характеризуя себя таким образом. В другой записке, незадолго до смерти, он писал: «Пес я смердящий, и нет мне прощения ни от Бога, ни от людей».

Не всеми историками до сих пор осмыслен тот факт, что основные приобретения новых земель, особенно в Сибири, произошло мирным путем во время царствования Бориса Годунова.

Во времена смуты, после смерти царя Бориса Годунова, татары являясь «иногородцами», могли выступить против российской государственности. Однако этого не случилось, несмотря на то, что некоторые князья и мурзы были на стороне антиправительственных сил. Основная масса татар, в том числе темниковские, выступили на стороне правительства, поддержало народное ополчение, возглавляемое Мининым и князем Пожарским. В составе войска, шедшего на помощь Москве князьям Пожарскому и Черкасскому присоединилось войско темниковцев в количестве 530 человек.

В дозорной книге Ивана Усова за 1614 год написано, что в Темниковском уезде в 1597 году было 443 поместья татарских мурз.

В декабре 1617 года для отражения наступления польского королевича Владислава создается войско под началом князя Бориса Лыкова. Оно двинулось к Можайску, чтобы преградить путь королевичу. В этом отряде темниковских татар было 228 человек, а в другом войске под командованием Оксентия Бориса, которое двигалось к Волокаламску, их насчитывалось 197 человек.

Благодаря тому, что темниковским мурзам удавалось оборонять свой край и создавать безопасные условия жизни, в эти места из центральной России продолжало прибывать новое население, которое начало селиться уже за пределами оборонительной черты. Начали строиться, укрепляться города Тамбов и Пенза.

Свою верность многие служилые татары доказали и во время «смутного» времени, поддерживав новую династию Романовых. В 1613 году представители знатных татарских родов участвовали в избрании Романовых на царство. В документах, закрепляющих избрание, стоят подписи семи татарских князей. Несмотря на это, в 1628 году новый царь Михаил Федорович Романов нанес служилым татарам-помещикам сокрушительный удар. Своим указом царь запретил мусульманам владеть крепостными христианами. Указ этот был принят под давлением православной церкви (возмущавшейся тем, что «язычники» владеют «крещеными душами») и нанес сильнейший удар татарской аристократии. С этого времени начинается массовая конфискация поместий и крепостных у князей и мурз, не принявших крещение. Не все знают, что патриарх Никон, инициировавший данный Указ, происходил из беднейших мордовских крестьян. Сохраняя мусульманскую веру, веру своих отцов, служилые мурзы теряют основную рабочую силу-русских крепостных крестьян. Для сохранения своих владений и богатств мурзам оставался только один выход – принять православие. А русскому правительству это давало возможность, оторвав от татарского народа его высшее сословие, ассимилировать его в русской среде, лишит татарский народ его ядра, авторитетного дворянского сословия, естественного руководителя народа, основной интеллектуальной и моральной силы, способной вести за собой нацию. При этом, очевидно, русский царь и его бояре руководствовались не только религиозными соображениями (хотя крещение в православие они требовали и от выходцев из Западной Европы, желавших остаться в России и получить поместья). Православие (традиционная для России религия) являлось идеологической опорой царской власти. Но правительство явно преувеличивало его роль в укреплении единства державы (в сущности все восстания XVII–XVIII веков поднимало против православного царя и православных помещиков преимущественно православное же крестьянство, тогда как служивые люди-мусульмане да и другие «иноверцы» верно служили русским государям).

С давних времен среди дворянства России существовало много семей, ведущих свою родословную от татар, выехавших на русскую службу. Татарские корни имеют русские цари, великие князья, к выходцам из Золотой Орды возводили свой род многие боярские и дворянские роды, деятели литературы, искусства, воеводы, прославленные полководцы. Можно назвать хотя бы такие древние, знатные и богатые аристократические роды татарского происхождения как князья Юсуповы, Урусовы, Мещерские, Ширинские-Шихматовы. Татарские роды дали России трех царей Симеона Бекбулатовича, Бориса и Федора Годуновых, Великих княгинь и цариц: Соломонию Сабурову-первую жену Василия III, княжну Елену Глинскую – его вторую жену, мать Ивана Грозного, Ирину Годунову – жену царя Федора Иоанновича; к знатному татарину, выехавшему в Россию из Крыма, возводила свой род жена царя Алексея Михайловича Наталья Нарышкина – мать Петра I.

А сколько известных людей, происходя из татарских родов по женской линии, с гордостью вспоминали своих татарских или же ордынских предков. Примером может служить выдающийся русский писатель А.И.Куприн (его мать Любовь Аркадьевна, урожденная княжна Кулунчакова, происходившая из старинного татарского рода, составляющего одну из ветвей князей Еникеевых, с XVII века уже православную). Из православной ветви рода князей Кудашевых происходила и мать известнейшего русского философа Н.А.Бердяева – княжна Александра Сергеевна Кудашева.

Но правительство выступало не против татарского дворянства как такового. Причины, вызвавшие к жизни указ 1629 года и другие подобные указы, изданные позже, были не национальными, а религиозными. Крещенные татарские феодалы занимали место на вершине тогдашней феодальной иерархии, рождались с высшей боярской аристократией. О крещенных татарских царевичах при русском дворе подъячий г. Котошихин писал: «Честью они бояр выше». Великий Князь Василий Иванович выдал свою сестру замуж за крещеного татарского царевича Петра. И

правительство надеялось угрозой конфискации поместий подтолкнуть служилых татар к крещению, добиться их ассимиляции в русском дворянстве.

После издания указа 1628 года темниковские мурзы категорически отказались креститься. Правительство не могло оставить край без защиты, тем более через г. Темников шли дороги в Сибирь, на восток, в г. Астрахань, поэтому закон о конфискации поместий у некрещеных мурз по отношению к темниковским мурзам вынуждено было не применять.

В 1629 году по царскому указу служилым татарам было приказано собираться для действий против крымской Орды, в этом войске было 389 темниковски князей и мурз из 1228 человек.

Список роты (1686 г.) в которой служили Акчурины:

1. Субай мурза Умряков сын князь Акчурин.
2. Юсей мурза Умряков сын князь Акчурин.
3. Сюнбай мурза Калмашев сын князь Акчурин.
4. Асан мурза Албеев сын князь Акчурин.
5. Ханей мурза Тимралеев сын князь Акчурин.
6. Шабан мурза Малюдеев сын князь Акчурин.
7. Алей мурза Малметов сын князь Акчурин.
8. Асей мурза Назаев сын князь Акчурин.
9. Тимай мурза Мерзашев сын князь Акчурин.
10. Икгамалей мурза Муртазин сын князь Акчурин.
11. Мустай мурза Смолянов сын князь Акчурин.
12. Будалей мурза Мальметов сын князь Акчурин.
13. Бабир мурза Смолянов сын князь Акчурин.
14. Асан мурза Калмашев сын князь Акчурин.
15. Сафар мурза Калмашев сын князь Акчурин.
16. Ильмай мурза Алев сын князь Акчурин.

Ротмистр Умряк мурза Дасаев сын князь Утяшев.

В этой же роте служили князья Муратовы, Еникеевы, Ижебердиевы, Шихмаметовы, мурзы Тугушевы, Камагиновы, Акмакновы, Аскаевы, Байсеитовы.

13 ноября 1713 г. последовал указ Петра I, в котором служилым татарам предписывалось немедленно креститься под угрозой утраты всех владений:

«Великий Государь указал в Казанской (Мещера тогда входила в состав Казанской губернии – Р.А.) и Азовской губернии бусурманам магометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины, и в тех поместьях и вотчинах за ними крестьяне, дворные и деловые люди православной христианской веры, сказать свой, Великого Государя, указ, чтобы они, бусурмане, крестились конечно в полгода, а как воспримут святое крещение и теми поместьями и вотчинами, и людьми, и крестьянами владеть по-прежнему, а если в полгода не крестятся, то те их владения и вотчины с людьми и крестьянами взять и отписать на него, Великого Государя, и без указа никому не отдавать» (ПСЗ Российской империи. – Собр. 1-е. – Т.5. – № 734).

В 1681 и 1713 годы поместья сохранивших магометанство Акчуриных были отписаны на государя, а сами они положены в подушный оклад по Краснослободскому уезду.

Высочайшим указом от 29 ноября 1796 года была восстановлена в княжеском достоинстве оренбургско-уфимская ветвь Акчуриных, покинувших Пензенский край в середине XVIII века.

Род внесен в VI часть дворянских родословных книг Пензенской, Оренбургской, Саратовской и Уфимской губерний.

Указ от 29 ноября 1796 года гласит: «татарского происхождения князья Акчурины, Чанышевы, Сакаевы, Кудашевы, мурзы Бигловы, Еникеевы, Терегуловы, Мамлеевы происхождения их от благородных предков доказаны и ко внесению в родословную дворянскую книгу оказались достойными, помянутые роды следует обратить в их благородное состояние» (ЦГИА РБ, ф.1343, оп.1).

Определением Правительствующего Сената от 15 февраля 1849 года и 24 марта 1851 года были утверждены в достоинстве князей татарских со внесением в VI часть родословной книги 19 семей князей Акчуриных:

1. Абдул-Мениф Килеевич.
2. Кутлу-Ахмет и Шарафутдин Якуповичи.
3. Мухаметгалий Абубакирович.
4. Ибрагим и Исмаил Юнусовичи.
5. Габбяс Юнусович и сын его Харряс.

6. Ильяс Юнусович и сыновья его Исхак и Якуп.
7. Бахтиар Аббакирович.
8. Мухамедьяр Аббакирович и сыновья его Габдулла и Шарафутдин.
9. Аюп Сулейманович, сыновья его Мухамедьяр, Дильмухамет, Мухаметрахим и внук Сиразетдин Дильмухаметович.
10. Абдаллатив Килеевич, сын его Такфетулла и внук Габейдулла Такфетуллоевич.
11. Абдулгафар Килеевич, сын его Мухамет-Хасан и дочь Фарыза.
12. Абдалхаяп Килеевич и сыновья его Абдулмахмин. Галеутдин и Гиматитдин.
13. Мухаметсафар, Шугаин, Идрис и Ильяс Абдулменефович.
14. Бикмурза, Ханмурза и Мурзахай Бадамшичи с сыном последнего Янтуром.
15. Давлетша Юсупович, сыновья его Гайнетдин, Зиганша, Гиматетдин и Зимаметдин.
16. Ахметша Юсупович и сыновья его Нафтындин и Хуснутдин.
17. Хасан Алеевич и сыновья его Мухамедий, Ахмедий и Хисамутдин.
18. Якуп Ибраевич и сыновья его Саляхетдин, Зайнетдин, Гайнетдин и Шагиахмет.
19. Гайнулла Ибраевич и сыновья его Исхак, Ахсян и Мирас.

Поскольку эти люди владели и русской, и татарской грамотой – из их числа вышло много чиновников в губернском правлении. Однако же большинство этих людей шло в народное образование.

В начале века в Башкирии учительский корпус в большинстве состоял из представителей этих родов.

Татарские мурзы, сохранившие веру своих отцов, т.е. ислам, оказались бесправными людьми и вне закона, подвергались грабежу со стороны русских помещиков (преследование за веру). Остатки их наследственных земель насильственно захватывались. На этих землях русские помещики поселяли своих крепостных крестьян. К семидесятым годам XVIII века, окончательно – обезземеленные и разорившиеся мурзы начали поиски новых земель.

Такие земли нашлись в Уфимской губернии. После подавления Пугачевского бунта сразу начался исход татарских мурз из Тамбовской губернии в Уфимскую и Оренбургскую. В 1774–1780 гг. переселились все представленные здесь роды. Позже миграция тоже продолжалась.

По дешевой цене у башкирских родов покупали плодородные земли и обустроивали свою жизнь, строили медресе, мектебе, мечети. Из Темниковского края приехали учителя и муллы.

Поступок татарских князей и мурз, отказавшихся от крещения и сохранивших веру своих отцов и дедов, не до конца оценен татарской общественностью.

Им было что терять, они потеряли свои титулы (по российскому закону), и основные ценности (огромные земельные угодья), но веры своей не предали. На их долю выпали суровые испытания: унижения, конфискации, высылка, тяжелая работа по заготовке корабельного леса, каторга и казни. Но они выдержали, потому что чувствовали моральную поддержку своего народа и гордо несли свое имя татарских князей и мурз. Из их среды вышли известные ученые, военные, врачи, писатели, общественные деятели. И сегодня они продолжают во времени и пространстве и служат своему Отечеству. Поступок воистину достоин уважения у всех народов и во все времена.

Места компактного проживания Акчуриных на территории Башкортостана:

- село Батырово Федоровского района;
- село Старо-Калмашево Чекмагушевского района (Калмаш – четвертое колено от Акчуры);
- Города Уфа, Стерлитамак;
- В Пензенской области село Кунчерово (Кончар).

Наиболее известные представители рода Акчуриных

Известные купцы и фабриканты из татар Симбирской губернии, почетные граждане Российской империи Курамша и Сулейман Абдуллоевичи, их дети Хасан, Юсуп и Якуп Сулеймановичи, Тимербулат и Афандиар Курамшевичи и их потомки. Зухра Акчурина – первая татарка – журналист популярной газеты «Тарджеман», жена Исмаила Гаспринского.

1. Юсуф Акчура (Акчурин) (1876–1935 гг.), видный политический и общественный деятель, публицист, профессор Стамбульского университета.

2. Расим Сулейманович Акчурин, 1932 г.р., генерал-полковник, Президент культурно-национальной автономии татар г. Москвы.

3. Ренат Сулейманович Акчурин, 1946 г.р., известный кардиохирург, профессор, академик РАМН, Президент «ВАТАНЫМ».

4. Фарит Измайлович Акчурин, 1944 г.р., генерал-лейтенант, начальник центра летной подготовки Украины, г. Запорожье.

5. Рустам Измайлович Акчурин, 1949 г.р., директор строящегося комплекса полипропилена «Полиом», г. Омск.

6. Хамза Исхакович Акчурин, 1952 г.р., генеральный директор ОАО «Азимут», г. Уфа.

7. Риф Узбекович Акчурин, 1957 г.р., предводитель Меджлиса татарских мурз в 1998–2005 гг., исполнительный директор Конгресса татар Башкортостана, помощник депутата Государственной думы РФ.

8. Вильдан Файзуллович Акчурин, председатель профкома ОАО «Салаватнефтеоргсинтез».

9. Алексей Романович Акчурин, 1961 г.р., генеральный директор Севастопольского винзавода, г. Севастополь, Украина.

10. Шайхетдин Гайнетдинович Акчурин, восстановил мечеть в городе Харбин (Китайская Народная Республика).

11. Махмут Абдуллович Акчурин (1924–2009 гг.), участник Великой Отечественной войны, Почетный гражданин г. Стерлитамак.

Для подготовки и проведения празднования 500-летия фамилии в декабре 2009 г. (Указ от 10 мая 1509 г.) в г. Москве, с приглашением диаспоры, был организован оргкомитет во главе с генерал-полковником, президентом КНА татар г. Москвы Расим Сулеймановичем Акчуриным. Открыта страничка в Интернете.

М.Р. Ишеев, М.М. Акчурин

Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре

В своих предыдущих работах по исследованию института удельных татарских князей в Российском государстве мы затронули князей и их княжения в Темниковском и Кадомском краях, Касимовском уделе [1], Цненском регионе [2]. Из всех мещерских территорий незатронутым остался лишь Арзамасский край. Ликвидировать этот пробел мы и постараемся в настоящей статье.

Татарские князья в Арзамасском уезде.

Как известно, мордва Цненско-Мокшанского региона была разделена на уделы, во главе которых стояли татарские князья, подчинявшиеся с конца XV – начала XVI веков. Московскому великому князю, что подтверждается жалованными грамотами и другими документами. Можно предположить, что такой же порядок существовал и в западной части Арзамасского уезда. В этой области, окруженной со всех сторон лесами, А.А.Герасимов выделил две группы мордовских поселений конца XVI века: большая – вокруг Ардатова (ныне Ардатовский район Нижегородской области) и меньшая – вытянутая вдоль края лесов, что занимают верховья рек Теши и Сатиса. Эта меньшая группа в рассматриваемый период, по-видимому, входила в состав Кирдяновского беляка, княжением над которым в середине XVI века был пожалован кадомский Исеней Бутаков, а затем его брат Дивей, т.к. деревни этой группы Кардавилль, Корино, Пасьяново в XVII веке числились в Кирдяновском беляке [3]. Потомки князя Дивея (князь Дивеевы) служили по гор. Какому и поэтому относились не к арзамасским, а к кадомским татарам.

Первая же группа мордовских поселений, вероятно, также составляла удел татарских князей, центром которого был гор. Саконь. Но здесь владетельными князьями были представители рода Чегодаевых-Мустафиных (ход рассуждений см. ниже).

После взятия Казани в 1552 г. и постройки Арзамаса татарские князья продолжали жить на территории образованного Арзамасского уезда. Так из грамоты Ивана IV 1564 г. мордвину с.Кужендей Ивашке Кильдяеву узнаем, что он был «сумежщиком» с «князьями татарами и мурзами» д. Лупиловки «того ж Арзамассакого уезду», которые получали доход с мордовского населения: «тоя ж кужендеевскаго платежу отделен усубец князьям и мурзам татарским» [4, с.52–54]. Высокий статус этих князей и мурз подчеркивается в той же грамоте: «и чтоб в те ево жалованныя дачи впредь вечно никому, ни князьям, ни боярам, ни дворяном, ни княжицким, ни боярским детям, ни мурзам, ни татаром, никакаго чина людям никому не вступатца». Существование татарского княжения в Саконах над мордвой, аналогичного другим на территориях Темниковского, Кадомского и Шацкого уездов, косвенно подтверждает наличие в XVII в. по сообщению А.А.Герасимова Саконского беляка, в составе которого числились некоторые мордовские

деревни Арзамасского уезда [3, с.94, 116]. Такое название беляка не должно быть случайным, возможно, в нем отразилось прежнее значение Сакон.

Князя Чегодаевы.

В документах последней четверти XVI – начала XVII веков в Арзамасском уезде встречаются представители двух княжеских родов: князя Чегодаевых и Мустафиных. О родоначальнике Чегодаевых напрямую нигде не упоминается, однако о личности князя Чегодая и о том, в каком веке он жил, мы можем судить из грамоты его сыну. В 1524 г. 29 февраля великий князь Василий III дал жалованную несудимую грамоту Хозяшу князь Чегодаеву [5, с.101]:

«... пожаловал есми Хозяша князь Чегодаева сына Сакольского¹ в Муромском уезде в Унжинском стану деревнею Черною Микулинскою Медведкова со всем с тем, что к той деревне изстарины потягло... наши наместники муромские и волостели и их тиуны того Хозяша и его людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, а ведает и судит своих людей Хозяш сам во всем, или кому прикажет. А кому будет до Хозяша и до его приказчика каково дело, и в том его сужу яз, князь велики, или мой дворецкой. А дана грамота на Москве лета семь тысяч тридцать второго...».

Из грамоты следует, что отец Хозяша князь Чегодай имел прозвище Саконский. Такое дополнение к имени в те времена, как правило, означало географическую привязанность. Например, князь Еникей Темниковский был владетельным князем в г. Темникове, князя Тюменские – выходцы из Тюменского княжества, располагавшегося на р. Терек. Для нашего случая это означает, что князь Чегодай, скорее всего, владел г. Саконь, ныне пос. Саконь Нижегородской области в 75 км к востоку от Мурома.

Город упоминается в 1489 г. в связи с прибытием ногайских послов к Мурому, через Саконь лежал маршрут их движения [6, с.139]. А в 1552 г. при описании казанского похода Ивана Грозного говорится уже о «Саконьском городище». Возможно, он был разрушен во время московско-казанских войн.

Приведем любопытное сообщение конца XV века итальянского путешественника Иосафата Барбаро о Казани [7, § 57]:

«Это – торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей Дзагатаев (Zagatai) и из Мордовии (Moxia). Этими северными странами владели татары».

Направления севера и северо-востока в сообщении указаны не относительно Казани, а относительно Таны, т.к. Рязань в представлении Иосафата Барбаро также находится на северо-востоке [7, § 54]: «Направляясь к северо-востоку, достигают пределов России; здесь находится городок, называемый Рязань».

Отметим, что название области «Zagatai» очень созвучно с именем князя Чегодая, хотя это может быть простым совпадением. А соседняя «Moxia» соответствует району реки Мокши. Эти районы в конце XV века видимо имели тесные торговые связи с Казанским ханством.

Потомок князя Чегодая князь Теникай Енибяков впервые упоминается в 1610 г. в связи с тем, что его поместье в д. Ореховце и Биговатове было отдано Лжедмитрием II другим помещикам [8, с.359]. Возможно, он вернул его себе, т.к. в 1613 г. ему дана грамота в Ичаловский стан Арзамасского уезда «на старую вотчину» [9, с.249, 252]. В актах Троице-Сергиева монастыря сохранилась запись: «арзамасскому протопопу Петру Иванову вотчину заложил арзамасец, князь Тенекай мурза Енебяков сын Чегодаев» [10, с.71].

Его брату Айдару мурзе Енибякову в 1596 г. было отделено поместье в Залесском стане на «96 чети, в половину его окладу». В 1606 г. Айдар Енибяков был «в головах» отряда татар в войске, отправленном Б.И. Доможировым из Арзамаса на помощь повстанцам под Нижний Новгород [11, с.210]. Принадлежность Айдара к роду Чегодаевых подтверждает «Список с межевых книг Арзамасского уезда» 1623–1625 гг., в котором есть запись: «...в Ичаловском стану пустоши Кадышове межа от татарской земли от Айдар мурзы – князь Чегодаева...» [12, с.108].

В 1625 г. Капкун (ум. окт. 1628) и Девлет-Кильдей (ум. после 1646) Ивакаевы дети – князя Чегодаевы владели землями и крестьянами в с. Ичалове Арзамасского, с. Сунееве и д. Жданове Алатырского уездов, а также в Курмышском уезде. Поместья и вотчины в Арзамасском и Курмышском уездах достались им от отца Ивакай мурзы, а в Алатырском уезде были пожалованы за службу. В д. Жданове они были соседями Ждана мурзы Тамаева сына Мустафина, а также Курмамета мурзы Маметева сына Келдешева князь Чегодаева [13], вероятно, его родственником

¹ Скорее всего «Саконьского».

был Мамай мурза Килдишев, указанный среди мурз с арзамасским воеводой в 1594 г. [8, с.104]. Кроме этого, в документах 1613 г. встречаются мурзы Енбай и Кункай князь Чегодаевы [9]. Невер мурза Кулаев сын князь Чегодаев, который в 1638 г. выменял поместье в д. Ченбасово Арзамасского уезда у переводчика Алмакая Алтышева, а его сын Борис мурза Неверов принял крещение под именем Алексей [14, с.166–168].

Князей в фамилии Чегодаевых между князем Чегодаем и князем Теникаем за вековой промежуток неизвестно. Но ведь, как показано в наших предыдущих работах, в татарских княжеских родах княжение не прерывалось, княжеский титул после смерти князя переходил к сыну, внуку, брату или другому близкому родственнику, который становился старшим в роде. Правда потомство нового князя могло принять фамилию по его имени, и тогда княжеский род продолжался под другой фамилией. Скорее всего, именно так и произошло в роде князя Чегодаевых. Нам ничего неизвестно о других сыновьях Чегодая, кроме Хозяша, но в потомстве последнего князей не было. Зато князья были в другом роде, представители которого имели поместья и вотчины всегда рядом с Чегодаевыми. Это род Мустафиных. Именно то, что князь Чегодаевы и Мустафины очень часто упоминаются вместе, отсутствие князей в первом роде и наличие во втором навело нас на мысль об их общем происхождении.

Мустафины.

Несмотря на то, что нам доподлинно известно о четырех князьях из рода Мустафиных, приставка князь перед фамилией Мустафин никогда не писалась и, следовательно, мы не можем утверждать, что родоначальник фамилии Мустафа был князем. Возможно, он был сыном князя Чегодая. Следует добавить, что по официальной родословной легенде считалось, что княжеский род Мустафиных происходит от казанского царевича Муртазы Мустафина [15, с.188–189]².

Первым князем из рода Мустафиных, о котором мы находим упоминание в источниках, был князь Сабай князь Биговатов Мустафин³. Он упоминается в 1592 г. как владелец оброчной земли в Ичаловском стане Арзамасского уезда [8, с.484–485, 602–603]. Из документа того же года становится ясно, что он владелец д. Биговатово (там проживали его крестьяне) [8, с.48]. Из его отчества мы можем заключить, что князь Сабай был сыном князя Биговата Мустафина (по имени которого наверняка и была названа д. Биговатово).

В 1595 г. упоминается арзамасский Кучкай мурза князь Сабаев сын Мустафина [8, с.104]. А в 1602 г. он же, как владелец крестьян дворцовой деревни Ореховец под именем Кункай мурза князь Сабаев [8, с.209].

В 1602 г. упоминается князь Лукай Чембулатов, как владелец земли на р. Кадарше в Арзамасском уезде. Скорее всего, его поместье было в д. Лукьяново [8, с.207–209]⁴. Мы можем предположить, что князь Лукай принадлежал к роду Мустафиных, т.к. в 1620 г. некий Богдан мурза Мустафин владел в вотчине д. Чембулатово 60 четями земли [12, с.63]. Бывшая д. Чембулатово («Онучино, Чембулатово тож» [16, с.34]) расположена по соседству с Биговатовым и Ореховцом.

Представители Мустафиных в числе других арзамасских татар активно участвовали в событиях Смутного времени. Так в мае 1609 г. люди Лжедмитрия II под предводительством арзамасских мурз Бибая и Теребердея Мустафиных привели к присяге жителей гор. Яранска [17, с.75–77].

В 1610 г. упоминается Бекбай князь Сабаев, поместье которого в д. Биговатово грамотой Лжедмитрия II было отдано князю Мустафе Мамешеву⁵ и Мамешу мурзе Теребердееву, причем про Бекбая было сказано, что он «в-ызмене», т.е. он не поддерживал Лжедмитрия. Одновременно с пожалованием Мамешу, Лжедмитрий пожаловал Ишея мурзу Теребердева поместьем Мамета мурзы Мамаева⁶ в д. Ореховец, который также был «в-ызмене». Наверняка Мамеш и Ишей Теребердеевы братья, и, возможно, сыновья вышеупомянутого Теребердея Мустафина.

² Личность царевича известна, во 2-й пол. XV в. он был пожалован Елатьмой, однако его отношение к роду сомнительно. Если бы род действительно происходил от него, то тогда потомкам логичнее было бы прозываться Муртазинами, а не Мустафинами.

³ Во всех использованных источниках фамилия приводится в форме «Мустофин», мы сочли уместным приводить ее в современной общепринятой форме «Мустафин». То же относится к имени Сабай и отчеству Сабаев, которые в источниках приводятся как Собай и Собаев.

⁴ Об этом свидетельствует название деревни и расположение неподалеку д. Кеньшево, жители которой и сам кн. Лукай (Лукьян) упоминались как старожилы этих земель при отводе земли Ботюку мурзе Крымчееву.

⁵ Личность данного князя неизвестна, однако в 1609 г. упоминается кн. Мустафа Мамышев, как владелец земли на р. Аксель в Темниковском уезде. [18, с.194–195].

⁶ Скорее всего, Чегодаев.

Неизвестно когда, но именно после мая 1609 г. князь Бибай Сабаев получил титул князя, однако уже в марте 1613 г. он упоминается как «князь Бибай Мустофин Супалеев» [9, с.42]. Возможно, «Супалеев» – это искаженное и вынесенное на место фамилии отчество Сабаев. В 1613 г. ему и Бекбаю было пожаловано старое поместье на Алатыре [9, с.203]. По всей видимости, Бекбай мурза был единственным из Мустафиных, который не поддержал Лжедмитрия.

И тут перед нами встает вопрос. Если княжение ушло в фамилию Мустафиных, то почему Теникай Чегодаев имеет княжеский титул (см. выше), да еще и одновременно с князем Бибаем Мустафиным? Ответ заключается в следующем. Хотя князь Теникай и носил фамилию Чегодаев, он все же был, скорее всего, потомком Мустафы. В хорошо «проработанном» потомстве Хозяша его нет [15, с.194–196], т.е. по логике наследования право на княжеский титул он имел, т.к. относился к княжеской ветви рода. А вот появлению двух князей одновременно мы обязаны Смутному времени. Князь Теникай Лжедмитрия II не поддержал, сторонники последнего пишут про князя, что он «в-ызмене». Бибай же напротив известен своей службой лжецаревичу в Яранске. Видимо за эти и другие заслуги он и был пожалован княжением. Правительство же Романовых пожалования разных государей Смутного времени не отменяло, дабы успокоить разбушевавшийся служилый люд.

В 1636 г. упоминается князь Мамеш Мустафин, как владелец земли на р. Пьяне около мордовской д. Юморги [19]. В том же документе владельцем этих земель в 1625 г. назван Ждан мурза Мустафин. Это деревни Жданово и Мамешево на берегу р. Пьяны в Алатырском уезде. Мы можем предположить, что князь Мамеш – это вышеупомянутый Мамеш мурза Теребердеев. Скорее всего, он получил титул князя после смерти Бибая Сабаева между 1625 и 36 гг.

Улубек и Ждан были детьми Тамая мурзы Мустафина [8, с.190], точное родство которого с княжеской ветвью Мустафиных неизвестно, но в котором сомневаться не приходится. Представители еще одной ветви – Айдес и Терегул (ум. ок. 1580) были сыновьями Салтагана мурзы Армакаева Мустафина (ум. ок. 1575), который владел вотчиной д. Салтаганово на р. Ичаловке в Арзамасском уезде [8, с.628–630; 12, с.109–110]. На основе вышесказанного, позволим себе решительно не согласиться с исследователями, которые считают, что Мустафины есть «отатарившаяся» мордва⁷. Мустафины наряду с Чегодаевыми были потомками владетельных татарских князей в Арзамасском крае.

В Арзамасском уезде имели поместья и представители других княжеских фамилий. Например, темниковские князья Дашкины, кадомские князья Дивеевы. В 1613 г. Сунчюлей мурза Худяков с братьей получил ввозную грамоту на старое поместье [9, с.256], а Мамеш мурза князь Дивеев отказную грамоту на старое же поместье [9, с.114].

Князья Мангушевы.

Если Чегодаевы и Мустафины проживали в Арзамасском, то Мангушевы имели поместья в Алатырском уезде. В дошедших до нашего времени документах информация о князьях Мангушевых очень скупа. В письме, написанном во второй половине XVII века [20, с.283–285]⁸, новокрещен Иван князь Бакаев сын Ширинский пишет своему родственнику кн. Петру Ширинскому, что его прадед после взятия Казани служил по Алатырю и был пожалован Иваном IV селом Мангушевым. В документе имя прадеда не указано, указывается только, что он, его сын и внук князь Бакай были некрещеными. Можно предположить, что это был князь Мангуш, от которого и пошла фамилия и название села, т.к. в алатырской договорной записи 1699 г. упоминается Кулайберда князь Мангушев, а его сын новокрещен носил имя князя Афанасия Ширинского [20]. Значит, князья Мангушевы происходили из рода Ширин и были в тесном родстве с князьями Ширинскими. В списках новокрещенных стольников упоминаются имена пяти Ширинских и всего одного Мангушева [21]. Можно предположить, что татары-мусульмане носили фамилию Мангушевых, в отличие от своих крестившихся родственников, которые предпочитали зваться Ширинскими.

⁷ Авторы данной статьи скептически относятся к гипотезе масштабной тюркизации или татаризации мордвы; даже если такие случаи были, они были единичны и вряд ли касались знати. Причисление С.Б. Веселовским, и вслед за ним С.Б. Сенюткиным, Ждана Мустафина к мордве [12, с.106], по всей вероятности, произошло из-за неверного (вне контекста) понимания фразы «а Улубеку и Ждану мурзе Томаевым в тое их мордовскую в спорную землю вперед вступатися не велел» [8, с.191]; определение «мордовская» относится к земле (принадлежащей мордовской деревне Новое Тюгелево), которой они пытались завладеть, а не к мурзам.

⁸ Из анализа А.И. Соколова упоминаемых в «письме князя Ивана Бакаевича Ширинского к родственнику его в Казань» личностей мы можем заключить, что письмо написано между 1667 и 1685 гг.

В 1618 г. в грамоте царя Михаила Федоровича упоминается Ямаш мурза князь Мангушев, представляющий, наряду с князем Баишем Разгильдеевым (про него см. ниже), алатырских князей, мурз и татар [22, с.54–55]:

«... пожаловали есьми Алатырского города князей и мурз и татар: князя Баиша Разгильдеева да Ямаша мурзу князь Мангушева с товарищи, ... а их де братьям, Касимовским, Кадомским и Темниковским, Цненским и Арзамаским князьям и мурзам всех городов, даны наши жалованные тарханские грамоты, что им опричь нашей службы никаких податей не давати. ... Алатырских князей и мурз и татар, князя Баюша Разгильдеева да Ямаша мурзу князь Мангушева с товарищи, и которые Арзамаские князи, мурзы и татарова испомещены в Алатырском уезде, пожаловали, велели им дати нашу жалованную грамоту...».

Спустя полвека Мангушевы продолжали сохранять авторитет среди алатырских татар. В 1670 г. во время восстания Степана Разина «Арзамаского и Алаторского уездов розных деревень мурзы и татарова, Мамкай Алкаев сын Мангушев с товарищи 15 человек, ото всех своей братии» прибыли в село Гагино к воеводе и сообщили о своей верности царю Алексею Михайловичу: «А они де, татарова, ништо к ним, вором, не пошли» [23, с.308]. Мурза из д. Камкино Якуп Ибраев сын князь Мангушев в 1759 г. купил у башкир в Уфимском уезде землю за 50 руб., а в 1761 г. от лица жителей восьми татарских деревень Алатырского уезда (1752 чел.) просил у русской царицы разрешение на переселение до 90 чел. по причине того, что «при тех деревнях во владени оных татар земельных дач имеетца самое малое число и лесных угодей ничего в дачах наших нет; отчего многия мурзы и татары имеют немалое убожество и скудность» [24, с.38–40]. В 1767–1768 гг. он являлся депутатом Уложенной комиссии от служилых мурз и татар Алатырского и Курмышского уездов [25].

К вопросу о мордовских мурзах.

Известно, что титул мурзы носили лишь представители знати татар-мусульман в Золотой Орде и образовавшихся после ее распада татарских ханствах. Однако в документах XVII–XVIII века мы встречаем и мордовских мурз, несших, как правило, станичную службу. Наверняка, титул мурзы был распространен русским правительством на служилую мордовскую знать по аналогии с татарскими мурзами, т.к. в XVII веке российское законодательство видимо не сильно различало в правах служилых иноверцев Поволжья, служилых татар, чуваш и мордву. В 1718 г. все они были причислены к ведомству Адмиралтейской канторы.

По документам конца XVI – начала XVII веков эта уникальная группа проживала только в восточной части Арзамасского уезда на границе с Алатырским и в самом Алатырском уезде. Однако в связи с начавшимся строительством засечной черты в середине XVII века мордовские мурзы массово переводятся на службу по новым городам: в Корсун, Симбирск, Атемар, Саранск, Пензу и др. Благодаря сохранившимся Десятням Пензенского края мы можем увидеть их многочисленные списки.

То, что они относятся к этнической мордве, сообщается, например, в деле о восстановлении дворянства бывших мордовских мурз села Старые Турдаки в 1796 г.: «о разделе по душам жалованной предкам их мурзам земли вышеописанного села Турдак из мордвы» [26, с.400]. Себя отличают от татар, о чем сообщили в наказе от некрещеных мордовских мурз д. Оскиной Пензенского уезда 1767 г.: «... ту определенную работу несем, так, как мурзы и татары, и в той работе состоим с немалою обидою, как в представлении от мурз и татар значит...» [27, с.160] и там же сообщается о новокрещенах д. Оскиной: «все бывшие из мурз, мордвы».

Мордовские мурзы имели отличительные от соседних служилых татарских групп особенности, хотя не всегда уловимые. В отличие от татарских списков, в которых вместе указаны и мурзы и служилые татары, в Десятнях среди мордовских указаны только мурзы. Если, согласно Десятням, татары несли полковую или рейтарскую службу по черте, то все мордовские мурзы, за редким исключением, станичную.

Среди мордовских мурз нам встречаются князья и происходящие от них княжеские фамилии. Однако термин «мордовские князья» в XVII в. в источниках не встречается, а в более ранний период, как мы уже писали [1, с.6–7], он означал владетельных татарских князей, взимающих ясак с мордвы.

В Десятнях Пензенского края есть представители следующих мордовских княжеских фамилий: Деберские, Еделевы, Ичаловы, Кулунзины, Лапины, Мокшадеевы, Мокшазаровы, Мушкубеевы, Нагаевы, Неверовы, Павловы, Разгилдеевы, Сабановы, Тяпины [28]. В другом источнике под 1692 г. упомянут князь Писчасов [29, с.32]. Из них князь Еделевы – самая многочисленная фамилия. Все они относятся к сословию мордовских мурз и служили по Пензе, Атемару и

Верхнему Ломову. Их оклады составляли от 100 четей и 5 руб. до 350 четей и 16 руб. Немало также новокрещенов: князь Еделева и князь Тяпиных, есть новокрещен князь Казуров.

Мордовские мурзы князя Еделева в конце XVII века служили по Пензе и Верхнему Ломову [28]. С ними же служил Бебуля князь Неверов, возможно, потомок князя Невера Тенишева, упоминаемого в 1613 г. как владельца крестьян в д. Княжево Еделево [8, с.491] Залесного стана Арзамасского уезда.

Наличие таких деревень как Княжево-Еделево, Мокшазарово, Нагаево, Тяпино в Арзамасском и Алатырском уездах говорит о том, что в этих уездах проживали князья-родоначальники.

В этих же Десятнях также упоминаются немногочисленные представители татарских княжеских фамилий, таких как Килдишевы, Тенишевы, Чевкины, служивших по Керенску. Их оклады были меньше «мордовско-княжеских» и составляли 50 четей и 5 руб. Также по Атемару в числе полковых мурз и татар служили князья Андреевы и князья Павловы, однако их личные имена не позволяют причислить их к татарам.

Князь Баиш Разгильдеев и князья Баюшевы.

Рассматривая вопрос о мордовских мурзах, нельзя не остановиться отдельно на личности князя Баиша Разгильдеева. Этот мурза за свой ратный подвиг 1612 г. (проявив военное искусство, наголову разгромил крупный отряд ногайских татар) в 1613 г. получил княжеский титул от лидеров Ополчения кн. Д.Т.Трубецкого и кн. Д.М.Пожарского [22, с.53–54]. Отдельные исследователи считают его мордвинном, другие – татаринном. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Начнем с того, что среди мордовских мурз в конце XVII века упоминаются князья Разгильдеевы (см. выше), а в жалованной грамоте сказано, что «родство де его были изстари деды и прадеды в княжестве». На этом основании мы можем предположить, что Разгильдеев – это не отчество, а фамилия (дедичество). О принадлежности князя Баиша к роду князей Разгильдеевых, свидетельствует и тот факт, что его дети Андрей и Богдан в Алатырской десятне 1672/73 г. писались как Андрей мурза Баюшев сын князь Розгильдеев и Богдан мурза Баюшев сын князь Розгильдеев [22, с.166–167], т.е. носили фамилию князь Разгильдеевы. У князя Баиша известен еще один сын Чепкун мурза. Так вот внуки Баиша, дети Богдана и Чепкуна в алатырских переписных книгах 1646 г. названы алатырскими мордовскими мурзами, другой внук Баиша – Дорогун Нестеров также назван мордовским мурзой [22, с.135, 136], т.е. они были служилой мордвой, а не татарами. Да и Баиш мурза Разгильдеев сражался против ногайцев, собрав «алатырских мурз и мордву» [22, с.53], а не привычных «князей, мурз и татар». И тут напрашивается вывод признать Баиша мордовским мурзой, если бы не один документ 1618 г., который в усеченном виде мы привели выше. Это жалованная тарханная грамота царя Михаила Федоровича алатырским князьям, мурзам и татарам под предводительством князя Баиша Разгильдеева и Ямаша мурзы князя Мангушева [22, с.54–55]. Царская грамота дана в ответ на их челобитье с просьбой снять с них все подати и работы, кроме военной службы. При этом они ссылались на положение «их братьев» касимовских, кадомских, темниковских, ценских и арзамасских князей, мурз и татар. Про мордву же в грамоте, ни про служилую, ни про податную, ничего не сказано. Поэтому можно заключить, что вопрос об этносословной принадлежности Баиша мурзы пока остается открытым.

Баиш Разгильдеев имел поместья в починке на р. Мене, жеребьи в д. Княжая Гора на р. Коле и д. Рындино, на р. Тарлее в Менском стане Алатырского уезда, всего 340 четей пашни при поместном окладе в 350 четей⁹. В д. Княжая Гора также находилось поместье его брата Чемая мурзы Разгильдеева [22, с.131–133]. По мнению исследователя А.М.Орлова, князь Баиш Разгильдеев принял крещение [19], однако это не так. Даже в 1626 г. в Писцовых книгах он назван мурзой [22, с.131], мурзами же звались все его дети, т.е. они не были крещеными. Первыми в роде крестились его внуки Ибрагим Чепкунов с именем Петр Федорович и Дорогун Нестеров с именем Степан [30, с.44–47]. Известно только потомство Петра Федоровича, которое звалось князь Баюшевыми. Даже крестившиеся потомки не носили личного княжеского титула, он писался только перед фамилией, а не перед именем. Это продолжалось до 1873 г., когда В.И.Баюшев определением Правительствующего Сената был утвержден в достоинстве татарского князя [15, с.128].

Конечно, этот небольшой обзор нельзя считать окончательным. В дальнейшем, при обнаружении новых документов, представление об удельных и служилых татарских князьях в Арзамасско-Алатырском регионе может измениться.

⁹ Следует заметить, что фактический земельный надел был всегда меньше номинального, служилым людям на протяжении всей своей службы приходилось его «добирать», отыскивая свободные земли и подавая челобитные с просьбой пожаловать их «в поместный оклад».

Список использованных источников и литературы

1. Ишеев М. Татарские князья и их княжества: сб. статей и материалов / под ред. М.Ишеева. – Н.Новгород: Медина, 2008.
2. Ишеев М. Татарские княжеские роды на Цне / М.Ишеев, М.Акчурин, А.Абдиев // Сборник материалов 6-й ежегодной научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». – Н.Новгород, 2009 (в печати).
3. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по Писцовым и Переписным книгам XVII–XVIII вв. / А.А.Гераклитов // Ученые записки Саратовского гос. университета. – 1930. – Т.8. – Вып.2.
4. Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – 1850. – Кн.5. – Ч.3.
5. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – 1898. – Кн. 2.
6. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т.1. – Саранск: МНИИЯЛИ, 1940.
7. Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. – М.: Наука, 1971.
8. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских / ред. С.Б.Веселовский. – 1916. – Кн.1 (256).
9. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / акад. С.Б.Веселовский. – М.: Наука, 1994.
10. Кириченко Л.А. Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. – М., 2006.
11. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / сост. А.И.Копанев и А.Г.Маньков. – М., 1959.
12. Сеньюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI – до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2001.
13. Алатырский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства / сост. Б.М.Пудалов, А.Чибис. <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/prikaz/?id=878>.
14. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – 1902. – Вып.22.
15. Дворянские роды Российской империи. – Т.3. Князья / под ред. С.В.Думина. – М.: Ликоинвест, 1996.
16. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – 1913. – Кн.4.
17. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Прил. к 2-му т. сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка, 1881.
18. Антонов А.В. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Т.III / сост. А.В.Антонов. – М., 2002.
19. Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы / А.М.Орлов. – http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/.
20. Известия общества археологии, истории и этнографии. – 1893. – Т.ХI. – Вып.3.
21. Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / А.В.Захаров. – <http://zaharov.csu.ru/>.
22. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. – Т.1. Архив князя В.И.Баюшева / проф. Н.П.Загоскин. – Казань, 1882.
23. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов. – Т.II. – Ч.1. – М., 1954.
24. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т.IV. – Ч.II. – М., 1956.
25. Ислаев Ф. Татары в Екатерининской уложенной комиссии 1767–1768 гг. / Ф.Ислаев // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2003. – № 3/4.
26. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т.III. – Ч.II. – Саранск, 1953.
27. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т.III. – Ч.I. – Саранск, 1939.
28. Десятни Пензенского края (1669–1696) / под ред. А.Барсукова // Русская историческая библиотека. – Т.17. – СПб., 1898.
29. Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы. – М.: Соцэкгиз, 1931.
30. Христофоров И. Исторические акты, относящиеся до обращения в христианство, при царе Федоре Алексеевиче, князей и мурз татарских а также мордвы, черемис и других инородцев.

М.И. Әхмәтҗанов

Кара бәк шәжәрәсенә Мөрсәйет тармагы

Кара бәк нәсел шәжәрәсенә Мөрсәйет тармагы кулъязмасы 2010 елда гына табылды. Бу тармакның нәсел шәжәрәсе чылбыры фәндә якынча гына билгеле. Әйттик, Мөрсәйет бине Ильяс бине Мөхәммәт бине Кара би шәжәрәсе, беренчеләрдән булып, архив материаллары нигезендә Вятка шәһәрәненә крайны өйрәнүче П.М.Сорокин тарафыннан өйрәнелә башлый [1, с.45–61].

Соңгы елларда шәжәрәнең бу тармагын тарих фәннәре докторы Д.М.Исхаков шулай ук архив материаллары нигезендә өйрәнгән [2, с.60–67].

Кара бәк нәселенә Мөрсәйет тармагы шәжәрәсе турында аерым хәбәрләр булса да, аның матбугатка чыккан версиясе әлегә кадәр тулы килеш бирелгәнә юк иде.

Күптән түгел Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты мирасханәсендә табылган материаллардан күренгәнчә, 1792 елда Вятка өяз судына Ильяс авылында (хәзерге Киров өлкәсе, Слободской районындагы авыл) яшәүче кенәз Мөрсәйет нәселенән булган кешеләрнең үзләренә кенәзлек өстенлекләрен кайтару өчен тәгаенләнгән үтенечләренә кенәз Мөрсәйетнең нәсел шәжәрәсе дә кушып бирелә. Соңыннан бу шәжәрә 1936 елда Слободской районында Кебешел Вәли исемле кеше кулына, аннан Нократ авылы кешесе Абашев Садыр Закир улы кулына элгә һәм 1968 елның 10 гыйнварында ул аны Галимжан Ибраһимов исемендәге Институтка китереп тапшыра. Хәзер шәжәрә кулъязмасы мирасханәнең шәжәрәләр коллекциясендә саклана [3].

Шәжәрә кечерәк кәгазь битләреннән ябыштырып ясалган зур табаклы биткә, ә текст трапеция формасындагы кәгазьгә коңгырт кара белән язылган. Бу трапециянең өске өлеше киңлеге – 45 см, түбәнге өлеше киңлеге – 193 см. Кәгазьнең, ягни битнең, буй үлчәме – 104 см.

Кәгазь, берничә кисәккә бөкләнеп, картон папка эченә салынган. Бөкләнгән урыннарда тишәкләр барлыкка килеп, текстның беркадәр бозылуына китергән.

Текст урыс телендәге борынгы чыганаclarга таянып язылган. Күчерүчеләр борынгы татар исемнәрендә ялгышлар да жибергәннәр, ул ялгышларның шактый өлешен төзәтеп укып була.

Шәжәрәдә кеше исемнәре түгәрәкләр эченә борынгы урыс хәрәфләре белән һәм орфография таләпләренә туры китереп язылганнар.

Бу текст шуны ачыклай: Кара бәк нәселе, үзләренә борынгы фамилияләрен саклап калып, төрле районнарда таралып утырган. Күчеп киткән нәсел исемнәре, яңа табылган текстта сакланып, аларның Кара бәк нәселенә ялгану чылбырын күрсәтә. Әгерже төбәгендәге Янчурин, Арсланов, Байкеев һ.б. фамилияләренә Кара бәккә барып тоташуын да әлегә текст ярдәмендә генә белә алдык.

Шәжәрәдә төп баба итеп күрсәтелгән Мөрсәйет кенәзгә 1548 елда Иван Грозный жир алу өчен ярлыкаш грамота биргән. Ул вакытта Мөрсәйетнең Муса, Муртаза, Агыш, Дөнәш, Нурислам, Шәйислам исемле алты улы була. Дөнәш һәм Шәйисламнан борынгы Дунашев, Зянчурин (Янчурин), Арсланов, Касыймов фамилияләре барлыкка килгән.

Шәжәрә, Мөрсәйетне дә кертеп, тугыз буын тәшкил итә һәм Мөрсәйет (Мирсәйет) Ильяс углын XV гасырның соңгы чирегендә туган кеше дип тәгаенләп була. Ихтимал, килчәктә тарихчылар, Кара бәк нәселенә бирелгән ярлыкаш грамоталарны туплап, бу нәселнең аерым бер вакыт эчендә ирешкән казанышларын да ачыклай алырлар, дип өмет итәбез.

Родословная (Каринского князя Мурсаитова) (XV–XVI в.)

1.	<i>I поколение</i> Мурсаит, умер	
2.	<i>II поколение</i> Князь Шаислям	1
3.	Князь Нурыслям, бездетный	1
4.	Князь Дунаш	1
5.	Князь Агиш, бездетный	1
6.	Князь Муртаза, бездетный	1
7.	Князь Мусса, бездетный 1548–42–45 лет	1
8.	<i>III поколение</i> Буран	2
9.	Бичюра, род его выбыл в Оренбург	4
10.	Зянчура	4
11.	Тышле	4
12.	<i>IV поколение</i> Богдан	8
13.	Зямбахта, роду не осталось	10
14.	Байкуат	10
15.	Кадыш	10
16.	Алыш	10

	<i>V поколение</i>	
17.	Баиш	11
18.	Арслан	12
19.	Кузябай	14
20.	Динабай, бездетный	14
21.	Багыш	15
22.	Мами	15
23.	Асеко	16
24.	Есей	17
25.	Ешмерзя	17
	<i>VI поколение</i>	
26.	Уразан	18
27.	Мустафа	18
28.	Муртаза	18
29.	Сабай	18
30.	Маметкул	19
31.	Беткул	19
32.	Мамедберди	19
33.	Кадыр	19
34.	Маметгали	21
35.	Баим...	22
36.	Сулейман	22
37.	Араслан	23
38.	Шагум	24
39.	Маметкум	24
40.	Апас	24
41.	Разеп	24
42.	Акйас	25
43.	Бекмерзя	25
44.	Хузой	25
	<i>VII поколение</i>	
45.	Ханса	26
46.	Баглан	26
47.	Бектемир	27
48.	Сайтхузя	27
49.	Искендерь	27
50.	Хадияр, Тухай переселились	27
51.	в округ	27
52.	Абдразай	28
53.	Аскей	29
54.	Усман	29
55.	Сафар	30
56.	Илька	30
57.	Бектемир	31
58.	Рамазан	32
59.	Атабай	32
60.	Абдулла	32
61.	Мустафа	32
62.	Искак	32
63.	Муксин, холость	32
64.	Аймурза	33
65.	Сулейман	34
66.	Мавлеша	35
67.	Кули	36
68.	Зайт	37
69.	Ишкинь	37
70.	Есней	38
71.	Кульш	38
72.	Бегней	39
73.	Бектемир	39
74.	Герей	40
75.	Эркен	40
76.	Мускес	40

77.	Смагиль	40
78.	Мамык	41
79.	Думанай	42
80.	Рысь	43
81.	Смагиль	44
82.	Аймурза	44
<i>VIII поколение</i>		
83.	Ильяс	45
84.	Бизян (Бижан – М.Ә.)	46
85.	Васыйл	47
86.	Атабай	47
87.	Юнус	47
88.	Мамекуш	48
89.	Ишметь	49
90.	Агатлан	49
91.	Иброш	52
92.	Джагфар	53
93.	Гами	53
94.	Усаин	54
95.	Уразай	54
96.	Сагить	54
97.	Амырь (умер в рекруты)	55
98.	Ибрай	55
99.	Гуссаин	56
100.	Мустафа	56
101.	Смагиль	56
102.	Абдунабий	57
103.	Рахматулла (умер в рекруты)	57
104.	Мургаза	57
105.	Ишали	57
106.	Батарей	58
107.	Саит	58
108.	Сулейман умер...	58
109.	Резепь	59
110.	Салим	59
111.	Халил	60
112.	Габид	60
113.	Газинур	60
114.	Мусалим	61
115.	Ярадым	61
116.	Мухаммедрагим	61
117.	Манасып	61
118.	Абдулмазит	61
119.	Яхъя	62
120.	Абдурашит	62
121.	Смагиль	64
122.	Назырь	64
123.	Васимь	65
124.	Абри	65
125.	Усман	65
126.	Шарип	66
127.	Юсуп	67
128.	Надыр, умер в рекруты	67
129.	Самей	68
130.	Шабдгунь	68
131.	Сагид	69
132.	Риза	69
133.	Мустай	70
134.	Ходар	71
135.	Мамедберди	72
136.	Иштерек	73
137.	Юсуп	74
138.	Мусавам	75

139.	Муртаза	76
140.	Салих	76
141.	Хамид, умер в рекруты	76
142.	Сагид	76
143.	Сабаин	77
144.	Искеби	77
145.	Ашабай	78
146.	Мусса	78
147.	Ишмерза	79
148.	Бикмерза	79
149.	Итай	80
150.	Мирас	81
151.	Ермак	82
152.	Мустафа	82
153.	Хабиб	82
154.	Абдулла	82
155.	Абдрахман	82
156.	Сулейман	82
<i>IX поколение</i>		
157.	Апас	83
158.	Усмон	84
159.	Бектемир	84
160.	Исуп	84
161.	Мусалим	84
162.	Хула	85
163.	Рашид	85
164.	Ахмай	86
165.	Мусса	86
166.	Гайса	86
167.	Касым	86
168.	Мамет	87
169.	Масси	87
170.	Мустафа	87
171.	Абди	88
172.	Апас	89
173.	Агит	90
174.	Есянь	91
175.	Гумар	92
176.	Амин, умер в рекруты	92
177.	Муслим	92
178.	Яхья	93
178.	Абдулла	93
180.	Субай	93
181.	Ишали	94
182.	Ешмурза	95
183.	Ермак	95
184.	Файзулла	96
185.	Якуп	96
186.	Абдурахим	96
187.	Гайса	96
188.	Хамит	97
189.	Тагирь	98
190.	Маднай	98
191.	Мустафа	98
192.	?	99
193.	Амин	102
194.	Гали	102
195.	Мавли	109
196.	Мусавим	109
197.	?	109
198.	?	123
199.	?	124
200.	Габдулла	124

201.	Ибрагим, в рекруты	125
202.	Халил	125
203.	?	125
204.	Гумар	125
205.	Мусса	126

Чыганаclar һәм әдәбият исемлеге

1. Сорокин П.М. Арские князья в Карнне // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. – Вятка, 1894.
2. Исхаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978.
3. Галимжан Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Кулъязмалар, фәнни һәм архив бүлеге мирасханәсе. – 99 кол. – 1 тас. – сак. бер.

Н.Г. Гариф

Казан ханлығы чоры эпиграфик һәйкәлләрендә социаль титуллар чагылышы

Безнең тарафтан Казан ханлығы чорына караган 297 язма кабер ташы барланды. Ташларның 90нан артыгында (80–100%ка) ташның куелу вакыты, таш куелган шәхеснең исеме, дәрәжәсе, ташны куючы һәм башка төр мәгълүмат сакланып калган. Кызганыч: ташларның куелу вакыты һәм жирләнгән кешеләрнең исем-атамасы, дәрәжәсе язылган урын ташның аскы, иң начар сакланышлы жиренә туры килгән. Шуңа да карамастан, бүгенге көндә әлеге ташларның б9нда шәхесләрнең дәрәжәсен ачыклау мөмкинлеге сакланган (таблица).

Язмалардан күренгәнчә, әлеге эпиграфик һәйкәлләр күп очракта югары катлау әһелләренә: дәүләт хезмәтендәге житәкчеләргә, гаскәр башлыкларына, абруйлы руханиларга, эре жир биләүчеләргә һәм аларның гаилә әгъзаларына куелган.

Дәүләт хезмәтендә булган югары катлау кешеләрен Казанда яшәсәләр дә, хан ярлыгы белән беркетелгән, хан тарафыннан бүләк ителгән жир биләмәләре, авыллары булган. Жәй көне еш кына шул авылларында, үз жирләрендә ял иткәннәр, монда аларның утарлары, жәйге йортлары булган, хезмәтчеләре торган. Вафат булган очракта, аларны күбесенчә үз утарларында жирләгәннәр. Шулай итеп, еллар узу белән, гаиләнең бакыйга күчкән шактый әгъзасы бер урынга тупланып, гаилә каберлекләре дә барлыкка килгән. Бер үк урында бер үк типтагы кабер ташларының куелуы шул хакта сөйли. Шундый ук ташлар жирле идарәчеләрнең югары катлау кешеләренә дә куелган. Кабер ташлы зиратлар күп очракта зур майдан биләми. Шулай сәбәпле, гади игенчеләр, терлекчеләр зиратларының аерым жирдә урнашулары турында да фикер йөртәргә мөмкин. Бай, мәнәбәт кабер-ташлар янында гади, кечкенә ташлар очрамай. Әлеге фикер таш язмаларга анализ ясаганнан соң да ныгый.

Эпиграфик ташлардагы язмаларның эчтөлеген өйрәнү жирле феодалларның титул-дәрәжәләре, исемнәре һәм яшәгән елларын билгеләү мөмкинлеген тудыра.

Ташъязмаларда, дәрәжә буларак (кеше исеме буларак искә алынуы да ихтимал), Бөек солтан – 4 тапкыр, Солтан – 7, Әмир – 3, Карача – 1, Би-Бәк-Бәй – 1), Бикә – 7, Бикәч – 7, Морза 3 тапкыр искә алынган. Ташъязмаларда дини һәм хәрби дәрәжәләр дә чагылыш таба. Мәсәлән: Сәед (3), Чура (4), Хафиз (4), Дәрвиш (2), Шәех (7), Хажы (5), Мәүлә (2), Абыз, ага (3), Суфый 2 тапкыр очрый. Язмаларда шулай ук Остаз, Челәби (Мөдәррис), Әфәнде, Бакшы (Хисапчы), Ябынчы (Сакчы) атамалары да бар.

Ташлардагы мәгълүмат буенча ханлыктагы иерархик система, аерым төбәкләрнең үзенчәлекләре дә күзаллана. Мәсәлән, Олы Солтан, дәрәжә буларак, бары Арча, Этнә төбәгендәге кабер ташларына гына хас. Казанда табылган ташларда бәк атамасы өстенлек итә. Ә Казаннан ерагайган саен, мәсәлән, тау ягында, Мишә төбәгендә кечерәк дәрәжәдәге атамалар күбрәк урын алган. Морза атамасы уелган өч ташның икесе Борынгы Чаллы төбәгендә сакланып калган (1 рәсем).

Кабер ташларындагы язучуларның 20 процентында таш куелган шәхесләрнең «кяфер кулын-дин», «Мәскәү», яисә «урыс явы килгәндә» шәһит киткәнлекләре билгеләнгән.

Казан ханлыгының төп байлыгы – жир. Ханлыктагы жирләр, дәүләтнең иминлеген тәмин итү чарасы буларак, хан тарафыннан үзенең якиннары, дәүләт идарәсендә урын биләгән төрле дәрәжәдәге бәк-морзалар, хәрби оглан-казаклар, дини вакыф биләмәләре, жирле бәкләр һәм башка сыйнфый баскычта торучылар арасында бүленгән. Казан ханлыгының матди яктан яшәеше жир бүленеше һәм салым жыю системасы аша тәмин ителгән. Ханлык жирләре салым жыю өлкәләре – даругаларга һәм вассал олысларга бүленгән. Даругалар, үз чиратында, хәрби берәмлекләр: йөзләр һәм уннардан торган. Олыслар – ханлыктагы феодал вассал биләмәләр. Олыс жирләренә ия булу хокукы нәселдән-нәселгә күчү принципына нигезләнгән. Феодал вассаллык мөнәсәбәтләренә тархан (сөергал) ярлыклары аша кануни төс бирелгән. Югары катлау кешеләре тархан (сөергал) биләмәләрен нәселдән-нәселгә тапшыру өчен тырышкан. Феодал вассаллыкның нигезендә хәрби хезмәт, ясақ жыю һәм башка төр салымнар аша түләү системасы яткан. Хан тарафыннан дәүләткә караган жирдә эшләрчә һәм шул жирдән ясақ түләүчә халыкка иминлек тудырылган, аларның хокуклары якланган.

Дәүләттәге феодал вассаллык мөнәсәбәтләре жир бүленешенә, дәүләт хезмәте, дини һәм милли тормыш иминлегенә бәйле урнашкан. Казан ханлыгында жир, төп байлык буларак, жир-биләүченең социаль һәм сәяси дәрәжәсен (урынын) билгеләгән. Югары катлау вәкилләре үз биләмәләрендә тулы хакимлеккә ия булу хокукын алганнар.

Казан ханлыгындагы югарыда күрсәтелгән сыйнфый бүленеш һәм ханлыкның яшәеш системасы эпиграфик һәйкәлләр буенча да ачыклана. Кабер ташлары язмаларында дәүләт идарәсе, хәрби, дини һәм жирле феодалларның исем-шәрәфләре, өстен катлауда тоткан урыннары һәм алар кул астында булган биләмәләре чагылыш таба. Эпиграфик һәйкәлләрне өйрәнәп, аларга анализ ясап, ханлык чорында үзәк белән төбәкләр арасында урнашкан хокукый мөнәсәбәтләренә ачыклау мөмкинлегенә дә туа.

Кабер ташларындагы язмаларга нигезләнәп, ханлыкның төрле төбәкләрендә урнашкан хакимият төзелешен өйрәнү, ташларның урнашуына бәйле торак урыннарын, олы юлларны яисә сугыш кырларын ачыклау, традицион язу үрнәге, башлам текстлары, бизәк-орнаментлар, геометрик күләм һәм форма үзгәрткәнләре буенча шул чорның сәнгати үсешен күзаллау мөмкинлегенә туа.

Таблица №1

Кабер ташларындагы язучылар

№	Ташлардагы мәгълүмат	Дәрәжә	Куелу вакыты	Урнашу урыны	Чыганақ
1	Бикәч...	Бәк кызы	1533	ТР Арча районы, Иске Ашыт, «Хан кызы кабере»	Рахим, 1930, с. 170
2	Бөек солтан кабере...	Бөек солтан	«Тукуз йүз...»	ТР Арча районы, Түбән Оры	Рахим, 1930, с. 171
3	Бикә... куйды	Бикә	XVI йөзнен 1-нче яртысы	ТР Арча районы, Иске Кишет	Юсупов, 2005, с. 71–91
4	Кунақ Хужа бай углы Жийан Хужа	Бай Хужа	1541–1542	ТР Арча районы, Түбән Мәтәскә авылы	АК, 1981, 209
5	Куна Хужа бай углы Аман Хужа хафиз (шәһид)	Бай Хужа Хафиз	1541–1542	ТР Арча районы, Түбән Мәтәскә авылы	АК, 1981, 209
6	Чура углы Гали Мәрдән. Ташны әтисе куйган.	Чура	1545	ТР Арча районы, Түбән (Урта) Сәрдә авылы	Юсупов, 1963, с. 74–75
7	Бу ләүхәнә... солтан бина кылды	Солтан	XVI йөзнен 1-нче яртысы	ТР Арча районы, Иске Масра авылы (каберлек)	Әхмәтжанов, 1996; Юсупов, 1960, с. 26
8	Солтан...	Солтан	XVI йөзнен 1-нче яртысы	ТР Арча районы, Иске Масра	Әхмәтжанов, 1996
9	Шәех-дәрвиш улы ...бәй	Дәрвиш Би	1520–21	ТР Әтнә районы, Югары Сәрдә	Рахим, 1930, с. 158
10	Мусаһир улы Әмир...	Әмир	1497–98 (1507)?	ТР Әтнә районы, Югары Сәрдә	Рахим, 1930, с. 159
11	Ябынчы Табын Акбулат	Ябынчы (сакчы)	1524 июль-август	ТР Әтнә районы, Кече Әтнә авылы	Рахим, 1930, с. 160; Әхмәтжанов, 1997

	(урыс килгәндә шәһид булды)				
–	Шәех Булат улы Сәед-Алия мәүлә	Шәех, Сәед, Мәүлә	1497–1508	ТР Өтнә районы, Кече Өтнә авылы	Юсупов, 2005, с. 71–91
12	Шәех Нәжми улы Сиражи (Чиружи)	Шәех	1505–1513 еллар арасы	ТР Өтнә районы, Иске Өжем (1-нче төркем)	Рахим, 1930, с. 166; Юсупов, 1960
13	Бөек солтан кабере. Нәжим-Бай улы Судал... – Бай. Бу ләүхәне хатыны Дәүләт-Солтан бина кылды	Бөек солтан Бай, солтан	1548	ТР Өтнә районы, Иске Өжем авылы	Рахим, 1930, с. 166–167; Казаков и др., 1987, с. 96–97
14	Бу ләүхәне әнисе Татлы-би бина кылды	Би	–	ТР Өтнә районы, Иске Өжем авылы	Рахим, 1930, с. 168
15	Нәжим-Бай улы Чытыш	Бай	1541 ноябрь	ТР Өтнә районы, Иске Өжем	Рахим, 1930, с. 168
16	Бөек солтан кабере. Садир(?) улы Идегәй (кяфер кулыннан шәһид китте)	Бөек солтан	1540	ТР Өтнә районы, Иске Өжем авылы	Рахим, 1930, с. 169; АК, 1981, с. 27
17	Бөек солтан кабере. Бознак улы Тугаш... Хатыны Гөлбахар бикәчтән	Бөек солтан Бикәч	1543	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр авылы	Рахим, 1930, с. 163; Архив, ед. хр. 63, № 18
18	Шәех Хәсәннең хатыны...	Шәех	1504 июнь	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр	Рахим, 1930, с. 163
19	...кяфер кулыннан шәһид китте. Әнисе Күркле-бикә бина кылды	Бикә	XVI йөзгә 1-нче яртасы	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр авылы	Рахим, 1930, с. 164
20	Бу ләүхәне әтисе солтан бина кылды	Солтан	XVI йөзгә 1-нче яртасы	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр авылы	Рахим, 1930, с. 165
21	Бу ләүхәне улы өчен әтисе ...солтан бина кылды	Солтан	XVI йөзгә 1-нче яртасы	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр авылы	Рахим, 1930, с. 165
22	Өжем улы Бик-Бау хатыны Ак-Бикәч Ша... бикәч Шаһ-Гали. Бу ләүхәне әтисе Хәжим, әнисе ...бикә бина кылды	Бик Бикәч Бикә	XVI йөзгә 1-нче яртасы	ТР Өтнә районы, Иске Мәңгәр авылы, кабер ташы югарыдагы төркемнән аерым урнашкан	Рахим, 1930, с. 165
23	Жәгъфәр кызы, Гали хатыны, Айбикәч	Бикәч	1539 –1540	ТР Өтнә районы Түбән Бәрәскә авылы	Юсупов, 2005, с. 81–82
24	Хәсән улы Искәндәр хаж	Хаж	1536	ТР Балтач районы Карадуган авылы	Әхмәтжанов, 1995, 102–106 бб.
25	Ил-авыл сәид Атабик (Үтәк бик) Мәннан морза углы	Сәед Бәк Морза	1524	ТР Балык бистәсе районы, Мәмле Казаклар (Чаллысы) авылы	Гариф, 2006, 126–137 бб.
26	(Х)ажар Ходайяр бик углы Жәруш морза	Бик Морза	15**	ТР Балык бистәсе, районы Мәмле Казаклар (Чаллысы) авылы	Гариф, 2006, 126–137 бб.
27	Сәйтәк углы Сираж Биргән (Мәскәү йауы килгәндә шәһид	–	1530	ТР Балык бистәсе, районы Чураш (Бикчурай Чаллысы) авылы	Архив, ед. хр. 73; Гариф, 2006, 122–124 бб.

	булды. Угылы Кырмыш бина кылды)				
28	Бу ләүхәне әнисе Дәүләт-солтан бина кылды (2 кабер ташы)	Солтан	XVI йөзнец 1-нче яргысы 1540	ТР Биектау районы, Мәмдәл авылы	Архив, ед. хр. 1–49; АК, 1981, 1
29	... углы Чура	Чура	1519–1520	ТР Биектау районы, Ямаширмә авылы	Юсупов, 1960; Әхмәтжанов, 1999, 97 б.
30	Галимәрдән улы Кол-Жалы морза	Морза	1524	ТР Биектау районы, Урыс Урматы мәктәбе	Рахим, 1930, с. 155
31	Әмиргали Аксәед углы Галимәрдән Аксәед. Әнисе Абәк куйган	Аксәед	1534	ТР Биектау районы, Тимерче (Чемержы) авылы	Әхмәтжанов, 1999, 97 б.
32	Әмир Гали остаз углы Шаһимәрдән остаз	Остаз	1534	ТР Биектау районы, Тимерче авылы	Әхмәтжанов, 1999, 97 б.
33	Габделкәрим хатыны Бахшанда бикәч	Бикәч – бәк кызы	1541–1542	ТР Биектау районы, Әлдермеш авылы	Әхмәтжанов, 1999, 91 б.
34	Хәсән хафиз, Хәсән Газиз,	Хафиз	XVI йөзнец 1-нче яргысы	ТР Биектау районы Әлдермеш авылы	Әхмәтжанов, 1999, 91 б.
35	Габделкәрим кызы Мөхсинә бикә	Бикә	XVI йөзнец 1-нче яргысы	ТР Биектау районы, Әлдермеш авылы	Әхмәтжанов, 1999, 91–92 бб.
36	Йиллек шәех Бәхшәндияр	Шәех	XVI–XVII йөзләр (?)	ТР Биектау районы, Сая авылы, «Әүлия кабере»	Әхмәтжанов, 1999, 92 б.
37	Туктас-Булат углы Алтын-Би (урис яуы килгәндә шәһид булды)	Би	XVI йөзнец 1-нче яргысы	ТР Биектау районы, Хохлово авылы	Әхмәтжанов, 1999, 92 б.
38	Мәүлә Шах-Гали Дәрвиш Малик-Хатун	Мәүлә Дәрвиш Хатын	1494	ТР Биектау районы, Урыс Әйшәсе	Юсупов, 1960, с. 25
39	Тулун хужа гаялы Ай-Кыз бикәч	Хужа Бикәч	1528	ТР Биектау районы, Урыс Әйшәсе авылы кырында	АК, 1981, 194 Әхмәтжанов, 1999, 96–97 бб.
40	Хәсән углы... бий (бу ләүхәне атасы Хәсән белән анасы Гөләби Йөз-бикә бина кылды)	Бий, бикә	1543 май-июнь	ТР Биектау районы Чыпчык авылы, тимер юл янында	Рахим, 1930, с. 153; Әхмәтжанов, 1999, 94–95 бб.
41	Хәҗи Хәлил углы...	Хәҗи	1546	ТР Биектау районы Коркачык авылы янында	Рахим, 1930, с. 153–154
42	Бу ләүхәне хәлали Биби... бикәч бина кылды	Бикәч	XVI йөзнец 1-нче яргысы	ТР Биектау районы, Коркачык авылы янында	Рахим, 1930, с. 154; Әхмәтжанов, 1999, 95 б.
43	Галикәчә улы Хаккау хафиз	Хафиз	1542	ТР Биектау районы, Чуаш Иле	Юсупов, 1963, с. 73
44	Кимендә 2 кабер ташының ватыклары (язулы һәм бизәкле) (Мәхмүд, Мөхәммәд-Әмин)	Ханнар	XV г. – 2-нче (1460) һәм XVI г. 1-нче яргысы (1518)	Казан шәһәре, Кремль, Ханнар зираты	История, 1988, с. 28; Хузин, Ситдиқов, 2005, с. 101; Мавзолеи, 1997
45	Хужа Әхмәд	Хужа	XVI йөзнец 1-нче яргысы	Казан шәһәре, Профсоюз урамы, (Метро)	Ситдиқов, 2004
46	Бирде... Бәк-Солтан бәк	Бәк Бәк	XVI йөзнец 1-нче яргысы	Казан шәһәре, Кремль, Төмән капкасыннан көнчыгышта	Ситдиқов, 2004
47	Шаһмөхәммәд бәк углы Мөхәм-	Бәк, бәк,	1530	Казанда табылган, Мәрҗани мәчетендә	Архив, ед. хр. 63, № 12; Фукс, 1817

	мәдгали бәк (кяфер кулыннан шәһид). Ташны углы Тәңре Колый бәк бина кылды.	бәк		саклана	
48	Әжмәк углы Мухшытай би	Би	1521	ТР Кайбыч районы, Кече Кайбыч авылы	Мәрданов, һадиев, 2005
49	Бик–мөхәммәд углы Тиләш	Бәк?	1521	ТР Кайбыч районы, Кече Кайбыч авылы	Мәрданов, һадиев, 2005
50	Карачура улы Карача	Карача	1539–1540	ТР Мамадыш районы, Бөрсет Сукачы авылы	АК, 1981, № 698
51	Тәңре Бирде улы кяфер кулындан шәһид булды	–	1545	ТР Питрәч районы, Пановка авылы	Архив, ед. хр. 1–49
52	–	–	XV–XVI йөзләр	ТР Питрәч районы, Янсуар авылы, «Морзалар зираты»	Архив, ед. хр. 1–49
53	Тәвәккәл, Мәүлә Сәед Әхмәд углы	Мәүлә Сәед	1491	ТР Питрәч районы, Татар Тау Иле (Тат. Ходяш)	Юсупов, 1951, с. 82–83; Архив, ед. хр. 1–49
54	Хажы Хәсән углы Шәйдулла	Хажы	1518	ТР Питрәч районы, Тау Иле авылы	Архив, ед. хр. 1–49
55	Тәвәккәл хатыны Гәүһәр-бикә	Бикә	1550	ТР Питрәч районы, Тау Иле авылы	Архив, ед. хр. 1–49
56	Мәхмүд ага, шәех Исхак углы	Ага Шәех	1487	ТР Питрәч районы, Тау Иле авылы	Юсупов, 1951, с. 82–83
57	Шәех би углы Алакүз, Хафиз абыз	Шәех, хафиз, абыз, би	1524	ТР Саба районы, Кече Шыңар авылы	Архив, ед. хр. 1–49 һадиев, Мәрданов, 2006
58	Абыз Риким Чиремеш улы Язнаш	Абыз	1547	ТР Теләче районы, Тәмте авылы, «Ханнар зираты»	Архив, ед. хр. 1–49; АК, 1981, 438
59	Шәех Галинең хатыны Нәүрүз солтан	Шәех Солтан	1527–1528	ТР Теләче районы, Югары Кибәхужа	Юсупов, 1951, с. 90–91 (рис. 16)
60	Шәех улы Йосыф	Шәех	1443	ТР Теләче районы, Олы Нырсы авылы	Архив, ед. хр. 1–49
61	Тәвәкал гаялы Рәжәб солтан	Солтан	1504	ТР Яшел Үзән районы, Мулла Иле авылы	Насыйри, 1977
62	Шәех Хәсән улы Миргали	Шәех	1528	ТР Яшел Үзән районы, Мулла Иле авылы	Юсупов, 1960
63	Чура батыр (Нарыков) ташы?	Чура	Ханлык чоры	ТР Яшел Үзән районы, Зур Караужа авылы	Әхмәтжанов, 1999, 90–97 бб.
64	Ики Дабын Йәкимезди Суфый углы Харакай	Суфый	1552 ел башы	ТР Яшел Үзән районы, Олы Жәке авылы	Әхмәтжанов, 1999, тышлык 4 б. (фото)
65	Чура улы Дәүлек-Нур	Чура	1481–1482 (1469)	ТР Яшел Үзән районы, Татар Әжиле авылы	АК, 1985, с. 18; Насыйри, 2005
66	Мөхәммәд Чәләби Хажы	Хажы	1532	ТР Яшел Үзән районы, Бакырчы авылы	Насыйри, 1977
67	Хажы Шиш улы (сугышта шәһид)	Хажы	1543	ТР Яшел Үзән районы, Шахгали (Шигали) авылы	Насыйри, 1977
68	Шумбак би Жәберхан	Би	1533 (1543)	ТР Яшел Үзән районы, Күгеш авылы	Насыйри, 1977; Юсупов, 1961, с. 6–7
69	Уждага әфәнде углы Акдәүләт	Әфәнде	1543	ТР Яшел Үзән районы, Танай авылы	Насыйри, 2005
70	Гали-бәк хатыны Бикә	Бәк Бикә	1504	Киров өлкәсе, Слободск районы, Карино авылы	Архив, ед. хр. 63, № 26
71	Гали-суфый улы Сәет-бәк	Суфый Бәк	1555	Киров өлкәсе, Слободск районы, Карино авылы	Материалы, 1930; Рахим, 1930

72	Жиһанша Сәед Тәкә улы (шәһид булды)	Сәед	1522	Киров өлкәсе, Слободск районы, Нократ (Карино) авылы	Архив, ед. хр. 63, № 27
----	---	------	------	--	----------------------------

Кулланылган әдәбият һәм чыганаclar

Әхмәтҗанов, 1995 – Әхмәтҗанов М. Тарихка кечкенә сәяхәт // Татарстан – 1995. – № 1–2. – 102–106 бб.

Әхмәтҗанов, 1996 – Әхмәтҗанов М. Арча төбәге тарихы (История Арского края) китабыннан. – Казан: ТКН, 1996.

Әхмәтҗанов, 1997 – Әхмәтҗанов М.И. Бертуган Пициганилар картасы / М.И.Әхмәтҗанов // Идел. – 1997. – № 7. – 62–63 бб.

Әхмәтҗанов, 1999 – Әхмәтҗанов М.И. Биектау төбәгенен XIII–XVII гасырлардан калган татар эпиграфикасы / М.И.Әхмәтҗанов // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 90–97 бб.

Архив, ед. хр. 1–49 – Архив КНЦ КФТИ. Ф.5, оп.38, ед. хр. 1–49 и т.д.

Архив, ед. хр. 63 – Архив КФАН СССР. Ф.8, оп.1, ед. хр. 62–64.

Архив, ед. хр. 73 – Архив ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Ф.8, оп.1, ед. хр. 73. Фото № 4.

АК, 1981 – Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. Халиков А.Х. – М.: Наука, 1981. – 282 с.

АК, 1985 – Археологическая карта ТАССР. Предволжье / Отв. ред. Халиков А.Х. – Казань, 1985. – 116 с.

Булатов А.Б. Татарстан Фәннәр академиясе Г.Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының кулъязмалар һәм текстология бүлеге мирасханәсе. Фонд 102, тасв. 1, эш кенәгәләре 31 (Болгар эпиграфик ташлары (XIII–XVI), Идел елгасының уң ягы); 32 (Шул ук, Үкәк шәһәре тирәсе һәм Кама арьягы); 32 (Кама арьягы); 89 (Кабер ташлары турында, 20 фотосурәт); тасв. 2, эш кенәгәсе 9 (фотосурәтләр).

Гариф, 2006 – Гариф Н. Казан ханлыгы / Мөхәррире Ф.Сафин. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2006. – 175 б.

История, 1988 – История Казани. Первая книга. Казань: Таткнигоиздат, 1988. – С.28–29 (о раскопках Н.Ф.Калинина 1977 году ханских захоронении и об обнаружении в 1778 году надгробного камня первой половины XVI в. при строительстве Гостиного двора).

Үадиев, Мәрданов, 2006 – Үадиев И., Мәрданов Р. Саба төбәгенен эпиграфик истәлекләре // Казан утлары. – 2006. – № 8.

Казаков и др., 1987 – Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. – 240 с.

Калинин Н.Ф. ТФА, Г.Ибраһимов исемдәге ТӘСИның кулъязмалар һәм текстология бүлеге мирасханәсе. Фонд 8, тасв. 1, эш кенәгәләре 2 (Эпиграфик материаллар, сак. бер 57–85); 62–64 (Эпиграфик ташлар буенча эшләнган 3 фотоальбом); 65–85; 107 (Чебоксар музееда сакланучы эпиграфик ташларның күчермәләре); 109–110; 188; 199–200; 207–212; 233–236.

Мәрданов, Үадиев, 2005 – Мәрданов Р., Үадиев И. Кече Кайбычтагы борынгы кабер ташлары // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – №2. – 98–101 бб. (фотолар).

Мавзолеи, 1997 – Мавзолеи Казанского кремля (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997. – С.43.

Материалы, 1930 – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР / Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академическом Центре Татнаркомпроса. – 4-й вып. – Казань, 1930. – С.49–57.

Насыйри, 1977 – Насыйри К. Избранные произведения / К.Насыйри. – Казань: ТКИ, 1977. – 256 с.

Насыйри, 2005 – Насыйри Каюм. Зөя өязе авыллары. Сайланма әсәрләр. Дүрт томда. 3 том. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005.

Рахим, 1930 – Рахим Али. Татарские эпиграфические памятники XVI века // Труды Общества по изучению Татарстана. – Казань, 1930. – Т.1. – С.145–175.

Ситдиқов, 2004 – Ситдиқов А.Г. Отчет об археологических работах в Кремле. Раскоп ЛП, 2004 г. Т.П. – Ч.2. – С.110–118. (Пласты, сооружения).

Фукс, 1817 – Фукс Карл. Краткая история города Казани. – Казань, 1817.

Хузин, Ситдиқов, 2005 – Хузин Ф.Ш., Ситдиқов А.Г. Древняя Казань. – Казань, 2005.

Юсупов, 1951 – Юсупов Г.В. Татарские эпиграфические памятники XV в. / Эпиграфика Востока. – М.-Л.: Изд. «Наука», 1951. – Выпуск V. – С.78–92 (фото).

Юсупов, 1960 – Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 165 с.: ил.

Юсупов, 1963 – Юсупов Г.В. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства / Эпиграфика Востока. – М.-Л.: Изд. «Наука», 1963. – Выпуск XVI. – С.72–78 (фото).

Юсупов, 2005 – Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники Атнинского района Республики Татарстан / (Автор введения и примечаний М.Ахметзянов) // Татарская археология. – 2005. – №1–2. – С.71–91.

Юсупов Г.В. ТФА, Г.Ибраһимов исемдәге ТӘСИның кулъязмалар һәм текстология бүлеге мирасханәсе. Фонд 72, тасв. 1, эш кенәгәләре 48; 56–58; 74–79; 373–374; 379–382; 385–386 (Эпиграфик экспедиция

көндөлекләр); 415; 457–458; 461–462; 468 («Гостинный двор» почмагында табылган ташның сүрәте); 469 (Казан Кремленнән табылган таш); 472–472; 478–479; 482–489; 492–493; 511 («Иске Казан» ташлары); 513; 518–522; 531; 534; 536–544; 548–555; 558; 560; 563–565; 569; 574 (Санап кителгән эш кенәгәләрендә төрлө өлкәләрдә урнашкан зиратлар һәм алардагы XIII–XIX гасырларга караган кабер ташларының сурәтләре, рәсемнәре һәм урнашулары билгеләнгән карталар тупланган). Фонд 72, тасв. 2, эш кенәгәсе 52; тасв 3. эш кенәгәләре 1, 2.

**Чаллы төбәгендәге Казан ханлыгы чоры кабер ташлары
Балык бистәсе районының Мәмле Казаклар Чаллысы авылы каршында**

«*Үтәк бик Мәннан морза угылы*»
кабер ташы.

«*(Х)ажар Ходайар бик угылы*»,
«*Жаруш*» (?) морзаның кабер ташы.

З.А. Тычинских

**О конфессиональной политике Российского государства
в XVII–XIX вв. в отношении служилых татар Сибири**

Значительную часть татарского населения в Сибири на протяжении XVII–XIX веков составляли служилые татары. Основа группы служилых татар, или татарского казачества, была сформирована из военно-служилой феодальной верхушки Сибирского ханства. Привлечение на свою сторону татарской знати для Московского государства имело огромное значение. В течение всего XVII века существовала угроза отпадения Сибири от центра. Эта угроза обязывала Российское правительство предпринимать меры по установлению прочных административных, политических и экономических связей с «дальней сибирской вотчиной». В связи с этим, действия местной власти в Сибири были направлены на то, чтобы выполнять установку центрального правительства: «...от Кучума царя людей лучших отговаривать, чтобы ехали к государю служить» [1, с.118]. Для этих целей была предусмотрена система поощрений и льгот. Как замечает П. Небольсин, в Сибири в сословие служилых людей татары верстались за особенные услуги, часто по их собственной просьбе, но преимущественно из тех «от которых измены не почаяти» [1, с.110].

Хотя одним из важнейших постулатов казачества являлось православие, и в казацкие команды обычно набирались лишь те инородцы, которые приняли христианскую веру, тем не менее, основная масса татар-казаков в Сибири осталась «магометанами». Татары же «новокрещены» служили в русских либо «литовских» командах. Как правило, они выделялись в отдельный «список». По этому «списку» в 1633 году тобольских новокрещеных татар и новокрещеных казаков чис-

лилось 25 человек [2, с.27]. «Новокрещены» на первых порах составляли особый разряд полуслужилых инородцев – т.н. «кормовые новокрещены», которые получали неопределенный денежный «корм» за разные служебные поручения, а не постоянное, годовое «жалованье», которое выдавалось «служилым татарам» (некрещеным) и другим служилым инородцам, составлявшим постоянные воинские части. «Кормовые новокрещены» часто били челом о «поверстании» в русские войсковые части – в казаки [3, с.110]. Обычно эти просьбы удовлетворялись, и новокрещеные татары очень быстро сливались с русским казачеством.

В целом число новокрещеных татар было незначительным, так как, несмотря на все усилия рьяных сибирских православных просветителей Филофея Лещинского, Сильвестра Главацкого и их последователей, новая вера плохо приживалась у сибирских народов, особенно у татар [4, с.173–174]. В то время как князьки северных княжеств (Обдорского, Пелымского, Куноватского и пр.), хотя бы номинально принимают православие [5, с.165–167], ситуация с верхушкой бывшего Сибирского ханства остается иной. В их отношении Москва выбирает иную, более гибкую политику.

По всей видимости, именно дипломатическими расчетами и политической дальновидностью Московской власти объясняется и то, что служилые татары на протяжении всего периода существования данного сословия оставались мусульманами. Перед Московским правительством стояла важная стратегическая задача – привлечь на свою сторону татарскую феодальную знать. Центральная власть предписывала сибирским воеводам проявлять к ним «береженье к ним и ласку» и не ущемлять религиозные чувства татар [1, с.118]. Как отмечает Е.П. Перевалова, в Сибири «на этапе военных захватов туземных земель российское государство не стремилось к конфессиональному подчинению...» [6, с.62].

В целом генеральную линию конфессиональной политики Московского государства в течение XVII века в отношении сибирских инородцев можно определить словами из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей, направленного тобольскому воеводе П.С. Прозоровскому, а также грамоты на имя митрополита Павла от 5 апреля 1685 года. В этих документах говорилось: «для того, что Сибирь государство дальнее и состоит меж бусурманских иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не ожесточить...» [7, с.331–333].

Тобольским митрополитам высочайшими грамотами было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть». Однако на месте эти распоряжения часто не соблюдались. В связи с этим, от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы на местную духовную власть, всеми способами стремившуюся увеличить паству. В ответ на эти жалобы государь приказал воеводам взять под свое наблюдение, «чтоб неволею в православие иноземцев не обращали».

Во главе противодействия христианизации татар встают служилые татары под началом Авазбакея Кульмаметева. В 1686 году по челобитью головы тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаметева с товарищами из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и, лишь после рассмотрения этих прошений воеводой, направлять их к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дожидаясь из приказной избы памятей – тех людей не крестить» [7, с.333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев с тем, чтобы, приняв православие, избавиться от наказания или от прежней кабалы.

В наказе тобольскому воеводе от 1697 года в очередной раз подтверждаются распоряжения о недопустимости насильственного обращения в православие: «насильством никого не крестить».

С начала XVIII века наступает новый этап колонизации Сибири, который А.В.Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского» или эпохой конфессионального захвата [8, с.90]. В первой четверти XVIII века начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [9, с.27].

В 1706 году Петр I поручает тобольскому митрополиту Филофею Лещинскому ехать к осякам и вогуличам с проповедью Евангельскою для того, чтобы «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самых остяков и вогулов было велено «от мала до велика крестить». В итоге миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м годам XVIII века основная часть остяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена [9, с.48; 10, с.265].

Наряду с вогулами, остяками, якутами, указ 1714 года предписывал крестить и татар [11]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском были крещены в 1718–1720 годах туринские татары, а в 1720 году – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т.Валеевым данным, за 10 лет (с 1749 по 1758 г.) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2500 человек обоего пола [4, с.173–174].

Служилые татары оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 году Ф.Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещеным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [9, с.68].

Другой ревностный православный креститель митрополит Сильвестр Гловацкий сообщал в Синод о том, что когда в 1753 году дворовая девка татарина Мусы Маметнарова захотела креститься вместе с малолетним сыном, Муса Маметнаров, узнав об этом, для отвращения от крещения чинил «бесчеловечные мучения и побои жжением огнем». Такие же побои, по словам митрополита, «учинил» житель Медянских юрт – служилый татарин Кутумов за попытку «вернуться в христианство Григорию Елбаеву» [12, с.120]. Таким образом, татары-мусульмане в Сибири оказывали упорное сопротивление насильственному крещению.

В то же время нельзя не отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом, и служилых татар, в частности, проходил гораздо мягче, чем в отношении языческих народов Сибири и в отношении служилых татар Поволжья. В этот же период проходила активная кампания по христианизации служилых татар в бывших Казанском и Касимовском ханствах. Государственными указами 1713, 1715 годов инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, было предписано перейти в православие. В противном же случае их земли должны были отойти государству или их крещеным родственникам [13, с.22–23]. Политика насильственной христианизации в Поволжье была направлена на устранение инородческого служилого землевладения, на котором была основана социальная мощь татарской служилой аристократии [14, с.55]. «Мягкость» же в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была обусловлена рядом причин, и, прежде всего, тем, что в Сибири не сложилось дорусское служилое землевладение, отсутствовал класс феодалов-землевладельцев, который мог бы представлять реальную социальную силу. Кроме того, к этим причинам можно отнести сравнительную малочисленность служилых татар, необходимость как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, значительную отдаленность «сибирской вотчины», огромной по размерам, постоянную угрозу ее отпадения, необходимость в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» в течение всего XVIII века.

Очередной этап в конфессиональных отношениях наступает с воцарением Екатерины II, которая отходит от насильственных методов и стремится использовать ислам, наряду с православием, в своих политических интересах. Так, на пограничные линии для распространения ислама между киргизами, направляются муллы, которые назначались из числа тобольских служилых татар. Жалованье им определялось от русского правительства. Делалось это для подрыва влияния на киргизов среднеазиатских миссионеров [11, с.313].

Во второй половине XVIII века приходит предписание бывшему татарскому голове мурзе Авазбакею Кулмаметеву, ахуну Абтигариму Тацимову, а также голове Сабанаку Кульмаметеву о том, что дела по «махометанскому закону ... препоручены в единственное их ведение». По этому высочайшему предписанию им должны были быть «по духовным делам в послушании» состоящие «в том махометанском законе» татары Тарского, Томского, Тюменского и Верхотурского ведомств. Также в документе было указано, что «по смерти помянутых головы Кульмаметева и агуна Тацимова те законные дела разбирательством случаи по их махометанскому закону и духовных чинов поныне головою Сабанакон Кульмаметевым производятся» [15, л.3].

Обращает на себя внимание то, что руководство делами «по махометанскому закону» было поручено светскому человеку, сначала голове служилых татар Авазбакею Кульмаметеву, совместно с ахуну Тацимовым и сыном Авазбакея – Сабанакон. Во второй половине XVIII века этими делами занимался единолично голова Сабанакон Кульмаметев. Однако, как нам известно, Аптигарим Тацимов, бывший в первой половине XVIII века в г. Тобольске ахуну, т.е. главным лицом духовной иерархии татар в Сибири [16, с.299], Г. Миллером назван родственником Сабанака Кульмаметева. С другой же стороны, «суд и расправа», как над служилыми, так и над ясачными татарами, которые были обычно в ведении татарского головы, основывались на «махометанском законе» [17].

Случаи, когда казаки-татары переходили в православие, были очень редки. Если казаки татарских команд по какой-либо причине принимали христианство, то они уже не оставались в прежней команде,

а причислялись к русской. Так, в сентябре 1800 года тобольскому гражданскому губернатору Д.Р.Коселеву поступил рапорт от тюменского городничего Бабичева, в котором он сообщал, что казаки тюменской татарской казачьей команды Кубяшев и Кулышев, «названные во святом крещении первой – Иваном, а другой – Александром по нежеланию быть по восприятию веры греческого исповедания в татарской казачьей команде», были причислены в русскую команду [18, л.307].

В середине XIX века генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х.Гасфортом была предпринята попытка «устроить» духовную жизнь мусульман татарского конного казачьего полка. В 1852 г. в полку состояло мусульман мужского пола: «татар казачьего сословия» – 1380 и причисленных к полку «ясачных татар» – 1704.

В отношении мусульманского духовенства в Тобольском конном полку были разработаны специальные «Правила», которые были представлены в Департамент военных поселений, а в феврале 1853 года утверждены Военным Советом – высшим законосовещательным учреждением по военному ведомству Российской империи. По этим Правилам в Тобольском конном казачьем полку полагалось иметь при соборных мечетях одного хатыпа (проповедника), одного имама (руководителя общей молитвой) и одного муэдзина – «маязина» (служку, призывающего на молитву), а при простых мечетях – одного имама и муэдзина, наблюдая при этом, чтобы в приходе мечети состояло не менее 200 душ мужского пола [19, л.10 об.].

Указанные магометанские духовные чины должны были избираться казаками, принадлежащими к приходу мечети. Они могли быть избранными, как из лиц казачьего сословия, так и из лиц, не принадлежащих к Тобольскому конному полку.

Избранные и утвержденные духовные лица, пока они состояли в духовном звании, по «Правилам» освобождались от всяческих служебных командировок [19, лл.10об.–11об.].

Впоследствии законодательная основа деятельности мусульманских духовных лиц среди тюркоязычного населения Западной Сибири была закреплена в общегосударственных «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» 1857 и 1896 гг. [20, с.126–127].

В целом, по данным Ф. Усова, в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX века магометан состояло 6,485 душ обоего пола, что составляло 6,4 % от общей численности войска [21, с.86, 88].

Список использованных источников и литературы

1. Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование. – СПб., 1849.
2. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1885.
3. Оглоблин Н.Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Ч. 3. – М: Университетская типогр., 1900.
4. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань, 1993.
5. Перевалова Е.В. Обдорские князья Тайшины // Древности Ямала. Вып.1. – Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000.
6. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
7. Андриевич В.К. История Сибири. – Ч. 2. – СПб., 1889.
8. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
9. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. – Л., 1941.
10. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XX в. – Новосибирск: Наука, 1975.
11. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883.
12. Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. Джихад татарского народа. – Казань, 1998.
13. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. – Казань, 1991.
14. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. – Казань: Изд-во КГУ, 1964.
15. РО ТГИАМЗ (Рукописный отдел Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника) № 12864.
16. Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. – Тобольск, 1861. – № 35–45.
17. [Миллер Г.Ф.] Сибирь XVIII века в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. – Вып. 6. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996.
18. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.329. Оп.13. Д.34.
19. РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.21142.
20. Арапов Д.Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы». – Тобольск-Омск, 2002. – С. 126–127.
21. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб., 1879.

В.Г. Волков

Мурзы и князцы чатских и томских татар XVII – начала XVIII вв. Опыт генеалогической реконструкции династий

Служилые чатские и томские татары XVII – нач. XVIII веков являлись особой этносоциальной группой служилого населения, а ее верхушка – мурзы и князцы, может считаться особым сословием внутри этой этносоциальной группы, которая приближается по своему социальному статусу к верхушке томских служилых людей – голов, сотников, атаманов и детей боярских.

Выяснение родственных связей внутри этой группы, выявление брачных связей с другими группами помогает ответить на ряд вопросов: состав группы, присутствие и вхождение в нее разных элементов, социальный статус группы, процесс складывания семейных кланов, стабильность или нестабильность в составе группы на протяжении длительного времени и т.д.

Томская история начинается с подачи челобитной князца томских (эуштинских) татар Тояна царю Борису Годунову с просьбой поставить в Томской волости город для защиты от набегов агрессивных соседей. Со времени вступления Тояна и его людей в русское подданство начинается история томских служилых татар. Томские (эуштинские) татары были древними жителями окрестностей будущего Томска. Упоминается в первые годы князец Басандай. Судя по всему, его владения находились южнее Томска, где ныне протекает река Басандайка. Но, как известно, Басандай не принял русское подданство, а даже пытался совершить набег на Томск, и, согласно легенде, погиб у стен города. Городки князцов Еваги и Ашкинея находились вниз по течению Томи. Но ни Басандай, ни Евага, ни Ашкиней не вошли в число служилых татар.

После основания Томска перешли в русское подданство чатские татары, кочевавшие вдоль берегов Оби и ее притока р. Чаусы выше устья Томи, и часть из них поселилась в окрестностях Томска и вошла в состав служилых татар. Служилые татары совместно с русскими служилыми людьми обороняли Томск и его окрестности от нападений кочевников: «белых и черных калмыков» и «кыргызов», ходили в походы и сопровождали посольства [21, с.314; 17, с.36; 18, с.83; 20, с.517–525; 24, с.56–57]. Возглавляли томских служилых татар князцы, а чатских служилых татар – мурзы. Чатские татары занимали более привилегированное положение, нежели томские. Это видно на примере жалованья, выплачиваемого им, и той роли, которой они играли в истории Томска.

Среди первых чатских мурз упоминаются Кызлан мурза Акбулатов, Бурлак мурза Аккулин, Сарткула Ендегулин, Карга Кызланов (1632/33 гг.) [1, л.81 об.- 82.], а также мурза Тарлав. Тарлав известен тем, что принял русское подданство, но в 1629 году взбунтовался и со всеми своими людьми бежал из Чатского городка вверх по Оби, поставив городок на р. Чингиске. Он пошел походом на томские волости и под Томск, сжег Чатский городок и убил много русских и татар. В 1631 году томский воевода Петр Пронский послал против него отряд под началом Якова Тухачевского с отрядом в 300 человек томских служилых людей и чатского мурзу Бурлака с сотней чатских и томских татар. Тухачевскому удалось взять «изменнический городок». Тарлав бежал, но был настигнут и в схватке убит [22, с.91, 99–101, 263, 363, 364, 368–370, 372, 375, 376.; 25, с.28, 47–49]. Мурза Бурлак Аккулин сообщал в своей челобитной, что начал служить в Томске с момента его основания. В 1630 г. вместе с томским сыном боярским Кузьмой Черницыным ходил в поход против мятежного «брата» Тарлава [18, с.74; 25, с.48].

Основными источниками реконструкции родственных связей мурз и князцов послужили окладные книги денежного, хлебного и соляного жалованья, а также ряд других источников: сметные списки, таможенные книги, крестоприводные книги, материалы первой ревизии 1720 года и т.д.

При реконструкции родственных связей использовались как прямые указания источников на эту связь, например, «Елугач Бекенеков умре а на его место по указу гдря и по помете на выписке с приписью подьячего Силы Великосельского поверстан в службу чатцкой татарин Ендай Бекенеков на умершего брата своего место Елугача Бекенекова а оклад учинен ему тот же» [14, л.120 об.], так и косвенные, это прежде всего упоминание служилого татарина на том же самом месте и с тем же окладом, что и его предполагаемый отец или брат. Например, в окладной книге жалованья за 165 (1656/57) год первыми в списке чатских татар идут мурзы с окладом 9 рублей: Бурлак Аккулин, Итегмень Тарлаво и Кочеш Кызланов [5, л.35]. В 170 (1661/62) году первыми в списке с тем же окладом идут Итегмень Тарлаво, Сургоян Бурлаков и Кочеш Кызланов [6, л.62 об.]. Естественно, мы делаем вывод, что Сургоян Бурлаков сын Бурлака Аккулина, поверстаный в отцово место. В некоторых случаях место предполагаемых отца и сына в списке не совпадает, но патроним столь

редкий, что можно не сомневаться в родственной связи двух лиц. Например, мурза Сарткула Ендегулин указывается в 1632–57 гг. [1, л.84 об.; 2, л.95 об.; 3, л.43; 4, л.40 об.; 5, л.35 об.], а в 1661/62 годах на его месте указан Косчек Сарткулин [6, л.62 об.]. Но в 1641–62 гг. с более низким окладом указан также Аидек Сарткулин [2, л.95 об.; 3, л.43 об.; 4, л.41; 6, л.63]. Мы вправе предположить, что Аидек Сарткулин является сыном Сарткулы Ендегулина, так как в предыдущих списках другого Сарткулы не встречается. В 1671/72 г. на месте Аидека Сарткулина указан Соксон Аидеков [7, л.639]. Также в 1661–86 годах указывается ясаул Тосмаммет Сарткулин с достаточно высоким окладом 9 рублей [6, л.62 об.; 8, л.194; 7, лл.594, 638; 11, л.100 об.; 12, л.61; 13, л.362 об.]. А в 1707 году на его месте – ясаул Бекенек Тосмамметов [14, л.119].

Используя данную методику, мы выявили следующие династии чатских мурз:

Прежде всего, это потомки мурзы Тарлава [несмотря на участие Тарлава в бунте против русских властей, его сыновья получили титул мурз]: сыновья – Итегмень Тарлавов (1636–1686), Койбас (Коймас) Тарлавов (1636–1677), Аиткул Тарлавов (1661–1886), внуки Сары Койбасов (1678–1886), Бекшень Койбасов (1676–86), Кайдал Аиткулов (1707) и правнук Алыпкей и Часагач Бекшеневы (1707). К этой же династии следует отнести чатского мурзу Брата (Бурата) Сютеева и его сына, тоже мурзу Бахтогулу Братова. О родстве Бурата Сютеева с другими мурзами мы узнаем из документа 188 (1679/80) года. «Да для тое ж калмыцкие посылки дано в приказ чатцкого мурзы Итегменя Торлавова племянником ево Бурату Сютюменеву Кияку Айткулову по четыре аршина сукна шибтугу середнево и тово восемь аршин по цене два рубли осмнатцать алтын» [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; Кн. 622, лл.96 об.–99 об.; 10, лл. 100 об.–103 об.; 11, лл.29, 90–93; 12, лл.61–62 об.; 13, л.362–377 об.; 14, лл.118 об.–122 об.; 15, л.275.].

В 1720 г. Бахтогулу Братов проживал с семейством в селении «На Тахтамышевом бору на Черной речке». Там же проживали служилый татарин Имаш Айткулов, видимо, сын Айткулы Тарлавова, Кызаш Акияков, сын указанного в вышеприведенном документе племянника мурзы Итегменя Тарлавова – Кияка Айткулова. То же самое можно предположить относительно происхождения еще двух жителей этого селения – Чебаша Бекшенева и Сумаша Айткулова. Первый, видимо, был сыном Бекшеня Тарлавова, другой сыном Айткула Тарлавова и братом Имаша Айткулова [16, лл.240, 240 об., 241, 242, 242 об. 243, 244 об.].

Другая династия – мурза Бурлак Аккулин (1632–1657) и его потомки: сыновья – мурза Сургоян Бурлаков (1661–1686) и Кожан Бурлаков (1681–1686), внук – мурза Тезек Сургоянов (1707). В своей челобитной Бурлак называет Тарлава «братом», т.е. возможно общее происхождение этих двух династий. Племянником Бурлака называют также чатского татарина Тосмаммета Ембагачева, который участвовал в ряде томских посольств к князю «белых калмыков» Коке Абакову в 1648–1649 гг. и которого также именуют мурзой [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; Кн. 622, лл.96 об.–99 об.; 10, лл. 100 об.–103 об.; 11, лл.29, 90–93; 12, лл.61–62 об.; 13, л.362–377 об.; 14, лл.118 об.–122 об.; 15, л.275; 23, с.203, 204, 305, 331, 344; 25 с.78, 79, 81].

Третья династия – мурза Кызлан Акбулатов (1632/33) и его сыновья – Кочеш Кызланов (1636–1677), Куртояк (Куртук) Кызланов (1636–1646) и Карга Кызланов (1632/33) [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; Кн. 622, лл.96 об.–99 об.; 11, лл.29, 90–93].

Четвертая династия – Урузак Сагалаков (1636–1646) и его потомки: сыновья – мурза Арык Урузаков (1676–1686), Бекшень Урузаков (1671–1686), внук Камаш Арыков (1707). Урузак Сагалаков титул мурзы не носил, но приходился зятем Бурлаку Акулину, и видимо, благодаря этому родству, его сын и, соответственно, внук Бурлака Акулина, Арык Урузаков получил титул мурзы. В 1720 г. в Бурлаковых юртах проживал служилый татарин Камаш Арыков [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; Кн. 622, лл.96 об.–99 об.; 10, лл. 100 об.–103 об.; 11, лл.29, 90–93; 12, лл.61–62 об.; 13, л.362–377 об.; 14, лл.118 об.–122 об.; 15, л.275.; 16, л.246].

Пятая династия – мурза Сарткула Ендегулин (1632–1657) и его потомки: сыновья – ясаул Тосмаммет Сарткулин (1661–1686), Аидек Сарткулин (1641–1662) и Косчек Сарткулин (1661–1662), внуки – ясаул Бекенек Тосмамметов (1707) и Соскон Аидеков (1671–1682), правнуки Елугач и Ендай Бекеневы (1707) и Елдаш Сосконов (1685–1707) [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; 9, лл.96 об.–99 об.; 10, лл. 100 об.–103 об.; 11, лл.29, 90–93; 12, лл.61–62 об.; 13, л.362–377 об.; 14, лл.118 об.–122 об.; 15, л.275].

Весьма тесными были родственные связи чатских мурз с князьями «белых калмыков» (телеутов). Мурза Тарлав был женат на дочери самого знаменитого князя «белых калмыков» Абака. Дети

Тарлава – Итегмень и Койбас, соответственно, приходились внуками Абаку, что часто подчеркивалось в томских документах XVII века. Сын мурзы Бахтогулу Братова, который таким образом приходился прапраправнуком Абаку, также носил имя Абак. Итегмень Тарлавов был женат на сестре князей Мачика и Уделека Койшебуриных, которая приходилась племянницей Абаку, т.е. был женат на своей двоюродной тетке. На сестре Урузака Сагалакова был женат сын Абака – Кока Абаков [16, л.240; 22, с.376, 405; 23, с.207, 313, 348; 25, с.93].

В 1662 г. группа «белых калмыков» переселилась со своих земель в пределы Томского уезда под защиту томского воеводы. Большая часть их во главе с Балыком Кожановым поселилась к югу от Томска, где С.У.Ремезов указал юрты Телеутские и деревню Константинову (ныне в Яшкинском районе Кемеровской области). Эта этническая группа известна под именем калмаков и в настоящее время считается составной частью томских татар. Выехал в то же время и князь Ирка Уделеков, сын Уделека Койшебурина. Он сначала вместе с Балыком Кожановым принял русское подданство, но затем «изменил» и совершал набеги на Томский уезд, но сын его Шам Иркин остался жить в окрестностях Томска и в 1720 году мы встречаем его проживающим вместе с потомками Тарлава «На Тахтамышевом бору на Черной речке». Он записан уже не как «белый калмык», а как чатский казачий сын.

Не исключено, что мурза Брат Сютеев мог приходиться племянником Итегменю Тарлавову по женской линии, а по происхождению быть тоже «белым калмыком». Иногда Брат Сютеев записан как Брат Чютеев, а среди «белых калмыков» хорошо известен Чот Битенев, посол князя Коки Абакова в Томск, а также Битень Невтагин – «лутчий человек» князя Абака.

Также на место умершего мурзы Кожана Бурлакова в 1707 году был поверстан Аляк Агаев сын Искуленев. Он был сыном Агая Искуленева, который получал такой же оклад, что и Бекшень Койбасов и Кожан Бурлаков – 5 рублей и упоминался рядом с ними в списке «белых калмыков» (1656–1686). Известны «выезжие белые калмыки» Ергула Искуленев и Бурмай Искуленев, возможно, братья Агая Искуленева. Таким образом, на место чатского мурзы был поверстан еще один представитель телеутской знати. Другие источники также свидетельствуют о подобной практике. Например, в грамоте томским воеводам от 17 февраля 1665 года говорится: «В нынешнем во 173-м году бил челом нам, великому государю, калмычанин новокрещен Ивашко Васильев, ... а родители де его Ивашковы по Томскому служат *чатскими* мурзами, и оную службу Тимек и Молота, братья его, в конных казаках» [5, л.35 об.; 6, л.63; 7, л.639; 9, л.97, 159; 11, лл.91, 93.; 10, л.101; 12, лл.61 об., 64; 13, л.365 об.; 14, л.119 об.; 16, л.243; 19, с.22; 25, с.48, 73, 71, 122].

Наследственные династии также выделяются среди князцов томских (эуштинских) татар. В 145 (1636–1637) году указан «Меглибей князец». Предположительно, это может быть сын Тояна. Но отсутствие патронима не позволяет точно ответить на этот вопрос. Встречаются среди томских татар Сайтуган Басандаев (1632–1642), без сомнения, сын Басандая, а в более позднее время Кучюктей Сайтуганов (1661–1707). В 1707 году «Кучюктей Сайтуганов умре и на ево место по указу гдря и по помете с приписью подьячего Силы Великосельского поверстан в службу сын ево Курманак а оклад ему учинен тот же что и отцу». Но потомки Басандая не носили титул князцов. Титул князцов носили Кызлан Енгильдеев (1636–1646) и его потомки: Арык Кызланов (1656–1682), Баражак Кызланов (1676–1686), Байрамач Арыков (1685–1686), Агун Баражаков (1707) и Батай Байласав сын Баражанов (1707). Судя по имени, основатель этой династии мог быть либо родичем чатского мурзы Кызлана Акбулатова, либо тем же самым лицом. Таким образом, вполне вероятно, что князцами томских татар были назначены представители одной из династий чатских мурз, тем более, что Арык Кызланов и Баражак Кызланов упоминаются первоначально в списке чатских мурз и татар (1656–1662). У томских татар также прослеживается династия ясаулов: Есаул Тобердей и его сын Кучук Тобердеев (Тойбердиев) [2, лл.95–99; 3, лл.43–47 об.; 4, лл.40 об.–43; 5, л.35–38; Кн. 438, лл. 62 об.–65; 8, л.194; 7, лл.638–640 об.; Кн. 622, лл.96 об.–99 об.; 10, лл. 100 об.–103 об.; 11, лл.29, 90–93; 12, лл.61–62 об.; 13, л.362–377 об.; 14, лл.118 об.–122 об.; 15, л.275].

К сожалению, дальнейшую судьбу этих династий проследить весьма сложно, так как отсутствует значительное количество источников массового характера по татарскому населению Томского округа и уезда XVIII – нач. XIX веков. Но по мере тщательного выявления и изучения источников будет решены как и эта проблема, так и другие проблемы истории томских татар данного периода.

Список использованных источников и литературы

1. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.47.
2. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.70.
3. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.153.

4. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.204.
5. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.368.
6. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.438.
7. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.566.
8. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.594.
9. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.622.
10. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.716.
11. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.717.
12. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.755.
13. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.868.
14. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1452.
15. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Стб.1567.
16. ГАТО. Ф.321. Оп.1. Д.1а.
17. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1950
18. Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск, 1978.
19. Кузнецов И. Исторические акты XVII столетия (1633–1699) // Материалы по истории Сибири. – Томск, 1890. – Вып. 1.
20. Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки. – Новосибирск, 1999.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., 1937.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., 1941. – Т.2.
23. Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск, 1989.
24. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX веков. – Новосибирск, 1992.
25. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск, 1980.

Р.Х. Амирханов

Родословная Кильдибековых

Нет самого невежественного татарина,
который бы не знал совершенно точно,
из какого рода он происходит.

В.Е. Возгрин. Исторические судьбы
крымских татар. – М.: Мысль, 1992.

Фамилия Кильдибековых в Придемье достаточно известная, однако у этого рода более-менее подробная родословная отсутствует. В нашей семье, по рассказам моей матери Бибиасмы, урожденной Кильдибековой, происхождение этой фамилии связывали с именем Кильдибека, хана Золотой Орды, недолго правившим государством и погибшим в 1361 году при сражении. Кильдибека считали сыном хана Узбека. Но это предание ни источниками, ни документально не подтверждалось. Вместе с тем, старшее поколение Кильдибековых считало себя мурзами. Например, Яхъя, брат моей матери, говорил: «Без морзалар» («Мы мурзы»). Этого подтверждает и старейшина нашего рода Бакир Кильдибеков, наследник Мухамметшакира (Шакир бабая) – одного из младших братьев моего дедушки. Он проживает в Уфе. Поэтому глубинные следы родословной Кильдибековых мы решили искать в самой истории Ногайской Орды, среди потомков Идегея. Тем более, что Мухамметхади Кильдибеков, младший брат моего дедушки Бикмухамета – известный журналист, часть своих публикаций подписывал псевдонимом «Нукайский», взяв за основу имя одного из наших предков.

Вот и все, что нам было известно о предках Кильдибековых, когда начиналась работа по составлению нашей родословной по линии моей матери. Правда, еще были известны имена наших дедушек (прадедушек) и бабушек, также места проживания Кильдибековых: селения Балышлы, Новый Буляк, Шамеево, Ишле, город Уфа. Вот с такими скудными сведениями мы приступили к составлению родословной Кильдибековых. Помогла еще цепкая память уфимца Бакира абыя.

По ходу выявления материалов для родословной мы не раз укоряли себя в неоправданном запаздывании в создании истории этого рода. Такая работа должна осуществляться в более ранние

годы, в годы нашей молодости, хотя бы в среднем возрасте. В годы, когда были живы представители старшего поколения, когда была жива моя мать Бибиасма. Она также имела цепкую память, часто посещала наших родных, некоторых из них я даже не видел.

Тем не менее, многолетняя поисковая работа дала положительные результаты – нам удалось воссоздать более-менее подробную родословную Кильдибековых.

Наиболее ранние документальные сведения, связанные с именем Кильдибека, относятся к середине XVI века. В начале октября 1548 года к Ивану IV прибыло несколько послов из Ногайской Орды, в том числе от правителя Юсуфа бия, Исмагила мурзы и Уразлы (Ураз Али) мурзы. Мурза Уразлы являлся кекуватом Орды [1, л.131 об.–132]. Послами Юсуфа бия был Исергеп, Исмагила мурзы – Темир, Уразлы мурзы – князь Келдибек. Грамота заканчивается словами: «А послал есми чиновного своего князя Келдибека князя». Из данного предложения можно сделать такой вывод: «князь Келдибек» означает высокий уровень посольства (дабы вести переговоры на равных с русским князем), «Келдибека князя» – внутриродового уровня бия, «чиновного» – высокую должность в руководящей иерархии Орды.

Фамилию Кильдибеков мы встретили также в документах, связанных с татарской народной войной 1670-х годов, совпавшей с движением казачества под руководством Степана Разина. До сих пор одним из предводителей татар в этой войне называли Асана (Акая, Хасана) – сына Айбулата Карачурина. Он вместе с Разиным подписал Прелестную грамоту к казанским татарам с призывом присоединиться к народной войне [2, с.52].

Однако существует еще один документ, связанный с этой войной – это Прелестная грамота Степана Разина тягловым и ясачным людям Цивильского уезда, призывающая не являться в Цивильск для обороны города, а присоединиться к участникам этой войны [2, с.91, 557; 3, с.136, 137, 536].

Текст Прелестной грамоты завершается следующими словами: «К сей памяти высококую печать атаман Степан Тимофеевич приложил.

А с сею высоковою памятью послан наш войсковой казак Ахперди мурза Килдибяков, и вам бы, чернь, ево во всем слушать и спору не держать. А буде ево слушать ни в чем не станете, и вам бы на себя не пенять». Следовательно, Ахперди (Акбирде) мурза Кильдибеков был наделен чрезвычайными полномочиями, что говорит о его высоком статусе среди руководителей восстания.

Фамилия этого Кильдибекова названа в разделе указателей личных имен первой части второго тома «Документов и материалов по истории Мордовской АССР» [4, с.402]. Этот материал использован краеведом И.Р. Габдуллиным с привлечением дополнительных архивных сведений из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в подготовке книги «От служилых татар к татарскому дворянству». [5, с.183, 261]. В этой книге с датировкой 1675 года упоминаются Кильдибековы, родственные мурзам Узбековым: Азамат, Мамак, Будалей, Айдаралей Исаковых детей Кильдибековых-Узбековых. В 1680 году в сельце Новоселки, деревне Токарево и пустоши Дураково Темниковского уезда отмечено поместье Аюкая Ишмаева сына князя Кильдибекова.

В 1686 году упомянуты Иштерьяк мурза Бимаков сын князь Узбеков-Кильдибеков и Килмамет Терибирдеев сын Кильдибеков, в начале XVII века – мурза Кильдибек Узбеков, поместье которого располагалось по реке Мокша. Во второй половине XVII века упомянут темниковский мурза Темир Ишелеев сын Узбеков.

В 1719 году среди жителей Исенской полянки Верхнемоксанского стана и Салмовка Кадомского уезда (ныне Республика Мордовия) упомянуты служилые татары Кильдибековы. В этом же году среди жителей деревень Шуструй и Шубино (Шурбино) Кадомского уезда зафиксированы мурзы Узбековы.

В 1828 году мурзы Узбековы в составе двух семей переселились из деревни Шурбино Краснослободского уезда в деревню Верхнее Сеитово (ныне Кушнаренковский р-н РБ) Уфимского уезда. Новопоселенцы были включены в сословие государственных крестьян.

Фамилия Узбековых встречается в XVIII веке среди новокрещеных жителей деревни Марасы Казанского уезда.

В «Ландратской переписи 1715–1716 гг.» по Казанскому уезду (на территории Восточного Закамья) на Арской дороге Закамья назван сотник татарских селений татарин Абдразак Кильдибеков [6, д. 146].

В 1716 году в деревне Кошар (село Кушар Атнинский р-н РТ) упомянута вдова Сабанчейкова – жена Бикейка Килдыбекова, умершая в 1712 году [6, л.92].

В 1676 году большое количество семей служилых татар деревни Кулбарисово обратилось с «челобитной» к новым властям своими «насушными» проблемами [7, л.6 – 10, 20–22, 24, 29–30, 47, 60]. Служилые татары из прежних мест были «верстаны» на жительство в Уфу, а их семьи осели в

деревне Кулбарисово. Они при воеводе Федоре Милославском 158-м (1650 г. – Р.А.) были призваны «службу служить» в лице нагайца Тенибердейки Митенева, Мамейки Какчина «с товарищи 6 человек» и с тех пор они «служат с пашни». Также «били челом» «новоприезжие неверстаные новики» Ишмайко Алпаев, Бекмететко Янбаев, Узюбчико Кобеков, Акчюра Бекбулатов, Кидышко Елдашев, Акбайко Янболдин, Булатко Данышев, Апачко Байгарин, Токмаметко Айтуганов, которые еще в 1676 году приехали в Уфу «государю служить», но скитались без земли. Они обратились за разрешением поселиться в Уфимском уезде на «диком поле на речке Сулее з Баргацково устья вверх» по обе стороны речки. Служилый татарин Ирмячко Исенгулов из деревни Базы Казанской дороги служил в Уфе пять лет, но «в книгах не написан». Такая же проблема была и у его односельчанина служилого мешеряка Девейки Ишеева. В деревне Кулбарисово проживали также «служилые нововерстаные» татары Васка Кулбарисов, Кайбишко Узеев, Токтарко Сюндюков, Кайбишка Бишеев, Сюнчелейко Дмитриев, Кантуганка Келдыбеков, Сабайка Касаев, Сафайко Беклычев, Кузейка Мрясев, Клевлечка Айдеров и Миняшка Сабаев.

В 1720 году, через 54 года, в деревне Кулбарисово, но уже названной как Сабаево (ныне Мишкинский р-н РБ) эти имена названы вместе с членами семей: Актуган Кантуганов сын Келдыбеков, его брат Рахмангул, Актугана сыновья Сеит и Ибрай, также племянник родной Курманай Шакаев с сыном Салтанбеком и второй племянник Нурка Иртуганов. Кантуган Келдыбеков в Уфимский регион пришел до середины XVII века [8, л.438].

В этой же деревне вместе с семьей Актугана Кантуганова сына Келдыбекова проживали и семьи Муртазы Кайбишева сына Карачурина, Алтынбая Иванаева сына Карачурина, Сергузи Кузмина сына Карачурина, Резяпа Усеева сына Карачурина, Юсупа Акбулатова сына Карачурина и Якупа Тлевлеева сына Карачурина [8, л.435, 435 об.].

Исходя из того, что у татар имеется традиция давать своим детям созвучные имена, Актуган Кантуганов сын Келдыбеков мог быть близким родственником (братом или сыном) Акбирде (Ахперди) мурзы Килдибекова (Актуган-Акбирде), войскового казака С. Разина, участника войны 1670 года. Юсуп Акбулатова сын Карачурин мог быть также близким родственником Асана (Акая, Хасана) Айбулата сына Карачурина (Акбулат-Айбулат), предводителя татар в этой войне.

В 1760 году в Уфимскую провинциальную канцелярию стали поступать ходатайства жителей других дорог о наделении их землями на Ногайской дороге Уфимского уезда. Одно из этих обращений непосредственно связано с деревнями Балышлы и Удрякбашево. В октябре 1760 года в Уфимскую провинциальную канцелярию обратились жители Уфимского уезда Казанской, Сибирской и Осинской дорог команд старшин Алмухамета Алкеева, Солтанбека Янышева и Даута Сюлейменева, проживающие в деревнях Калмашево, Озерок, Кундешлиной, Карышевой, Уразаевой, Тимкиной, Арбашевой, Деушевой, Начаровой, Азяковой, Мамдиной, Бишелаповой, Кулаевой, Енбаевой и Имай Атаровой [9, с.34, 35; 10, л.123–124 об.].

Поводом для обращения послужило низкое плодородие их земель, в связи с чем они еще «издавню заимели» оброчные земли по договорам в деревнях Балышлы, Салихово, Арасланово, Мукминово, Бекеево, Мусино, Абраево, Кармаскали и Карамали. Здесь же обзавелись и собственным жильем, то есть проживали в этих деревнях, земли были плодородны, косили сено, которое «родится довольно». Однако они «без дозволительного о том житье указа жительствовавать» опасались, потому и обратились за разрешением «жительствовавать во оных деревнях и в построенных нами вновь дворах, не исключая нас ис команд нынешних старшин позволить и дать нам позволительной указ, дабы мы именованные живучи в старых жительствовах по недороду во оных хлеба и трав в наивящее оскудение притить не могли».

В числе обратившихся за разрешением продолжить свое жительство в Балышлах были выходцы деревень: команды Алмухамета Алкеева из Азяково – Мряс Солтанов, Ибрай Даутов; из Енагушево – Таир Актулинов. Сибирской дороги команды Солтанбека Янышева из Озерок – Килкей Абдуллин, Кузма Уразлин, Шербаки Баисланов, Недыр Бекмеев, Ашир Бекмеев, Абдулсалом Сюлейманов, Бурхан Мустафин; из Кундешлиной – Бекмей Деваев, Халит Муслумов; из Тимкино – Темирбай Уразметев; из Енбаево – Ислей Уразлин, Ахмер Сюнелин; из Тузлукушево – Мияз Бешеев; из Даушево – Мухамет мулла Мукаев (Нукаев – Р.А.).

Среди переселившихся в деревню Удрякбашево из Имай Атаровой были бывший старшина Абдусалям Мамеделин и рядовые Осинской команды Даута Сулейманова; из Кулаево был Абулкасым Абдрезяков.

Последний источник подсказал направление поиска места проживания наших родственников в первой половине XVIII века, откуда они могли перейти на жительство в деревню Балышлы. Путь поиска привел нас в деревню Деушево (ныне Караидельский р-н РБ). В 1721 (1720?) году среди 12

хозяйств этой деревни названа семья Ньюкая (Нукая): «Нюкай Телеев 67, дети Исмаил 45, Усман 24. Исмаила сын Зейнигабдин 1. Усмана сын Максут 2. Верстан он, Ньюка, в службу на Уфе по челобитью ево ныне тому лет с 40» [8, л.459, 461об.]. Годы рождения Ньюкая (Нукая) Телеева (Тетеева) – 1654, Исмаила Нукаева – 1676, Усмана Нукаева – 1697, Зайнигабидина Исмаилова – 1720, Максута Усманова – 1719.

Наше внимание эта семья привлекла именем главы хозяйства – Ньюкай (Нукай, Нугай), что соответствует псевдониму «Нукайский» Мухамметхадия Кильдибекова (Хади Кильдибяки), известного журналиста из нашего рода.

Старшее поколение деушевцев несло службу в Уфе. Вместе с тем они платили и подати. Власти, судя по следующей записи, податей у сельчан отбирали самым жесточайшим образом, ибо: «мещеряки подписались под страхом смертного истязания умеющие грамоте руками своими, а не умеющие грамоте тамги свои приложили в том, что по указам царского величества посылаемые для взятия с них, мещеряков, податей и работников быть им во всем послушным и положенные на них подати платить им мещерякам со всяким с послушанием, без всякие оговорки не пущая в доимку». Деушевцы обязанности платить подати закрепили тамгами, в том числе семья Нукай Тетеева (так в тексте). Тамга Нукая Тетеева, Исмагила и Усмана Нукаевых – полумесяц С. Тамги нескольких жителей деревни Деушево одинаковы с тамгами Нукая, что указывает на их близкие родственные отношения. Общность тамги указывает также на то, что в деревне Деушево и поныне проживают потомки Кильдибека.

Члены семья Нукая Тетеева, как и все остальные жители деревни, числились в сословии «мещеряки».

Следующими нашими источниками стали материалы II ревизии (1747 год), в которых жители деревни Деушево записаны как «служилые татары». Среди 17 хозяйств под номером 11 записаны семьи Усмана Нукина, Мухамета Нукина и Исмаила Нукаева [11, л.51–56 об.]: «Усман Нукин 62, дети Максют 29, Абдулкарим 6, Абдулмезит 4, Сейфулла 1. Мухамет Нукин 51, дети Валит 26, Сагитт полугода, Усмана брат Абдулзелил 10, умершего Исмаила Нукаева дети Абдул 29, Мулласалим 17, Заит 12».

Годы рождения членов этих семей следующие: Усмана Нукина – 1685, Максюту Усманова – 1718, Абдулкарима Усманова – 1741, Абдулмазита Усманова – 1743, Сейфуллы Усманова – 1746, Мухамета Нукина – 1696, Валита Мухаметова – 1721, Сагита Мухаметова – 1747, Абдулзалила Нукина – 1737, Абдулы Исмаилова – 1718, Мулласалима Исмаилова – 1730, Заита Исмаилова – 1735.

В последних двух источниках не совпадают годы рождения Усмана Нукаева (1697 и 1685) и Максута Усманова (1719 и 1718). Исмагил Нукаев умер до 1747 года.

В 1760 году в числе жителей деревни Балышлы значится выходец из деревни Даушево (Деушево) Мухамет мулла Мукаев (Нукаев – Р.А.), то есть Мухамет Нукин 1696 года рождения.

По всей вероятности, дети Усмана, брата Мухаммета, остались в деревне Деушево. Не исключено и то, что потомки рода Кильдибековых ветви Усмана проживают в этой деревне и поныне.

В первом источнике по деревне Деушево фамилия Нукая дается в двух вариантах: Телеев и Тетеев. В источниках чаще встречается татарское Тетей, в том числе в небольшой родословной Алибая Мурзагулова, встречается также деревня с названием Тетеevo. Поэтому имя отца Нукая принимаем как Тетей.

Деревня Деушево (Даушево) могла быть основана мурзой Даушем. Из этого рода происходит Габдулла ахун, основатель известной деревни Ахуново.

Итак, родоначальником Кильдибековых, на этот раз в селе Балышлы, является мулла Мухамет Нукаев. Совместно с другими Кильдибековыми он же может оказаться одним из основателей деревни Новой Балышлы, называемое ныне Шамеево (Благоварский р-н РБ).

Сагит, сын Мухаммета, 1747 года рождения, как и его отец, посвятил свою жизнь служению исламу. В материалах VIII ревизии (1834 г.) по селению Балышлы годом рождения Сагита назван 1748 год. На наш взгляд, достоверными представляются данные второй ревизии – 1747 год. По записи VIII ревизии мулла Сагит Мухамметов умер в 1827 году. У нас сложилось мнение, что мулла Сагит скончался десятью годами раньше – в 1817 году. Дело в том, что в Указе Оренбургского губернского правления от 18 августа 1820 года, согласно волеизъявлению балышлинцев, в 1819 году имамом и мударрисом деревни Балышлы назначен сын ахуна из деревни Курмашево «мещеряк» Габдулзепар Мусалямов «на место умершего имама Сагита Мухаметова» [12, л.26]. Это дает нам основание считать, что во время проведения VIII ревизии год смерти Сагита Мухамметова был записан ошибочно, в реальности же датой его смерти является 1817 год.

Во время проведения VIII ревизии в селе Балышлы проживали сыновья Мухаммета Сагит (1747–1817 гг.) и Хабибулла (1751–1816) и их потомки. Хабибулла, как и отец, и его брат, являлся указным муллой села Балышлы. Указ о его назначении соборным мухтасибом и учителем был издан 22 февраля 1793 года. [12, л.6]. У Сагита было два сына: Камалетдин (1793–1846) и Шарафетдин (1805–1846). У Хабибуллы – сыновья Габдулла (1793–1852), Габдрахман (1795–1850) и Габделфаттах (1798 г.р.). По записям VIII ревизии, Габделфаттах с 1826 года проживал на «неизвестной стороне». Этой «неизвестной стороной» могла быть ставка казахского хана. Наше предположение связано со следующими событиями.

Во время VIII ревизии оба сына Сагита – Камалетдин (41 год) и Шарафетдин (29 лет) находились у казахского хана в качестве письмовода. Вскоре они, видимо, вернулись в родное село, так как 16 марта 1837 года балышлинцы Шарафетдина Сагитова избрали имамом соборной мечети [12, л.39–40].

Вскоре состоялась вторая поездка Шарафетдина в ставку казахского хана. По этому поводу в архиве имеется документ, содержание которого приводим ниже: «Управление начальника 2-го и 3-го меццерацких кантонов. 16 мая 1840 года. №400. В Оренбургское духовное магометанского закона собрание. Вверенного мне 3-го кантона юрты №1 деревни Балышлов определенный той же деревни к соборной мечети мугайни-имамом Шарафутдин Сагитов вошел прошением, коим ходатайствует о увольнении его к хану внутренней киргизской орды Джангиру Букееву для занятия по приглашению его письмоводством и других надобностей сроком на один год. Причем особенно объяснил, что в означенной мечети кроме его, Сагитова, состоит имам и мударис Абдулзепар Мусалаямов. Вследствие чего я покорнейше прошу духовное собрание уведомить меня, не благоугодно ли будет уволить мугайни-имама Сагитова в ставку хана Букеева на просимой срок. Есаул Резяпов» [12, л.51–51 об.].

Уже в 30-х годах XIX века Джихангир обдумал организацию центральной школы в Ханской ставке. Школа открылась в декабре 1841 года. В школе преподавали татарский, арабский и русский языки. В школе были два класса: татарский и русский. Не исключено и то, что мулла Шарафетдин мог являться одним из организаторов центральной школы в Ханской ставке, так как он был приглашен ханом в 1840 году, накануне открытия центральной школы.

Возможно, потомки Кильдибека в тесных связях с казахскими ханами состояли и в более раннее время, ибо уважающий себя хан не «стал бы» приглашать в свою ставку непроверенного муллу в качестве письмоводителя-учителя.

В период своего правления Джихангир образованию населения придавал важное государственное значение. В ханстве главная роль в организации народного образования была отведена татарским муллам. Татарские муллы были воспитателями – учителями казахской молодежи. Не исключено, что в детстве будущего хана Джангира Букеева обучал татарский мулла. Отраднo и то, что в организации и осуществлении образования в ханстве самое активное участие принимали потомки Кильдибека. Мулла Шарафетдин был приглашен к хану дважды. А это говорит о многом, если учесть, что молодой хан был весьма высокообразованным человеком. Он поддерживал тесные связи с образованными лицами. Посещал Казанский университет, переписывался с его ректором и некоторыми профессорами университета, передал университету фольклорные материалы. Джихангир-хан был почетным профессором Казанского университета.

При хане находилась канцелярия, делившаяся на татарскую и русскую. Ханскую канцелярию представлял выходец из «мусульманских земель», исполнявший одновременно обязанности писца, переводчика и муллы. В состав татарской канцелярии входили управитель, его помощник и 1–2 писца. Об объеме работы ханской канцелярии можно судить по тому, что в год число входящих и исходящих документов достигало до 6 тысяч.

При ханской ставке находился двухсотенный военный отряд с офицерами, прикомандированными оренбургским и астраханским губернаторами. Ханство контролировалось казаками.

В связи с соседями-казаками состояли не только балышлинцы, но удрякбашцы. Например, походный старшина Исхак Мухаметдинович Ишбулатов с 1811 по 1828 годы находился «при султанах Меньшей Киргизской Орды Нуралиевых. Исхак Ишбулатов за время пребывания в этой Орде стал зауряд-сотником (октябрь 1814 г.) и походным старшиной (апрель 1818 г.) [13].

У Джихангира от двух жен было 9 детей: от Юзум – 2, от Фатимы (дочери Оренбургского муфтия) – 7. Джихангир умер 11 августа 1845 года в возрасте 41 года.

Наследником хана был Сахиб-Гирей, старший сын Фатимы. Однако, несмотря на предварительное согласие императора, Сахиб-Гирей не был утвержден на престол. В 1847 году Сахиб-Гирей был возведен в княжеское достоинство, вскоре по пути из Петербурга в казахскую степь

таинственным образом скончался. Другой сын Джихангира, Ибрагим (1834 г.р.), также был возведен в княжеское достоинство. Таким образом, после смерти Джихангира-хана была упразднена ханская власть во Внутренней Орде. С ликвидацией ханской власти институт тарханства был ликвидирован.

Через год после смерти Джихангира-хана, в 1846 году, скончался и мулла-письмоводитель Шарафетдин. Его дело – служение исламу – продолжили сын Нурмухаммет и внуки Бикмухаммет, Мухамметгариф и, какое-то время – Мухамметхадий. Мулла Нурмухаммет в 1859 году переводится для исполнения обязанности муллы в селение Ишли Стерлитамакского уезда. К этому времени в его семье (супруга Фахриямал, 1827 г.р.) родились сын Бикмухаммет (1856 г.) и дочь Асхабямал (1858 г.).

Из трех сыновей Камалетдина двое – Залялетдин (1816 г.р.) и Гимадетдин (1821 г.р.) – исполняли должность зауряд-хорунжего.

После смерти Нурмухаммета его старший сын Бикмухаммет исполнял обязанности имам-замига, хатиша и мударриса в той же соборной мечети села Ишли. Вскоре указом губернского правления от 13 августа 1896 года Бикмухаммет переводится в родное село Балышлы в качестве имама 1-й соборной мечети [14, с.270].

У Бикмухаммета родились 7 детей, однако выжили только двое – сын Яхья и дочь Бибиасма – младшая в семье – моя мать. Яхья и моя мать очень рано остались сиротами: Бикмухаммет скончался в 1901 году, через десять лет умерла их мать Шамсибанат. Шамсибанат была дочерью Фахретдина, служителя исламу села Ишли, через которого Кильдибековы находятся в родстве с народным артистом СССР Амином Зубаировым.

После смерти родителей Яхья и Бибиасма воспитывались в семье Мухамметгарифа. Мухамметгариф в качестве муллы 1-й соборной мечети села Балышлы заменил умершего старшего брата Бикмухаммета. В семье Мухамметгарифа воспитывались также сироты Шайхелислама, умершего брата Нурмухаммета. У самого Мухамметгарифа было 10 детей. Уважаемый мулла и учитель медресе не позволил детям своих родственников расти сиротами, что свойственно татарам. Трагически сложилась жизнь и самого Мухамметгарифа – он и его сыновья Махмут и Файзулхак были репрессированы советской властью. Репрессирован и Яхья Кильдибеков. Но об этих событиях расскажем в разделе, посвященном жертвам политических репрессий.

Мухаммедшакир (1865–1947 гг.), третий сын Нурмухаммета, участвовал в русско-японской войне, имел Георгиевские награды. В семье Мухаммедшакира родилось семь дочерей, трое из которых умерли в младенчестве.

Мухамметшариф (1873 г.р.), в отличие от других сыновей Нурмухаммета, жизнь свою прожил в селе, где родился – в Ишли. В его семье росли 8 детей.

Младшим сыном Нурмухаммета был Мухаммедхади. Воспитание и образование ему дал его старший брат Бикмухаммет. Мухаммедхади известен еще как Хади Кильдибяк, также под псевдонимами «Нукайский» и «Кемтерин».

Из рода Кильдибековых вышло много врачей, учителей, юристов. Некоторые защитили диссертации и получили ученые степени, стали общественными и государственными деятелями. Из этого рода вышло много религиозных деятелей, хорошо образованных людей. Они являлись и учителями, и воспитателями, и наставниками.

Создавая родословную Кильдибековых, мы недоумевали тому, что в таких образованных семьях мурз не существовала родословная. Оказалось, недоумевали несправедливо. Во время ознакомления с судебными документами репрессированного Махмута Кильдибекова выяснили, что при его аресте вместе с документами была изъята и шежере рода.

Нам удалось восстановить более десяти поколений рода Кильдибековых. Но все еще оставались пробелы – отсутствовали поколения между Кильдибеком и Тетеем, а также мы «потеряли» Садретдина, правнука Хабибуллы.

У татар существует пословица: «Бирәсе килсә кулына, чыгарып куя юлына», что примерно означает: «Кто ищет, тот всегда найдет!». Оказалось, что установлением когда-то утерянных родственных связей занимались и Кильдибековы-тюменцы, для чего они привлекли тобольских специалистов. Не описывая почти детективную историю о том, как мы нашли друг друга, отметим лишь главное – после Октябрьского переворота Кильдибеков Садретдин сменил фамилию на Абдуллина (держал небольшую бакалейную лавку) и срочно уехал в Казань. Позднее его потомки перебрались в Тюмень.

Нам удалось установить также звенья в родословной от Кильдибека до Тетей, чему способствовали 2-й и 3-й тома Татарской энциклопедии [15, с.292, 293]. В этих томах помещены

статьи, посвященные художникам Рустему и Марии Кильдибековым, а также Альфии Ильясовой, дочери сестры Рустема Кильдибекова, художнику. Они проживают в Казани. Во время телефонных разговоров были выявлены наши родственные связи. Оказалось, что у Нурии Кильдибековой, сестры Рустема Ахметовича, хранится родословная Кильдибековых, копия от которой мне любезно предоставлена. Хранителем родословной является один из их предков по имени Талут. По записи 1961 года, выполненной Ахметом Мукатдасовичем, отцом Рустема Кильдибекова, первый раз текст был переписан в 1916 году, вторично – в 1958 году в Фергане.

Родословная начинается с ишмана хафиза Узбека, затем идут его сын Кильдибяк, его сын Акмай, его сын Канбирде, его сын Тетей, его сын Наукай (Нукай – Р.А.), его сын Мухаммет Шариф, его сын Яхья (мулла), его сын Габделзамил, его сын Габделфаттах, его сыновья Мукатдас и Талут.

Кильдибяк исполнял должность мансура и обязанности вали, то есть посла (или наместника). Потомки Тетей проживают в деревне Шамеево, что на реке Удряк и все носят фамилию от имени Кильдибяка.

Перечисленные и другие имена отображены в таблице, занимают центральную и левую часть листа. Правую часть листа занимают имена из нашей родословной. Одна ветвь – Заллетдин, его сыновья Камалетдин и Гилясетдин. Другая ветвь – Шарафетдин (сын Мухаммет Шарифа), его сын Нурмухаммет (мулла). Нурмухаммета сыновья – Мухамметшакир, Мухамметшариф, Мухамметгариф, Бикмухаммет и Мухамметхади. Мухамметгарифа сыновья – Махмут и Файзрахман. Мухамметхадия сын – Рашид. Назван также Тетей сын Баймухаммет. В списке пропущены имена Сагита (сын Мухаммета) и его сына Камалетдина, отца Заллетдина.

Возможно такая же родословная хранилась у репрессированного Махмута Кильдибекова.

В конечном итоге вышеназванные источники нам позволили создать несколько полных ветвей родословной Кильдибековых. Вполне достаточных, чтобы логически связать нескольких ветвей этого рода, для чего возвратимся к 1548 году, начальным сведениям о Кильдибеке. Выше мы писали, что в октябре этого года к Ивану IV прибыл посол Ногайской Орды от кекувата мурзы Уразлы (Уразали) в лице чиновного князя Кильдибека. В списке родословий, хранящемся в семье Нурии Кильдибековой (Казань), Кильдибек исполнял должности мансура и вали (наместника и посла), что совпадает с данными о чиновном князе Кильдибеке. Это первое совпадение. Второе совпадение: в устной памяти нашего рода и в родословной имя отца Кильдибека было Узбек, к тому же, как ишман хафиз. Последнее означает слугителя ислама, знающего Коран наизусть. Здесь самый раз нам вспомнить, что Идегей би являлся не только организатором и правителем Ногайской Орды, но предводителем войска Золотой Орды и храбрым воином, да еще строго соблюдал каноны ислама, исполнял также и ночные намазы.

Во время работы над родословными постоянно возникают вопросы за вопросами. И на этот раз возник вопрос: продолжателями какой родовой линии Идегея бия выступают Узбек и его сын Кильдибек?

Ключом в поиске ответа мы избрали родословную самого Уразлы (Уразали), который Идегей бию приходится прапраправнуком: Идегей би – Нур-ад-Дин – Ваккас – Мусса – Шаих-Мухаммет – Уразали. Предполагаем, что Уразали и Кильдибек могли быть примерно одного возраста, допустим 1530 года рождения (примерно в одно время с Иваном IV). В таком случае их родители – Шаих-Мухаммет и Узбек – могли быть рождены в начале XVI века (около 1500 года, примерно в одно время с Василием III).

На основе вышеизложенных материалов, при некоторых предположениях нами составлена родословная Кильдибековых. В родословную мы включили всех лиц с фамилией Кильдибеков. Включены также лица, принадлежность которых к нашей родословной четко не обозначены. В этом случае нами избрана традиция татар называть своих сыновей созвучными именами. Так как мы не имеем документального подтверждения в их родословной цепочке, то эту связь обозначили дополнительным знаком – вопросительным.

Родословная Кильдибековых «уместилась» в восьми таблицах (К-1 – К-8).

При всем желании охватить в одной родословной всех Кильдибековых не имеется возможным. Потомки этого рода рассеяны (не по своей воле) на большом пространстве не только нашей республики, но и в соседних регионах. Мы даже (пока еще) не смогли найти потомков Хади Кильдибяки. Кроме городов и сел Республики Башкортостан, фамилию Кильдибеков можно встретить в Казахстане, в Республике Мордовия, в городах Каменск-Уральске, Новоуральске, Первоуральске, Качканаре, Кушве, Нижнем Тагиле, Перми, Екатеринбурге и др. Фамилия Кильдибеков встречается как среди татар и казахов, так и среди русских и мордвы.

В завершение раздела родословия приводим краткую информацию о сословиях татар села Балышлы, в которой проживали Кильдибековы.

Балышлинцы первоначально числились в «мишарском» (мещеряцком) сословии. В VII ревизии документально приписали «типтяр» в лице потомков Бикмата, обосновавшиеся в селе Сарайлы. Поэтому во время проведения VIII и IX ревизий балышлинцы стали числиться в «мишарах» и «типтярах», а в X ревизии их «повысили» в «башкиры», даже в «новые башкиры».

В переписи 1917 года балышлинцы (по сословию) определены как «крестьяне-собственники», а по национальности – как «башкиры».

Во время первой советской переписи (1920 г.) национальность балышлинских татар определили как «мещеряки».

Такие же кульбиты были проделаны с татарами соседнего села Удрякбашево: в 1917 году их называли «башкирами», по сословию – «вотчинниками», а в 1920 году они по национальности стали «мещеряками» (мишарами).

В 1926 году балышлинцев из «мещеряков» перевели в «башкиры» [16, с.122, 123].

К концу 1920-х годов большевики позволили балышлинцам обрести свою исконную национальность – татары, исключив при этом сословные добавки.

Жертвы политических репрессий

Волна политических репрессий не обошла стороной и рода Кильдибековых. Среди десяти репрессированных балышлинцев четверо были из рода Кильдибековых. Первым из этого рода репрессирован мулла Мухамметгариф. Затем в тюрьмах и лагерях оказались два его сына и другие родственники.

Кильдибеков Мухамметгариф Нурмухамметович, 1861 года рождения, мулла села Балышлы. В годы Гражданской войны подвергался преследованиям как со стороны белых-колчаковцев, так и красных-чапаевцев. По воспоминаниям родных, во время пребывания в селе белых семеро «неизвестных» написали на Мухамметгарифа донос: якобы он получает из Казани и читает газеты на русском языке, а также состоит в переписке с братом Мухамметхади. Мухамметхади в те годы работал в Наркомате по делам национальностей, руководимом И.В.Сталиным. Белые приходят в дом Мухамметгарифа с обыском, но ничего не находят, так как его супруга успела спрятать все бумаги под бак с водой. Тем не менее, белые арестовали Мухамметгарифа, и еще двоих, увезли их в Благовар на расстрел. Говорят, что Мухамметгарифа от расстрела спас священнослужитель Благовара. Когда в село вошли чапаевцы, то они потребовали от мутлы назвать авторов доноса, однако Мухамметгариф и его супруга не выдали своих обидчиков. Красным это не понравилось: они пригрозили, что Мухамметгариф об этом еще пожалеет. Нам неизвестно, вспомнил ли Мухамметгариф про угрозу красных, когда 8 февраля 1930 года его арестовали и приговорили по ст. 58–10, 58–11 на срок 10 лет. По рассказам односельчан, уважаемый мулла ушел из жизни в Белебеевской тюрьме. После получения известия о смерти Мухаммедгарифа в Белебеевскую тюрьму пришел его младший брат Мухаммедшакир. На его желание узнать о причине смерти брата Шакир бабаю тюремщики посоветовали побыстрее убраться домой, не то и его самого постигнет та же участь.

М.Н. Кильдибеков был реабилитирован 25 мая 1989 года.

Кильдибеков Файзелхак (Файзи) Мухамметгарифович, житель села Балышлы, 1905 года рождения, сын репрессированного имама и мударриса Мухамметгарифа, арестован 30 апреля 1937 года.

После его ареста остались сиротами два его сына – Марат (1925 г.р.) и Радий (1927 г.р.). Жена Ф. Кильдибекова, Гульсум Зуфаровна (1906 г.р.) трагически погибла в 1936 году при крушении поезда у села Давлеканово. Марат и Радий воспитывались у тетушек.

До ареста Файзелхак работал преподавателем школы села Красная Горка Нуримановского района БАССР. Работал усердно, пользовался уважением со стороны учащихся, был фото-, кино- и радиолюбителем.

При обыске у Файзелхака были обнаружены несколько записок бытового характера и книга Карла Радека «Зодчий социалистического общества», которые и будут фигурировать во время его допросов.

Согласно постановлению об избрании меры пресечения, Файзелхак являлся «участником контрреволюционной троцкистской организации». Содержался в Уфимской тюрьме.

В ноябре 1937 года он был обвинен «в систематическом проведении контрреволюционной троцкистской пропаганды среди окружающих», т.е. в преступлениях, подпадающих под ст. 58, п. 10

УК РСФСР. Приговор был суров: 10 лет тюремного заключения с лишением избирательного права на 5 лет.

В апреле 1944 года Файзелхак скончался в магаданской тюрьме. Реабилитирован 29 мая 1963 года.

Кильдибеков Махмут Мухамметгарифович, уроженец села Балышлы, 1894 года рождения, старший сын репрессированного Мухамметгарифа. О судьбе Махмута мы не знали вплоть до последних лет. Не зря говорят: «Кто ищет, тот всегда найдет!» В звеньях установления жизненной судьбы Махмута, как случайного, так и закономерного, соединились в одну результативную цепь.

Составительница родословной книги Абдуллиных-Кильдибековых, казанских и тюменских, тобольский краевед Снежана Гузенко из Интернета извлекла статью казахского профессора Т. Кульбаева под названием «Девятый вал». В статье рассказывалось о репрессивном урагане в 1937–1938 годах, приводились данные о 15 жертвах «девятого вала», в том числе Кильдибекова Махмута, уроженца села Балышлы. С. Гузенко при встрече в Альметьевске передала копию этой статьи. В 2005 году нами в адрес республиканских компетентных органов были направлены запросные письма об оказании помощи в получении информации о судьбе Махмута Кильдибекова, осужденного в 1937 году в Казахской ССР, что было удовлетворено. Казахстанские компетентные органы к этой просьбе отнеслись благоприятно, прислали не только копии ряда документов, но и личные документы Махмута: фотографию, копии паспорта, военного билета, билета Ударника, множества личных справок и удостоверений. Мы им за это весьма благодарны.

В 1915 году учился в медресе Усмания, затем обучался в курсах переподготовки учителей.

В 1917–1920 годах Махмут был учителем в школах селений Балышлы, Кашкалаша, Средне-Усманова, д. Усманова БАССР. В начале 1920-х годов работал на выборной должности – заведовал Зем. отделом в Сафарове. В 1924–1930 годах учительствовал в Теперишевской и Средне-Усмановской школах.

С 1930 года преподавал в Чарджуйском РАБФАКе. Его отъезд из родины мог быть связан с репрессией отца Мухамметгарифа. С 1936 года – преподаватель в Копальском Казахском педагогическом техникуме, проживал в селе Копал Алма-Атинской области.

Арестован 28 августа 1937 года с записью «сын муллы».

Проходил по делу №Л191 – по обвинению Бекташева С.М., Айгистова Г.А. и Кильдибекова М.Г. по ст.58–10 и 58–11 УК РСФСР. Им приписывалось, что группа татарских учителей, проживающие в поселке Капал Алма-Атинской области, проводила «к-р деятельность, направленную на свержение Советской власти, установив в своей деятельности связь с ныне ликвидированной контрреволюционной татарской националистической пантюркистской организацией среди татарских учителей в гор. Алма-Ата».

С.М. Бекташева, имам-хатыба и мударриса, судебные органы считали завербованным «татарским националистическим деятелем», «германским агентом» Гаязом Исхаковым, находящимся в эмиграции. Считали, что С.М. Бекташев завербовал М.Г. Кильдибекова и своего родственника И.А. Айгистова, «нелегально прибывшего» в Кульджу. Будто они под видом Меджлисов устраивали «нелегальные совещания, намечая и обсуждая на них практические меры борьбы с Советской властью». Считали, что М.Г. Кильдибеков «впервые был завербован в к-р националистическую организацию «Шора» в 1924 году в с. Большелы (так в документе названо село Балышлы – Р.А.) Башкирской АССР и с тех пор, по день ареста, активно участвовал в к-р националистической работе по объединению мусульман для борьбы с Советской властью, ставя основной задачей создание татарского буржуазно-националистического государства». И.А. Айгистова считали членом «татарской к-р шпионской националистической организации «Ханхай», созданной японской разведкой», что он «нелегально прибыл из Китая в Казахстан». Айгистов был уроженцем деревни Устархмайка Мордовской АССР, татарин, родился в 1888 году.

21 ноября 1937 года тройка УНКВД Алма-Атинской области М.Г. Кильдибекова приговорила к расстрелу. Через два дня, 23 ноября 1937 года приговор был приведен в исполнение.

27 ноября 1959 года М.Г. Кильдибеков был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Килдебеков Яхья Бикмухамметович, брат моей матери, считается уроженцем села Балышлы, хотя он родился в селе Ишле Стерлитамакского уезда 22 октября 1893 года. Его отец Бикмухаммет в это время служил имамом в этой же деревне, в мечети, где до самой смерти (1883 г.) был имамом Нурмухаммет, дед Яхьи. В последующем Бикмухаммет переводится в родную д. Балышлы имамом 1-й соборной мечети. Он умер в 1901 г.

После смерти матери (март 1912 г.) обязанности домохозяина легли на плечи 19-летнего Яхьи. Яхья работал в кредитном товариществе, учился в медресе, мударрисом которого был Мухамметгариф, младший брат его отца. Одновременно брал уроки русского языка у учителя Ахмета Галиева в селе Сарайлы.

Гражданская война не обошла стороной и наши села. Для многих жителей это было нелегкое время. Яхья же был арестован колчаковцами за распространение листовок. Его освободили чапаевцы при взятии станции Чишмы.

В 1920 году Яхья вступил в партию большевиков.

Волна репрессий задела и Яхью. 28 января 1938 года он был арестован сотрудниками Бакалинского райотдела Управления государственной безопасности НКВД БАССР. В это время Яхья работал директором заготконторы райсоюза Бакалинского района. Проживал в Бакалах, в доме №5 по улице Октябрьская.

Яхья обвинялся в участии «контрреволюционной организации», проведении «вербовочной работы» и «контрреволюционной агитации среди населения», что подпадало под ст. 58–10, 11 УК РСФСР. Он содержался в Уфимской тюрьме по 1-й категории. Похоже, следствию не удалось доказать предъявленное обвинение. Через 7 месяцев, 27 августа 1938 года постановлением Бакалинского РО НКВД БАССР уголовное дело в отношении Килдебекова Яхьи было прекращено «ввиду недостаточности материалов для предания суду». Яхья был освобожден из-под стражи.

В последующие годы Яхья Килдебеков продолжал работу в той же системе, но уже в г. Уфе, в Башсоюзе.

Яхья Килдебеков умер в апреле 1963 года, покойся на татарском кладбище Уфы.

Следующие Кильдибековы являются уроженцами села Шамеево (ранее – Новое Балышлы).

Кильдибеков Мударис Ишмухамметович, Сулейманов Нугуман Мухамметдинович, жители села Шамеево, арестованы 19 июня 1930 года. Мулла М.И. Кильдибеков, 1881 года рождения, являлся лишенным права голоса. Мутавали прихода Н.М. Сулейманова освободили из-под стражи. Конкретное решение по делу арестованных не было принято, однако на обоих распространяется действие ст.5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

Кильдибеков Масгут Ишмухамметович, житель села Шамеево, 1913 года рождения, инструктор Караидельского отделения Госбанка, инструктор райкома комсомола, арестован 3 августа 1935 года.

Обвинялся в том, что он среди актива и рядовых работников советского аппарата распространял контрреволюционные слухи о якобы существующей в СССР смертной казни посредством электрического стула.

В октябре 1935 года Масгуту предъявляется обвинительное заключение: «настроен антисоветски, распространял среди населения провокационные слухи с целью дискредитации советской системы». Это обвинение Масгут не признал. Суд состоялся в декабре 1935 года в Бирске. Он признан виновным по статье 58–10, приговорен к лишению свободы сроком на 4 года. Специальная коллегия Верховного Суда РСФСР приговор оставила в силе. Масгут Кильдибеков реабилитирован 25 мая 1992 года.

Судьба репрессированных семей сложилась трагически: их обвинили незаконно, сорвали с исторических земель предков, разбросали по разным краям страны. А когда подошла пора спасать эту страну и самих правителей, то сыновей и дочерей «врагов народа» бросили в горнило войны, где многие из них остались навсегда. Выжившие потомки «врагов народа», не держа зла на систему, унизившей и уничтожившей их родителей, продолжали и продолжают служить этой же системе. Такая же горькая судьба коснулась и рода репрессированных.

Политические репрессии разметали рода Кильдибековых по всей стране. Из этого известного рода на их родине, в селе Балышлы, осталась лишь одна семья.

Этим завершаем главу из трагических событий недавнего прошлого. Беда репрессий коснулась всех земляков: кого-то тюрьмами, кого-то лагерями, кого-то и казнили. Остальных же жителей преследовали угнетениями, многих обуял непроходящий страх. В стране и сейчас нет гарантии, что подобное не повторится. Поэтому, как говорят в России: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Известные личности села Балышлы

Туктаров Идрис Ильясович (1896–1982, г. Зеленодольск), уроженец села Балышлы, известный татарский писатель. Родители Идриса в его младенческом возрасте покинули село в поисках лучшей доли.

Кильдибеков Мухамметхади Нурмухамметович (Хади Кильдибяки, «Кемтерин», «Нукайский»). Во избежание обвинения в необъективности, считаю нужным объяснить причину включения Хади Кильдибяки в список известных людей д. Балышлы, а не в раздел нашей родословной. Причина заключается в следующем:

Хади Кильдибяки является потомком Кильдибековых, издавна проживающих в селе Балышлы: его отец, дед, прадед и далее – коренные балышлинцы. В середине XIX века его отца, муллу Нурмухаммета переводят в село Ишле, где он исполнял обязанности имама и мударриса при 1-й мечети. После смерти Нурмухаммета в 1883 году, когда Хади исполнилось два года, его сыновья Бикмухаммет, Мухамметгариф и Мухамметшакир возвращаются на родину отца – в Балышлы. Хади был на попечении муллы Бикмухаммета. Он был смышленным, сообразительным мальчиком. Первоначальное образование получил в деревенском медресе. Учился хорошо и помогал другим. По воспоминаниям Бакир абыя, Хади хорошо пел, особенно задушевные народные песни.

Когда Хади немного подрос, *Бикмухаммет* (отец моей матери) привез его в Уфу и определил учиться в медресе Хайруллы хазрата. Так, Хади стал своим трудом и прилежанием выбиваться в люди.

По завершении обучения в медресе в 1904 году, Хади по совету Хайруллы хазрата стал муллой в селе Ибрай, что называется еще Узеньбаш. Указ о его утверждении издан 20 августа 1904 года (№3788). Хади женился на родной сестре Хайруллы хазрата.

Молодой мулла, видимо, проработал в селе Ибрай до 1908 года, так как в этом году он с семьей переезжает в Уфу, где начинает преподавать в медресе «Госмания».

Однако Хадия привлекало издательско-писательское дело. Поэтому оставив служение религии, он едет в Оренбург, где поступает корректором в типографию Хусаиновых. Там он знакомится с Хусаином Ямашевым и другими журналистами. В Оренбурге пишет книги «Религия с точки зрения философии», «Ислам и музыка», комедию «Наши в XX веке». Последняя работа выдержала два издания.

Обратимся к его книге «Ислам и музыка».

В 1996 году на страницах журнала «Идель» была опубликована статья музыковеда Гузель Сайфуллиной «Проблема «Ислам и музыка» в истории татарской общественной мысли». В этой статье автор пишет, что проблема «Ислам и музыка» является одним из важнейших аспектов духовной культуры каждого из мусульманских народов. Вовлеченные в орбиту мусульманской цивилизации татары в своей духовной культуре отразили специфику исламского искусства, самой философии ислама.

Среди просветителей в области татарской общественной мысли, писавших о музыке, таких как Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахреддин, Галимзян Ибрагимов, автор называет и Хади Кильдибяки. Автор статьи отмечает, что к моменту написания книги Кильдибяки «скорее всего и не был знаком с точкой зрения Марджани и Фахреддина на эту тему». Однако «позиция Х. Кильдибяки абсолютно совпадает с позицией Ш. Марджани и Р. Фахреддина.

«...трудно переоценить появление специальной книги Кильдибяки, убедительно доказывающей отсутствие в исламе изначального запрета на музыку», – пишет автор статьи. Что «значение работы Кильдибяки выходит далеко за рамки конкретной национальной культуры и является важнейшим вкладом в развитие общетюркской эстетической мысли». И добавляет: «По воспоминаниям современников, музыкальные способности определяют его интерес и к этой стороне современной ему культурной жизни».

Бывая во многих татарских деревнях, краях и изучая жизнь голодающих крестьян, Хади публикует несколько корреспонденций в газете «Вақыт», которую редактирует Фатих Карими. Литературный псевдоним Хади Кильдибяки – «Нукайский», по имени прапрадедушки в пятом поколении. В журнале «Мектеп» Хади печатался под псевдонимом «Кемтерин», означающим «человека простого, из низов».

Работая наборщиком в филиале типографии товарищества Хусаиновых, Кильдибяки продолжает выступать в периодической печати. Он проявил себя оперативным, умным репортером, умеющим смотреть в корень проблемы, правильно расставлять социальные и политические акценты. Уфимские новости из-под его пера частенько печатались в Оренбурге раньше, чем в местных газетах.

Но острые, написанные с прогрессивных позиций материалы, не всегда сходили ему с рук. Из-за одного из них полиция арестовала его, сделала обыск в доме. Не найдя ничего предосудительного, Хади освободили. Однако из типографии ему пришлось уйти.

В архивах сохранилось несколько документов Уфимского губернского жандармского управления, которые непосредственно связаны с политической деятельностью Хади. В документе №302 от 8 февраля 1911 года под грифом «Совершенно секретно», где анализируются статьи мусульманской газеты «Вақыт», приводится и статья «Нукайского»: «Въ № 725, той же газеты въ корреспонденции изъ Уфы г. Нукайский (конторщик типографии «Восточная печать» Кильдибековъ») жалуется на то, что будто въ последнее время заметно сильное притеснение мусульманъ, ссылаясь въ доказательство на неутверждение Тефкелева въ предводителя Белебеевского уезда и на неутверждение ветеринарного врача Еникеева Лекторомъ о мелкихъ кредитахъ, командированнаго Губернскимъ Земствомъ въ селения Златоустовского уезда и Ахтямова въ присяжные. – Такимъ образомъ, говорится далее, насъ постепенно притесняютъ: съ одной стороны нашихъ прогрессистовъ не допускаютъ на общественныя должности, съ другой стороны народу запрещаютъ участие въ общественномъ движении».

«Разработка» его жандармирией продолжалась. За ним была установлена слежка, кличка сотрудника агентуры была «Кук». Вот что настучал это «Кук»: «Въ пользу татаръ, арестованныхъ в Казанской и Вятской губернияхъ при ликвидации панисламистского движения среди мусульманъ Уфимской губернии конторщикъ типографии Каримова Кильдибаевъ производит денежные сборы, которые отправляетъ затемъ в Казань. Такие же сборы производятся Рашидомъ Ибрагимовымъ в Константинополе».

В годы активной слежки за ним, в 1911–1912 годах, Хади работает в земстве. В 1912 году, по просьбе Мензелинского земства, Хади начинает работать в отделение татарских школ Мензелинского земства, где он много сил прилагает для того, чтобы передать татарские школы в ведение государства. Ему удается добиться выделения определенных средств для нужд татарских школ, открыть в татарских селах библиотеки. Даже для агитации открытия библиотек власти предлагают командировать в села Хади и поэта Гафурова, известных в жандармском Управлении как «приверженцы идей панисламизма».

«Панисламист» Мухамметхади оставил заметный след работы в Мензелинском уезде, он выполнил добротную работу о состоянии татарских школ уезда с подробной статистикой. По мнению историков, это единственный толковый труд по старометодному и новометодному обучению татарских детей в школах тех лет.

Хади был призван из Мензелинска на войну (вероятно в 1916 г.), где сформировались его политические взгляды, так как 4 августа этого же года он вступает в партию большевиков. Так Хади Кильдибяки становится активным участником «строительства социалистической культуры». С того времени он – активный журналист, переводчик, редактор ряда газет.

Х. Кильдибеков после Февральской революции является одним из руководителей Исполнительного комитета мусульманских солдат Северного фронта. Он редактирует орган Исполнительного комитета – газету «Сугыш сафы» («Фронт»), издаваемую на татарском языке и пропагандирующую политику Советской власти.

Исполнительный комитет, где кроме Х. Кильдибекова состояли большевики М.В. Алиев (Даулат-Али), М.Г. Конов, Х.Г. Урманов, Ю.И. Ибрагимов, проводил организаторскую и политико-воспитательную работу среди солдат – татар и башкир, которых насчитывалось более 60 тысяч.

1918 год стал для Хади началом его деятельности в государствообразовании мусульман России, в т.ч. татар и башкир. Дело в том, что Декретом Совнаркома от 17 января 1918 года в Петрограде при Народном комиссариате по делам национальностей был образован Комиссариат по делам мусульман Внутренней России в составе М. Вахитова (председатель), Г. Ибрагимова и Ш. Манатова. Этот комиссариат остро нуждался в преданных революции кадрах. 29 января Г. Ибрагимов прибыл в Псков, где находился Исполнительный комитет мусульманских солдат Северного фронта, и предложил ряду членов комитета переехать в Петроград для работы в Комиссариате по делам мусульман Внутренней России.

Переехали в Петроград Хади Кильдибеков и Юсуф Ибрагимов.

В Пскове располагался комитет воинов татар и башкир Северного фронта, который возглавляли члены РСДРП, фронтовики, один из соратников видного татарского революционера Хусаина Ямашева Махмуд Алиев (Даулат-Али), большевики Юсуф Ибрагимов, Мухамметхади Кильдибеков, Хасан Урманов, Мингаз Конов и другие.

Мулланур Вахитов был сторонником слияния Исполкома мусульманских солдат Северного фронта (Искомус) с его комиссариатом.

Внешность Хади Кильдибекова в книге «Борцы за счастье народное» (Казань: Тат. кн. изд-во, 1983. Кн.2. С.181–185) описывается так: «Среди вновь прибывших был и аккуратно одетый, подтянутый человек среднего роста. Его зеленовато-серые глаза смотрели внимательно, голову он держал чуть-чуть набок, как бы прислушивался. Темно-русые волосы украшали широкий умный лоб. Это и был Хади Кильдибеков».

По состоянию на май 1918 года Татаро-башкирский комиссариат и его отделы возглавляли М. Вахитов (председатель комиссариата), Ш. Манатов (комиссар), Г. Ибрагимов (комиссар), Ю. Ибрагимов (комиссар), Х. Кильдибеков (комиссар), Б. Шафиев (член комиссариата), Асякаев (комиссар), Имаков (комиссар), Аитбаев (комиссар), Гайнуллин (комиссар), Рахматуллин (член комиссариата), Ирнараров (член комиссариата), Алиев (член комиссариата). 18 февраля 1918 года Хади Кильдибеков был утвержден Коллегией комиссариата на должность заведующего отделом печати.

Сам Хади Кильдибеков в анкете о петроградско-московском периоде деятельности писал так:

Декабрь 1917 – март 1918 гг. – член Мусульманского комиссариата, Петроград.

Март 1918 – апрель 1919 гг. – редактор Татарского комиссариата, Москва.

Апрель–март 1919 г. – редактор в Центральном Бюро Комиссариата народов Востока, Москва.

Помимо основных обязанностей, Хади редактировал газету «Чулпан» – центральный орган комиссариата. Газета распространялась большими тиражами, доходившими до 5 тыс. экземпляров. Кроме «Чулпан», издавались газеты «Новый мир», «Красное знамя», «Кызыл Армия».

Газета «Кызыл Армия» была органом Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК) при Народном комиссариате по военным делам – национального учреждения военного ведомства страны, созданного с согласия наркомвоена Л.Д. Троцкого.

В комиссариате, особенно при издании газеты «Кызыл Армия», Хади тесно общается с Муллануром Вахитовым, едет вместе с ним на Восточный фронт. Его часто направляли в командировки: в Ташкент, Казань, Уфу. Хади был членом комиссии по проведению первой годовщины Октябрьской революции. Он часто оставался за председателя комиссариата или его заместителя.

Как пишет известный историк Булат Султанбеков, становление Комиссариата по мусульманским делам при Наркомнаце проходило непросто. «В конце марта 1918 года дискуссия о целесообразности переименования комиссариата из общемусульманского в татаро-башкирский достигла такой остроты, что события приняли драматический характер, ведущий к полному организационному расколу. М. Вахитов 28 марта направил Сталину следующий документ: «Ввиду разногласий в вопросе реорганизации комиссариата и ввиду ненахождения общей линии компромисса, весь состав комиссариата выходит в отставку». Он был подписан М. Вахитовым, Г. Ибрагимовым, Ш. Манатовым, Ю. Ибрагимовым, И. Асякаевым, Х. Кильдибековым, М. Алиевым. О сложности создавшейся ситуации говорит и непривычно взволнованный стиль резолюции Сталина на этом документе: «Отставку принять не согласен ни в коем случае. Очень прошу всех членов комиссариата остаться на своих местах и уладить трения со мной...» После длительной беседы Сталина с Вахитовым, во время которой наркому по делам национальностей был высказан ряд серьезных упреков в поверхностном подходе к решению мусульманских проблем, была достигнута «общая линия компромисса». Все подавшие в отставку 31 марта подписались под коротким заявлением – «отставку берем обратно».

Комиссариат по делам мусульман внутренней России (Центральный татаро-башкирский комиссариат, Центральный мусульманский комиссариат) при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР был учрежден декретом Совнаркома от 17 января 1918 года. Председателем был назначен М.М. Вахитов, его заместителями – Г.Г. Ибрагимов, Ш.А. Манатов. 11 июля 1918 года на заседании левой социалистической фракции членов-мусульман V Всероссийского съезда Советов в состав коллегии Центрального мусульманского комиссариата были избраны М.М. Вахитов /председатель/, Г.Г.Ибрагимов /заместитель председателя/, Г. Мамина, Х.Н. Кильдибеков, И.М. Казаков, М.Х. Султан-Галиев, И.К. Фирдевс, Ш. Хамидуллин, М. Субхи, Ш.Г. Ахмадиев, Ш. Худайбердин.

После гибели в августе 1918 года Вахитова председателем Комиссариата стал М.Х. Султан-Галиев».

В январе 1919 года Хади становится ответственным секретарем газеты «Чулпан», объединенной с газетой «Эшче».

В 1920–1926 годах Хади работал в Наркомпросе, Наркомземе и Наркомюсте Башкирии. Первоначально (июль 1920 – август 1921 гг.) он работает в губернском отделе соцобеспечения, заместитель заведующего (г. Уфа). Затем (ноябрь 1921 – декабрь 1921 гг.) он – член комиссии в Наркомпросе БССР.

В декабре 1921 года Хади Кильдибеков становится народным комиссаром просвещения Баш-республики (Малой Башкирии) в городе Стерлитамак. Через три месяца (1922 г.) Хади направляют на проведение посевной кампании.

Позднее его оставляют в распоряжении Башнаркомзема. С чем было связано это перемещение, неизвестно. Но можно предположить, что его «уход» был устроен.

Дело в том, что в период его «мобилизации на проведение посевной кампании» 20 апреля 1922 года в квартире Хадия (г. Стерлитамак, ул. Бухарская, 83) сотрудниками Башкирской областной Чрезвычайной Комиссии производится обыск. Во время обыска у него была изъята «одна русская винтовка» без штыка, исправная, с тремя патронами. 29 июня на него было открыто следственное дело по обвинению в укрывательстве оружия. 14 августа 1922 года следствие по этому делу было прекращено. Суть дела была проста: винтовка была оставлена у него Терегуловым, Военкомом Республики. Напрашивается вопрос, не была ли начата кампания по сбору компромата на Мухамметхадия?

В Наркомземе Хади работал до конца 1923 г. в качестве заведующего общим отделом. Затем Хадия Кильдибекова направляют в распоряжение Наркомюстиции, где он становится членом суда. Имеются сведения, что он работал и в коллегии защитников при Башглавсуде.

В последующем, до отъезда из Башкирии, он редактирует газету «Башкурдистан».

После Гражданской войны в партии проводились многократные проверки и чистки. Любая проверка, как правило, направлена на нахождение компромата. Это известно многим из нас. Не обошла партпроверка и Мухамметхадия. Так, в феврале 1922 г. Кильдибекову напомнили о сокрытии им службы муллой в царской армии на германском фронте.

С исполнением обязанности муллы во время пребывания его на германском фронте дело обстояло следующим образом. Командир полка, узнав, что Хади когда-то был священнослужителем, приказал ему быть муллой в воинской части. Еще раз партия напомнила ему об этом в период преподавательской деятельности в г. Свердловске. Этот случай отражен в протоколе собрания в педагогическом техникуме этого города.

Непрерывная смена места работы и жительства, наверное, не доставляла удовольствия семье Хадия. На его иждивении было 6 человек. В тяжелые дни двухлетней работы в Москве его семья оставалась в Уфе, отрезанной Колчаком.

Хади, кроме татарского и русского языков, свободно владел турецким.

Похоже, период работы Х. Кильдибяки в Малом Башкортостане стал в его жизни поворотным. Он уезжает с родины своих предков и больше туда не возвращается. Причину отъезда Хади лично мы видим в скверных условиях, созданных властями Башкортостана для его профессиональной деятельности. Видимо, эти невыносимые условия для него создавались как по линии общественной деятельности, так и по партийной. Последнее, надо полагать, было более ощутимым.

В 1927 году Хади переводится в Казань, где назначается заведующим рабфаком КГУ. Писал в газету «Кызыл Татарстан», читал лекции и т.д. Как прошли годы жизни в Казани – нам пока неизвестно.

В конце 1929 года Кильдибяки – уже в Горьком. Работает в Облоно, редактирует много-тиражку, ведет большую общественную работу. Ему было уже за сорок, когда он вновь сел за парту. В 1930–1933 годах он слушатель Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. После ее окончания уезжает в город Свердловск, где жил и работал до конца своей жизни. Будучи директором Татарского педагогического техникума с 1 декабря 1933 года, он много сделал для того, чтобы хорошо организовать подготовку будущих учителей.

Нами было приложено много сил для выяснения свердловского периода жизни Мухамметхадия. В архивах г. Свердловска (ныне Екатеринбург) материалов биографического или иного характера не отложилось. Удалось обнаружить лишь протокол заседания секретариата Уралобкома ВКП(б) за №190, п. 12, от 1 декабря 1933 года (в ЦДОСО) на просьбу Урал ОНО о его назначении директором Татаро-башкирского педтехникума, что было разрешено.

Хади Кильдибяки скончался в 1949 году в Свердловске. Похоронен на Михайловском кладбище.

Абубакир Шакирович Кильдибеков (Бакир Килдебек), родился в 1920 году в селе Бальшылы. После окончания Давлекановского Башпедучилища работал учителем в школах Чишминского района. В 1943 году избран первым секретарем Чишминского райкома ВЛКСМ. В декабре 1944 года, по завершению учебы в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в 1946–1947 годах, работал секретарем Уфимского горкома ВЛКСМ. С 1947 г. по 1952 г. – заместитель начальника Башкирского республиканского управления трудовых резервов. С 1952 года –

начальник канцелярии Президиума Верховного Совета БАССР. В июне 1955 г. был избран председателем Кировского райисполкома Уфы, где проработал до июля 1973 года.

Награжден двумя орденами «Знак Почета» и семью медалями СССР, двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета БАССР.

Бакир Кильдибеков пишет стихи, псевдоним – «Бакир Килдебек».

Мусаллямова Гульсина Габдулхаковна, родилась в селе Балышлы в 1938 году. По завершении учебы в университете с 1963 года работает в г. Киеве. Защитила кандидатскую диссертацию по биологии. На должности научного сотрудника она занимается изучением экологии водных ресурсов Украины. Сын Гульсины доктор физико-математических наук, работает в Германии, стипендиат Гумбольдта.

Бахтияров Наиль Исламович, 1950 года рождения (Уфа). Художник, с 1992 года член Союза художников России, с 1998 года – член Международной ассоциации изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО. Основные работы Наиля – оформление музеев В.И. Ленина, АНК «Башнефть», Уфимского авиационного института, музея археологии и этнографии села Чувашское Карамалы Аургазинского района. Им оформлены экспозиции более 20 промышленных выставок на ВДНХ РБ, серия плакатов на тему «Экология» и серия рекламных плакатов по г. Уфа. Живопись: пейзажи Башкирии и Урала.

Наиль Исламович, участник выставок в Уфе, Чебоксарах, Томске, Москве, международных выставок в Стокгольме (Швеция, 1991 г.), Копенгагене (Дания, 1992 г.). Его работы приобретены в США, Швеции, России.

Н.И. Бахтияров проживает в Уфе.

Сафаргалиева Фанида Миннуловна, уроженка села Балышлы (с 1962 г.р.), известная солистка Башкирской государственной филармонии. В 1993 г. Фанида приняла участие в IV Всемирном конкурсе «Татарская песня – 93», где была удостоена 1-й премии.

Асаев Рустам, уроженец села Балышлы, известный эстрадный артист в Казани.

Выходцы из села Шамеево (род Кильдибековых):

Танзиля Кильдибекова, дочь Асхата, профессор, заведующая кафедрой БГУ. Ее биография включена в Башкирскую Энциклопедию. Ее дочь Гузель Гафарова доцент БГУ, преподает английский язык.

Творческой деятельности посвятили себя и дети шамеевца Рифката Кильдибекова. Дочь Галия Шакирова (1950 г.р.) доктор биологических наук, профессор Башкирского Государственного аграрного университета. Дочери Галия, Светлана и Диана – доцентки того же университета, сын Альберт (г.р. 1945) инженер НПО «Союзнефтеавтоматика».

Выходцы из села Ишли (род Кильдибековых):

Внук Мухамметшарифа Кильдибекова Роберт Алимбеков, генеральный директор фирмы «Полет» (Уфа).

Выходцы из села Шамеево и Старого Кузяка (род Кильдибековых):

Кильдибеков Рустем Ахметович (с 1934 г.р.), живописец, график, монументалист, заслуженный деятель искусства РТ, проживает в г. Казани. Дочь сестры Рустема Ахметовича Альфия Ринадовна Ильясова (с 1967 г.р.), живописец, график, художник декоративно-прикладного искусства. Биографии обоих включены в Татарскую Энциклопедию.

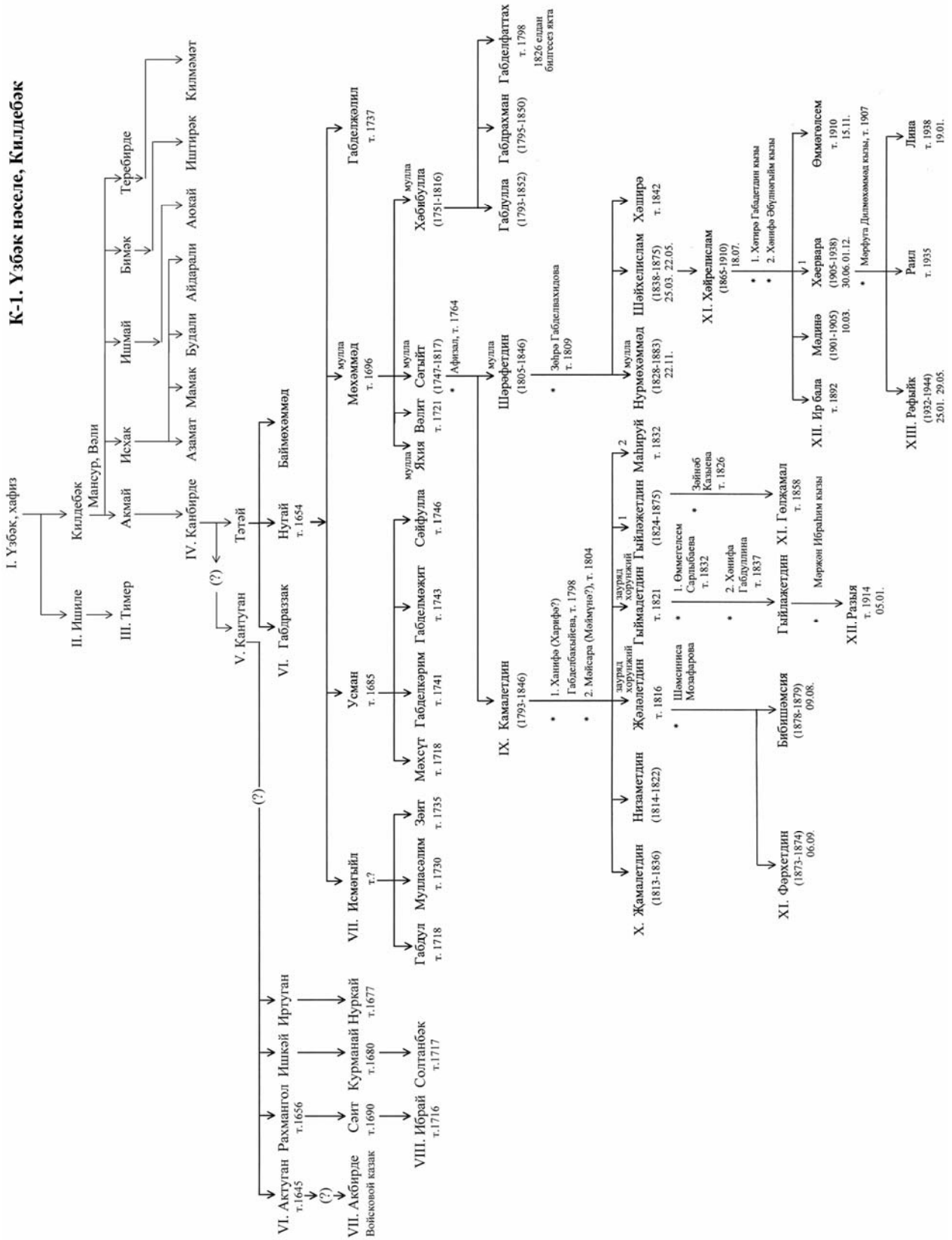
Мы в сжатом формате постарались рассказать о славном роде Кильдибековых, которые внесли и вносят заметный вклад в дело обучения, лечения, образования, повышения культуры и познания своих соплеменников – татар. Ведь род Кильдибековых – это татарский род, который берет свое начало от славного Идегея бия. Потому здесь уместно привести строки из эпоса «Идегей» [17, с.119].

Старец об Идегее (Песнь IV):

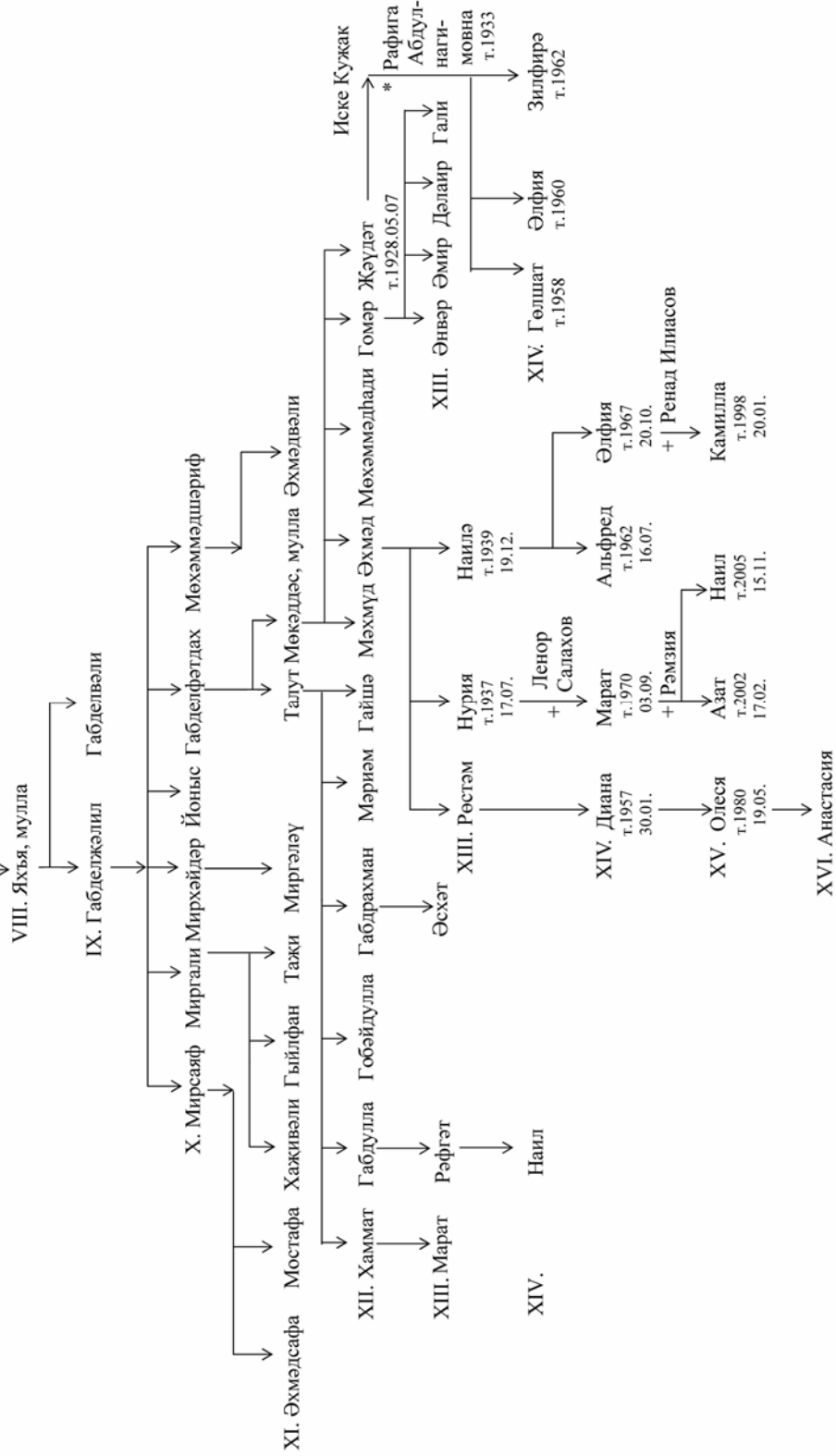
Он – татарин, видать по всему,

Ай, татарин, видать по всему!

К-1. Узбек нәселе, Килдебәк

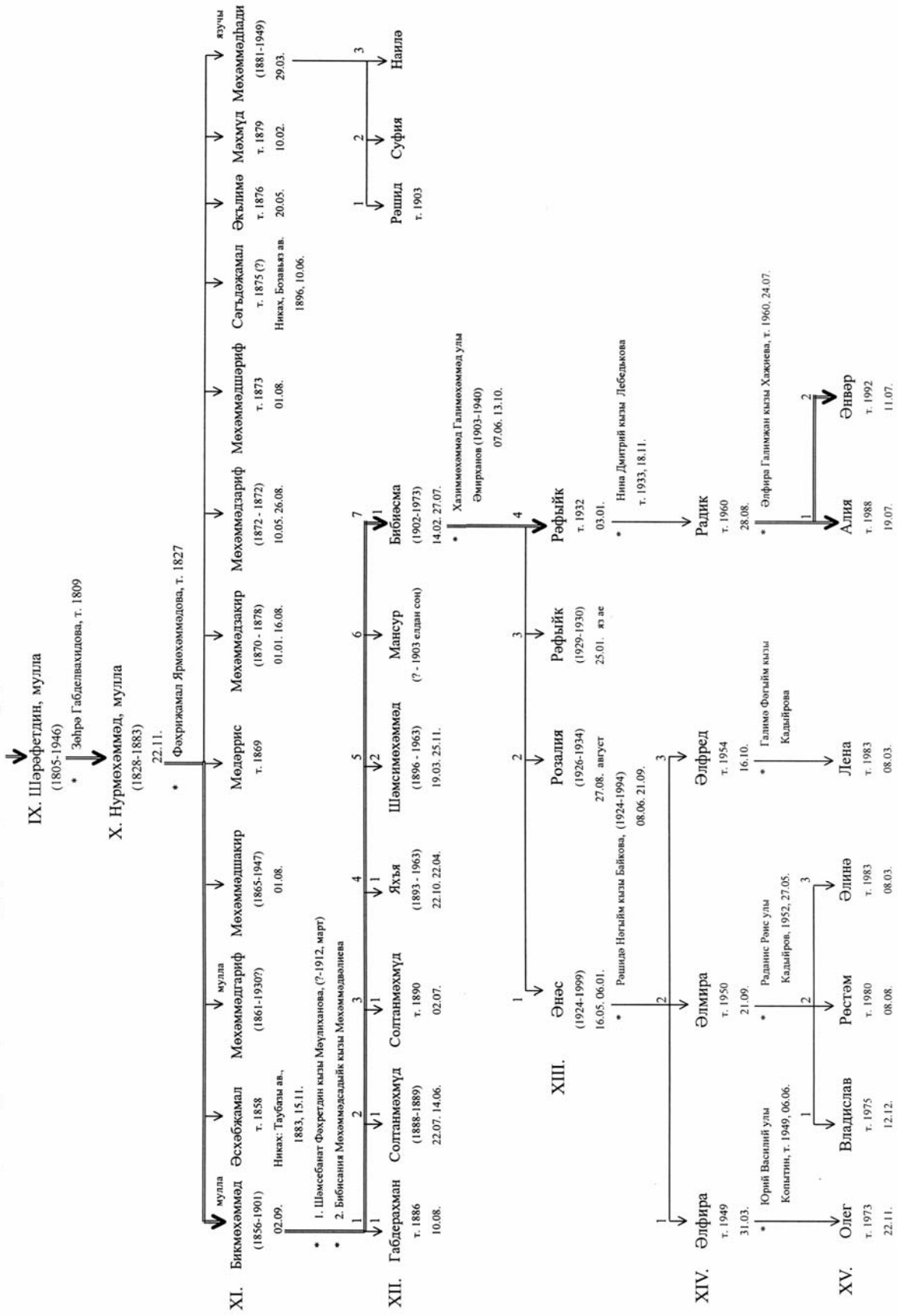

К-2. Килдебәк нәселе, Яхъя, Габделжәлил

← IV. Канбирде ← Ш. Акмай ← П. Килдебек ← I. Узбэк К-3. Килдебек нәсселе, Шәрәфетдин, Нурмөхәмәд, Бикмөхәмәд

V. Тәтәй → VI. Нукай → VII. Мөхәмәд, мулла → VIII. Сөгәйт, мулла

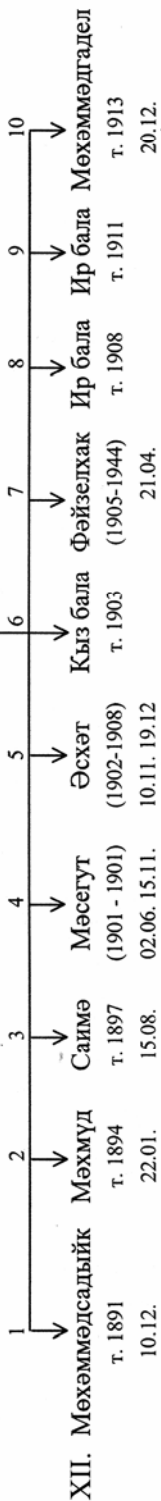
К-4. Килдебек нәселе, Мөхәммәдгариф

← IV. Канбирде ← III. Акмай ← II. Килдебек ← I. Узбак

V. Тәтэй → VI. Нукай → VII. Мөхәммәд → VIII. Сәгыйт → IX. Шәрәфетдин → X. Нурмөхәммәд

XI. Мөхәммәдгариф, мулла
(1861-1930)

* Мөрхәбә Нурмөхәммәд кызы Бәйрәмголова, (1872-1939)
Никах 1890, 14.03.

Булышы ав.

* Гөлсәм Зәфәр кызы, (1906-1936)

* Мәймүнә Мөхәммәдвафа кызы, т. 1914

XIII. Марат т. 1925

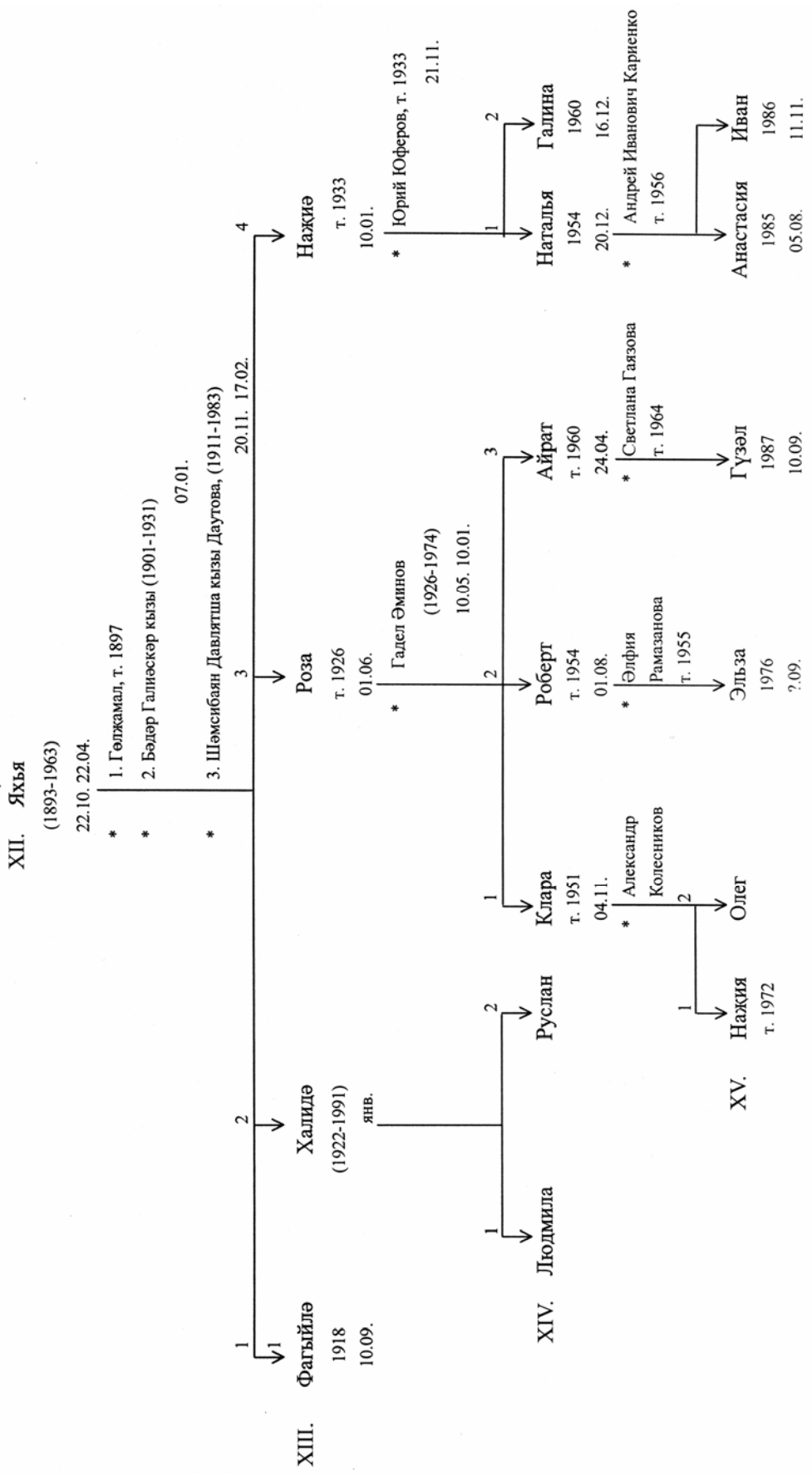
Наил т. 1932 24.03.

Радий т. 1927

К-7. Килдебек нәсле, Яхья

← IV. Канбирде ← Ш. Акмай ← II. Килдебек ← I. Узбак

V. Тэгэй → VI. Нукай → VII. Мөхәммәд → VIII. Сәгыйт → IX. Шәрәфетдин → X. Нурмөхәммәд → XI. Бикмөхәммәт

Список использованных источников и литературы

1. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – Кн.3.
2. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. Август 1670 – январь 1671. – М.: Изд. АН СССР, 1957. – Т.2. – Ч.1.
3. История Марийского края в документах и материалах. Эпоха феодализма. – Йошкар Ола: Мар. кн. изд., 1992. – Вып.1.
4. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1940.– Т.2.
5. Габдуллин И. От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006.
6. РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.146.
7. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1119.
8. РГАДА. Ф.248. Кн.115.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т.4. – Ч.2. – С.34,35.
10. РГАДА. 1760. Ф.452. Оп.2.
11. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3795.
12. ЦГИА РБ. Ф.И-295. Оп.7. Д.7.
13. ЦГИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5694.
14. ЦГИА РБ. Ф.И-195. Оп.2. Д.7.
15. Татарская энциклопедия. – Т.2. – Казань, 2005. – С.562; Татарская энциклопедия. – Т.3. – Казань, 2006.
16. Список населенных пунктов Башреспублики. – Уфа, 1926.
17. Идегей. Татарский народный эпос. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006.

Р.Х. Амирханов

Родословная Амирхановых

«... Атасын сорамай, нөгәр ияртмәм,
Асылын сорамай, мал бирмәм...».

«...Асылын сорамай, аш бирмәм,
Атасын сорамай, дан бирмәм!».

«... Сын благородного отца –
Не возьму себе бойца,
Если мне свой племя-род
Этот воин не назовет...».

«Имени отца не узнав,
Сыну я не скажу: Салам!».

Татарский эпос «Идегей». Песнь V.

Татарский эпос «Идегей». Песнь XIII.

Закамье, особенно Придемье, богаты не только динамично развивающимися событиями исторического значения в прошлом, но и письменными источниками, оставленными потомкам современниками тех событий: устные предания, рукописи, родословия, тексты различных книг и событий и другие записи, чего наши деды и прадеды считали необходимым оставить нам на память. В качестве примеров можно назвать две рукописи, сохранившиеся до наших дней в селе Сарайлы Благоварского р-на РБ. Одна из них, составленная Нигматзяном Курбангалиевым в 1864 году, хранилась у Гандалифа Ахмудовича Корбангалиева, из рода Туктаргали. После его кончины (1968 г.) рукопись была передана уфимским ученым, хотя при жизни он и отказывался отдать ее в чужие руки. Посредником передачи рукописи выступил Рахматзян Ахматзянович Курбангулов, партийный функционер, уроженец соседнего села Старое Усманово (Старое Муталапово), кстати, составитель объемного и содержательного воспоминания, довольно насыщенного событиями и фактами. Рукопись не была опубликована в течение многих лет (по данным Р.М. Булгакова), хранилась в личном архиве Р. Кузеева. Только спустя десятилетия, благодаря настоянию одного из потомков Г. Корбангалиева, рукопись была возвращена владельцам. Текст родословной из этой рукописи опубликован известным ученым М.И. Ахметзяновым [1, б.94–134].

Вторая рукопись была составлена указным муллой этого же села Бикмухаметом Туктаргалиным (1785–1844 гг.), продолжена его младшим братом, также указным муллой Курбангали Туктаргалиным (1789 г.р.). Первоначально рукопись хранилась у Ахаметдина Биккинина, после его смерти перешла в руки его внука Рифката Сулейманова (ныне фермер села Новый Буляк). Оригинал этой рукописи Рифкатом Сулеймановым передан в хранилище рукописей ИЯЛИ. Благодаря этим рукописям нам стала известна богатая родословная наших предков, наши сельчане узнали свою правдивую историю,

узнали, кто мы. Родословная из второй рукописи также опубликована М.И. Ахметзяновым [2, б.102–111; 3, б.104–122]. В рукописи Бикмухамета Туктаргалина кроме большой родословной сохранился текст отдельной грамоты 1671 года, на наш взгляд, копия оригинала.

Родословная в Сарайлинской рукописи, в соответствии с мусульманскими традициями, начинается от Адама. После перечисления имен исламских святых составитель переходит на имена исторические, которые начинаются с 50-го колена – с Абу Бакира Ситдыйка, родственника пророка Мухаммеда, первого халифа. Перечисляются потомки Абу Бакира, правители исламского халифата, Египта, Анталии, Константинополя и других стран. Среди них названы султаны Госман Газый и Баба Тюкляс. Потомками Баба Тюкляса являются Тирмя хан и Идегей – организатор и правитель Ногайской Орды. Названы потомки Идегея Казанфар би и его сыновья. Назовем некоторые сведения о Баба Тюклясе, Тирмя хане, Идегей бие и Казанфаре бие.

Прибытие Баба Тюкляса в Золотую Орду связано со следующими событиями.

Хан Узбек, заняв трон Золотой Орды, послал из Сарая в Мекку Урана, который должен был пригласить влиятельного Чачли-Азиза (по-татарски «Баба-Туклас»), потомка Абу Бакира, в Золотую Орду в качестве мусульманского миссионера. Этот выдающийся проповедник суннита прибыл в Сарай в сопровождении трех сыновей и обратил в мусульманство многих татар [4, с.164, 165].

После отъезда Баба-Тукляса на родину, в Аравию, его младший сын Термез (Тирмя) поступил на службу к хану Узбеку. Хан его так любил, что он был назначен правителем всех племен на территории восточнее Волги. Место управления Терми летом находилось на берегу озера Акзират или реки Ислак, зимой он находился близ современного города Уфы. Официально Тирмя считался ханом мангытов, а в действительности он управлял многими татарскими племенами: кунгратами, дурментами, кыпчаками, найманами, уйгурами и др. Праправнук Тирмя хана Кутлукай (Котлы-Кыйа солтан) объединил их с Ногайской Ордой. Котлы-Кыйа был родственником Тимура (Тамерлана), хотя, как пишет Б. Ижболдин, о степени их родства имеются различные мнения. Некоторые историки полагают, что Котлы-Кыйа был тестем Мираншаха, сына Тимура. Другие востоковеды утверждают, что Тимур сам женился на одной из дочерей Кутлукай (Котлы-Кыйа). Таким образом, формальное создание сильной Ногайской Орды было достижением сына Котлы-Кыйа – эмира Идегея (Идегей-бия, Идик-бия), который также был близким родственником внуков хана Уруса, правителя Золотой Орды. В конечном счете, Идегей би обязан началом своей блестящей карьеры хану Тохтамышу, который был женат на его сестре. Этот брак объединил Белую, Золотую и Ногайскую Орды. Предание гласит, что Идегей женился на прекрасной Бердазис (или Фирдоус), дочери Тимура. Имеются также сведения, что Идегей женился на Канке, второй дочери Тохтамыша, которая после его гибели стала женой старшего сына. У Идегея было, по меньшей мере, двадцать сыновей, но хорошо известно только о двоих – Нуретдине и Мансуре. Есть предание, что хан Тохтамыш участвовал в убийстве Котлы-Кыйа – отца Идегея.

Князь Н. Юсупов в родословной Юсуповых (потомков Юсуфа бия, Тирмя и Идегея) пишет, что Тирмя был «между Яику и Волги». От этого Тирми началось основание Орды между Яиком и Волгой [5, с.4, 5]. Князь также пишет, что Тирмя не только был «между Яику и Волги», но и родился между Волгой и Яиком. Возможно, Баба Тюкляс в период миссионерской деятельности некоторое время проживал там же.

«Ногайский хан по имени Тира-Бабату-Клюсов» был владельцем города Тура Тау: «Он жил в городе только в зимнее время, а летом жил около реки Дема, от города Уфы верстах в 50-ти, при том в двух местах: при озере большом Акзирате и на речке Слаке, где были немалые же жительства. На Акзирате при озере была мечеть, мечеть была и на реке Слаке. В его подданстве были ногайские татары и 12 минских волостей» [7, с.185].

Баба Тукляс похоронен в Медине, где его могила является местом поклонения мусульман-паломников, посещающих место захоронения пророка.

Тирмя-хан стал правителем населения ханства восточнее Идилы (Волги). Зимняя ставка Тирми находилась близ сегодняшнего города Уфа – на Тура Тау, летняя – на берегу озера Акзират (левый берег Демы), а также на реке Слак (Ислак).

Приводимые в источниках имена «Тиря-Бабату-Клюсов», «Тиря-хан», «Хан Тиря», «Тюр-хан» на самом деле принадлежат двум историческим лицам: Баба Тюклясу и его сыну Тирмя хану.

Личности Баба Тюкляса уделено в книге Утемеша-хаджи «Чингиз-наме» несколько страниц [7, с.48а–49б]. В «Чингиз-наме» рассказывается об некоем испытании ханом Узбеком Баба Тюкляса, дабы «удостовериться в его правдивости». Утемеш Хаджи пишет также, что тело Баба Тюкляса сплошь было заросшим волосами, что могло быть поводом называть его «Тюклясом» («Волосатым»).

Баба-Тюклясу посвятил свой труд также американский историк Девин Де Визе. Ниже цитируются строфы из татарского народного эпоса «Идегей» [8, с.378, 379, 505–507].

Речь о Баба Тюклясе (Песнь XIII):

«... Чэчле-төкле Хужа Әхмәт,
Аннан туган Ир Әхмәт,
Аннан туган Тимеркыя,
Аннан туган Котлыкыя,
Аннан туган Идегәй,
Аннан туган Норадын...».

(«Некогда был Ходжа Ахмет,
Чей хохолок – одна из примет.
Был от него рожден Ир Ахмет,
От Ир Ахмета – Тимеркыя,
От него рожден Идегей,
Я, Нарадын, Идегея сын,
Родословной горжусь своей!»).

Из речи Идегея (Песнь XIII):

«...Илем өчен илсенеп,
Жирем өчен жирсенеп,
Халыгым өчен яхшы уем.
Күкрәк тулып жилсенеп,
Көрәкәнне халыгым
Аңладымы – белалмам!
Аңламаса халыгым,
Аңлатмастан үлаламам!...».

(«Ради родной земли я жил,
Счастьем народа я дорожил,
Только добру я службу служил.
Понял ли меня мой народ?
Ради него я бился в бою,
Вихрям грудь поставлял свою.
Если не понял меня мой народ,
Буду стоять я там, где стою!»).

В. Трепавлов называет Акзирата на реке Деме «главным стойбищем ногайских наместников» [9, с.9, 10]. Зиму они проводили в Имэн-кале (Уфе). При откочевке татар на юг ставка перемещалась под Стерлитамак, в крепость Тура Тау. В качестве резиденции предположительно служили также городища Кара-Абыз под Благовещенском и «Чертово» под Бирском. Автор называет еще одного центра ногайского правителя – городище Ак-Тюба под Оренбургом, у Сакмарского устья.

Тура Тау «под Стерлитамаком» на карте РБ показан на административной территории Ишим-баевского района, южнее Шихана, как высота 406 м. Тура Тау находится в окружении заливных лугов и пастбищ и лесных угодий правобережья Белой.

На правобережье реки Белой было село с названием Тура Тау, что севернее Актаныша и северо-западнее от села Старого Янзигитова, в Краснохолмском районе РБ. Село Тура Тау (рядом село Бачки Тау) показано на карте конца Второй мировой войны. На карте РБ конца XX века село Тура Тау отсутствует, сохранилось лишь село Бачки Тау. Северо-восточнее от села Тура Тау есть село Новое Ногаево, еще севернее – Арлан. Севернее Арлана есть село Ашит, одноименное с рекой Ашит, протекающей через Атнинский р-н РТ.

Севернее Краснохолмска, на реке Сакяз есть село Ижболдино.

Мы этих сведений привели не как результат картографического изучения татарских селений, рек, гор и других достопримечательностей. Причина заключается в следующем.

Историк Борис Ижболдин Аль Бакри, потомок Идегей от мурзы Алчагира, сына Муссы, (Ижболды являлся внуком Алчагира) в главе об истории семьи Ижболдина (Ишболдина) пишет, что в начале XVIII века семья Ижболдиных выбрала местом своего проживания место против устья реки Белой [4, с.174–176]. Новое место жительства было выбрано не случайно: близ Мензелинска располагалось «управление ногайского хана, главы ногайских помещиков», живущих в долине. Мурзы Ижболдины участвовали в народном вооруженном выступлении 1705 года, что подняло их престиж среди татар Прикамья. Один из старших представителей Ижболдиных, которого звали Ишбулат (Ижбулат) принял христианство. Близкие родственники Ишбулата Ишболдина не пожелали изменить свою религию и переселись в области возле реки Камы и Уральских гор. В роду Ишболдиных таковых было большинство.

На территории современного Башкортостана существуют три села, названия которых связаны с именем Ижболды (Ишбулды, Ишболды). Первое село на устье реки Белой мы уже назвали, последующие два села находятся на Урале – это Ишбулдино (Аскаровский р-н) и Ижбулды (Зилаирский р-н). Мы не ошибемся, если скажем, что Ишбулатовы (Ижбулатовы), проживающие в селах Удрякбашево и Балышлы Благоварского р-на РБ, являются потомками Ишбулата Ишболдина по линии, не изменившей вере предков. Генерал Ахмед-Хаджи Ишбулатов происходит от Ишбулатовых села Удрякбашево.

Вернемся на время к обозначению Тура Тау.

Слово «Тура» может быть производным от татарского слова «Тюрэ» («Түрә» – «Правитель»). Следовательно, Тура Тау означало место, где находилась ставка правителя, вождя – «Тюрэ», «Тура», а слово Тура-хан может означать «Правитель-хан». Ханом в Тура Тау был Тирмя, сын Баба Тюкляса, который во всех родословных пишется как Тирмя-хан.

Другие Тура Тау могли иметь значение пребывания ставки не ханской, как Тура Тау (Имэн-кала), в качестве ставки для правящих биев на восточной и западной части землевладения татар-мингов, в частности, и самого Казанфара бия.

Акзират, судя по своему названию, мог быть некрополем татар-мингов, одной из мощнейшей ветви правящей верхушки Ногайской Орды. Границы Акзират обозначены на карте Генерального межевания [10].

Река Ислак, которую в наши дни называют Слак, могла быть названа (либо переименована) в честь Ислак Кыя-Солтана, внука Тирмя-хана.

В начальный период существования Ногайской Орды этот регион был центром культуры ногайских татар в пути объединения мингов-мангытов и других крупных племен в единое государство – Ногайскую Орду с центром (в последующем) в Сарайчуке на Яике (Урале).

В источниках [6, с.185] отмечается, что в подданстве Тирмя хана были ногайские татары и 12 минских волостей. В 1671 году жители именно этих минских волостей через Раздельную грамоту, полный текст которой содержится в тексте Сарайлинской рукописи, зафиксировали свои земельные владения [2, б.102–111].

На время задержим свое внимание на именах Урдача бия и его сына Казанфара бия (Канзафара бия), с которых начинаются многие родословные, и которые специфично резюмируются уфимскими историками [11]. Повествуют о борьбе «минских башкир», возглавляемых «башкирским» бием Казанфаром, против ногайских властителей. Якобы, после подавления движения татар за восстановление Казанского ханства в 1553–1557 годах ногаи «в полном составе ушли из Башкортостана». И при этом они «пытались силой увести с собой и башкир, но башкиры свою родину не бросили, даже наоборот, противостояли ногайцам с оружием и победили их» и т.д. и т.п. Будто бы «ногайским мурзам не удалось увести с собой всех минцев. С ними ушла лишь незначительная часть «башкир». В частности, сообщается и такое: «С Канзафар бием остались три человека. Один из них Чублюк – родственник Канзафара...». В числе оставшихся упоминается имя Акмана, «происходившего из мурз». «И эти пять человек, каждый [из них] был знатного рода, то есть были родовыми старейшинами у башкир». В 1554–1555 годах «состоялась поездка посольства башкир в Казань. Русским правительством башкирские послы были приняты «очень милостиво». В числе послов минских башкир были бий Казанфар, Чублюк, Урман и Туман. Послы «ходили» в Казань «за отсутствием удобных путей сообщения на лыжах».

Этот «лыжный поход» кочует из книги в книгу, из одного журнала в другой. Например, в статье, посвященной Благоварскому району, «поход» изображен так [12, с.77].

«После падения Казани в 1552 г. именно Канзафар бий откликнулся на обращение царя Ивана Грозного признать его власть и, как свидетельствует шежере, в 1554–1555 гг. (961 г. хиджры) возглавил первую делегацию башкир к Ивану Грозному, заключившую соглашение об условиях вхождения башкир в состав Русского государства. И добавляют: «Это был поворотный момент в истории Башкортостана, открывший в ней совершенно новую полосу».

Толкование татарских шежере и попытка приписания их к этническим башкирам – дело частное. Но эти надуманные «побасенки» о какой-то роли Казанфара (Канзафара) в так называемом добровольном присоединении башкир к Московии вышли на уровень государственных отношений. Проникли на страницы как некоторых книг, так и энциклопедических изданий, например, краткой Энциклопедии Башкортостана [13, с.321]. Здесь имеет смысл привести текст статьи о Казанфаре: «Казанфар бий (Канзафар князь), – вождь башкирской племени мин, один из инициаторов и руководителей присоединения Башкирии к Русскому государству. Во главе минских башкир боролся против ногайских мурз, не подчинился их приказу откочевать на Кубань. Призывы Канзафара бия не оставлять родные земли, не поддаваться уговорам и угрозам ногайцев нашли полную поддержку в народе. В 1554–1555 Казанфар бий возглавил посольство минских башкир к царскому наместнику в Казань. В результате переговоров башкиры-минцы вошли в состав Русского государства и получили жалованную грамоту на вотчинное владение землей. Иван IV пожаловал Канзафару бию звание тархан».

В последнее время из-под пера уфимских авторов вышла более свежая книга, где повторяется фантазия о «посольстве» в Казань Казанфара бия [14, с.43]. «...Казань была взята царем Иваном. После чего [башкиры] подчинились царю. Это было в девятьсот шестьдесят первом году». Послы

отправились в Казань «за отсутствием удобных путей сообщения на лыжах». Русским правительством башкирские послы были приняты «очень милостиво». В числе послов были бий Канзафар, Чублюк, Урман, Туман». Цитируемые строки помещены в книгу, изданной по поводу так называемого юбилея «добровольного вхождения Башкирии» в состав Русского государства.

Если ряд уфимских авторов организывают «лыжного посольства» лишь в Казань, то историк Р.Г. Кузеев, поддавшись обаянию рассказчика из Янаульского района РБ, не пожалел отправить некоего предка Айзуака за берестяной грамотой на владение землей даже в Москву, тоже на лыжах [15, с.15]. Почему-то уфимские авторы все посольства делают безлошадными. Ведь тогда шла вторая половина XVI века, а мнимые «башкиры-послы» все еще пребывали быть безлошадными. Возможно, уфимские авторы, зная, что этнические башкиры в те времена еще не занимались земледелием, в основном бортничеством, то никак не желали видеть башкирина на коне.

Было ли на самом деле так называемое «лыжное посольство» в Казань к русскому царю, или все это элементарная небывлица, пусть разбираются сами историки. Дело в том, что так называемое участие Казанфара бия в «лыжном посольстве» документально не аргументируется, а повторяется лишь на информации «ОБС» («один бабай сказал»). Нами выполнен анализ родословной Сарайлинской рукописи. Результат анализа говорит о времени рождения Казанфара намного позже происшедших трагических событий в Казанском ханстве, позже 1552 года. Имеются сведения, отвергающие борьбу Казанфар бия против собственного государства – Ногайской Орды. Более того, Казанфар би и его сын Дистан во главе своих соотечественников вели вооруженную борьбу против царских войск, в одном из которых, судя по преданиям, погибли. Об их гибели сообщается в родословной, составленной в 1963–1970 годах Вафиным Газизом Мухаммедвафовичем, жителем села Каркалитамак (Миякинский р-н РБ) [16, б.12–14; 17, б.56–65].

В каких годах жил Казанфар би, предводитель татар племени минг (мангыт)?

Уфимские идеологи, озабоченные размножением башкирской нации, основываясь только на родословных, свои идеи и дела увязывают татарами племени мин (минг, мангыт), конкретно, с родом Казанфара бия (Канзафара бия). Эта идея, не имеющая базовой исторической действительности, основана лишь на устных преданиях, как говорят в народе, на «один бабай сказал» (ОБС). Авторы идеи имя Казанфара бия превратили в некое знамя «добровольного присоединения» «минских башкир» к русскому государству, за которым почти строем и по графику последовали и другие племена. Во всем этом сыр-боре отсутствует историческое и документальное обоснование вообще, кроме, как мы уже отметили, «ОБС». Нафантазированная идея шествует из одного источника в другой, повторяя одно и то же.

Попробуем решить эту довольно надоевшую идею с привлечением архивных и родословных материалов, в том числе Сарайлинской рукописи, ценность которой уфимскими историками не отвергается, даже подтверждается.

В своей историко-календарной проверке родословной Казанфара бия использованы ревизские материалы, метрические книги, ЗАГСовские записи, родословная из Сарайлинской рукописи, тексты отдельных грамот 1646 и 1671 годов, также другие источники.

В 1671 году отдельную грамоту, согласованную с русскими властями на продолжение землевладения, получили несколько минских татар, в том числе внуки Казанфара бия Янбахты (сын Кадаша бия) и Махмут (сын Дистана). А также Уразлы Урманов, который упоминается среди участников раздела земли 1646 года. У Казанфара бия было четыре сына: старший Кузябахты, затем Дистан, затем Байбахты и младший Кадаш би.

Допустим, что в год получения грамоты Янбахты был уже в зрелом возрасте, около 40 лет, следовательно, годом его рождения можно назвать 1630 год. Если в год рождения Янбахты ему было примерно 30 лет, следовательно, год рождения Кадаша бия – 1600 год. Также допустим: один из старших братьев Кадаша – Дистан родился на пять лет раньше (1595 г.), а Кузябахты – на десять лет раньше (1590 г.). Таким образом, Казанфару в год рождения Кузябахты могло быть не более тридцати – тридцати пяти лет, следовательно, он мог быть рожден в 1555–1560 годах.

Взяв эти условные годы рождения Казанфара бия (1555–1560), Кадаша бия (1600 г.) и Янбахты (1630 г.) за основу, строим график родословной «лесенки» для этих трех лиц. На этот график накладываем вторую родословную «лесенку», на этот раз одного из родов, например, из таблиц Б, Би; Б-5; Б-11 и Б-12.

Нам известны годы рождения двух лиц – Казанфара бия (1555 г., условно) и Абуталиба (1747–1827 г., документально). Абуталиб в родословной занимает десятое место. 1747 минус 1555 равен 192 лет. Полученную разность делим на 10 (число поколений) и получаем цифру 19,2. Округлив 19,2 лет до

20 лет, мы попадаем в допустимый коридор сменяемости поколений (от 20 до 30 лет). На этих сведениях построена «лесенка» родословия от Казанфара бия – от 1500 по 2010 годы (см. ниже).

Производим двойную проверку графика-«лесенки».

Первая проверка связана с участием в обоих разделах земли Уразлы Урманова – в 1646 и 1671 годах, обе даты совпадают с годами жизни Янбахты.

Для второй проверки берем годы рождения первого и восемнадцатого лиц в родословной – 1555 и 1992. 1992 минус 1555 получаем 437 лет. Делим 437 на 18 (число поколений) и получаем цифру 24 года, тем самым попадаем в середину коридора сменяемости поколений (от 20 до 30 лет). График-«лесенка» может быть использована в определении годов жизни лица, данные на которого в документах отсутствуют.

График-«лесенка» позволяет констатировать следующее: Казанфар би в начале 1550-х годов не мог участвовать ни в каких государственных делах, тогда он был еще младенцем.

Маловероятно также само «лыжное посольство» в Казань. Если это событие произошло бы на самом деле, оно наверняка нашло бы свое отражение в Сарайлинских рукописях.

Сам Казанфар би жил у озера Асылкуль, на местности с названием Кырыкуйле. Его владения распространялись на громадной территории – от западных областей реки Яик, степи с названием Тукчуран, включая полностью Придемья, озер Асылкуль, Кандрыкуль до Бугульминских краев и западных земель реки Белой включительно. Огромные размеры территории под властью Казанфара бия соответствуют названию – Кырыкуйле, что означает Сорок Родов (Домов). У татар слово «кырык» («сорок»), кроме числа, означает еще «множество». Например, татары о человеке, придумывающем массу причин, но лишь бы не делать какую-либо работу, говорят: «Кырыкмаса кырык сәбәп таба». Это соответствует русскому: «Находит тысячу причин». Часть территории Придемья из владений Казанфара бия в последующем называлась Кырыкуйле-Минской волостью.

Не исключено, что у озера Асылкуль существовала и деревня Кырыкуйли, в котором жил Казанфар би. Если такая деревня была на самом деле, то она могла быть уничтожена «бравыми» карателями под командованием русского генерала Румянцева и «птенца гнезда петрова» советника Кирилова весной 1736 года. Каратели прошли «разными дорогами в Демские вершины и по впадающим в Дему речкам», «бегущих воров», «как свиной кололи», было «побито немалое число и со 100 в плен взято, и около ж 100 деревень выжжено». Только сам Кирилов «по Уршаку все деревни выжег, и несколько побил», а «Юрматинская волость почти вся ж сожена и разорена» его войсками.

В наши дни потомки Казанфара проживают также в селах Каркалитамак, Улукаркали, Жылыбылак, Дюсян, Дюсмет, Таллыбылак, Аит, Янбак, Шадмантамак, Баязид, Качаган, Сарманай и др. [16, б.13,19].

В родословной говорится, что Казанфар би и Дистан погибли в борьбе с новой властью. В какие годы и при каких обстоятельствах могли погибнуть Казанфар би и Дистан? Ответа на этот вопрос попробуем найти, обратившись к событиям, происшедшим в Придемье в XVII веке. С начала XVII века и до 1671 года, даты очередного документального закрепления права на землепользование татарами в Придемье, происходило несколько вооруженных выступлений коренного населения против русских, покушавшихся на их свободу.

С русской активизацией на Каме территория владения Казанфара бия стала приграничьем военных действий. Вскоре, в 1615 году, на Каме произошло массовое вооруженное выступление татар под руководством Еналея (Джан-Галия), в истории получившее название «Еналеевское». Русским правительством оно было подавлено, Джан-Гали был пойман, привезен в Казань и повешен. Следующие военные действия произошли в 1645 году, в связи с основанием Мензелинского острога. Татары в том же году выступили с оружием, подвергнув Мензелинск к нападению. Однако и их постигла судьба джангалиевцев: расправа над татарами оказалась жестокой. Следующая народная война, на этот раз под руководством старшины Сеита, совпала с восстанием казачества против русского правительства под руководством Степана Разина (1669–1671 гг.). Татарские отряды старшины Сеита на территории Придемья действовали на подступах Уфы и Верхотурья. [18, с.12, 13]. Это выступление совпало с годом очередного юридического оформления татарами собственных земель. Однако к этому времени Казанфара бия и Дистана среди живых уже не было. Это дает основание считать, что очередная раздельная грамота являлась лишь юридическим документом, подтверждающим ранее проведенного внутривидового раздела земли.

Итак, в родословных татар минского племени (мангытов) в Сарайлинской рукописи центральными личностями являются Абу Бакир Ситдыйк, Баба Тюкляс, Тирмя хан и Идегей. Потомки Идегея в лице Урдача бия, Казанфара бия, Дистана, Кадаша бия и их потомков являются продолжателями родовой линии этих исторических лиц.

Нами на основе этих источников составлена самая полная родословная, включающая и сегодняшние дни. Родословная начинается с Абу Бакир Ситдыйка, где 15-е колено – Баба Тюкляс, 16-е – Тирмя хан, 21-е – Идегей, 24-е – Казанфар би. Личные имена соответствуют языку оригинала – татарскому на кириллическом алфавите, что не представит особого труда для чтения лицам, не владеющим татарским языком.

Родословную условно разделили по родам на две параллельные части: на род Бикмета (табл. Б) и род Бимамата (табл. Би). Родословная рода Бикмета дается в 30-ти таблицах (Б-1 – Б-30), Бимамата – в 10-ти таблицах (Би-1 – Би-10). Начальные сведения для этих двух родов сведены в общую таблицу (Б, Би). В общей таблице имена, называемые в рукописи, подчеркнуты. Включенные из других источников имена даны курсивом. Источники указаны в текстовой части работы.

В составлении родословной до наших дней использованы следующие источники: материалы ревизских сказок, метрических книг, подворных переписей (1917 и 1920 гг.), ЗАГСовские документы и похозяйственные книги сел. Особо отмечаем, что имена лиц, названные в завершение родословной из рукописи, полностью совпадают с именами лиц 5-й ревизии 1795 года. В работе использованы сказки с 5-й по 10-й ревизии. Что касается метрических книг 1830–1920-х годов, то они в архивах сохранились не за все годы. По этой причине в родословной имеются определенные пробелы, некоторые имена семей наших предков могли остаться за пределами этой родословной. Проблемными являются и 1920–1930 годы из-за отсутствия упорядоченной документации, сказались смена власти и идеологии в стране, гражданская война, голод, болезни, да и общая неразбериха. Даты жизни сельчан, бракосочетания и развода, имена супругов и другие взяты из этих же источников.

Мы не ставили задачу составления полной родословной последних десятилетий для всех семей, ограничившись только именами близких родственников автора. Однако общая часть родословной дает возможность составить родословии всем остальным семьям. Вместе с тем сделано одно исключение – составлены частичные родословия для двух параллельных родов от Дистана. Первая посвящена роду Ахаметдина Биккинина, хранителя Сарайлинской рукописи. Родовая линия следующая: Дистан – Махмуд – Балтач – Габбас – Басари – Бачурек – Акморза – Байморза – Мухаммедшах – Таммат – Нурмат. Подробная часть родословной начинается с Нурмата и завершается – именами семьи Рифката Сулейманова, сегодняшнего хранителя рукописи (см. табл.).

Другая родословная составлена для семьи Ахмета Галиева в последовательности: Дистан – Ахмет – Хасан Шейх – Шейх Дербиш – Янбарыс – Янырыс – Котыш – Юнус – Туктагул – Туктаргали. Подробная часть родословной начинается с Туктаргали и завершается именем Альберта – внуком Ахмета Галиева, члена-корреспондента АН РФ (см. табл.).

Во избежание загромождения основного текста архивными данными, нумерации фондов ревизских сказок и метрических книг не приводятся.

После весенней 1736 года «зачистки» правительственными карательными войсками Придемье почти обезлюдело. Сюда стали переселяться татары – ближние и дальние родственники прежних жителей из Предкамья и Закамья, где процветал национальный и религиозный гнет со стороны новых хозяев. Несчастливые жители сел, как массаами, так и отдельными семьями, стали уезжать (вернее, бежать) из одной территории в другие собственного же государства, покидая навека обжитые места.

Осмысливая архивные материалы и рассказы сельчан-старожилов, выстраивается следующая схема их переселения в Придемье, что происходило в середине XVIII века.

Где проживали наши ближние предки до своего вынужденного переселения в Придемье?

Вектора поиска задал текст указа, копия которого была выдана 10 июня 1743 года Уфимской Провинциальной Канцелярии для предоставления в межевую контору жителями Чуби-Минской волости [19, л.49 об.–50]. В ней было написано, что родственники Дистановы «живут по Мензеле речке в Саралинской волости, которых ныне желают они принять по-прежнему к себе и потому тем указом велено вотчинною землею владеть обще сродственниками». Несомненно, что эти вотчинные земли за чубиминцами и сарайлиминцами были узаконены еще раздельной грамотой 1671 года. В этом документе мы обратили внимание на выражение: «родственники... живут по Мензеле речке в Саралинской волости». В нашем случае, речь идет о татарах-дистановцах, которые проживали на исторических землях Сарайли-Минского рода (позднее, волости) в бассейне реки Мензеля.

Закамье не было уж такой «безлюдной пустыней», как сообщаются в ряде русскоязычных источниках. Более того, составители карты новой Закамской линии (очередной Российской восточной границы) за границу определили как «степь пустая». Трудно сказать с позиции жителя XXI века, то ли это было следствием незнания народонаселения в Ногайской Орде, то ли было сделано

умышленно, дабы «смыть» татар с этих земель. Видимо, последнее. На это предположение нас наталкивает то, что русские писцы еще во второй половине XVI – начале XVII века для переписи «государственных земель» за реку Каму не ездили, так как за этой рекой «летовали» ногайцы». Как определил Е.И. Чернышов, селения в бассейне рек Ик, Уфы и Белой уже были «до Казанского взятия» [20, с.280, 282]. Еще в 1716 году в районах Челны и Мензелинска колонисты-активисты проводили перепись населенных пунктов, известные как ландратские карты.

Названия ряда населенных пунктов в бассейне рек Мензели и Ика совпадают со многими именами в нашей родословной: Казанфар би – Дистан – Махмуд и Ахмет – Хасан Шейх – Шейх Маман и Шейх Дирбеш – Кадряк – Ямак – Бикмет – Уразай – Карашай, Янорус (Йанырыс). В бассейне реки Мензеля существуют села Кодряково, Ямяково, Карашай, Ахметово, Янорусово (Йанырыс). Села Кодряково и Ямяково расположены на противоположных берегах реки Мензеля, Кодряково на Казанской стороне, Ямаково – на Уфимской.

Названия нескольких сел связаны с именем Бикмета: Драгун Бикмет, Новый Бикмет, Старый Бикмет «Бишенде тож», Сарайли-Бикметево. Село Сарайли-Бикметево ныне называют сокращенно – Сарайлы.

Наши оппоненты, исходя из родословной Бикчуры-хана, могут не согласиться с нашей версией об основании сел с общим названием Бикметево вблизи реки Минзеля Бикметом, сыном Ямака татарско-минского племени. Дело в том, что в родословной Бикчуры-хана названы имена Бикмета и Бимета, сыновья Янбулата. Однако в этой родословной отсутствуют имена Кадряка, Ямяка, Карашая, а также других лиц.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что основателями села Кодряково был Кадряк, села Ямяково – Ямяк (сын Кадряка), сел с общим названием Бекметево – Бикмет (сын Ямяка). Село Карашай могло быть основано Карашаем, вторым сыном Уразая. В Закамье и на уфимской стороне несколько сел называются Уразаево. Был ли причастен к основанию одного из этих сел наш Уразай, нам неизвестно. Дело в том, что у татар это имя довольно распространено. Но мы не уверены, что Янорус (Йанырыс) из нашей родословной, причастен к основанию села Янорусово. Дело в том, что в [21, л.3 об.] упоминается ясашный «типтяр» Уфимского уезда Казанской дороги Байларской волости Янорус Баглаев из деревни Янорусово.

Существуют два села с общим названием Ахметово: Старое Ахметово и Новое Ахметово. Старое Ахметово с несколькими дворами в наши дни, ранее называлось Ахметабызово. Село Ахметабызово могло быть основано Ахметом, внуком Казанфара бия, отцом Хасана и дедом Мамана и Дирбеша; все трое были шейхами. А шейхами могли стать только в образованных семьях, в нашем случае, в семье абыза Ахмета.

В работе Е.И. Чернышова в селе Айша Нижняя на Арской дороге названо имя служилого татарина Кодрека (Кадряка) [22, с.36]. Этот документ относится к 7154 году (1646 г.). График-«лессенка» нашей родословной указывает на годы жизни Кадряка, сына Шиих Мамана, на 1635–1700 годы.

Несколько севернее на рассматриваемой нами территории, на реке Кия (Балтасинский р-н РТ) и поныне существует село Хасаншаих, совпадающее с именем Хасана Шейха, отца Шейх Мамана, внука Дистана.

Итак, мы определили ряд селений, расположенные компактно, сравнительно близко друг к другу, названия которых совпадают с именами лиц из нашей родословной. При этом эти сведения взяты из источников, меж собой не связанных.

Раз существуют населенные пункты, названия которых схожи с именами в родословной, то в источниках могут быть и имена-фамилии лиц, совпадающие с именами в родословной. Это предположение оправдалось, установлен ряд лиц с фамилиями Кодряков и Ямяков. Ниже приводим несколько источников и имен, связанные с фамилиями Кодряков и Ямяков.

Во время I ревизии (1719–1720 гг.) был не охвачен, то есть «утаено» ряд деревень, в том числе из сотни Таганая Биктимирова. В «утаенных» селах жили «татары, новокрещены и чувашы». В селе Кодряково проживала семья татарина Азички Кодрякова (60 лет) с сыном Степанка (30) и его братом Кадырметом (15) [23, л.168.]. Азяк Кадряков из села Кадряк фигурирует также в документе от 4 декабря 1704 года [24, д.1105. л.7 об.–8]. По этому документу ясашные татары Уфимского уезда деревни Кадряк – Азяк Кадряков и Казанского уезда деревни Ямаково – Балтай Клянчин за «рубль шесть алтын четыре деньги» взяли по Минзеле реке «сенных покосов по обе стороны» у двух мензелинских конных казаков. Имена Азяк и Ямак (сын Кадряка) созвучны, что дает повод считать Азяка сыном Кадряка с включением его в нашу родословную.

Татары, не терпящие насилия со стороны колониальных властей, кроме переселения, бросились в бега, прежде всего во время первой переписи населения. Тех татар, которых русским властям удавалось обнаружить в новых регионах, водворяли на прежние места жительства. Были случаи, когда соплеменники отказывались выдавать вынужденных беглецов, порой они даже изгоняли представителей колониальных властей.

Отрядом поиска и возвращения «беглецов» руководил граф Головкин. Им, например, из Уфимского уезда были высланы, то есть возвращены в село Ямяково пять семей, числившиеся в 1721 году в этой же деревне в качестве безъясачных татар. Одним из них был староста татарин Салтанай (Солтан?) Ямяков, 51 год. У него было два сына: Атика (9) и Ибрай (1) [24, л.236]. Салтаная (Солтана?) Ямякова с сыновьями включили в свою родословную.

Похоже, колониальные власти через действия графа Головкина, буквально «достали» «видных людей» всех четырех дорог Уфимского уезда. По просьбе «видных людей», среди которых был Ишеля Кайдалин (о нем речь пойдет ниже), к «господину полковнику графу Головкину... был прислан... с Казани мещеряк Имай Кулаев в Уфу и велено ему быть в городе Уфе, дабы их братью иноверцев всех четырех дорог отдавали всех сходцев без задержания. И ему, Имаю... проведовать со всем усердным радением без всякого подлогу...» [25, л.9–9об.]. Видные татары в разговоре с колонистами держали себя достойно.

Экспедиция по «отлову душ» была организована по инициативе Петра I, нуждавшегося в поступлении налоговых денег для ведения нескончаемых войн. Это он в 1720 году дал инструкцию графу Головкину, стоящему с войском под Мензелинском, возвратит беглых на их прежние места жительства. С 1 июня 1720 г. по 1 марта 1722 г. этому графу удалось выслать из уфимского края «беглых» татар в количестве 19815 душ обоего пола [26, с.LXXXII].

Насильственное крещение не обошло стороной и селений наших предков. Например, в селах Кадряково и Драгун Бикмет на реке Мензеля ныне проживают крещеные татары.

Насколько остро переживали татары свое силовое крещение, видно из обращения к властям 1 января 1885 года двух женщин деревни Драгун-Бикметево Языковской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии, Анны Ивановны (она же Загида Таймуллина) и Анны Кирилловны (она же Махубямал Дусмухаметова):

«Предки наши исповедывали искони магометанскую веру и затем после уже некоторого подчинились влиянию православия вследствие некоторых настояний. Но в душе все-таки были магометанами. В настоящем у нас православное имя, тем не менее мы остались верными наследниками веры своих предков, то есть по наружности исполняли со всем семейством безпрекословно все требования православного духовенства, но вместе с тем в душе остаемся магометанами при всем этом зная, что вера для человека необходимый фактор. Но для исполнения законов повинены начальству и безпрекословного подчинения властям каждая вера имеет совершенно одинаковые права. Мужья арестованы за отпадение в ислам. Жены жалуются на побои причиненные мужьям. Муж Анны Ивановой Михаил Федорович он же Мандей Биккинин» [27, л.1].

После трагических событий 1735–1742 годов наши предки переселились на земли своих родственников – из бассейна реки Мензеля на Придемье, в Чуби-Минские и Кырыкуйле-Минские родовые волости. Однако это переселение не было безболезненным, так как возникли межродовые распри: против них выступили представители рода, берущего свое начало от Кадаша бия, младшего сына Казанфара бия.

Перед нами текст рапорта старшины Кырык-уйле-Минской волости Алибая Мурзагулова в Уфимскую провинциальную канцелярию с протестом против поселения на «башкирских» землях «мишарей» и татар, составленный 31 декабря 1759 года. В рапорте, поданном клеветом Мурзагулова Ахмером Курбангуловым излагается следующее:

«В Уфимскую провинциальную канцелярию репорт.

По присланному из оной же провинциальной канцелярии указу объявляю о перешедших и живущих на нашей земле без оброку и насильством, во-первых: Ногайской дороги по реке Кизяку в деревне Мещер-Ибрагимовой Алмекеевой команды Халил Мытыев, Муса Даутов, Ахмер Кадырметов, Солтанбековой команды Смаил Бекбулатов, Даутовой команды Искандер Халилев, Муртаза Мустаевой, Максют Рахмангулов, по той же реке Кизяку в деревне Мусиной Солтанбековой команды Гаит Резяпов, // Габдюш Курмаев; по оной же речке Кизяке в деревне Абраевой Зейняшевой команды есашный татарин Шерып Кудакаев, Кусяк Бекметов, команды Алмекеевой Сюнчалеи Ишметов, Сюнчали Ишметов, Даутовой команды Мавлют Курманаев, Муса Курманаев, Солтанбековой команды Абыкай Арасланов, в деревне Карамалиной Солтанбековой же команды Галькей Касимов, Шабай Яковлев, Уразай, чей сын не знаю, да команды моей Чюби-

Минской волости в деревне Булушлиной Сараилинской волости, Ишелиной команды Бякир Мютюгулов, Девлекей Субаков. Чинтимир Рахманкулов, команды Урманчиной есашные татара Якуп Бекметев, Уразай Бекметев, Муса Бекметев (выделено нами – Р.А.), которые живут самовольством, и оных нам непотребно» [28].

Выделенные нами имена, которые «непотребны» для Алибая Мурзагулова – есть имена наших родственников. Якуп, Уразай и Муса – продолжатели рода Бикмета, а ЧынTIMER Рахманкулов – Бимамата. Урманчи, видимо, Урманчи Минлибаев, старшина Ногайской дороги Уфмимского уезда [28, с.20–21].

На рапорт-жалобу Алибая Мурзагулова в адрес новых властей последовал ответ – рапорт в Уфимскую провинциальную канцелярию Казанской дороги от «мишарского» старшины Алмекея Алкеева (сын старшины Алкея Муслюмова) [28, с.27]. Алкеев, видимо, опытный старшина в вопросах землевладения, обосновал свой рапорт текущей политикой русской администрации. Он дал разъяснение, что «мещеряки» его команды были припущены на пустые земли «оставшихся от бывших в оной волости воров башкирцев в бунте» согласно указу императрицы от 1736 года. И обосновал, что «с начала вступления башкирам платили оброчные деньги», «оброков платить стало уже нам неподлежательно и не платим» и потому эти земли «к отдаче во владение мещерякам включены в опись».

Нам точно неизвестна причина «непотребности» Якупа, Уразая, Мусы Бикметова и Чын-тимера Рахманкулова старшинами Чуби-Минской и Кырыкуйле-Минской волостей, однако имеются некоторые поводы для размышления.

Возможна связь с правом на землепользование. Дело в том, что один из предков Ахмера Курбангулова по имени Кулсари (Кулсар би) в раздельной грамоте 1646 года указан владельцем земли на территории, на которой размещены села Сарайлы и Балышлы. На территории находился перевоз на реке Дема, сокращающий путь следования из Уфы на белебеевские края. Перевоз принадлежал тому же Кулсари. На основании раздельной грамоты 1671 года эти земли принадлежали Дистану.

Возможно, существовала внутривидовая взаимная неприязнь, например, из-за различного отношения к новым хозяевам: некоторые потомки рода Кадаша бия поддерживали тесные отношения с русской администрацией, например, Кулсари би и его потомки, а потомки рода Дистана – нет. В пользу такого допущения имеются некоторые основания.

Первое. Кулсар би из рода Кадаша бия мог быть тем историческим Кулсари бием, который проявил инициативу появления русской администрации в Уфе. В повествовании о восстании населения под руководством Акая сына Кусюма говорится о том, что город Уфа на устье реки Уфы русскими сооружен по совету Кулсары-бека [29, с.402]. Это событие произошло во второй половине XVI века.

Второе. В первой половине XVIII века начальник карательной экспедиции статский советник Иван Кириллов позаботился о целостности деревни Якшигулово. 25 октября 1736 года за его подписью из канцелярии Оренбургской экспедиции вышел указ о непричастности к народной войне «башкир» Ногайской дороги, Чуби-Минской волости Якшигула Салтяшева «с товарищами» и о неприкосновенности их деревни [30, л.29]. Ниже приводим текста этого указа.

«Указ е.и.в. самодержицы Всероссийской.

Дан сей е.и.в. указ ис канцелярии Оренбургской экспедиции Уфимскаго уезду, Ногайской дороги, Чубиминской волости, деревни Якшигуловой башкирцом Якшигулу да Муталапу Салтяшевым с товарищи для того: просили они от разорения де воров башкирцов из деревни своей переехали они з женами и з детьми жить в русские деревни, а обратно во оную свою деревню для житья переехать имеют опасение от русских людей, дабы они причтены не были к ворами и бунтовщикам башкирцам. Того ради по указу е.и.в. приезжим во означенную деревню Акшигулову русским военным людем и другим никому оным Икшигулом и Мутолипу с товарищи обид и разорения не чинить. Октябрь 25-го дня 1736-го году.

Подлинной подписал тако: стацкой советник Иван Кирилов, подканцелярист Михайло Машеров».

Якшигул Селтяшев является потомком Кулсари бия (князя).

Эти сведения интересные не только с точки зрения нашей родословной, но и картографической. На карте Уфимской провинции Оренбургской губернии Ногайской дороги 1755 года (составлена Красильниковым) в верховье реки Балышлы, на левом ее берегу, обозначена деревня Якшигулово. Деревня обозначена примерно там, где сегодня расположено село Сарайлы. Это

говорит о беспрекословном исполнении указа Кирилова, карателями деревня Якшигулово не была уничтожена. На карте нет ныне существующих сел Балышлы, Сарайлы и Усманово.

Третье. Не исключено и то, что во время восстания Батырши Якуп с Уразаем и Алибай Мурзагулов со своим единомышленником Ахмером Курбангуловым могли оказаться в противоборствующих лагерях. Эта мысль возникла по ознакомлению Протоколом Правительствующего Сената (1753–1756 гг.).

22 марта 1756 года Правительствующий Сенат заслушал доношение от 29 февраля действительного тайного советника, Оренбургского губернатора Неплюева в том, что 16 февраля ему рапортовал поручик Ураков. В рапорте Уракова Батырша «якобы... уже в киргиз-кайсацкой средней Орде в Кунделень-Кипчацком роде у киргизцев Уразая да Якупа находится» [31, с.522; 32, с.110]. Этими «киргизцами» могли быть Уразай и Якуп, сыновья Бикмета из нашей родословной. При этом слова «киргизцы» необходимо понимать не этнически, а как место проживания (волости) разыскиваемых.

Имя Якупа Бикметова называно в «Ведомости к рассмотрению о содержащихся в Уфимской Правинциальной Канцелярии колодников, пойманных по притчине происшедшего в Уфинском Уезде прошедшего 1755 го летом от некоторых воров башкирцев и других иноверцев бунта, подлежащих в силе Правительствующего Сената от 14 числа сентября означенного 1755 года указа к отсылке в надлежащие места» [33, с.219]. В ведомости в списке осужденных назван и Якуп Бикметов, который «За ведение и недонос про умысел известного возмутителя вора Батырши, в чем он точно не признался, а повинился только...». Якупу вынесен приговор: «Ежели по осмотру явится годен в службу, то следует в салдаты, а ежели не годен, то в Рогервик в работу без наказания». В примечании отмечено, что он в марте 1756 года отправлен в Остзею в солдаты «без наказания». Наше предположение может вызвать возражение, что вполне естественно: ведь Якуп был отправлен в Остзею. Но он мог и откупиться.

Здесь имеет смысл ознакомить читателя Алибаем Мурзагуловым и Ахмером Курбангуловым, также семейством последнего.

В ноябре 1779 года Мурзагулов в провинциальную канцелярию обратился с заявлением, что «де у него Алибая с товарищи жалованные от предков ее императорского величества предкам его Минские волости Баметю и Акымбетю Тенергуловым, Сарбаю Ильбахтину и Утемышу Исекееву на земли с угодьями и деду его Азбаю на тарханство грамоты», которые «20 лет тому назад сгорели в пожаре» [34, л.6–7]. Алибай просил отыскать «те грамоты в Уфимской архиве». Оказалось, что в найденном в Уфимском архиве документе «за ветхостью грамоты познать не можно», но 25 февраля 1781 года выдан документ, что Уфимского уезда Ногайской дороги деревни Минские тархан Абзайка Тетеев ясака не платил, на основании чего Алибаю Мурзагулову была выдана копия запрашиваемого им документа.

Эти источники дали возможность установить родословную Алибая Мурзагулова, внука тархана Абзейки Тетеева из деревни Мин Ногайской дороги Уфимского уезда: Тетей – Абзый – Мурзагул – Алибай. Следовательно, Алибай является одним из родственников и наследников владельцев раздельной грамоты 1646 года Бамета и Акымбета Тенергуловых, также Сарбая Илбахтина и Утемеша Исекеева. Получается, что мурза Алибай – наш дальний родственник. Он родился в деревне Чукраклы на Деме, вблизи впадения речки Балышлы. Недалеко от своего места рождения основал деревню Алибаево, в наши дни искаженно называемую Альбеево. На карте Генерального межевания несколько ниже по течению Демы, на левом берегу реки Уршака (правый приток Демы), у впадения реки Тепериш, обозначена деревня Тенергулова, носящего имя одного из предков Алибая.

Во время народно-повстанческой войны 1773–1775 гг. мурза Алибай Мурзагулов повел себя не совсем однозначно.

Мурзагулов, согласно предписанию «печатного манифеста» Уфимской Провинциальной канцелярии, во главе отряда численностью 1200 человек направился в деревню Биккулово на помощь войскам генерала Кара [35, с.179–180]. В составе отряда находился с несколькими своими сельчанами и Салават Юлаев, который, когда отряд Алибая оказался на стороне пугачевцев, совершил неудачную попытку к бегству в ряды правительственных войск и спасся от смерти от пики казаков Пугачева лишь с помощью татар. Разгром пугачевцами войска генерала Кара резко изменил планы Алибая, он осенью 1773 года со своим отрядом оказался в Бердском лагере Е. Пугачева.

Когда участники народной войны стали терпеть поражение, Алибай 17 июля 1774 года быстро сдался генералу П.И. Голицыну [36, с.423]. Более того, Мурзагулов захватил в плен Сляусина Кинзина, сына Кинзи Арсланова (Кинзи абыза), одного из активных руководителей народной войны

[36, с.420]. Этим Алибай предал и старшину Кинзю Арсланова, соседа по родовой волости. В плену в Москве и Оренбурге Сляусин содержался вместе с Салаватом и Юлаем Азналиным. Вскоре Алибай Мурзагулов становится одним из активных участников подавления народного движения [36, с.416]. Такое поведение было свойственно многим старшинам Придемья и Закамья.

Мурзагулов пользовался высоким авторитетом не только на Ногайской дороге, но и за ее пределами. Так, в июне 1774 года он направляет письмо старшинам ясачных татар Надыровской (в источнике Недыровской) волости Казанской дороги Ибрашу Уразбактину и Максуду Мурзакаеву, в котором, в частности, пишет: «...необходимо на некоторое время стоять спокойно, с тем, чтобы наблюдать, как будет дальше. Никто насильно не заставляет нас воевать. Требуемые от нас походные [люди] наши остались не выступившими у себя дома. Разве это нам не выгодно? ... Не будем вызывать распрю меж собой, пожалуйста, давайте подождем» [36, с.148–149]. Доверительные отношения Алибая, проживающего в Придемье, со старшинами Надыровской волости в Закамье дает основание утверждать о близких отношениях их жителей, возможно, и родственных. Такие же доверительные отношения между руководителями Закамья и Придемья было и в период народной войны 1730-х годов, что видно из крепкой связи, существовавшей между Ишали Кайдалиным, Акаем Кусюмовым и Кильмяком абыз Нурушевым.

Причастность к нашему повествованию Ахмера Курбангулова подтверждается родословной, которую мы решили назвать как Совмещенная (см. табл. «Совмещенная родословная»). Эта небольшая родословная, но довольно емкая, связана с частью рода Кадаша бия, младшего сына Казанфара бия. Составлена на основе источников и документов, условно названными списками первая, вторая и третья.

Первый список (в таблице левый столбец) составлен для рода Дистана [37, б.104–105], что потребовался для календарной привязки имен потомков Кадаша бия, потому выполняет лишь вспомогательную роль. Второй список составлен по воспоминаниям уроженца села Среднее Усманово Р. Курбангулова [38], также жителей сел Сарайлы, Старое и Среднее Усманово. Третий список, связанный с родом Кулсары и его потомков, являющийся главным в этой родословной, обнаружен в архиве И.Р. Габдуллиним [39, л. 287 об.–288]. Все три списка в таблице выделены шрифтами (см. примечание к таблице).

Списки связаны с потомками Идегея, потому легко совмещаются. Здесь уместно отметить и устную память жителей наших сел: сарайлинцы себя считают потомками Дистана, жители селений Старое и Среднее Усманово – Кадаш бия.

Первый список содержит имена Идик би – Чалбак-хан – Урдач би – Казанфар би, далее четырех сыновей Казанфара бия: Кузябакты, Дистан, Байбакты и Кадаш бий. Потомки Дистана продолжение до наших дней.

Второй список включает имена Казанфар би – Кадаш би – князь Янбахты – Корзямал би – Колсар би – Амангильде би – Текей – Тават – Хужабакты – Байбахты – Салташхан – Суяргол – Корбангул – Ахмер – Мухаррям – Афрагим – Шарафелислам – Гайнислам – Раис. После Мухаррама включены параллельные имена жителей села Среднее Усманово Мусалима – Салимзяна – Ахметзяна и его сына Рахметзяна. В этом списке присутствует и Ахмер Курбангулов.

Третий список начинается от князя Кулсари и содержит довольно много имен его потомков, назовем их.

У князя Кулсари было шесть сыновей: Акчура, князь Кутлу, Тякай, Аткай, Конашкозя и Мурзагелдей. У Акчуры были сын Бузюк и внук Ешляк. Князь Кутлу имел сына Кулюша и внука Куксаю. У Тякая были сын Курманай и внуки Утай и Итка. У Аткай были два сына, их имена Буздяк и Кадалей. Сына Буздяка называли Кадырбердей, а сына Кадаля – Ишали. Конашкозя имел трех сыновей – Кукей, Уразбахтай и Табалды, также внуков Сабаная (сын Кукея), Килиская (сын Уразбахтая), Емекея и Баймаша (сыновья Табалды). Были правнуки Балтай (сын Сабаная), Чимаш и Кузей (сыновья Килиская). Еще одного правнука, сына Чимаша, звали Маметкулом. У Мурзагелдея были сын Юсуп, внук Юнус и правнук Иманай.

Родословная князя Кулсары была составлена его внуками Ишалием, сыном Кадаля, и Кадырбердеем, сыном Буздяка, как приложение к «Росписи». Суть «Росписи» Ишалия и Кадырбердея заключалась в следующем:

В ранние времена из Уфимского уезда в Казанский уезд «съехали» сыновья Конашкози Уразбахтай, Кукей и Табалды. Со временем из Казанского уезда возвратились внук Кукея – Балтай, внуки Уразбахтая – Кузей и Маметкул, правнук Уразбахтая. Вернулись также сыновья Табалды – Емекей и Баймаш. «И к сей скаске Ишеля и Кадырбердя батыри и к подлинной родословной росписи тамги свои приложили».

В татарской истории татарин Ишали Кайдалин, житель Чуби-Минской волости Ногайской дороги Уфимского уезда, известен как один из активных руководителей народной войны 1730-х годов.

В этой войне участвовали и родственники Ишали Кайдалина – Юшляк Бюзюков, его родной брат Мурадым и сын Канакай Юшляков [40, л.358–365].

В 2001 году ученым-филологом М.И. Ахметзяновым изучены надписи на девяти надмогильных плитах кладбища Акзират у села Чишмы (на левом берегу р. Демы). Установлено, в этих могилах покоятся татары Минской волости, имена некоторых присутствуют в наших родословных. Например, сын Акчуры (внук князя Кулсари) Тилекей (?–1723/24).

В исторических документах есть имена сыновей Ишали Кайдалина – Тюри и Ишбулат. Тюри был помощником старшины Айсы Якупова [41].

В родословной присутствуют Муталап (Муталип) и Якшигул Селтяшевы, которых защищал командир карателей И. Кирилов.

Среди активных участников народной войны 1730-х годов есть имена Базюка (Бузук) Акчурина – внука Кулсари бия [42, л.57–57 об.; 25, л.19 об.–21; 43, Док. №127,273] (как правило, его имя присутствует рядом с Ишали Кайдалиным); Кутлы Кулсарина и Курманая Текеева [44, л.1–3; 42, л.57–57 об.; 43, Док. №160]; Бердыгула Куклина и Тавла Кукеева (видимо сыновья Кукея) [45, л.13–15 об.; 46, л.75–75 об.].

Довольно часто встречается имя самого Ишали Кайдалина, например, [43, Док. № 255, 1719 г., №273, 1723 г.; 42, л.57–57 об.;25, л.9–9 об.; 47, л.21–21 об.; 43, Док. №273].

Житель Минской волости «ясашный башкирец» Ишмаметка Байгулов (март, 1702) в споре с Мурзагилде и Аткей Кулсариными назвал дедом и дядей Якшимаметку Баймаметова, Бердыгула Кукина и Кадыргула Бакаева [48, л.3]. В 1648 году, через два года после «первого» раздела земли, между отдельными минскими татарами происходило уточнение межевых границ. К этой мысли наводит документ уточнения границ землевладения при реках Большой Удряк, Балышлы и Дема. Базюка Акчурин, Нуркейка Ямашев, Илчикейка (Ишали) Кайдалин и Курманай Атикеев «полюбовно» уточнили вотчинные записи своих отцов с Байтяком Ахмаметовым и Кадыром Бакаевым, где также фигурирует имя Кебес Байтяков [48, л.11–15 об.].

Родственные связи придемцев с «Казанской стороной» не ограничивались бассейном реки Мензеля, а распространялись намного западнее. На это указывают источники, связанные с именем Кулсари бия (князя Кулсари).

В «Писцовой книге...» [49, с.225] на Зюрейской дороге в 1716 г. (1654 г.) на реках Уште и Ие указана «пустошь, что была деревня Кульсары, ясачная». Всего пустой земли было 296 десятин. По другую сторону р. Ушта указана деревня Кадылеи [49, с.226]. Здесь же, на р. Ие, в «ясачной пустоши» бывшей деревни Ия Средняя, была земля новокрещеного Ивашки Васильева сына Коноккозина. Кадылей мог быть внуком Кулсари, а новокрещен Ивашка Васильев сын Коноккозина – правнуком.

В записи 1603 года на Зюрейской дороге названа деревня Кулсары на реке Нурме [50, с.55] и Кулсарино поле [50, с.66].

Сходство названий этих деревень с именами из родословной Ишали Кайдалина дает повод допустить, что названия деревень Кульсары и Кадылеи, а также фамилия Конаккозин могут быть связаны с личностями Кулсари бия, Кадали и Конашкозя из этой родословной.

В документе сельчан Кулсари би назван Кулсар бием, а его отец Корзямал бием. В отдельной грамоте 1646 года имя отца Кулсари названо Курясмаком. Кулсары Курясмаков из отдельной грамоты, князь Кулсары из родословной Ишали Кайдалина и Колсар би сын Корзямала бия из второго списка, могут быть одним и тем же лицом. Также лицом, рекомендовавшим русским обосновать в Имэн-Кале острожок Уфа.

Если этот Кулсари би на самом деле проживал на реке Нурме, то он и его близкие могли покинуть эти края раньше 1646 года, а некоторые его родственники могли остаться в этих местах.

Ниже приводятся сведения, представляющие интерес для истории нашего края.

В материалах ревизских сказок мы обратили внимание на имена местных организаторов ревизии (переписи). В 1811 году в «теплярской» команде сказкоподателем был Абуталип Уразаев из рода Бикмет. В 1816 году эту работу исполнял Абзый Муксинов, также из рода Бикмет. В 1834 году сказкоподателем был Габдулсалим Габдулхаликов, также из рода Бикмет. Сказкосоставителем в этом году был советник Николай Гаврилович Державин.

Некоторые сельчане Сарайлы еще в первой половине XX века носили фамилию Дистанов, в том числе имам Курбангали Туктаргалиевич (1771–1875). Фамилией Дистанов подписывался имам

Мухамметгыб Бикмухамметович. По последним сведениям, Дистановы проживают в Буздякском районе РБ, в Казани, также в селе Русский Акташ Альметьевского района РТ.

У составителя родословной жителя села Каркалитамак Вафина Газиза Мухаммедвафовича о буздякских Дистановых имеется иное мнение [16, б.16]. По его сообщению, фамилия Дистанов буздякцам «подарена» русскими властями за их определенные заслуги. Они вместе с новой фамилией получили также часть территории Казанфара бия. Это подтверждал и Харрис Дистанов, житель Буздякского района РБ.

Завершая тему родословия Амирхановых, считаем необходимым обратить внимание читателя на национально-сословные проблемы, существующие и в наши дни в пределах территории Закамья и Придемья.

Так, в Закамье и Придемье возникли сословия экзотических названий: «башкиры», «мещеряки», «тептяри», «бобыли», «казаки», что вошли в употребление в начале 1730-х годов, с завершением военного захвата этих территорий Российским правительством.

Сословная судьба не обошла стороной и наших предков.

В селе Сарайлы «процветали» три сословия: «тептяри», «мещеряки» и «башкиры». Здесь проживали и проживают продолжатели трех родов Казанфара бия по линии Акмурзы, Бикмата, Бимамата и Котыша. Они – по своему национальному происхождению татары, кровные родственники, однако новой властью разделенные на три сословия: «тептяри», «мишари» и «башкиры».

Здесь требуется некоторое уточнение. Потомки Бикмата проживали в селе Сарайлы, однако по ревизским материалам числились в селе Балышлы, на противоположном берегу реки Балышлы, потому ревизские сказки подавали в селе Балышлы. Род Бикмата был записан в так называемую «тептярскую команду» [51, л.453–456]. Это продолжалось включительно VI ревизии [51, д.118, л.154].

Потомки Бимамата (брата Бикмата), Акмурзы и Котыша оказались записанными в «мишари» (сословие «мещеряцкое»), что продолжалось до VII ревизии. Так, в селе Сарайлы, в среде единокровных жителей, возникли два сословия – «тептяри» и «мишари».

С VII ревизии (1816 г.) в селе появилось и третье сословие – «башкирское» [51, д.347]. В «башкирское» сословие были записаны татары рода Акмурзы, Бимамата, Котыша. Все три сословия были зафиксированы в VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизиях.

Небольшое число сарайлинцев числилось в «мишарском» сословии, судьба «мишарской» команды во время проведения ревизий идентична с командой «тептярской».

Во время проведения X ревизии (1859 г.) сарайлинские «тептярские» и «мишарские» сословия «возведены» в «башкирское» сословие. С этой ревизии прежнее «башкирское» сословие стало называться «старые башкиры», приписанные вновь – «новые башкиры». Так, в истории татар появилось еще одно сословие – «новые башкиры». С появлением сословия «новые башкиры» в метрических книгах бывших «тептярей» и «мишарей» появились записи «типтяр башкорты» (башкир из типтяр) и «мишар башкорты» (башкир из мишар) [52]. В одной из метрических книг за 1892 год встретилась такая запись: «Барысы да, мишәрләр дә башкорт катлавына керәр» («Все мещеряки войдут в башкирское сословие»). «Новых башкир» из типтяр и мишар называли даже экзотически – «тептяретдинами» и «мишаретдинами».

В 1913–1915 годах потомки Бикмата, сначала пребывавшие в «типтярском», затем переведенные в «новобашкирское» сословие, решили выделиться из села Сарайлы, и образовали новое село под названием Новый Буляк. В реальности состоялось переселение «новобашкир» из типтяр с одного конца села Сарайлы на другой. Вместе с потомками рода Бикмата переселились и потомки Килчуры Уразметова (см. табл. Ки-1 – Ки-5), прибывшие в Сарайлы вместе с потомками Бикмата. В первое время новобулякцев регистрировали в метрической книге прежнего их села Сарайлы, своей метрической книгой обзавелись только в 1916 году.

В XX веке, вплоть до Октябрьского переворота, в метрических книгах встречаются записи «типтяр», «тептяр-башкир», «мишар», «мишар-башкир», «башкир», «новый башкир», «тептяретдин» и «мишаретдин».

Сословное определение жителей сел Сарайлы и Нового Буляка имело свое продолжение и после Октябрьского переворота.

Весной–летом 1917 года по всей России была проведена сельскохозяйственная и поземельная перепись. Ее основными задачами являлось получение сведений по экономическому положению в государстве на четвертом году мировой войны, в первую очередь, состояние запасов продовольствия. Кроме того, Временное правительство готовило провести земельную реформу и данные, полученные переписью 1917 года, должны были стать основной информацией для будущих

преобразований [53, 54]. В карточках поземельной переписи появились графы национальности и сословия, что внесло путаницу в обозначении национальности сельских жителей.

В переписи 1917 года вопрос о национальности входил в число обязательных пунктов, наряду с названием волости, селения, общества, сословием и принадлежностью к данной поземельной общине. Переписчики заполняли бланки опроса сельчан заранее. Информацию предоставляла низовая администрация – волостной старшина или писарь, сельский староста или опять же писарь [55, с.128].

Путаницы в графах «национальность» и «сословие» были вопиющими. Например, жители села Сарайлы записаны по национальности «башкиры», по сословию «вотчинники», села Новый Буляк – по национальности «типтяри», по сословию «припущенники».

При заполнении бланков опроса жителей села Новый Буляк была допущена также путаница строк сословности и национальности домохозяина: 41 хозяйство записано по национальности «тептярами», по сословию «припущенниками»: у 36 семейств по национальности стали «припущенниками», по сословию – «тептярами». Например, мой прадед, Ахмет Шахиморатов назван по национальности «припущенником», по сословию «тептяром». Так, по прихоти властей, национальность татар одного и того же рода превращались то в «тептяри», то в «мишари», то в «башкиры», даже в «припущенники». Повезло жителям небольшого поселка Муталап-Усманово (на карте середины 1940-х гг., Тюмень), расположенного между селами Сарайлы и Старое Усманово. Национальность жителей поселка мурз Кашаевых записана «татары», сословие – «государственные крестьяне».

Через три года (1920 г.) состоялась первая советская перепись. В эту перепись сарайлинцев по национальности определили в «башкиры», новобулякцев – в «мещеряки». Такие же сословные кульбиты власти проделали с татарами соседнего села Удрякбашево: в 1917 году их «сделали» «башкирами» по национальности, а по сословию – «вотчинниками». В 1920 году удракбашевцев вновь «перевели» в «мещеряцкую» национальность, то есть «сделали» «мишарами».

Так, татары-мурзы одного и того же рода, по воле имперских властей, в течение нескольких столетий зачислялись в различные сословия, которых горе-башкиризаторы считают как национальность, хотя эта имперская «кухня» им хорошо известна.

Сословно-национальные мытарства татар Сарайлы и Нового Буляка на этом еще не завершились.

В 1926 году сарайлинцев сохранили в «башкирах», при этом слово «новые» исчезло, новобулякцев «вернули» в «тептяри» [56, с.122, 123]. Удрякбашцев перевели в «башкиры».

К концу 1920-х годов новобулякцы наконец-то обрели свою исконную национальность – татары. Но опять ненадолго. С началом коллективизации в источниках наших сельчан стали называть сословно, но по-новому, более модному – «игенче» («хлебобоб»). Возникло еще одно, экзотическое сословие, что соответствовало жизненному уровню сельчан – «фэкыйрь» («бедняк»).

Накануне и в годы Второй мировой войны, и какой-то период после войны нашим сельчанам удалось вернуть свою историческую национальность, что констатировалось записями в похозяйственных книгах.

В 1991–1996 годах вновь реанимируется запись татар в башкиры, но «избирательно», дабы не бросалось в глаза: из 159 жителей села Новый Буляк 78 позволили (на время) быть татарами, 81 человека «сделали» «башкирами».

В 1997–2001 годах из 142 жителей 73 человек оставили в татарах, 68 – в «башкирах».

Жертвы политических репрессий

Волна политических репрессий не обошла и наши края, и наших родных. Репрессии коснулись родов Кильдибековых и Нигматуллиных, Ишбулатовых и Маннановых и других. Жертвами репрессий в 1930–1949 годах стали 25 наших земляков. При этом мы, возможно, не располагаем всей информацией о наших репрессированных земляках. Не исключено, что их количество больше.

Из тех, о которых мы сумели узнать, 10 человек были жителями села Балышлы, 9 – Удрякбаша, 3 – Шамеева, по одному из сел Сарайлы, Новый Буляк и Новое Усманово.

Из рода Кильдибековых репрессированы 6 человек, Ишбулатовых – 8, которые составляют более половины известных нам репрессированных личностей. 8 человек священнослужители, что составляет треть из числа всех репрессированных; 6 – земледельцы, 4 – учителя.

На время ареста самому старшему было 73 года (Х.М. Ишбулатов), а самому молодому – 21 год (Х.Г. Абдраязков). Оба они получили более «мягкий» приговор.

17 осужденных находились в активном трудовом возрасте – моложе 50 лет. К высшей мере наказания – расстрелу – осуждены 5 человек. Из них трое являлись священнослужителями, один –

командиром в военно-морском флоте, один – учителем. Двое из расстрелянных – выходцы из рода Ишбулатовых села Удряк-баш.

По мере того, как репрессивная машина набирала обороты, приговоры ужесточались. Если в 1930–1934 годах приговоры ограничивались концлагерями и ссылками на сравнительно небольшие сроки, то с 1937 года они стали более чем жестокими – от 10 лет заключения до расстрела.

За каких-то несколько десятилетий наши села лишились наиболее активной части интеллигенции. Были уничтожены учителя, служители ислама, активные жители. Разорены многие семьи, прервалась связь поколений. Уничтожены книги, записи и документы, «арестованные» вместе со своими хозяевами. В наши дни потомки почти всех репрессированных проживают вдали от исторической родины, потому что их корни разорены.

Назовем имена жертв политических репрессий:

Нигматуллин Зайнулла Хайруллович. З.Х. Нигматуллин происходит от рода Нигматуллы, младшего брата Амирхана. Он был репрессирован дважды. Его следственное дело состоит из двух увесистых томов: первый является следственным делом по первой его репрессии, второй том – по второй репрессии.

Зайнулла Нигматуллин родился 8 февраля 1893 года в селе Сарайлы Сафаровской волости Уфимского уезда (ныне Благоварский район РБ). В следственных документах записано, что Зайнулла родился 7 февраля в деревне Ново-Буляк Благоварского района БАССР, что является ошибочным. Село Новый Буляк образовано в 1913 году выходцами-«тептярами» села Сарайлы.

Зайнулла был учителем. Высшее образование получил в Уфимском институте народного образования. Окончив его в 1924 году, активно занимался общественно-политической деятельностью. В 1923 году являлся членом Уфимского горсовета.

Вскоре Зайнулла переезжает в Казань, где также активно участвует в общественной жизни. В 1927 году его избирают членом Казанского горсовета, а в 1928–1929 годах – членом ТАТЦИКа. В партию большевиков он вступил в 1920 году. В обвинительном документе имеется запись, что его отец Хайрулла занимался торговлей.

В 1930-х годах З. Нигматуллин – автор нескольких книг по математике, доцент Казанского финансово-экономического института, преподавал математику. Примерно в 1928–1930 годах был директором Арского педтехникума.

Тучи над головой Зайнуллы начинают сгущаться задолго до ареста.

В марте 1935 года решением Татарского обкома ВКП(б) он был исключен из партии как «ранее получивший партвзыскания». Видимо, это связано с его педагогической деятельностью в Арском педтехникуме; в 1930 году парттройкой Татарского ОК ВКП(б) ему был объявлен выговор «за неприятие решительных мер к очистке техникума от классово-чуждых элементов и за допущенные продажи гарнцевого сбора с мельницы техникума».

Прежние «грехи» припомнили Зайнулле и в начале апреля 1937 года. На заседании бюро Молотовского РК ВКП(б) его обвинили в том, что после восстановления в партии он «не порвал связь с контрреволюционными националистами». Зайнулле припомнили вечеринку, устроенную в 1934 году на его квартире, где присутствовали «разоблаченные националисты Яфаев и Гумеров». Мол, на вечеринке велись контрреволюционные разговоры в защиту «разоблаченного троцкиста» Сагидуллина и других. Напомнили и о связи с «националистом» Салахом Камалом, которую до последних дней «скрывал» от парторганизации. Обвинили его и по «типовому обычаю» – в пьянстве. Постановление бюро было однозначным: Нигматуллина Зайни «как не разоружившегося буржуазного националиста из рядов ВКП(б) исключить». Таким образом, партия подготовила еще одну жертву на расправу репрессивным аппаратом.

Через двадцать дней, 22 апреля 1937 года, Нарком внутренних дел ТАССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Рудь утвердил постановление о привлечении в качестве обвиняемого по ст. 58–10 ч.1 и 58–11 УК РСФСР З. Нигматуллина. Мерой пресечения было избрано содержание под стражей. Постановление было согласовано с Веверсом.

Ордер на обыск и арест подготовлен 23 апреля 1937 года. 28 апреля Зайни на постановлении собственноручно написал: «Настоящее постановление мне объявлено и обвинения по ст. 58–10 и 58–11 мне предъявлены».

В справке, подписанной начальником 4-го отдела УГБ НКВД ТР капитаном государственной безопасности Веверсом и начальником 5-го отделения 4-го отдела УГБ небезызвестным младшим лейтенантом государственной безопасности Бикчентаевым, Зайнулле было предъявлено обвинение в том, что он примыкал к контрреволюционной националистической группе, включающей профессора математики КГПИ Нури Юсупова, преподавателя Арского педтехникума (до исключения из партии работал преподавателем КГПИ) Рахметзяна Яфеева, Якуба Богдановича, женатого на родной сестре белоэмигранта Фуада Туктарова Ильгамии – преподавательнице Казанского педагогического тех-

никума и преподавателя музыкального техникума Фазиля Уральского. Напомнили, что в 1934 году Зайни, Яфеев и Уральский, будучи преподавателями ТПИ, высказывали свое недовольство тем, что «не дают работать татарам», провозгласили «ТПИ только для татар, ни одного русского», «наука является беспартийной», «фигура треугольника одна и та же и в Германии, и в СССР».

В октябре 1937 года было составлено обвинительное заключение.

В постановляющей части обвинительного заключения, в частности, сказано следующее:

«В гор. Казани в конце 1936 года был ликвидирован контрреволюционный троцкистско-националистический террористический центр, возглавляемый Атнагуловым, Рахматуллиным, Касимовым (осуждены по 1-й категории).

Троцкистско-националистический террористический центр тесно связан с ликвидированным троцкистско-зиновьевским террористическим центром.

Атнагуловым из враждебно настроенных к Советской власти преподавателей Казанского государственного педагогического института была организована контрреволюционная троцкистско-националистическая группа».

«К/р троцкистско-националистическая группа возникла в конце июня 1933 г. и до 1937 г. вела активную К/р троцкистскую и националистическую деятельность против Советского правительства».

«Нигматуллин участвовал на нелегальных сборищах членов к/р группы и часто проводились к-р сборища у него на квартире. На к/р сборищах наиболее резкого характера контрреволюционные суждения велись со стороны Нигматуллина... При этом сборище Нигматуллин высказывал резкое недовольство положением в деревне, его слова: «Крестьян насильно загнали в колхозы и над ними издеваются. Заставляют их без дней отдыха работать день и ночь и все ими заработанное под всякими соусами отнимают, и они форменным образом голодные. Выдумали не менее пятидесяти видов всяких налогов и разверсток и даже разверстки на людей – людей, помимо их воли, забирают и направляют на подземные работы, на новые стройки и т.д. Народ возмущен Советским правительством».

В 1933 году Нигматуллин якобы высказывал недовольство внутривластным положением, отсутствием внутривластной демократии, восхвалял Баимбетова и Сагидуллина как лучших людей из татар. С 1933 года он являлся «участником контрреволюционной троцкистско-националистической группы, руководимой троцкистско-националистическим центром Татарии, в составе Атнагулова, Абдуллина (осуждены) и других». В 1933–1937 годах участвовал в нелегальных совещаниях «троцкистов-националистов» в составе Гумерова (осужден), Богдановича, Яфеева, Юсупова, Уральского и Гисматулина (арестованы). На этих совещаниях «выдвигал задачу пропаганды пантюкистских настроений среди населения».

В виду всего этого, обвиняемый З.Х. Нигматуллин подлежал преданию суду Военной коллегии Верховного суда СССР по ст.ст. 17–58–8, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР, с применением закона от 1 декабря 1934 года. Обвинительное заключение подписали начальник 5-го отделения 4-го отдела при согласии начальника 4 отдела УГБ НКВД ТАССР.

Зайнулла Нигматуллин признал себя виновным.

Похоже, данному обвинительному заключению властями придавалось большое значение. Потому что оно было утверждено Наркомом внутренних дел ТАССР капитаном Государственной Безопасности Михайловым (17 октября 1937 г.) и Прокурором СССР Вышинским (31 октября 1937 г.).

13 ноября 1937 года был составлен протокол №4 подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в составе диввоенюриста Голякова (председатель), диввоенсовета Горячева и бригавоенюриста Рутмана (члены) и секретаря, военного юриста 1-го ранга Кондратьева, при участии заместителя прокурора СССР Рогинского. Подготовительное заседание согласилось с обвинительным заключением, и дело было принято к производству.

14 ноября 1937 года в г. Москве в том же составе (Голяков, Горячев, Рутман и Кондратьев) состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, которая, признавая Нигматуллина виновным по ст.ст. 17–58–8, 58–10 ч. 1, 58–11 УК РСФСР, и руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, вынесла приговор:

Зайнулле Хайруловича Нигматуллина подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет, считая с 23 апреля 1937 года, с поражением политических прав на пять лет и с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании закона от 1/XII – 34 г. приводится в исполнение немедленно.

Наказание по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 14 ноября 1937 года Зайнулла отбывал: с 5 декабря 1937 года по 30 октября 1939 года в Соловецкой тюрьме, в октябре

1939 года он переводится в Ворокский исправительно-трудовой лагерь, где до июня 1942 года был рабочим на сельскохозяйственных работах.

В июне 1942 года переведен в распоряжение УИТЛК Архангельской области, был занят на разных хозяйственных работах. В июле (или августе) 1943 года переведен в Кадинское отделение совхоза, где до декабря того же года работал в овощном хозяйстве.

В декабре 1943 года З. Нигматуллин был освобожден из лагеря, до окончания срока заключения работал в Талажском отделении исправительно-трудового лагеря в качестве нормировщика. После освобождения 23 апреля 1947 года до 15 августа 1947 года работал там же в качестве вольнонаемного.

В августе 1947 года выехал в Казань к семье.

В октябре 1947 года З. Нигматуллин получил рекомендацию выехать в распоряжение Министерства просвещения Узбекской ССР. 4 октября 1947 года назначен на должность преподавателя математики Нукусского государственного педагогического института.

Но уже через два года З. Нигматуллин стал жертвой новой волны репрессии.

25 апреля 1949 года в отделении МГБ Каракалпакской АССР временно исполняющим обязанности начальника отделения майором Вассерманом было подготовлено постановление об избрании меры пресечения для З. Нигматуллина. В тот же день Министр госбезопасности ККАССР майор Расулов утвердил постановление, а прокурор Каракалпакской АССР и старший советник юстиции Тамбетов санкционировали арест З. Нигматуллина.

В постановлении говорится: «Нигматуллин Зайнулла Хайруллоевич достаточно изобличается в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 14–64, 66 ч. 1 и 67 УК УзССР и, «принимая во внимание, что находясь на свободе, Нигматуллин может уклониться от следствия и суда», мерой пресечения избирается содержание под стражей во Внутренней тюрьме МГБ ККАССР.

В тот же день Вассерману был выдан ордер на арест и обыск преподавателя математики Нукусского государственного педагогического института, доцента Нигматуллина, заполнена анкета арестованного.

В анкете содержатся сведения о семье и родных Зайнуллы и его словесный портрет.

В это время жена Зайнуллы Магафура Гилязовна работала врачом Нукусской поликлиники. Сын Радий проживал в г. Казани (ул. Поселковая, д.12, кв.3). Брат Юмагул, инвалид, проживал в Уфе. Сестра Зайнаб, 1910 года рождения, проживала в селе Мелеуз БАССР.

Словесный портрет Зайнуллы таков: роста среднего, среднего сложения, шея короткая, волосы темно-русые с проседью, глаза серые, лицо овальное, лоб высокий, брови дугообразные, нос большой, губы толстые, подбородок прямой, уши большие, овальные. Был взят отпечаток указательного пальца правой руки.

Со всеми предъявленными документами Зайни был ознакомлен 27 апреля 1949 года.

26 мая 1949 года был проведен дополнительный допрос Зайнуллы. Допрашивал начальник следственного отделения капитан Виноградов с 10 ч. 20 мин. до 16 ч. 05 мин. Ровно через три месяца, 25 июля 1949 года Виноградовым было соотряпано обвинительное заключение на Зайнуллу Нигматуллина, утвержденное министром Госбезопасности ККАССР и и.о. прокурора Республики (27 июля 1949 года). В обвинительном заключении были подробно изложены мотивы первого ареста Зайнуллы и добавлено, что «антисоветскую деятельность в период 1947–1949 годов отрицает».

Мотивы нового обвинения следующие: «Обвиняется в том, что с 1933 года являлся участником антисоветской националистической группы, действовавшей совместно с троцкистами, и вел активную националистическую деятельность, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 14–64, 66 ч. 1 и 67 УК УзССР (ст. 17–58–8, 85–10 ч.1 и 58–11 УК РСФСР). Следственное дело №133 по обвинению Нигматуллина подлежит направлению на рассмотрение Особого Совещания при КГБ СССР. Предполагаемая мера наказания Нигматуллина – ссылка на поселение».

Надо полагать, что Зайнулла не был вызван на заседание Особого Совещания, рассматривавшего его дело. Выписка из протокола №61 Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 29 октября 1949 года гласит: «Нигматуллина Зайнуллу Хайруллоевича за принадлежность к антисоветской националистической группе сослать на поселение в Красноярский край».

Какими мотивами руководствовались карательные органы для повторного наказания Зайнуллы, который полностью отбыл срока наказания?

Если это делалось для пополнения рабочих резервов Сибири после кровопролитной четырехлетней войны, то это было не очень разумно. Зайнулле было уже 56 лет. Скорее всего, мотивом являлась месть за его свободные рассуждения. Зайнулла был осужден на поселение без указания срока, то есть пожизненно.

Министерством государственной безопасности СССР 14 ноября 1949 года в города Ташкент и Красноярск был направлен наряд (слово-то какое обыденное, как будто речь идет о косовице) на отправку заключенного в ссылку на поселение. В графы стандартного типографического бланка были впечатаны фамилия, имя, отчество и другие данные З. Нигматуллина. В бланке имелось указание о необходимости «проследить за направлением осужденного к месту ссылки на поселение».

25 июня 1954 года З.Х. Нигматуллин, проживавший в к-зе им. Чапаева Бирюлинского района Красноярского края, направил заявление на имя Председателя Совета Министров Союза ССР Маленкова. В нем, в частности, говорится: «На предварительном следствии следователь Г. Бикчентаев (которого потом самого получил расстреляли) заставил меня признать свою вину путем физического насилия (заставил стоять на ногах 3-е суток), а очных ставок не давал. На суде я от своих показаний отказался, но суд вынес приговор на основании показаний свидетелей ... (которых также судил этот суд), а они на суде не присутствовали, т.к. суд был закрытым».

Зайнулла просил Маленкова пересмотреть его дело и дать ему возможность вернуться к семье. Заявление заканчивается словами: «Несмотря на то, что я старый и больной человек, работаю в колхозе счетоводом и никаких замечаний не имею. За что я страдаю 16-й год за то «дело», которое создали мои личные враги, и долго ли я еще буду страдать?»

Прошло почти 2 года до того, как 30 мая 1956 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесло определение за номером 4Н – 07418/56, где говорится: «Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 14 ноября 1937 года и постановление Особого Совещания при КГБ СССР от 29 октября 1949 года в отношении Нигматуллина Зайнуллы Хайруллоевича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления».

З. Нигматуллин был реабилитирован. Но самые активные, самые творческие годы его жизни прошли в лагерях и ссылках. Кому и какая польза была от преследований ученого? Скольким учащимся и студентам он мог бы дать знания по математике. Сколько толковых учебников мог бы написать. И сколько страданий перенесли его жена и сын, много лет прожившие с клеймом семьи «врага народа».

После своего освобождения Зайнулла кратковременно побывал у родных, в селе Новый Булак. Об этом мне рассказала Зубарзят абыстай, старшая сестра моего отца, супруга Заки, брата Зайнуллы.

Как прошли последние годы жизни Зайнуллы, нам пока неизвестны. В следственном деле имеется лишь запись о том, что его сын проживал в городе Ишиме.

Ишбулатов Касыймхан Мирхайдарович, Исмаков Идиатулла Субагатуллинович (жители с. Удряк-баша), **Хисамутдинов Мухаммади Магадиевич** (житель с. Сарайлы)

К.М. Ишбулатов, 1872 года рождения, мулла. Назван кулаком, раскулачен, лишен права голоса. Обвинялся в антисоветской агитации, распространении ложных слухов о перемене власти и голоде.

И.С. Исмаков, 1884 года рождения, сын муллы с. Узмаш Чекмагушевского района, мулла с Удряк-баша.

М.М. Хисамутдинов, 1887 года рождения, мулла села Сарайлы. Ему в вину поставили снова, якобы сказанные одному из пионеров села: «Придет японец, вас всех повесят на красных галстуках, хоть бы война – мы стали бы жить свободнее» и др. Он в 1936 году был арестован «за контрреволюционную» деятельность.

Арестованные содержались под стражей при Уфимской тюрьме. Вещественных доказательств не имелось. Категория учета была 1-я: «Окраска к/р мус. духовенства».

21 ноября 1937 года состоялось заседание «тройки» НКВД БАСССР. В выписке из протокола «тройки» говорится:

К.М. Ишбулатов обвинялся «организатором и руководителем к/р группы», «систематически вел среди населения озлобленную к/р агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых Сов. властью на селе». «Распространял провокационные слухи о войне с Японией и Германией и внедрял пораженческие настроения». «На почве мести за раскулачивание угрожал сельскому активу поджогом и убийством». «Вел активную к/р клеветническую пропаганду».

И.С. Исмаков обвинялся как «участник к/р группы мус. духовенства и ведущий среди населения озлобленную к/р агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых Сов. властью на селе». «Систематически распространял провокационные слухи о войне и неминуемой гибели Сов. власти, внедряя пораженческие настроения». «Вел активную к/р клеветническую пропаганду».

М.М. Хисамутдинов обвинялся в том, что «являлся активным членом к/р группы мус. духовенства и вел среди населения активную к/р агитацию, направленную против мероприятий, проводимых Сов. властью на селе».

«На почве мести за раскулачивание систематически угрожал сельскому активу поджогом колхозного имущества и убийством». «Распространял провокационные слухи о войне с Японией и Германией и внедрял пораженческие настроения».

Все трое приговорены к высшей мере – расстрелу.

29 ноября 1937 года, через двадцать дней после их ареста, приговор приведен в исполнение. Известно время их казни: К.М. Ишбулатов расстрелян в 1 ч. 54 мин., М.М. Хисамутдинов – в 2 ч. 27 мин., И.С. Исмаков – в 2 ч. 30 мин. Время между казнью Хисамутдинова и Исмакова составило 3 минуты, между казнью Ишбулатов и Хисамутдинов – 33 минуты. Палачи, видимо, остужали стволы своих наганов.

Ко времени безвинной казни К.М. Ишбулатову было 65 лет, И.С. Исмакову – 53 года, М.М. Хисамутдинову – 50 лет. Были казнены три старика, один из которых (Хисамутдинов) был инвалидом от рождения.

Место захоронения казненных неизвестно. Согласно некоторым источникам в те годы захоронение расстрелянных осуществлялось на Сергеевском кладбище Уфы. В ЗАГСе района смерть всех троих зафиксирована лишь спустя 53 года.

Безвинно осужденные и расстрелянные реабилитированы 26 апреля 1989 года. Так, на всякий случай, написано в деле К.М. Ишбулатова.

Исхаков Хабибрахман, Ишбулатов Губайдулла, Ишбулатов Исламгали Арслангалеевич, Сафаргалиев Халиулла Закирович, Ишбулатов Халиулла Мухамадярович, жители села Удряк-баш.

В обвинительном заключении, в частности, отмечено следующее:

«В деревне Удряк-Баш оперировала кулацкая группировка с первых дней Октябрьской революции, занималась к/революционной деятельностью. В 1918–1919 гг. оказали помощь белобандитам. По восстановлении советской власти в 1921 г. кулаки Исхаков и Сафаргалеев, и Ишбулатов Халиулла принимали активное участие в восстании Черной банды, за что содержались под стражей».

21 апреля 1930 года на заседании «тройки» ОГПУ БАССР они были осуждены по ст. 58 пп. 10 и 11 УК РСФСР. Хабибрахман Исхаков, Губайдулла Ишбулатов, Исламгали Ишбулатов были заключены в концлагерь сроком на 5 лет. Были выслены в Северный край (ныне Архангельская обл.) Халиулла Сафаргалиев сроком на 5 лет, Халиулла Ишбулатов – на 3 года.

Все пятеро реабилитированы 27 апреля 1989 года.

Баширов Гилязетдин Хайретдинович, Ишбулатов Хажи Исхакович, Гибадуллин Рахимзян Сабитович, Хусаинов Саитзада Арслангалеевич. 21 июля 1930 года «тройка» ГПУ БАССР осудила по ст. 68 п. 10 УК четырех балышлинцев. Баширов и Ишбулатов приговорены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, Гибадуллин – к высылке в Северный край сроком на 3 года, Хусаинов – к заключению в концлагерь сроком на 3 года. Наказание последнего считалось условным. Обвинительное заключение, в частности, гласило, что они входили в кулацкую группировку и возглавляли таковую, агитировали против всех мероприятий соввласти, в результате их агитации «колхоз был окончательно разгромлен». Вещественных доказательств по делу не было. Обвиняемые свою вину отрицали. На основании постановления от июня 1989 года все четверо подпадали под действие ст. 1 Указа от 16 января 1989 года. Хази (Хажи) Исхакович Ишбулатов реабилитирован 5 июня 1989 года.

Ишбулатов Афтах Искандарович (житель села Удряк-баш, 1911 года рождения), **Абдраязков Хатип Гарипович** (житель села Новое Усманово, 1913 года рождения) арестованы в 1933 году, проходили по делу обвинения студентов – «в принадлежности к контрреволюционной националистической группе» студентов Башкирского сельскохозяйственного института по статье 58–10, пункт II. По этому делу привлекались также Тимергали Хайретдинович Валеев, 1910 г.р., уроженец д. Бикметово Туймазинского района, Хайрулла Хабибуллович Хабибуллин-Баширов, 1913 г.р., урож. д. Ибраево Кигинского района, Шафиулла (Шафи) Сафиуллович Баимбетов, 1910 г.р., урож. д. Чекамагушево, Малих Бахтыгареевич Мулюков, урож. д. Н. Муслимово Д. Мечетлинского района и другие.

Видимо, относительно А.Х. Ишбулатова и его товарищей не удалось доказать обвинение в «создании контрреволюционной группы студенчества, антисоветской деятельности по подготовке населения к вооруженному свержению Советской власти». Поэтому Особое совещание при Коллегии ОГПУ 11 апреля 1934 г. постановило: А.И. Ишбулатова по ст. 58/10 УК заключить в исправтрудлагерь сроком на 3 года. Остальным согласно ст. 58/10 УК были вынесены следующие приговоры: Т.Х. Валеева заключить в исправтрудлагерь сроком на 2 года, Х.Х. Хабибуллина-Баширова выслать в Карелию (р-н Белбаткомбината) сроком на 2 года. Ш.С. Баимбетов и Х.Т. Абдраязков были из-под стражи освобождены «зачтя в наказание предварительное заключение».

А.И.Ишбулатов и др. были реабилитированы в июне 1989 года.

Ижбулатов (Ишбулатов) Рустем Ахметович, уроженец села Удряк-баш, родился в 1905 году в семье генерала Хаджи-Ахмета Ишбулатова. Беспартийный, образование неполное среднее, командир дивизиона подводных лодок. Был арестован 21 сентября 1937 года, осужден по ст.58–8, 58–11 к высшей мере наказания. Расстрелян 18 апреля 1938 года. Реабилитирован 6 июля 1967 года.

Ишбулатов Хусаин Исмагилович, Маннанов Хисматулла (Хисмат) Сибгатуллович, уроженцы села Балышлы.

Ишбулатов Хусаин родился 8 ноября 1889 года в селе Балышлы. Воспитанник медресе «Галия». Ишбулатов Хусаин был учителем и одновременно заведующим школой в деревнях Ново-Карамалинская (1911–1912), Балышлы (1912–1914), Казангулово Давлекановского р-на (1914–1917), Верхняя Тирмя Чишминского р-на (1917–1918), Балышлы / Сарайлы (1918–1923), Нижняя Тирмя (1923–1924), Шамеево (1924–1926), Сарайлы (1926–1929), Среднее Хозятово (1929–1930), с 1930 г. вновь Балышлы – до дня ареста. Его общий педагогический стаж составлял 26 лет. С 1929 года состоял и в колхозе.

Хусаин, член ВКП(б) с 1920 года, в 1929 году исключен из партии за «сожительство» с дочерью муэдзина, то есть со своей женой и «за связь» с братом-кулаком. Сам он также считался сыном кулака, у его отца было достаточно земли, лошадей, крупного и мелкого скота, до 40 ульев, конная молотилка, веялка, сеялка и др. Был арестован 11 декабря 1937 года. Ему предъявлено обвинение в том, что он являлся «членом контрреволюционной националистической организации, распространял среди населения клеветнические слухи, занимался антисоветской агитацией», то есть обвинен в преступлениях, подлежащих под ст. 58, п.10–2. Мерой пресечения выбрано содержание под стражей в Уфимской тюрьме по 1-й категории.

По рассказу Бакира-абый, аресту Хусаина предшествовали следующие, довольно банальные обстоятельства.

Накануне выборов в Верховный Совет СССР организаторы предложили Хусаину отдать им материю, которой был застлан его рабочий стол, стол директора школы. Хусаин не был против этого предложения, но сказал, что материя не является собственностью школы, а взята из дома лишь на время. Если его жена разрешит, то он эту материю отдаст. В тот же день Хусаин был арестован.

Вместе с Хусаином арестован его односельчанин Хисматулла (Хисмат) Сибгатуллович Маннанов. С этого дня и вплоть до приговора односельчане были вместе. Вместе их судили, даже их уголовные дела подшиты в общей папке.

Маннанов Хисматулла (Хисмат) Сибгатуллович, с 1886 года рождения, был помощником учителя медресе Мудариса Кильдибекова. Образование получил в Балышлинском медресе. В 1915–1916 годах служил рядовым в русской армии, был на фронте. До 1918 года исполнял обязанности муэдзина в деревне Новый Буляк. Член ВКП(б): в 1929–1934 годах – парторг колхоза «Игенче», в 1935 году – председатель сельского Совета, в 1935–1936 годах – парторг территориальной первичной партийной организации.

Хисматулле Маннанова обвинили в распространении среди населения антисоветской клеветнической агитации; вредительстве в колхозе (ему инкриминировали вину за гибель посаженных тутовых деревьев, посевов свеклы и некоторых огородных культур); членство в контрреволюционной националистической организации, а также в контрреволюционной националистической пантюркистской организации, цель которой – создание самостоятельного тюркско-татарского государства. Ему приписывалось создание совместно с Яхьей Кильдибековым и Мударисом Кильдибековым контрреволюционной националистической пантюркистской организации в деревне Балышлы и некоей «Шуры» еще в 1923 году. Припомнили ему и связи с Махмутом Кильдибековым и Зайнуллой Нигматуллиным.

12 сентября 1939 года в селе Языково состоялось закрытое судебное заседание. Х. Ишбулатов и Х. Маннанов признаны виновными по ст. 58 п.10–1 и приговорены: Ишбулатов – к 6 годам, Маннанов – к 5 годам лишения свободы с лишением прав на 3 года каждый. Хусаин отбывал срок в исправительно-трудовой колонии № 9 Уфы, район Черниковска.

По данным МВД БАССР (4 декабря 1990 г., №3/8–708И), Хусаин Исмагилович Ишбулатов умер в больнице колонии 15 ноября 1940 года «от туберкулеза шейных желез». Место его захоронения неизвестно. Реабилитирован 25 февраля 1960 года. От руки в справке сделана запись: «30/XI–1940 г. за №3198 ЗАГС г. Уфа. В Уфимском горзагсе о смерти за 1940–41 гг. на гр. Ишбулатова Хусаина И. не значится п/п. 11/XI–68 г.».

Вот такие дела. Нет ни человека, ни состава преступления, ни ответственного за его смерть. Арестовали, посадили, погубили, реабилитировали – обычное дело в России.

Известные люди села Сарайлы и села Новый Буляк

Галиев Ахмет Габделвалиевич (1864–1938), уроженец села Сарайлы, основатель русской школы, 1-й учитель земской школы, обучение детей русскому языку начал в собственном доме в сентябре 1885 года. Жители сел, опасаясь обрусения, не отдавали своих детей в его школу. За особое усердие в 1889 году удостоился благодарности властей, в 1912 году награждается серебряной медалью. В 1912–1913 годах в селе было построено каменное здание школы. Его именем названа единственная улица села Сарайлы.

Галиев Абубакир Ахметович, родился в селе Сарайлы в семье сельского учителя А.Г. Галиева. Участник ВОВ с первых дней. Переезжает жить в Уфу. В первой половине 1950-х годов – второй секретарь Кировского РК ВКП(б) г. Уфы. А. Галиев с женой Г.Р. Урмановой воспитали дочь Розу и сына Альберта, нашедших себя в науке.

Галиева Роза, уроженка Уфы, доцент кафедры прикладной гидромеханики Уфимского авиационного института.

Галиев Альберт, уроженец Уфы, ученик академика Р.З. Сагдеева, почетный директор Института космических исследований РАН, академик, действительный член РАН.

Муллагулов Мидхат Хазиахметович, уроженец села Сарайлы, доктор технических наук.

Галеев Айрат Галиевич, уроженец села Сарайлы, погиб 20 сентября 1986 года при исполнении служебных обязанностей при задержании преступников в Уфимском аэропорту.

Амирханов Бакир Бадретдинович, родился в 1906 году в селе Сарайлы. С сентября 1937 года – заместитель председателя Верховного суда БАСССР. В 1938–1941 годах – заместитель прокурора Верховного суда БАСССР, в 1941–1946 годах – заместитель прокурора БАСССР, в 1946–1948 годах – заместитель председателя Верховного суда БАСССР по Уголовной коллегии.

Амирханов Ислах Салахутдинович (1910–1981 гг.), уроженец села Новый Буляк. Подполковник. Окончил Казанскую военную школу, кавалерийское отделение (1933 г.) и Краснознаменную высшую офицерскую кавалерийскую школу им. Буденного (1943 г.). Участник войны в Финляндии (командир эскадрона) и войны с Японией (инструктор монгольской кавалерии в составе 7-й кавдивизии), служба в Закавказском военном округе, в последнее время – военный комиссар города Белебей. Награжден орденами Ленина, Боевого Красного знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, несколькими медалями СССР, монгольским орденом «Полярная звезда» и «Монгольской медалью».

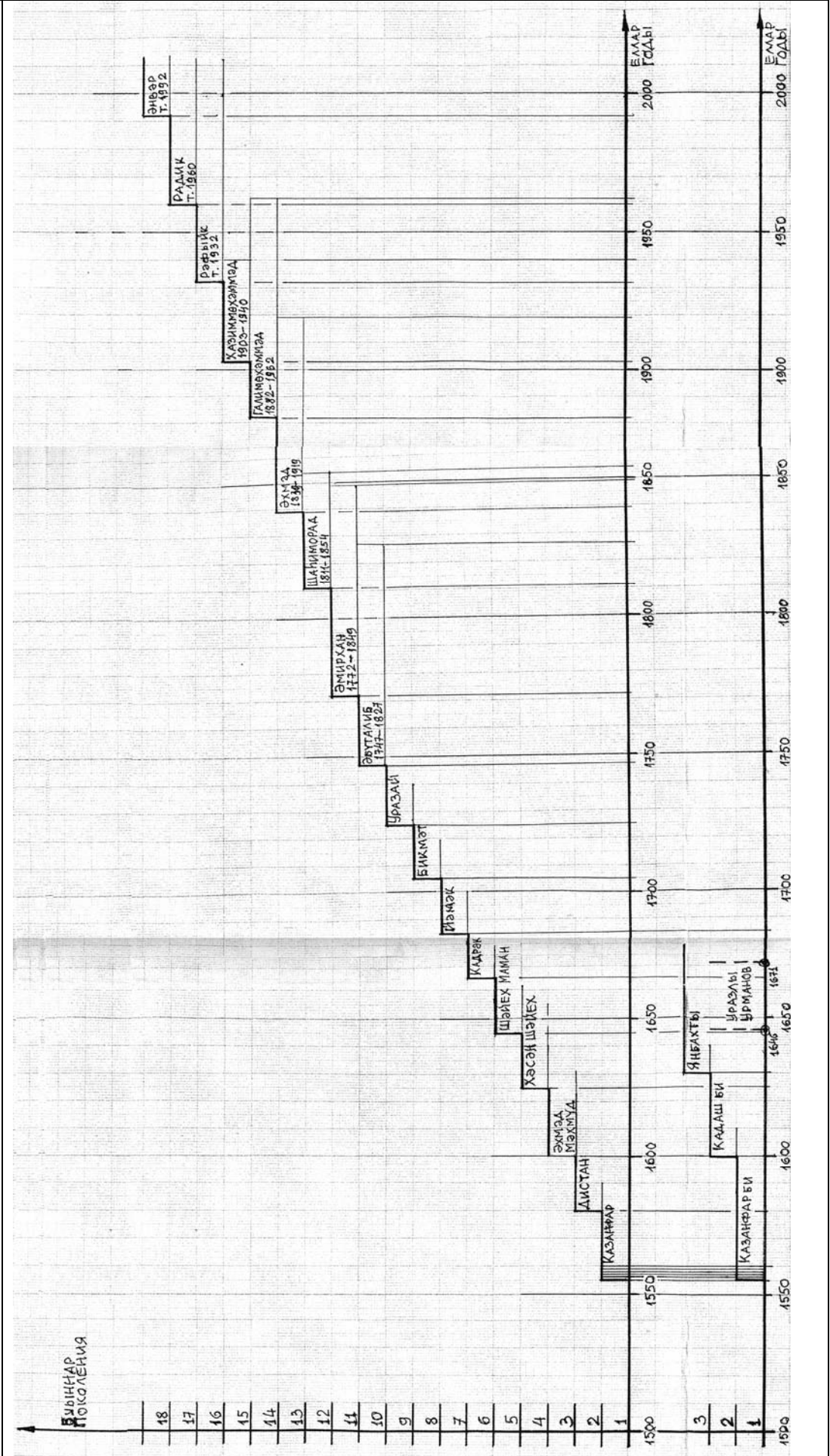
Нигматуллин Масгут Халиуллович (1915–?), капитан I ранга, участник боевых операций на Черном море и Тихом океане. В 1954–1957 годах слушатель факультета связи Военно-Морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова. В 1957–1959 годах старший преподаватель кафедры радиотехнических средств Каспийского высшего военно-морского училища, в 1959 году назначен начальником школы связи ТОФ. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Вахитов Ярулла Халиуллович (1907–1994 гг.), уроженец села Сарайлы. Пожизненный председатель колхоза, в 1941–1946 годах – в рядах Советской Армии. В 1957 году награжден орденом Ленина. Его именем названа единственная улица села Новый Буляк.

Нигматуллин Зайнулла Хайруллович. О Зайнулле Нигматуллине мы рассказали выше.

«Лесенка» родословия от Казанфара бия. 1550–2010 годы.

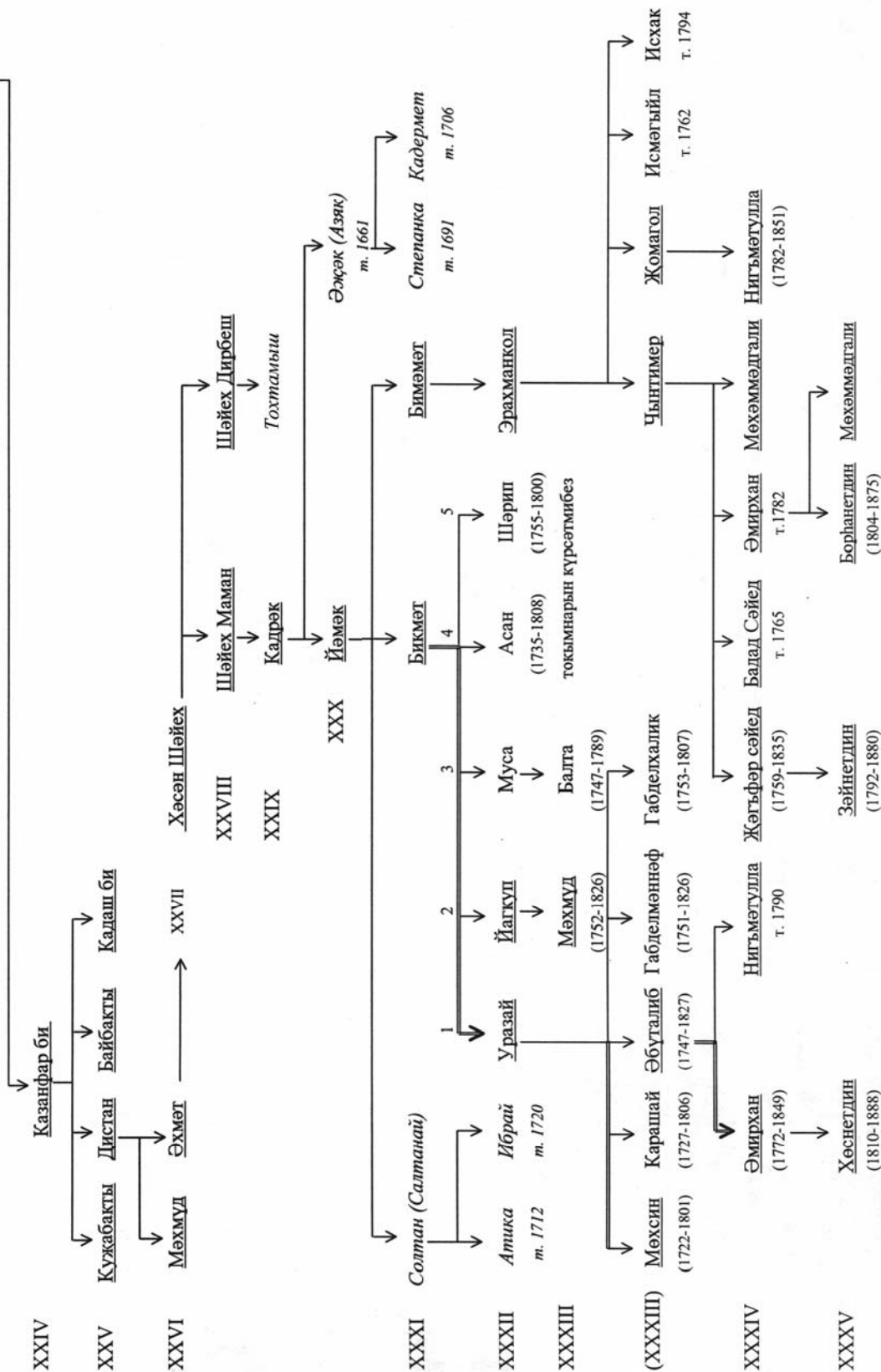
Родословие составлено на данных Сарайлинской рукописи. Составитель Р.Х.Амирханов. Март 2010 г.
Использованы материалы метрических книг, ревизских сказок, ЗАГСовских записей, похозяйственных книг.

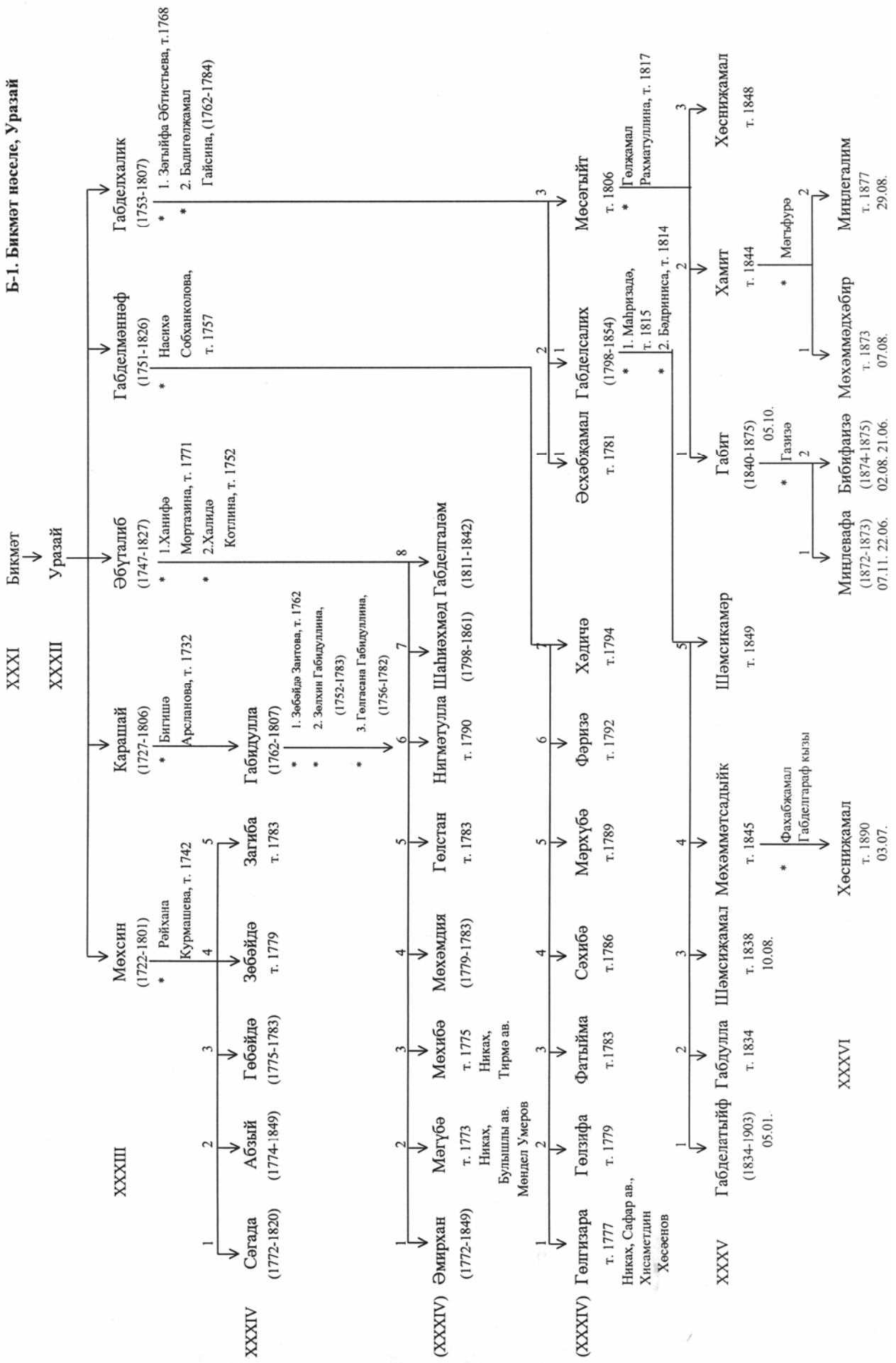
Б, Би

Сарайлы авылында төзелгән һәм сакланган кулъязмадан алынган шөжәрөгә документаль өстәмәләр кертелгән бөр өлөшө

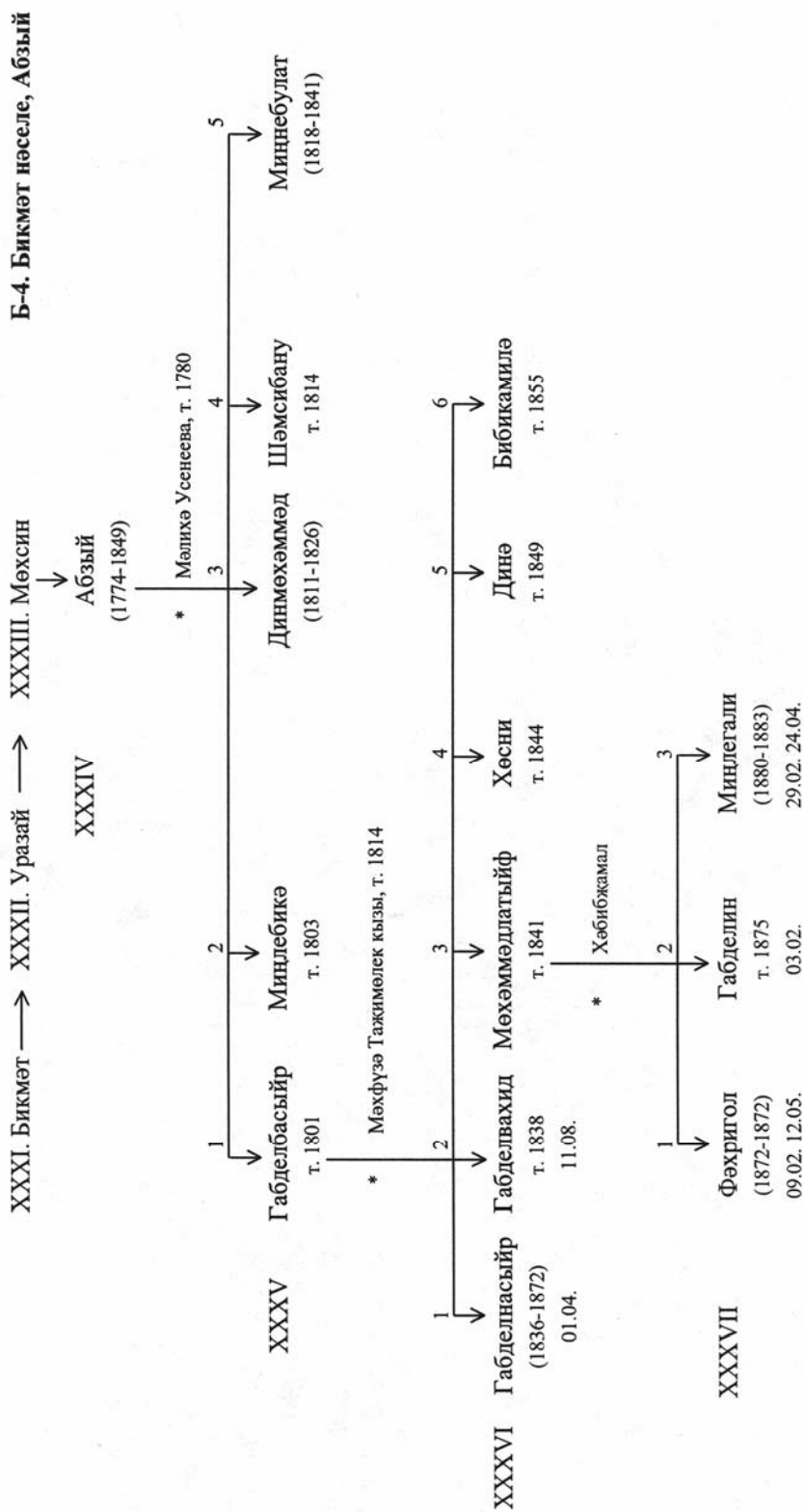
I. Әбу Бәкер сиддыйк, II. Мәхәммәд солтан, III. Солтан Кагаб, IV. Солтан Һәрмез, V. Солтан Халид, VI. Солтан Вәлит, VII. Солтан Кайдар, VIII. Солтан Мәүлүд, IX. Солтан Әбулга, X. Солтан Сәлим, XI. Солтан Садаф, XII. Солтан Госман газый, XIII. Солтан Галәздин, XIV. Солтан Жәләлуддин, XV. Солтан Баба Төкләс, XVI. Тирмә хан, XVII. Кырынчы би, XVIII. Ислам Кыяа солтан, XIX. Кадер Кыяа солтан, XX. Коглы Кыяа солтан, XXI. Идик би, XXII. Чалбак хан, XXIII. Урдач би.

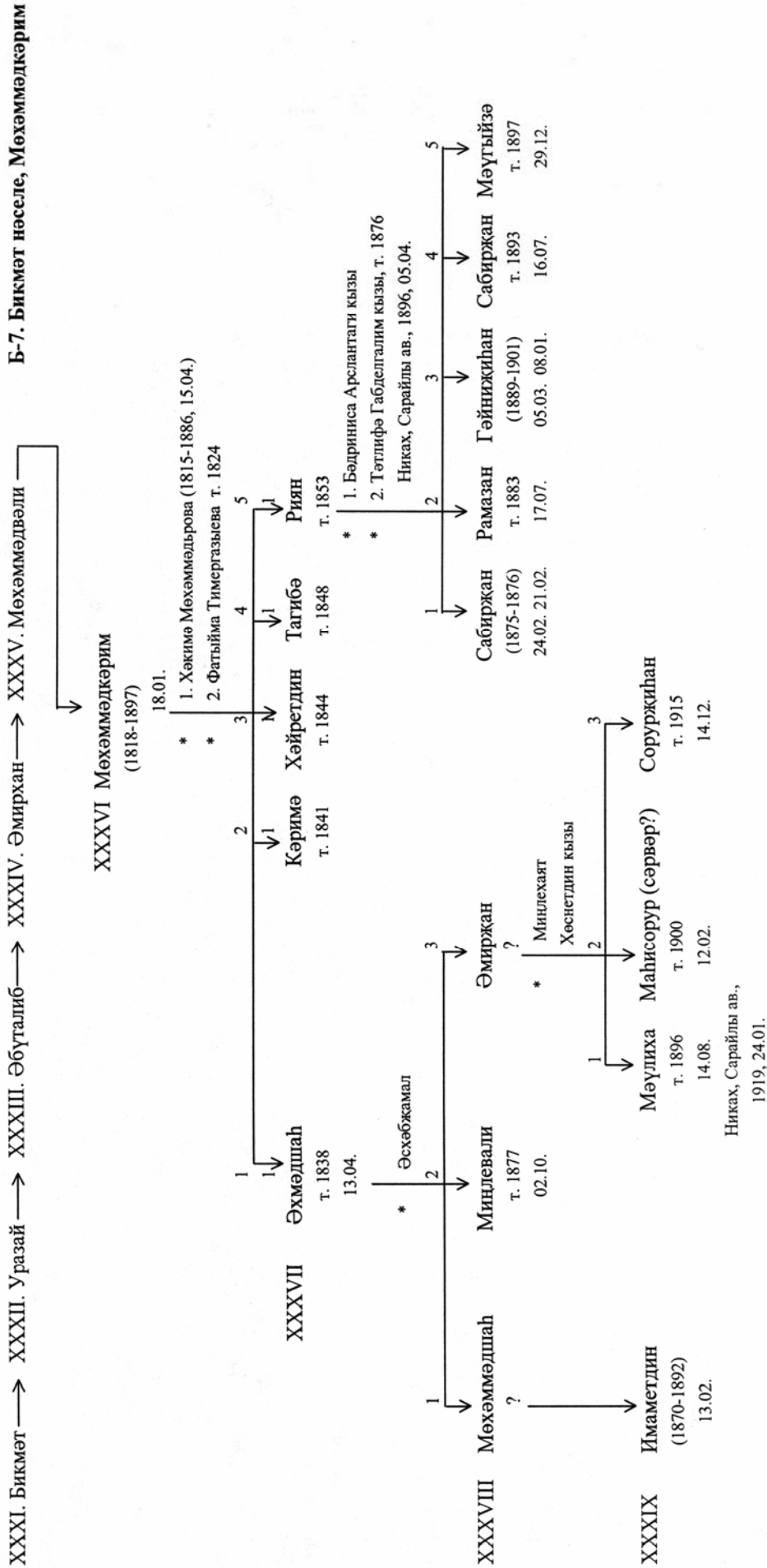
Б-1. Бикмөт нәсселе, Уразай

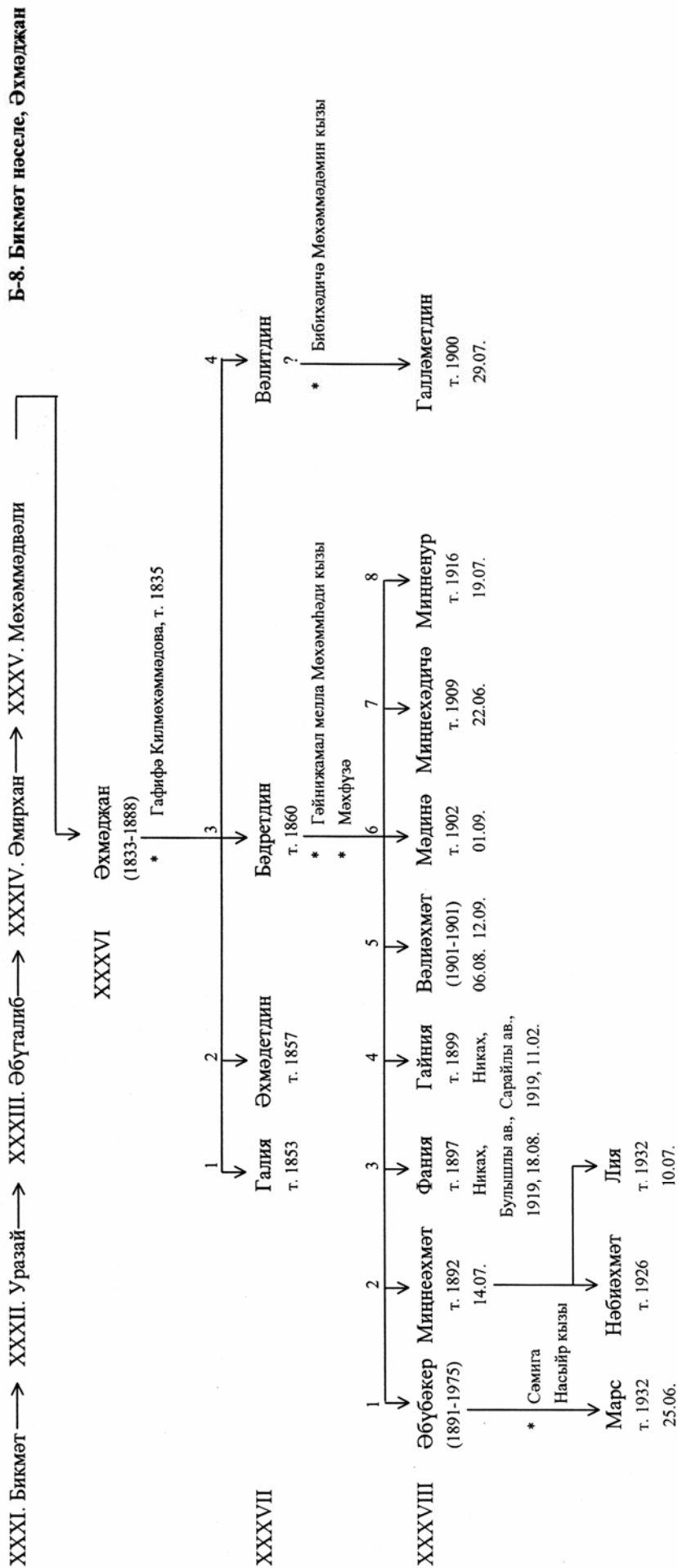
Б-4. Бикмөт нәселе, Абзый

Б-7. Бикмөт нәселе, Мөхәммәдкәрим

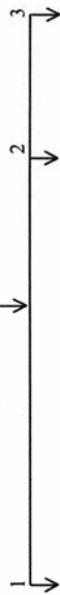
Б-8. Бикмөг нәселә, Әхмәдҗан

Б-9. Бикмөт нәселе, Фәтхулла

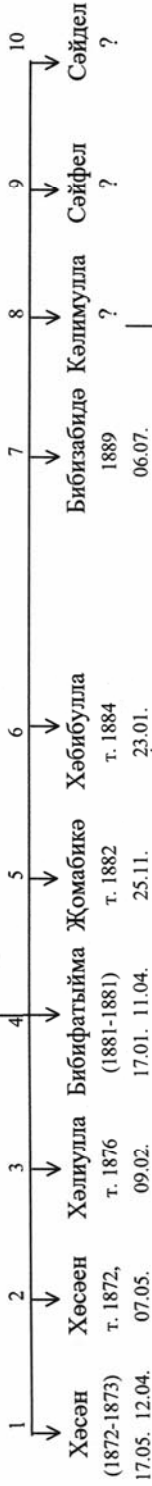
XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Әмирхан

XXXV
Фәтхулла
(1805-1843)
* Бәдриниса

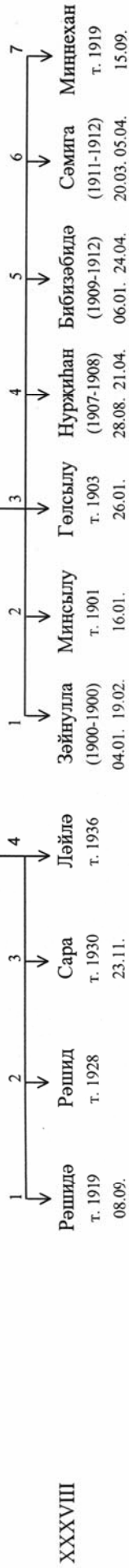
XXXVI
Зәйдүлла
(1838-1903)
17.04. 02.07
Зөлейха
т. 1841
Бибихөбейбә
т. 1844

* 1. Халидә Гәбделвали кызы
* 2. Нурелгайн Мөхәммәтша кызы

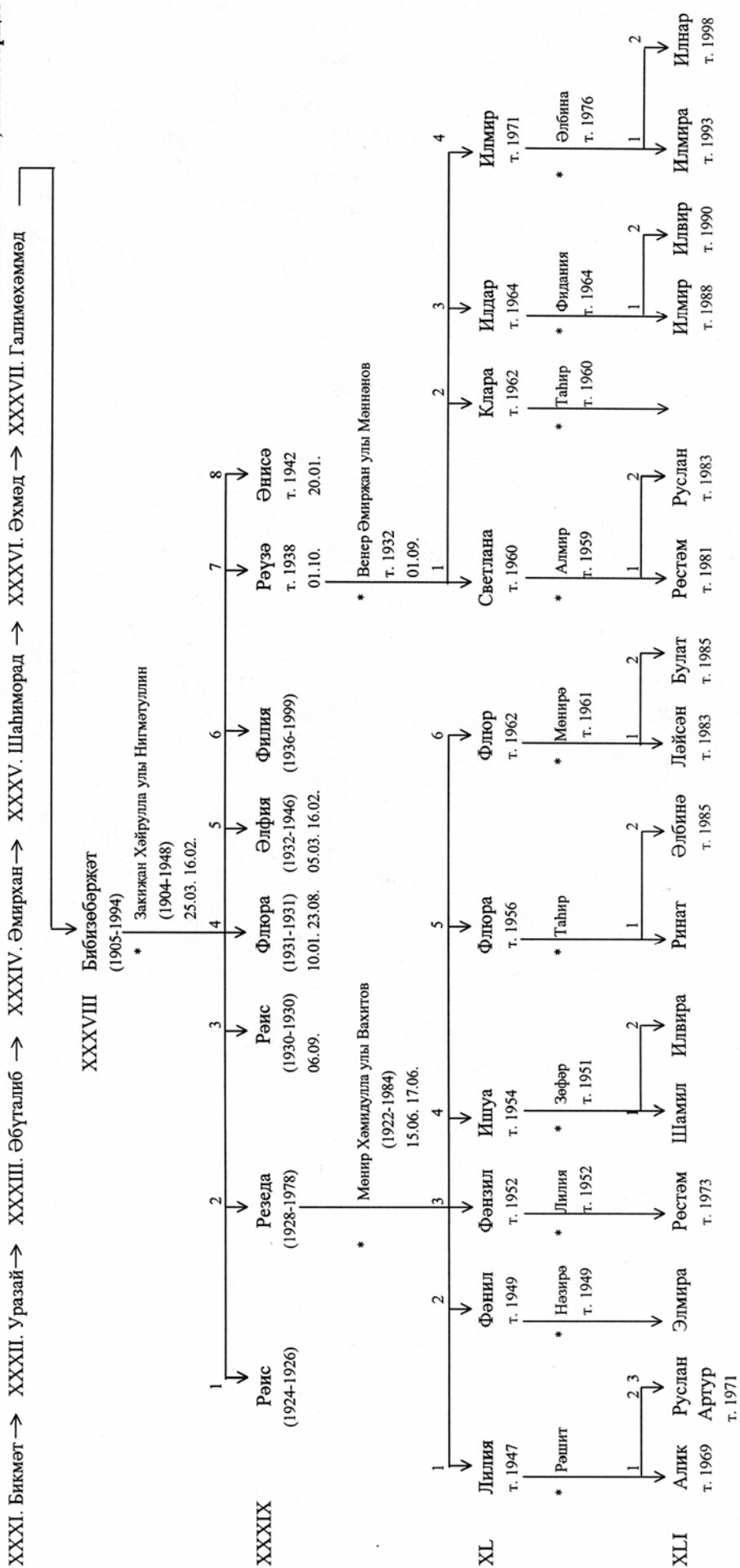
XXXVII
Хәсән
(1872-1873)
17.05. 12.04.
Хәсән
т. 1872,
07.05.
Хәлиүллә
т. 1876,
09.02.
Бибифәтйымә
(1881-1881)
17.01. 11.04.
Жомабикө
т. 1882,
25.11.
Хәбибулла
т. 1884,
23.01.
Бибизәбидә
1889,
06.07.
Кәлимулла
?
Сәйфел
?
Сәйдел
?

* Нурелгайн
Мөхәммәтшаһ кызы
т. 1887
Никах,
Сарайлы ав.,
1907, 28.10.
* Гәзәлҗамал Рәвил кызы

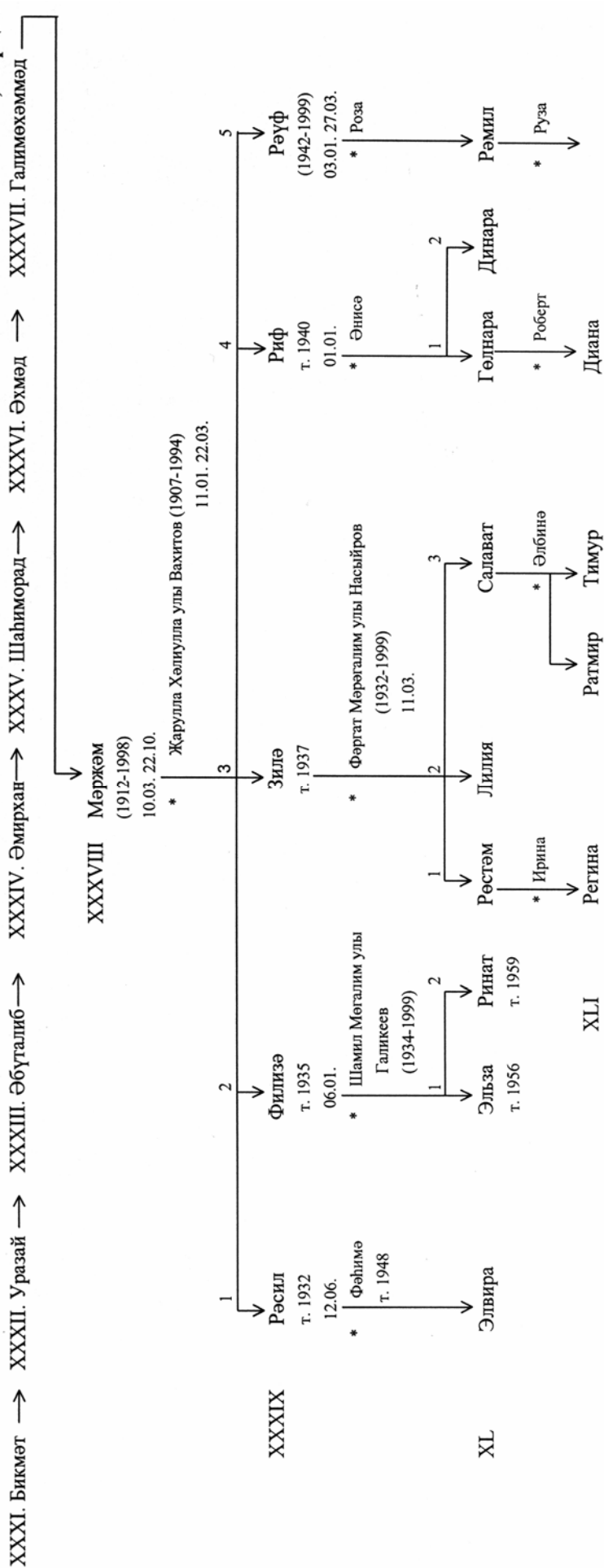

XXXVIII
Рәшид
т. 1919,
08.09.
Рәшид
т. 1928,
23.11.
Сара
т. 1930,
23.11.
Ләйлә
т. 1936
Зәйнүлла
(1900-1900)
04.01. 19.02.
Миңсыула
т. 1901,
16.01.
Гәльсылу
т. 1903,
26.01.
Нурҗиһан
(1907-1908)
28.08. 21.04.
Бибизәбидә
(1909-1912)
06.01. 24.04.
Сәмига
(1911-1912)
20.03. 05.04.
Миңнеһан
т. 1919,
15.09.

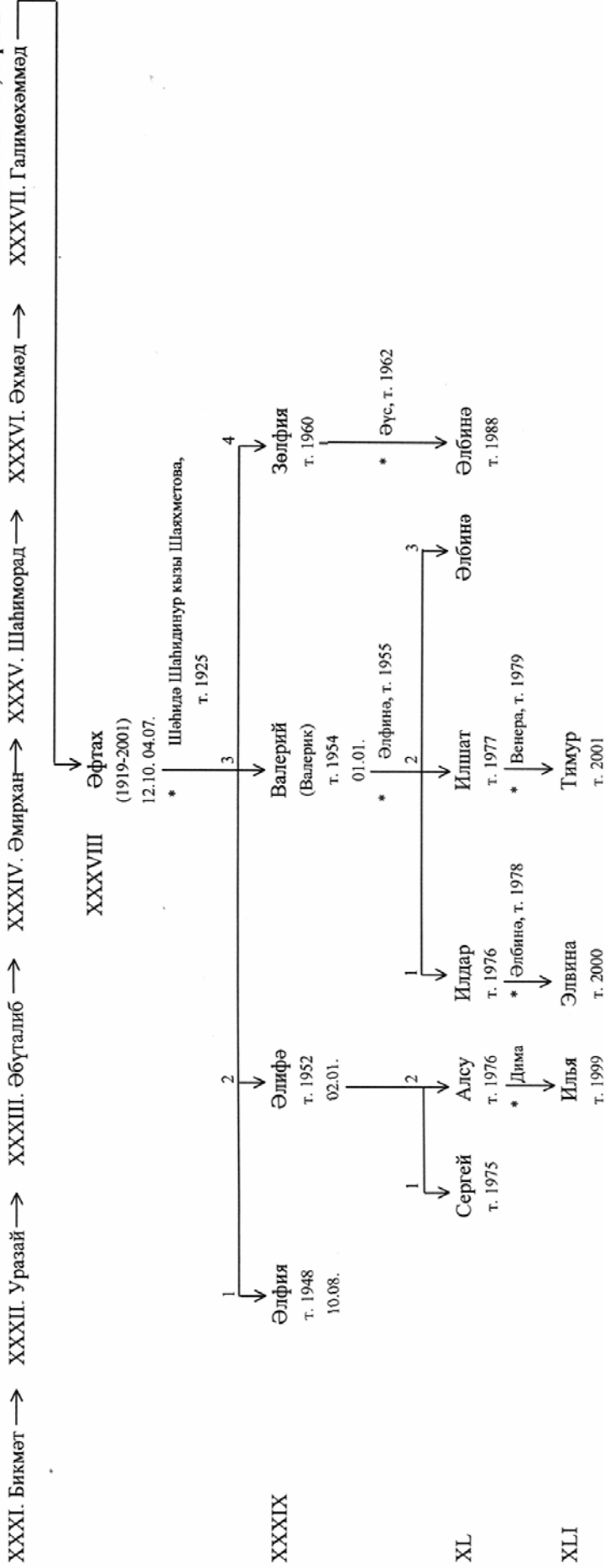
Б-13. Бикмөг нәселе, Бибизбәржәт

Б-14. Бикмәт нәсле, Мәржәм

Б-15. Бикмөт нәселә, Әфгах

XXXI. Бикмөг → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Әмирхан → XXXV. Шаһиморад **Б-16. Бикмөг нәсле, Әхмәдгали**

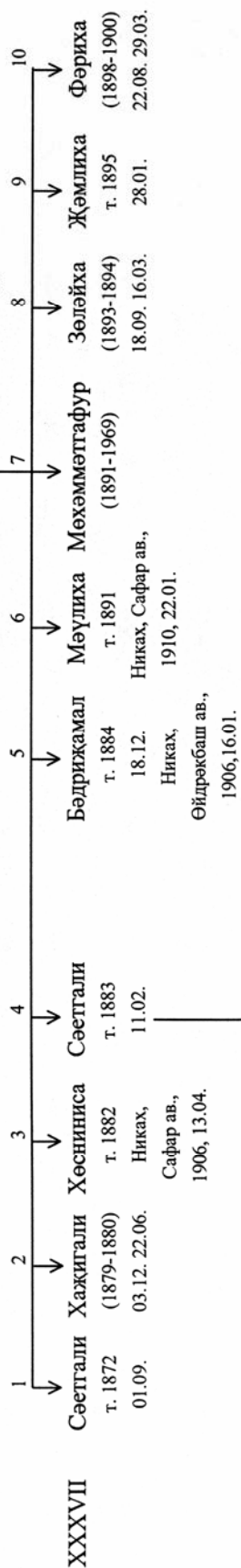
XXXVI

Әхмәдгали

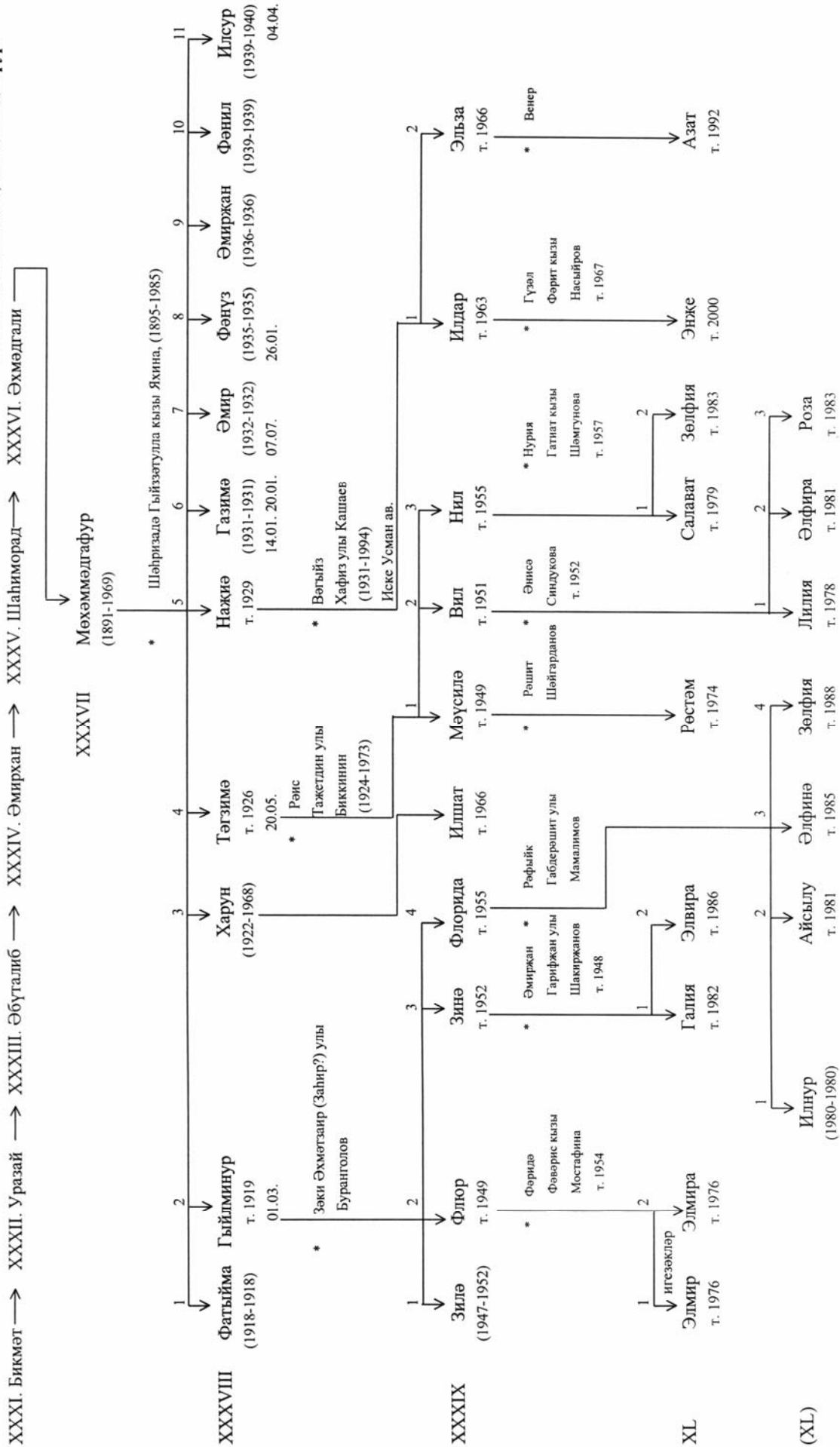
т. 1849

* 1. Гөлниса Мөхәмәдгали кызы, т. 1835
Никах, Сарайлы ав., 1875, 19.02.

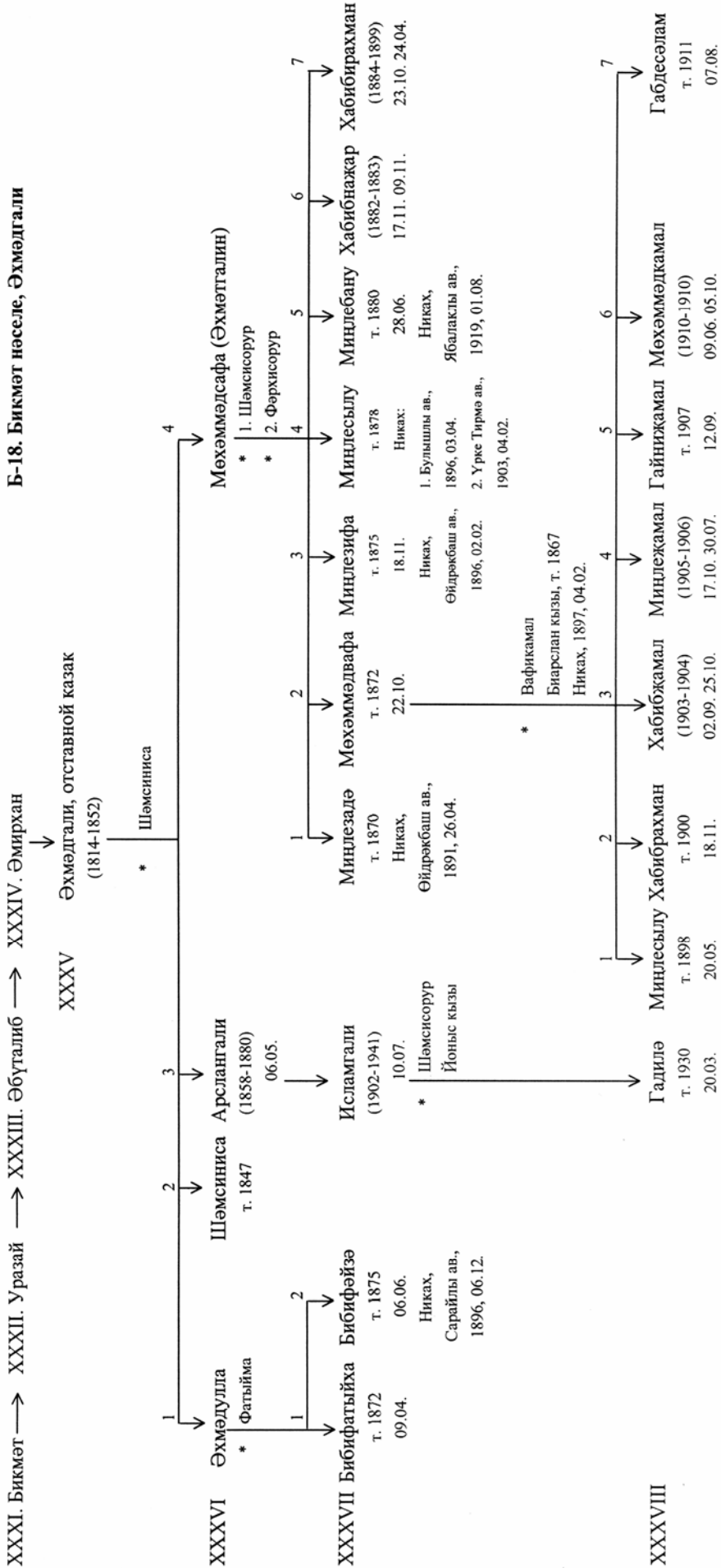
* 2. Миннеҗамал Габидулла кызы

Б-17. Бикмәт нәселә, Мөхәмәдгафур

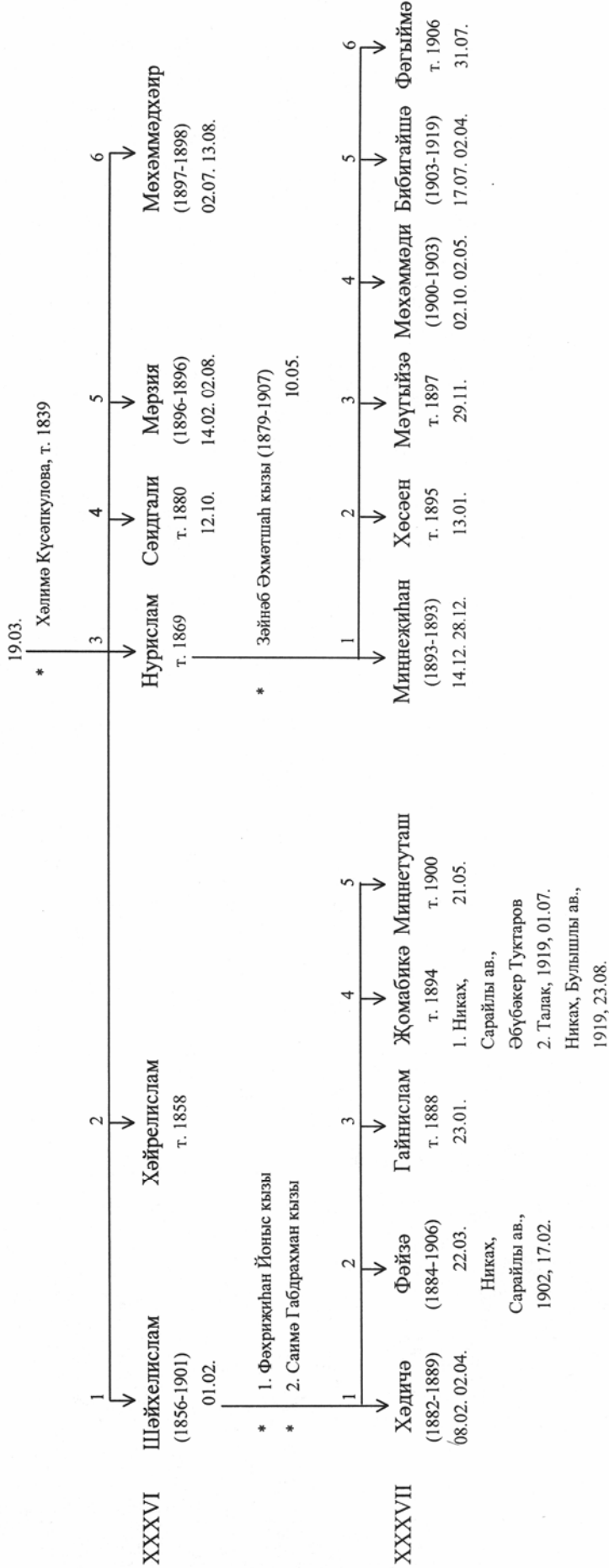

Б-18. Бикмәт нәселе, Әхмәтгалли

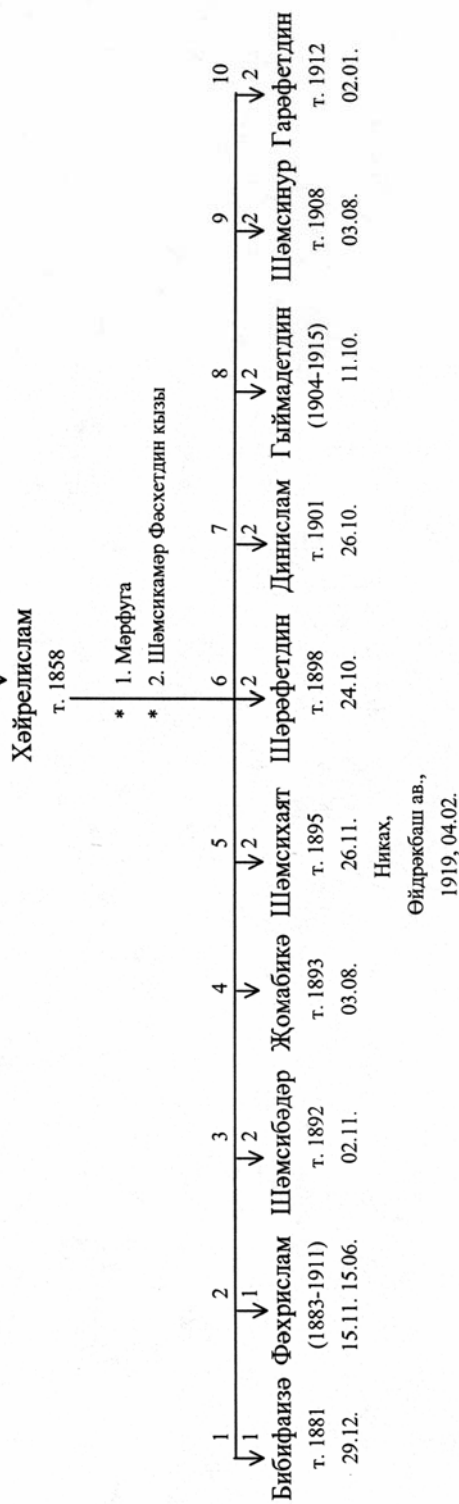
XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Әмирхан → XXXV. Мөхәммәдкәбир

XXXV Мөхәммәдкәбир
(1827-1904)

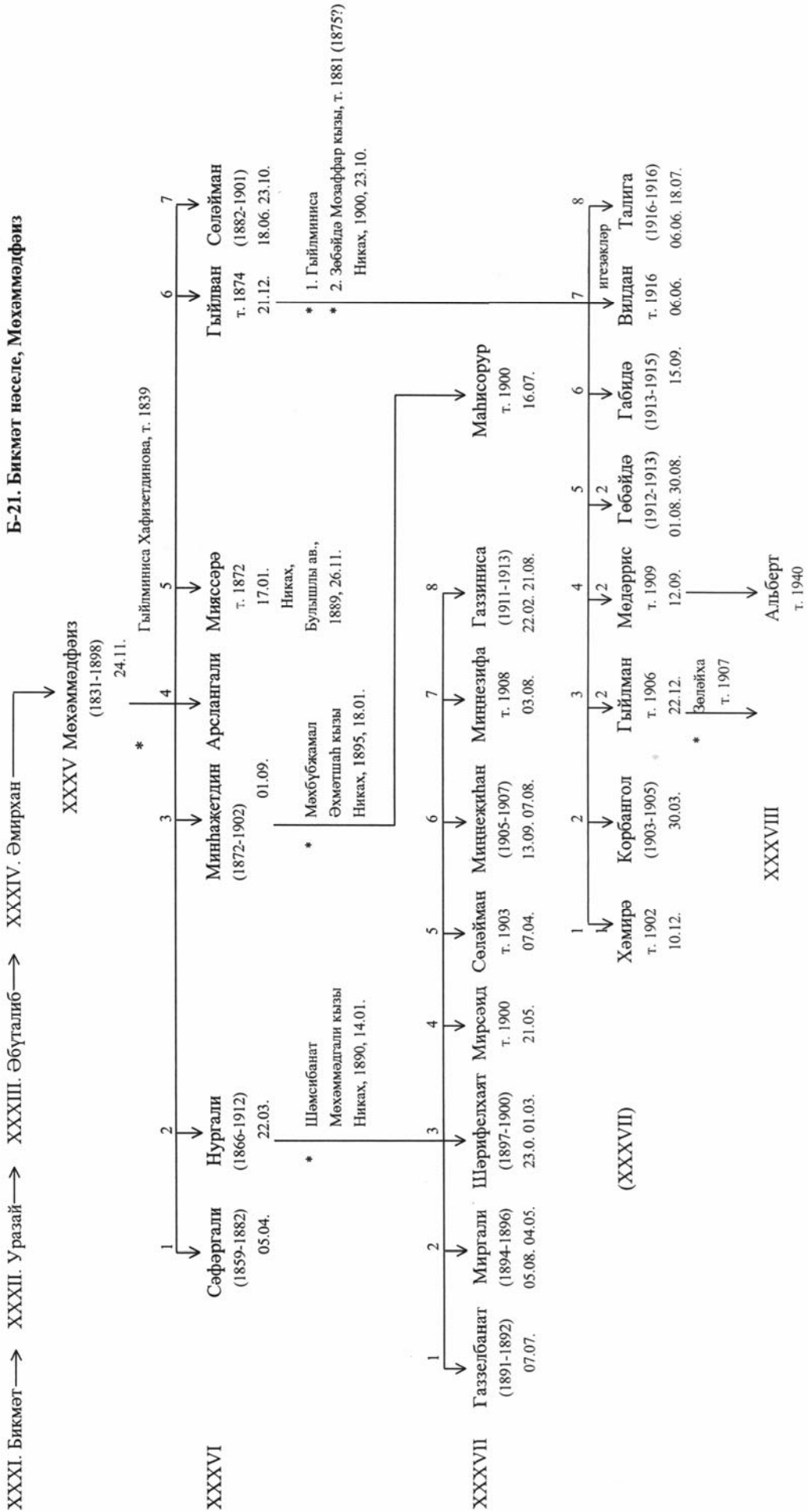

Б-20. Бикмөт нәселе, Хәйрелислам

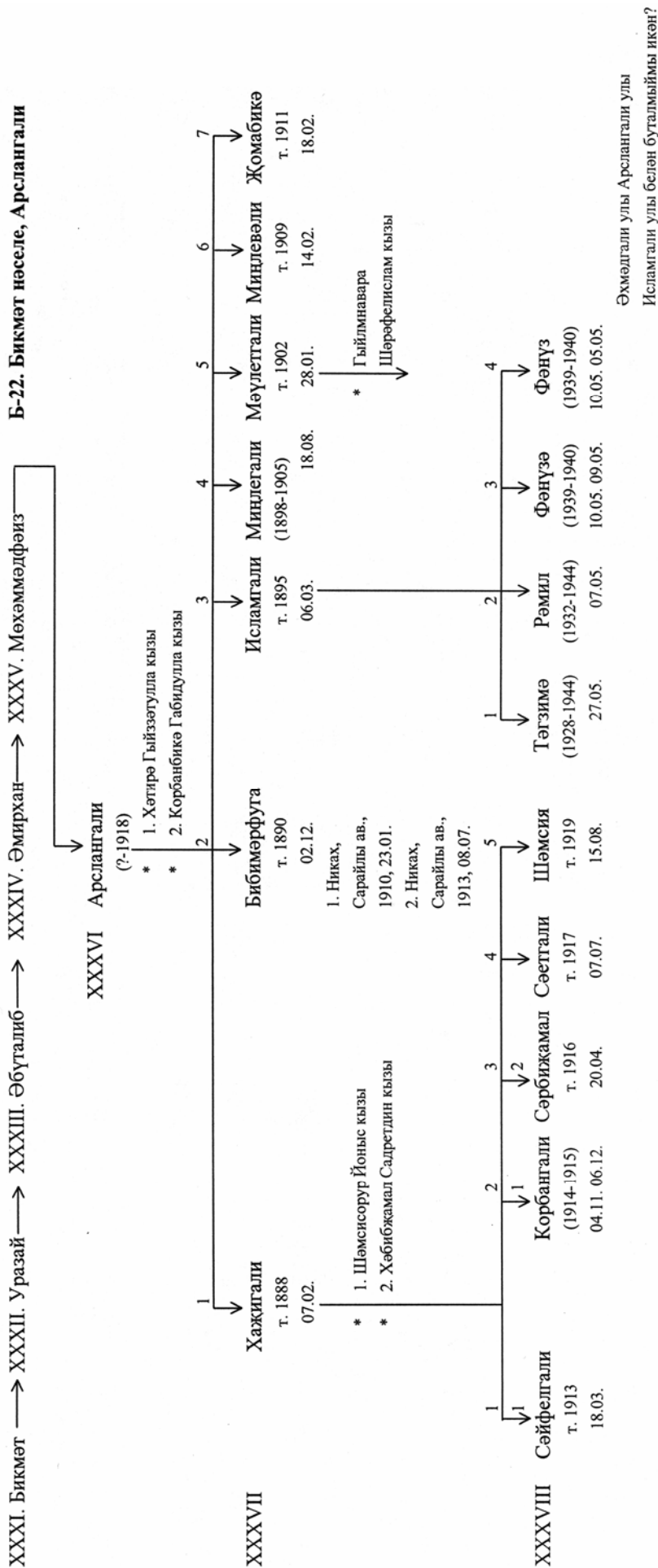
XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Әмирхан → XXXV Мөхәммәдкәбир →

Б-21. Бикмөт нәсле, Мөхәммәдфәиз

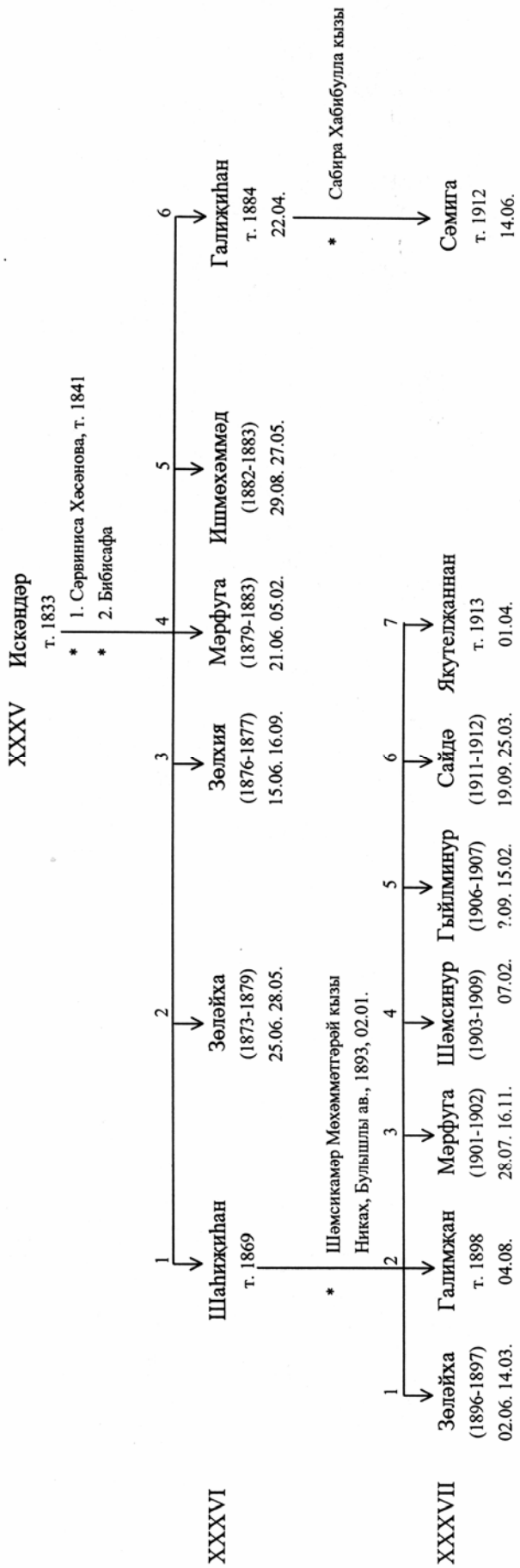

Б-22. Бикмөт нәсле, Арслангали

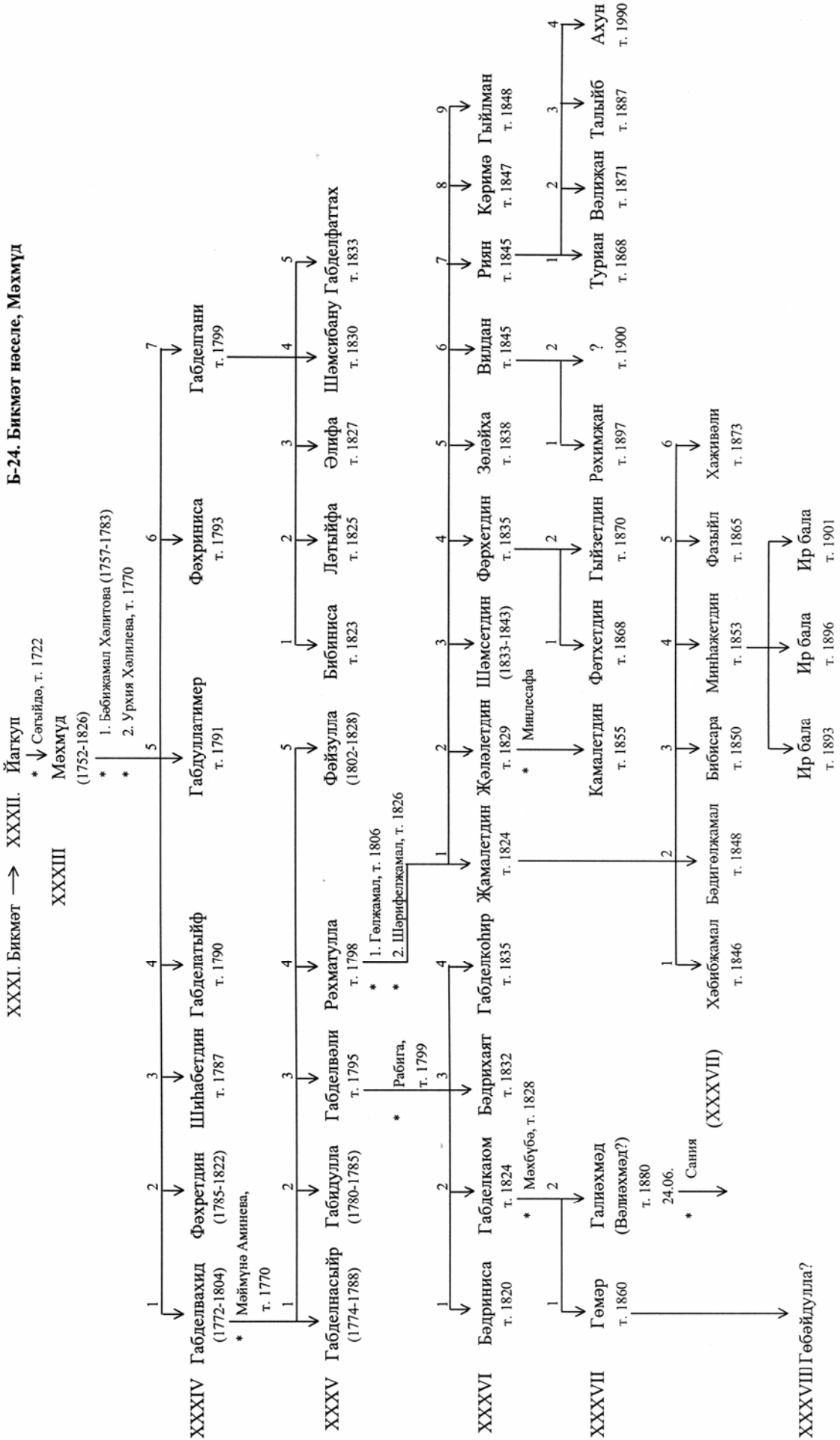

Б-23. Бикмөт нәселе, Искәндәр

XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Әмирхан → XXXV. Искәндәр

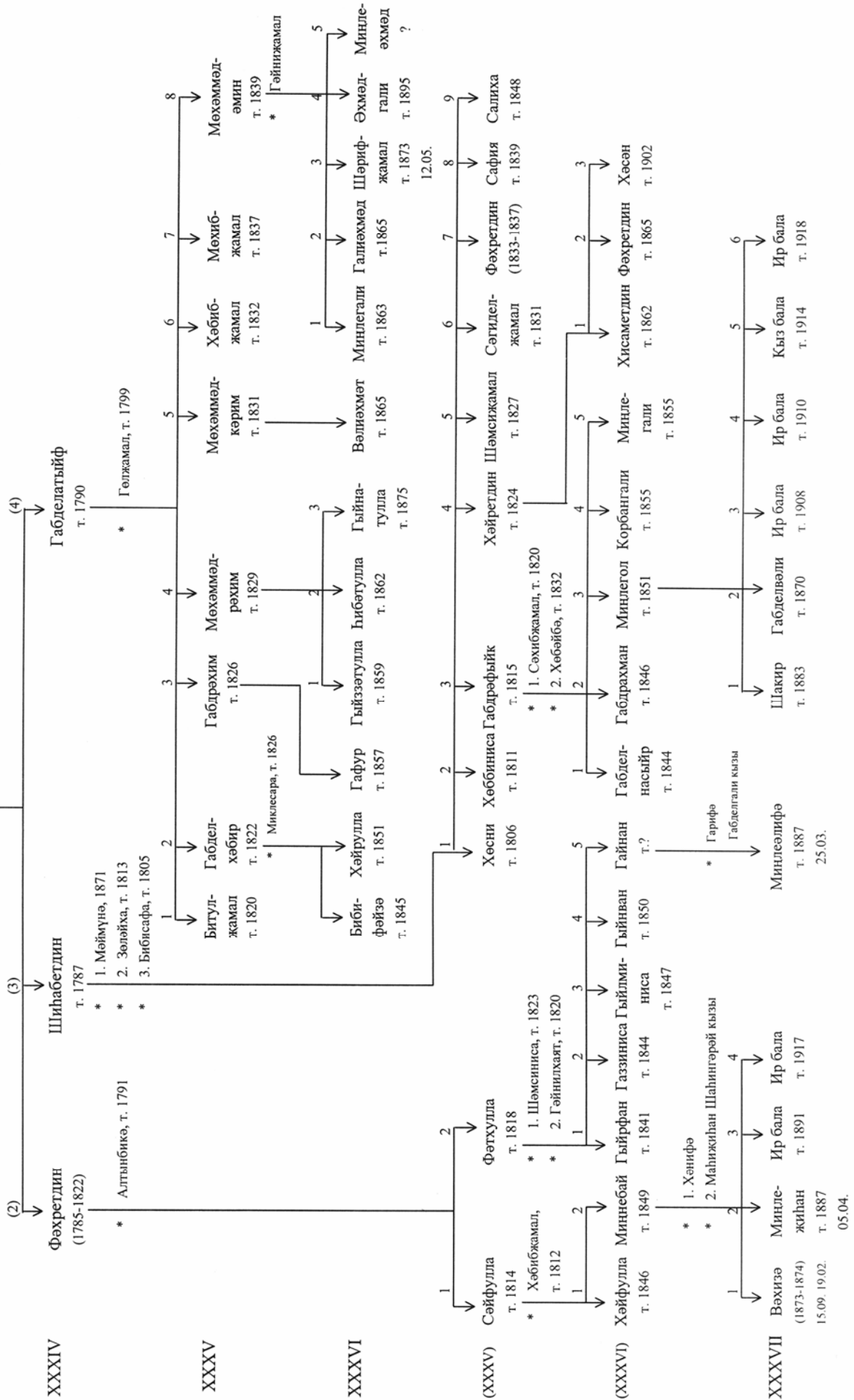

Б-24. Бикмәт нәсселе, Мөхмүд

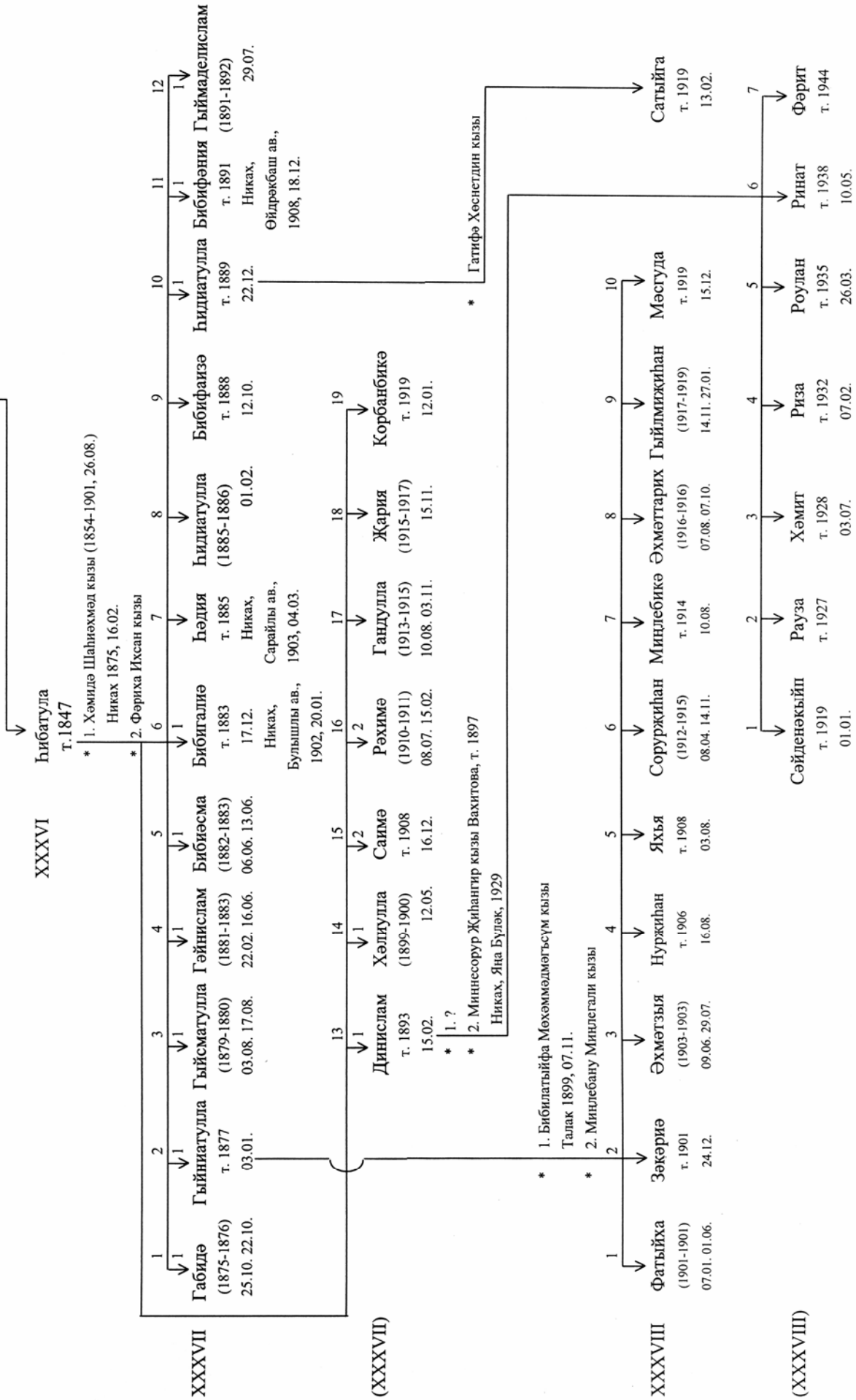
Б-25. Бикмөт нәселе, Мөхмүд (дәвам)

XXXI. Бикмөт → XXXII. Йагкул → XXXIII. Мөхмүд

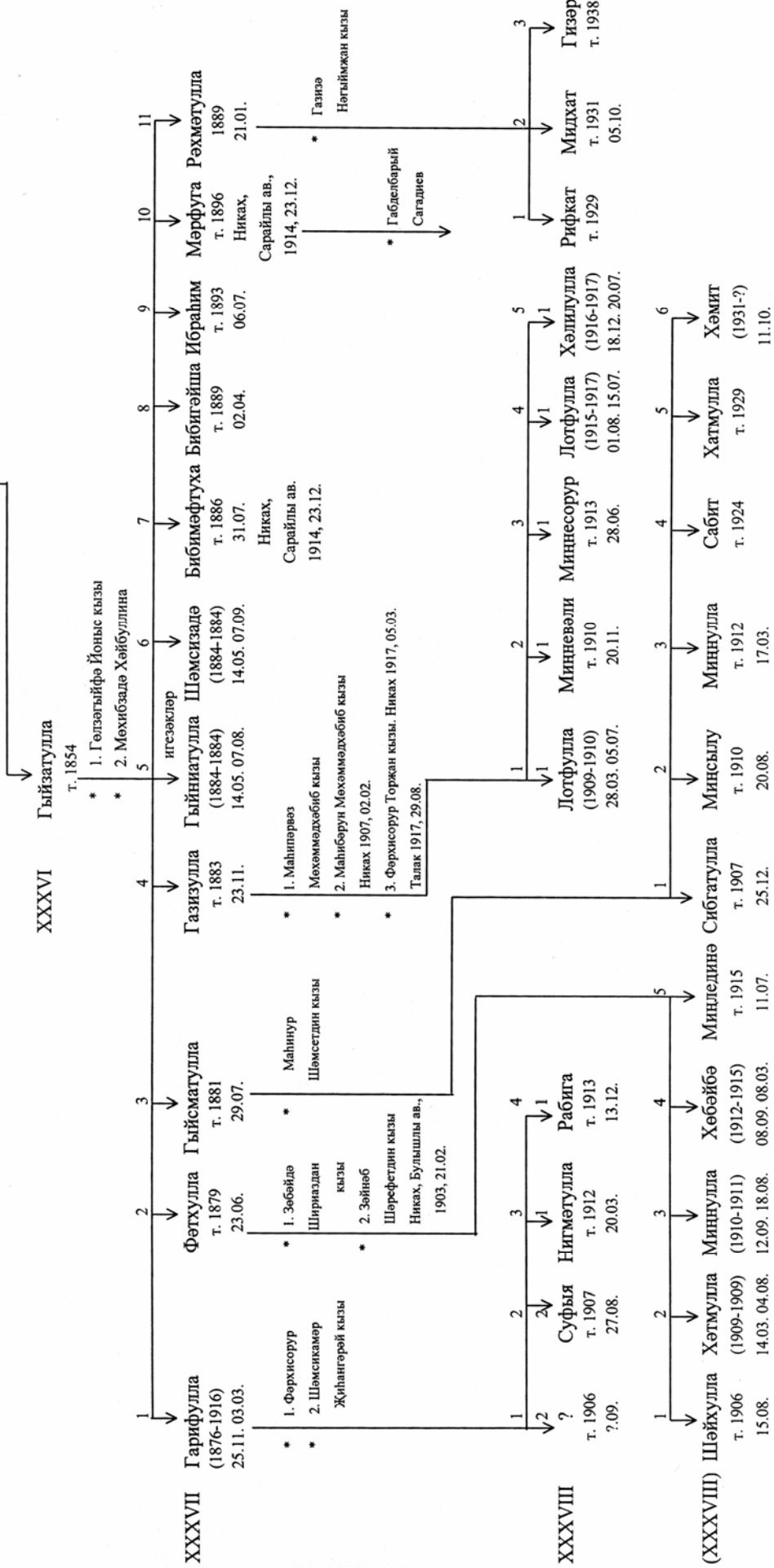

Б-27. Бикмөт нәселе, Гибатулла

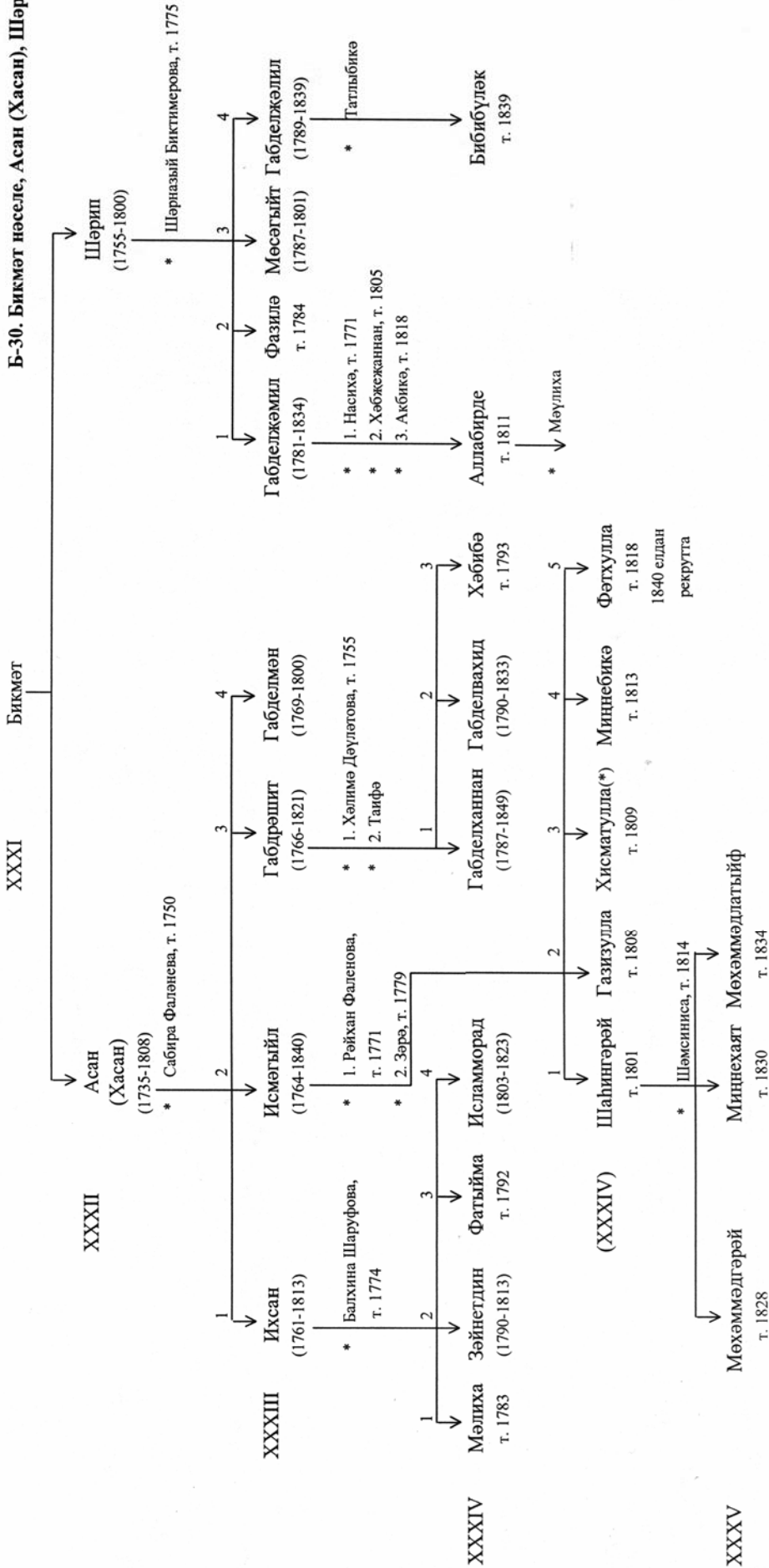
XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Нигмәтулла → XXXV. Галулла

XXXI. Бикмөт → XXXII. Уразай → XXXIII. Әбүталиб → XXXIV. Нигмәтулла → XXXV. Гөбәйдулла → **Б-29. Бикмөт нәселе, Гыйзатулла**

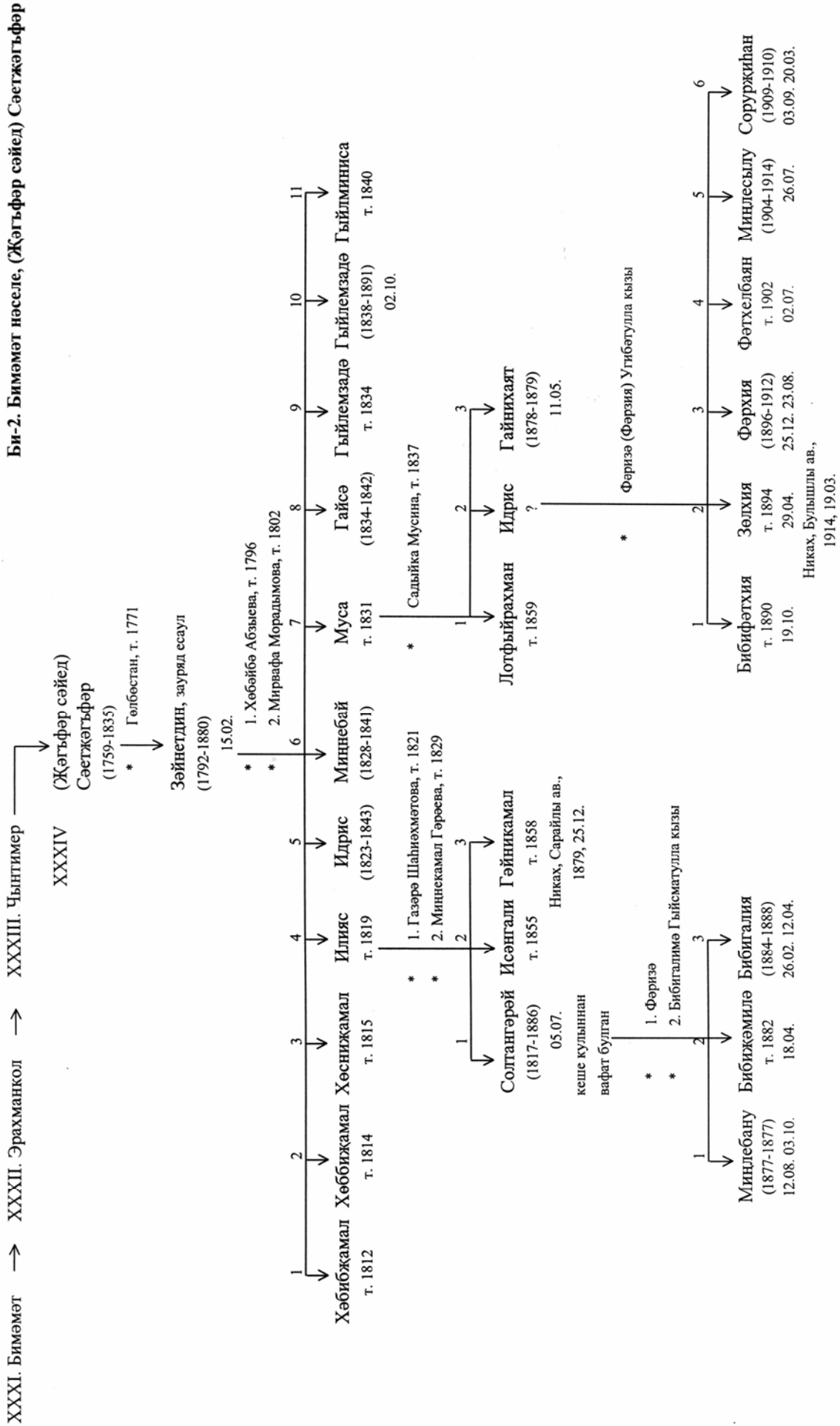

Б-30. Бикмөг нәселе, Асан (Хасан), Шәрип

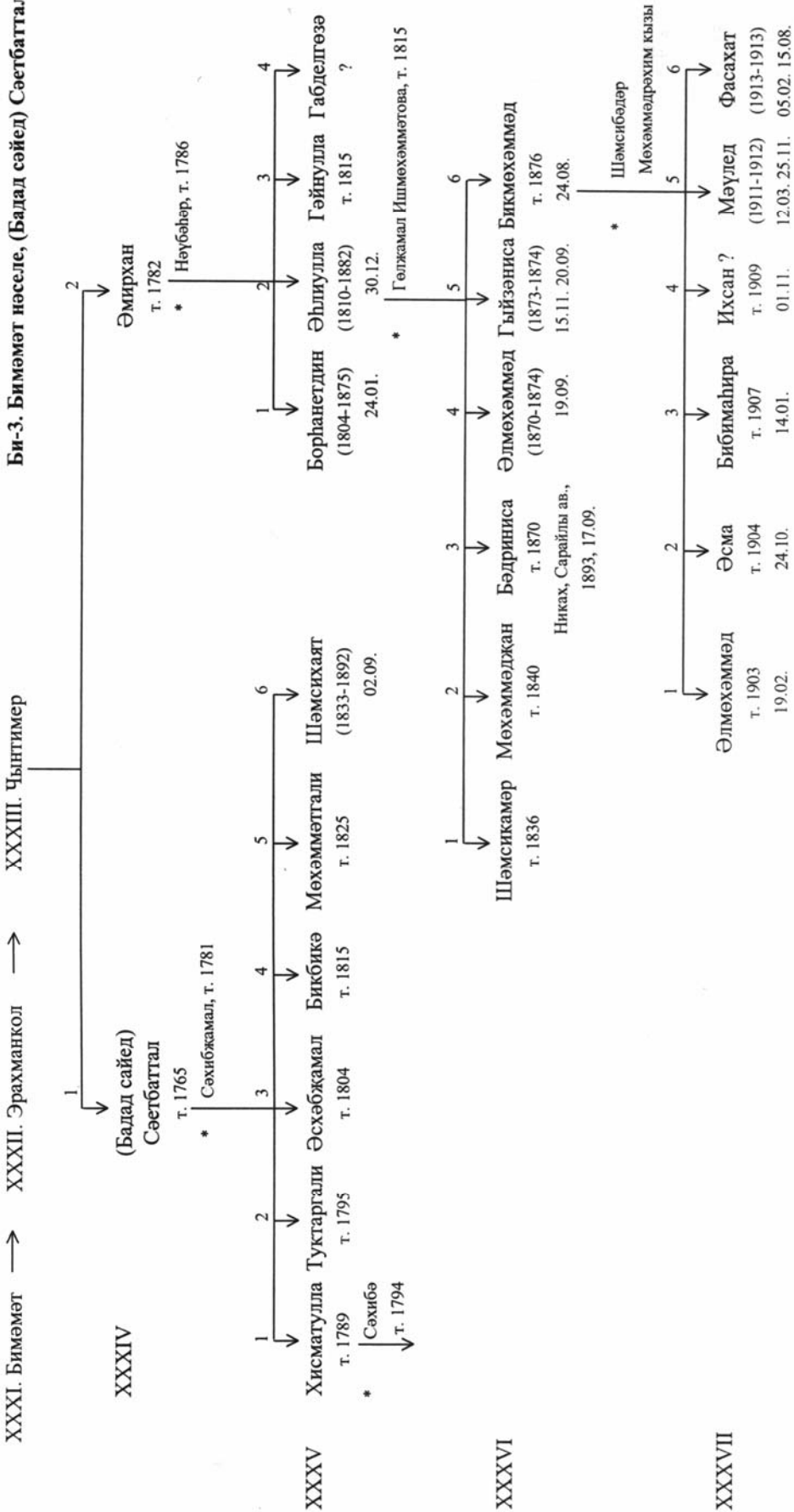

(*) Патша хезмәтендә чукырган, яна исеме: Егор Николаев
Хатынның исеме: Пелагея Федоровна, т. 1820

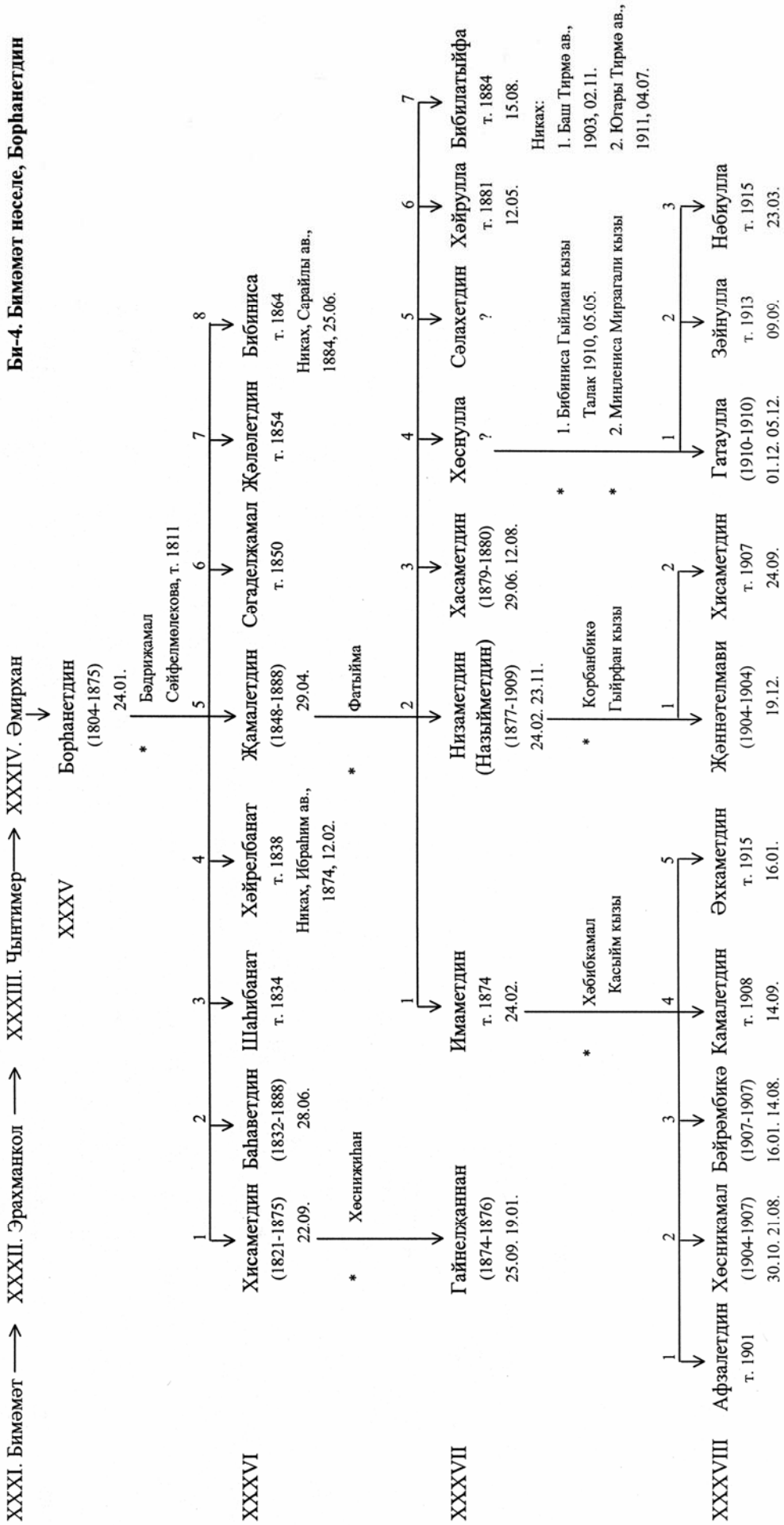
Би-2. Бимөмөт нәселә, (Жәгъфәр сәйед) Сәетжәгъфәр

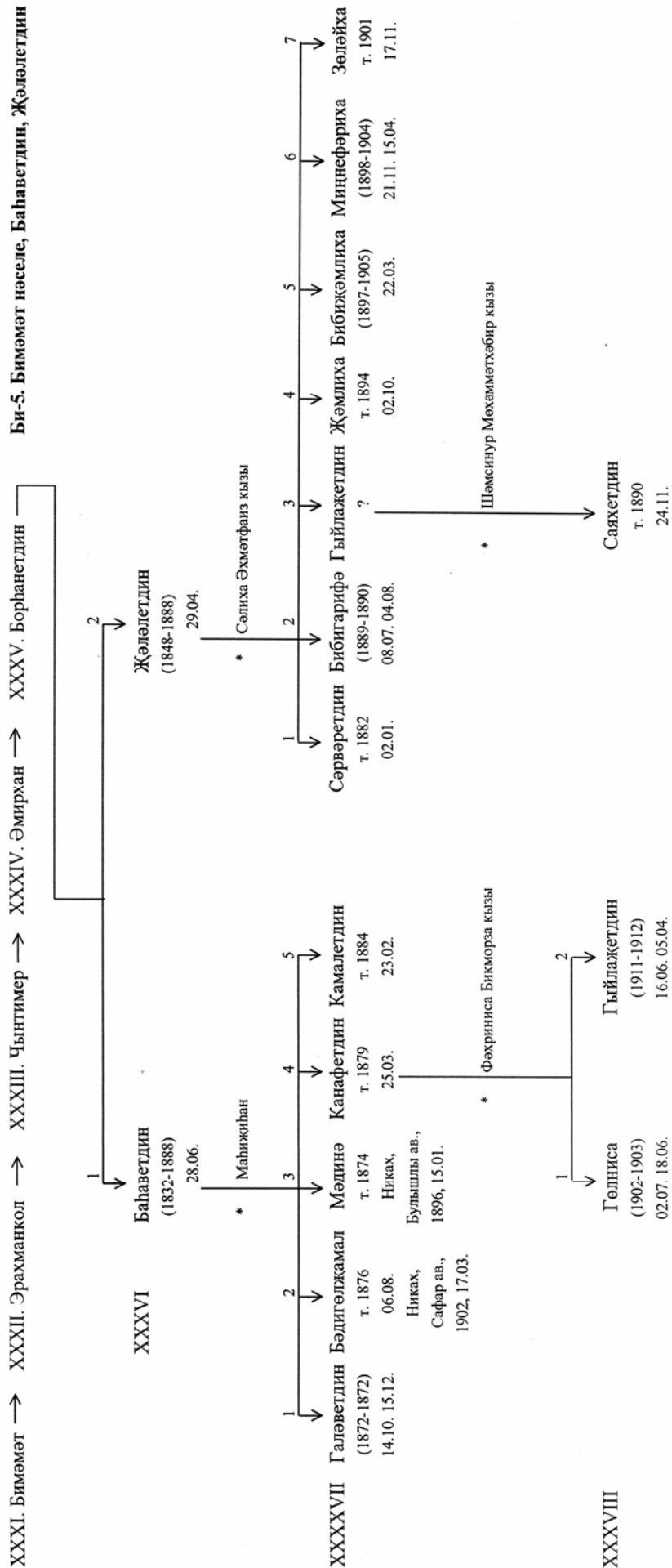
Би-3. Бимөмөт нәселе, (Бадад сәйед) Сәетбаттал, Әмирхан

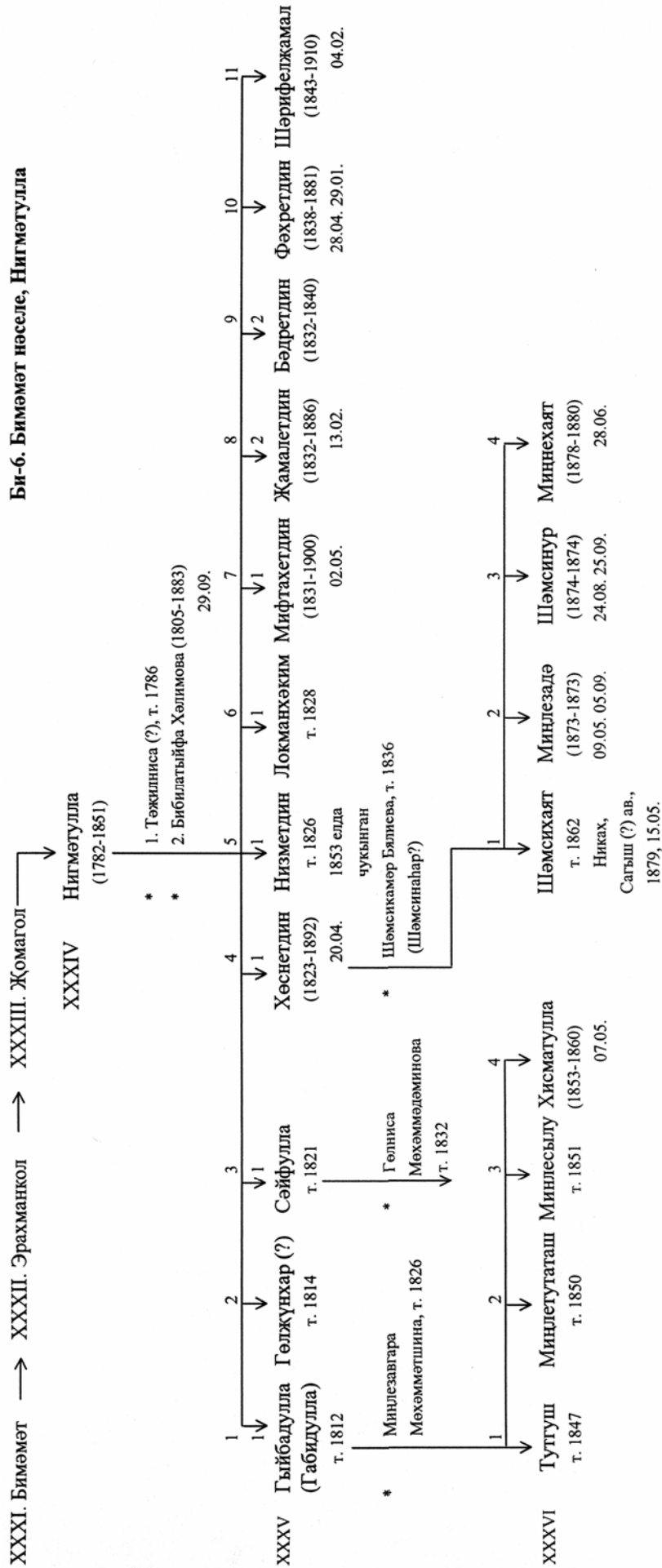
Би-4. Бимәмәт нәсле, Борһанәтдин

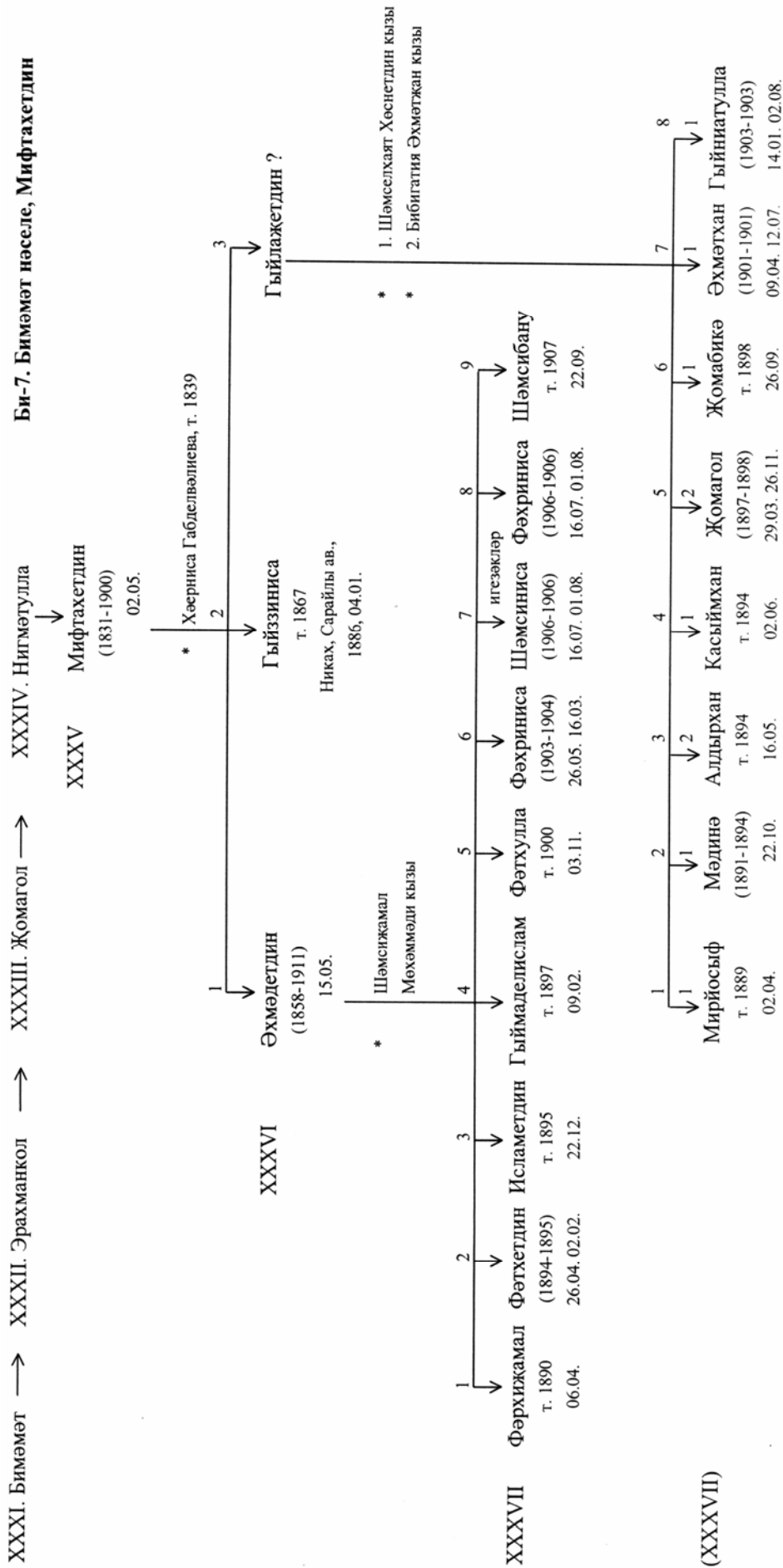
Би-5. Бимәмәт нәселе, Баһаветдин, Жәләлетдин

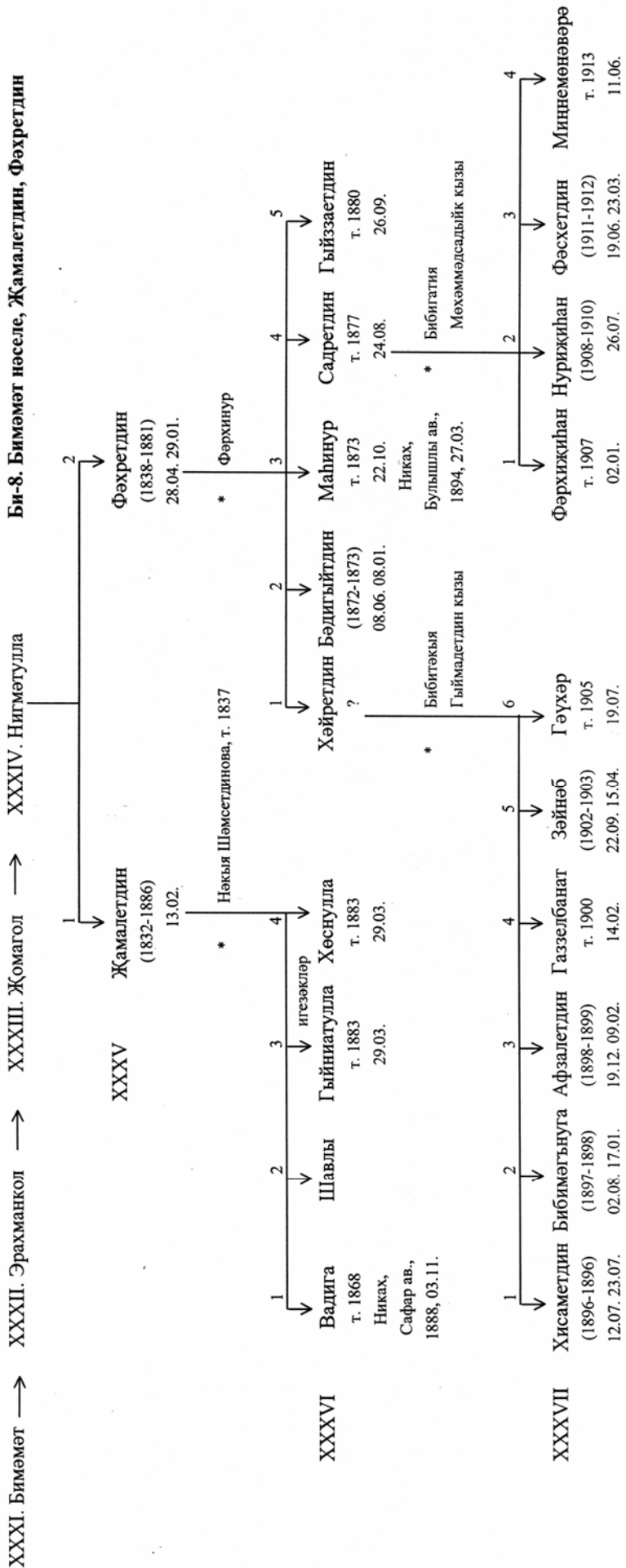
Би-6. Бимәмәт нәселе, Нигмәтулла

Би-7. Бимәмәт нәсселе, Мифтахетдин

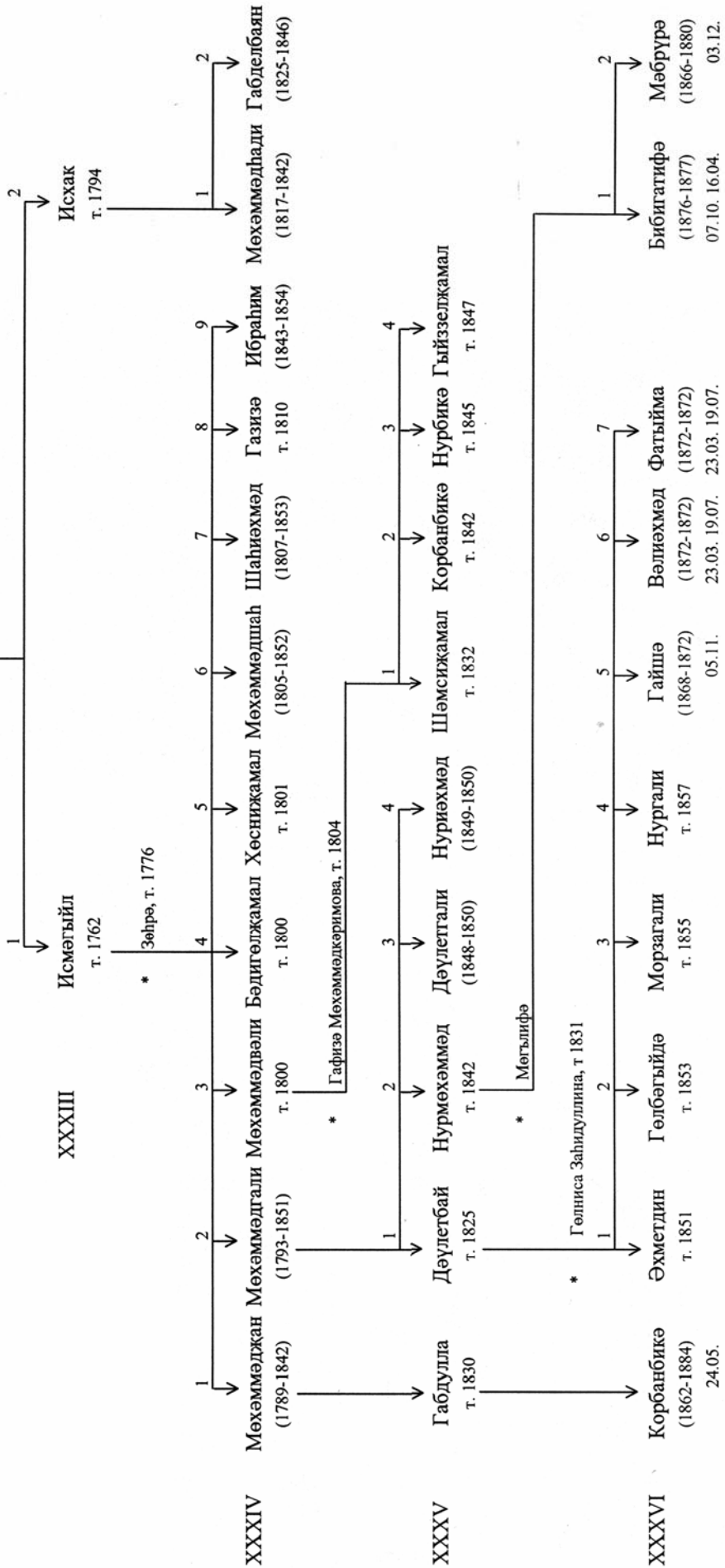
Би-8. Бимәмөг нәсле, Жамалетдин, Фәхретдин

Бн-9. Бимәмәт нәселе, Исмәгыйл, Исхак

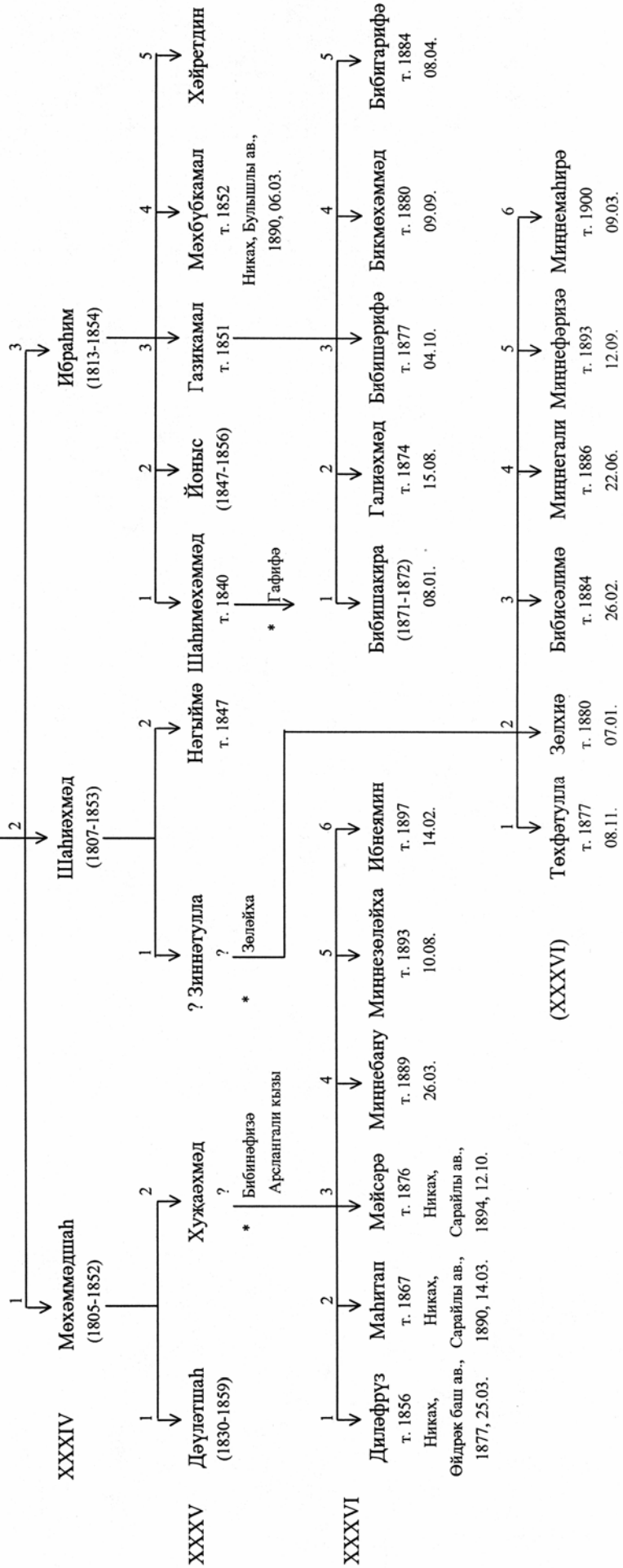
XXXII. Эрахманкол

XXXI. Бимәмәт →

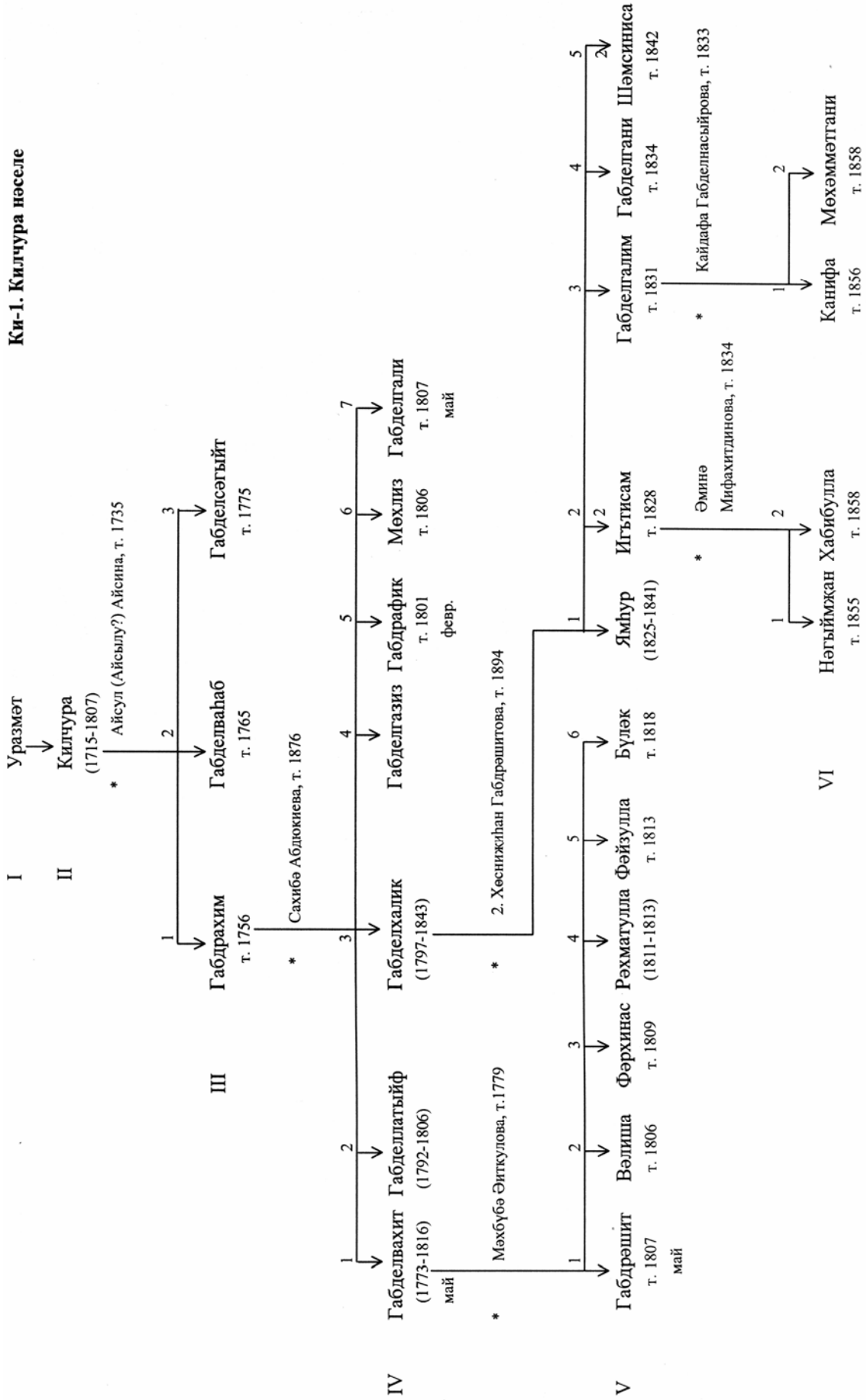

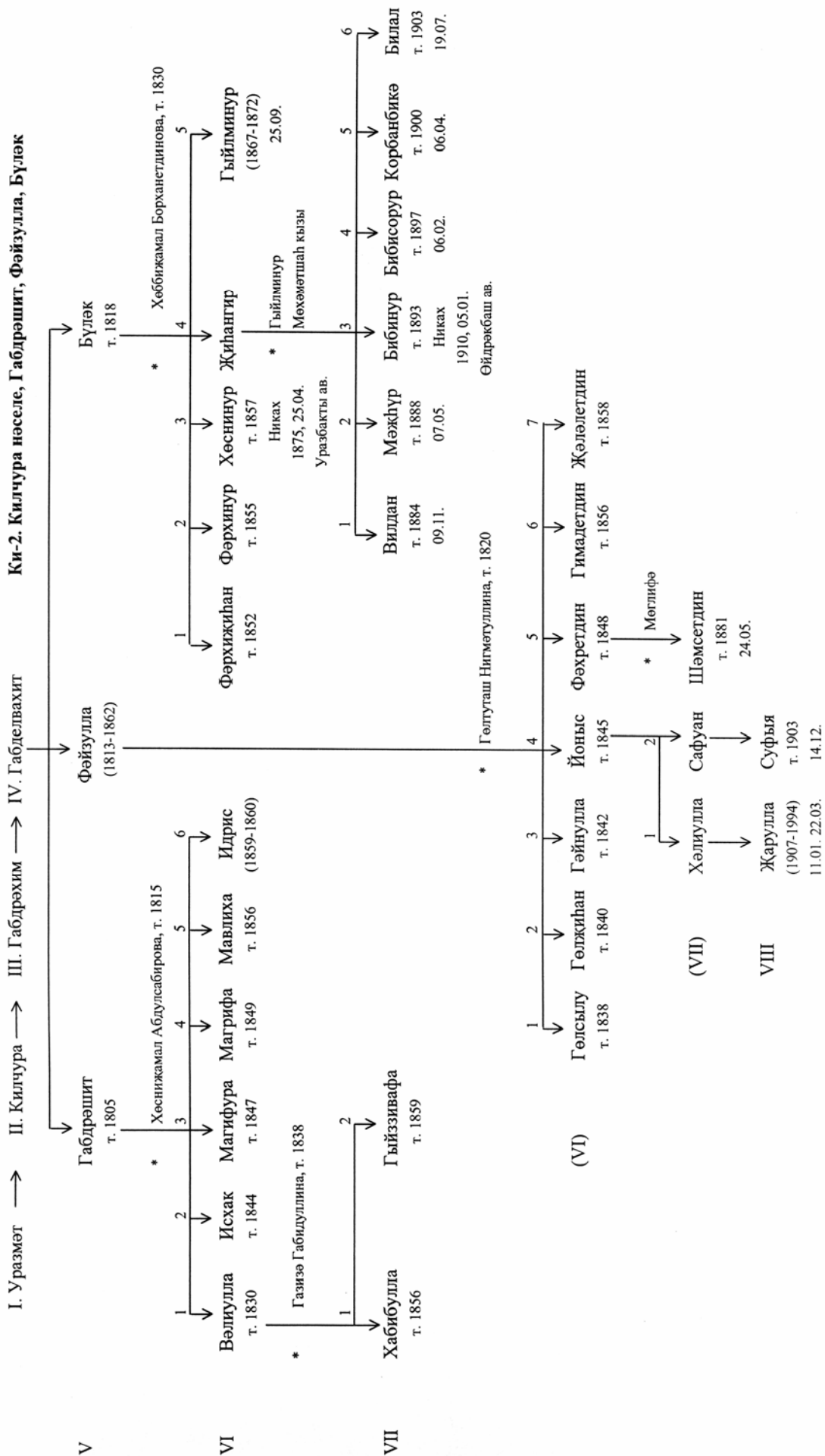
Би-10. Бимәмәт нәсле, Мөхәмәдшаһ, Шәһиәхмәд, Ибраһим

XXXI. Бимәмәт → XXXII. Эрахманкол → XXXIII. Исметгыйл

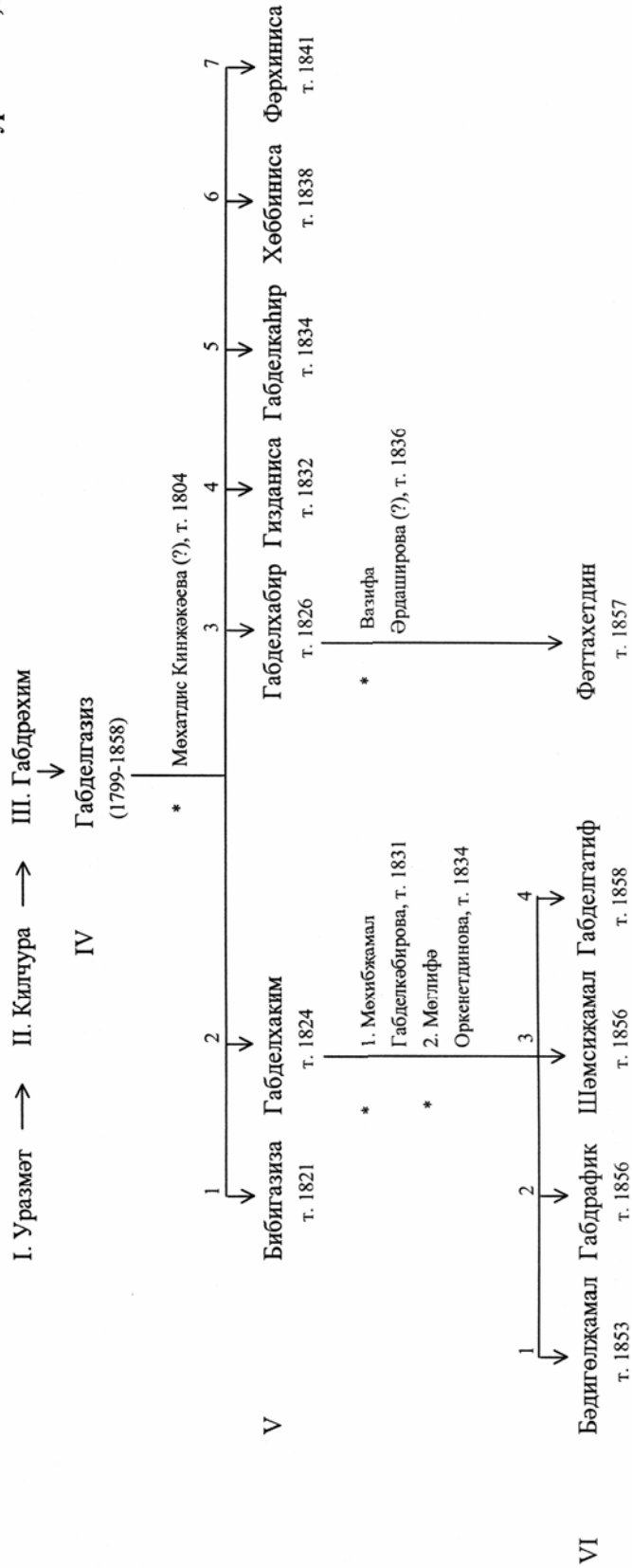

Ки-1. Килчура нәселле

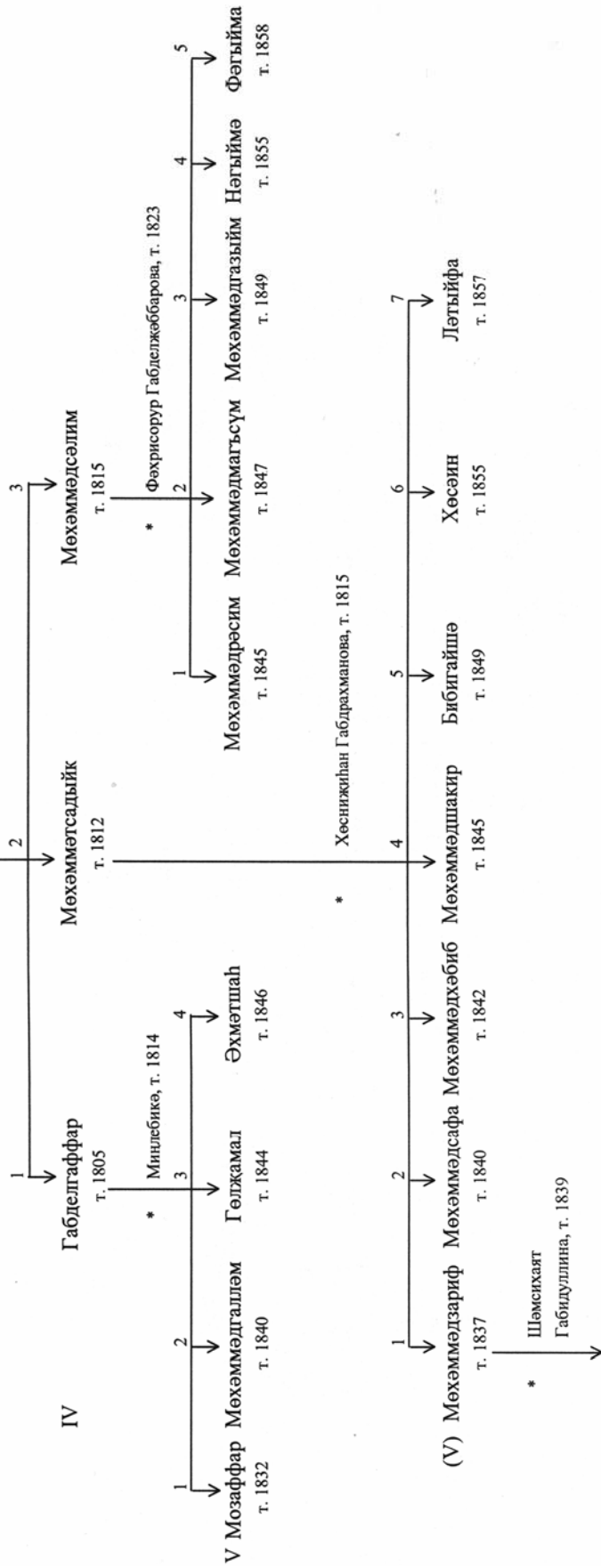

Ки-3. Килчура нәселе, Габделгазиз

Ки-5. Килчура нәселе, Габделгафар, Мөхәммәтсадык, Мөхәммәдсәлим

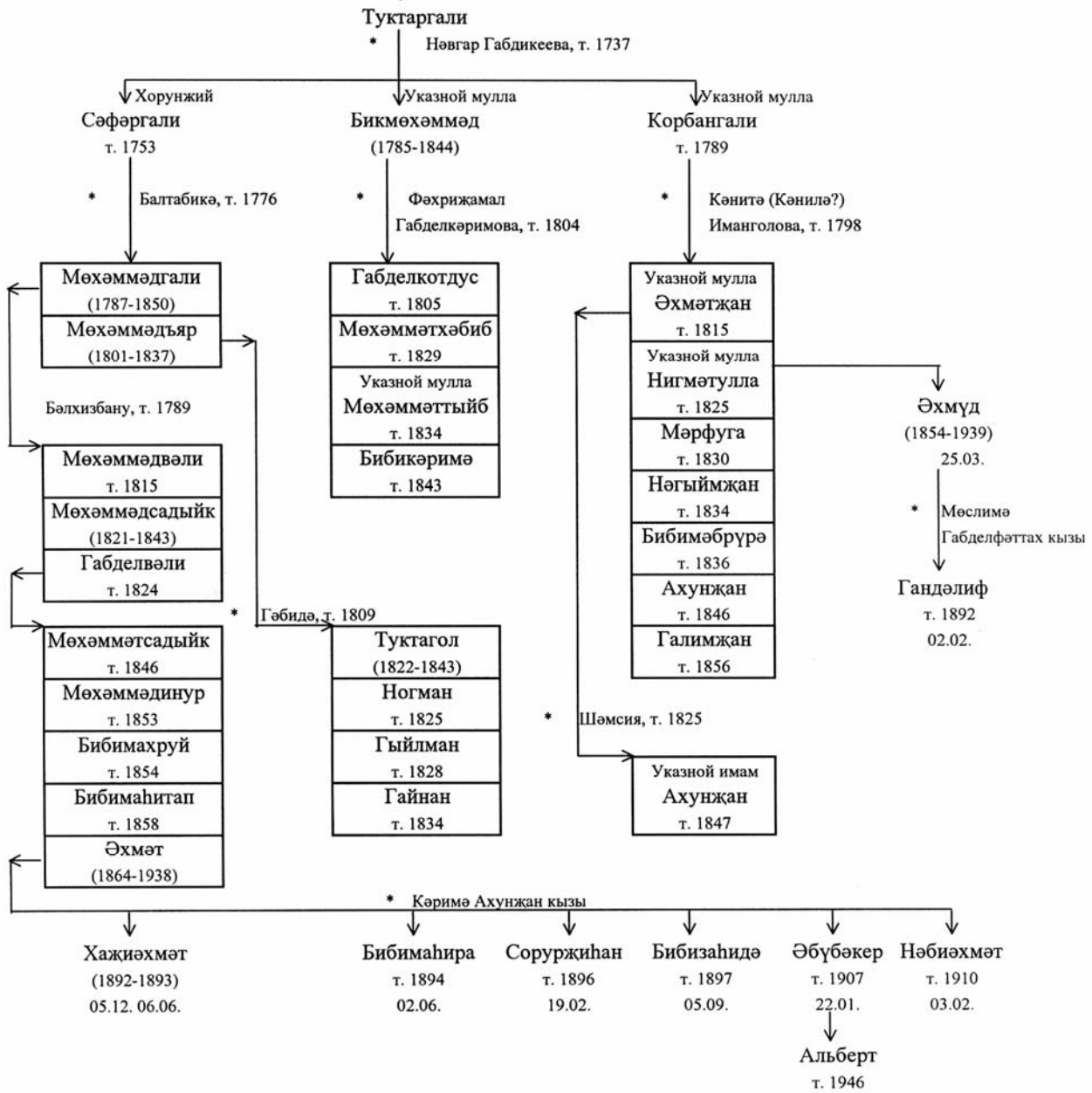
I. Уразмәт → II. Килчура → III. Габделваһаб

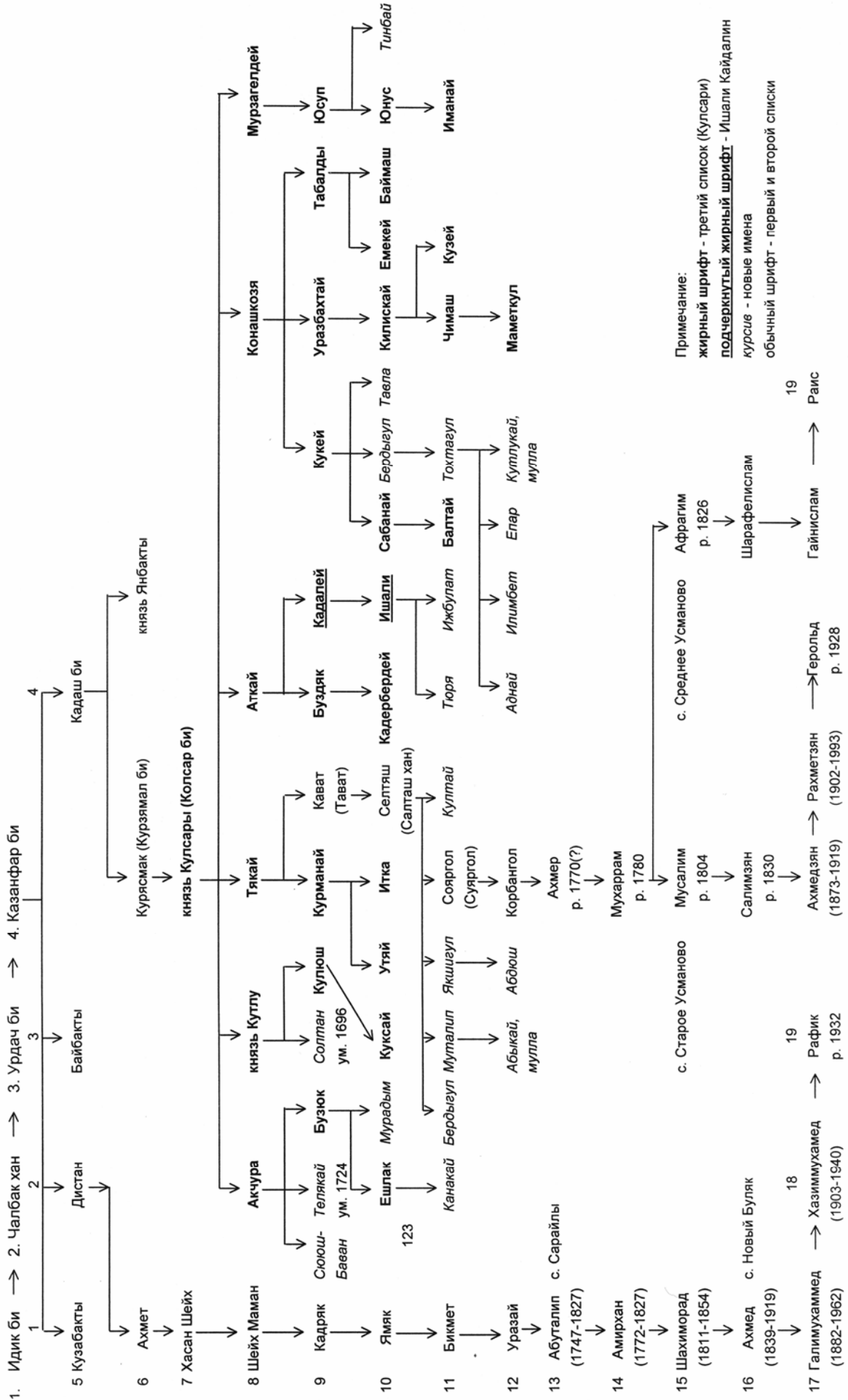

Галиев Әхмәт шәжәрәсе

Туктаргалы нәселе

Идик би, Чалбак хан, Урдач би, Казанфар би, Дистан, Әхмәт, Хәсән Шәйех, Шәйех Дирбеш, Йанбарыс, Йанырыс, Котыш, Йоныс, Туктагол

Примечание:

жирный шрифт - третий список (Кулсары)

подчеркнутый жирный шрифт - Ишали Кайдалин

курсив - новые имена

обычный шрифт - первый и второй списки

Совмещенная родословная

Тамги наших родных и сельчан

Немного истории о тамгах.

Слово «тамга» – татарское, а по В.И. Филоненко – турецко-монгольское [57, с.91]. Согласно Карамзину, русским слово «тамга» стало известно лишь после так называемой монголо-татарских завоеваний. Профессор Самойлович в своей работе о «пайза» («байса») в улусе Джучи объясняет термин «тамга» в двух значениях: знак собственности на домашнем животном, тавро; государственная или частная печать и оттиски с этих печатей. В улусе Джучи слово «тамга» означало еще «таможенный сбор» на пограничных и внутренних таможах, так как при взимании сбора на товаре ставили особую печать – тамгу.

Как ни странно, в Большую Советскую Энциклопедию статья о «тамге» не включена, есть лишь «тавро». Однако оба эти понятия включены в энциклопедию Брокгауза и Ефрона, в котором слово «тамга» имеет толкование как родовой знак собственности, давая дань русским историкам, у «кочевых народов» [58, с.571].

Тамговым знаком отмечались лошади и верблюды, принадлежавшие известному роду. Тамга сделалась знаком частных лиц, соответствовала уже гербу или печати. Золотоордынские ханы выдавали ярлыки за алою или синею тамгою. Тамги помещались и на монетах. Тавро, подобно фамильному гербу, переходило из рода в род, изменяясь лишь в редких случаях. По тавру судили о качестве предлагаемого товара.

Исмаил Отар в пояснительной статье к книге Османа Акчокраклы «Тамги Крымских татар» [59, с.54–55] говорит о тамге как о знаке рода, метившем предметы и животных. Тамгами отмечались лошади и коровы, считавшиеся богатством рода. Он, ссылаясь на Османа Акчокраклы, допускает версию значения слова тамга как «Эз тап», «Тап-эз», «Найди (найди) следа». То есть найти след человека, животного. Видимо, это выражение следует понимать не дословно, а как определитель принадлежности: из какого рода происходит тот или иной человек, кому принадлежит животное, та или иная вещь [59, с.35].

Е.Т. Соловьев считает тамгу знаком собственности [60, с.V]. По этим же знакам можно определить принадлежность к определенной народности, определенному человеку. Знаки собственности произошли и развивались в силу объективных потребностей народа и государства. Следовательно, тамга может толковаться и как «юридический знак собственности» [60, с.16]. Тамга также характеризует культуру народа. Автор об этом пишет так: «чем народ в культурном отношении выше, тем знаки его, в своем изображении, проще, и наоборот, чем культура ниже, тем знаки, по изображению, замысловатее и сложнее» [60, с.VI]. Он считает, что тамга означала не только знак происхождения, но и собственности.

В татарской истории и культуре тамга нашла свое применение в различных целях. Приводим некоторые примеры использования тамг:

1. В качестве указателей на границах земельных участков [60, с.19].

2. Тамгами отмечались отдельные каменные валуны или скалы при разделе земли [61, с.36].

2. На могильных плитах для обозначения принадлежности усопшего к тому или иному роду. Приводятся примеры двойной тамги, например на могиле усопшей женщины ставилась тамга рода мужа и самой женщины, если она была из другого рода. На могильных камнях ханского кладбища в Бахчисарае тамги не встречались. Вместо них на камнях высекалась надпись с именем усопшего и дата.

3. На дворцах и дворцовых воротах правящих ханов.

4. На знаменах. Например, на знамени Золотой Орды изображена тамга хана Узбека. Эту тамгу иногда называют ханской [62]. На знамени Тимура были изображены три кольца с расположением их в форме треугольника вершиной вниз. На знамени хана Букеевского ханства (во время ханства Джихангира) изображалась тамга Чингиз-хана. На знаменах крымских ханов изображался «тарак» (гребень). Такую же возможность имели известные крымские беки. Например, Ширин бек на своем знамени изображал кольцо с горизонтальной чертой внизу, Аргын бек «молоток» – тамга с чертой наверху. На флаге Татарского государства Идель-Урал (Татарские Соединенные штаты Идель-Урал) 1917–1918 годов изображена тамга Золотой Орды (Узбек хана) в зеркальном изображении с горизонтальным расположением [63, с.526].

5. Хань Золотой Орды ставили тамги на ярлыках и монетах.

Тамги, кроме особенности, характерной для древних родовых знаков, отражали то или иное занятие, например: скотоводство, охота, кузнечное ремесло, земледелие, шитье и рукоделие, ремесло вообще, военное дело [64, с.70–72]. Тамги выжигались на предметах домашнего обихода,

представляющих ценность для семьи или рода. Мастера выжигали тамги на своих изделиях, изготовленных для обмена или продажи. Покупатель стремился приобретать вещи с тамгой известных мастеров. Тамги имели также и юридическую силу.

Акчокраклы пишет об употреблении на Украине метки скота, тождественной с крымско-татарскими.

По мере дробления родов росло число знаков отдельных семей, которые они ставили на различных документах вместо подписи.

Как давно татарами применяются тамги и как они произошли?

По данным В.И. Филоненко «...тамги у татар существовали с незапамятных времен... древнейшее упоминание о тамгах у тюрков (именно у ногайцев) относится к V веку...» [57, с.92]. Ismail Otar пишет о применении тамги в течение 5 тысяч лет [59, с.55].

С тамгой связывают происхождение Орхоно-Енисейского алфавита, считая, что первичной была тамга [57, с. 97]. Орхоно-Енисейский алфавит был создан путем изображения букв хорошо знакомыми тюркам тамгами. Ряд букв, служивших основой алфавита, тюрки могли знать в очень большом числе их вариаций при немногих основных тамгах и сами образовывали общеизвестным способом потребное количество знаков. Автор приводит ряд интересных цифровых данных. В одном случае (Аристов) было установлено 29 знаков из 38, сходных с тамгами. В другом случае (Миллицкий) считает сходными 12 пар из 20. Осман Акчокраклы [62, с.44], сравнивая тамги со знаками Орхонского алфавита, нашел, что из 36 знаков орхонского алфавита 16 сходны с тамгами, встречаемыми в Крыму. Словно переключаясь с этими авторами, Ф.Ф. Фарисов [65, с.307] полагает, что руническая письменность произошла из родовых знаков – тамг, которыми тюрки клеймили скот. Исследователь Спасский в 1820 году первым из ученых указал на сходство письмен Енисея и Алтая с тамгами (таврами). Из родовых знаков и был составлен алфавит, который называется тюрко-орхонскими, татарскими рунами.

Интересные факты о рунах рассказывает английский автор Кеннет Медоуз [66, с.6–44]. Автор вводит нас в мир так называемых языческих народов, у которых руны имели моральное значение. Языческие народы не являлись варварами, как преподносят идеологизированные историки на основе искаженных исторических представлений. Условия их жизни были очень суровыми по сравнению с нашими, они воспитывались неприхотливыми, более способными к выживанию, чем так называемые цивилизованные народы. Тем не менее? они глубоко любили Землю и осознавали необходимость уважать свое естественное окружение и другие формы жизни. Люди стремились находиться в гармонии с природой и друг с другом, чутко подстраиваться к ритмам Земли и естественным циклам. Огромное значение придавалось личной свободе и независимости. Ни одна истина не считалась абсолютной. Терпение и уважение были правилом. Преобладало равенство полов, оба пола считались равноценными и дополняли друг друга. Язычество не подразумевало безбожия, как это обычно утверждается. Язычник – это был «тот, кто живет в гармонии с природой». Руны для язычников были предметом внутреннего искания, самостоятельного осознания связи между духовным и физическим. Каждый рунический знак являлся носителем потенциальной энергии. Руны помогали «расти и продолжаться», то есть производить и развиваться. Автор считает, что, понимая руны, можно понять как себя, так и окружение, познать Землю и Вселенную, внешнее и внутреннее, явное и скрытое, физическое и духовное. Руны действуют благотворно как для практических, так и для духовных целей, если относиться к ним почтительно, с уважением. Зловещие образы, ассоциируемые с рунами, были выдуманы священниками, чтобы отпугивать людей от альтернативной формы духовного развития.

Поскольку руны составлены лишь из двух простых компонентов – вертикальных и диагональных линий, их легко было чертить, вырезать ножом или выжигать на дереве, наносить на кожу, гравировать на камне и металле. Рунические символы наносились на кольца, браслеты, пояса и личные вещи; на щиты, мечи, кинжалы и другое оружие; на посохи и шаманские орудия, на амулеты и талисманы. Встречающиеся в Европе большие валуны были исписанные рунами, служили мемориалами и межевыми знаками. Руны включались в торговые знаки, монограммы и даже в геральдические принадлежности – гербы и знамена. Руны играли заметную роль в повседневной жизни.

Во времена религиозных гонений, в средние века и позднее, руны были оклеветаны вместе со старыми языческими верованиями. Тех, кто пользовался ими, обвиняли в ереси. Делались попытки уничтожить учение о рунах и истребить всех. Мастера, писатели, чародеи и шаманы, пользовавшиеся рунами, подвергались жестокому преследованиям. В течение нескольких поколений знание руны почти изгладилось из людской памяти.

В XX в. произошло возрождение руны, которое связывают немецким оккультистом Гвидо фон Листом, автором арийских символов. «Арий» на санскрите означает «благородный».

Расшифровал руны, письменные памятники древней родины кипчаков, датский ученый Томсен (1842–1927) [67, с.182–196]. Кипчаки подарили свою письменность (руны) народам Азии и Европы, что было связано с великим переселением народов. Это были времена Великого Аттилы. Благодаря рунам тюркский язык был языком общения в Центральной Европе – языком межнационального общения. Так считает Мурад Аджи.

В.И. Филоненко [57, с.100] предполагает, что «пятно ногайское» и татарские тамги играли немалую роль в образовании славянских письмен, глаголицы и кириллицы, «вопрос о происхождении которых до сего дня остается открытым».

Е.Т. Соловьев [60, с.22] относительно взаимодействия культуры татар и других народов в их едином ареале проживания, констатирует следующее: с приходом татар начинается коренное формирование знаков собственности у других народов.

Е.Т. Соловьев в своем труде приводит образцы тамг и других народов, среди которых наибольшее количество изображений являются татарскими – 1384. Затем идут – русские – 958, лопари – 216, мордва – 171, карелы – 104, так называемые булгаро-татарские (видимо, обнаружены в Булгарах – Р.А.) – 101, черемисы – 86, вотяки – 54, зыряне – 50, малороссы – 20, башкиры – 2. Башкирские тамги обе напоминают заглавную букву А.

В.И. Филоненко отмечает полное совпадение большинства тамг крымских татар с тамгами ногайцев и казак-киргизов. Историк пишет: «При чем это совпадение замечено не только в форме, но даже и в названии. А так как главные роды и ветви у ногайцев и казак-киргизов нам известны, то мы можем на основании общности тамг сказать, какие же из турецких родов вошли в состав крымских степных татар». И считает, что это может быть ключевым при рассмотрении татарских тамг вообще.

Н.А. Баскаков в своем труде [68, с.132–140] приводит татарские родовые тамги Ногайской Орды, обобщенные им под названием ак-ногайские и кара-ногайские (видимо южные и северные – Р.А.).

В процессе изучения татарской истории исследователями найдены оригинальные собрания тамг, что впервые произошло в 1925 году в Крыму, у деревни Абузлар [62, с.33–34]. Находка представляла собой большую скалу среди поля, на обнаженной поверхности которой было высечено множество тамг. Тамг на этом камне (скале) оказалось более 60, из коих учеными срисовано 35. Остальных тамг, по причине стертости, участники экспедиции изобразить не смогли. О происхождении множества тамг среди местного населения существовали различные версии. По одной из них – на этом месте когда-то собирались татарские племена, жившие в этом районе, для решения важных общественных вопросов. По другой – при появлении татар в Крыму на этом месте происходили определение и раздача тамг, и для памяти они были закреплены на скале. Третья версия (археолог А.И. Маркевич) – в старину татары, занятые скотоводством, зимой свои стада отправляли на склон горы, и, возможно, перед зимовкой предварительно собирали своих стад в едином пункте. Именно Абузлар мог служить местом сбора, и татары, отправлявшие свои стада в горы, фиксировали для памяти свои тамги на этом месте. Четвертая версия (автор Акчокраклы) – район Абузлар в силу плодородия своей почвы издавна служил пастбищем, то тамги на этой скале были высечены с целью показать, что пользоваться пастбищем могли только те, чьи тамги отмечены на скале.

В Крыму подобные находки не были единичными. У входов в некоторые пещеры Ак-Кая (около Карасубазара), Байтал-Коба в долине реки Альме (Алма? – Р.А.) у села Черкес-Эли обнаружены высеченные на скале знаки, которые сильно напоминали тамги [62, с.46–47]. В Керченском музее хранится несколько больших плит с множеством таких же «загадочных знаков», приписываемых скифам или сарматам. У арабов было принято высекать знаки (васмы) на камнях оазисов для обозначения права выпаса скота. У кабардинцев встречается обычай обозначать право на выпас скота знаками (тамгами) на скалах, находящихся вблизи пастбища.

Известным филологом и исследователем М.И. Ахметзяновым в июне 1973 года в районе селения Иске Шимбер (Атнинский район РТ) на реке Ашит было обнаружено четыре больших камня (валуны) не местного происхождения с тамгами. По его информации, любезно предоставленной автору этих строк, местные жители камни с тамгами называли «Алтын таш» («Золотой камень»), «Мал ташы» («Камень животных»). Возможно эти камни с тамгами имели и мемориальное значение.

О громадных «диких камнях», которых «оставили» ногайские татары, пишет Н.В. Ремезов [69, с.103]. Приводим фрагмент из труда автора: «... ногайцы ... оставили здесь ... в некоторых местах на горах, близ речек, где у них были роскошные кочевки, громадные дикие камни. Эти камни

были, по преданию, привезены ими из отрогов Уральских гор, за 200 и более верст, причем употреблялось по несколько сот лошадей, и ставили их в воспоминание «покойной, веселой и беспечной жизни».

Трудно согласиться с мнением Н.В. Ремезова, что жизнь ногайских татар была «покойной, веселой и беспечной», но его признание о ногайско-татарском происхождении этих «диких камней» – валунов, это уже интересно.

В отдельных публикациях присутствуют попытки приписать татарские тамги к другим этническим группам, например, в работах чувашских и башкирских авторов. В двух ученых записках чувашских авторов приведены образцы тамг [70, с.173–216; 71, с.201–225]. Вторая работа, сравнительно с первой, тамгами проиллюстрирована богаче. Но, к сожалению, в этой работе рассуждения о «татаризме», «кочевниках», «татаро-монголах» и т.п. чрезмерны и, по этой причине, у читателя возникает недоверие к этим изданиям.

Не обошелся без национальной тенденциозности башкирский автор Р.Б. Ахмеров [61, с.6–48]. Не втягиваясь в бессмысленный заочный спор с этим национально озабоченным автором о некоем «башкирском» происхождении древнего культурного наследия татар, ограничимся перечислением камней и скал с множеством тамг: скала «Тамгаташ» (Бирский район РБ), «Лачынташ» (у села Ново-Кульчубаево на р. Белой), Калмашская известняковая плита (Чекмагушевский район РБ), «Язматаш» на берегу озера Кандры (Туймазинский район РБ), «Казанташ» на берегу озера Асылкуль (Давлекановский район РБ), наскальные изображения у населенных пунктов Бурангулово (Абзелиловский район РБ), Кидрячево (Давлекановский район РБ), Чапаево (Туймазинский район РБ), Каранаево (Мечетлинский район РБ), Ташлы (Альшеевский район РБ). Автор книги приводит несколько версий о происхождении этих знаков: семейные тамги нескольких родов; тамги участников похорон знатного вождя; тамги в связи с различными легендами и культового характера (см. Рис. 1–5).

Валуны и скалы с множеством тамг на территории современного Башкортостана идентичны с вышеназванными (в том числе абузларскому в Крыму) не только по своему содержанию и назначению, но и по происхождению.

Сравнение тамговых изображений, как Крыма, так и Придемья и других регионов, указывает на то, что сотворены они народом с единой культурой, образом жизни и, главное, народом государствообразующим в Придемье, Прикубанье, Крыму и других регионах еще издревле. Таковым народом являются татары независимо от того, в каких веках, где и когда они имели свою государственность, культура от этого не менялась, традиции тоже.

Какое-либо утверждение татарских тамг о принадлежности их этническим башкирам в Придемье, где они исторически не проживали, ошибочно. Если идти на поводу у уфимских мифотворцев, то этнические башкиры должны были проживать и в Западной Европе, так как английские авторы приводят данные о наличии больших валунов в Европе, которые исписаны рунами.

Тамги, используемые как единично, так и во множестве, связаны с традициями и обычаями древней татарской цивилизации, суть первичного назначения, к сожалению, до нас не дошла. Тамги указывают не только на экономическую развитость татарских государств, но и свидетельствуют о письменной культуре татар на всем Евразийском пространстве.

В завершение краткого повествования о татарских тамгах считаем необходимым ознакомить читателя с тамгами наших родственников и односельчан, проживающих в селах Новый Буляк, Сарайлы, Балышлы и, отчасти, Муталлыпово (Старое Усманово) Благоварского района РБ, что расположены на берегу реки Балышлы, левом притоке реки Демы. Тамги выявлены из записей бракосочетания (никаха) метрических книг, также из документов по строительству мечетей и выбора имамов. Тамги сгруппированы согласно изображению и сведены в единую (главную) таблицу. Всего тамг 72 вида. Количество их может быть уменьшено, как повторяющиеся, однако мы решили сохранить в той форме, как были изображены в источниках и документах.

Составлены таблицы индивидуальных тамг жителей названных сел. Количество тамг по двум селам и частично по третьему получилось более 370, в том числе по Сарайлы – 164, Балышлы – 171 и Старое Усманово (частично) – 41. Нумерация тамг в списках селений соответствует нумерации главной таблицы, здесь же названы источники и родственные отношения владельцев тамг.

Мы решили не анализировать тамг по каждому их виду с привязкой их владельцам, но решили обратить внимание читателя на тамги рода Амирхановых. Это не потому, что «своя рубашка ближе к телу», а потому, что у последних родовых колен тамги различны. Абуталип ставил тамгу «таган» (2а), напоминающую собой тамгу золотоордынских ханов, Ахмед – «казаяк» (3б), Галимухаммед также «казаяк», но без средней палочки (4б). Любители поиграть с тамгами, исходя из принципа каждой татарской племени по одной тамге, каждого из единородных братьев этого рода смогут

записать трем различным племенам, что было бы абсурдно. Изменение тамг в коленах одного и того же рода явление естественно, так как по древней традиции татары при создании новой семьи брали тамги, отличающиеся от тамг ближних родителей.

Тамга рода Кильдибековых, обнаруженное единичное, по своей форме представляет изображения полумесяца (ярымай). Кильдибековы, как правило, в метрических книгах и других документах «прикладывали руку», то есть подписывались своими именами и фамилиями.

Приводятся также тамги отдельных личностей, которые в ранние времена имели отношения к истории наших сел и предков.

По тамговой тематике наших родственников напрашиваются некоторые выводы.

Простота, несложность рисунков татарских тамг указывают на древность их происхождения. Разнообразие тамг жителей наших сел и наших родственников указывает на глубинные связи культуры татар, начисто отвергая надуманную «теорию» отдельных уфимских авторов: одна тамга – одно племя. Попытки привить в сознании населения «теорию» – одно село – одна тамга по принципу «Каждой сестричке по сережке», совершенно необоснованы. Например, в книге А. Камалова и Ф. Камаловой [72, б.156–157] также необоснованы попытки по изображению тамг «приписать» татарских семей к неким «башкирским» племенам.

Совпадение начертания тамг различных народов (чуваш, мордва, русских, украинцев и др.), которые веками проживали по соседству с татарами можно объяснить взаимным обогащением культур. Подобное наблюдается также и в эпитафийных традициях [73, б.158, б.76–134].

В изучении этнической принадлежности населения и отдельных родов, следует доверять только тем источникам, в которых комплексно изучены максимально возможные архивные материалы (ревизские и метрические материалы, подворные переписи, шежере, документы земле-владения, родовые предания, эпиграфика, миграционные процессы этноса и рода, сословность нации в динамике ее развития и др.). Упрощенные, а также политизированные источники доверия у читателя не вызывают.

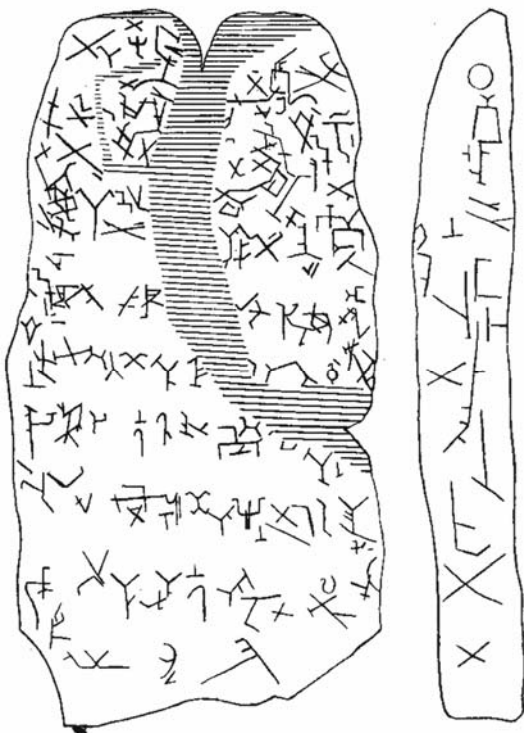

Рис. 1. Калмашская известняковая плита с тамгами (по Э.Ф.Ишбердину). *Ахмеров Р.Б.* Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Башкирское изд-во «Китап», 1994. – С. 13.

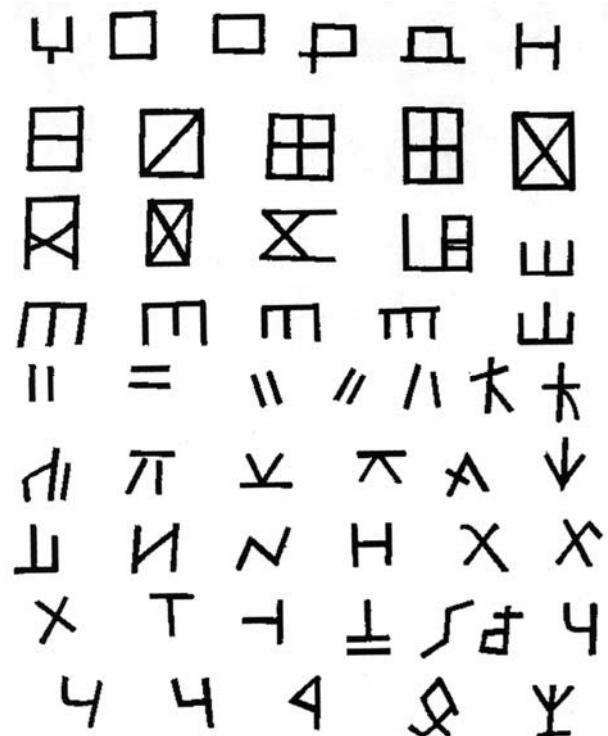

Рис. 2. Знаки (тамги) на камнях горы Олоатау у деревни Ташлы. *Ахмеров Р.Б.* Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Башкирское изд-во «Китап», 1994. – С. 105.

Рис. 3. Килен ташы (*Камень снохи*)
у деревни Ташлы.

Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и
этнонимы башкир. – Уфа: Башкирское
изд-во «Китап», 1994. – С. 40.

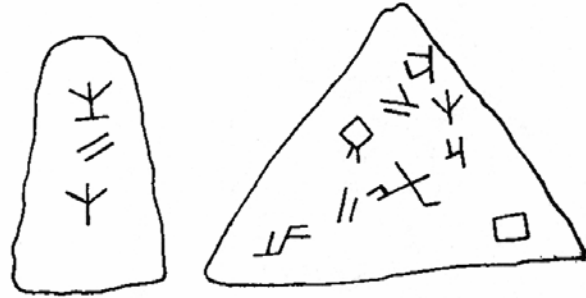

Рис. 4. Тамги на скалах
озера Кандры.
Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и
этнонимы башкир. –
Уфа: Башкирское изд-во «Китап»,
1994. – С. 18.

Рис. 5. Тамги на камнях первого
и второго Казанташ.
Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и
этнонимы башкир. –
Уфа: Башкирское изд-во «Китап»,
1994. – С. 20.

Тамги жителей сел Новый Буляк, Сарайлы, Балышлы и Старое Усманово (Муталлапово)

1		19		37		55	
2		20		38		56	
3		21		39		57	
4		22		40		58	
5		23		41		59	
6		24		42		60	
7		25		43		61	
8		26		44		62	
9		27		45		63	
10		28		46		64	
11		29		47		65	
12		30		48		66	
13		31		49		67	
14		32		50		68	
15		33		51		69	
16		34		52		70	
17		35		53		71	
18		36		54		72	

**Родственные связи, сословия и тамги жителей сел Сарайлы,
Старое Усманово (Муталлапово) и Балышлы на р. Балышлы**

№№ пп	Имя владельца тамги	Год	№№ тамги	Сословие	Примечание
1	2	3	4	5	6
	Жители с. Сарайлы				
	I. Потомки Бикмета				
1	Абуталип Уразаев	1811	1	"типтяр"	Скаскоподатель 6-й ревизии. Скаску подавали д. Булышлы
2	Абзый Муксинов	1816	11	"типтяр"	Скаскоподатель 7-й ревизии. Скаску ревизии. Скаску подавали д. Булышлы
3	Мухаметвали сын Амирхана	1837	4 б	Не указано	
4	Мухаметкарим сын Амирхана	1837	4 б	Не указано	
5	Бадигулла (?) сын Амирхана	1837	4 б	Не указано	
6	Амирхан сын Талипа	1837	4 б	Не указано	
7	Шахимурат сын Амирхана	1837	4 б	Не указано	
8	Шахихмет сын Абуталипа	1837	2	Не указано	
9	Абзый сын Муксина	1837	41	Не указано	
10	Габдулбасир Абзыев	1842-1850	59	"типтяр"	
11	Галиулла Нигматуллин	1842-1850	61	"типтяр"	
12	Ахмеди Амирханов	1842-1850	4 б	"типтяр"	
13	Ахмеди Амирханов	1850	4 б	"типтяр"	Сельский выборный 9-й ревизии. Скаску подавали д. Булышлы
14	Хамидулла сын Сагъди	1847	46 б	"типтяр"	
15	Зайдулла сын Сагъди	1847	63	"типтяр"	
16	Абзый сын Мухсина	1847	4 а	"типтяр"	
17	Шахимурат сын Амирхана	1847	4 а	"типтяр"	
18	Салим сын Мухаметкарима	1847	4 а	"типтяр"	
19	Мухаметвали сын Амирхана	1847	4 а	"типтяр"	
20	Амирхан сын Абуталипа	1847	4 а	"типтяр"	
21	Ахмади сын Амирхана	1847	4 а	"типтяр"	
22	Мухаметфиаз сын Амирхана	1872, 1874, 1875, 1879, 1891	3	"типтяр"	Метрическая книга и далее
23	Захидулла сын Фатхуллы	1876, 1890	3		
24	Ахмад сын Шахимурата	1874	3		
25	Мухаметкарим сын Мухаметвали	1873	4а		
26	Габделгарей сын Мухаметшаха	1884	4а		
27	Фархетдин сын Хуснетдина	1886, 1890	4а		
28	Галимухамет сын Ахмада	1906			
29	Шахизмхан сын Искандера	1907			
30	Искандер сын Амирхана	1879			
31	Ахметзян сын Мухаметвалия	1884			
32	Мухаметкабир сын Амирхана	1890			
33	Салахетдин сын Шахимурата	1908			
34	Арслангали мын Мухаметфаиза	1890			
35	Раян сын Мухаметзяна	1890			
36	Низамутдин сын Мухаметшаха	1890			
37	Хибатулла сын Галиуллы	1881			
38	Хабибулла сын Галиуллы	1881, 1888			
39	Хайрулла сын Галиуллы	1888			
40	Юсуф сын Хамидуллы	1883, 1884			
41	Рахматулла сын Губайдуллы	1883			

1	2	3	4	5	6
42	Исраил сын Хамидуллы	1884, 1888 1890			
43	Юнус сын Хамидуллы	1888, 1890			
44	Мухаметюсуф сын Хамидуллы	1888	12		
II. Потомки Бимамата					
1	Борханетдин сын Амирхана	1837	3 в	Не указано	
2	Асфандияр сын Зомагола	1847	3 а	"типтяр"	
3	Аглиулла сын Амирхана	1847	3 а	"типтяр"	
4	Борханетдин сын Амирхана	1847	3 а	"типтяр"	
5	Мухаметгали сын Исмагила	1847	3 а	"типтяр"	
6	Нигматулла сын Зомагола	1847	3 б	"типтяр"	
7	Губайдулла сын Нигматуллы	1847		"типтяр"	
8	Ибрахим сын Исмагила	1847	62 а	"типтяр"	
9	Ахмадетдин сын Мифтахетдина	1886	3 а		Метрическая книга и далее
10	Бикмухамет сын Аглиуллы	1893			
11	Мухаметзян сын Аглиуллы	1873, 1875, 1876, 1884			
12	Хисаметдин сын Борханетдина	1874			
13	Зелалетдин сын Борханетдина	1872, 1882, 1886, 1891			
14	Замалетдин сын Борханетдина	1873, 1874, 1879, 1886			
15	Аглиулла сын Амирхана	1874			
16	Мухаметгали сын Саебаттала	1876			
17	Даулетбай сын Мухаметгалия	1876			
18	Замалетдин сын Нигматуллы	1879			
19	Хәсетдин сын Борханетдин	1875, 1881	20 б		
20	Бахаветдин сын Борханетдин	1877, 1881			
21	Хайретдин сын Ибрагима	1884	19		
III. Потомки Нурмета					
1	Муллагол сын Атнагола	1837	3 б	Не указаны	
2	Шагимардан сын Муллагола	1837	3 б	Не указаны	
3	Гыйбадулла сын Муллагола	1837	3 б	Не указаны	
4	Сахабетдин сын Биккины	1837	35	Не указаны	
5	Аюб сын Биккины	1837	35	Не указаны	
6	Биккина сын Нурмухамета	1842	6		ЦГИА РБ. Ф.И-172, оп. 1, д. 17, л. 104
7	Аюб сын Биккины	1842-1850	14	"башкорт"	Там же, л. 472
8	Биккина сын Нури	1847	3 а	"типтяр"	
9	Шарафутдин сын Нури	1847	3 а	"типтяр"	
10	Тухватулла сын Нури	1847	3 а	"типтяр"	
11	Валишах сын Нури	1847	3 а	"типтяр"	
12	Шагимардан сын Муллагола	1847	62 а	"башкорт"	
13	Муллагол сын Атнагола	1847	62 а		
14	Фахретдин сын Биккины	1873, 1883, 1890	3 а		Метрическая книга и далее
15	Гилязетдин сын Аюба	1879			
16	Мухаметзян сын Муллагола	1880			
IV. Потомки Котыша-Абакая					
1	Габделгани сын Габделнасыра	1837	20 а	Не указаны	
2	Шагиахмад сын Мухаметшаха	1837	20 а	Не указаны	

1	2	3	4	5	6	
3	Бурангол сын Габдулнасыра	1842-1850	54	"башкорт"	Метрическая книга и далее	
4	Габделкаюм сын Габдулбашира	1842-1850	55			
5	Бурангол сын Габделнасыра	1847	20 а	"башкорт"		
6	Габделбашир сын Ишмухамета	1847	56	"башкорт"		
7	Габделгани сын Габделнасыра	1847	56	"башкорт"		
8	Мухаметзакир сын Бурангола	1874	57			
9	Мухаметшакир сын Бурангола	1874	57			
10	Зинатулла сын Шагиахмера	1875, 1877	57			
11	Хазиахмед сын Шагиахмеда	1881, 1882	20 б			
12	Даут сын Хузиахмеда	1890	20 а			
V. Потомки Котыша-Юнуса						
1	Хисаметдин сын Тагира	1837	20 а	Не указано		ЦГИА РБ. Ф. И-72, оп.1, д. 17, л. 104
2	Ахмеди сын Хисаметдина	1837	20 а	Не указано		
3	Ахмедгали сын Хисаметдина	1837	20 а	Не указано		
4	Миннигол сын Хисаметдина	1837	20 а	Не указано		
5	Бурганетдин сын Тагира	1842	20 а			
6	Ахметгали сын Хисаметдина	1842-1850	20 б	"башкорт"		
7	Мухаметалиб сын Бикмухамета	1842-1850	56	"башкорт"		
8	Мухаметзян сын Абузара	1847	56	"типтяр"		
9	Миннигол сын Хисаметдина	1847	20 а	"башкорт"		
10	Хосрөвтар сын Хисаметдина	1847	20 а	"башкорт"		
11	Шамсетдин сын Юнуса	1847	20 а	"башкорт"		
12	Ахметгали сын Хисаметдина	1847	20 а	"башкорт"		
13	Бурганетдин сын Тагира	1847	20 а	"башкорт"		
14	Ахмеди сын Хисаметдина	1847	20 а	"башкорт"		
15	Шафик сын Шамсетдина	1847	20 а	"башкорт"		
16	Байназир сын Шамсетдина	1847	20 а	"башкорт"		
17	Ногман сын Мухаметъяра	1847	56	"башкорт"		
18	Ахмедулла сын Ахмедгали	1876	20 б			
19	Ахмедгали сын Хисаметдина	1884	20 б			
20	Солтангерей сын Байназыра	1884	20 б			
21	Нургали сын Байназыра	1881, 1890	20 б			
22	Гилман сын Мухаметъяра	1881, 1882	20 б			
23	Гайнан сын Мухаметъяра	1881, 1882	20 б			
24	Сабирзян сын Гайнана	1881	20 б			
25	Гирфан сын Гайнана	1888	20 б			
26	Гализян сын Ахметзяна	1890	20 а			
27	Горзян сын Ахметзяна	1890	20 а			
28	Камалетдин сын Байназыра	1890	20 а			
29	Шарафетдин сын Хисаметдина	1890	20 а			
30	Гайнутдин сын Байназыра	1881, 1890	20 а			
31	Хабибулла сын Якшигула	1890	20 а			
VI. Потомки Имангула Маметкулова						
1	Мухаметханафия сын Яхья	1842-1850	58	"мещеряк"	Метрическая книга и далее	
2	Мухаметзян сын Имангола	1842-1850	59	"мещеряк"		
3	Мухаметзян сын Имангола	1847	10 а	"мещеряк"		
4	Яхья сын Имангола	1847	10 а	"мещеряк"		
5	Мухаметхафиз сын Яхьи	1847	10 а	"мещеряк"		
6	Мухаметкарим сын Имангола	1847	10 а	"мещеряк"		
7	Мухметгарей сын Имангола	1847	10 а	"мещеряк"		

1	2	3	4	5	6
	VII. Потомки Халила				
1	Усман сын Муталипа	1842-1845	3 б	"башкорт"	
	VIII. Потомки Амирхана				
1	Габделгазиз сын Амирхана	1847	4 а	"мещеряк"	
	IX. Потомки Тимербая				
1	Мухамади сын Тимербая	1847	63	"мещеряк"	
	X. Потомки Килчуры, сына Уразмета				
1	Габделвахап сын Килчуры	1837	39	Не указано	
2	Габделгараф сын Габделвагапа	1837	39	Не указано	
3	Габделменнен сын Габделвагапа	1837	39	Не указано	
4	Габделкагир сын Габделменнена	1837	40	Не указано	
5	Габделхаким сын Габделгазиза	1837	17	Не указано	
6	Габделгали сын Габдрахима				
7	Габделменнен сын Габделвагапа	1842-1850	60	"тептяр"	
8	Габделгазиз сын Габдрахима	1847	6	"тептяр"	
9	Игътисам сын Габделхалика	1847	60	"башкорт"	
10	Габделхасан сын Габделвагапа	1847	60	"башкорт"	
11	Габделгафар сын Габделвагапа	1847	60	"башкорт"	
12	Габделменнен сын Габделвагапа	1847	60	"башкорт"	
13	Габдрашит сын Габделвахита	1847	60	"башкорт"	
14	Файзулла сын Габделвахита	1847	60	"башкорт"	
15	Нагимзян сын Игътисама	1886	3 а		Метрическая книга и далее
16	Хабибзян сын Игътисама	1891	3 а		
17	Зямгур сын Игътисама	1891	3 а		
18	Мухаметзариф сын Мухаметсадыка	1873	5		
19	Мухаметамин сын Габделменнена	1875	5		
20	Гайнулла сын Файзуллы	1875	5		
21	Габдрашит сын Габделвахита	1876	5		
22	Юнус сын Файзуллы	1879	5		
23	Зигангир сын Буляка	1879	5		
24	Ахмедшах сын Габделгафара	1879	5		
25	Габделхаким сын Габделгазиза	1883	5		
26	Габделгалим сын Габделхалика	1883	5		
27	Мухаметхабиб сын Мухаметсадыка	1886	5		
28	Мухаметсафа сын Мухаметсадыка	1886	5		
29	Ходайбирде сын Мозафара	1877	7 а		
30	Закир (?) сын Габделвахита	1879	18		
	XI. Потомки Кучума				
1	Ишдавлет сын Зомадилы	1837	33	Не указано	
	Жители с. Муталлапово (Старое Усманово)				
1	Габдуллатиф сын Махмуда	1837	9 б	"башкорт"	Махмутовы
2	Хайретдин сын Шихабетдина	1837	9 б	"башкорт"	Махмутовы
3	Мухаметрахим сын Габдуллатифа	1837	9 б	"башкорт"	Махмутовы
4	Габдрахим сын Шихабетдина	1837	9 а	"башкорт"	Махмутовы
5	Сейфулла сын Фахретдина	1837	9 а	"башкорт"	Махмутовы
6	Фатгах сын Гадугани	1837	9 а	"башкорт"	Махмутовы
7	Габдурахим сын Габдулатифа	1837	53	"башкорт"	Махмутовы
8	Гайса сын Габдулатифа	1842-1850	3 б	"башкорт"	

1	2	3	4	5	6
9	Губайдулла сын Нигматуллы	1842-1850	3 б	"башкорт"	
10	Шигабутдин Махмутов	1842-1850	9 б	"типтяр"	
11	Габдуллатиф Махмутов	1842-1850	9 б	"типтяр"	
12	Габдулкарим сын Габдуллы	1837	34	Не указано	
13	Гали сын Габделзалила	1837	34	Не указано	2 и 3, внуки Габдуллы
14	Вали сын Габделзалила	1837	34	Не указано	
15	Габделзалил сын Габделкарима	1837	34	Не указано	
16	Ахметзян сын Сагди	1837	36	Не указано	5 и 6, сыновья Сагдия Ахмерова, указного азанчи
17	Ахмеди сын Сагди	1837	37	Не указано	
18	Габделгалим сын Кагармана	1837	38	Не указано	7 и 8, внуки Даута Корбанголова
19	Гали сын Кагармана	1837	38	Не указано	
20	Мухарам сын Ахмера	1837	42	"башкорт"	
21	Сагдилазиб (Сагди?) сын Габдсалама	1837	7 а	"башкорт"	
22	Аллморат сын Зайнилгабидина	1837	8	"башкорт"	11, внук Ахмера
23	Мокай сын Юсуфа Кашаев морза	1837	44	"башкорт"	В 1834 г. (8-я ревизия) служилые татары
24	Гыйбадулла сын Котлысафара	1837	43	"башкорт"	13 и 14, внуки Ахмера
25	Сайфулла сын Котлысафара	1837	43	"башкорт"	
26	Мухаметвали сын Мухаметьяра	1837	45	"башкорт"	
27	Усман сын Даута	1837	46 а	"башкорт"	16, внуки Ахмера
28	Фатхулла сын Габдессалама	1837	7 б	"башкорт"	
29	Габделгалим сын Ягофара	1837	47	"башкорт"	Сарайлы или Муталлапово?
30	Габделхаким сын Ягофара	1837	47	"башкорт"	Сарайлы или Муталлапово?
31	Хусеин сын Юлдашбая	1837	48	"башкорт"	
32	Ибрагим сын Хусеина	1837	48	"башкорт"	
33	Исхак сын Хусеина	1837	48	"башкорт"	
34	Капабай сын Дуиста (?)	1837	49	"башкорт"	Сарайлы или Муталлапово?
35	Мавлеткол сын Зулкарная	1837	50	"башкорт"	Сарайлы или Муталлапово?
36	Равил сын Сайфелмулюка	1837	37	"башкорт"	25, внук Ахмера
37	Кунакбай (?) сын Сарлана	1837	51	"башкорт"	Сарайлы или Муталлапово?
38	Абелкасым сын Мостафы	1837	52	"башкорт"	
39	Солтангерей сын Мосавира	1837	8	"башкорт"	
40	Мухай Юлушев	1842	3 в	"ясачный татарин"	ЦГИА РБ Ф. И-172, оп. 1, д. 17, л. 103
41	Хусеин Юлдашбаев	1842	33 а	"башкир-припущенник"	ЦГИА РБ Ф. И-172, оп. 1, д. 17, л. 103
	Жители с. Балышлы				
1	Сейфулла Хисаметдинов	1826	8	"мещеряки"	ЦГИА РБ. Ф. И-295, оп. 7, д. 7 и далее
2	Галиулла Гайнуллин	1826	8	"мещеряки"	
3	Габдулвахит Рахимкулов	1826	21	"мещеряки"	
4	Нигматулла Рафиков	1826	1	"мещеряки"	
5	Рахматулла Мрадалин	1826	22 а	"мещеряки"	
6	Рахматулла Губейдуллин	1826	4 б	"мещеряки"	
7	Зайнулла Зайнигабидинов	1826	23	"мещеряки"	
8	Габдулкабир Габдулкадыров	1826	24	"мещеряки"	
9	Сагит Хамитов	1826	24	"мещеряки"	
10	Шигабутдин Сеитбатталов	1826	24	"мещеряки"	
11	Габдулгазиз Рясуллов	1826	20 а	"мещеряки"	
12	Тимербулат Абдулмазитов	1826	20 а	"мещеряки"	
13	Сейфутдин Рафиков	1826	20 а	"мещеряки"	
14	Валиша Хурамшин	1826	25 а	"мещеряки"	
15	Давлетша Хурамшин	1826	25 а	"мещеряки"	
16	Бадамша Хурамшин	1826	25 а	"мещеряки"	

1	2	3	4	5	6
17	Уразай Хурамшин	1826	25 а	"мещеряки"	
18	Габдулханнан Габдулсаттаров	1826	25 а	"мещеряки"	
19	Гадильша Батыршин	1826	25 а	"мещеряки"	
20	Хабибулла Гумеров	1826	6	"мещеряки"	
21	Амир Резяпов	1826	15	"мещеряки"	
22	Гайнулла Батыршин	1826	16 б	"мещеряки"	
23	Габдрафик Мухаметгалин	1826	26	"мещеряки"	
24	Нигматулла Шафиев	1826	27 а	"мещеряки"	
25	Феизхан Абдерашитов	1826	29	"мещеряки"	
26	Аглиулла Гумеров	1826	28	"мещеряки"	
27	Габдулнасыр Габдрахимов	1826	30	"мещеряки"	
28	Мухаметгали Гумеров	1826	31	"мещеряки"	
29	Фагамша Хурамшин	1826	32	"мещеряки"	
30	Миннибай Фахрутдинов	1826	16 а	"мещеряки"	
31	Ибрагим сын Гумера	1838	9 а		Метрическая книга и далее
32	Хисматулла сын Файзуллы	1872	9 а		
33	Хайретдин сын Ибрагима	1881	9 а		
34	Нурмухамет сын Фахретдина	1886, 1906	9 а		
35	Галиветдин сын Хайретдина	1906	9 а		
36	Иргали сын Морадыма	1838	8 б		
37	Мухаметгани сын Габидуллы	1838	3 а		
38	Мухаметханиф сын Сафаргали	1879	3 а		
39	Мухаметсафа сын Мухамедханифа	1879, 1912	3 а		
40	Тарзедман сын Мухаметсафы	1912	3 а		
41	Саетбаттал сын Саегагофара	1838	8 а		
42	Халиулла сын Зайнуллы	1873	8 а		
43	Гирфан сын Сайфуллы	1875	8 а		
44	Сахабетдин сын Тимерхана	1876, 1877	8 а		
45	Ногман сын Мухаметшарифа	1876	8 а		
46	Габделфаттах сын Габделгафара	1882	8 а		
47	Мухаметгали сын Сахибгарея	1883	8 а		
48	Ахмадетдин сын Мухамади	1883	8 а		
49	Адхам сын Мухаметшарифа	1883	8 а		
50	Хуснутдин сын Габделраяна	1872	46 б		
51	Мухаметвали сын Саегабатгала	1873	46 б		
52	Хайретдин сын Габделрафика	1873, 1880	46 б		
53	Зайнулла сын Валиши	1873	46 б		
54	Салимгарей сын Сахибгарея	1873	46 б		
55	Сагадатдин сын Габделраяна	1873	46 б		
56	Габделгалим сын Сагадатдина	1873	46 б		
57	Шагиморат сын Марауши	1875, 1882	46 б		
58	Габделислам сын Сагадатдини	1879	46 б		
59	Замалетдин сын Габделнафига	1880	46 б		
60	Сайран сын Шагимардана	1884	46 б		
61	Габделвахит сын Рахимкола	1872	58 б		
62	Нурмухамет сын Габделвахита	1875, 1883, 1906	58 б		
63	Мухамагефур сын Габделбасыра	1875	58 б		
64	Габделфазыйл сын Габделвахита	1879	58 б		
65	Хазиахмет сын Габделвахита	1906	58 б		
66	Биарслан сын Арслангали	1914	58 б		
67	Замалетдин сын Мухаметвали	1875	65		
68	Габделгалим сын Нигматуллы	1875	65		

1	2	3	4	5	6
69	Шахарслан сын Арслангали	1914	5 б		
70	Нургали сын Галиакбари	1872, 1877	66		
71	Арслангарей сын Галиакбара	1875	66		
72	Зариф сын Габделханнани	1872	25 б		
73	Гайнетдин сын Губайдуллы	1880	25 б		
74	Гилязетдин сын Гизатуллы	1881	25 б		
75	Сиразетдин сын Гайнуллы	1872	67		
76	Камалетдин сын Шарафетдина	1873	67		
77	Ногман сын Габделкаюма	1872, 1876	68		
78	Шагимардан сын Файзуллы	1872	68		
79	Шайхетдин сын Файзуллы	1872	68		
80	Салимгарей сын Ильяса	1872	68		
81	Зигангирей сын Шагиахмета	1872	68		
82	Саетбатгал сын Сиразетдина	1874	68		
83	Мирсаиф сын Мухаметшаха	1876	68		
84	Зайнулла сын Мозаффара	1876, 1879	68		
85	Биктимер сын Бикташа	1879	68		
86	Шайхелислам сын Исмагила	1879	68		
87	Саетгали сын Сиразетдина	1879	68		
88	Бадретдин сын Зайнетдина	1879	68		
89	Мухамнтфаиз сын Гаделши	1873	4 в		
90	Сибгатулла сын Нигматуллы	1873	4 в		
91	Габессалам сын Габделгани	1873	4 в		
92	Сафиулла сын Зайнуллы	1873	4 в		
93	Ахметзян сын Ахмедгали	1873	4 в		
94	Исмагил сын Ишмухамета	1873	69 а		
95	Уркинетдин сын Бахтияра	1873	69 а		
96	Ахмаднур сын Габделкахира	1876	69 б		
97	Габделвали сын Мухамедамина	1876	68		
98	Юнус сын Ибрагима	1877	20 в		
99	Сиразетдин сын Гайнуллы	1877	16 а		
100	Нуриахмед сын Габделвахита	1877	16 а		
101	Миннибай сын Фахретдина	1880	16 а		
102	Набиулла сын Загидуллы	1877	20 а		
103	Фасхетдин сын Абидуллы	1877	17		
104	Шайхетдин сын Бахаветдина	1884	4 а		
105	Саетгали сын Зайнуллы	1915	4 б		
106	Биктимер сын Бикташа	1875, 1881	26		
107	Хуснутдин сын Зайнетдини	1877, 1884	26		
108	Гайнетдин сын Зайнетдина	1877	26		
109	Бадретдин сын Уркенитдина	1884	26		
110	Зайнетдин сын Салиха	1884	26		
111	Исмагил сын Ишмухамета	1884	26		
112	Сахибгарей сын Ильяса	1875	26		
113	Ахметзян сын Туктара	1875, 1881	26		
114	Габделнасыр сын Галиакбера	1875, 1881	26		
115	Шайхетдин сын Файзуллы	1880	26		
116	Гайнетдин сын Файруза	1880, 1884	26		
117	Зигангир сын Шагиахмета	1881	26		
118	Шайхелислам сын Исмагила	1881	26		
119	Зайнулла сын Мозафарова	1881, 1882	26		
120	Габдулла сын Сахибгарея	1881	26		
121	Камалетдин сын Рахматуллы	1881, 1882	26		

1	2	3	4	5	6
122	Саригаскар сын Рахматуллы	1881	26		
123	Хасан сын Туктара	1882	26		
124	Валиахмед сын Мухаметвали	1882	26		
125	Валиулла сын Хабибуллы	1883	26		
126	Хайретдин сын Хабибетдина	1875	15 а		
127	Камалетдин сын Зайнетдина	1875	23 б		
128	Хайбулла сын Калимуллы	1877	23 б		
129	Габделгалим сын Габделгалляма	1877	23 б		
130	Валиулла сын Гайнуллы	1877	23 б		
131	Сабит сын Мухаметгали	1882	23 б		
132	Арслангали сын Мухаметгали	1882	23 б		
133	Сафаргали сын Маулета	1883	23 б		
134	Камалетдин сын Замалетдина	1906	23 б		
135	Мухаметдин сын Абидуллы	1875	38		
136	Нигматзян сын Нигматуллы	1875, 1880	38		
137	Габделлатиф сын Сайфетдина	1875, 1875	20 б		
138	Мухаметсафа сын Сагита	1882	59		
139	Мухаметмагсум сын Габделханнана	1883	25 а		
140	Фатхетдин сын Фаттахетдина	1880	25 а		
141	Фагим сын Зиганши	1880	25 в		
142	Муфтахетдин сын Абидуллы	1880	25 в		
143	Фасихетдин сын Фаттахетдина	1880	25 в		
144	Габдессалям сын Габделгани	1875	25 в		
145	Мухамедфаиз сын Гаделши	1876	25 в		
146	Гизатулла сын Нигматуллы	1879	25 в		
147	Габдулла сын Габделгани	1879	25 в		
148	Шагимардан сын Габделмосавира	1880	45 б		
149	Арслангали сын Галиакбера	1906	70		
150	Хәснижамал дочь Шайхетдина	1880	22 б		
151	Фасихетдин сын Мифтахетдина	1910	22 б		
152	Шарафетдин сын Мифтахетдина	1910	22 а		
153	Габделлатиф сын Сайфетдина	1881	17 б		
154	Мухаметсадык сын Габделлатифа	1881	17 б		
155	Габделфатыйх сын Габделкаюма	1882	27 б		
156	Низаметдин сын Габделгалляма	1882	27 б		
157	Нурмухамет сын Мостафы	1909, 1915	13 б		
158	Гайнислам сын Мухаметзарифа	1916	13 в		
159	Мавлет сын Калимуллы	1894	6		
160	Гыймадетдин сын Зайнетдина	1883	71		
161	Хамденур сын Хаммата	1910	2 б		
162	Альмухамет сын Хаммата	1894	45 а		
163	Мухаметзян сын Сагита	1889	2 б		
164	Хабибулла сын Мухаметсадыка	1883	7 в		
165	Яхуд сын Мухаметгафура	1909	40 в		
166	Сафиулла сын Зинатуллы	1909	40 в		
167	Габдессалям сын Нигматуллы	1894	70 б		
168	Камалетдин сын Мухаметвали	1894	70 б		
169	Ихсан сын Гимадетдина	1910	70 б		
170	Залалетдин сын Камалетдина	1916	70 в		
171	Нурмухамет сын Мостафы	1909	72		

Тамги отдельных личностей татар минского племени, XVIII в.

№ п/п	Имя	Тамга	Источники
1	Акай Кусюмов	У	Материалы по истории Башкирской АССР. Том III, №112
2	Ишали Кайдалин	Ц Ц Ц Ц Ц	РГАДА, Ф. 248, оп. 20 ед. хр. 115, лл. 287об.-288 Там же. Ф. 615, оп. 1, д. 12184, лл. 19 об.-21 Там же. Д. 12200, лл. 21-21 об. Материалы ..., т. 3, №273, сс. 202-204 Там же. №438, сс. 367-368
3	Базюк (Бузюк, Бизюк) Акчурин	Л	РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12184, лл. 19 об. – 21. Материалы ..., т.3, №273, сс. 202-204
4	Кадырбирде Буздяков	А	РГАДА, ф. 248, оп. 3, ед. хр. 115, лл. 287 об-288
5	Алибай Мурзагулов	С С	Материалы ..., т.4/2, №5 Ф.С. Фасеев. Старотатарская деловая письменность XVIII века. Казань, 1982, с. 66
6	Юнай Шелтыков	У У Е	РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12184, лл. 19 об.-21 Материалы ..., т. 3, №273, сс. 202-204 Там же. №438, сс. 367-368
7	Якшигул Селтяшев Екшигул Челтюшев - старшина Якшигул – мулла Солтанов	Ц Ц Ц	Материалы ..., т.3, №453, сс. 379-380 Там же. Т.1, №30, сс. 140-144 Материалы..., т.3, №438, сс. 367-368
8	Муталлап Селтяшев	Ш	Материалы..., т.3, № 453, сс. 379-380
9	Мряс Елумбетов, старшина	С С С	РГАДА, ф. 615, оп.1, д. 12194, л. 14 об. Материалы ..., Т.1, №30, сс. 140-144 Там же, №152, сс. 339-340
10	Алдар Мамбетов	С	РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12198, лл. 118-118 об.
11	Сеит Юмагулов Сеит-Есан Емагулов	У У У У	Там же. Материалы..., т. 3, №438, сс. 367-368 РГАДА, ф. 615, оп., д. 122000, лл. 21-21об.
12	Танатар Тохтаров	Ш	РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12194, л. 14 об.
13	Иманай Арыков	У	РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12200, лл. 21-21 об.
14	Чюра Кошаев, Искар Кулушев	Г	Там же.
15	Казбулат Тленчин	С	Там же.
16	Рахмангул Калеев	С	Там же.
17	Елумбет Бултыкаев	У	Там же.
18	Исенгул Кулыров Исенгул-абыз Кукюров	У У	Там же. Материалы..., т. 3, №438, сс. 367-368
19	Сабыр Усеев	Ц	Там же.

20	Якуп Утешев Якуп Утешев, сотник Якуп Утешев		Там же. Материалы ..., Т.1, №30, сс. 140-144 Материалы ..., т.3, №453, сс. 379-380
21	Бекбулат Емашев		Там же.
22	Илчи Солтанаев		Там же.
23	Сююш-Батван Глекеев		Материалы ..., Т.3, №438, сс. 367-368
24	Арслан Мавлютов		Там же.
25	Бердыгул Солтанаев		Там же.
26	Урусай Боскунов		РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 12200, лл. 12-12 об.
27	Башар Толшев		Там же.
28	Тляк Кусекеев		Там же.
29	Кармыш Уразаев		Там же.
30-32	Усянчи Олдашев, Аришка Бердыгулов, Рысайка Карашаев		Там же. РГАДА, ф. 1173, оп.1, д. 882, лл. 1-16
33	Асан Янтемиров		Там же.
34	Итшка (Пиша) Утешев		Там же.
35	Яушка Кадыргулов		Там же.
36	Сююндюк Аширов		Материалы..., т.3, №273, сс. 202-204
37	Маметей Тыкаев		Там же.
38	Аиткул Утешев		Там же.
39	Аккулай Бикташев, сотник		Материалы ..., Т.1, №30, сс. 140-144
40	Аднай Тохтагулов, сотник		Там же.
41	Атьетяр Илкаев, деревня Мин		Там же, №22, с. 124

**Имена собственные «заимевших земли» в селах Балышлы, Салихово,
Арсланово, Мукменово, Бекеево, Музино, Абраево, Кармаскалы и Карамалы**
(Материалы..., т. 4/2, № 466, с. 34-35, октябрь 1760 г.).

42-43	Абдусалям, Халит	᠘	66	Субхангул	᠘
44	Абдулкасим	᠘	67	Кулмит	///
45	Хамза	᠘	68	Мямка	>
46	Алкей	᠘	69	Абушехмен	᠘
47	Мряс	Ш	70	Аит	᠘
48	Ибрай	N	71	Сеит	᠘
49-51	Татра, Мансур, Айса (Гайса?)	О	72	Абукай (Абыкай?)	K
52	Килкей	᠘	73	Сунчала	᠘
53	Шербак	X	74-75	Рахмангул, Абдусалям	Ol
54-55	Надыр, Ашир	᠘	76-77	Мухамет, Ибрай	S
56	Абдусалям	V	78	Масегут	᠘
57	Бурхан	Y	79	Исхак	᠘
58	Бекмей	᠘	80-82	Максют, Мендан (Мендей?), Батырша	I
59	Тимербай	Y	83-84	Юсуп, Курманай	+
60	Ислай	I	85	Бектимер	᠘
61	Ахмер	K	86	Абдулмен	᠘
62-63	Мияз (Нияз?), Якуп	II	87	Шерып (Шарып)	᠘
64-65	Кузи, Ахмер Мухамет	᠘	88	Мустафа	X

Список использованных источников и литературы

1. Нугай Урдасы, татар халкының тарихи мирасы. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2009
2. Әхмәтжанов М. Меңнәр кабиләсенә нисбәтле шәжәрәләр // «Мирас». – 2001. – №11.
3. Әхмәтжанов М. Нугай Урдасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.
4. Ижболдин Б. (аль Бакри). Очерки о татарской истории. – Сент-Луис, США, 1963.
5. Юсупов Н. О роде князей Юсуповых. – СПб., 1866. – Ч.1.
6. Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.С. Неустроева. – М.: Географическая литература, 1949.
7. Утемеш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.
8. Идегей. Татарский народный эпос. – Казань: Тат. книжн. изд., 2006.
9. Трепавлов В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды Ногайского происхождения. – Уфа, 1997.
10. РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.3655.
11. Усманов Х. История Башкортостана с древнейших времен и до 60-х годов XIX в.– Уфа: «КИТАП», 1996.
12. Калмантаев Н., Курбангулов Р., Мажитов Н. Благоварский район // Ватандаш / Соотечественник. – 2002. – №4.
13. Башкортостан. Краткая Энциклопедия. – Уфа, 1996.
14. Навеки с Россией. – Уфа, 2007. – Ч.1.
15. Кузеев Р. Башкирские шежере. – Уфа: Башк. книжн. изд, 1960.
16. Әхмәтжан М. Турай, Миякә арасы – бар да меңнәр баласы. – Казан, 2010. – 54 б.
17. Хәлим А. Минем Түгәрәк Имәнем. – Уфа: «Вместе», 1999. – 760 б.
18. Алекторов А. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883.
19. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.1007.
20. Чернышев Е. Селения Казанского ханства (по Писцовым книгам). Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань. 1971.
21. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д.6173.
22. Чернышев Е. Данные о населенных пунктах по Казанскому уезду. Т.1. Машинописный текст. Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
23. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1105.
24. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.119.
25. РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12184.
26. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. – СПб., 1877.
27. РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.787.
28. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т.4, ч.2. Док. №360. 1759.
29. Материалы и документы по истории Татарии. – М., 1937.
30. РГАДА. Ф.452. Оп.2. Д.115. Указ канцелярии Оренбургской экспедиции о непричастности к восстанию башкир Ногайской дороги, Чюби Минской волости Якшигула Салтышева с товарищами и о неприкосновенности их деревни от 25 октября 1736 г. Из личного архива Н.Ф. Демидовой.
31. Протоколы Правительствующего Сената 1753–1756 гг. – СПб., Сенатский архив, 1901. – Т.9.
32. РГАДА. Ф.7. Д.1781. Ч.1.
33. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т.2. Составлен проф. А.П. Чулошниковым. Не опубликован.
34. РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.939.
35. Восстание Емельяна Пугачева. – Сборник документов. – ОГИЗ, 1935.
36. Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. – Казань, 1988.
37. Мирас. – 2001. – №11.
38. Курбангулов Р. Очерки по истории моей малой Родины. Музей Сарайлинской средней школы. С. Языково, 1995.
39. РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115.
40. ГАФКЭ. Ф. Сената. Д. № 54/1131.].
41. Материалы ... Т.4, ч.1. Док. №311, 1770 г.
42. РГАДА. Ф. 615. Оп.1. Д. 12158.
43. Материалы ... Т.3.
44. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1185.
45. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.109.
46. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. д.1203.
47. РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.12200.
48. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1092.
49. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1657 годов. – М., 2000.
50. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов Ивана Болтина. – Казань, 1978.
51. ЦГИА РБ. Ф.138. Оп.2. Д.64.

52. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп.9. Д.1003 и далее.
53. ЦГИА РБ. Ф. Р-472
54. Роднов М. Материалы всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии (Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды). – С.1 // Интернет. Роднов и его друзья. <http://rodnov.zx6.ru/>.
55. Роднов М. Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX – начале XX вв. // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии: Сб. статей / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
56. Список населенных пунктов Башреспублики. – Уфа, 1926.
57. Филоненко В. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Известия Крымского педагогического института имени М.В. Фрунзе. – Симферополь, 1928. – Т.2.
58. Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Репринтное воспроизведение. – М.: Терра, 1993. –Т.64.
59. Акчокракли Osman, Otar Ismail. KIRIM'DA TATAR TAMGALARI. – Ankara, 1996.
60. Соловьев Е. Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. С приложением 6720 знаков. – Казань, 1885.
61. Ахмеров Р. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Китап, 1994.
62. Акчокраклы Осман. Татарские тамги в Крыму. Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. – Симферополь, 1927. – Кн.1.
63. Сляхдинова Г. Татарский шпионаж. – М., 2009. – Т.1.
64. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сиклиев А.И.-М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988
65. Фарисов Ф.Ф. Тайны татарского народа. – М.: ООО «ЦЕНТР-ЛР», 2000.
66. Медоуз К. Магия рун (тайные знания мудрецов). – М., 2002.
67. Мурад А. Полынь Половецкого поля. – М.: ОАО «Типография «Новости», 2000.
68. Баскаков Н. Ногайский язык и его диалекты. – М.-Л., 1940.
69. Ремезов Н. Землевладение в Уфимской губернии. Краткий исторический обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности // Записки Императорского Русского Географического общества. – Спб., 1889. – Т.6.
70. Дмитриев В. К вопросу о заселении юго-восточной и южной части Чувашии // Ученые записки. – Чебоксары, 1956. Вып. XIV.
71. Каховский В. Была ли письменность у чувашей в древности? – Чебоксары, 1962. Вып. XXI.
72. Камалов А., Камалова Ф. Атайсал. – Уфа: Китап, 2001.
73. Әхмәтжанов М. Үлгәннәрнең каберен бел. – Казан, 2000.

СЕКЦИЯ 3. «Современные проблемы татарского дворянского сословия»

Р.Ш. Кудашев

Генеалогия татарских князей, мурз и дворян, их вклад в развитие татарской и русской культур и укрепление Российской государственности

*Уважаемые участники научно-практической конференции,
высокоцитимые князья, тарханы, беки, мурзы!*

Мое сообщение о татарских дворянах в Золотой Орде Российской империи будет исключительно связано с поисками моей родословной князей Кудашевых в течение последних более 30 лет, источниками которого являются прежде всего архивные материалы, исторические книги многих авторов, исследования и научные статьи отдельных ученых. Итогом проделанной работы является моя родословная с 1298 года, которая с 1450 года безупречно подтверждена документами. При этом многие роды князей Акчуриных, Еникеевых, Дашкиных и других состоят в прямом родстве с Кудашевыми, имея прямого прародителя.

В преддверии конференции в Казани по данной тематике были проведены:

1. Научная конференция на родине предков в г. Темниково, ныне Мордовская Республика, на тему «500-летия служения отечеству князей Кудашевых».

2. Открыты в краеведческих музеях в г. Темниково, в селе Буздяке Башкортостана стенды, посвященные известным родам татарских князей-мурз.

3. Выпущена книга Саид Мурзы Еникеева «Очерки истории татарского дворянства». Под моим издательством вышла книга историка И.Р.Габдуллина «От служилых татар к татарскому дворянству», облегчающая поиск своей родословной многим татарским родам. Под редакцией братьев Мамлеевых вышла книга «Каргалинские корни» в Башкирии.

Члены Московского отделения Меджлиса тюркских мурз: Мурза Кашаев, Беляев Адиль, князь Еникеев завершают цикл работ по истории родов и их связях:

- а) Касимского ханства;
- б) Еникеевых – мурз-князей;
- в) Темниковских мурз.

Написано много статей на данную тему, в т.ч. в газете «Татарский мир» (редактор Вам известен – Ринат Мухамадиев), в уважаемом журнале «Сююмбикэ».

В Башкортостане был организован (при полном зале (300 мест) в районном центре ст. Буздяк) праздник Шежере рода Кудашевых на уровне Республики и Буздякского р-на. Там присутствовали и представители других родственных родов. Такие же мероприятия по празднованию Шежере княжеских родов проведены с докладами о своей родословной в Москве.

Отрадно отметить, что посеянные после 1980 годов семена по изучению своих корней дают свои всходы. Было представлено 12 родовых докладов, а поле желающих еще далеко не распаханно. Только в Москве проживает более 1500 человек Еникеевых, 650 Кудашевых, сотни Акчуриных, Дашкиных, Чанышевых, Енгальчевых и т.д. Чтобы правильно все понимали термины, которые будут часто повторяться, я уточню два понятия:

1. Значение титула «Мурза» определил Департамент Геральдики Российской империи. «Звание Мурза соответствует русскому титулу Князь», иначе существуют разные трактовки.

2. Значение термина «Мещеры». Это среднее течение рек Мокша и Цна, ставшее анклавным ханством, улусом Золотой Орды. Кроме нынешней Мордовии, в нее частично входили Пензенская, Тамбовская и Рязанская области.

Княжьем именем русские государи называли тех знатных татар-темников, которые осуществляли власть над крупными группами своих соплеменников. История знает: в составе господствующего класса Государства Российского издавна имелись выходцы из тюркских народов, их число заметно увеличилось после образования Золотой Орды. На ханских дочерях были женаты многие правители русских княжеств. Происхождение от знатных татар считалось почетным в Российской империи. Как пример приведу Дениса Давыдова, потомка татарского князя Минчака, принявшего православие и ставшего Симеоном Касаевичем, близкого друга героя отечественной войны, брата в восьмом колене князя Кудашева Николая, зятя Кутузова. Зная свою родословную, Денис Давыдов написал стихотворение:

«Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Все, что противилось могущему герою.
Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
Как пращур мой Батый, готов на бранну прю...».

Вторит Денису Давыдову поэт Кудашев Юрий (1930 год, Югославия, Кадетский корпус). Историю представителей Белой Гвардии и поныне хранит настоятель православной церкви г.Белграда.

«Три поколения»:
На горбоносом степняке
Арканом тешась на ходу,
Припавши радостно к луке,
Мой пращур вел свою Орду!
И под копытами трава,
И под стрелою супостат –
Все поникло, лишь молва,
Росла, опередив набат.
Перед Московии царем
Татарин голову склонил,
Присяге, данной дикарем,
В роду никто не изменил.
В ответ на грозный ураган
В святом двенадцатом году
Мой прадед – смелый партизан
Был в стане славных на виду.
И он топтал своим конем
И супостата и ковыль –
Степняк-татарин ожил в нем ...
... могильный сон ... архивов пыль.
И Вашу кровь и Ваш порыв
Я унаследовал вполне:
В боях меня глушил разрыв
И конь носил по целине.
Все то, что тешило татар
Влечет и радует меня:
И я степняк и я – гусар,
Но нет ни степи, ни коня».

Эти два стихотворения проливают свет на вопрос, кто мы Мурзы? Просто выходцы из многонациональной Золотой Орды или мы Чингисиды?

Мы, дети довоенного рождения (1936 год), не знали о своем происхождении почти ничего. Отца забрали в 1937 году, мать Кутушева боялась и молчала, скрывала наше происхождение. Лишь бабушка, княгиня, урожденная Еникеева Иртыкямаля из Каргополова, которую в 1947 году в возрасте 103 года мы похоронили, рассказывала о моем деде Саитгарее 1842 г.р., прослужившем у генерала Каппеля в Оренбургской крепости более 20 лет, участнике двух Турецких походов, о дяде Минкибае Кудашеве – брате отца, окончившем в 1908 году Казанский учительский институт и ставшим впоследствии главным в Башкирии Просветителем Белебеевского уезда, эсере по политпартии. Со слов бабушки, он и был хранителем нашей родословной. Когда семья деда вслед за Колчаком последовала в Сибирь, он перед отъездом закопал в заваленках все документы. Когда в 1946–47 годах их раскопали, от влаги все документы сгнили. С братом А.Ш. Кудашевым, известным геологом в Башкирии, и племянницей Флюрой – дочерью брата, по крупицам начали собирать нашу родословную. Зная имя дедушки 1842 г.р., бабушки 1844 г.р., имена их родителей, мы обратились в Центральный Оренбургский и Уфимский архивы. Ответ оправдал все ожидания и мы узнали, когда предки переселились в Башкирию – в д.Шланлыкулево, сколько человек приехало, из какой деревни и какие родственники остались на месте. После поисков по всем архивным источникам (они указаны в книгах, которые я назвал), мы, Кудашевы, и наши родственные роды узнали, что мы выходцы из Золотой Орды, г. Булгар. Сын Бату-хана Сортак дал Ярлык для собирания ясака Саид Ахмету (1282 г.р.) на Мордве-Мещере. Далее из Государственного архива Саровского монастыря узнали о его потомках Бехане (1325 г.), Седиахмете, далее по родословным связям дошли до князя Булая Кудашева (1550 г.р.) и его потомков.

Сохранились подлинники указов царя Василия, где упоминаются Темниковские князья: Булай, Ишей, Чекай (Чепай) и Билгильдей Кудашевы, имевшие дарованные царем деревни с крепостными крестьянами для кормления. Второй указ царя «Сеазь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси пожаловал Темниковского Булая Мурзу, Князя Кудашева за тридцатилетнюю службу, за посылку его в Касимов к Царю Уразмамету с нашими Грамотами о нашем деле, что был он на нашей службе под Кромами, под Калугою, под Каширою, под Москвою, под Тулою, под иными Украйными городами, с изменниками нашими бился явственно и многих побивал, за его службу и радение – княженьем Кершенского бияка судом и пошлинами ведати, а ясак искать с Кершенской мордвы. Дана наша жалованная Грамота на Москве лета 1609 года Октября в 14 день. У подлинной Грамоты нашему Красного воску печать».

Род Кудашевых разрастался, некоторые князья приняли православие, в т.ч. двое сыновей Булая. Затем Император Петр I у некрестившихся князей Кудашевых отобрал все, что мог, и они вынуждены были уехать к башкирам, где купили земли (интересно отметить тот факт, что на территории бывшего Казанского ханства действовал указ Ивана Грозного о запрещении продажи земель), написали прошение Екатерине Великой, добились восстановления в прежних достоинствах.

Второй удар – это революция 1917 года.

В последние 10 лет я каждый год совершаю поездку с детьми и внуками в Темниково на земли предков, где сохранились останки деревни Черный Студенец, останки кирпичных домов и кладбище с надгробными камнями, возраст которых более 300 лет. К сожалению, в 2009 году вандалы выкрали около 25 штук исторических памятников.

Нестыковки появились при продолжении исследования родословной с 1298 по 1452 год, особенно по личности Бехана и Саид Ахмеда (1292 год) в трудах профессора В.П. Макарихина. Книга «Мусульманская цивилизация Волго-Сурского региона в эпоху феодализма» (Нижний Новгород, 2009 год) на стр.70 «В связи с уходом Руг – Темир бея из Мещеры с авангардом татар следует приход в Мещеру под старый Темников внука Тохтамышы – Саид Ахмеда на княжение»;

на стр.104 «...а в 1398 г. в Темникове Улуском центре Золотой Орды осел сын хана Тохтамышы – Саид Ахмед и наступала новая волна тюрок в Мещеру-приход этнической массы Нагайской орды в край. По родословной Джугитов проверил наличие у Тохтамышы внука Саид Ахмеда, подтвердилось, т.е. настоящего Чингисида».

Разница между двумя Саид Ахмедами ровно 100 лет. Что это? Разница в детях или существовало два Саида? Заглянем глубже:

стр.92. 1239 год. Татары Бехан-хана помогали Субедею взять Крым. Именно Бехан был племянником Субедея (из архивов Саровского монастыря).

Я думаю, все это я сумею уточнить в работе М.А. Усманова «Татарские исторические источники XVII–XVIII веков» (изд. 1972 года), и получу ответ на следующие вопросы:

Кто в действительности Бехан-хан? Племянник Субедея или потомок одного из Саид-Ахмедов?

Какой из Саид-Ахмедов действительный: с Ярлыком от Сортака или с Ярлыком от Тохтамыша?

З.Я. Аюпов

Возрождение дворянства в современных условиях: проблемы и перспективы

Татарское Дворянское Собрание (Меджлис татарских мурз) было образовано в 1992 году в г.Уфе после создания Российского Дворянского Собрания в 1991 году.

Огромная роль в организации нашей общественной организации принадлежит первому предводителю Меджлиса татарских мурз Саид мурзе Ханафи-оглы князю Еникееву. Ему удалось собрать первых потомков татарских князей и мурз. Был принят Устав Меджлиса. Геральдмейстером был избран Рифкат мурза князь Чанышев, вице-предводителями – Риф мурза князь Акчурин и Ринат мурза князь Чанышев, секретарем Меджлиса – Ярия ханум Еникеева, секретарем Геральдии – Флюра ханум Кудашева.

Структура Меджлиса состояла из отдельных дворянских родов, которые возглавляли аксакалы (старейшины) родов. Такая же структура сохранена и в наше время с некоторыми дополнениями. По состоянию на 1999 год подали заявления о приеме в члены Меджлиса татарских мурз более 300 человек.

В начале в Меджлисе татарских мурз объединились потомки восьми дворянских родов, чье благородное происхождение было доказано и подтверждено императорскими указами.

Князья Еникеевы были утверждены в этом достоинстве указом от 15 мая 1796 г., мурзы Еникеевы, мурзы Бигловы, князья Акчурины, князья Кудашевы, мурзы Терегуловы, князья Сакаевы, князья Чанышевы – указом от 27 ноября 1796 г., мурзы Мамлеевы – указом от 13 ноября 1797 г. Позже к ним присоединились представители других фамилий: князей Давлеткильдиных, Тенишевых, Утяшевых, Маматовых, Енчалыгевых, Уразаевых, Аюповых, Бибарсовых, Даукаевых, Асадуллиных и т.д.

В настоящее время численность членов Меджлиса составляет 2000 человек. Так уж исторически сложилось, что 70% потомков татарских князей и мурз проживают сегодня в Республике Башкортостан.

У служилых мурз Петром I были конфискованы крестьяне, а иногда и поместья, их самих приписали в податное сословие. В результате православные и мусульманские ветви одних и тех же родов оказались в разных социальных группах. Часть татарской аристократии, принявшая крещение, вошла в состав русского дворянства, а их мусульманские родственники в большинстве своем превратились в крестьян, сохранивших от прежних привилегий только личную свободу. Хотя эти репрессии по религиозному принципу продолжались сравнительно недолго, в их результате на рубеже XVII–XVIII вв. татарскому, мусульманскому землевладению был нанесен сильнейший удар.

Основополагающее значение в восстановление статуса потомков мурз имел указ императрицы Екатерины II от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». После издания 21 апреля 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству российской империи» прошения татарских родов рассматривались губернскими дворянскими депутатскими собраниями, и, по представлению последних, Екатерина II, Павел I, а в последующее царствование – Правительствующий Сенат принимали решения о восстановлении в «первобытном» дворянском состоянии ряда представителей татарских мусульманских родов. Эти решения принимались, как правило, в индивидуальном порядке, и далеко не все потомки татарских князей и мурз смогли воспользоваться этой возможностью, значительной части ходатайствующих было отказано в утверждении из-за отсутствия необходимых документов или по иным причинам. Тем не менее, татарское мусульманское дворянство, в том числе и титулованное, вошло в состав высшего сословия Российской империи.

Одним из самых ярких событий в деятельности Меджлиса стало организованное в сентябре 1996 г. в г.Уфе Торжественное празднование 200-летия Указа Государыни Императрицы Екатерины II о восстановлении сословных прав татарских князей и мурз – мусульман и подтверждения их в Российском дворянстве.

По исторически сложившемуся обстоятельству, центр Татарского дворянского собрания (Меджлис татарских мурз) организовался в г.Уфе. Позже образовался ряд его отделений: Меджлис татарских мурз г.Москвы и Московской области, Меджлис татарских мурз г.Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Меджлис татарских мурз Республики Татарстан.

В октябре 2007 года исполнилось 15 лет Татарскому Дворянскому собранию, в честь которого было проведено торжественное собрание, на котором участвовали представительные делегации из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Мордовии, Набережных Челнов и других городов. Торжества прошли в селе Буздяк при содействии и участии Администрации района и Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан, Директора Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны, А.Н. Закатова, который зачитал официальное обращение Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны.

Самые активные члены Меджлиса татарских мурз и ряд гостей были награждены медалями Международного благотворительного Фонда «Меценаты столетия».

В 2006 году в Меджлисе татарских мурз был утвержден почетный знак «Мурза» «За благородство и верность». Он будет вручаться только тем активным членам Дворянского собрания, кто оказывал и оказывает реальную помощь Меджлису, потомственным мурзам, представителям родов, почетным членам Меджлиса, независимо от национальности и вероисповедания, деятельность которых приносит пользу татарскому сообществу.

Позвольте ознакомить Вас с последними мероприятиями, проведенными Меджлисом татарских мурз.

В апреле 2005 года в мечете «Ихлас» г.Уфы состоялись: конференция, посвященная просветительской деятельности Ризаэдина Фахредина; 20-го, в день рождения пророка Мухаммеда-ан-наби, переполненный зал слушал гостью из Москвы, известную переводчицу Корана Иман Валерию Порохову. В этих важных мероприятиях участвовали члены Меджлиса татарских мурз РБ.

30 января 2007 г. в деревне Новые Каргалы Благоварского района был проведен праздник родословных, шежере, в котором приняли участие предводитель Меджлиса татарских мурз Маскат мурза Мамлеев и член Совета Раис мурза Еникеев.

Заседание Совета Меджлиса от 29 апреля 2008 года было посвящено итогам Большого сбора и юбилейным мероприятиям. По случаю 75-летия Маската мурзы Мамлеева было оглашено благодарственное письмо, полученное от заместителя Премьер-министра РБ, министра культуры и национальной политики РБ И.Г.Илишева. Был также зачитан Указ Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны о награждении Маската мурзы Мамлеева орденом Святой Анны III степени.

19 июня 2008 года в Шаляпинском зале Академии искусств РБ им. Загира Исмагилова состоялась научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Уфимского мусульманского дамского общества.

4 сентября 2008 года делегация Меджлиса татарских мурз РБ и г.Москвы посетила г.Бизерту в Тунисе, принимала участие на чествованиях, посвященных легендарной нашей соотечественнице, последней свидетельнице русской эмиграции в Бизерте Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской.

25 апреля 2009 года на расширенном валовом сборе Меджлиса татарских мурз РБ Ринат мурза князь Чанышев был единогласно избран Председателем Ассоциации Российского Дворянского Собрания тюркских народов.

В своей деятельности Меджлис татарских мурз руководствуется Уставом Меджлиса и решением общего собрания Меджлиса, а также решениями Совета старейшин, заседания которых проводятся регулярно, согласно плану мероприятий, утвержденных на собрании.

Меджлис татарских мурз РБ все свои мероприятия согласовывает с Правительством Республики Башкортостан, Министерством культуры и национальной политики РБ, другими общественными организациями и всеми конфессиями на территории РФ и РБ, активно сотрудничает с Международным Благотворительным Фондом «Меценаты столетия» (г.Москва), с Россзарубеж-

центром (г.Москва), Всемирным конгрессом татар (г.Казань), Академией наук РБ, Домом Дружбы народов РБ и т.д.

На научно-практических конференциях, во время встреч со студентами и учащими мы поднимаем и обсуждаем актуальные вопросы татарской нации и национальной культуры. Насущной проблемой стало сегодня сохранение национальной идентичности, родного языка, традиций и культуры. Страшная волна ассимиляции набирает силу и может уничтожить вековые ценности. Она нависла над нашими народами, в том числе и над тюркскими – татарами и башкирами. Порочное, греховное (в поведении, речи, питании, одежде) стало считаться достойным, а честное, богобоязненное, опрятное – смешным и устаревшим. Выведение, в первую очередь, молодежи из этого «болота» ложится на плечи духовников, самой сознательной их части – представителей потомственной аристократии, элиты, хранителей культуры и традиций. Всё лучшее должно возрождаться, нанизываясь на надежный стержень – религию.

Всё это мы стараемся отражать в периодическом издании Меджлиса татарских мурз – газете «Морзалар Хэбәрчесе» («Дворянский вестник»), бессменным редактором которого является наш уважаемый мурза Анвар Галеевич Терегулов.

За всё время существования Меджлиса все первые три предводителя – Саид мурза князь Еникеев, Риф мурза князь Акчуринов, Максат мурза князь Мамлеев – внесли значительный вклад в развитие нашей организации, передавая большой опыт следующим поколениям. Эти традиции сегодня приумножаются и развиваются.

16–18 ноября 2006 года в Уфе побывало руководство Российского Дворянского Собрания. Целью визита была презентация многотомного книжного альманаха, выходящего в серии «Россия забытая и неизвестная». В столицу Башкортостана было привезено 2 комплекта, каждый по 55 томов, которые были подарены Национальной библиотеке РБ имени Заки Валиди и Аксаковскому Дому-музею. Серия, восстанавливая преданное в советское время забвению отнятые у россиян имена и факты, выполняет функцию своеобразного покаяния, которое необходимо всем сторонам. Поскольку нет в исторической судьбе России только правых и только виноватых. Время всё расставит по местам, наши деяния измерятся на весах вечности – истории.

На протяжении долгого времени Меджлис успешно сотрудничает с Американской тюрко-татарской Ассоциацией в Сан-Франциско (Берлинггейм), татарскими общинами Финляндии, Австрии, Германии, Турции, участвует во всех федеральных сабантуях и паломничествах в городище Булгар. Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность директору Института истории Академии наук РТ Хакимову Рафаэлю Сибгатовичу, Министерству культуры РТ, Меджлису татарских мурз РТ, Исполкому Всемирного конгресса татар, которые всегда оказывают нам помощь. Также большая признательность и благодарность Региональной татарской национально-культурной автономии г.Москвы, редакциям газет «Татарские новости» и «Татарский мир».

Меджлис татарских мурз тесно взаимодействует с «Союзом потомков Российского Дворянского Собрания» (РДС). На сегодняшний день в РДС насчитывается более 50 губернских дворянских собраний, одно из них в Казани, которое возглавляет Алексей Григорьевич фон Эссен. Предводителем РДС является князь Гагарин Григорий Григорьевич, первым вице-предводителем – Александр Юрьевич Королев-Перелешин, курирующий внешние, общественные и межрегиональные связи, организационную деятельность, координирующий деятельность региональных Дворянских Собраний. Олег Вячеславович Щербачев является вице-предводителем РДС, председателем приемной комиссии РДС, он же – Предводитель Московского Дворянского собрания. Общая численность членов РДС составляет более 15 тысяч человек. Печатный орган Российского Дворянского Собрания – газета «Дворянский вестник»

Для Российского Дворянского Собрания было крайне важно, что его деятельность проходила под покровительством легитимной Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны (ныне покойной) и проходит под покровительством его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого князя Георгия Михайловича. По поручению Главы Российского Императорского Дома РДС содействует осуществлению контактов Главы и Членов Российского Императорского Дома со Священноначалием Московской Патриархии, с Епархиальными управлениями, с верховными муфтиями всех мусульманских стран, с различными административными структурами.

Российское Дворянское Собрание активно взаимодействует с канцелярией Главы Российского Императорского Дома и созданной при Канцелярии Геральдией, которую возглавляет Станислав Владимирович Думин.

В апреле 2008 года Указом Главы Российского Императорского Дома Государыни Великой Княгини Марии Владимировны Зуфар мурза князь Аюпов назначен начальником управления по мусульманским делам Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Государыни Великой Княгини Марии Владимировны в целях совершенствования в Канцелярии организации взаимодействия и сотрудничества с исламским духовенством и мусульманскими религиозными и общественными организациями.

*Краткая справка мероприятий, проведенных Меджлисом татарских мурз
совместно с Российским Дворянским Собранием*

25–27 марта 2007 г. в Казани прошла II Всероссийская гуманитарно-просветительская конференция под названием «История моей семьи – страница многовековой истории Отечества». К работе конференции был приглашен член Совета Меджлиса татарских мурз профессор Рифкат мурза князь Кудашев.

Летом 2007 г. в Темникове совместно с Российским Дворянским Собранием прошла научно-практическая конференция на тему «500-летие служения князей-мурз, выходцев из темниковского края, российскому Отечеству».

2 июня 2007 г. в деревне Метевбаш Белебеевского района РБ прошел праздник «Шежере байрам», посвященный 500-летию роду князей Аюповых.

21–23 сентября 2007 года в г. Тамбове прошло заседание Совета объединения дворян Российского Дворянского Собрания, посвященное 70-летию Тамбовской области и 325-летию создания Тамбовской епархии. В работе заседания Совета приняли участие предводитель Меджлиса татарских мурз Маскат мурза Мамлеев и член Совета старейшин Меджлиса татарских мурз Зуфар мурза князь Аюпов.

12–13 мая 2010 года в Государственном историческом музее прошла конференция, посвященная 225-летию создания Дворянских Собраний в России, изданию Екатериной II «Грамоты на права вольности и преимущества благородного российского дворянства». Эта Жалованная грамота, вместе с другими указами императрицы, определила статус, права и обязанности дворянства и заложила правовые основы дворянского сословного самоуправления. Этой грамотой предписывалось дворянству каждой губернии избирать своего предводителя, создавать Дворянское Депутатское Собрание и вести дворянскую родословную книгу, состоящую из 6 частей.

Таким образом, 21 апреля 1785 года является днем рождения Дворянского Собрания. 14–15 мая с.г. в г. Москве состоялся съезд РДС, посвященный 20-летию РДС.

Свой доклад хочу завершить цитатой из книги первого предводителя Меджлиса татарских мурз Саид мурзы князя Еникеева «Очерки истории татарских дворян»: «...То государство, которому много веков честно и верно служили наши предки и которое, нам потомкам, нужно сейчас сохранить и возродить. И духовное возрождение, обращенное к наследию отцов, их славным традициям, восстановление оборванных нитей должны стать нам опорой в настоящем и будущем».

А.Б. Беляев

Историческая генеалогия татарского народа. Родственные династии и их роль в истории семьи, нации и государства

Скромное желание 15-летнего учащегося строительного техникума, узнать свою родословную, незаметно переросло в потребность составить систему связей родственных татар Касимовского района Рязанской области, одного из древнейших городов центра России. Наши родственники живут на этой земле более 500 лет, но корни этих родов уходят далеко в прошлое, за тысячу лет.

Много лет прошло пока это желание превратилось в книгу и автор, по мере возможности, «проследил» за передвижениями своих родных на необъятной территории нашей страны, которые породнились с новыми, еще более известными родами, создавая новые созвездия семей, поселения, объединяя их в единое национальное родственное сообщество.

Обо всех родственных семьях рассказать невозможно, но в подготовленной нами к печати книге – более 350 генеалогических схем, кратких описаний родов и фотографий предков и современников. Особое внимание уделено схемам пофамильных связей, что доказывает корректность и точность родства фамилий и их точки соприкосновения. Каждая фамилия прибавляла по 20–40 новых фамилий. Главным источником информации были долгожители. Я очень благодарен моей бабушке, у которой была прекрасная память и она мне во многом помогла. Ей было 102 года, когда она умерла в 1979 году.

Главной задачей было сохранить для будущего персонифицированную память о людях и их человеческих отношениях многих поколений наших родственников. При этом цель свелась к тому, чтобы на основе многовекового и многосемейного жизненного опыта и культурного наследия своих родов, отраженных в историях родных людей, развить интерес и потребность сегодняшних поколений в более широком общении между собой, духовном сближении и понимании значимости родственных связей, ценности близкого человека, гордости за наших предков, теплоты воспоминаний и, конечно, надежды на счастливое будущее, имея такой исторический багаж. Его только надо ценить, знать и накапливать.

На сегодняшний день наше родственное сообщество образует, можно сказать, единую семью из 350 фамилий, это трудно представить и об этом мало кто знает, но ведь это родственники и не очень далекие. И какие это люди! В каждом роду этой большой семьи есть известные, образованные люди – академики, доктора наук, ученые, врачи, писатели, философы, генералы, князья, предприниматели, т.е. всех званий и профессий. Это – гордость не только нации, но и государства, и мира. Это, по сути – малая историческая генеалогия народа, фрагмент нации, которая когда-нибудь может вырасти в «лес династий», классифицируясь по группам, районам или странам.

Трудно перечислить всех из 7 тыс. человек, но надо хотя бы напомнить, что Акчурины – исторические мануфактурщики, известный генерал-полковник, прославленный хирург и ряд ученых; Чингиз Айтматов – мировой писатель; Агафуровы – поставщики мехов, тканей, кожи императорскому двору; Аюповы – татарские князья со времен Ивана Грозного; Баязитовы и Бигеевы – крупные священнослужители и богословы; Губайдуллины – ученые; Дашкины и Еникеевы – известные дворянские рода с большими заслугами перед Россией, ученые; Девликамовы, Мазитовы, Хасановы – династия экономистов, доктора наук и академик; Каримовы – книгоиздатели; Кашаевы – купцы, мурзы, миллионеры, дипломаты с 1470-х годов в Посольском приказе в Москве; Бурнашевы – доктора физико-математических, медицинских, технических наук, писатели, языковеды, хозяйственники и «верховные извозчики» – возили царя Николая II, Ленина на автомобиле, Хрущева и Брежнева на самолете; Кудашевы – заслуженные строители, ученые, их дворянскому роду более 500 лет; Марджани – ученый-философ, член Британской АН; Наджметдиновы – писатели, ученые, 6-ти кратный чемпион России по шахматам и международный мастер по шашкам; Нигматуллины и Терегуловы – многочисленная «академия» докторов по медицине, технике, академик РАН – директор института океанологии, две сестры Терегуловых – Бадигуль и Малика вышли замуж за двух композиторов Азербайджана Муслима Магомаева и Гузаира Гаджибекова; Сайдашев – композитор; Сюняев – академик, астрофизик; Табеев – 20-летний руководитель Татарстана, дипломат, строитель Камаза, Нижневартговска и др.; Тарпищев – лауреат

книги Гиннеса по всем мировым наградам в теннисе; Уразгильдеев – доктор медицинских наук; Утямышевы – отец и сын академики в космической науке; Чабдаров – экс вице-президент АН Татарстана; Чанышевы – прославленные военачальники, генералы; за Шакулова Александра вышла замуж пра-пра-правнучка Гончарова (брата Н.Н.Пушкиной) и т.д. и т.д.

Главный вывод этой работы большая совокупность родственных связей татар Казани, Касимова, Москвы, С.-Петербурга, Уфы, Пензы, Челябинска, Троицка, Оренбурга, Н.-Новгорода, Средней Азии, Канады, Австралии, Китая, Японии, США, Финляндии, Эстонии, Литвы, Польши и др. Их надо только продолжать собирать и это будет большой исторической, социальной победой второй государствообразующей нации страны.

Еще один вывод – надо продолжать изучать труды гениального Льва Гумилева и его талантливых учеников о Великой степи и ритмах Евразии. Очень интересное продолжение «Черной легенды» создал Гали Еникеев в своей книге «По следам черной легенды», в которой обозначил загадки истории России XI-XVII веков, о роли и взаимоотношениях татар и русских.

Мне понравилось выступление генерала армии Махмута Гареева, который сказал: «Вспомните испытания, на которые был обречен наш народ после походов Ивана Грозного, когда не только людей, но культуру, обычаи, все истребляли, уничтожали. Пытались навязать религию и новые обычаи. Еще в конце XIX века по указу царя запрещалось проживать в Казани более 5% татар, а остальным жить ближе 100 км от столицы. Непросто было сохранить свою культуру, язык в условиях таких притеснений. А мы сохранили. Если вспомнить советское время, то надо сказать большое спасибо и поставить памятник татарской сельской учительнице, именно благодаря ей мы смогли сохранить то, что называем национальным достоянием».

Татар всегда отличала предприимчивость, хорошая организаторская хватка, преданность государственной службе, гостеприимство, доброжелательность, верность, товарищество.

Слабым местом можно было выделить проявление разрозненности. Хотя деление на какие-то этнические или языковые особенности – это ведь не народ придумывает. Этим занимается группа людей, которым за это платят. И они для этого готовы растоптать свое национальное достоинство. Все мы должны уяснить для себя, что в наше время, когда многое разъединяет людей (может, даже улучшение жизненных условий), должны быть какие-то средства, идеи, которые бы нас объединяли. Таким объединяющим средством, естественно, является печать, радио и телевидение, театры, встречи с интересными людьми и, конечно, знание и активизация родственных связей.

А активность есть. Так вот за время, пока книга находится в работе в издательстве, появились новые имена и фамилии, которые должны были бы попасть в книгу, но поздно... Совершенствованию конца нет. Пока остается только поблагодарить и пообещать, что мы с ними поработаем и подготовим к изданию: А.К.Акжигитов из Пензы; Ринат Альбетков из Германии с касимовскими предками; Асадулины; Бибарсовы; Кеазим, Рустем, Флера Баязитовы; Фатхи Бурнаш; Марат, Ренат, Рустем Бурнашевы; Кудояровы; Максутовы, Бобковы и Уतिकеевы; Мавлеевы и Шамсутдиновы; Хабибуллины и Хайретдиновы (из Уфы) и др.

Для России всегда нужны были справедливая, сильная власть и пример образованности, воспитанности и патриотизма. Мне представляется, этими качествами владело дворянство, однако с потерей родовых владений и большинства прямых потомков прежней знати это сословие несколько потеряло и свое место. Как правильно пишет президент Российской генеалогической Федерации Станислав Владимирович Думин в предисловии к книге Ильдара Рашидовича Габдуллина «От служилых татар к татарскому дворянству», «старое имя – это тот знак, который подтверждает принадлежность к исторической корпорации, к тем, чьи предки, по словам Жалованной грамоты дворянству Екатерины II, «обрели потомству имя благородное». И книга И.Р. Габдуллина возвращает нам имена тех многих и многих, кто в боях и походах верно служил великому Государству Российскому и чьи потомки и в наши дни на многих славных поприщах продолжают это служение нашему общему, единому Отечеству».

А.Ф.-А. Еникеев

Пути сохранения истории татарских дворянских родов

В ходе возрождения дворянского происхождения в новых условиях, на наш взгляд, первейшей задачей Меджлиса является создание архивов дворянских родов в общедоступной форме, т.е. банк данных, и подтверждение в дворянском происхождении как можно большего числа граждан из всех дворянских родов, создание в местах компактного проживания мусульманского населения филиалов, отделений и представительств Меджлиса. К этому призывал нас и первый предводитель Меджлиса Саид мурза Ханафиевич князь Еникеев [1].

За эту работу в Меджлисе должен отвечать предводитель и специальный отдел или группа активнейших дворян, мобильных, легко вступающих в контакт с представителями любого слоя населения как по месту работы, так и по месту проживания.

Средства, поступающие от спонсоров, рекомендуем направлять на исследование всех родов, раскрытие и расширение родственных связей, на налаживание работы архивных отделов и пр. Наши роды за последние столетия итак поредели числом, многие кланы выбыли и главная задача – оживить работу среди сохранившихся сородичей и расширение собственных рядов. Наступил как раз тот момент, когда количество переходит в качество. Иначе нас ждет тупиковая ситуация – мы не сможем отыскать своих родных даже в ближайших поколениях, не говоря уже о многовековых династиях. Пока не поздно, все архивные сведения из государственных архивов нужно перекачать на личные, родовые и меджлисные фонды на современных носителях информации. У государства, я предполагаю, при современном состоянии экономики и ориентирах на эту работу не скоро найдутся средства.

Кто работал в архивах и часто бывал в архивохранилищах, тот убедился – в каком состоянии находятся ценнейшие сведения о наших древних предках. Особенно тяжело приходится архивам, в которых первичные документы хранятся на национальных языках с арабским алфавитом, не на русском (на кириллице). Иногда открываешь том – он весь исписан старотатарским алфавитом. На современном русском или татарском языке нет ни оглавления, ни содержания. Даже номера страниц указаны староарабскими цифрами. Как бывает приятно, когда среди многочисленных томов попадаются такие, на обложках которых аккуратно по-русски от руки написано (где уж в наш XXI век напечатать на машинке или ПК) название данного тома, фамилия (фамилии) студентов-переводчиков и преподавателя – руководителя практики. ЗУР РЭХМӨТ им за это!

На обложке обработанного тома хотелось бы увидеть третью фамилию – фамилию спонсора. Это огромный пласт, совершенно неосвоенная спонсорами область, ждущая как спонсоров, так и студентов-практикантов.

Решение такой важной проблемы, каковой является сохранение духовного наследия дворянства, в частности, документальное жизнеописание дворян, должно возлагаться на Меджлис. По большому счету, при Меджлисах или соответствующих библиотеках, но под методическом руководством Меджлиса, нужно организовать банк данных по дворянству. В Москве для этого вполне подходит библиотека Российской татарской национально-культурной автономии г. Москвы в Доме Асадуллаева, в которой недавно проведена реконструкция. Руководство автономии во главе с легендарным генерал-полковником Расимом Сулеймановичем князем Акчуриным всегда поддерживает и помогает дворянскому движению. Библиотекой заведует княгиня Чанышева Нурзида Яхьяевна, в совершенстве владеющая родным татарским языком и не по-наслышке знающая татарские дворянские роды. В библиотеке имеется хорошо оборудованный читальный зал и постоянно увеличивающийся поток читателей всех возрастов и категорий населения.

В Уфе также налажены тесные контакты с Башкирским Государственным педагогическим университетом им. М.Акумлы. Ректор БГПУ, профессор Асадуллин Раиль Мирваевич всячески поддерживает и готов впредь поддерживать действия Меджлиса татарских мурз, «готов оказывать всяческую помощь в изучении родного языка, в предоставлении помещения» [2]. Фамилии и подписи преподавателей университетов, особенно профессора Асфандиярова Анвара Закировича, часто встречаются на обложках архивных томов в качестве руководителя практики студентов.

Уфа в плане сохранения татарских дворянских архивов является уникальным городом. В целом в Башкортостане проживает значительная часть потомков татарских дворян, вследствие этого в Государственном историческом архиве РБ сосредоточена основная доля их архивов в силу

того, что в городе Уфе располагается Муфтият, поэтому все мечети Российской империи посылали в этот архив свои сводные и детальные данные по законодательным актам гражданского состояния. По нашим субъективным данным, эти ценнейшие архивные данные не полностью используются на благо потомков потенциальных татарских дворян и дворян других тюркских народов, которые очень хотят знать свою родословную и пополнить ряды Меджлиса тюркских народов. Но они, во-первых, не знают о местонахождении архива. Во-вторых, из-за значительных материальных затрат, связанных с поездкой в г. Уфу из разных регионов РФ и ближнего Зарубежья, подчас на значительные расстояния с таможенными контролями и с проживанием в дорогих гостиницах, с отрывом от своих ежедневных обязанностей по домашнему хозяйству (особенно в сельских местностях, где и ныне проживает значительная часть потомков татарских дворян) и пр., с поиском своих архивов в сложнейших сплетениях фондов Государственного исторического архива РБ (как и любого другого архива), с приобретением копий их, с переводом их со старотатарского алфавита на кириллицу (итак по дьявольскому кругу по всем потомкам), с соответствующим анализом данных, не всем удается достичь своей цели. Ведь только потом можно подать Прошение в Меджлис со всеми сопутствующими документами, в том числе справки архива с печатями по каждому поколению. И только тогда жди «товарищ потомок дворянина» решения господ из Меджлиса, возможно, они быстро и без помех подтвердят твоё дворянское происхождение и ты получишь на руки Свидетельство, которое ничего не даёт кроме дополнительных обязанностей вести себя как настоящий мурза или князь, кроме морального удовлетворения и чувства исполненного долга перед предками.

Возможно, мы перечислили не все мучения соискателя дворянского звания. И, естественно, напрашивается вывод – упростить всю процедуру. Каким образом?

Для этого нужно ввести в Меджлисы должность архивариуса и чтобы ее занял человек со знанием татарского языка с соответствующим образованием. В малочисленных Меджлисах можно совмещать должности Геральдмейстера и Архивариуса. Естественно, архивариусы разных Меджлисов должны обмениваться информацией, которая, разумеется, ведется на современных носителях.

Нам кажется, что потомки дворян живо откликнутся на призыв объединить в общий банк имеющиеся у них архивные данные.

Все собранные материалы по Роду наглядно отражаются в сводной генеалогической схеме (См. Древо Рода Еникеевых. Вып.1), охватывающей всех князей, мурз и биев Рода, начиная от Бихана и до определенного поколения. Мы пока приняли за первоначальный отсчет с 1-го по 16-е поколение от Бихана. Остальные поколения от 17-го до их пресекания или до последнего (сегодняшнего) поколения каждого клана будут отражаться в последующих файлах и частных генеалогических схемах. Этот плакат создан в программе Excel, для печати переработан в программе Photoshop. Объем его более 2 гигабайт.

Естественно, каждый клан может разработать и изобразить в самостоятельной генеалогической схеме свою родословную от Бихана или от последующих любых поколений (со ссылкой на известного представителя этого поколения) до сегодняшнего поколения. Причем, такие схемы имеют ряд преимуществ перед сводной схемой: в них можно отражать и женскую половину клана; показав, если будет необходимость, несколько жен и соответственно их детей (такого деления нет в сводной схеме); детей – недолгожителее; подробно отразить связи Еникеевых с представителями других родов и др. Такие схемы и текстовое описание к ним это то, что надо всем.

Сводная схема Рода нами уже разработана. Но в ней есть пробелы, которые начинаются, по видимому, с 12-го поколения (не все архивы проработаны). Естественно, почти по всем пробелам далее идет нарастание пропущенных членов Рода. Разорванные цепочки родословных схем отдельных ветвей (кланов) с 14-го поколения встречаются, к сожалению, часто. Среди них есть и пресекшиеся кланы. Наша задача – раскрыть родословные схемы всех кланов от Бихана до наших дней или до их пресекания.

Для быстрейшего решения этой задачи рациональнее будет объединить воедино все собранные до сих пор архивные материалы по Роду в электронный архив Рода (ЭАР). Желательно все собранные до сих пор материалы из государственных и личных архивов, воспоминания и другие данные передать нам для занесения в сводную таблицу. Иначе по пробелам отдельных кланов мы вынуждены будем каждый раз обращаться в государственные архивы, в то время как эти материалы уже обработаны и находятся у какого-то сородича или нескольких сородичей.

Как Глава Рода, я обращаюсь ко всем сородичам-Еникеевым, членам других родов татарских и русских дворян, жителям других народов, породнившимся с Еникеевыми, пришлите нам материалы о себе и предках для занесения их в сводную генеалогическую схему Рода Еникеевых.

Архивно-геральдическая комиссия Совета Рода (АГКСР) избирается в составе не менее трех человек. На своем первом заседании избирает председателя и его заместителя. Она принимает Прощения от соискателей и готовит данные по родословной соискателя. Призвана внести предложения о принадлежности к потомкам дворян того или иного члена Рода.

АГКСР является основным звеном в создании электронного архива Рода (ЭАР), ее работа включает в себя:

- разработку программы создания ЭАР;
- составление каталогов и их обслуживание;
- сбор архивных материалов, собранных самими дворянами, их потомками и по их запросам; в государственных архивах: изучение и копирование всех разделов каталогов, касающихся дворян; копирование дел по городам и деревням (мечетям и церквям); копирование по всем деревням и селам итогов всех ревизских сказок;
- перевод их со старотатарского на кириллицу, со старорусского на современный русский;
- систематизация их по родам, кланам и пр.;
- внесение данных в сводную таблицу Рода;
- составление ЭАР;
- внесение всех данных в сводную схему Рода.

Кроме того, АХКРС осуществляет:

- прием заявлений от потомков дворян;
- представление в Геральдическую комиссию Меджлиса всех приложений к заявлению соискателя.

При отсутствии данных в ЭАР по этому клану разрабатывает план совместных действий и посылает его соискателю.

Получает бланки и готовит Свидетельство к выдаче.

Разработку единой программы создания ЭАР для всех дворянских родов осуществляет Геральдическая комиссия Меджлиса собственными силами, а создание ЭАР отдельного рода осуществляет АГКСР.

Поскольку в настоящее время каждый род находится на разном этапе разработки своего электронного архива (ЭАР), то программа создания общедворянского архива (ОДЭА) должна позволять каждому роду вставлять свои данные по мере готовности.

Общедворянский архив легче создать один, чем сотни по одному. Мы хотим, чтобы не каждый потомок дворянина каждого рода в государственных архивах обходил все отделы, все фонды, описи и дела по всем годам, городам, областям (губерниям), деревням, мечетям, церквям и т.д. Все это должен делать только один раз представитель рода или даже один представитель Меджлиса за все роды, например по ревизским сказкам.

При выполнении этих условий у нас будет решена проблема с пополняемостью наших рядов и это, в конечном итоге, может изменить ситуацию вокруг дворянского движения на современном этапе. И тогда потомок татарского дворянина, живущий в Якутском городе Олекминск или в городе Запорожье (где мы нашли и установили связь с 22-мя семьями Еникеевых), либо в Казахстане или Финляндии, горожанин или селянин (фермер), услышит по радио либо увидит по телевидению про Меджлис тюркских народов, подаст через Интернет Прощение о подтверждении его дворянского происхождения, заплатит через Интернет небольшую сумму за услуги Меджлиса и получит свое Свидетельство.

При работе с архивными материалами XVIII–XIX веков и первой четверти XX века все мы сталкиваемся со старотатарским, а точнее с несколько упрощенным арабским алфавитом. Хотим мы этого или не хотим, но наши предки добровольно приняли ислам в 922 году и вместе с ним арабский алфавит. Начиная с 1829 года, согласно воле царя, законодательные акты гражданского состояния велись духовными лицами. Наши родители в медресе изучали арабский алфавит, читали религиозную и светскую литературу на арабском алфавите, переписывались между собой, писали свои литературные произведения и т.д. Наши татарские языковеды в начале XIX века и в последующем внесли существенные изменения, т.н. старые и новые «имля», значительно изменивших первоначальный арабский алфавит. В настоящее время даже из старшего поколения мало кто знает старотатарский алфавит.

А.Ф.Еникеев, еще до школы, в 6–7-летнем возрасте, по настоянию матери и просто из детского любопытства изучил арабский алфавит и почти бегло читал священный коран. Как только пошел в школу, там у него быстро отбили охоту увлекаться арабским алфавитом. В школе провели «соответствующую» беседу не только с ним, но и с матерью. Этого было больше чем достаточно. Его мать – Хадия Гильметдиновна из древнего дворянского рода Булгаковых, дочь муллы Гильметдина Габдрахманова, действующего муллы функционировавшей в то время в г. Ташкенте мечети, поспешно спрятала все книжки и брошюры на арабском языке. Дело в том, что от репрессированного в 1937 году отца – Фазлы-Ахмета Тимерхановича, который отбывал 10-летний срок в Ивдельлаге (север Свердловской области), они получили лишь два письма и почему-то давно от него не было никаких вестей. Человек, живущий в состоянии всеобщего и постоянного страха, когда даже близкий родственник боится лишней раз при посторонних поздороваться с ней, она, дочь муллы, боялась не за себя, а за сидящего в тюрьме без вины виноватого мужа, за своих еще не подросших трех детей. Как результат, Альберт Фазылович довольно быстро забыл те первоначальные, азбучные знания арабского алфавита.

Во время работы в фондах Башкирского госархива он ежедневно раскрывал все новые и новые аккуратно прошнурованные, пронумерованные и скрепленные красной сургучной печатью метрические тетради, в которые мулла или его помощник заносили все данные о рождении, бракосочетании, разводе и смерти наших предков, и столкнулся с необходимостью перевода записей со старотатарского алфавита на кириллицу. В то же время он очутился перед дилеммой: нанять квалифицированных переводчиков либо самому изучить старотатарский алфавит.

Ускоренных, да и углубленных курсов по изучению старотатарского алфавита в г.Уфе в то время (начало XXI в.) не нашел. Из-за сжатого срока свое обучение он отложил на более поздние сроки.

В читальном зале госархива вездесущие товарищи подсказали, что переводчика-арабиста можно найти в соборной мечети, неподалеку. Через знакомых в мечети он вышел на переводчика – таджика Насрулло, который квалифицированно владеет арабским языком и алфавитом, прожил более 10 лет в Ливии, сейчас с большим семейством живет в подвале Исламского университета и исполняет какие-то обязанности в мечети. Со старшим в мечети он договорился, и Насрулло отпустили на некоторое время для работы в архиве. Получал он за день работы в среднем около 200 рублей (в ценах 2000–2002 гг.). В разных местах здания госархива Альберт Фазылович находил ему место-уголок для совершения намазов и часто с ним обедал в столовой Башкирского государственного университета. Как-то он приболел и Альберт Фазылович навестил его по месту жительства, в подвале Исламского университета, познакомился с его дружной семьей и ватагой мальчуган. Они долго беседовали о делах, о Таджикистане, который Альберт Фазылович посещал не раз. Насрулло действительно хорошо владел арабским алфавитом и арабским языком, но татарские имена переводил (точнее, читал) с фарсийским акцентом (Абдулло, Рахматулло и пр.).

Кстати, коллеги по читальному залу познакомили Альберта Фазыловича также с Махмуда-апой Зиямовной Хамитовой, приятной, общительной старушкой 80 лет, подвижной, сухощавой. Она до пенсии преподавала математику, в то время проживала одна и часто в архиве помогала переводить тексты. Возможно, арабский алфавит она знала немного хуже, чем Насрулло, но зато хорошо знала арабское написание татарских имен и почти безошибочно их переводила. У них между собой были довольно частые споры и разрешали их другие переводчики, которых приходилось отыскивать в читальном зале. Махмуду-апу арабскому алфавиту научили две ее бабушки.

Особенно хочется отметить внимательное отношение и взаимопонимание со стороны работников Центрального исторического архива РБ: замдиректора Калимуллиной Гюльнары Темирьяровны, заведующего читальным залом Гатиатулина Зульфара Габитовича и др., бывшего директора Архива ЗАГС РБ Кутушева Раиса Рахимовича, сотрудницы этого же архива Куватову Гульнас Ахмировну и др. Зур рәхмәт сезгә!

Далее Альберт Фазылович вспоминает: «В один из таких дней Махмуда-апа меня спрашивает: «Где же твоя старшая сестра – Альфия?». Я чуть не упал со стула – ведь сестра Альфия была старше меня лет на 15 и умерла незадолго до моего рождения. А Махмуда-апа в ответ спокойно мне отвечает, что она училась в 5-м классе у моего отца в деревне Бакай, где он работал директором школы и преподавал. Там его арестовали и осудили на 10 лет. Я родился 13 марта 1937 года, а отца арестовали 15 декабря 1937 года. Естественно, она не знала про смерть Альфии-апы.

Когда я после длительного пребывания в г. Уфе вернулся в Москву и значительно потратился, после анализа ситуации решил все-таки изучить арабский алфавит самостоятельно и, вооружившись самоучителями, взялся за дело. Чисто арабский алфавит освоил сравнительно недолго и бегло читал

типографические издания. Старотатарский шрифт также освоил довольно быстро и читаю довольно спокойно типографические произведения, а вот записи мулл разбирать удается весьма и весьма трудно.

Я недаром подробно остановился на больших затруднениях при проведении родословных исследований. И хотелось бы, чтобы Меджлис обратился в БГПУ, другим университетам и исламским учебным заведениям, чтобы последние занялись преподаванием факультативного курса старотатарского алфавита.

Итак, для сохранения самобытного татарского языка и для воссоздания вновь родословной и схемы кланов татарских дворянских родов необходимо срочно перевести на кириллицу и, скопировав с госархивов, сосредоточить в меджлисных фондах все данные о татарских дворянах, естественно, с использованием самых современных носителей информации.

Список использованной литературы

1. Саид мурза князь Еникеев. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: «Гилем», 1999.
2. Терегулов А.Г. Объединенное дворянство тюркских народов // Дворянский вестник. – 2007. – № 71. – С.2–3.

М.М. Гимадеев

Из опыта работы по изучению истории села Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на РТ. Задачи по возрождению татарских дворянских родов

В последние годы в народе пробудился очень большой интерес к истории. Силен он и на моей Родине. Я родом из с.Шаймурзино Дрожжановского района Республики Татарстан. Как известно, здесь компактно проживают татары-мишари буинско-симбирской (иногда называют буинско-дрожжановской) группы.

У нас в селе функционирует музей, созданный по инициативе бывшего председателя колхоза Героя Социалистического Труда, легендарного Ахметгарая Шакирзяновича Абдреева. Сельчанам удалось сохранить музей в трудные 90-е и кризисные годы. Особенно оживилась работа, когда директором музея был Закария Насыбуллович Азизов, прекрасный педагог и организатор. Кстати, он и мой учитель, и наставник по жизни. Азизов постоянно пополнял фонд музея. Он сделал простую, но очень трудоемкую работу, составил родословные 7 наиболее старинных и больших родов села. Тем самым он связал нынешнее поколение сельчан с первопоселенцами.

Музей наш по итогам работы за 2000 год был признан лучшим сельским музеем Татарстана. В 2003 году директору З.Н. Азизову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан». Сейчас музей возглавляет Абдриева Рамиля, музей работает в полную силу, там всегда много посетителей.

Однако мечтой наших сельчан была книга об истории села. Идея зародилась первоначально у нашего Героя Соцтруда Абдреева. Ахметгарай Шакирзянович создал музей, но организовать выпуск книги, к сожалению, не успел. Ушел из жизни подхвативший эту идею и З.Н. Азизов. Однако еще при жизни он активно привлекал меня к этой идее и, по сути, создание книги об истории села для меня стало как бы выполнением завещаний Азизова и Абдреева, уважаемых мною людей.

После выхода на пенсию я вплотную занялся пополнением материала вместе с председателем Совета ветеранов С.З. Бикчуровым. Из сельчан-ветеранов, интеллигенции создали комиссию, которая работала по разным направлениям деятельности.

Главная трудность – это крайняя скудость документальной базы, точнее сказать – полное ее отсутствие. Извечная беда многих не минула и Шаймурзино, в 1924 году полностью сгорела волостная изба и все документы погибли.

Пришлось начинать с поисков документов. Мы, в первую очередь, посоветовались в Казани с Рамилем Равиловичем Хайрутдиновым из Института истории и с Дамиром Шарафутдиновым – тогдашним начальником архивного управления.

Благодаря их советам, удалось выработать правильное направление, что облегчило поиск, в чем мы потом неоднократно убеждались.

По их же совету познакомились с прекрасным ученым, академиком Марселем Ибрагимовичем Ахметзяновым. Несмотря на большую занятость, он постоянно уделял внимание к нашей работе, помогал советом и делом. Поддерживал добрым словом во время неудач, даже перевел для меня кусочек текста с арабской графики, выкроил время и съездил в Шаймурзино, помог установить место захоронения Шахи-мурзы – и это все абсолютно бескорыстно.

Работу надо было начинать с архивов. Пришлось совершить около десяти поездок в архив Ульяновской области, продуктивной оказалась работа и в Татарстанском архиве. Съездили в Москву, в РГАДА, связались по почте с архивами Пензенской, Нижегородской и Рязанской областей.

Удача улыбнулась нам в Ульяновске. В делах казенной палаты удалось найти судебное дело по тяжбе за землю, где приводится в полном объеме текст «владенной выписи» – документа на право владения землей.

Невозможно описать словами чувство радости и настоящего счастья, когда я держал в руках основополагающий документ образования родного села. Кроме того, удалось найти документы на покупку земли у симбирских помещиц, родных сестер Мотовиловых. В документе стоит личная подпись и печать моего родного деда, тогдашнего старосты села Малое Шаймурзино. Своего деда я никогда не видел, когда я родился, его уже не было в живых.

По «выписи» удалось установить точную дату образования села – 1645 год. До этого годом образования считался 1674 год, и то приблизительно.

Первое упоминание в документах «О Шаймурзинской земле» датируется 1615 годом.

В XVI веке, в связи с необходимостью охраны участка государственной важности дороги, соединяющей Казань с южными окраинами Горной стороны от лихих людей, сюда были снаряжены поместные войска татар во главе с Шахи-мурзой. Им была выделена земля и по обе стороны реки образовано селение, которое поселенцы называли по имени своего начальника.

К слову, во время работы над книгой нашли место, где в селе стоял дом мурзы. К сожалению, на этом месте сейчас искусственный водоем. Как было отмечено выше, установлено место захоронения мурзы на старом кладбище. У изголовья могилы установили металлический столб с полумесяцем. К столбу прикреплена табличка из нержавеющей стали с указанием сведений о мурзе. Сам он, как нам удалось установить, из ногайских аристократов, попавших на российскую службу.

Нам удалось увековечить память в нашей книге почти забытого просветителя XIX века, одного из лучших учеников Ш. Марджани – Абубакира Абдрашитова. Кстати, первым о нем заговорил известный историк Р. Амирхан.

Книга под названием «Шаймурза», в соавторстве с С.З. Бикчуровым, вышла в 2009 году в издательстве «Идель-Пресс». Книга из 280 страниц. Готовила ее к печати наша односельчанка, ныне проживающая в Казани Альфия Ханбекова.

Несколько раньше, в 2006 году, вышла моя книга из 130 страниц по истории села М.Шаймурзино.

Я очень рад, что именно мне, потому что Шахи-мурзы – основателя села, спустя почти 400 лет удалось послужить своей малой Родине, написав ее историю.

Уже после выпуска книги, мы – авторы, продолжаем осмысливать и анализировать материал, почерпнутый из архивов. Например, нам думается, что еще в незапамятные времена через Шаймурзинскую переправу пролегал знаменитый торговый путь из Булгар в Киев. Тогда села Шаймурзино еще не было, но, естественно, река и переправа через нее была. На нашем форуме присутствуют представители исторической науки, если кого-то это заинтересует, может представить свои соображения.

Почти одновременно с нами написала историю села Большая Цильна Римма Фахретдинова. История села Малая Цильна – родины народного артиста России, обладателя многих титулов и званий Рината Тазетдинова, была написана несколько раньше. Фактически все крупные села района имеют отпечатанные типографским способом истории (правда, малым тиражом). Выпустили свою историю и близлежащие села Нижние Тинчали и Нижнее Шаймурзино из соседнего Буинского района.

К 70-летию района выпущена книга местного краеведа-любителя Р.С. Субаева. в Интернете есть сайт района, где можно получить основные данные, в том числе по истории. Районная газета «Туган як» постоянно публикует статьи на исторические темы.

Проводится работа по выявлению и возрождению дворянских родов. В Шаймурзино – это пока я один, продолжатель рода Шахи-мурзы в 9-м поколении. Вернули себе титул мурзы

Сулеймановы из соседнего села Малой Цильны. Они – потомки знаменитого Баюша-мурзы Уразгельдеева, получившего за отличие грамоту от князя Дмитрия Пожарского.

Трудности с восстановлением титулов у нас связаны с тем, что большинство из них в начале XVIII века были низведены в крестьянское сословие за некрещение. Бежать в Башкирию или куда-то еще они, видимо, не смогли. Отсюда неоднократное изменение фамилий. Земля была в общинном владении, и обязательной необходимости ведения родословных не было, поэтому они велись очень редко. Вот такая загвоздка у нас пока получается – много трудностей, без подключения администрации района, видимо, этих проблем не решить. Находясь в Набережных Челнах (все-таки расстояние большое), такую работу вершить очень сложно. Но этим летом намереваюсь осуществить это.

Пользуясь случаем, в конце выступления хотелось бы поднять один вопрос: в республике много настоящих энтузиастов, любителей-краеведов, которые не считаясь со временем, материальными затратами без какой-либо выгоды для себя занимаются историей своей малой родины, района, республики, всего татарского народа. Не секрет, что эта работа иногда идет в ущерб интересам семьи. Нельзя ли оказать им какое-то внимание? Например, организовать смотр этих работ или книг, придумать какие-то меры минимального хотя бы поощрения, как-то отметить, рассказать о них по телевидению. Я уверен, такого рода мероприятия окрылили бы многих, кто способен сделать еще много полезного для общества, народа.

В заключение хочу выразить огромную признательность организаторам этой конференции. Необходимость регулярного проведения таких мероприятий очевидна. Необходим как воздух обмен мнениями и опытом в определении путей движения вперед. Главное – не копить вопросы, а своевременно их решать.

Л.А. Давлетшина

Родословная Ишмана – «Ветвь Утямишевых»

В одной из экспедиций в д. Маскара сотрудники Кукморского краеведческого музея обнаружили знаменитую родословную Ишмана, о которой им известно было по книге М.Ахметзянова «Татарские родословные» (Казань: Таткнигоиздат, 1995).

Родословная сохранилась в Маскаринском школьном музее, в нее вошли 433 представителя рода. Эта копия была переснята в 1945 году Габделмазитом Хузиахметовичем с сохранившейся родословной у Ахметфатиха Мухамедхадиевича.

При исследовании родословной, опираясь на архивные, газетные, журнальные материалы, книги, по итогам исследования кладбищ района (на одном только Маскаринском кладбище сохранилось 23 надгробных камня, принадлежащих представителям этого рода), удалось выяснить следующее: род ведет свое начало с 1600-х годов.

Ученые издавна уделяли пристальное внимание к этому роду. Например, Шигабетдин Марджани в свое время высказал предположение о том, что родоначальники этой фамилии берут свое начало с города Хан-Кирмана (т.е. город Касимов). Это сообщение особо не перечит ходу истории: после распада Касимовского ханства есть сведения о передвижении части населения. В более поздних копиях родословную связывают с Булгарским государством. Но о передвижении населения в середине XVII века с территории Булгар информации нет, т.к. в этот период на этом месте возникла уже русская деревня.

Современный представитель данного рода ученый Ильдар Рустамович Утямишев, опираясь на воспоминания отца, сообщает о том, что «...родовые нити ведут к крымским ханам, имеют общих прадедов с Сююмбике, дочерью ногайского мурзы, и все связаны с потомками Чингизхана».

Как видно из вышеизложенного, существуют несколько версий возникновения этого рода.

По архивным материалам известно, что представители этого рода закрепились в Казанском уезде как ясачные татары, а не служилые, какими обычно являлись касимовские татары.

В родословной, хранящейся в Кукморском музее, дается следующая информация: у Сулеймана из г. Булгар был сын Кул Сулейман, у Кул Сулеймана был сын Кудаш (Кавыш), у Кудаша – Табеж (или Типяч – в народе). Далее из книги Ш.Марджани «Мостафадел-акбар фи ахвали Казан ва Болгар» (Казань: Таткнигоиздат, 1989, с.229–230) можно выяснить: сын Типяча-Кучук был основателем д. Бурбаш Балтасинского района РТ (раньше деревня называлась «Починок Кучу-

кова»). Следует уточнить, что этот род имеет определенное отношение к основанию деревень в Зазанье и некоторых других деревень в Балтасинском и Кукморском районах.

По утверждению Ш.Марджани в книге «Мостафадел-акбар фи ахвали Казан ва Болгар», «сын Кучука Туктаргали промышлял торговлей в окрестностях Оренбурга и Каргалы. Скончался он в 1675 году (1080 г. хиджры) и захоронен на кладбище деревни Бурбаш» (надгробие хорошо сохранилось до сегодняшнего дня). Здесь необходимо отметить, что сведения о поездке Туктаргали в Оренбург и Каргалы в работе Ш.Марджани оказались исторически ошибочными, т.к. они были основаны после его смерти в XVIII веке. Правда, более поздние потомки Туктаргали вели здесь торговлю.

Двое сыновей Туктаргали – Ишман (1610 г.р.) и Ишкай (третий сын – Мамат) в поисках плодородных земель для проживания отправились вниз по течению речки Бурец и основали на берегу реки д. Маскара.

Хотя Ш.Марджани в своей книге не называет дату переселения из Бурбаша в Маскару и в копии родословной говорится о том, что «прадеды на эти земли пришли примерно в 1700-е годы», однако архивные источники указывают на то, что эти события произошли еще до 1678 года. В документах переписи населения этого года описаны владения данного рода близ деревни Маскара.

Переселение Ишмана, сына Туктаргали, в Маскару обусловило появление другого названия деревни – «дер. Ишман», «селение Ишман», «Ишман иле», а в русских документах – «Ишменево». Со временем «Ишменево» было искажено и превратилось в «Ячменево». Жители соседних русских и марийских деревень до сих пор его так называют.

По одной из легенд братья из д. Бурбаш с собой перевезли деревянную мечеть. У Ишмана в Маскаре появились четыре сына: Биктимер, Сайт (Сает), Юсуф и Ает.

У Юсуфа родился сын Габдессалам, но о нем известно только то, что мужем его дочерей Махбубы, а затем и Хабибы был ахун Мухаметрахим сын Юсуфа Ашыты (родом он был из д. Ашыт, получил начальное образование от отца и от ученых мужей того периода. После десятилетнего проживания в Дагестане, по желанию Маскаринских баев, Мухаметрахим назначается в Маскару имам-хатибом, мударрисом и ахуном этой округи).

Наиболее известным и прославленным представителем династии является сын Габдессалама Габдулла Утямишев. Он основал в конце XVIII века текстильную мануфактуру и стал малмыжским первой гильдии купцом (до 1920 года д. Маскара была в составе Малмыжского уезда Вятской губернии).

В целом, представители этой родословной сыграли огромную роль в развитии просвещения, культуры и промышленности края. Так и Габдулла Утямишев остался в истории как крупный благотворитель, построивший десятки мечетей по всей России, в том числе и Казанскую «Иске таш мечет». Он был весьма просвещенным человеком, получившим образование в Маскаре и Бухаре, автором нескольких книг по вопросам религии. Жена Габдуллы – Мархаба Утямишева была родной сестрой Габдулнасира Курсави (выдающегося богослова – реформатора).

В 1791 году Габдулла сын Габдессалама начал строительство первой соборной мечети в д. Маскара, а в 1793 году в ней был прочитан первый намаз (полуразрушенное здание мечети сохранилось до сих пор). Таких мечетей в Татарстане сохранилось две. Вторая – в деревне Кышкар (построена в 1777 году, ее реставрация закончилась в 2002 году).

Габдулла, прожив около ста лет, скончался в Маскаре 1 декабря 1832 года, оставив после себя семерых детей. Похоронен на деревенском кладбище. Надгробие сохранилось.

Промышленную и коммерческую деятельность с успехом продолжает Муса, сын Габдуллы аль Ишмани. Он получил прекрасное богословское образование в Бухаре, как и отец, писал богословские трактаты.

В 1800 году Муса добивается принятия ислама около 60 удмуртов-язычников, проживающих в то время в Маскаре. В честь этого события он строит деревянную мечеть, образуя второй приход и свой дом переводит ближе к мечети. Скончался в конце 1836 года, похоронен на Маскаринском кладбище. Его жена Салиха скончалась 3 июня 1838 года в возрасте 67 лет. На кладбище сохранилось надгробие, одно на двоих – Мусе и Салихе.

В 1871 году мечеть, построенная Мусой, сгорает от пожара, и на ее месте сын Муссы – Исхак на свои 700 рублей строит каменную мечеть (в 1872 г.).

Исхак (1810–1872 гг.), так же, как и отец, занимается торговлей и промышленностью, руководит текстильной и красильной фабриками. По коммерческим делам часто бывает в Казани, роднится со знатной Казанской семьей Баруди – Галимжаном Мухаммаджановичем Галиевым (1857–1921 гг.) – основателем и руководителем медресе «Мухаммадия» с 1881 года. С 1891 года Баруди начал вводить новометодную систему обучения.

Исхак, проживая в родовом доме в д. Маскара с женой и дочерьми Бибимахруй (Баруди), Бибинагима (Баруди) и сыном Ахметжаном, строит в Казани одноэтажный дом. В 1872 году он скончался, успев достроить каменную вторую соборную мечеть в Маскаре и второй этаж дома в Казани. Похоронен на Маскаринском кладбище, надгробная плита сохранилась в хорошем состоянии. Здание мечети уже долгое время служит клубом. Сын Исхака Габдулла Утямишев (1864–1919 гг.), первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин, построил на свои средства третий этаж медресе «Мухаммадия», материально поддерживал это учебное заведение, в котором получили образование ставшие в последствии известными татарские писатели, ученые: Ф. Амирхан, М. Гафури, Г. Камал, К. Тинчурин, С. Сайдашев.

У Габдуллы Исхаковича родились 7 детей: Фатима, Хиндия, Разия (1900–1987 гг.), Назия (1908–1924 гг.), Хашим, Хадича (1910–1987 гг.), Мохаммат.

Дочь Хадича преподавала в г. Казани в женской гимназии Фатихи Аитовой. Ее муж – педагог Габдельбар Кадыров. Супруги-педагоги долгое время преподавали в школах нескольких районов РТ, в том числе и в Вятских Полянах Кировской области. Разия и Назия Утямишевы также вели большую педагогическую деятельность среди девочек татар. Это девятое поколение проживало уже в г. Казани.

Дети Хадичи – Лейля и Наиль. Сын Наиль (1919–1972 гг.) окончил Сумское артиллерийское училище и с первых дней войны ушел на фронт добровольцем. За боевые заслуги награжден орденом Боевой Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени. Дочь Лейля (1921–1980 гг.) – участница ВОВ, была на фронте врачом-хирургом. После войны работала врачом в г. Казани. Отличник здравоохранения РТ.

Дочь Лейли – Фарида (1955 г.р.) окончила с отличием факультет иностранных языков КГПИ. Кандидат педагогических наук, зав. кафедрой углубленного изучения иностранных языков социально-юридического института. Награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ (2001 г.). Сын Фарида – Тимур (1987 г.р.) окончил школу с углубленным изучением английского языка, студент.

А фамилия Утямишевы сохранилась по линии сына Габдуллы – Хашима: его сын – Хайдар (1955 г.р.), внуки Дамир (1980 г.р.) и Динар (1981 г.р.) проживают в Казани.

Начиная с XVII века, по одной ветке родословной Ишмана можно проследить интересную тенденцию. Представители этого рода активно поддерживали и проводили большую просветительскую работу. Оказали большое влияние на становление и развитие татарского гимназического образования и на просвещение татарского народа. Некоторые из них сами преподавали в медресе и мектебах, были мусульманскими богословами, другие поддерживали талантливых шакирдов и целые медресе. Ими были пожертвованы большие средства на открытие медресе и строительство мечети, содержание учителей и издание учебных пособий. Занимались ликвидацией неграмотности в районах РТ, обеспечивали крестьян работой, что позволяло им безбедно существовать.

Еще один представитель родословной – Исмагил Мухаметгалиевич Утямишев (1863–1937 гг.) – крупный купец, член Учредительного собрания, член Казанской городской думы, один из руководителей «Милли шура». Окончил с золотой медалью Симбирскую гимназию, в которой учились А.Ф. Керенский, В.И. Ульянов, а затем получил образование в Симбирском реальном училище, после чего – Санкт-Петербургском Политехническом институте. Это был очень образованный человек, квалифицированный инженер, неплохо владеющий многими иностранными языками, в т.ч. латинским и древнегреческим. В то время реальные училища и гимназии давали конкретные профессиональные знания: экономиста, бухгалтера, педагога, что очень пригодилось Исмагилу Утямишеву после Октябрьской революции. Жена Исмагила – Зубайда потомок всемирно известного ученого-геолога, философа, историка, энциклопедиста, исследователя Шигабутдина Марджани, дочь Мухамеджана Каримова – видного книгоиздателя, который наряду с изданием мусульманской литературы, много труда вложил в издание произведений татарских писателей, историков, классиков русской литературы. Книгами из его типографии обеспечивались Средняя Азия и страны Ближнего Востока. У него были крупные типографии и хорошо оборудованные книжные магазины в г. Казани и в других городах России. Зубайда Мухамеджановна для своего времени была достаточно образованной женщиной, окончила Казанскую гимназию, грамотно писала и читала тексты, написанные арабским, латинским и русским шрифтом, в совершенстве владела русским языком. Эта была очень порядочная, добрая, отзывчивая и смелая женщина, которая из любого сложного положения находила выход. Будучи практически бедной, она была лишена чувства зависти и жадности.

В 1929 году Исмагила Утямишева с семьей выселили из родового имения в д. Маскара и под арестом выслали из деревни.

Сестра Исмагила – Камария в подобном же эшелоне была выслана с двумя малолетними детьми в Зауралье. Их оставили в глухой, заснеженной, необжитой тайге без пищи, топлива, одежды, т.е. на вымирание. Первое, что там сделала Камария – своими руками умертвила своих детей, а затем повесилась сама, тем самым избавив себя и детей от длительной и мучительной смерти.

Дети Исмагила и Зубайды – дочь Тюрфанда и сын Узбек (23.04.1926 г.р.). Они на себе испытали трагедию, типичную для многих лучших людей России, избранной частью ее генофонда, что означало трагедию целого народа, всего Великого государства Российского. Сын Утямишевых пишет в своих воспоминаниях: «Но мог ли я об этом знать, не смысленный, едва достигший своего трехлетнего возраста. Вспоминая, вероятно, приютившую нас холодную избу крестьянскую, я не мог понять, почему мы не живем в нашем красивом каменном доме, где всегда тепло, много гостей. Почему с нами нет отца, которого в деревне называли то хозяином, то инженером? Мой ограниченный детский ум не мог понять, почему постоянно горько плачет моя мама. Я помню как глубокой ночью мама надевала на меня, как я потом понял, остатки моей теплой одежды. Затем меня, сестру, маму погрузили в открытые сани, забросали соломой и в жестокий мороз куда-то повезли. Село Маскара, откуда нас увозили, было окружено дремучими лесами, и по ночам я боялся не чертей, а волков, которые во множестве бродили вокруг.

По мере приближения к станции, на которой останавливались поезда, увеличивалось число саней-розвальней, заполненных женщинами и детьми. Смутно помню, как мы прибыли на станцию, память сохранила длинный поезд, весь состоящий из красных вагонов, а не зеленых, в которых в начале зимы мы с мамой ездили в какое-то Кольчугино».

Погрузив в эти вагоны, Зубайду с ее детьми высылают в сторону уральских гор. В вагоне, несмотря на мороз снаружи, было душно, пол его был застлан соломой, а сам вагон вонял словно коровник. Через забитое колючей проволокой небольшое окошко, которое находилось у самого потолка, воздух практически не поступал. Мест для отдыха и сна не хватало, многие ехали стоя или присев на колени. Двери вагона ни разу не открывались, не кормили, не давали воды для питья и умывания. Вместо туалета в полу была выгрызена дыра, к которой с нескрываемым смущением люди подходили по мере надобности.

Между тем, тщедушный паровозик медленно и натужно тащил за собой вагоны, набитые невинными и несчастными людьми по предгорьям Урала. И это уже было не в первый день...

«... И вот начинается моя новая жизнь, – пишет в воспоминаниях Рустам Исмагилович. – Как-то ночью меня сонного кто-то приподнял с соломенной подстилки и с силой выбросил на ходу из окошка поезда, которое всегда было закрыто и зарешечено. Из этого эпизода я помню только то, что я куда-то летел, оказался в глубоком снегу, мимо проплыл мой поезд... Потом кто-то дотронулся до меня, раскопал в снегу. Это была моя шестилетняя сестра, она и повела меня за руку по глубокому сугробу к ближайшей деревне. Как потом оказалось, организовала «выброс» наша мама. Как это ей удалось?...».

Через некоторое время Зубайда Мухаметжановна разыскала детей. Затем они скрылись от преследований за непонятные преступления в глухих районах Узбекистана и Таджикистана. Исмагил Утямишев освободился из Мордовских лагерей (куда был сослан) досрочно и вернулся в начале 1931 или 1932 года. В этом, вероятно, сыграло свою роль его трудолюбие, усердие, профессиональные знания и полная социальная безвредность.

До смерти отца (в январе 1937 г.) семья Утямишевых проживала в г. Намангане, Андижане, кишлаках Избакейжского и Ходжейтского районов. После переезда в Узбекистан, сын Исмагила Узбек вынужден был сменить свое имя – его стали называть Рустамом.

Зубайда целые дни проводила на работе. В возрасте 10 лет лишившись отца, Рустам полностью отвечал за ведение домашних дел. Вскоре в возрасте 16 лет умирает от тифа старшая сестра Тюрфанда.

Учеба Рустаму давалась легко. Начальную школу он окончил в г. Намангане. С пятого класса обучается в Ташкентской русскоязычной школе №42 имени В.И. Чапаева. Будучи очень активным и общительным, он всегда был заводилой во всех делах. В 14 лет его избирают председателем ученического комитета.

В 1944 году он начал работать на авиационном заводе им. В.Чкалова, который в то время выпускал боевые самолеты. На работу он был принят клепальщиком. Тогда же на заводе был освоен выпуск радиолампы. Это в дальнейшем и определило профессиональные пристрастия Рустама, как радиоинженера.

В 1945 году он поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения, который находился в эвакуации в Ташкенте. После окончания института молодого специалиста, радиоинженера Р.И.Утямишева направляют в ГК НИИ ВВС. Через несколько месяцев он был призван в ряды Вооруженных сил.

С первых же дней лейтенант Утямишев проявил себя грамотным и инициативным специалистом. Следует отметить, что в этот период были заложены основы современной авиации и систем вооружения и определены пути их развития на долгие годы. С появлением стратегической авиации дальнего действия возникла необходимость обеспечения заправки в воздухе самолетов, находящихся длительное время в воздухе, на боевом дежурстве. В это время капитан Утямишев принимал активное участие в осуществлении этого важного дела.

В 1959 году Р.И.Утямишев был награжден медалью А.С.Попова за лучшее изобретение года в области радиоэлектроники. В то же время возникает идея наведения ракеты на цель по радиосигналу. Этот метод, в разработке которого участвовал Рустам Исмагилович, прошел успешные практические испытания, когда первого мая 1962 года в небе над Свердловском на большой высоте был сбит пилотируемый Пауэрсом самолет-разведчик.

Трудно перечислить все события из жизни Р.Утямишева: это и запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года, полеты Белки и Стрелки, спутников к Луне, полет Ю.А.Гагарина. В эти годы инженер-майор Р. Утямишев включился в программу по созданию аппаратуры для жизнеобеспечения пилотируемых космических кораблей, систем подготовки космонавтов. За комплекс работ по подготовке и осуществлению первого полета пилотируемого космического корабля в 1961 году. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С октября 1967 года до апреля 1984 года Р.И.Утямишев руководит Всесоюзным научно-исследовательским институтом хирургической аппаратуры и инструментов (ВНИИХАИ), образованным в 1951 году.

Из ныне живущих потомков рода Утямишевых также можно назвать известного богослова, автора пяти книг, мухтасиба и имама деревни Бурбаш Балтасинского района РТ Жалиль хазрат Фазлиева. Он также изучает и разрабатывает родословную Ишмана. Ознакомившись с архивными материалами, он выяснил, что в д. Бурбаш в настоящее время проживает 67 домохозяев, представителей этого рода.

Вторая ветвь родословной Ишмана. Представители родословной Ишмухаммеда уделяли особое внимание образованию детей. Начальное образование они получали в медресе родного села (из этого медресе вышли многие татарские просветители: отец К.Насыри, Г.Курсави и др.)

У Ишмана, прародителя рода Абдулвалиевых, родился сын Юсуф, от Юсуфа – Халиль, затем – Габдрашит. Следующим продолжателем рода был Гайса, у которого два сына – Исхак и Габделвали. Габделвали (прапрадед классика киргизской литературы Чингиза Айтматова) имел девятерых детей. У одного из сыновей Габделвали Хасана было трое детей: Хамза, Ахметгали и Галия.

Хамза – дед Ч.Айтматова по матери. Для своего времени он был достаточно образованным и всесторонне развитым человеком, хорошо говорил и писал на русском и арабском языках; особенно талантлив был в купеческом деле. Главным образом он занимался торговлей мануфактуры, имел связи с деловыми кругами Москвы, Санкт-Петербурга, позже с Польшей.

Скоро ему стало тесно в Маскаре, и он, оставив молодую жену и сына, отправился в путешествие с караваном, шедшим по Великому Шелковому пути.

Одним из пунктов следования каравана был г. Каракол на берегу озера Иссык-Куль. Хамза, очарованный его природой, решил обосноваться здесь. Подружился с местными деловыми людьми и открыл свое дело, стал возить из России ткани.

Благодаря своей предприимчивости и трудолюбию он прочно встал на ноги и пригласил на Иссык-Куль младшего брата и сестру (Ахмедгали помогал вести совместное дело, а Галия вышла замуж за самого богатого скотопромышленника края).

Так как Хамза длительное время находился вдали от семьи, то по шариату он мог жениться еще раз. И в 1887 году его второй женой становится Газиза (родилась в знатной татарской семье Сибири). У них родилось 8 детей: 4 сыновей и 4 дочери: Шариф, Зайнап, Сабир, Мухаммат, Гульпа, Асьма, Нагима, Абдулла.

Воспитанию и образованию детей в семье Абдулвалиевых придавалось особое значение. Дети сначала учились в медресе (в мусульманской школе), а затем – в русской. Нагима, которая из восьмерых детей была наиболее похожа на свою мать и внешне, и по характеру, закончила женскую гимназию Каракола.

Торговые дела Хамзы и его брата с каждым днем расширялись. Они построили торговые ряды под тип «Гостиного двора» в С.-Петербурге.

Хамза пользовался уважением горожан и за свои человеческие качества: принципиальность, честность и гуманность. Занимался благотворительностью: по праздникам в их доме готовились обильные угощения и для богатых, и для бедных, а жена Газиза раздавала ткани бедным семьям, чтобы они сшили новые платья девочкам.

К приходу советской власти и переменам в общественном строе Хамза был подготовлен. Он добровольно сдал все свое имущество государству, а взамен получил маленький двухкомнатный домик. Дети уже к тому времени разъехались, Хамза стал заниматься любимым делом – садоводством (а урожай ежегодно сдавал государству). Он умер в 1931 году вскоре после кончины любимой жены.

В 1925 году Нагима окончила вторую ступень школы, ей уже был 21 год. Пыталась поступить в медицинский техникум, но из-за «байского происхождения» не была допущена к экзаменам. Приписав себе крестьянское происхождение, окончила курсы стенографисток. Устроилась в обком комсомола, где произошла ее встреча с Торекулом Айтматовым, он в 1926 году был назначен ответственным секретарем ВКП(б) в Караколе.

Айтматовы были интернационалистами и детей своих воспитывали в этом же духе. С 1935 года по 1937 год они жили в Москве, а в 1937 году, когда Торекула исключили из партии, вынуждены были переехать на родину отца в маленькое киргизское селение Шекер.

1938-й год был годом, когда возросло давление, мучения и ссылки не только в Киргизстане, но и во всех республиках Советского Союза.

Газеты, постоянно печатая статьи о том, что «враги народа» остаются безнаказанными, подстрекали руководство на местах к действию.

Как и везде, в Киргизстане тюрьмы были переполнены людьми.

Многих людей, любимых народом, клеймили как «врагов народа» и сажали в тюрьму.

Одним из таких был и отец Чингиза Айтматова. Когда его забрали из дома, объявив врагом народа, на руках у Нагимы осталось четверо малых детей. С тех пор она постоянно болела, была на инвалидности, но тянула свою лямку, так как не могла оставить детей сиротами.

Торекула Айтматова и еще 136 киргизских ученых, народных лидеров и деятелей культуры тайно (опасаясь народного бунта) расстреляли в тот страшный 1938-й год, а тела закопали в одной большой яме на территории кирпичного завода в Чон Таше, который сейчас называется Ата Бейит.

Этот факт стал известен только в 1990 году. Яма была вскрыта властями, там нашли останки 137 тел. Чингиз Айтматов, его сестра и брат нашли своего отца, которого искали полвека (их мать, уставшая от ожидания, умерла в 1971 году от кровоизлияния в мозг).

Кости найденных останков были по отдельности положены в саркофаги и в присутствии государственных деятелей, близких родственников и многочисленной толпы простых людей были захоронены с почестями в Ата-Бейит.

Момент, когда 137 саркофагов по общему приказу одновременно опустили в подготовленные заранее могилы, стал для Чингиза Торекуловича самым трагичным. Они потеряли отца, которого искали всю жизнь, в тот же день, что и нашли. Они пережили много страданий, но помнили о том, что люди должны прощать, иначе зло будет продолжаться бесконечно.

Чингиз с 9-ти лет – сирота, сын расстрелянного «врага народа», с 10-ти лет он уже работал, а в 14 стал самым старшим в ауле: остальные мужчины ушли на фронт. На нем была ответственность за женщин и детей всего аула, за свою семью (старенькую бабушку, сестренку, брата), за скот, без которого в высокогорной Киргизии не выжить.

Тяготы и невзгоды жизни возмущали неокрепший дух Чингиза. Когда украли корову, оставив семью без единственной кормилицы, он хотел убить вора. Но слова встреченного в степи старика остановили его: «Не убивай никого... Этот мир несправедлив...». И 12-летний Чингиз нашел в себе силы услышать эти слова! Именно из них и сформировалась его мировоззрение. Еще долгие годы будет он вспоминать эту встречу и наставление, которое принял как отеческое.

Память об отце была для него священна. За нее он боролся в 56-ом, когда добивался реабилитации отца. И после этого – еще почти полвека – пока не нашел его могилу.

Рано потеряв отца, он бережно относился к матери, чтил ее татарские корни и всегда охотно приезжал в Татарстан. Чингиз Торекулович так вспоминал о последних моментах жизни матери: «После приезда из очередной поездки в Казань, мама была уже тяжело больна. Тем не менее она расспрашивала меня о Казани с большим интересом. Я привез ей пуховый платок. Она этот платок приложила к горящей щеке, а я ей спел татарскую песню, услышанную во время встречи с

писателями в Казани. Мама слушала, чуть улыбаясь, будто представляла меня среди друзей – татар. Через два-три часа она умерла...».

Чингиз Айтматов высоко ценил вклад татарского народа в развитие культуры и просвещения тюркских народов. Он и сам был не только писателем (на сегодняшний день его произведения переведены на 170 языков мира, а их тираж достиг 60 млн.), но и ярким общественным деятелем. Он выступал на республиканских и международных конференциях, симпозиумах и форумах (по его инициативе в 1986 году был проведен Исык-Кульский форум, писал глубокие статьи, посвященные проблемам культуры и цивилизации).

Академик Николай Дыров говорил: «Творчество Айтматова, как и творчество Шекспира, обладает удивительной способностью: необходимость его для цивилизации с каждым годом будет становиться все больше – для восстановления понятий ценностных категорий, которые утрачивает современная цивилизация, теряя при этом свою духовную и культурную значимость.

Близко знавшие его люди вспоминают, что он везде и всюду работал, был всегда собран, целеустремлен и мудр. Никогда не заставляли его в состоянии уныния и растерянности. Он считал себя аксакалом Средней Азии и делал все возможное для сохранения дружбы между народами.

В Священном Писании говорится: «Много званых, но мало избранных». Он именно был таким избранным из званых. Почему так? И почему именно он? Что особенного было в нем, советском по происхождению человеке, что позволило ему пройти такой путь нравственного восхождения? ...

Чингиз Айтматов был два раза женат, имел четверых детей. Одного из своих сыновей он назвал татарским именем Ильдар. По этому поводу он говорил: «Ильдар означает человека, имеющего родину, хозяина своей страны. Не только киргизский народ, но и мой род имеет непосредственное отношение к татарам. Я хотел, чтобы мой сын почувствовал тепло земли далеких предков».

Он умер на 80-м году жизни, не успев осуществить свою мечту – посетить места, связанные с предками по линии матери и встретиться с родственниками.

Ч.Айтматов значится 16-м поколением по родословной матери.

А.Д. Эдилерский

Правовое положение татарских мурз в Российской Федерации

Позвольте Вас ознакомить с некоторыми, возможно для Вас известными событиями нашей непредсказуемой истории вообще и с историей мурз, в частности.

Татарские мурзы прошли весь тернистый путь бок о бок со своим народом, поэтому вызывает возмущение отдельные высказывания некоторых граждан о пресловутом не патриотизме мурз.

На Востоке известна мудрая пословица, проверенная веками: собака лает, караван идет.

В затянувшейся дискуссии с неким Овчинниковым А.В. (в газете «Звезда Поволжья»), безусловно выполняющим определенный заказ по чудесному выводу на сцену истории «древних славян, испокон веку» проживавших(?) в Поволжье – дабы в одночасье превратить Ивана Грозного – сыноубийцу в освободителя(?) исконно славянских земель, на наш взгляд, не мешало бы опустить занавес, ибо этот ничтожный подвиг смердяковых буквально купается в лучах нежданно свалившейся на него славы! У него уже интервью берут, а он выдает на гора перлы: национальность – дело прошлое, нации отменить, заменив новоязом – россияне(?!).

Дальше – больше (экстремисты рядом с ним отдыхают): «С практикой существования в составе РФ Национальных Республик пора кон-чать?!?! Лик-ви-диро-вать госу-дар-ственность Республики Та-тар-стан?!?!».

Для тех, кто спит наяву, это призыв, т.е. действия (с использованием СМИ), направленные на насильственное изменение конституционного строя РФ и к осуществлению экстремистской деятельности... Вот так, ни больше и не меньше!

А тут разгоряченные дискуссией граждане вносят уже внутринациональный подтекст. Так, один якобы радетель национального духа, именующий себя пенсионером из Нижнекамска, якобы в защиту коренных народов выступивший, решил не сворачивать с проторенной дорожки: бей своих, чтоб чужие боялись.

Этот пенсионер вдруг объявил: татарские мурзы, т.е. дворяне, предатели своего народа!? и ссылается на книгу А.Х. Халикова «500 русских фамилий, имеющих болгаро-татарские корни», но, сказав название книги, т.е. не прочитав ее, он по принципу сталинистов изрек: не читал, но

осуждаю!, доказательством чему фраза: «Из их (т.е. мурз) среды вышли великие татаро-русские (снова новояз), которыми и сейчас гордятся в России». А на наш взгляд, ими гордятся не только в России, а во всем цивилизованном мире. Что ни фамилия, то бриллиант: Аксаковы, Булгаков, Бунин, Державин, Карамзин, Тургенев, Чаадаев, Алябьев, Балакирев, Корсаков (Римский), Скрябин, Танеев, Рахманинов и многие другие.

В дореволюционной России пожертвованиями татарских мурз-меценатов создавалась система образования на татарском языке, строились школы, мечети, типографии, театры.

Вклады талантливого поэта и золотопромышленника З. Рамиева (Дэрдменда), писателя А. Еники (Еникеева), И. Гаспринского, издававшего на свои деньги знаменитую газету «Тарджеман», проекты периодики А. Максуди и И. Терегулова, постройка Салихом Ерзиным Соборной мечети в Москве в 1904 г. и множество иных благотворительных деяний самого просвещенного слоя татар – огромны и бесценны.

Те мурзы, не захотевшие креститься, были лишены дворянского звания и своих владений Иваном Грозным...

Пришли большевики. Пытались ликвидировать мурз как класс, далее в 30-е годы репрессировали в числе первых... Выжили. Разве можно ликвидировать полностью самый просвещенный и образованный слой нации? Ведь зеленые побеги пробивают асфальт, так и мурзы победили века притеснений...

С начала 90-х годов XX века Россия наконец признала своих верных сынов. Так, Государственной Думой РФ 14 апреля 1995 года был принят Федеральный закон от 19 мая 1995 года №82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. Федеральных законов от 17.05.1997 №78-ФЗ, от 19.07.1998 №112-ФЗ, от 12.03.2002 №26-ФЗ, от 21.03.2002 №31-ФЗ, от 25.07.2002 №112-ФЗ, от 08.12.2003 №169-ФЗ, от 29.06.2004 №58-ФЗ, от 02.11.2004 №127-ФЗ, от 10.01.2006 №18-ФЗ, от 02.02.2006 №19-ФЗ), причем:

«Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией общественных объединений. Иностранцы граждане и лица без гражданства имеют равные права с гражданами Российской Федерации в сфере отношений, регулируемых настоящим Федеральным законом, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами Российской Федерации.

Статья 2. Сфера действия настоящего Федерального закона

Действие настоящего Федерального закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций)...

Этот закон также позволил потомкам татарских мурз создать свои дворянские собрания (Меджлис Татарских Мурз).

Так, в 1994 г. в Уфе было создано Татарское Дворянское собрание (Меджлис Татарских Мурз) Башкортостана, а в 2003 г. Татарское Дворянское собрание (Меджлис Татарских Мурз) было создано и в Республике Татарстан, причем в настоящее время членами которого являются 265 человек – носители древних татарских фамилий.

Их потомки, осознавая преемственность поколений для сохранения нации, по крупицам собирают сведения о своих предках, честно служивших, прежде всего, своему народу.

Караван истории идет, несмотря ни на что.

Л.М. Сафин

Вклад представителей рода Бурнаевых в историю России

Уважаемые мурзы, участники и гости научно-практической конференции!

Коренные изменения, происходящие в социально-политической, экономической и духовных сферах современной общественной жизни требуют возрождения не только экономики, но и национальной идеи, культуры и истории народов нашей страны.

И именно мы – дворяне, со своей многовековой историей, культурой и традициями, наряду с другими системами общественной жизни, должны играть немаловажную роль в духовном возрождении нашей нации. Мы призваны играть одну из ключевых ролей в очищении сознания общества, показать им основные маяки и ориентиры, по которым должно идти наше современное общество, чтобы наконец-то оздоровиться. Мы должны быть примером во всех начинаниях и ратных делах, которые идут во благо нашего Отечества.

Ведь именно наши предки когда-то сыграли огромную роль в деле сохранения, укрепления и приумножения духовной и религиозной культуры татарского народа, даже после падения Казанского ханства сумели вписать свои славные имена в Историю Российского государства.

Да, сегодня мы научились с трибун открыто и смело говорить все, что хотим. Да, мы являемся потомками дворян, рассказываем своим близким и друзьям об их славных и ратных делах на благо общества и Отечества. Все это хорошо, но стоит вопрос – а что дальше? Неужели это все, что мы, наследники великих мурз, на современном этапе можем сделать для своего народа и государства? Заниматься лишь одними воспоминаниями и восхвалением нашей истории? Да, это надо делать! Наше и будущие поколения это должно знать и помнить. Но, неужели только это все наши возможности? Посмотрите, что у нас сегодня происходит в стране. Где наша духовность, патриотизм, милосердие, сострадание, любовь к Родине и т.д.? Все это забыто, растоптано, растеряно, вычеркнуто из сознания. Сегодня у большинства культ власти, вседозволенности, культ денег и богатства. Теперь не престижно, чтобы дети учились, когда за деньги можно купить диплом, найти необходимую должность и сделать карьеру. А уж говорить о том, чтобы сын пошел служить в армию – был настоящим мужчиной, защитником своей Родины – это вообще считается самым последним позором для семьи. На таких детей смотрят как на неполноценных дебилов и тупиц, не умеющие приспособиться к жизни. Теперь для многих Родина там, где хранятся свои преступно нажитые деньги. Вот что доминирует в общественном сознании. Но к радости не у всех такие идеалы.

Вот мой сын, окончив 3 курса отделения международных отношений Казанского госуниверситета, решил исполнить свой конституционный долг по защите своего Отечества. Сейчас он проходит военную службу в легендарном городе-герое Севастополе в морской пехоте, десантно-штурмовой роте. И я горд за своего сына, т.к. командование части отзывается о нем самыми теплыми словами как о настоящем воине. Среди своего гражданского окужения он смог добиться того, что уже сейчас его друзья-товарищи смотрят на его этот шаг с уважением и особым восхищением, и многие готовы последовать его примеру. Хороший пример всегда заразителен. Я уверен, что вернувшись из армии в университет, он сумеет переменить отношение современных юношей и девушек к службе в армии и к Отечеству.

В настоящий момент наше государство серьезно заражено эпидемией безвластия, коррупции. У нее главные кумиры – это олигархи, криминальные авторитеты и жулики разных мастей, которые преступным путем получили богатства, принадлежащие всему народу. Они преследуют одну цель, как еще пользуясь благами государства, увеличить свои капиталы в ущерб общества и государства. Это бывшие заправщики, спекулянты и торгаши своим поведением и субкультурой подменили все наши основные ценности. Они для наших детей стали кумирами, а государство не может и не хочет найти им замену. И наша с вами, если мы считаем себя потомками дворян, основная задача – попытаться помочь нашему Отечеству и обществу выйти из этого плачевного состояния.

Извините, пока мы являемся поколением потребителей, т.к. пользуемся наследством, плодами и титулами наших славных предков. Здесь, я думаю, и нам пора внести весомый и осязаемый вклад в возрождение и укрепление тех традиций, которые были зарожжены и привиты в российское общество татарскими мурзами и интеллигенцией. Они же смогли найти силы, дух и возможности

заслужить доверие и уважение в обществе и занять достойное место в истории российского государства.

Все мы хорошо знаем, что после падения Казанского ханства наш народ в одночасье лишился всего (религии, культуры, языка, богатств и т.д.). И вот XVII–XVIII века были периодом тяжелых испытаний.

Москва, прекрасно осведомленная о степени религиозного самосознания казанцев, рассчитывала с помощью насилия и террора установить православие, тем самым укрепить свои восточные границы и создать плацдарм для дальнейшего продвижения русских границ на Восток. Политика российского государства была нацелена на активную и беспощадную борьбу по ликвидации мусульманства, как веры. Многие тогда знатные татары, не выдержав гонений, репрессий и унижений, были вынуждены отказаться от своей веры и принять христианство.

Попытки православных миссионеров не были настолько успешными, насколько рассчитывали организаторы данной политики, но все же достигнуты были определенные результаты. Часть татар волилась в сословие служилого дворянства Российской империи. В истории России известно только 500 фамилий знатных родов татарского происхождения, которые поменяли веру. В этом списке есть и богатейший в Российской империи род Юсуповых, которые являются одними из родовых ветвей династии Бурнаевых.

Но были и славные сыны татарского народа, которые не только затаились и отсиживались как партизаны в марийских лесах, а самоотверженно вели борьбу за сохранение своей нации, религии и культуры. Никто не смог сломить их дух и волю.

В это суровое время ислам как знамя среди непокоренных татар становится консолидирующей силой и объединяет в своих рядах всю прогрессивную и патриотическую часть мусульманского населения и становится первоосновой в формировании начальных структур мусульманского духовенства. Муллы становятся во главе освободительного движения татар.

Бурнаевы в данной борьбе также приняли активное участие и показали свое истинное отношение к мусульманской вере. Представители Бурнаевского рода сыграли огромную роль в деле сохранения и приумножения духовной и религиозной культуры своего народа, в возрождении и распространении ислама на территории бывшего Казанского ханства посредством отстаивания своих духовных и культурных ценностей, противостоянием насильственной христианизации татарского народа, выделением огромных финансовых средств на строительство мечетей и других богоугодных заведений.

После разгрома Казани, Бурнаевы недалеко ушли от родных стен: только на 40–50 километров и основались в Атнинском районе. В то время, когда по всей губернии шло истребление татарского народа, разрушение мечетей, когда целыми деревнями заставляли принимать христианство, они, наоборот, вокруг себя собирали и объединяли разрозненные группы татарского народа. Одним из ярких примеров самоотверженной и непримиримой борьбы за сохранение истории своего народа, укрепления мусульманской культуры, возрождения и распространения ислама является строительство в 1769 году в своем родовом имении, деревне Береска, немыслимой для того периода по своим размерам и величию двухэтажной каменной мечети, которая в своих стенах собирала и объединяла всю прогрессивную непокорную часть мусульманского духовенства, деятелей культуры и просвещения. Политика христианизации не дошла до границы Бурнаевских владений, русскоязычные переселенцы дошли лишь до села Русские Алаты, расположенного в 10 км от деревни Береска, а дальше пойти духа не хватило. Представители Бурнаевых иноверцам не позволили на своей территории прикоснуться ни к одной мечети, все стояли как вековые дубы, олицетворяя татарский дух и надежду на возрождение. Когда все вокруг разрушали и сжигали, мои предки, строили и просвещали и распространяли ислам среди татарского населения. Только упорству, отваги и стойкости таких людей, как Бурнаевы, в 1760-е гг. ислам из гонимой «инородческой» религии перешел в разряд разрешенной. Например, для строительства 1-ой городской соборной мечети (мечеть Марджани) вся прогрессивная часть Татарской слободы несколько лет безуспешно пыталась у городских властей получить разрешение на строительство мечети и только благодаря заступничеству Императрицы Екатерины II она была построена. В знак поддержки и признательности Ибрагим Юсупович Бурнаев подарил соборной мечети Казани древний рукописный Коран, который впоследствии бережно хранил и тщательно изучал Шигабутдин Марджани. А мой прапрадед, ни у кого не спрашивали, на собственные средства построил большую по величию мечеть на 4 года раньше. Это само по себе говорит о многом. И благодаря смелости и духу таких ярких представителей татарского народа, для российских властей в этот период завоевание доверия у татар стало основной задачей, так как мирное сосуществование различных

конфессий являлось гарантом спокойствия и стабильности в государстве. Так, в частности, во второй половине XVIII века, большая часть принятых законодательных актов была связана с отношением государства к мусульманству и исламу. Тринадцать из семнадцати утвержденных российским правительством законов были связаны с деятельностью и привилегиями мусульманского духовенства. Тогда представители Российского государства поняли, что с татарским населением бесполезно воевать, его нельзя покорить и поставить на колени, а лучше его сделать своим союзником и пригласить для управления государственными делами. И в этом они не ошиблись. Не одна сотня знатных представителей татарских родов словом и делом подтвердили это предположение, внося огромный вклад в развитие и процветание Российского государства.

Повествуя о видных представителях династии моих предков, хочу выделить среди них одного из известных людей в роду Бурнаевых – Мухаметсадыка Курбангалеевича Бурнаева (1821–1898 гг.), который внес огромный вклад в развитие и распространение национальной культуры, заслужив любовь и признательность у татарского народа, также был неоднократно отмечен высшими государственными наградами Российского государства, как один из первых начинателей формирования класса татарской буржуазии.

Вначале он занимался оптовой торговлей сырьем, пушниной. Продукцию своего мыловаренного завода с 1859 года выставлял в Казани, на Нижегородскую, Мензелинскую и Ирбитскую ярмарки. А карьера его, как сформировавшегося предпринимателя, началась с того, что в период Крымской войны (1853–1856 гг.) ему удалось заполучить подряд на доставку фуража для российской армии в Крыму. В этом ему, конечно, помогли родственные связи по линии Юсуповых, которые к этому времени занимали важные государственные посты в Российском правительстве и в царской армии.

И он отлично справился с таким «госзаказом»: быстро разбогател, а поскольку не воровал и поставлял товар всегда «кондиционным», то был отмечен российским правительством бронзовой медалью. В 1871 году указом правительствующего Сената от 2 января 50-летний Мухаметсадык Бурнаев был пожалован в почетное гражданство.

Во второй половине XIX века он выбился в число самых богатых предпринимателей Казани. Он также был известен как видный общественный деятель: избирался заседателем в Казанскую уголовную палату, был почетным мировой судьей, гласным городской Думы. За заслуги перед государством он был награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне, золотой медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте, золотой медалью с надписью «За усердие» на Анненской ленте. Безупречной была и деловая репутация предпринимателя. За эту многолетнюю работу по представлению министра финансов Российского правительства награжден золотой медалью с надписью «За усердие» на Александровской ленте, золотой медалью с надписью «За усердие» на Андреевской ленте и орденом Святой Анны II степени.

Касаясь нашего поколения, я и вся моя семья, также стараемся брать пример с моих предков и делать все возможное чтобы продолжить летопись славных дел династии Бурнаевых. Поэтому могу доложить, что 26 лет своей трудовой деятельности отдал защите безопасности интересов Отечества. Был в так называемых «горячих точках». За свою службу награжден также многочисленными правительственными наградами, среди которых 2 ордена Мужества, ордена Александра Невского и Андропова.

Сейчас являюсь председателем общественной организации «Союз боевых офицеров России», созданной по моей инициативе. Цели нашей организации:

- оказание помощи по защите политических, гражданских, социальных прав и свобод ветеранов (инвалидов) военной службы и боевых действий, обеспечение их достойного положения в обществе;

- духовное, военно-патриотическое воспитание молодежи, подготовка ее к службе в Вооруженных силах России;

- содействие утверждению исторической правды о Великой Отечественной войне, опровержению фальсификации истории Российского государства и ее Вооруженных сил, поддержанию преемственности лучших ратных, трудовых, военно-патриотических и нравственных традиций поколений;

- осуществление благотворительной деятельности с использованием средств Организации и средств различных фондов и спонсорской помощи.

Ф.Л. Гумаров

Генеалогические исследования родовых корней как механизм формирования личности молодого поколения россиян начала XXI в.

Плюрализм во всем, что окружает человека, создает иллюзию свободы выбора, когда человек ощущает себя независимо выбирающим среди многообразия мнений, идеологий, поведенческих моделей, своих суждений, людей окружения, товаров. Но если следовать этой логике, представляя такого независимого «человека выбирающего», мы неизбежно пришли бы к человеку с абсолютно случайным набором представлений о мире, о цели жизни и т.д. Однако стоит взглянуть на общество в целом, и мы увидим, что большинство людей включены в одни и те же немногочисленные шаблоны – шаблоны восприятия мира, шаблоны мышления, шаблоны поведения. В современном Российском обществе эти шаблоны все больше и больше проявляют свой вектор, направленный к абсолютному конформизму и меркантилизации жизненных ориентаций. Эти тенденции набирают силу по двум причинам: первая – вполне примитивна, это нежелание человека осуществлять излишние усилия (идти по привычке ведомого – по выложенной колее), вторая – это влияние информационного потока, которое искусственно пронизывает современного человека, стирая разницу между его внутренним (искусственно-психологически несовершенным) миром и внешними установками (без национальных традиций и этических норм). И если старшее поколение частично защищено от этих воздействий в силу жизненного опыта и некоего консерватизма, то молодое поколение практически «оголено» и беззащитно перед этими воздействиями. Современный молодой человек в результате пребывает в некоем хаосе, не осознавая себя во времени и не идентифицируя с историческим пространством (и как следствие, отсутствие высоких целей среди молодого поколения – в этом же кроется, на мой взгляд, основная причина алкоголизма и наркомании). Во многом решению этих проблем способствует религия, однако религия не является частным делом каждого человека в силу своего сугубо конфессионального характера, а собственные родовые корни (включающие и конфессиональный аспект), это именно то, что полностью принадлежит каждому человеку и является его личным инструментом и оружием при столкновении с жизненными реалиями, составляет его духовное наследие и богатство души, «путеводной звездой» в океане страстей современной жизни.

Привлечение российской молодежи к поиску своих родовых корней по-сути представляет собой запуск механизма доверительного самовоспитания наследной этики и морали, самосознания и уверенности в сопричастности ко всему, что связано с Отечеством и национальной гордостью, к истории своего Отечества. Этот механизм таит в себе следующие возможности:

– позволит молодежи взглянуть на человеческую жизнь как на некий процесс, имеющий взаимосвязь с прошлым, настоящим и будущим, что позволит выйти из экзистенциального кризиса, симптомы которого проявляются все отчетливее;

– давая ответы на вопросы касательно самоидентификации, возникающие в юношеском возрасте (уже не просто одинокая песчинка в мире многоликого социума, а человек, опора которого в его собственной «персональной и родовой» истории). Поиск родовых корней как механизм будет иметь авторитет и при решении других проблем, а значит, будет положительно влиять на нравственную сторону принимаемых решений;

– ощущая ответственность перед прошлыми поколениями и видя конкретную взаимосвязь между их жизнью и своей, представитель молодого поколения обретет некую ответственность, причем не только перед предками, а заставит задуматься и о перспективах своего собственного потомства. А это уже ведет за собой переосмысление ценностей, корректировку жизненных ориентиров;

– исследование родовых корней обращает нас к семейным ценностям, зачастую принимаемых как нечто старомодное и консервативное. А молодое поколение, в силу возрастных особенностей, зачастую критически воспринимает все консервативное. Но нужно понять, что именно эти консервативные, устоявшиеся веками, дающие «землю под ногами», цементирующие ценности – ценности духовные, семейные, ценности любви к Отечеству, являются авангардом в переходе к новому обществу!

Историко-генеалогическое общество Татарстана (ИГО Татарстана), зародившееся в студенческой среде исторического факультета Казанского государственного университета, сегодня получило поддержку со стороны Меджлиса татарских мурз (Б.Э. Яушев), Татарстанского дворянского собрания, отделения Союза потомков российского дворянства (А.Г. фон Эссен), В.Н. Лихачева, экс-вице-президента Республики Татарстан, Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации, академика И.Ю. Никитина, Вице-президента Международной Педагогической Академии (МПА) и др. В ближайшее время из студенческого Общества, вырастет самостоятельное юридическое лицо в виде НИИ или НПО – «ИГО Татарстана» в рамках антикризисной программы по созданию рабочих мест для выпускников исторического факультета Казанского федерального университета, молодых специалистов архивного дела и музейной педагогики вузов города Казани.

СЕКЦИЯ 4. «Краеведческие вопросы истории татарских мурз и дворян»

Н.И. Петров-Текин, В.И. Сердинский

Об особенностях заселения Примешинской зоны Западного Предкамья во второй половине XVI – середине XVII вв. (1552–1660 гг.)

Изучение вопроса повторного заселения Примешинской зоны Предкамья после падения Казанского ханства дает интересный материал о направлениях и местах переселения населения за пределы 40-километровой «зоны безопасности» города Казани [2, с.1–143].

Задачей настоящей работы является выявление исторического происхождения современных жителей деревень этой зоны, расширение и углубление представлений о трансформации и динамике этнической истории района.

Для раскрытия поставленной задачи был применен метод сопоставления и отслеживания перемещений и переселений конкретных лиц персонально из сословия «служивых татар» и «служивых новокрещен», их детей, внуков и родственников в населенные пункты Примешинской зоны Западного Предкамья по Писцовым книгам Казанского уезда 1565–1568 [8, с.372–374], 1602–1603 [12, с.1–240], 1647–1656 годов [5, с.1–543]. В работе были использованы труды казанских историков Р.Н. Степанова [10, с.53–70; 11, с.129–132]; И.П. Ермолаева [4, с.1–263]; Д.А. Мустафиной [8, с.1–660], а также архивные материалы.

Тема зарождения сословия «служивых татар» и «служивых новокрещен», их права и обязанности, социальное положение, отношение их к новой воеводской власти покоренного края, взаимоотношения с другими социальными группами населения и их социальная метаморфоза во времени разработана и достаточно подробно освещена в научной литературе, посвященной истории Татарии и ее жителям [10, с.53–70; 11, с.129–132; 2, с.1–145]. В этой статье нет необходимости повторяться по этому аспекту излагаемого вопроса.

Как отмечает Р.Н. Степанов, еще до присоединения Казани среди местного феодального класса существовала довольно большая прослойка московской ориентации [10, с.53–70]. Эта группа и оставшиеся лояльными к московскому правительству князья, мурзы (Асанмурзины, Камаевы, Нурушевы, Кадышевы и др.), огланы, тарханы и казаки сохраняли свои земельные владения и сразу заняли почти аналогичное социальное положение, которое имели до 1552 года. Все они были причислены к военно-служилому сословию Русского государства и юридически имели прежние привилегии. В эту новую «вертикаль власти» были встроены и служивые мурзы, и служивые татары. Имеются сведения о том, что представители военно-феодального сословия Алатской дороги при осаде Казани не стали помогать правителям Крымской династии Гиреев и «засели в своем военно-административном центре – служилом городе Алате» в ожидании исхода войны [1, с.196–260]. Для местного населения эта была очередная смена правителей, эта была «не их война».

Перемещения этой группы населения после завоевания края зафиксированы в Писцовых книгах и благодаря новым публикациям стали доступны для подробного изучения, восстановления историй деревень, отдельных родов, семей и составления родословных.

Интерес к этой группе населенных пунктов Примешинской зоны вызван из-за этнокультурных отличий их жителей – кряшен от жителей татарских деревень. В научной этнографической литературе исходят из предположения о том, что кряшены являются прямыми потомками болгарского населения Казанского ханства и постоянными, наследственными жителями своих деревень [13, с.272–292; 9, с.21–22; 7, с.10–11, 124–125].

О древнебулгарском происхождении сохранившихся и поныне названий этих деревень отмечали в своих трудах многие авторитетные ученые, писавшие на эту тему. Исходя из этого, делались выводы об автохтонности их жителей и по антропологическим признакам, и как носителей местной, древней культуры.

Известно, что через 40–50 лет после падения Казанского ханства в результате вытеснения коренного населения за пределы 40 километров от города ведущая роль по формированию местных этнических групп населения Западного Предкамья с территорий Алатской и Арской дорог перешла в Примешинскую зону. Отсюда происходило дальнейшее освоение запустевших деревень Восточного Предкамья и новых земель Закамской стороны. Таким образом, Примешинская зона стала местом «воспроизводства нового населения», в том числе и некоторой части кряшен.

По определению историков-этнографов, в состав Примешинской подгруппы кряшен Предкамской территориальной группы включаются д. Альведино, Крещ-Казыли, Кряш-Серда, Кибечи, Ковали, Янцеваы, Нырсывар, Толкияз, Таутермень и Колкомерка [7, с.124]. Отмечается, что население этих деревень имеет общие генетические, исторические корни и этнокультурные особенности.

На основании выявленных фактов переселений «служивых татар» и «служивых новокрещен» в пределах Западного Предкамья, зафиксированных в Писцовых книгах 1565–1568 [8, с.372–374], 1602–1603 [12, с.1–240], 1647–1656 [5, с.1–543] годов, независимо от конфессиональной принадлежности жителей, в этот список необходимо добавить д. Олы Солтан, Татар Казысы (Отар Дубровка), Шетнево-Черемышево, Иске-Йорт, Кибяхужа и Трюк-Тэмте.

В Писцовом описании г. Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов вышеназванные деревни Примешинской зоны отмечаются как «пусты», и принадлежащие русским землевладельцам – чиновникам воеводского управления краем (Безобразовы, Кузьминские и др.). Оставшиеся в живых представители коренного населения этой зоны были изгнаны или сами переселились с обжитых мест в более отдаленные места.

Деревни, не зарегистрированные в Писцовой Книге 1565–1568 годов, были основаны и выстроены поселенцами на новом месте и обжиты «с нуля» в выделенных им новыми властями землях, в том числе и расширением пахотных полей путем раскорчевки и расчистки лесов (деревни Отар Дубровка, Колкомерка).

Как видно из составленной нами таблицы «Главные основатели деревень», предки всех новопоселенцев вышеперечисленных деревень, их родители и родственники (братья, дяди) в Писцовой книге 1602–1603 годов записаны как «служивые татары» и «служивые новокрещены» «на окладе» и владеющие поместьями «по государевым грамотам и по выписям казанских дач» в д. Шуман, Чюваш, Ертуш, (Юртуш), Мамдели и Айбаш Алатской дороги и в д. Мозяр Галицкой дороги [12, с.1–240].

Небольшая часть из них: Семейка Арзепов, Артемий Михайлович Багишев, Шемерден Качкеев, Овдей Иванов сын Мемаков (Мамаков), Васька Семенов Колчюрин, Ишбулат Янсарин, Текей Янчурин, Сенилеик Тобахтин сын Текин, Тоганаик Девлеткильдеев Текеев, Бабахта Текеев, Шалкей Текин, Янбулат Шалкеев Текин, Янклыч Янбулатов Текин, Айтуган Янбулатов Текин, Баш Азин, Кузьма Башев и Степан Шемерденев являются выходцами из д. Икшерма, Черемыш, Нижняя Сия и Большие Сия Зюрейской дороги и д. Кишкильдеево Арской дороги.

Постепенно, ко времени составления Писцовой книги 1647–1656 годов, жители деревень Алатской и частично Арской и Зюрейской дорог были полностью переселены в деревни Примешинской зоны на территории Зюрейской и Ногайской дорог из территории упомянутой 40 километровой зоны.

По Писцовым книгам документально подтверждается, что все эти люди принадлежат в основном к одной кровно-родственной группе, т.е. «бертуган ырулар, бер ыру кешелере».

Новопоселенцами – основателями восьми из перечисленных выше деревень: Кряш-Серда, Отар Дубровка, Олы Солтан, Шетнево-Черемышево, Кибечи, Иске-Йорт, Кибяхужа и Трюк-Тямте являются сыновья, внуки или правнуки одной личности – Текея Азина. Из них двое – Владимир Текин (Володька) и Кузьма Башев к 1600 году уже перешли в православную веру и поселились в д. Кряш-Серда и Кибечи соответственно. А другие их братья и племянники продолжали жить по традиционным представлениям своих предков в основанных и обжитых ими деревнях.

Жители д. Кибяхужа в конце 1600-х годов повторно приняли христианство, были крещены и жили в дружном родственном общении с кряшенами других деревень, но в 1866 г. под влиянием усиленной пропаганды мулл [3, с.28–29] перешли в «мохаммеданство» [7, с.1–103].

В 1565 году «основатель» многочисленного рода Текиных – Текей Азин «владел землями с товарищи в половине деревни Молнина» около Старого Ичкиказанского городища [8, с.478]. В писцовом описании устанавливаются только границы земельных владений, т.е. производится «межевание», без определения площадей.

До 1590-х годов Текей Азин владел помещьем в деревне Ертуш: «в ней двор помещиков; пашни паханые 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж; сена меж поль и по заполью и по дубровам – 300 копен». Эти его владения были переданы служилому Ногаю Терегулову [12, с.178].

В 1590–1591 годах служилому татарину Текею совместно с братом Башем (Баишем) была выдана государева грамота и выпись из «казанской дачи» на д. Чюваш Галицко-Алатской дороги в Казанском уезде [4, с.37].

В 1603 году вдова Текея и его сыновья Шалкей и Давлеткильдей в двух деревнях – Мозяре и Чюваше владели 4-мя жеребьями: «а в них: пашни и перелогу лесом поросло 39 четв. В поле, а в дву по тому ж; сена 500 копен» [12, с.170–173].

Сын Шалкея Текина служилый татарин Ямбулат Шалкеев в 1650-х годах в деревне Мозяр Галицкой дороги совместно со своими двоюродными братьями Тоганаиком Девлеткильдеевым и его братом (всего 6 человек) владели землями: «по обе стороны речки Лыноши пашни паханые девяносто шесть десятин с четью в три поля. А в одно поле имеется тридцать две десятины и пол трети» [5, с.256–258].

В дальнейшем, к 1650-м годам, сыновья Ямбулата Шалкеева переселились: Янклыч Ямбулатов – д. Кибяхужа Зюрейской дороги, Айтуган Ямбулатов – в д. Трюк Тямти Зюрейской дороги, Токай (Текей) Ямбулатов – в д. Шетнево-Черемышево Ногайской дороги.

Внук Текея Азина, сын Давлеткильдея Текина Тоганаик Девлеткильдеев владел землями в д. Мозяр Галицкой дороги и в последующем переселился в д. Иски-Юрт Ногайской дороги.

Ишбулат Янчурин (Булашко, Булакош) – внук Текея Азина основал д. Татар Казысы (Отар Дубровка), Текей Янчурин поселился в д. Олы Солтан Ногайской дороги [5, с.144–145].

Другой сын Текея новокрещен Володька до 1612 года (до смерти) жил в д. Кишеметьево Арской дороги: «оклад его 5 рублей; помещье за ним жеребей деревни Кишеметьево. А на его жеребьи: двор помещиков; пашни паханые – 3 четв. Да перелогом 8 четв. Да лесом поросло: 10 четв; и всего пашни и перелогу и лесом поросло – 21 четв. в поле, а в дву по тому ж; сена меж поль и по заполью и по реке по Казани и по речке Обзебару и по дубровам – 100 копен; лесу дубровы пашенные – 3 дес. В 1612 году жеребей отдан в помещье новокрещенам Ваське Одрееву да Семенке Уразгозину потому, что Володя умер».

С 1612 года за вдовой Володи Текина Федосьей и за сына его Ондрюшки назначен «оклад 12 рублей; ... помещье за ним 3 жеребьи в деревне Шуманех – жеребей отца его и, а 2 жеребья новокрещенских; а на их жеребью: двор помещиков; пашни паханые – 36 четв; да лесом поросло – 6 четв.; и обоего пашни и лесом поросло – 42 четв. в поле, а в дву по тому ж; сена меж поль и по заполью и по речке по Шуманке и по обе стороны речки Мангозы – 500 копен; лесу дубровы пашенные – 3 десятины [12, с.153–154].

В 1656-х годах внук Володи Текина Семейка Одреев сын Текенев совместно с Куземкою Семеновым сыном Арезеповым в д. Сарди Старые Верхние (Кряш-Серда) Ногайской дороги владели помещьем: «одново парового поля девяносто девять десятин с полудесятиною, а в дву по тому ж» [5, с.138–140].

Слабая изученность архивных документов того периода приводят некоторых исследователей к ошибочным предположениям о постоянном проживании в этих деревнях старобулгарского населения со времен Казанского ханства [9, с.21, 22] по настоящее время.

Хранящиеся в архивах письменные свидетельства о деревне «Серди Старые на речке на Серде» в «Писцовом описании Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов», выполненном окольничьим Никитой Васильевичем Борисовым и Дмитрием Одреевым сыном Кикина по поручению царя Ивана Васильевича Грозного с 1564 по 1565 годы, т.е. через 12 лет после падения Казанского ханства, говорят: «За Семенкою да за Рахманом за Матвеевыми детми Кузьминского селцо Серди Старые на речке на Серди. А в селце пять дворов пусты. Пашни добрые земли четыре четверти да перелогу двести чети, да зарослеи и дубрав пашенных Сена по речке и около поль шестсот пятьдесят копен. Лесу пашенного и непашенного около поль по смете в длину на три версты, а поперек от поль в лес на версту» [8, с.372–374]. (Чети, четверть – 0,5 десятин. Перелога – заброшенная пашня, 20 копен – 1 десятина – Н.И.).

Для подтверждения (идентификации) пространственно-географической достоверности места расположения этой деревни, приведем еще описание соседнего населенного пункта: «За Ивашкою

Матвеевым сыном Кузминского за одним деревня Новые Серди на речке Серди, что отнес Ивашко от Старых Сердеи» на сердинскую же землю..... Пашни добрые земли Ивашкины новые распаша сорок чети да перелогу двести тридцать чети и с тем перелогом, что от реки от Меша на дву полях... Сена меж пашен и около поль двести пятьдесят копен. А выти и доходу со крестьян не писан, потому что крестьяня живут на льготе» [8, с.372–374]. (Т.е. переселены не ранее 1562 года. Новопереселенные крестьяне в течение 2–3-х лет полностью были освобождены от всех форм и видов налогов – Н.И.).

Как видно из приведенного текста, основная часть пахотных земель была заброшена, за последние годы не обрабатывалась и превратилась в «перелог», в районе творился «беспредел чиновников» и наблюдалась «мерзость запустения».

Ко времени повторного заселения в таком же положении находились и все остальные перечисленные деревни Примешинского территориального района.

В статье Е.И. Чернышева 1971 года «Селения Казанского ханства (по Писцовым книгам)» [13, с.272–292] в перечне из 700 населенных пунктов, существовавших еще со времен Казанского ханства (из них 196 – Свияжского уезда и 504 – Казанского уезда), д. Серди Старые перечисляется наряду с д. Нырсы-Варзи (Нырсывар), Таутермень, Толкишь, Казыли Верхние, Средние и Нижние, Пимери, Альведино, Юнусово, Отрячь, Чита, а так же «По р. Сие надо отметить дер. Сию, Насырево, Кибя Малые, Кебичи, пуст. Маамет. Южнее через реку Мешу была дер. Серди Старые. На восток от пуст. Асановой – дер. Ковали». Из нынешних деревень в списке отсутствует д. Колкомер, которая появляется в Писцовой книге 1647–1656 годов как «выставка селца Серди Новые Нижние, что была пустошь Серди на речке Колкомеровке, что меж селца Серди и меж села Казыли Нижние...» [5, с.139].

Вместе с тем, народ не забывал о своих корнях, о местах, где проживали их предки и откуда они переселились по воле правителей Русского государства. По сведениям Р.Н. Степанова [10, с.53–70], в фондах межевых канцелярий хранятся спорные дела о землях «ясашных из татар старокрещеных с представленными крепостями на владение этими землями. Так, в спорном деле 1787 г. д. Старой Серды, имеется подлинная грамота, выданная в 1609 г. предкам старокрещеных татар этой деревни, на додачу и поместному жеребью служилому новокрещену Андрею Володимирову сыну Текину 42 четвертей земли в д. Шуманах... Следует отметить, что прошение о додаче земель на основании указанной грамоты подано поверенным Лаишевской округи д. Старой Серды из татар старокрещеных Яковом Егоровым – прямым потомком Андрея Володимирова – «Володьки», жившего в Шуманах и зафиксированного в Писцовой книге 1602–1603 гг, и ставшего предком многочисленного рода Петровых–Текиных–Токиновых, и ныне проживающих в д. Старая Серда – Кряш-Серда. Необходимо отметить, что к 1787 году все «служивые старокрещены» уже были записаны «ясашными».

Поселенцем д. Кибячи Зюрейской дороги стал племянник Текея – сын его брата Баша, Кузьма Башев.

Сын Артемия Михайловича Багишева из д. Кишкильдеево Арской дороги Дмитрий Артемьевич Багишев в 1660 годах переселился в д. Верхняя Серда. Его потомки под фамилией Постниковы и ныне проживают в д. Кряш-Серда Пестречинского района.

В этой же деревне проживает многочисленный род Семейки Филиппова из д. Шуманы Алатской дороги под фамилиями Максимовы, Сердинские, Николаевы, Никитины, Морозовы, Ивановы, Полевые и др.

Потомки Луки Арезепова из д. Черемыш Зюрейской дороги Гаврила Лукин сын Арезепов и Лифанка Гаврилов сын Арезепов, пожив в д. Икшерма и Шуман, переселились в д. Старая Верхняя Серда. Многочисленные потомки Арезеповых и ныне проживают в д. Кряш-Серда под фамилиями Ивановы, Владимировы, Мухины, Чукины, Кузнецовы и Яковлевы.

Крещеные потомки служивого татарина Шемердена Качкеева из д. Айбаш Галицкой дороги «с товарищи» поселились в д. Колкомер Ногайской дороги.

Потомки Мини Дербышалеева из д. Нижняя Сия Зюрейской дороги переселились в д. Нырсывар.

Из этой же деревни сын Ивана Мемакова Овдей Иванов переселился в д. Верхние (Крещеные) Казыли Ногайской дороги.

Так же были заселены д. Ковали и Шебулатово Зюрейской дороги.

В последующем переселенцами из д. Колкомеры, Альведино, Янцевары были заселены деревни Зюрейской дороги: Субаш, Карабаян, Таутермень, Толкияз, Меретекии и Шебулатово.

Настоящая статья является началом большой работы в направлении изучения и выявления исторического происхождения современных жителей деревень Примешинской зоны, расширения и углубления представлений об истории района. Затронутые в статье вопросы восстановления этни-

ческой истории Республики Татарстан безусловно требуют дальнейшей разработки и более подробного квалифицированного изучения.

Таблица 1. Основатели семейных родов деревень Примешинской зоны*

№ п/п	Имена служивых людей землевладельцев и их наследников	Место жительства по Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг.	П А Ш Н И, дес.	С Е Н О К О С Ы, коп.	Место жительства по Писцовой книге Казанского уезда 1647–1656 гг.	П А Ш Н И, дес.	С Е Н О К О С Ы, коп.
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Текей Азин	д. Ертуш д. Чюваш					
2	Володя Текин	д. Шуман					
3	Ондрюшка Володин сын Текин (с матерью)	д. Шуман	42,0, 3,0	500			
4	Семейка Ондреев сын Текин				д. Старая Верхняя Серда	99,5 3,0	
5	Чюрей (Янсары) сын Текин	д. Чюваш					
6	Вдова Чюрея Текина (Янсары Текина)	д. Чюваш Хозеевская пустошь	18,0 15,0	250 50			
7	Булакош Чюреев (Ишбулат Янсарин) сын Текин				д. Атар (Отар Дубровка) д. Салтан Мал.	160,5 45,5	
8	Текей Янчурин и его сын Енсара	д. Салтан Мал.	29	230	д. Салтан Мал.		
9	Бабахта (Батбахтка) Текеев				д. Атар (Отар Дубровка) д. Салтан Мал.	160,5 45,5	
10	Сенилеик Тобахтин сын Текеев				д. Салтан Мал.	45,5	
11	Давлеткильдей Текеев	д. Чюваш					
12	Тоганаик Девлеткильдеев «с братьею»	д. Мамдели	ясак		д. Чюваш. д. Мозяр д. Айбаш д. Иске-Юрт	53,0 32,0 16,0	
13	Шалкей Текин	д. Чюваш д. Мозыри	18,0 21	50 500			
14	Янбулат Шалкеев Текин	д. Мозяр			д. Мозяр	16,0	
15	Янклыч Янбулатов Текин				д. Кибяхужа		
16	Айтуган Янбулатов Текин				д. Төрек-Тәмте		
17	Токайк (Тоганаик?) Янбулатов Текин				д. Шетнево- Черемшан	20,0	
18	Баш (Башир?) Азин (брат Текея Азина)	д. Чюваш					

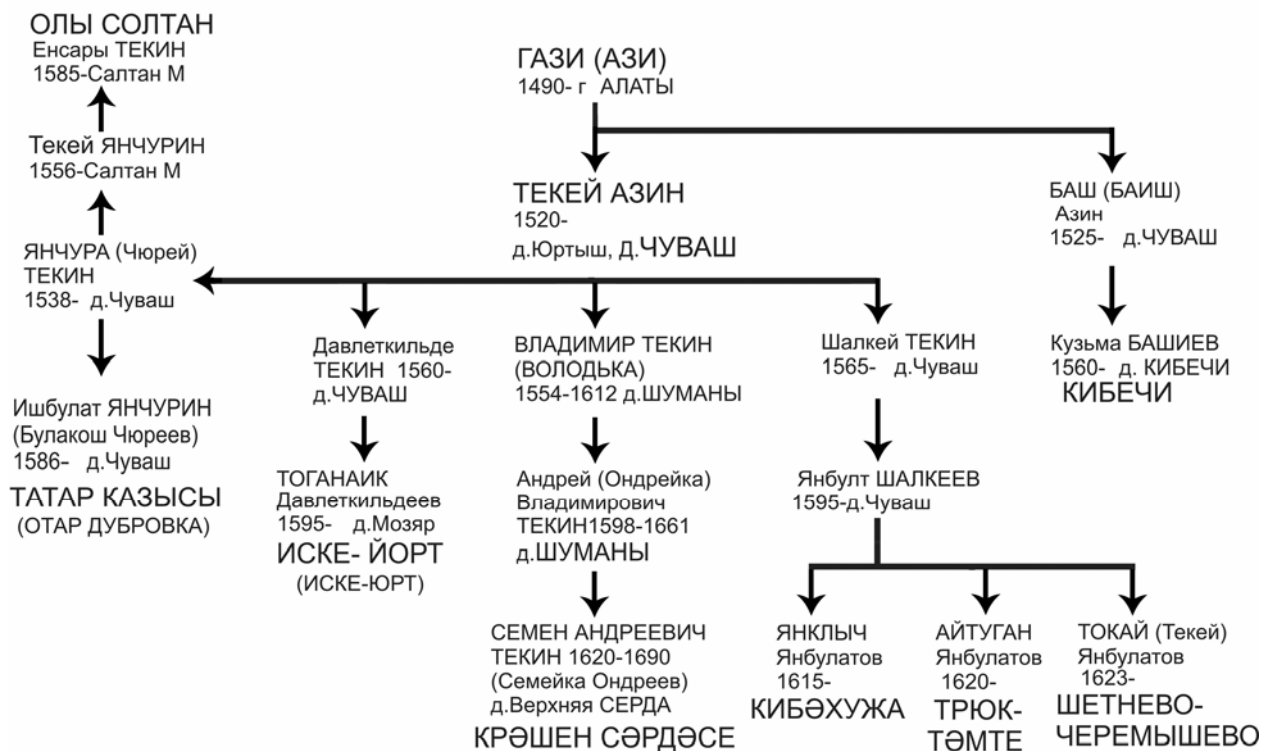
* Таблица составлена по данным следующих изданий: Писцовая Книга Казанского уезда 1602–1603 гг. / Сост. Р.Н. Степанов. – Казань, 1978; Писцовая Книга Казанского уезда 1647–1656 гг. / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М., 2001; Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов / Сост. Д.А. Мустафина. – Казань, 2006.

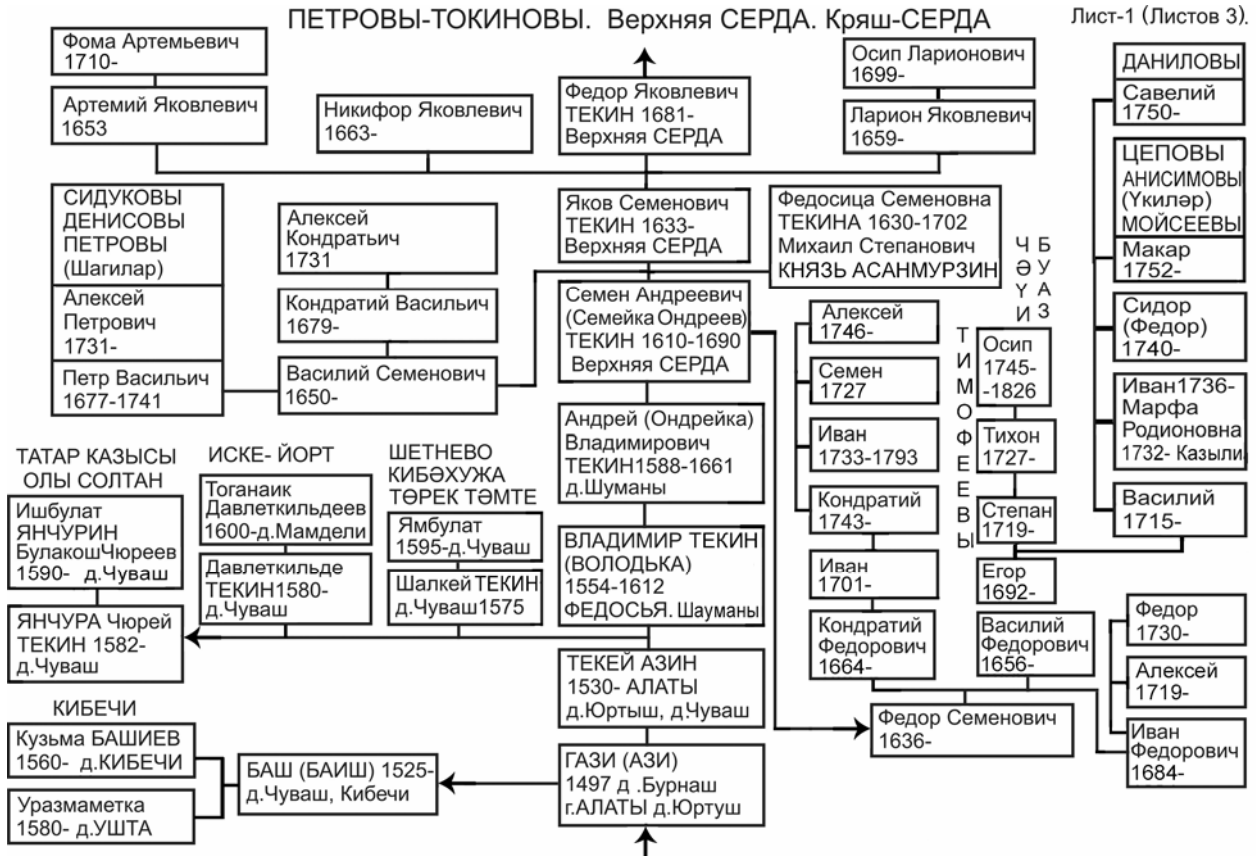
1	2	3	4	5	6	7	8
19	Кузьма Башиев				д. Кибечи		
20	Уразмаметка Башиев				Пустошь Кульсары на р. Уште		
21	Лука Арезепов	д. Черемыш					
22	Семейка Арезепов	д. Черемыш	35,0	100			
23	Куземка Семенов Арезепов				д. Старая Верхняя Серда	99,5 3,0	
24	Матвейка Арезепов	д. Икшерма					
25	Кирилл Резепов				д. Старая Верхняя Серда		
26	Гаврила Лукин сын Арезепов	д. Шуман					
27	Матюшка Гаврилов Арезепов	д. Шуман			д. Шуман		
28	Лифанка Гаврилов Арезепов				д. Старая Верхняя Серда		
29	Семейка Филиппов	д. Шуман	14,0	167			
30	Тихон Филипов	д. Шуман					
31	Павел Тихонович Филипов				д. Старая Верхняя Серда		
32	Никита Багишев	д. Малмыж	20 +10	600			
33	Михаил Никитич Багишев	д. Кишкильдеево				5,0	
34	Артемий Михайлович Багишев	д. Кишкильдеево					
35	Дмитрий Артемьевич Багишев				д. Старая Верхняя Серда		
36	Шемерден Качкеев	д. Айбаш					
37	Степанка Шемерденев +3				д. Колкомер	106,0	
38	Миня Дербышалеев	д. Нижняя					
39	Семейка Минин сын Дербышалеев	д. Нижняя					
40	Афоня Дербышалеев	д. Большая Сия					
41	Сава Дербышалеев	д. Нырсывар					
42	Трофимка Савин с товарищи 5 чел				д. Нырсывар		
43	Илейка Иванов сын Чекенеев				д. Нырсывар, д. Шебулатово		
44	Зиновий Иванов сын Чекенеев				д. Нырсывар, д. Шебулатово		
45	Иван Мемаков	д. Нижняя					
46	Овдей Иванов сын Мемаков	д. Нижняя					
47	Васька Семенов Колчюрин+4				д. Кишкильдеево (у Черемыши) д. Верх. Казыли	5,0 190,0	
48	Ивашка Александров				д. Ковали (Зюрейская д.)		
49	Тимоха Григорьев	д. Альведино					
50	Васька Тимофеев с товарищи 8 чел.	д. Альведино д. Агречи (Атряч)			д. Альведино	40,0	

Список использованных источников и литературы

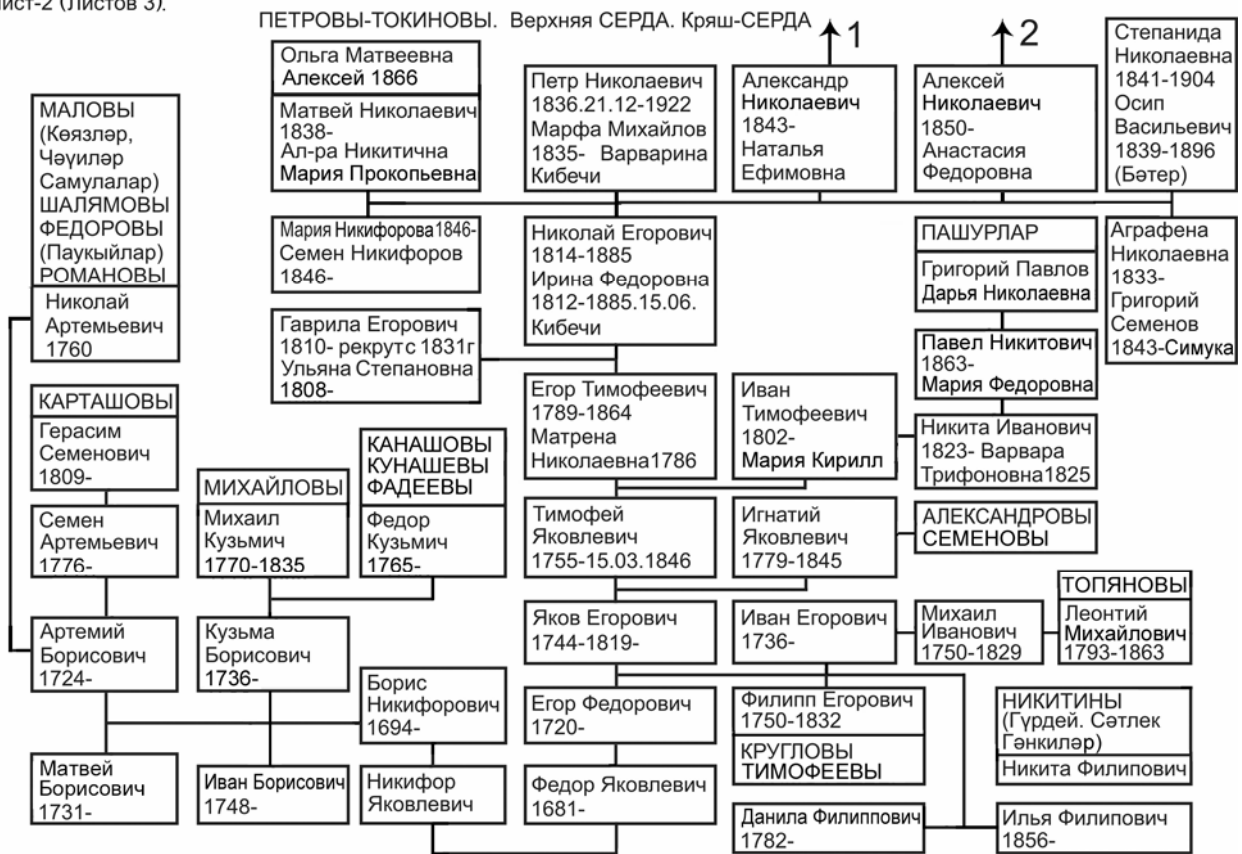
1. Бегунов Ю.К., Нурутдинов Ф.Г.-Х. Куликовская битва в свете Булгарских источников: ответ Рустаму Набиеву // Сокровища болгарского народа. – Вып.1. Этногенез. История. Культура.
2. Галлямов Р.Ф. После падения Казани. Этносоциальная история Предкамья. (вторая половина XVI – начало XVII вв.). – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001.
3. Глухов-Нагайбек М.С. Казанский ретро-лексикон (Первый опыт родословно-биографической и историко-краеведческой энциклопедии). – Казань, 2002.
4. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань, 1980.
5. Ермолаев И.П., Мустафина Д.А. Писцовая Книга Казанского уезда 1647–1656 годов. – М., 2001.
6. Износков. И.А. Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. – Вып.1. – Казань, 1893.
7. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волга-Уральского региона (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань, 1993.
8. Мустафина Д.А. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста. – Казань, 2006.
9. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – М., 1977.
10. Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право. История. Филология. – Казань, 1964. – С.53–70.
11. Степанов Р.Н. Первый этап в политике царизма по переводу служилых татар из военного сословия в податное (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Итоговая научная аспирантская конференция за 1964 год (Тезисы докладов). – Казань, 1964.
12. Степанов Р.Н. Писцовая Книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – Казань, 1978.
13. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.272–292.

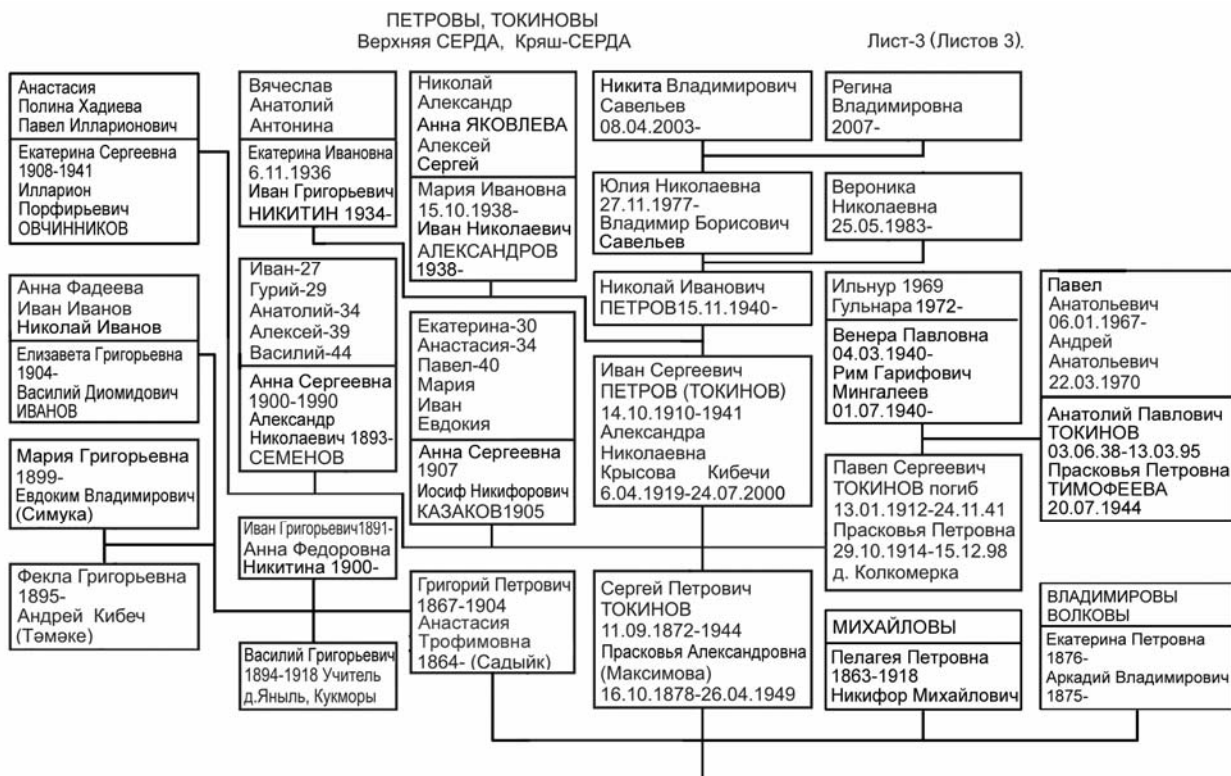
КРӘШЕН СӘРДӘСЕ, КИБӘЧ, Татар КАЗЫСЫ, Олы СОЛТАН, ШЕТНЕВО-ЧЕРЕМЫШЕВО, КИБӘХУЖА, ТРӨК-ТӘМТЕ авыллары Лист-1 (Листов 3).

Лист-2 (Листов 3).

В.Т. Сакаев

Переселение представителей рода Сакаевых на территорию современного Башкортостана

Род Сакаевых один из самых известных родов, переселившихся из Темниковской Мещеры на территорию современного Башкортостана. В тоже время информация о представителях этой фамилии скудна, а история рода скрупулезно не изучена. Согласно информации, приведенной Саид мурзой Еникеевым в работе «Очерк истории татарского дворянства», со ссылкой на данные В.В. Первушкина, род Сакаевых ведет свое происхождение от мурзы Отказа Маматказина сына Ефарбердеева, пожалованного в 1561 г. грамотой царя Ивана Грозного поместьями Будаево и Кучусово в Замокшанском стане Мещерского уезда [1, с.285–290]. А.Х. Халиков сообщает, что фамилия Сакаевы происходит от казанцев, вышедших на русскую службу в середине XVI века, при этом значение фамилии А.Х. Халиков объяснял от тюркского слова «сакау» – «заика» [2, с.152].

В XVII веке в Темниковской Мещере отмечались две общности Сакаевых:

1. Мурзы Маматказины-Сакаевы. Известны имена мурз Досая, Адаролея, Ураза, Сафара и Чернакая, владевших крестьянскими дворами в селе Никольском Керенского уезда и в селе Торопово Кадомского уезда, причем Адаролей и его сыновья Сафар и Чернакай упоминаются уже с фамилией Сакаев [1, с.285]. По переписи 1678 года в д. Тенсюпино Темниковского уезда упоминаются мурзы Чапкун, Клешей и Кутлумамет князя Маматказины, владевшие 14 крестьянскими дворами [4].

2. Мурзы Сакаевы. В 1623 году в Касимовском уезде были верстаны 200 четвертями земли Сюнчалей мурза Сакаев и 170 четвертями земли новик Девликей мурза Сакаев, а в 1650 году упоминается Посольского приказа переводчик Кучукай Тенмамметев сын Сакаев [4]. Кучукай Сакаев, переводчик Посольского приказа, известен своим участием во многих дипломатических акциях Русского государства в 50–80 годах XVII века (среди них – поездка в Персию в 1661–1662 гг.); в 1657 году он, несмотря на относительную молодость, занимал должность переводчика и проживал в Замоскворечье, в Кадашевской слободе; в 1664 году был впервые пожалован поместьем [5]. Эти

мурзы, по сведениям И.Р. Габдуллина, находились в родстве с Маматказиными-Сакаевыми. Их потомки в первой половине XVIII века проживали в деревнях Тарханово и Большой Студенец Ценского стана Шацкого уезда и несли городскую службу по Ярославлю. А.Х. Халиков называет и других Сакаевых, служивших в XVII веке в Посольском приказе: Кадралей и Кузокай Сакаевы [2, с.152]. Причем переводчик Посольского приказа Кадралей Сакаев упоминается еще и в документах датированных 1708 годом [1, с.204–205].

Однако представительство Сакаевых в Темниковской Мещере двумя мурзинскими кланами могло и не ограничиваться. Например, в Теньгушевском районе Мордовской Республики существует село Сакаево, население которого составляют мордва-эрзя. Эта деревня впервые упоминается в 1689 г. как «Сакаев починок», причем местные краеведы связывают происхождение названия с дохристианским именем Сакай, который являлся первопоселенцем, основателем населенного пункта. Поэтому, вполне возможно, что фамилию Сакаевы могли носить и представители мордовского населения, подвергшиеся тюрко-татарскому влиянию.

Интересен вопрос о времени и направлениях переселения представителей фамилии Сакаевых на территорию современного Башкортостана. С.Еникеев сообщает, что первыми на территорию Башкирии переселились князья Чанышевы, которые в 1759 году купили у башкир Оренбургской губернии Белебеевского уезда Канлинской волости Тюкбаевой тюбы землю сроком на 100 лет. Вскоре в той же местности купили земли у башкир деревни Абзаново Белебеевского уезда мурзы Бигловы [1, с.119]. По некоторым данным, часть Бигловых к 1773 году уже проживала в деревне Килимово (ныне Буздякский район РБ), а в 1773 году – переселились в деревню Абзаново. К 1796 году Бигловы проживали в деревнях Абзаново и Биглово Белебеевского уезда.

Первые Сакаевы переселились в Башкирию не позднее 1773 года, так как в этом году они участвовали вместе с мурзами Бигловыми в покупке земли в деревне Абзаново Тюкбаевой тюбы Канлинской волости Белебеевского уезда (ныне – Благоварский район РБ). Это были представители клана Маматказиных-Сакаевых из Тамбовской губернии.

15 мая 1796 года император Павел I своим Указом утвердил в дворянском достоинстве, в числе прочих мурзинских родов, представителей рода Маматказиных-Сакаевых. В соответствие с этим Указом была составлена роспись тех, кого следовало исключить из подушного оклада. Среди них перечислены 12 душ мужского пола князей из рода Маматказиных-Сакаевых, проживающих в Белебеевском округе в деревне Абушаново (Абзаново) [1, с.141]. Впоследствии представители этого рода в Уфимской губернии часто именовались уже просто Сакаевыми. Согласно родословным, приведенным в материалах дела о восстановлении в дворянском достоинстве Маматказиных-Сакаевых, переселенцы в Уфимскую губернию во главе с Шабаном Юсуповым сыном Маматказин-Сакаевым происходили из Шацкого уезда Тамбовской губернии. Именно в Шацком нижнем земском суде они засвидетельствовали свое родословие, которое подтвердили князья Маматказиных-Сакаевы из села Большой Студенец Шацкого уезда. В другом родословии, заверенном уже в Белебеевском уездном дворянском собрании, переселенцы в Уфимскую губернию выводили свое родословие к вышеупомянутому Адаролею Досаеву сыну Маматказину-Сакаеву и его сыну Чернакаю. Маматказиных-Сакаевы, проживавшие в Керенском уезде, были также включены во II часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии.

В дальнейшем Маматказиных-Сакаевы прикупали земли в Уфимской губернии. Так, князь Мухамет Аронов (Аитов) сын Маматказин купил в 1811 году землю рядом с деревнями Абзаново и Биглово у юртового старшины деревни Улуареша Канлинской волости Тюкбаевой тюбы Нигматуллы Кульчумова, в 1813 году – мельничный пруд у вотчинника деревни Абзаново башкирина Ишмухамета Кучумова, в 1818 году – землю у башкир деревни Абзаново Габдуллы Тюркеева и Якупа Ишмухаметова, причем они продали не только свои участки земли в деревне Абзаново и Бударяшовском лесу, но и половину своих участков в деревне Кузеево. Впоследствии наследники князя Мухамета Маматказина-Сакаева поселились видимо также в деревне Кузеево [1, с.286–289]. Хотя еще V ревизией в 1795 году было зафиксировано, что в деревне Кузеево в 7 дворах проживали мурзы из князей Чанышевых из Шацкого уезда деревни Тенишевка (28 мужчин и 19 женщин), в одном дворе – 9 мишарей и в одном же дворе – 4 ясачных татарина [6, с.290].

Чуть позже Маматказиных-Сакаевых на территорию Уфимской губернии переселились и мурзы Сакаевы. И.Р. Габдуллин сообщает, что в 1793 году мурзы Сакаевы переселились из деревни Молошная гора Темниковского уезда в деревню Аблаево Белебеевского уезда (ныне Чекмагушевский район РБ), а в 1828 году – из деревни Енгуразово Темниковского уезда в деревню Старое Калмашево (ныне Чекмагушевский район РБ). Кроме того, в начале XIX века Сакаевы поселились также в деревне Токмаклы (ныне Кушнаренковский район РБ). В отличие от Мамаказиных-Сакае-

вых они остались в сословии государственных крестьян. В настоящее время фамилия Сакаевых распространена также среди жителей деревень Азеево, Большой Студенец, Торопово, Караулово бывшего Кадомского уезда [3]. В 1793 г. вместе с Сакаевыми из деревни Молошная гора в деревню Аблаево переселились и представители рода Кудояровых. В 1820-х годах часть представителей фамилии Бигловых (две души мужского пола), оставшихся в сословии государственных крестьян, переселились из деревни Абзаново в деревню Аблаево. В 1795 году V ревизией в деревне Аблаево было зафиксировано душ мужского пола: мишарей – 22, ясачных татар – 11, а в 1834 году – 160 и 80 соответственно.

В 1795 году V ревизией в Тюкбаевой тюби были зафиксированы 7 деревень и во всех из них проживали, кроме башкир, «припущенники» из числа мишар и ясачных татар. Причем, башкирских дворов было только 63, тогда как дворов «припущенников» – 227 [6, с.91]. В деревне Буздяк в 1795 г. проживали музры из ясачных татар в 11 дворах (46 мужчин и 33 женщины) [6, с.101]. Это были музры Бадай и Сулейман Маматовы, переселившиеся сюда из деревни Торопово Тамбовского наместничества, затем музры Кудашевы, Мамлеевы, Муратовы и ясачные крестьяне Кальметьевы, Искандаровы, Исмагиловы, Кутушевы, Сюндуковы и др. [6, с.111].

Однако и позднее на территорию Белебеевского уезда переселялись представители темниковских фамилий. В 1833 году в деревню Буздяк прибыли ясачные крестьяне в количестве 40 дворов из деревни Ефай Темниковского уезда Пензенской губернии, родственники тех, кто переселился в 1793 году – Яфаевы, Кальметьевы, Акчурины, Дашкины, Утяшевы, Кутуевы, Янбухтины, Янгуразовы, Хамзины, Чанбарисовы, Ягудины [6, с.116–117]. В том же 1833 году из деревни Булаево Кунгушинской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии прибыли музры Кудашевы, родственники переселившихся в 1793 году [6, с.116–117].

В Национальном архиве Республики Татарстан в личном фонде известных татарских артистов Нуретдина (Нури), Сарвар и Раисы Сакаевых приведена информация о родословии этой ветви Сакаевых. Согласно приведенным Сарвар Сакаевой сведениям, их предки (5 братьев и одна девушка) переселились в 1830 году из Тамбовской губернии в деревню Шланлыкулево Уфимской губернии. Они были крепостными крестьянами помещика Сакаева, по указу царя были освобождены и помещик якобы присвоил этим переселенцам свою фамилию. Правнуком переселенца Исмагила Сакаева был Нуретдин Сакаев (1885–1927 гг.) из деревни Шланлыкулево [7, л.1–6]. Таким образом, в 1830-е гг. происходила вторая, достаточно массовая, волна переселения ясачных татар из Тамбовской и Пензенской губерний на территорию Уфимской губернии, в составе которой были и представители фамилии Сакаевых.

Подводя итог, необходимо отметить, что первые Сакаевы появились на территории современного Башкортостана не позднее 1773 года и их переселение происходило в несколько этапов. В конце XVIII–XIX веков Сакаевы проживали в нескольких деревнях Уфимской губернии: Абзаново, Биглово, Кузеево, Аблаево, Старое Калмашево, Токмаклы.

Интересен вопрос о времени появления переселенцев Сакаевых в деревнях Шланлыкулево, Ташлыкуль и Табанлыкуль.

Первыми в башкирскую деревню Шланлыкулево предположительно в конце XVIII века переселились музры Мамлеевы. По V ревизии 1795 года в Шланлыкулево уже числились 4 музринских двора (47 человек). По ревизской сказке 1834 года по деревне Шланлыкулево Белебеевского уезда Оренбургской губернии значились из музр ясачные татары Кудашевы. Причем указывалось, что все они «заселение возымели с 1833 года по договору на покупной земле от вотчинников башкирцев Белебеевского уезда Калнинской волости, деревни Шланлыкулевой» [1, с.262]. Таким образом, время появления родов темниковских татар, в том числе Сакаевых, в деревне Шланлыкулево следует датировать 1790–1830-ми годами. К 1917 году в деревне Шланлыкулево было отмечено 10 дворов башкир (54 чел.), 143 двора мишарей (961 чел.), 100 дворов тептярей (585 чел.).

Деревня Ташлыкуль Богатинской волости была впервые учтена ревизией 1902 году. В ней имелось 43 двора, в которых проживали 110 мужчин. Проживали в ней Кудашевы, Кутушевы, Мамлеевы, Сакаевы [6, с.318]. Судя по количеству дворов, деревня эта возникла задолго до ревизии 1902 года. По некоторым данным, деревня существовала уже со второй трети XIX века.

Деревня Табанлыкуль упоминается впервые в Богатинской тюби Булярской волости Мензелинского уезда ревизией 1795 года, причем уже тогда в ней были зафиксированы два мишарских двора. В 1911–1914 годах в связи со строительством железной дороги эта деревня стала железнодорожной станцией Буздяк. В этот же период сюда переселились жители из соседних деревень, в том числе из деревни Ташлыкуль – Кудашевы, Кутушевы и Сакаевы. К 1917 году в деревне уже числилось 27 мишарских дворов со 149 жителями [6, с.312].

Таким образом, на территории современного Башкортостана проживают по крайней мере две ветви фамилии Сакаевых: потомки княжеского рода Маматказиных-Сакаевых, возвращенные в дворянское достоинство, и мурзы Сакаевы, оставшиеся в сословии ясачных (государственных) крестьян. Между ними несомненно существовали родственные связи, на что указывает переселение в Уфимскую губернию в одну и ту же местность. Причин тому, что часть Сакаевых не добивалась или не смогла добиться возвращения дворянского достоинства, могло быть несколько:

1) утрата документов, подтверждающих принадлежность к дворянскому роду;

2) противодействие властей (в середине XIX века в Уфимской губернии уже не было барона Ингельстрома, ходатайству которого обязаны возвращением в дворянство многие мурзинские роды в Уфимской губернии);

3) отсутствие весомых стимулов к возвращению в дворянское сословие.

Как указывает С.Еникеев, преимущества «лапотных дворян» сводились к ношению дворянского картуза, более уважительному отношению к ним чиновников в казенном присутствии, а в материальном отношении – к освобождению от уплаты подушной подати. Однако последний стимул исчез уже в 1886 году, когда подушная подать была отменена для всех податных сословий. Поэтому, как указывает И.Биккинин, некоторые темниковские мурзы не добивались возвращения своего сословия князей и оставались ясачными крестьянами, занимаясь обычным прибыльным делом – крестьянским хозяйством или торговлей [6, с.116].

Кроме того, на территории Башкирии могли расселяться и другие представители рода Сакаевых или их однофамильцы. Например, на берегах реки Юрюзань V ревизией в 1795 году была зафиксирована деревня Сакаево, состоявшая из 10-дворов с 70 жителями (ныне деревня Ильтаево Салаватского района РБ). Возникла она предположительно между 1740–1755 годами. На карте Красильникова и Рычкова она была обозначена как Сакино. Названия деревни произошло от первопоселенца Сакая. По VII ревизии 1816 года перечисляются имена его сына и внуков: Зулькарнай Сакаев (1756–1813), его сыновья Хисамутдин, Мухаметамин, Рахманкул, Худайбет. Впоследствии деревня была известна под названием Ильтаево, по имени другого первопоселенца [8, с.509–510]. Как видно, часть населения деревни носила фамилию Сакаевы, однако находились ли они в каком-либо родстве с темниковскими Сакаевыми неизвестно.

Список использованных источников и литературы

1. Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства / С.Еникеев. – Уфа: Гилем, 1999.
2. Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения / А.Х. Халиков. – Казань, 1992.
3. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству / И.Р. Габдуллин, Р.Ш. Кудашев. – М.: Типография ПИК ВИНТИ, 2006.
4. www.ufagen.ru.
5. www.kirimtatar.com/Archive/sagit_letter.html.
6. Кинзикеев У.И. Буздякское краеведение / У.И. Кинзикеев. – Уфа: Информреклама, 2005.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-3695. Оп.2. Ед. хр. 1.
8. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2009.

А.И Еникеев, Ш.И. Еникеев

Об одной из династий рода Еникеевых: история и современность

Еникеевы принадлежали к той наиболее образованной и культурной части дворянства, которую можно назвать татарской дворянской интеллигенцией. Из этого рода в разное время произошли известные и довольно влиятельные люди. В связи с этим хотелось бы сделать небольшое отступление. На рубеже XVII–XVIII веков, усилился процесс христианизации аристократов-мусульман в России. Окончательно он был предопределен указом Петра I от 13 января 1713 года, по которому татарские мурзы в течение 6 месяцев должны были перейти в христианство. Многие татарские мурзы вынуждены были креститься, иначе они теряли земли и титул. Они принимали русские имена и становились русскими князьями и дворянами. А те, кто отказался принимать иную веру (крещение у мурз считалось признаком самого низкого морального падения человека),

лишались своих поместий, дворянских званий. Поэтому началось массовое переселение Еникеевых из Темниковского уезда в Приуралье, которое продолжалось до начала XIX века. На новом месте они осваивали земледелие, возводили мечети, открывали медресе, школы, снабжали башкир религиозными и светскими книгами, общались, рождались, справляли совместные свадьбы. Они сумели завоевать уважение и доверие местных жителей своей религиозностью, здоровым образом жизни, образованностью. Каргалы превратилась в большую богатую деревню. Там открыли русско-татарскую школу, которая позволила многим каргалинским мурзам получить образование, в результате чего немало татарских дворян заняли достойное место среди уфимского чиновничества, особенно в области народного просвещения. Они и их потомки внесли большой вклад в дело духовно-нравственного просвещения мусульман края. Из среды татарских мурз вышли многие знаменитые в нашей Республике и Республике Башкортостан, и стране ученые с мировым именем, известные врачи, народные артисты, писатели, заслуженные художники, журналисты, крупные военачальники и хозяйственники. Из рода мурз Еникеевых происходит классик современной татарской литературы Амирхан мурза Еникеев (родился в 1909 г. в семье торговца). Родители его – жители деревни Каргалы, но он вырос в поселке Давлеканово Уфимской губернии. Много интересного о каргалинцах мы находим в его произведениях, особенно в его романе «Страницы прошлого».

Судьба человека может стать зеркалом судьбы целого поколения. В этом отношении показательна судьба нашего отца Еникеева Ильяса Хисамутдиновича. Он родился в деревне Н. Каргалы в 1888 г. (бывшая Уфимская губ. Белебеевского уезда). Его отец (наш дед) Хисаметдин Фахретдинович Еникеев родился в 1857 г., мать (наша бабушка) Хубейбе Ганиевна Янбухтина 1862 г. рождения, ранее проживала в соседней деревне Буздяк. Родители занимались исключительно сельским хозяйством. Когда ему исполнился 8 лет, он лишился матери, а в 12 лет – лишился отца. Остался в числе четырех малолетних детей на иждивении трех старших братьев. От отца им в наследство остался убогий сельскохозяйственный инвентарь – одна старая лошадь да деревянная соха. Некоторые братья летом работали в батраках, а в остальное время учились в сельской русской школе. В 1903 г. он с отличием оканчивает школу, добирается до Уфы, а затем на пароходе до Казани. Выдержав довольно жесткий конкурс (из 120 человек, подавших заявления, принимали только 30), поступает в Казанскую Татарскую учительскую школу на казенный счет. Несколько подробнее хотелось бы остановиться на этом учебном заведении. У истоков образования школы стоял и В.В. Радлов, а также Каюм Насыри, уделявший особое внимание принципу наглядности в обучении. Сохранился документ о пожертвованиях, сделанных Каюмом Насыри в пользу школы. 15 июля 1877 г. инспектор Казанской татарской учительской школы М.-Г. Махмудов писал в представлении попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову: «Исправляющий должность учителя русского языка Казанской школы для мальчиков Каюм Насыров пожертвовал во вверенную мне учительскую школу карты полушария и пяти частей света с надписями на татарском языке, надписи сделаны им самим на немых картах С.-Петербургского издания и представляют собою громадный труд составителя и могут быть полезными при преподавании географии» [1]. Учебная программа школы включала изучение следующих предметов: в первом классе – русского языка, математики, вероучения, естествоведения, со второго класса к ним добавлялись история, география, с третьего класса – педагогика и дидактика. Преподавались также рисование, черчение, гимнастика.

Главное значение в школе придавалось русскому языку, являвшемуся не только языком обучения, но и специальностью будущих учителей. Уже в июле 1876 г. исполняющий должность инспектора Казанской татарской учительской школы М.-Г. Махмудов обращается к попечителю Казанского учебного округа с просьбой устроить ежедневные вечерние занятия по русскому языку для воспитанников с целью достижения «достаточной практики в употреблении русского языка» [1]. Практическому изучению русского языка, приобретению навыка в разговорной речи способствовали и устраиваемые в школе ученические спектакли, литературные вечера, беседы, литературный кружок. Большие возможности для практического освоения русского языка представляло открытое в 1882 г. при Казанской татарской учительской школе начальное татарское училище.

Как свидетельствуют архивные документы, школа была хорошо оснащена учебно-наглядными пособиями. В школе имелись химическая лаборатория, богатая минералогическая коллекция, большие стенные таблицы растений, животных, модели для изучения морфологии растений, чучела животных и костяки животных, исторические карты, картины, глобусы.

Школа являлась подлинным культурно-образовательным центром татарской интеллигенции. Среди ее воспитанников были известные политические и государственные деятели: депутат II Государственной думы Калимулла Хасанов, депутат II и III Государственных дум, видный общест-

венный и государственный деятель, выдающийся ученый Садри Максудов, писатели Гафур Кулахметов, Гаяз Исхаки, химик-органик Гилем Камай и многие другие. Директор народных училищ Казанской губернии А.С. Никольский так характеризовал учащихся школы: «Воспитанники ее ... все достаточно развиты и образованы; все хорошо владеют русским языком, ... чужды как религиозного, так и племенного фанатизма. Некоторые из них серьезно интересуются научными вопросами» [1].

Казанская татарская учительская школа сыграла выдающуюся роль в просвещении татарского народа. Образованные и состоятельные дворяне – мусульмане стремились давать добротное воспитание и образование своим детям. Они хорошо понимали необходимость знания русского языка для использования достижений науки, техники и культуры, поэтому направляли своих детей в русские учебные заведения. Как пишет известный сын татарского народа Мирсаит Султангалиев: «...дети наших родственников по линии матери, ее братья и дети ее родных и двоюродных сестер и братьев, мои ровесники, учились в гимназиях, реальных училищах или кадетских корпусах. Все они, эти Терегуловы, Еникеевы, Мамлеевы и Чанышевы были высокого дворянского рода» [1]. Дети дворян мусульман учились также в юнкерских училищах, в офицерских школах, а в начале XX века – и в военных академиях. В 1908 г. наш отец с отличием окончил Казанскую татарскую учительскую школу, затем, главным образом, занимался педагогической деятельностью. Работал учителем в бывшей Уфимской губернии (до 1909 г.), в г. Троицке Оренбургской губернии (до 1919 г.). В г. Троицке одновременно окончил специальный бухгалтерский класс, что позволило ему в дальнейшем в совершенстве освоить теорию балансового учета и много лет преподавать эту дисциплину на различных курсах по подготовке бухгалтеров. С 1928 г. по 1931 г. работал в г. Самарканде в институте по подготовке кадров потребкооперации «Узбекберляшу» в качестве преподавателя бухгалтерского учета. Был женат на учительнице и от этого брака у него было два сына, старший Борий Еникеев (1924 г.) погиб на фронте, а второй Рустам Еникеев (1926 г.) прошел всю войну. Из-за болезни детей (малярия) он переехал в Крым на родину жены, где его застала Великая Отечественная война. В мае 1944 г. в числе крымских татар был переселен в Среднюю Азию – Андижанскую область, а потом переведен в г. Андижан, где познакомился с нашей будущей мамой. От второго брака у него родились два сына Еникеев Арслан (1947 г.) и Еникеев Шамиль (1950 г.). В г. Андижане до выхода на пенсию он продолжал заниматься педагогической работой, а также строительством и обустройством жилья. Неоднократно писал письма в органы внутренних дел, чтобы разрешили переезд на родину в Башкирию, и только в 1956 г. он получает справку о снятии ограничения по спецпоселению. В 1964 г., будучи тяжелобольным, посещает г. Казань, где прошли его юношеские годы. Умер в 1964 г. и был похоронен в г. Андижан (Узбекистан).

Следует отметить, что у многих ровесников отца была нелегкая, порой трагическая судьба. Однако, где бы они не работали, какие бы испытания им не пришлось пройти, они с честью прошли по жизненному пути, не запятнав своего имени, сохранив свое достоинство и внутреннее благородство.

В 1999 году в Уфе вышла в свет книга представителя этого рода Саида мурзы Еникеева «Очерк истории татарского дворянства», что явилось важным шагом в исследовании истории татарских мурз. В предисловии к книге научный редактор, председатель Историко-родословного общества в Москве С.В. Думин пишет: «Книга Саида мурзы Еникеева посвящена преимущественно мусульманским ветвям старинных татарских родов, плохо изученным в генеалогической литературе» [5]. Посвятив 30 лет разработке этой, тогда весьма непопулярной теме, Саид мурза Еникеев стал яркой фигурой мусульманского дворянского возрождения.

Возрождение истории татарского дворянства будет содействовать не только укреплению прошлого и настоящего, но и поможет нашим соотечественникам возродить высокое духовное достоинство.

Список использованных источников и литературы

1. Шарангина Н.А. Казанская татарская учительская школа – новое образовательное учреждение для татар (по документам Национального архива Республики Татарстан). – http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=8020&type=article.

2. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства [Текст] / Саид мурза князь Еникеев; науч. ред. С.В. Думин. – islam-kamenka.ru/load/quotocherk_istorii_tatarskogo_dvorjanstva.

Р.Х. Кудашев

Прошлое и настоящее князей Кудашевых*

Согласно гумилевской концепции пассионарности миграционно-этногенетический «маршрут» предков Кудашевых отслеживается с одного конца поселком 3-х тысячелетней давности Кадеш на р. Иордан, а с другого конца их расселением (Кадешей, Кудашей, Кудашевых) на евразийских просторах. Эта концепция нашла отражение в работах современных историков [1, с.31]. Если предположить, что один из миграционных путей проходил через Кавказ, то обоснованным является то, что фамилия Кудашевых не является редкой у кабардинцев. Одним из ее представителей и автором книги «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев, 1913 г.) стал Кудашев Эльбуздук Канаметович (в русской транскрипции Валерий Николаевич), чьи воззрения сходны с идеями русских просветителей. Он был сторонником уравнивания в правах кабардинских и русских князей, что свидетельствовало о его сословной принадлежности, и впоследствии эмигрировавшего из страны после известных событий 1917 года. Оседание предков Кудашевых происходило на приуральских просторах, Поволжье, Мордовии и в других регионах России. Волны насильственной христианизации в начале XVIII в. привели представителей рода в Башкортостан, Татарстан. Наиболее полно история Кудашевых изложена в монографии Еникеева С.Х. [2, с.247–270]. Первое упоминание фамилии Кудашевых в Москве относится к 1690 г. [3, с.165–171]. В энциклопедии Брокгауза и Эфрона отмечается, что «Кудашевы – русские княжеские роды, происходящие от татарских мурз; один из них восходит к началу XVII в., исповедует донныне магометанскую веру и внесен в V ч. род. кн. Пензенской губ. Другой род Кудашевых происходит от князя Чепая мурзы К[удашева], участвовавшего в московском осажденном сидении 1618 г. Этот род князей К[удашевых] внесен в V ч. род. кн. Киевской и Пензенской губ.». Несмотря на жесткую политику Петра I по отношению к некрестившимся мурзам, впоследствии восстановленных в княжеском достоинстве указом Екатерины II от 1796 г., татарские мурзы не утратили своей идентичности и традиций.

Юскей (Юспей, Юсуп) Абдюкович (1739 или 1740–?), мурза, князь, губернатор О. Тевкелева, перевел на турки манифест Пугачева к нерусским народам от 1.12.1773 г., за что был схвачен в 1775 г. и перевезен в Казанскую секретную комиссию. На следствии отрицал свою вину и в том же году по Указу императрицы отпущен на волю. Впоследствии вместе с четырьмя сыновьями участвовал в Отечественной войне 1812 г. против французов [5, с.198; 6, с.118].

Уроженец Белебеевского уезда Уфимской губернии Адильгарей Мухамедгареевич (1854–?) после окончания курсов в Уфимской татарской учительской школе в 1876 г. впервые ввел вечернюю форму обучения для крестьянских детей, днем занятых на сельскохозяйственных работах. В уездном Земском собрании, говоря об успехах на этом поприще, отмечалось, что он «как первый светоч в области народного просвещения» [7, л.11, 19, 24, 46]. По его же стопам пошел и другой представитель этого рода Миннибай Сайтгареевич (1888–1923), окончивший Татарскую учительскую школу в Казани. Состоял в партии эсеров, был членом Городской думы г. Белебея и уездной земской управы. 12 мая 1919 г. с семьей в составе 6 человек эвакуировался с отступающей армией А.В. Колчака. Впоследствии преподавал в г. Семипалатинске, где и был похоронен [2]. Весьма трагично сложилась судьба Шагали Сайтгареевича (1891–1941), зажиточного крестьянина. Был раскулачен и дважды, в 1931 и 1937 гг., был репрессирован. Строил Беломорканал. Жизнь оборвалась в Комсомольске-на-Амуре.

Шамиль Рустумханович (1919–1986), родившийся в Старом Буздяке Богадинской волости Уфимской губернии и окончивший Саратовский медицинский институт, стал заслуженным врачом БАССР. Занимал различные административные должности в системе здравоохранения района. При нем были построены и реконструированы больницы региона [8, с.156].

Его современником и земляком был доктор медицинских наук, профессор Барый Батыргареевич (1916–1995), участник Великой Отечественной войны, также выпускник Саратовского медицинского института. Его научная деятельность посвящена проблемам лучевой диагностики и терапии. Был председателем Башкирского общества рентгенологов и радиологов. Награжден орденом Красной Звезды [9, с.570].

Одним из первооткрывателей крупных башкирских нефтяных месторождений был инженер-геолог, заслуженный нефтяник БАССР Ады Шугалиевич (1928–1985) [2]. Его родной брат Ринат

* Мнение ред. коллегии не всегда совпадает с выводами автора.

Шагалиевич стал директором Научно-исследовательского и проектно-конструкторского института специальных конструкций наземных объектов добычи и транспорта нефти и газа в Москве (с 1987 г.). Родился 21 марта 1936 г. в д. Табанлыкулево Буздякского района БАССР. Он – академик Академии строительства, экономики и инвестиций, заслуженный строитель РСФСР, БАССР и НР Болгарии. Окончил Высшую коммерческую школу Академии народного хозяйства (1990 г., г. Москва) и Школу бизнеса при Колумбийском университете (1991 г., США). Князь, мурза, совершил хадж в Мекку. Его именем названа в г. Октябрьском РБ улица, фамилия внесена в энциклопедию персоналий «Who is who в России» (2007 г.). Он стоял у истоков создания Меджлиса татарских мурз и является членом РДС, внес существенный вклад в издательскую и просветительскую деятельность дворянского движения [10, с.214].

Основатель первого татарского театра в России Ильясбек Батыргареевич Кудашев-Ашкадарский (1884–1942) – уроженец г. Оренбурга. Окончил медресе «Хусаиния» (рушди) и Татарскую учительскую школу в Казани. В газете «Казанский телеграф» сообщалось о том, что «первая любительская труппа в Казани была создана в 1902 году по инициативе студента учительской школы Ильясбека Кудашева-Ашкадарского». Впоследствии из его труппы вышли видные деятели театра и искусства: Г. Болгарская, М. Валеев, С. Гизатуллина-Волжская, В. Муртазин-Иманский и многие другие. Создание Кудашевым первого татарского национального театра дало толчок развитию казахского, башкирского, туркменского, азербайджанского и уйгурского театров [6, 9].

Генетическая тяга к театральному искусству проявилась у Хусаина Ильдерхановича (1913–1986) в юности, впоследствии народного артиста РСФСР и БАССР. Он родился в Старом Буздяке Богатинской волости Уфимской губернии. В семье его отца сохранилась справка, выданная в 1933 году Духовным управлением мусульман Восточной Сибири (г. Уфа) о том, что «Ильдерхан родился от князя Асфандияра Мухамедишевича и его жены Бадризамалы». После окончания Московской консерватории им. П.И. Чайковского Х.И. Кудашев (1941–1948 гг.) работал солистом оперы в Башкирском государственном театре оперы и балета, где исполнил роль героя в первой башкирской опере «Акбузат» (Х.Займов, А.Спадавеккиа). В 1948–1986 гг. актер башкирской драмы. Снимался в художественных фильмах (г. Москва, г. Уфа, «Мосфильм»). Встречался с реформатором театра Мейерхольдом, актерами М.Царевым, И.Ильинским, Л.Орловой, С.Лемешевым, П.Глебовым, с некоторыми из которых снимался в кинофильмах. В общей сложности им сыграно 200 ролей в пьесах русских, зарубежных и национальных авторов. Вершиной его театрального творчества явилась роль короля по пьесе Н.Асабаева «Красный паша». Скончался во время зарубежных гастролей на международном фестивале национальных театров в Сирии (г. Дамаск, 1986 г.). Его дочь и сын реализовались в науке – стали профессорами [9, 11, с.3–15].

Гали Ильдерханович (1920–1995), родной брат Хусаина, также состоялся как оперный артист. После окончания Московской консерватории им. П.И. Чайковского в Москве он проработал солистом театра оперы и балета в Уфе. Проявил себя как талантливый администратор, будучи директором Башгосфилармонии и Башкирского государственного театра оперы и балета. Выезжал с гастрольями зарубеж, снискав признательность коллектива у зрителей за сценическое мастерство и достижения в области советского оперного и балетного искусства [12, с.68].

Дипломат Ришат Шарафутдинович родился 1 августа 1929 г. в Беднодемьяновске Пензенской области, куда из деревни Шланлыкулево (Башкортостан) переехал его отец. После окончания Института востоковедения в г. Москве в 1954–1984 гг. проработал в Министерстве иностранных дел СССР, секретарем генконсульства в Тянь-Цзине (КНР) и посольстве СССР в Пекине. Позднее был переводчиком и атташе посольства в ранге советника. В 1970–1980-х гг. работал в Международном отделе Аппарата ЦК КПСС, с 1977 по 1984 гг. находился в Нью-Йорке на должности старшего советника представительства СССР при ООН в ранге Чрезвычайного Полномочного Посла. Отмечен отечественными наградами, а также афганским орденом славы и медалями КНР [10].

Широкую известность приобрели и русские потомки рода. Николай Данилович (1784 или 1786–1813), генерал-майор, князь, адъютант и зять М.И. Кутузова, погиб в «битве народов» под Лейпцигом. Михаил Федорович (1805–1843 или 1847), декабрист, князь, подпоручик лейб-гвардии Московского полка, дослужился до генеральского звания, умер в Грузии, куда был сослан [13, с. 82, 94, 272, 341]. Сергей Данилович (1795–1862) – князь, в 1838–1844 гг. вице-губернатор Киева, похоронен в Киево-Печерской лавре. Дипломат Иван Александрович (1859-?) Кудашев – 1-й князь, был женат на племяннице Горчакова – лицейского друга А.С. Пушкина. Занимался вопросами нейтралитета датских проливов. Николай Александрович (1866–1925) Кудашев – 2-й князь, родной брат Кудашева первого, дипломат, последний императорский Посланник России в Пекине. Был близок ко двору и пользовался широкой известностью в обеих столицах. Принимал меры по

удержанию КВЖД за Россией, однако, в силу политических обстоятельств и личной позиции Ленина, они не увенчались успехом. Идейный вдохновитель адмирала А.В. Колчака. В 1922 г. после прекращения его полномочий, покинул страну и эмигрировал во Францию, где и скончался [14, с. 84–86]. Александр Сергеевич (1872–?, Париж) – князь, инженер-путеец, профессор Киевского политехнического института императора Александра II. Создал 4 модели самолетов на бензиновом двигателе. На самолете собственной конструкции «Кудашев-1» 23 мая 1910 г. со Сырецкого ипподрома под Киевом впервые в России поднялся в воздух. В 1914 г. эмигрировал во Францию. Преподавал в Высшей технической школе в Париже [15, с.94, 95, 182–184, 197, 203; 16, с.221–230]. Николай Всеволодович (1903–1978) – князь, поэт-эмигрант, родившийся в Кременчуге (Украина). Служил в Белой армии, окончил кадетский корпус в Югославии, подпоручик. Вступил в Русскую освободительную армию Власова, попал в плен. В 1978 г. в Сан-Франциско (США) выпустил сборник стихов «Тени». Они навеяны памятью о его тюркских предках («Мой пращур вел свою орду», 1930), своей причастностью к истории России («Внук декабриста», 1925) и ностальгией по ней, а также трагизмом противостояния сил одного народа («Ледяной поход», 1948) [17, с. 113]. Василий Михайлович (1902–1942), – русский писатель, родился в Рязанской губернии. Написал 12 книг. Из них наиболее известные «На поле Куликовом» и «Последние мужики». Близкий друг М.Шолохова, с которым до войны был в творческой командировке в Германии. В 30-е годы одному из своих земляков он писал: «Шолохов должен цвести. Ведь его очень хвалят... Мое мнение: «Тихий Дон» будет звездой в нашей литературе» [18, с.9].

Николай Васильевич (1889–1966) – художник-акварелист, родился в Оренбурге в казаческой семье. Окончил частное училище технического рисования барона Штиглица в С.-Петербурге. В 1918 г. мобилизован в казачью армию. Жил в семье в Оренбурге, приютившей сосланных туда родственников Н.Н. Кибальчича (1853–1881) – организатора динамитной мастерской и изобретателя реактивного летательного аппарата, казненного за участие в покушении на Александра II. По отзыву современников, художник «умел сохранить чистоту и свежесть цветовых тонов и тактично включить в общее цветовое решение белый тон бумаги». Кудашева Мария Павловна (1895–1985) родилась в семье офицера русской армии и французской гувернантки. Переводчица, прекрасно владевшая французским языком, княгиня – осталась без мужа в годы гражданской войны. Сын Сергей, князь, учился в Московском государственном университете, офицер-артиллерист, погиб в боях под Москвой в 1941 г. Впоследствии вдова французского писателя Романа Ролана, книги которого, благодаря ей, были изданы в СССР. Ранний круг ее общения – М.Цветаева, Б.Пастернак, М.Волошин, И.Эренбург. Была в числе посетительниц кремлевского кабинета И.В.Сталина в 1935 г., когда Р.Ролан с визитом посетил страну. Умерла в Париже [19, с.45–62; 20, с.101].

Русская писательница Кудашева Раиса Адамовна (1878–1964) – княгиня, родилась в Москве в семье чиновника Московского почтамта. Окончила частную гимназию, была гувернанткой, а потом библиотекарем. Первое свое стихотворение («Ручейку») написала в 1896 г. Является автором 200 песен, стихов, рассказов и сказок для детей. В 1899 г. в «Русской мысли» (№ 3) опубликовала единственную повесть «Лери» о жизни молодой девушки из дворянской семьи и ее любви к блестящему офицеру. Приобрела широкую популярность после того, когда в 1941 г. было установлено ее авторство (1903 г.) песни «В лесу родилась елочка» (музыка Е.А.Бекман-Щербины). Свои положительные отзывы о ней оставили С.Маршак, А.Фадеев [21, с.79].

Список использованных источников и литературы

1. Айзатулин Т.А. Судьба России – судьба ноосферы // *Alta-mater*. – 1992. – № 7–9.
2. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: «Гилем», 2007.
3. Думин С.В. Дворянские роды Российской империи. 1721–1917. Князья. – Ч.3. – Москва: «Ликом-инвест», 1996. – С.165–171.
4. Петров П.Н. История родов русского дворянства. – С.-Петербург, 1886.
5. Таймасов С. Пугачевские военачальники, действовавшие на территории Башкортостана. Юскай Кудашев // *Ватандаш*. – 1998. – № 1.
6. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. – Оренбургский госпед-институт им. В.П.Чкалова. Ученые записи. – Оренбург, 1962. – Вып. № 17.
7. ЦГИА РБ. Ф.И. 135. Оп.1. Д.58.
8. Кинзиков У.И. Буздякское краеведение. – Уфа: «Информреклама», 2005.
9. Башкирская энциклопедия. – Т 3. – Уфа, 2007.
10. Кто есть кто в татарской общине Москвы. – М.: ПИА «Арбат», 2001.
11. Кудашев Р.Х., Кудашева Ф.Х., Хусаин Кудашев. К 90 летию со дня рождения. – Уфа: «Гилем», 2003.
12. Булат Имашев. Жизнь и творчество. – Уфа: «Китап», 2009.
13. Декабристы. Биографический сборник / Сост. С.В.Мироненко. – М., 1988.

14. Кудашев Р.Х. О роде Кудашевых // Вестник Академии наук РБ. – 2001. – Т.6. – № 3.
15. Соболев Д.А. История самолетов. – М.: «Росспэн», 1995.
16. Кудашев Р.Х. «Да, были люди в наше время». Судеб связующая нить // Краеведческий альманах. – Уфа: «Китап», 2006.
17. Князь Н.В. Кудашев. Тени. – Сан-Франциско, 1978.
18. Кудашев Р.Х. Друг Шолохова // Дворянский вестник (Татарское Дворянское Собрание). – 2010. – № 1 (79).
19. Носик Б.М. Кто – ты? – Майя // Звезда. – 2001. – № 4.
20. Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина // Исторический архив. – 1998. – № 4.
21. Краснова Р. Бархатники-лапотники // Уфа (журнал). – № 4(53). – 2006.

Р.К. Кудашев

Мурзы Кудашевы в развитии культуры татарского народа

Недалеко от берегов Демы есть небольшое озеро Акманай со светлой водой и тихо шумящим камышом. Кто побывал здесь, не перестает восхищаться неповторимой красотой этих мест.

«Задумчивым безмолвием влекома

Как мысль за мыслью – за волной волна.

Течет, не торопясь, родная Дема,

Туманной пеленой обрамлена.

Прибрежного обрыва очертанье

Богатыря напоминает грудь,

И тополя стоят, как изваяния,

Храня веков величественный путь».

Так писал о своей родной реке народный поэт Башкирии Сайфи Кудаш.

Село Кляшево Чишминского района примечательно тем, что оттуда вышло очень много знаменитых людей. Меня даже спрашивают, что там у вас в Кляшево – земля особенная или аура энергетически сильная?

Образовано село в 1740 году переселенцами из Среднего Поволжья. Люди бежали, спасаясь от насильственного крещения, бросая дома, нажитое добро. На территории современного Башкортостана тогда было спокойней. Наши предки купили землю у кучумских и караякуповских башкир. Месторасположение деревни Кляшево менялось трижды.

Петровский указ от ноября 1713 года носил ультимативный характер: мусульмане-помещики должны были в течение полугода креститься, иначе они теряли поместья и другие привилегии, однако результаты крещения были поверхностными.

В 1718 году в Среднем Поволжье появилась категория населения – лашманы, обязанные заготавливать и поставлять Адмиралтейству корабельный лес. В их состав были включены не пожелавшие креститься служилые татарские мурзы, а также другие группы служилых татар, чувашей, мордвы.

В то время участились переходы в христианство татарской знати. Побудительной причиной было стремление сохранить старые привилегии, поступить на царскую службу и т.д. Часть мурз после крещения пополнила ряды русского дворянства.

При Екатерине II отменили практически все привилегии новокрещенцам, строятся мечети, проводится политика веротерпимости.

Деревня Акманай была образована в 1931 году переселенцами из д. Кляшево в эпоху кооперации и раскулачивания. Деревня находится на берегу красивого одноименного озера в 4-х километрах от Кляшево. Почти все Кудашевы переселились в Акманай.

Деревня Кляшево Чишминского района Республики Башкортостан оказалась известной благодаря своим уроженцам – известным деятелям культуры, образования и науки. Помимо мурз Кудашевых, одних из коренных жителей Кляшево, о которых речь пойдет ниже, хотелось бы отметить некоторых знаменитых односельчан:

1. Зия Камали (Парвазетдин Жамалетдинович Камалетдинов, 1873–1942) – деятель образования, просветитель. Он основал в 1906 году в городе Уфа медресе «Галия», получил образование в Египте, в Каирском университете «Эль-Азхар», знал английский, французский и многие восточные

языки, историю арабских стран. Медресе «Галия» получило европейскую известность. З. Камали вел переписку с деятелями культуры Венгрии, Польши.

2. Мустай Карим (Каримов Мустафа Сафич, 1919–2005) – народный поэт Башкортостана, Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной Войны. Его первый сборник стихов вышел в 1938 году. Основные произведения: трагедия «В ночь лунного затмения»; повести «Долгое-долгое детство», «Помилование», «Деревенские адвокаты. Житейские хитрости», поэмы и стихотворения из циклов «Европа-Азия», стихи о Вьетнаме, «Где каштаны цветут...», «Из Кабардино-Балкарской тетради» и т.д.

3. Риф Раисович Сахабутдинов – генерал, Герой России, участник боевых действий, командующий Ленинградским военным округом.

Среди представителей рода Кляшевских Кудашевых немало известных деятелей культуры, науки.

Кудашев Сайфетдин Фаттахетдинович – Сайфи Кудаш (1894–1993). Народный поэт Башкортостана, лауреат Государственной премии Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева. Один из основоположников современной башкирской литературы.

После трех лет учительствования в казахских степях С. Кудаш в 1915 году поступает в медресе «Галия», где близко знакомится с Мажитом Гафури, слушает лекции и выступления выдающегося татарского писателя Г. Ибрагимова вместе с С. Рамеевым и Ш. Бабичем. В творчестве С. Кудаша чувствуется влияние Г. Тукая и М. Гафури.

Далее поэт работает в республиканских газетах «Башкортостан» и «Яңа авыл» («Новая деревня»), редактором литературно-художественного журнала «Октябрь» (современный журнал «Агидель»). В годы войны возглавлял писательскую организацию республики.

Творчество Сайфи Кудаша велико и разнообразно. В нем, как в зеркале, отразились все приметные события, взлеты и потрясения целой исторической эпохи.

Находясь в гуще жизни, поэт приветствовал стремление народа перестроить ее на новых, справедливых началах, искал и находил в ней своих героев, воспевал их энтузиазм, любовь к Родине, трудолюбие, душевную щедрость, а в годы войны – готовность к борьбе и самопожертвованию во имя победы над фашизмом.

Творческая биография Сайфи Кудаша вместила в себя без малого восемь десятилетий. Диапазон его литературных интересов всегда был широк и многопланов, что влияло и на выбор жанров, и на выбор используемых художественных средств, и на ориентир читательской аудитории. Поэтому с агитационными стихами соседствовали поэмы о труде, одновременно с баснями и рубаи создавались рассказы и очерки, с книгами для детей – крупные эпические произведения. Многие из созданного поэтом получило широкое признание читателей, вошло в духовную сокровищницу народа, переводилось на русский, казахский, украинский, таджикский, узбекский и другие языки.

Крепкая дружба связывала его с такими крупными поэтами, как П. Тычина, М. Рыльский, Владимир Сосюра.

В послевоенные годы Сайфи Кудаш воспевал мирный труд своих земляков, писал стихотворения, пронизанные философскими размышлениями о жизни, о призвании человека, о человеческих взаимоотношениях, о дружеских связях народов, веками живущих бок о бок.

В творчестве поэта чувство гордости за родную землю, родную республику тесно связано с чувством беспредельного уважения к другим народам. Кстати, это чувство нашло отражение и в его собственной судьбе. Он начал свой творческий путь как татарский поэт, писал об исторической судьбе татарского народа. Когда после революции образовались национальные республики и писатели стали объединяться по национальным квартирам, многие татарские прозаики и поэты, жившие в Уфе, переехали в Казань. Сайфи Кудаш же, выросший своими корнями в родную почву, остался в Башкирии и постепенно стал писать и публиковать свои книги на башкирском языке. Таким образом, он стал сыном одновременно двух близких по языку и духу народов. В то же время его душе были близки русский народ и его великая литература, народы Казахстана, Средней Азии, Кавказа, Украины...

Начиная с 60-х годов, когда в стране стало происходить обновление не только в социально-политической жизни, но и в литературе, поэзия С. Кудаша обрела как бы второе дыхание. В его стихах усилились философские раздумья о происходящем, обновлялась образность.

Близок Сайфи Кудашу и жанр прозы, над которой он работал на протяжении всей творческой жизни. Это его детская повесть «Когда были бояре», рассказы, очерки. В послевоенное время он написал замечательную повесть «Навстречу весне». В ней Сайфи Кудаш рисует образы двух великих поэтов, своих любимых учителей – Габдуллы Тукая и Мажита Гафури.

Непосредственным логическим продолжением этой повести являются документально-мемуарные книги «Незабываемые минуты» и «По следам юности», в которых выведены образы крупнейших литераторов Башкирии, Татарии и Казахстана, рассказывает о литературной деятельности трех родственных народов. Они неоднократно издавались в Москве, Уфе, Казани, Алма-Ате и других городах на десятках языках.

У Сайфи Кудаша есть стихотворение «Собирай урожай», в котором он как бы подводит итоги своего творческого пути, продолжавшегося многие десятилетия. В нем он писал, что сейчас, мол, занимается сбором плодов своего весеннего труда. Но мы прекрасно знаем, что поэт до самых своих последних дней оставался неутомимым тружеником в истинном смысле этого слова. На его письменном столе остались многочисленные новые стихотворения, очерки и статьи о крупных поэтах прошлого, мемуары... Он никогда не был собирателем плодов своего труда, а был неутомимым хлебопашцем, сеятелем добра и разума.

За большие заслуги в развитии башкирской литературы Сайфи Кудаш был награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы Народов, четырежды избирался депутатом Верховного Совета Башкортостана.

Фарида Ягудовна Кудашева (1920-2010). Родилась в деревне Кляшево. Народная артистка БАССР и Республики Татарстан, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, солистка Башкирской государственной филармонии. Всенародно любимая певица, «башкирско-татарский» соловей. Человек-легенда, стоявший у истоков современной башкирской эстрады.

Это имя не нуждается в перечислении регалий и наград, принадлежащих их обладателю. За ее плечами долгая жизнь, не всегда радовавшая, иногда безжалостно отнимавшая самое дорогое. Но дар Фарида Кудашевой – ее неповторимый, своеобразный, мягкого тембра голос, эмоциональность и проникновенность исполнения, любовь и уважение многочисленной армии поклонников.

Сеюмбика Сайфиевна Кудашева – родилась в 1921 году в деревне Кляшево. Писатель, педагог, почетный профессор ВЭГУ. Дочь народного поэта РБ Сайфи Кудаша. Ее муж доктор исторических наук, профессор Кузеев Рустем Гумерович долгое время был ректором Башкирского Государственного педагогического университета. Она автор следующих произведений:

«Жизнь длиною в один век». Воспоминания в соавторстве с Р.Г. Кузеевым.

«Живая память». Раздумья и воспоминания о Сайфи Кудаше.

«Автографы Сайфи Кудашу».

«Наука жизни и жизнь в науке». Памяти профессора Рустема Гумеровича Кузеева.

«Бөек мәғрифәтче Зыя Камали (Заман. Шәхес. Мөһим хатирәләр)».

Вторая дочь Сайфи Кудаша – Чулпан Сайфиевна Кудашева по профессии – педагог, была замужем за братом Рустема Гумеровича – Раилем Гумеровичем Кузеевым – академиком, ведущим этнографом и историком Башкирского отделения РАН.

Афзал Галлямович Кудашев родился в 1912 году в деревне Кляшево, кандидат филологических наук, доцент. Автор следующих произведений:

История деревни Кляшево Чишминского района БАССР.

История рода Кудашевых.

Хуршида Ягудовна Кудашева – родная сестра Фарида Кудашевой – добровольцем ушла на Великую Отечественную Войну. Была связистом, обучалась на курсах санитарок. Погибла в 1943 году на Украине, когда выносила с поля боя раненных бойцов.

Позже Загир Исмагилов напишет музыку к стихам Сайфи Кудаша «Комсомолка Хуршида». Это песня была в репертуаре Фарида Кудашевой.

Через Великую Отечественную войну прошли, были в плену и некоторые не вернулись: Шаихгаттар Фаттахович, Ахияретдин Фаттахович, Нуритдин Фаттахович, Тан Нуритдинович, Рифмир Сахабович, Агзам Гилязетдинович и другие из рода Кудашевых.

Рифмир Сахабович Кудашев родился в 1921 году. Председатель Совета ветеранов Ленинского района города Уфы.

15-летнего Рифмира несколько раз снимали с поездов, идущих на фронт. В декабре 1943 года с закадычным другом Исмагилом Сакаевым они в очередной раз убежали из дома. Рифмиру хотелось мстить за любимого дядю Агзама, старшину торпедного катера, который погиб в 1942 году.

Гузель Галеевна Сулейманова (Кудашева) родилась в Уфе в 1927 году. Народная артистка РСФСР и БАССР. Известная балерина Башкирского театра оперы и балета.

Решат Ахиярович Кудашев родился в 1932 году в Кляшево, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики БГУ.

Рустем Радикович Кудашев и его супруга Зульфия Кудашева – народные артисты РБ.

Азат Решатович Кудашев – доктор психологических наук, профессор Академии управления при Президенте РБ.

Искандер Рустемович Кузеев – внук Сайфи Кудаша, доктор технических наук, профессор УГНТУ, заведующий кафедрой и лабораторией.

Из психологических черт, являющихся общими для представителей рода Кудашевых, я бы отметил следующие: исключительное трудолюбие, целеустремленность, скромность, любовь к Аллаху и ближнему, умение рационально организовывать свое время, оптимизм, крепкую волю, решительность, бескорыстность.

Кудашевы испокон веков занимались пчеловодством. Сначала бортническим и колодным, потом пасечным. Секреты пчеловедения передавались из поколения в поколение. В Чишминском районе и в д. Кляшево, и в д. Акманай этим ремеслом занимаются в основном потомки нашего рода, в том числе и автор этих строк.

Еще одной особенностью многих членов рода является долгожительство. Так, Кайдафа Кудашева прожила 105 лет, Сайфи Кудаш – 99 лет, Шамсия Кудашева-Сатаева – 95 лет, Фарида Кудашева – 90 лет. Хотелось бы пожелать крепкого здоровья, бодрого настроения и долгих лет жизни нашим знаменитым, замечательным долгожителям.

Несколько огорчает инертность тех, кто по праву должен участвовать, но не участвует в работе Меджлиса, на предложение принять участие в работе общества порой прямо ошарашивают вопросом типа: «А что мне за это будет?»

Еще в первые годы становления Меджлиса я помню слова Саида Ханафиевича князя Еникева, что во всем мире существуют общественные организации. В общении людей происходит взаимное духовное и культурное обогащение, тем более в таком святом деле. У профессора Мулдашева есть выражение: «Предки дают нам энергию и силы».

Насколько же была сильна вера, что заставила наших предков бросить обжитое место, нажитое добро и отправиться в путь на лошадях, санях, телегах, осваивая новые земли. Терпя все эти лишения, конечно, кто-то болел, кто-то умирал в дороге. Но люди выстояли, обжились, вновь нажили добро, оставили наследство, восстановили духовные центры.

Осознавая это, невольно подтягиваешься до их уровня. Зная, что кто-то из рода смог добиться больших успехов, ставишь и перед собой высокие цели и добиваешься намеченного. Стараешься быть достойным памяти предков. Вот в этом и видится мне значение нашего движения. Чтобы нравственность была чистой, чтобы человек самовоспитывался и чтобы своих детей мы воспитывали в этом же духе.

Л.Я. Апакова, Л.В. Апакова

Общественная и торговая деятельность Апаковых в XVII–XIX вв.

В период Золотой Орды и в последующий золотоордынский период существовала устойчивая прослойка татарской феодальной элиты. Среди них значатся и Апаковы.

Есть несколько версий происхождения фамилии Апаков. Так, согласно статье А.А. Халикова о происхождении фамилии Апаковы (Аппаковы), где он ссылается на известного русского историка А.А. Зимины, «крымско-казанский мурза Аппак перешел на русскую службу в 1519 г.» [70].

Аппак-мурза (Абак-мурза) фигурирует в истории как приближенный крымского хана Махмет-Гирея: по С.М. Соловьеву, он вел переговоры с русским послом Мамоновым в 1515 г.: «Преданный Москве вельможа крымский Аппак-мурза писал великому князю: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты ему их отдашь, то другом ему будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать; разве пришлешь ему столько же казны, сколько король присылает, тогда он тебе города эти уступит. А с королем им друзьями как не быть? И летом, и зимою казна от короля, как река, беспрестанно так и течет, и малому и великому – всем уноровил». Послу великокняжескому Мамонову тот же Аппак говорил: «Ты приехал нынче между великим князем и царем дело делать, так ты делай дело умеючи: чего у тебя царь ни попросит, ты ни за что не стой, тешь его. А не захочешь царю дать добром, так тебе без дела назад ехать; ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет; так ты бы царю не стоял ни за что, чего у тебя ни попросит добром, а позора бы тебе не дожидаться». Аппак жаловался Мамонову, что и ему великий князь мало прислал» [69, с.241]. «Богатырь-царе-

вич обещал хлопотать о том, кто его больше почитит; король, как видно, почитил его больше, и Богатырь в 1516 году опустошил рязанскую украину. Когда посол жаловался на это доброхоту московскому, музре Аппаку, тот отвечал: «Все это делается великому князю самому от себя: говорил я, чтоб великий князь столько же присылал, сколько король присылает». А сам хан писал Василию: «Что сын мой Богатырь без моего ведома на Рязань ходил, то князь бы Василий лихим людям не потакал, кто станет говорить, чтоб ему за то со мною раздружиться». Хан обещал идти на Литву, но требовал, чтоб великий князь помог ему взять Астрахань... [69, с.242].

Аппак ездил к великому князю Василию III с шертной грамотой хана о союзе против Литвы и с целью добиться выдвижения на казанский престол ставленника Махмет-Гирея в 1519 г. [5, с.462].

«Постниковский летописец» описывает эти же события таким образом: «Того же лета (7027 г.) был на Москве посол князь Аппак да Магмат паша от царя Магмет-Гирея. И вельми одарил их князь велики» [65, с.13].

Н.М. Карамзин также упоминает эти события в своей «Истории государства Российского»: «Абдыл-Летиф, названный преемником Царя Магмет-Аминя, умер в Москве [19 ноября], к огорчению Великого Князя: ибо Летиф служил ему орудием Политики или залогом в отношении к Тавриде и Казани. Но сие происшествие имело сначала благоприятные для нас следствия. Желая завоевать Астрахань, Магмет-Гирей не менее желал подчинить себе и Казань: содействие России, нужное и для первого, было еще необходимее для успеха в последнем намерении. Итак, услышав о смерти Летифа, зная близость Магмет-Аминовой и назначив Казанский престол брату своему, Саип-Гирею, Хан обратился к дружбе Великого Князя. Хотя многие Вельможи и Царевичу сильно противились сему расположению; хотя Калга, Ахмат-Гирей, наш ревностный приятель был одним из них злодейски убит: но доброжелатели России, в числе коих находился Князь Аппак, главный любимец Ханский, превозмогли, и Магмет-Гирей известил Василия, что он немедленно пришлет в Москву сего Аппака с клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюют Литву; что мы их усердною помощию истребим всех врагов, если сами окажем услугу Хану: возьмем для него Астрахань или Киев. Не упуская времени, Государь послал в Тавриду Князя Юрья Пронского, а с ним Дворянина Илью Челищева, весьма угодного Царю. Они встретили Аппака, который действительно привез в Москву шертную грамоту Ханскую, написанную слово в слово по данному от нас образцу, в том смысле, чтобы Великому Князю и Магмет-Гирею соединить оружие против Литвы и наследников Ахматовы. В описании сего Посольства заметим некоторые любопытные черты: Аппак явился в чалме и не хотел снимать ее пред Василием. «Что значит такая новость? – спросили наши Бояре: – ты Князь, однако ж не Азейского рода, не Мольнин и никогда не бывал в Мекке». Аппак изъяснил, что Магмет-Гирей дозволил ему ехать к Магометову гробу и в знак сего украсил его голову знамением правоты. Посол и чиновники Московские преклоняли колена, говоря друг другу именем своих Государей. Он здоровствовался с Великим Князем и стал на колена, чтобы отдать Ханские письма. Союз утвердился присягою. Хартия шертная лежала на столе под крестом: Василий сказал: «Аппак! на сей грамоте клянуся моему брату, Магмет-Гирею, дружить его друзьям, враждовать неприятелям. Тут не упоминается об Астрахани; но даю слово вместе с ним объявить ей войну». Государь поцеловал крест, взяв письменное обязательство с Аппака в верности Магмет-Гирея» [6, с.48].

Надежды Крымского хана посадить своего ставленника в Казани не оправдались, Василий содействовал получению престола «не брату, а злодею Магмет-Гирееву» и «дал им в цари юного Шиг-Алея, внука Ахматова» [6, с.49]. «Сие делалось во время бытности Аппака в Москве, и хотя не помешало заключению союза с Тавридою, однако ж произвело объяснения. Посол с удивлением спросил, для чего Василий, друг его Царя, отдал Казань внуку ненавистного Ахмата? «Разве нет у нас Царевичей? – сказал он: – разве кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочем, я говорю только от своего имени, угадывая мысли Хана». Василий уверял, что он думал возвести брата или сына Магмет-Гиреева на сие Царство, но что Казанские вельможи непременно требовали Шиг-Алея, и если бы воля их не исполнилась, то они взяли бы себе Царя из Ногаев или Астрахани, следственно, опасного неприятеля России. Аппак замолчал, и скоро пришла в Москву желанная весть, что Хан уже действует как наш ревностный союзник; что сын его, Калга Богатырь, совсем нечаянно вступив в Литву с тридцатью тысячами, огнем и мечом опустошил Сигизмундовы владения едва не до самого Кракова, наголову разбил Гетмана, Константина Острожского, пленил 60000 жителей, умертвил еще более и возвратился с торжеством счастливого разбойника, покрытый кровию и пеплом. Доказав таким образом Королю, что мнимый союз варваров бывает хуже явной вражды (ибо производит оплошность), Магмет-Гирей готовился доказать сию истину и Великому Князю; но еще около двух лет представлял лицо нашего друга. Аппак выехал из Москвы

весьма довольный милостию Государя, и новый Посол Российский, Боярин Федор Клементьев, заступил в Тавриде место Князя Пронского» [6, с.43].

По мнению казанского историка Р.Р. Салихова, Мухамед бин Апак Аль-Казани имел непростое, дворянское происхождение, а род Апаковых был одним из древнейших родов Старотатарской слободы Казани. «Вероятно, его основатель был в числе первых жителей нового мусульманского поселения на берегу озера Кабан, возникшего сразу же после покорения Казани войсками Ивана Грозного. Как известно, право на землю и ведение торговли здесь получили, в первую очередь, представители тюркской знати, участвовавшие в завоевании Казанского ханства» [66].

Можно предположить о родственной связи между послом мурзой Аппаком (Апаком) и Мухамедом бин Апак аль-Казани, служивым татаринном, активно отстаивавшем права татарского населения в Старо-Татарской слободе Казани во второй половине XVII века. Так, конфликтная ситуация во взаимоотношениях жителей слободы с русскими земскими старостами и посадскими людьми на почве торговых отношений находится в центре внимания грамоты 1685 года «Об освобождении казанских татар от земских податей и повинностей», данной казанскому воеводе князю И.И. Голицину [64, с.78].

С челобитной обратились к великим государям Ивану и Петру Алексеевичам «казанские слободские служилые Татары Аитка да Надырка Шигаевы да Маметка Апаков да Ибрагимка Инбулатов» [64, с.79], объясняя, что со времен взятия города Иваном Грозным, служили их прадеды, деды и отцы «всякие верховые и низовые службы с князи и с мурзы и служилыми новокрещены и с татары..., а после дедов и отцов служат и они» [там же]. Казанские слободские татары имели возможность заниматься торговым промыслом за свою ратную службу, за которую они не получали денег, или владение землей или крепостными крестьянами: «Торговать им велено всякими товарами, вместо их великих государей денежного и хлебного жалованья». «Только де кормятся они торговыми своими промысла меж службами, и сидят они в своих, а иные и в наемных лавках... и пошлины с товаров своих платят...» [там же]. Слободские татары требовали «с тех их торгов и с лавок и с анбаров со всяких торговых промыслов пошлины иметь по прежнему их великих государей указу и по новоустановленным торговым статьям» [там же]. Казанские же земские старосты и посадские люди боролись против льгот слободским татарам, «чтобы с торгового их промысла тягло на них положить, и с ними посадскими людьми службы служить, и в стрелецких деньгах помогать, и дворы их переписать и положить в тягло с промыслу их, против их посадских людей» [64, с.80]. Государство в этом конфликте встало на сторону служилых татар, более высокой в социальном отношении категории населения: «по прежним их великих государей указам и по приговору бояр и воевод их, татар, оберегать по прежнему, и казанским посадским людям обид им, татарам, и тесноты чинить не велеть, чтобы им, татарам, никакого утеснения не было, и на земской двор с них, татар, которые объявились в службах и дворы под ними белые, тягла иметь не велели, потому что они служилые люди, а не тяглые и не черной слободы...» [64, с.81].

Однако в продолжение конфликта часть татарского населения Казани оказалась записанной в посад, согласно Переписным книгам Ивана Садилова, что и вылилось в подание очередной челобитной Мухаммедом Апаковым царю. Грамота Петра I от 15 июля 1698 г., данная казанскому воеводе князю П.Л. Львову, определяла, чтобы «он окольный и воеводы с товарищи не велели служилого татарина Махметку Апакова и иных, которые в переписных книгах 1679–1680 г. в посад не написаны, в посад иметь, и службы им с посадскими людьми служить и с промыслов тягла их платить, а которые записаны в посад и тем быть по-прежнему в посаде, а с промыслов своих и торгов платить в тягло по его великого государя указу, а лишнего с них отнюдь не иметь» [64, с.85].

Казанские служилые татары и торговцы, вследствие знания языков и обычаев родственных тюркских языков, исповедовавшие единую религию – ислам, с середины XVI в. становились посредниками между русской и азиатской торговлей; их использовали в качестве толмачей и дипломатических агентов московского правительства. Вместе с тем продолжались и культурные взаимоотношения казанских слободских татар с народами мусульманского Востока, особенно Средней Азии. Этому способствовали также и сильные семейно-родственные связи.

Примечательна история женитьбы вышеозначенного Мухаммеда Апакова на крымчанке Кинтейке, Ирмухаметовой дочери [7]. Девушка была вывезена из Крыма запорожскими казаками в 1695–1696 гг. и продана в рабство. Ее брат Курманалей прибыл в Москву с целью обменять ее на стрельца А.Иванова. Процедура освобождения происходила в полном соответствии с правилами обмена. В ожидании выдачи документов Кинтейку сосватал за Мухаммеда Апакова переводчик посольского приказа мурза Сулейман Танкачеев. Как Мухаммед, так и Кинтейка подали челобит-

ные о разрешении брака и постоянного проживания последней в России, и никаких проволочек не встретили.

Последующая судьба рода Апаковых требует дальнейшего исследования. Можно предположить, что потомки, которые остались в Крымском ханстве после аннексии Крыма в России в 1783 году, получили дворянское достоинство. Те, кто проживал на территории России, оказались приписанными в 1724 году в подушное сословие, хотя по-прежнему именовали себя служилыми татарами.

По данным Р.Р. Салихова, два сына Мухаммеда Апакова: Юсуф и Абдулмет, несмотря на определенные конфессиональные ограничения начала XVIII века, сумели сохранить некоторые сословные привилегии. Первый из них в 1748 году даже имел собственных дворовых людей, мог продавать и приобретать крепостных крестьян [66].

Родоначальником купеческой династии Апаковых называют Мусу Давыдовича Апакова (1765–1824?), который жил в Старо-Татарской слободе в собственном доме с женой Махбубой Рафиковой (1761–1827) и сыновьями [4, с.116; 68, с.63]. На 1797 г. Мусе Давыдову Апакову был 31 год, его жене 26 лет, сыну Абдулке 1 год, дочерям: Сахибе 7 лет, Шарип Зямале 6 лет [14, л.61].

О Мусе известно немного, хотя в публикациях о купеческих родах историки и краеведы среди Апаковых выделяют именно его. Хотелось бы обратить внимание на результаты дальнейших исследований. В фондах НА РТ мы находим сведения о родных братьях Мусы Апакова, которые сыграли значительную роль в становлении купеческого рода Апаковых в середине XVIII века. Это старшие братья Мусы Апакова – служилые татары Якуп (1755-?) и Муртаза (1756- ?). По данным 1797 г., Якупу было 42 года, а Муртазе – 41 год, проживал он с женой Хабибой Утягановой 43 лет, имел сына Мустафу 25 лет [14, л.61].

Якуп, Муртаза и Муса значатся в документах НА РТ как музры и торговые татары [13]. От отца своего служилого татарина Давыда Юсупова сына братья Апаковы и сестра Загифа получили «подгородние сенные покосы за Дворцовою деревнею Победиловою», мельницу в «Лаишевской округе на речке Нырсе» [8, л.1] и деревянные лавки в мелочном и ленточном рядах Гостиного двора [10].

Апаковы уже вели активную торговую деятельность, приобретали земли. Так, в 1797 г. началась продолжительная тяжба братьев Апаковых по поводу загородных сенных покосов с вдовой поручицей Дарьей Александровной Топорниной из княжеского рода Асановых, обвинявшую братьев Апаковых в незаконном завладении землей в 1773 г. [13]. Суд выявил, что данные земли были приобретены дедом вышеозначенных служилых торговых татар Юсупом Маметовым сыном Апаковым в 1726 г. по купчей Казанского уезда Арской дороги деревни Верхний Шун у ясадного новокрещенного Михаила Евдокимова; оригинал купчей был приобщен к делу. Вдова Топорнина оспаривала законность данной сделки, поскольку данные земли были жалованы ее предку князю Федору Асанову за службу, а его наследники не имели права продавать вотчину крестьянину, да еще татарину. Суд постановил закрепить часть земель за Апаковыми. Следует отметить, что представители рода Асановых, восходящего к новокрещеному Якову Асанову (сыну Асан Мурзину) часто фигурируют в спорных имущественных вопросах, например записи 599, 841, 991, 1139, 1140, 1181, 1182, 1194, 1233, 1290, 1322, 1325, 1602, приведенные в книге И.П.Ермолаева [3].

Торговый татарин Якуп Давыдов сын Апаков имел в Гостином дворе лавки в пушном и ленточном рядах сообща с вотчинным купцом Леонтием Крупенниковым [35, л.252]. Муртаза Давыдов сын Апаков также занимался торговлей, сотрудничая как с татарскими, так и русскими торговцами. Муртаза и Муса производили торг на ярмарках и торжках сообща, поддерживая друг друга, хотя и имели отдельный капитал: «Брат мой Муса Апаков со мною в отделе живет, имеет капитал особенный, на который от себя торг производит» [9, л.10]. Муса не раз поручается за Муртазу при совершении сделок на Макарьевской ярмарке.

Муса Апаков торговал мануфактурой [68], владел лавками в ленточном и мелочном рядах Гостиного Двора, полученную по наследству [10]; стоимость лавки в ленточном ряду при переписи недвижимости в 1818 году указана в значительную сумму 1500 рублей, если учесть, что деревянный дом купца Апакова в Старо-Татарской слободе оценивался не дороже 800 рублей [68, с.64].

Владение лавками в каменном здании Гостиного двора на центральном торге говорит о материальном положении братьев Апаковых, поскольку это могли себе позволить лишь немногие купцы. Большинство лавок принадлежало городу и сдавалось в аренду, принося значительный доход казне города [там же]. Позднее лавки перешли к сыну Муртазы Мустафе Апакову (1770?–?). Семья Мустафы на 1795 г. включала жену Магубби Айсию 25 лет, дочери Махиб Зямал 5 лет, Сахиб Зямал 1 год [14, л.61]. В пожаре 1797 г. в Гостином ряду, когда пострадало значительное

количество лавок татарской Старой слободы, убытки в двух лавках Мустафы с шелковым и бумажным товаром были оценены в 6000 рублей, что сопоставимо с убытками таких предпринимателей как татар Новой слободы Абдрашита Галанского (в ленточном и сапожном рядах по две лавки и одна в мыльном) товара на 7300 руб., Измаила Галанского две лавки в сыреинном ряду и одна в мыльном на 4200 руб..., Сулеймана Исхакова в сапожном ряду на 2650 руб. [15].

Деятельность Мусы, Муртазы, Якупа Давыдовых, а также Мустафы подготовила почву для развития рода Апаковых как купеческого. Нами не были найдены свидетельства о причислении ни одного из них к гильдейскому сословию после царского манифеста от 17 марта 1775 г., когда прежнее купеческое сословие было разделено на гильдейское сословие и мещанское сословие, и в новую сословную организацию купечества вошли владельцы мануфактур, крупные и средние купцы, представители ростовщического капитала. В 1799 г. в гильдейском купечестве состояло 32 семьи, в том числе во II гильдии – 8 семей, в III – 24. Из казанских купцов в то время никто в I гильдии не состоял [2, с.141]. Более мелкие торговцы записывались в мещанское сословие. Многие жители татарских слобод занимались торговой деятельностью, хотя они не являлись гильдейскими купцами [там же].

На рубеже XVIII–XIX веков Апаковы активно участвовали в общественной жизни Старотатарской слободы и в работе органов местного самоуправления, как бы продолжая дело своего легендарного прадеда Мухаммеда (Мамета) Апакова, активно отстаивавшего права служилых татар во второй половине XVII века.

Известно, что татарское городское купеческое сословие было подчинено Татарской ратуше, основанной в конце 1781 г. В ратушу избирались сроком на 3 года: 1 городская голова, 2 бургомистра, 4 ратмана и 2 словесных судьи В архивных документах значится, что «...татарин Муртаза Давыдов сын Апаков в 1787 г. по избранию слободских татар находился в учрежденном при сей ратуше словесном суде судьей и каковым должностям всегда выбираемы бывают люди поведения хорошего, честные и не подозрительные» [11, л.3]. Говоря о Муртазе, 55 обывателей Старой слободы и 36 Новой слободы подписали следующие показания: «Он Апаков поведения наперед сего был хорошего, и ни в каких подозрениях и пороках тако же и под суждением не бывал, а по хорошему его поведению обществом выболтирован был в словесный суд судьей которой должность ту исправлял порядочно в чем по-татарски подписуюсь» [11, лл.11–26].

Муртаза Апаков пользовался доверием жителей слободы, где он сам проживал, и более 72 татар слободы доверили ему решать спор со старостой Ишмухаметом Файзуллиним для ревизии денежных сумм, собираемых старостой, который «со служилым торговым татариним Мусой Даймухаметевым часто временно мирный сход делал, не спрашивая о мире у себя на дому, пишут приговоры на россейский диалект и денежном сборе и прочие дела, руку прикладывать заставляють» [16].

В 1796 г. служилый татарин Якуп Давыдов-Апаков, брат Муртазы и Мусы Апаковых, являлся одним среди 5 кандидатов в бургомистры от Старой Слободы. Среди 119 голосовавших за него проголосовало 56 человек, против – 63, тогда как за остальных голоса распределились следующим образом: Хамит Беляев – 23 голоса «за», Абдрешит Идрисов – 51, Мукмин Юсупов – 62, Юсуп Субаев – 73, последний и был выбран бургомистром [12]. Однако уже в 1798 г. Якуп Апаков работал в ратуше в качестве бургомистра Старо-Татарской слободы [17], в 1799 году был избран бургомистром на следующий трехлетний срок (1800–1802), хотя также баллотировался на должность главы [18, л. 10]. На следующий трехлетний срок Якуп Апаков баллотировался на должность «главы» в 1799 г. Среди 51 голосовавших 23 отдали свои голоса в пользу Якупа; 2-й гильдии купец Мухамет Габбасов и 3-й гильдии купец Назир Азимов получили 17 и 19 голосов соответственно, 3-й гильдии купец Есуп Субаев – 27 голосов. Главой же был избран «из служилых торговых татар» Давыд Аитов князь Заманов, в пользу которого отдали голоса 29 выборщиков [18, л.11].

Якуп и Муртаза Давыдовы-Апаковы были грамотны по-русски и по-татарски и, пользуясь доверием и уважением жителей Старо-Татарской слободы, ставили свои подписи за тех, кто не умел расписываться.

Из потомков всех троих братьев на сегодняшний день выделяют детей Мусы: Исхака, Насыра, Мустафу, Хусаина, Хасана [68, с. 65]. По данным Л.М.Свердловой, после смерти Мусы его семья не объявила капитал, и ее причислили к «торговым татарам» – сословию, приравненному к мещанам. После выхода Манифеста 1825 года Апаковы вновь вступили в третью гильдию. Владелицей семейного капитала считалась вдова Мусы Апакова Махбуба Рафиковна, однако, в действительности, торговое дело вели ее сыновья. На постоялом дворе на Сенной площади они

торговали необработанными кожами. Но, так как они не объявили капитал, они снова были переведены из купцов в мещане.

Исхак Мустафич продолжил купеческий род Апаковых. По данным НА РТ Исхак Мустафич (?–1859) не мог быть ни старшим сыном Мусы Давыдовича, ни его внуком, а, скорее всего, был его племянником, то есть внуком Муртазы Давыдова сына Апакова.

В 1825 году он вступил в третью гильдию с семьей (женой Халидой Мусиной, сыновьями Измаилом и Ибрагимом и дочерью Магитабой), объявив капитал в 8000 рублей [36, л.37]. Именно он прошел путь с 3-й гильдии до первогильдейского купечества к середине 40-х годов XIX века [49, л.53] и потомственного почетного гражданства.

В родовой лавке в Гостином дворе он торговал бумажными и шелковыми тканями, а в лавке в кожевенном ряду продавал необработанные кожи. В 1834 году Исхак уже значится купцом II гильдии [41, л.49].

В 1832 г. Исхак проживал в деревянном одноэтажном доме «2 сажень длиной и 4 сажень шириной» по 2-й части 3-его квартала [40, л.36], однако после оценки недвижимого имущества 1832 г. на погоревшем месте на Сенной улице Исхак в 1835 г. выстраивает новый дом с лавками, оцененными в 16000 руб., а позже в 32000 рублей [43, л.160].

«Двухэтажный дом (на ул. Екатерининской № 73) имел 15 покоев-комнат, да пристроено было к нему два флигелька двухэтажных» [1, с.23] В усадьбе Апаковых было также две конюшни, изба, сарай, баня [там же]. На месте, принадлежащим Исхаку, кроме каменного дома, было 2 каменных флигеля, деревянное строение, каменная прачечная и мыльная [63].

В 1841 году усадьба Исхака представляла собой «Дом Казанского I гильдии купца Исхака Мустафина Апакова, внизу с двумя подвалами и кухней и возле него вновь складенный кладовой, каменный двухэтажный крыт железом. Во дворе службы два анбара, напогребница, конюшня в одной связи крыты тесом. Летняя кухня, каретник крыты тесом. Коровий хлев крыт на один скат тесом. Баня деревянная крыта тесом. В саду небольшая беседка крыта тесом. Дом оценен в 4858 руб. серебром» [47, л.34 об.].

Кроме того, Исхак имел несколько доходных домов в разных частях города. Так, во второй части Казани ему принадлежало следующее строение: «Дом купца Исхака Апакова, каменный под оным шесть лавок крыты железом. Верхний этаж в черни. Во дворе службы: флигель деревянный с чердаком. При нем особо 13 каменных лавок крытых железом... Дом оценен в 8000 руб. серебром» [46, л.136 об.].

В период с 1825 по 1840 гг. Исхак сумел выбиться в число богатейших купцов Казани. В родовой лавке в Гостином Дворе, доставшейся ему по наследству, он торговал бумажными и шелковыми товарами. Он взял в аренду еще одну лавку в кожевенном ряду Гостиного двора, где он продавал необработанные кожи – «сырейный товар» [1, с.23; 68, с.65]. Исхак также имел две лавки «по Суконной линии» «общее пополам сообщены с Крупенниковыми», оцененные в 1843 г. в 856 рублей серебром [48, л.215 об.].

В 1839 г. за Исхаком значатся во второй части г. Казани 10 лавок для торговли ленточными и ичигишными товарами, и шапошными и золотокружевными товарами. В 18 лавках, принадлежащих Исхаку Апакову, производят торг:

- «в 1-й – казанский мещанин Абдул Зайниев – ичигами и ситцами;
- во 2, 3, 4, 5 – пустые;
- в 6-й – купчиха Диляфруз Адельшина Зайцева – ичигами;
- в 7-й – казанский мещанин Шаех Татев 110 – ситцами;
- в 8-й – казанский мещанин Хуснутдин Шамсутдинов – прозументом и прочими;
- в 9-й, 10-й – казанский мещанин Фаткулла Негаметуллин – прозументом и прочими;
- в 11-й – торгующий по 3-му ряду татарин Галей Абсалямов – прозументом и прочими;
- в 12-й – казанский мещанин Шарып Валитов – ичигами;
- в 13-й – казанский мещанин Хайбулла Губайдуллин – шапками;
- в 14-й – казанский мещанин Абдулгазей Апсалямов – прозументом, чаями и прочими;
- в 15-й – казанский мещанин Халит Абдрахманов – прозументом, чаями и прочими;
- в 16-й, 17-й – купец Пулатей Галанский – прозументом, чаями и прочими;
- в 18 и 19 – казанский 3-й гильдии купец Юсуф Шафеев Урмяков – прозументом, чаями и прочими» [44 114–1–1374].

Таким образом, перечень торговых точек И. Апакова достаточно внушителен. Кроме того, Исхак активно торгует на ярмарках, поскольку в отличие от русского, крупное татарское купечество, занятое оптовой торговлей, было связано не с биржевой, а с ярмарочной торговлей, что

также определяет традиционный характер предпринимательской деятельности татар и ассортимент товаров, выставляемых на продажу. Татарские купцы вывозили на ярмарки много самых разнообразных товаров: ичиги женские сафьяновые узорные; бараньи, вышитые бумагой; мужские ичиги козловые черные с галошами; калоши женские козловые; тюбетейки, шитые золотом и серебром; бархатные; миткалевые для простого люда, саквояжи козловые с вышитым казанским гербом, подушки козловые без набивки, кумганы медные из «белого железа» и т.п.

В начале XIX века ярмарки в России достигают расцвета. Наибольшего размаха достигает система ярмарочного торга на Украине. Но самой крупной остается Макарьевская ярмарка на Волге, с 1817 г. переведенная в Нижний Новгород. В Казани с древнейших времен каждый май проходила ярмарка Ташаяк на набережной Булака. В 1835 г. Исхак Апаков на эту ярмарку поставил татарские халаты и китайские чашки на 2000 рублей серебром, а также халаты, кашемир, платки на 5000 рублей серебром [42, л.58–59].

Не ограничиваясь торговлей, в 30-е годы XIX века Исхак Апаков открыл «китаечную» фабрику, которая была оборудована по всем требованиям времени [4, с.116]. Располагалась она по улице Захарьевской во дворе двух домов № 133 и № 134 умершего мещанина Ахмета Мусина Абетьева: «Во дворе строения два деревянных флигеля для тканья китаек крытые драньем. Красильня, колотильня деревянные, крыты под одну крышу драньем [47, л.44 об.]. По данным Л.М. Сverdловой, Исхаку принадлежала китаечная фабрика на ул. Б. Мещанской [68, с.68].

К концу жизни состояние Исхака Апакова оценивалось, по сведениям Ш.Марджани, в 1 миллион рублей [4, с.116].

Исхак Апаков получил звание потомственного почетного гражданина, так как состоял в первой гильдии 10 лет [68, с.63–69]. В 1840 году он уже значится как 4-й потомственный почетный гражданин среди купцов первой гильдии – вслед за Губайдуллой Юнусовым, Хасаном Апанаевым, Мухаметом Апанаевым [45, л.241 об.].

Исхак – самый яркий представитель купеческой династии Апаковых. Благодаря его таланту и успешной торгово-промышленной деятельности, Апаковы выдвинулись как крупные и влиятельные купцы. Исхак Мустафич неоднократно избирался в Городскую Думу и Татарскую Ратушу, входил в состав Попечительского Совета Юнусовского приюта, имел две золотые медали от правительства с Аннинскими лентами как фабрикант, который поставил в казну сверх нормы еще двести тысяч аршин ткани. Он помог и внуку Якупу Абдрешитовичу открыть китаечную фабрику [68, с.66].

У Исхака Мустафича было несколько жен, среди которых нам известны Халида Мусична (Хати́фа Мусина), Камбар Бана Ахмерова; восемь сыновей: Абдрешит, Мустафа, Ибрагим, Измаил, Шаих-Гаттар, Бахты-Гирей, Якуп, Гусман – и пятеро дочерей: Биби Махи Жиган, Биби Хусни Жиган, Магитаба, Фатима, Фатиха и Магаруй. Он уделял много внимания своим детям: просил имама дать частные уроки сыновьям, который после недолгого раздумья согласился вести занятия только для сыновей Исхака [67, с.112].

Среди детей Исхака Апакова самыми успешными оказались потомственные почетные граждане г. Казани купцы I гильдии Измаил и Ибрагим, потомственные почетные граждане г. Казани купцы II гильдии Шаих Гаттар и Бахты Гирей, купцы III гильдии Абдрашит и Мустафа, которые продолжили дело отца, умножая не только свое личное состояние, но и внося существенный вклад в историю Казани.

В краеведческих изданиях большое внимание уделяется жизнедеятельности потомственного почетного гражданина, купца I гильдии Ибрагима Исхаковича Апакова [4, с.117; 1, с.21–23], но не менее значима роль его старшего брата, потомственного почетного гражданина, купца I гильдии Измаила Исхаковича (1821/2 –1889?).

Измаил Исхакович – образованный человек, грамотен как по-татарски, так и по-русски, состоял действительным членом Императорского Казанского экономического общества [68, с.63–69], являлся бессменным старшиной мусульманского детского приюта, возглавляемый Юнусовым, входил, как его брат Ибрагим, в список присяжных заседателей Казанского окружного суда [60, л.3]. Как Измаил, так и Ибрагим входили в список избирателей в гласные Уездной Земской управы. В список вносились лица, имеющие право участвовать в г. Казани и Арске в избирательном съезде, на основании 25 ст. положения о земских учреждениях, согласно их имуществу. На городском избирательном съезде от 7 июня 1871 г., Измаил Исхакович был кандидатом в гласные Казанского Уездного земского собрания на 3-хлетие с 1871 по 1874 годы [21, л.1 об., 2 об.].

Измаил с женой Биби Гайшой Губейдулловной Юнусовой (1824–1882), которая также являлась собственницей внушительного состояния, и сыном Мухамет-Султаном (1853–1912/20?)

состоял в I гильдии уже в 1860 году [59, л.1 об.], заявив капитал в 15000 рублей [52, л.1 об.]: «Пошлины за купеческое свидетельство в казну и земской повинности 330 руб., за билет на торговое и промышленное заведение 50 руб., в городской доход 37,50 руб., всего 417 руб. 50 коп. Как видно из оценочной таблицы, недвижимое имущество в Казани имеет, городских недоимок на нем не состоит» [55, л.44]. Состоял в купечестве I гильдии постоянно с 1860 по 1883 гг.

У Измаила были торговые места в Гостином Дворе: оплачены им оброчные деньги «за лавки по ленточной линии под № 1 за 1868 г. 95 руб. С него же за лавку по той же линии под № 10–11 за 1868 г. 90 руб. С него же за лавки в верхнем этаже вновь пристроенного гостинодворного корпуса № 1–2 за 1868 г. 25 руб.» [56, л.26 об.] К 1877 г. он также был введен во владение каменной полулавкой на верхнем этаже Гостиного двора, доставшейся ему по наследству от отца его Исхака Мустафича Апакова [28, л.45].

Лавкой в рядах Гостиного Двора «I гильдии купца Апакова Исмагила Исхаковича заведует мещанин Абдул Мухаметов и при нем крестьянин Исмагиль Баязитов» [26, л.70 об.]. Приказчик Измаила Исхаковича мещанин Абдулвалей Мухаметов имел доверенность от И.И. Апакова торговать как в Казани, в лавках Гостиного Двора, так и ярмарках и торжках Российской Империи предоставленными купечеству I гильдии товарами [19, л.47 об.–48]. В Гостином Дворе в общественном ряду в лавке Измаила приказчик из Буинска купец III гильдии Алексей Константинов Миловочнов производил торговлю бумажными товарами, которые доставлялись из Москвы через подрядчиков. Оборот торговли достигал в течение года 100000 руб. [51, л.64 об.].

Жена Измаила Исхаковича Биби Гайша Юнусова имела свои лавки: в Суконной линии «купецких дочерей Биби да Бегайни Камалы, Биби Сакры Камалы, Биби Гайши Губейдуллы Юнусовых 4 каменные одноэтажные лавки, крыты железом, оценены в 6044 руб. сер.», «дочери Биби Гайши Юнусовой 2 каменные одноэтажные лавки, крыты железом, оценены в 2080 руб. сер.» (1843 г.) [48, л.219 об.], на Поперечно-Сенной улице «каменная с накатом лавка купеческой жены Биби Гайши Губайдулловны Апаковой, выстроена неизвестно когда; под нею земли 8 кв. сажен. Оценка по таблице 50 руб. (1845 г.)» [50, л.123 об.–124]. Также держала лавку в Гостином Дворе в 3-м отделении по табачной линии под № 10 (1866–67 г.) [56, л.24 об.].

На Хлебном базаре сам Измаил имел дом с каменными лавками (Баумана, 54) [57, л.107 об.–108], доставшийся от отца и оцененный в 1870–1871 г. в 8040 рублей [20, л.57 об.–58], а его жена владела двумя лавками (1868 г.): одна была записана на нее [57, л.122], а другая считалась совместным имуществом с Махуб Камал Апапановой и Фахри Замал Кашаевой [20, л.59–60]. К 1868 г. две каменные лавки на Сенной стоимостью в 560 рублей перешли от Биби Гайши Апаковой и Фахри Замал Кашаевой к Измаилу Апакову [53, л.151 об.] Ему же принадлежало старое здание фабрики отца на Большой Мещанской улице [68, с.68].

Измаил, так же как и его отец Исхак, взаимодействовал с русскими купцами. Взаимовыручка татарских и русских предпринимателей, например, проявлялась в кяхтинской торговле. При провозе товара на Кяхту и вывозе его на иркутской таможене купцы обязывались уплачивать пошлину, причем разрешалось вносить деньги после реализации товара. Страхуясь от возможного разорения торговца, власти требовали поручительства имуществом от других купцов. Так, в 1826 г. Г.М. Юнусов должен был уплатить сумму в 100000 рублей пошлины, и за него поручились богатейшие купцы Казани, участвовавшие в кяхтинской торговле: Л.Ф. Крупенников, П.И. Котелов, М.М. Якупов и Ю.А. Арсаев. Сам же Г.М. Юнусов выступил поручителем Якупова [37, л.13–14; 18–19]. В 1866 г. Измаил Исхакович с братом Ибрагимом, а также другие видные купцы I гильдии, как-то Абдул-Меняф Биккенеев Мустакимов, Мухамет-Галей Апсалямов Усманов, Якуп Юсупов Чукин и потомственный почетный гражданин Муртаза Мустафин Усманов поручились за коммерции советников Потомственных почетных граждан казанских I гильдии купцов Исхака и кавалера Ибрагима Губайдулловых Юнусовых, братьев Биби Гайши Апаковой, предоставивших кредитный аттестат казанскому купцу Гавриилу Петрову Киселеву на перевод пошлин с промышленных и вымененных китайских товаров через векселя пошлин по Кяхте на сумму 15000 руб. серебром [54, л.163–164].

Измаил преуспел в коммерции, занимаясь в 70–80 годы торговлей зерном и хлебом, текстильным производством, выделкой кирпича и особенно операциями с недвижимостью [4, с.117]. Он скупал земельные участки, здания, строил доходные дома.

Измаил являлся крупным владельцем недвижимости, а его дома находились как в русской, так и в татарской частях города. Вместе с женой Биби Гайшой и сыном Мухамет Шах Султаном он проживал в купленном у князей Баратаевых в верхней части города, населенной русской аристократией и высокопоставленными чиновниками, доме по улице Поперечно-Воскресенской (Лобачев-

ского 2/31), где впоследствии расположилась Ксенинская гимназия. Для Апаковых в 1878 г. архитектор П.И. Романов надстроил четвертый этаж [68, с.68].

В 1853 г. семья Апаковых получила разрешение на постройку трехэтажного дома и каменных одноэтажных холодных служб по ул. Воскресенской и проулку (Кремлевская 5 – Батурина), утвержденное городским архитектором А.Песке [62]. Биби Гайше Губейдулловне принадлежали два двухэтажных каменных с надворными постройками дома на Воскресенской улице (1868 г.) оценены в 4500 и 7603 рублей соответственно [22, л.1 об.–2].

Измаил неоднократно получал разрешения на частные постройки и исправления в разных частях города: 1872 г. – в 1-й части дважды, 1873 г. – в 1-й части Казани, в 1874 г. – во 2-й, в 1875 г. – в 1-й, в 1876 г. – в 1-й, 2-й, в 1877–78 гг. – в 1-й, в 1879 г. – во 2-й, в 1883 г. – в 5-й части [29].

По данным, приведенным Л.М. Свердловой, в 70-ые годы он получил разрешение на постройку трех домов на улицах Екатерининской, Гостинодворской (Чернышевского 17/38) и Поперечно-Сенной (Парижской Коммуны, 11), причем последний стал одним из крупнейших его доходных домов в татарской части города [68, с.68]. Это был каменный трехэтажный дом с лавками и подвалом и каменные холодные службы [25, л.58 об.–59]. Проект дома был утвержден в 1874 г. «с тем, чтобы крыши на возводимых строениях были железные, а лестницы в каменной пристройке были устроены из незгораемых материалов, чтобы при производстве работ были соблюдены все установленные законом правила и работы производились под наблюдением городского архитектора, о чем ему сообщить и уведомить Г.Полицмейстера» [24, л.105–106].

По утвержденным проектам на перестройку дома на Поперечно-Сенной, а также дома на Воскресенской освобождались от квартирного сбора на 8 лет согласно §17 и §18 Высочайше утвержденного 22/IX 1840 г. Положения о постоянной повинности в г. Казани [23, л.227–233 об.]. В это же время (1876 г.) был утвержден проект на постройку четырехэтажного с подвалом дома на Воскресенской улице (сейчас левое крыло здания по ул. Лобачевского 2/31) [27, л.326–329].

В 70-ые годы изменился облик дома Апакова по Гостинодворской Поперечной улице. Первоначальный каменный двухэтажный дом с надворными каменными строениями (1868 г.) к 1871 г. был надстроен еще одним этажом, и все строение оценивалось в 15000 рублей. Рядом у мещанина Николая Антонова Измаил приобрел каменный дом с надворным каменным строением стоимостью в 5000 руб. [22, л.1–2; 39–40]. В 1874 г. к существующему дому был добавлен еще один трехэтажный с подвалом и лавками дом, согласно утвержденному в 1874 г.

Курьезно, что особого согласования требовало строительство даже туалетов, и на прошение Измаила на постройку «каменных двухэтажных отхожих мест на принадлежащем мне месте, состоящем в 1-й части на углу Гостинодворской и Проломной улиц» городская управа постановила «выдать Г. Апакову вместе с свидетельством на означенную постройку ретирада, при доме его, состоящем в 1-й части г. Казани» с тем, чтобы «выгребная яма была устроена каменная, при производстве работ соблюдались установленные законом правила и производились из незгораемых материалов» [27, л.291].

В татарской части Казани Измаилу перешел по наследству деревянный дом со службами по Тихвинской улице, оцененный в 1500 рублей, деревянный флигель со службами стоимостью в 800 рублей и располагающийся рядом бывший деревянный дом со службами мещанина Алексея Нератова стоимостью в 400 рублей [34, л.73–74].

Эти факты говорят о том, что Измаил Исхакович с большой охотой вкладывался в недвижимость, которую использовал для получения прибыли. В доходных домах Измаила Апакова располагались лавки известных казанских купцов и даже иностранных подданных.

На Воскресенской улице магазин шелковых и бумажных товаров из Москвы и ярмарок Казани III гильдии купца степенного гражданина Павла Александровича Прибыткова, которым он управлял сам, оборот торговли в течение года составляет 25000 руб.; в этом же доме магазин бумажных товаров с Нижегородской ярмарки III гильдии купца Евдокима Саватеева с оборотом торговли в течение года на 6000 руб. [51, л.13 об.]. Временный мастер, французский подданный Эдуард Лелас имел «портное ремесленное заведение. Сам работу принимает по заказам. Выручка в течение года – до 800 руб.». Портной шил на заказ и имел 6 работников [51, л.355 об.].

На Проломной улице под домом купца Апакова дочь Действительного Статского советника, объявлявшего капитал в Казани по III гильдии, Елизавета Александровна Лавинская имела лавку для торговли хрустальной и фарфоровой посудой своей фабрики, находившейся в Вятской губернии. Оборот торговли в течение года доходил до 3000 руб. Приказчиком у нее служил крестьянин Филипп Артемьев Саподянкин [51, л.246 об.].

«На Хлебной площади в строении купца Апакова Казанский мещанин Алексей Дмитриев Бутылин имеет лавку. Сам торгует в лавке хлебным товаром, оборот торговли в течение года доходит до 900 руб. Товар покупает и продает в Казани» [51, л.153 об.].

Однако к концу XIX в. былая коммерческая мощь Измаила Апакова, да и всего рода, как отмечает Р.Р. Салихов, стала ослабевать. Если в 1882 г. Измаил Исхакович оплатил 745 рублей налогов и сборов за купеческие документы на 1883 г. [32], то уже с 1884 г. он был исключен из купцов за необъявлением капитала и записан как потомственный почетный гражданин [61, л.24]. Это ознаменовало закат семьи Измаила Исхаковича на сцене предпринимательской деятельности в Казани. В 1882 г. умирает жена Измаила Биби Гайша.

Один за другим распродает свое недвижимое имущество Измаил Исхакович в 1880-х. Дом на Хлебном базаре и на углу Петропавловского переулка переходит Гарифу Ибрагимову Утямышеву и Абдрахману Ибрагимову в 1885 г. за 17000 руб., деревянный дом по ул. Ближне Ямская – мещанке Прасковье Степановне Степановой за 750 руб. [30], в 1888 г. дом стоимостью в 15003 руб. на углу Проломной и Гостинодворской переходит коллежскому секретарю Елагину Михаилу Францевовичу и купцу Лисицину Ивану Павловичу [31, л. 3 об.]. В 1887 г. продается крестьянину Мухамет Шакиру Бикчентаеву Габдрахманову дастровое место в 5-й части Казани Екатерининской ул. за 2700 руб. [28, л.45].

В судах находятся иски кредиторов к имуществу семьи Апаковых: жены губернского секретаря Ольги Алексеевны Мосоловой на 20000 рублей [58, л.1], дворянина Болеслава Карлова Свенцицкого на 24000 рублей [58, л.8].

Упадок в делах вынуждает Измаила Исхаковича быть несостоятельным должником, его имущество распродается с торгов или оставляется кредиторами в счет долга. Так, в 1888 г. имущество Измаила Исхаковича, заложенное в Саратовско-Симбирском Земельном Банке, за неуплату Банку было выставлено на публичные торги: каменный двухэтажный с мезонином дом со строениями и землей в двух участках по ул. Воскресенской (в сумме 13596 руб. 31 коп.); каменные четырехэтажный и двухэтажный дом с флигелем, строениями и землей в двух участках на Воскресенской улице за 24471 руб. 27 коп., а также дом на Проломной. Все эти лоты за неуспешностью торгов перешли в собственность Банка в 1889 году [33].

Измаил Исхакович Апаков являлся одним из самых ярких представителей рода Апаковых, на примере жизни и деятельности которого прослеживается расцвет и упадок данного купеческого рода.

Однако, несмотря на упадок в коммерческих делах в конце XIX века, влияние семьи Апаковых на культурную жизнь мусульманского населения оставалось значительным. Особым авторитетом пользовался Ибрагим Исхакович, женатый на дочери муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания Абдулвахиде Сулейманова, Махуб Камале Абдулвахидовой. Как и Измаил, Ибрагим вкладывал в городскую недвижимость огромные средства от торговых операций в Российской империи и Средней Азии и от сбыта мануфактурного товара в Казани. В 1866 г. он построил большой доходный дом на углу улиц Евангелистовской и Московской, где позднее разместились номера «Булгар».

Единственная дочь Ибрагима Биби Марьям Бану (1866–?) была выдана замуж в 1884 г. за сына легендарного шейха Шамиля аль-Гали, отставного генерал-майора Мухамет Шафи Шамиля. Благодаря этому браку в Старо-Татарской слободе впервые поселился генерал, имевший значительные связи в высоких кругах Российской империи, а их особняк на Екатерининской улице постепенно превратился в центр общественной деятельности, связанной с такими известными именами общественных деятелей, как Загид Шамиль, Фатих Амирхан, Габдулла Тукай, Сагит Рамиев, Вафа Бахтияров и др. Так, Ф.Амирхан организовал редакцию молодежной газеты «Аль-Ислах» напротив особняка четы Шамиль, дома Габдель Шакура Апакова, купца II гильдии из рода Апаковых.

Таким образом, мы осветили в данной статье различные версии происхождения рода мурз Апаковых г. Казани, проследили становление и расцвет купеческой династии на примере самых ярких его представителей и обозначили тот вклад, который данный род внес в развитие города Казани.

Список использованных источников и литературы

1. Девярых Л.И. Из истории казанского купечества. – Казань: Титул, 2002.
2. Гайнетдинов И.И. Экономическое развитие татарских соборных слобод во 2-ой половине XVIII в. // Старо-татарская слобода – от прошлого к будущему: материалы науч.-практ.конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001.

3. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
4. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т.1. – Казань: Яналиф. 2001.
5. Лызлов А.И. Скифская история. – М.: Наука, 1990.
6. Карамзин Н.М. История государства российского: В 4 кн. Кн. 3. – Т.7–9. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990.
7. Мустафина Д. «...желает-де она, чтоб ей жить вовсе на Москве» // Эхо веков. 2006. № 1. – С.3–7.
8. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.1.
9. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.759.
10. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.792.
11. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.860.
12. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.885.
13. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.894.
14. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.902.
15. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.916.
16. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.968.
17. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.949.
18. НА РТ. Ф.22. Оп.2. Д.975.
19. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.24.
20. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.44.
21. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.75.
22. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.330.
23. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.961.
24. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.962.
25. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.966.
26. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.1081.
27. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.1459.
28. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.1864.
29. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.2265.
30. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.1244.
31. НА РТ. Ф.98. Оп.2. Д.2178.
32. НА РТ. Ф.98. Оп.6. Д.241.
33. НА РТ. Ф.98. Оп.7. Д.179.
34. НА РТ. Ф.98. Оп.8. Д.248.
35. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.216.
36. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.582.
37. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.593.
38. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.902.
39. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.916.
40. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.980.
41. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1051.
42. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1118.
43. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1218.
44. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1374.
45. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1480.
46. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1604.
47. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1605.
48. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1721.
49. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1820.
50. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1840.
51. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3530.
52. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3642.
53. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3655.
54. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4098.
55. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4198.
56. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4363.
57. НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4367.
58. НА РТ. Ф.139 Оп.1. Д.70. Л.1, 8.
59. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.3.
60. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.27.
61. НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.102.
62. НА РТ. Ф.408. Оп.2. Д.26.

63. НА РТ. Ф.408. Оп.2. Д.684.
64. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVII вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
65. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский летописец. – М.: Наука, 1978. – С.8–30.
66. Салихов Р.Р. Три века рода Апаковых // Время и Деньги. Вып. 72–73. 26 апреля 2005 г.
67. Салихов Р.Р., Мухамадеева Л. Автобиография казанского купца Ахметзяна Сайдашева // Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 109–112.
68. Свердлова Л.М. Купечество Казани: Дела и люди: Историко-документальные очерки. – Казань: Матбугат йорты, 1998. – С.63–69.
69. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3: История России с древнейших времен: Т.5–6. – М.: Мысль, 1989.
70. Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгарско-татарского происхождения // Татарская электронная библиотека. 2006–2010. URL: <http://kitap.net.ru/halikov5.php>.

Р.Р. Идрисов

Ә.Еники әсәрләрендә татар морзалары хакында тарихи мәгълүматлар

Бөек татар әдиге, Татарстанның халык язучысы, Татарстанның Габдулла Тукай исемендәге Дәүләт премиясе лауреаты, якташыбыз Әмирхан Еники данлыклы морза Еникеевләр нәселеннән чыккан язучы, әдип иде. Икенче бер морза академик Әдһәм Тенишев әйтүенчә: «Әйтелмәгән васыять» әсәре белән татар әдәбияты тарихында яңа чор ачкан» Еники милли әдәбиятыбыз һәм мәдәниятебез титаны булып танылды, рухи тормышыбызның вөждән һәм намус үлчәменә әйләнде. Затлы һәм зыялы әдип Ә.Еники халык алдында һәм әдәби жәмәгәтчелектә гаять зур абруй казанды, язучылар өчен чын әдип һәм морза идеалы булып кабул ителә башлады.

Татарстанның халык язучысы Т. Миңнуллин: «Татар әдәбиятының морзасы» дип исемләнгән мәкаләсендә: «...аның үлемен ишеткәч, көндәлегемә «Әмирхан Еники үлгән, диделәр. Татар әдәбиятының соңгы морзасы бездән китте. Мужиклар гына жыелып калдык, дип язып куйганмын», – диде [1, с.177]. Бөек әдипнең алыштыргысызлыгына ишарә бу. Чыннан да, совет чорында да үзенең кенәз-морзалыгыннан ваз кичмәгән, киресенчә, шул хакта язган сирәк әдипләребезнең берсе ул. Революциягә кадәр Г. Исхакый, С. Жәлал, Ф. Кәримиләрдән соң морзалар темасында төпле сүз әйтүче булды Ә. Еники. Чөнки советлар вакытында алар хакында уңай сүз әйтү һич тә хупланмады. «Патша да, Совет хакимияте дә яратмаганныр» (М. Мамлеев) хакында әдип үз әсәрләрендә («Рәшә», «Гөләндәм туташ хатирәсе») бу темага кагылгалап китсә дә, махсус рәвештә аңа тукталмады. Иҗатына йомгак буларак кабул ителгән «Соңгы китап»та исә Ә. Еники татар кенәз-морзалары язмышын әтрафлы тикшерде. Шул чорда билгеле булган тарихи һәм әдәби мәгълүматларга нигезләнеп, әдип татар морзалары хакында бербөтен, төзек һәм концептуаль фикер әйтүгә иреште. Ул «морза» сүзенең этимологиясенә, аның эчтәлегә, жәмгыятьтәге статусы һәм бу социаль катлауның тарихи язмышына жентекле күзәтү ясады. Бу әсәрендә Ә.Еники шул чорның тарих фәнендәге карашларга, ата-бабалардан калган риваять-истәлекләргә, нәсел агачы – шәжәрәләргә һәм «Яңа Каргалы авылына ике йөз ел» дип аталган кулъязма китапка таяна. «Соңгы китап»ның «Бабайлар эзеннән» дигән бүлегә тулысынча энә шул морзалык статусын ачыклауга багышланган. Шулай ук «Туганнар» һәм «Урам буйлап» дигән бүлекләрдә дә морзалыкка кагылышлы кызыклы күзәтүләр бар. Гомумән алганда, Ә.Еники, беренчеләрдән булып, инде халык хәтереннән жуела башлаган татар элитасының генезисын, аның эволюциясен һәм тарихи язмышын анализлый, морзалык статусының сәяси, тарихи, социаль һәм милли тамырларын ачыкларга омтыла. Һәм шуны да әйтергә кирәк: язучы мөмкин кадәр объектив һәм гадел булуга ирешкән.

Морзалыкның чыгышын барлаганда ул болай ди: Ә менә «морзалык» безгә, чын булса, монголлар вакытында бирелгән, имеш. Миндәге кулъязмада шулай диелгән, ягъни «морза» сүзе Ираннан чыккан һәм төрки халыкларга монголлар аша кергән, дип әйтелгән. Шулай да мин безнең нәсел монголларга чаклы ук инде ниндидер бер өстен таифә (каста) булгандыр, дип уйлыйм. Алтын Урдага буйсынган та, аларның үз жирләренә үзләре хужа булып калулары, гаскәр башлыклары булып торулары һәм морза исеме белән йөрүләре шул иске дәрәжә – өстенлекнең дәвамы гына булса кирәк» [2; с.10].

Күрүебезчә, шул тарихи контекстны Ә. Еники үзе дәрәс тип тапкан тарихи чыганаclarга таянып һәм фәнни карашлар яктылыгында хәл итәргә омтыла. Фикерләрен даими раслау өчен үз нәселе шәжәрәсенә мөрәжәгать итә: «Безнең авыл башкорт жиренә XVIII гасырның ахырында гына Тамбов губернасыннан күчеп килеп утырган. «Каргалы» дигән исемне дә аңа шушы яна жиргә килеп утыргач кына биргәннәр, югыйсә тегендә, Тамбов жирендә чакта, авылның исеме «Иди» булган, диләр. Димәк, безнең борыңгы төп жирләр Россиянең үзәгендә, тагын да конкретлаштырып әйткәндә, Темников дигән шәһәр тирәсендә булган икән – без энә шуннан чыккан халык. (Темников хәзер Мордовия республикасына керә)» [1; с.4].

Морзалык кебек инде онытылган, мәгънәсе дә үзгәргән сәяси-ижтимагый, фәлсәфи-тарихи һәм юридик мәсьәләне тикшереп, Еники аның статусын болайрак билгели: «Әгәр ялгышмасам, морза – ул аерым хокук һәм өстенлек белән файдаланучы бер кеше. Әйттик, русның дворяны кебек. Димәк, жыеп әйткәндә, морзалар алар гади халыктан өстен торган үзенә аерым бер сословие. Ерак заманнарда алар хаким сыйныф – дәүләт терәге булганнар.

Шулай итеп, без фәкыйрегез дә чыгыш жәһәттенән морза булабыз. Дворян, аксөяк – чыдап кына тор» [2; с.6]. Күрүебезчә, морзалык статусы турында мәгълүматны һәм Еникеевләр шәжәрәсенә эдип үзе бик ышанычлы санаган чыганаclarдан алган. Ул үзе бу хакта әйтеп үтүне дә кирәк дип саный. «Яңа Каргалы авылына ике йөз ел» дип атала ул хезмәт, ягъни Яңа Каргалының тарихы, тормышы һәм көнкүреше турында язылган очерклардан гыйбарәт зур гына бер кулъязма. Аны шушы авылдан чыккан югары белемле, өлкән яшьтөгә бер төркем кеше – Әбүбәкер, Әхмәт, Гали, Гомәр һәм Кәлимулла Еникеевләр, Заһир Үтәшев, Гыйниятулла Терегулов язган. Кереш сүзендә алар бу хезмәтне бик озақ эзләнүләр нәтижәсендә тарихи документларга һәм юлъязмаларга таянып язуга әйтәләр [2; с.7].

Еники дәлилләвенчә, мишәрләр – көньяк далалардан Темников тирәсенә X гасырга кадәр үк күченеп килгән халык. Башта болгарларга ясак түлгән мишәрләр 1239 елда монгол дәүләте составына кергәннәр, ләкин үзидарә һәм мөстәкыйльлекләрен саклап калганнар. «Алтын Урда таркалгач, татар-мишәрләр үзләреннән күпкә зур һәм көчлерәк Мәскәү кенәзлегенә ирекседән тартыла башлый һәм ахыр чиктә экренләп аның кул астына кереп бетә. Шушы керүдән инде алар рус дәүләте эчендә гомерлеккә торып та калалар» [2; с.8].

Китапта Ә. Еники төмән мишәрләренә Башкортстанга күчү тарихын да бик жентекләп сурәтли. Иң мөһиме: Ә. Еникинең морзалык статусына карата кайбер бәясә, мөнәсәбәте кызыклы. «Болай диюләрендә аларның үзләрен башкалардан аерырга теләү дә һәм кем булулары белән горурулану да ачык сизелсә кирәк» – ди ул [2; с.10].

Еники үз нәселен ата-анасы төзеп калдырган шәжәрә нигезендә күзаллы. Ул язма «Еникеевләр нәселеннән хөрмәтле бабаларыбызның исемнәре һәм кайдан чыгышлары» дип атала. Ирләр тармагы 47 гә житкән бу шәжәрә чылбырының бер божрасын ул болай күрә: Хансуар бабай Еникеев–Бәшәр–Хәсән–Әхкәм–Әхмәтжан–Нигъмәтжан–Әмирхан–Альфред.

Әдипнең морзалык мәсьәләсенә кагылган кайбер күзәтүләренә мөрәжәгать итик: «Морзалар үзләрен өстен санаганнар, «түбәннәр» белән аралашмаска тырышканнар, мәсәлән, «Бүре халкы»ннан кыз алмаганнар, кыз бирмәгәннәр. Гомумән, алар нәсел тикшерергә яратканнар, борын заманда еш кына ишетелә торган «затлы» яки «затсыз» дигән төшенчә дә шуннан килеп чыккан булса кирәк. Менә ни өчен морзалар элек-электән үк бары үзара (аерым очракларны исәпләмәгәндә) кыз алышып, кыз бирешеп килгәннәр» [2; с.62].

Төмән морзаларындагы кайбер гореф-гадәт, йолалар үзенчәлекләренә дә игътибарны юнәлтә Еники: «Картларга буйсыну, картларны хөрмәт итү дә көчле булган. Билгеле, бу гадәт гомумән татар халкына хас сыйфат, ләкин төмәннәрдә ул аеруча нык сакланган» [2; с.81].

Тагын бер үзенчәлекне билгеләп үтүне кирәк дип таба әдип: «Аннары төмәннәрдә хатын-кызлар да шактый ук хөрлек белән файдаланганнар» [1; с.82].

Әдип белән аралашуларыбызда ул төмәннәрнең тел үзенчәлегенә, жыр-моңга әвәслеге хакында еш искә ала иде. Еники Төмән хатын-кызларының аш-суга һәм бала тәрбиялүгә осталыгын татар дворянчаларының бу ике эшнә үзләре башкару белән аңлата иде. Ягъни хезмәтчеләргә бу мөһим эшләренә ышанып тапшырмаганнар.

«Соңгы китап»ка кадәр әдип әсәрләрендә морзалар хакында мәгълүматлар юк диярлек. Ә инде сонрак, бигрәк тә 90-нчы еллар публицистикасында, Еники бу теманы читләтеп үтә алмый һәм «Соңгы китап»тагы фикерләрен тагы да үстәрәп жибәрә.

Мәсәлән, «Татар мәсьәләсе» (1990) дигән мәкаләсендә ул, милләт фажигасе хакында уйланып, морзаларның да роленә игътибар итә: «Нидән бу рухи фәкыйрьлек, халык бар бит, халык яшәгән ич. Кая китеп беткән аларның акыл көчләре? Ихтимал, моңа татарның үзендә бер сыйфат

гаепледер (тизрэк башкаларга яраклашу). Әле Алтын Урда таркала башлаган вакытта ук инде, татар түрэләре һәм морзалары урыс ягына чукунып яки чукунымыйча чыга башлыйлар» [3; с.56].

Охшаш хәлне үз нәселе язмышында да күзәткән Ә. Еники шагыйрь Р. Миңнуллин белән әңгәмәсендә бу темага кагылып үтә: «Шул шәжәрәдән күренүенчә, татар морзасы Тенишнең балалары булган. Аның бер улы – Еники, икенче улы – Колынчак исемле булган. Димәк, алар бертуганнар булып чыга инде: Мин киткәнмен Еникидән, ә Куприн – Колынчактан. Шулай итеп, безне Куприн белән кардәш итеп куйдылар» [4; с.185].

Морзага хас сыйфатлары хакында Ә. Еники болай дигән иде: «Морза булган кеше – иң элек үзенең дәрәжәсен белгән кеше. Аның ата-бабалардан күчеп килгән шөһрәтле исеме бар. Ул шуны саклый белергә, дәрәжәсен төшермәскә тиеш. Өстенлек аның байлыгында, малында гына түгел, ә аның белемдә, үз-үзен тотышында, тормыш-көнкүреш һәм яшәү рәвешендә. Ул горурылыгы, тәкәбберлеге белән аерылып тора. Шуны сакларга тырышканнар алар» [5; с.32].

Шулай итеп, бөек татар әдипе һәм затлы морзасы Ә. Еники үз эсәрләрендә әледән-әле морзалык мәсьәләсенә игътибар итә. Бигрәк тә «әдипнең әдәби-документаль, публицистик һәм сәнгати мемуар характерында булган «Соңгы китап»ы әдәбият тарихында новатор эсәрләренең берсе булды» [6; с.54]. Анда ул морзалар социаль катлавын милләтнең элитасы, аристократиясе итеп карый. Аның ижтимагый вазыйфасы – дүләтчелекне тәмин итү. Морзаларның жинчүе һәм жинчүлә дүләтчелекнең хәл-әхвәле чагылышы итеп күрсәтелә. Ә. Еники бүгенге көндә морзалар хакындагы хәтерне яңарту һәм аның рухи куәтен мәдәни үсешкә юнәлтү кирәклеген әледән-әле искәртә килде. Хәзерге заманда да морзалык традицияләрен дәвам итүне кайгыртты, үзе дә затлы, зыялы морза булып гомер кичерде һәм ижат итте.

Кулланылган әдәбият

1. Миңнуллин Т. Сайланма эсәрләр: 10 томда, 9 том / Миңнуллин Т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2002. – 447 б.
2. Еники Ә. Соңгы китап: Истәлекләр / Ә. Еники. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. – 504 б.
3. Еники Ә. Эсәрләр: 5 томда. – 5 том: Публицистик язмалар, мәкаләләр / Ә. Еники. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2004. – 479 б.
4. Еники Ә. Биектән карап торасым килә...: Заманым һәм замандашлар турында / Ә. Еники. – Казан: Мәгариф, 2009. – 215 б.
5. Гыймазова В., Идрисов Р. Әмирхан ага Еники сабаклары / В. Гыймазова // Тулпар. – 1999. – № 1. – Б. 32–37.
6. Идрисова В. Соңгы китап / В. Идрисова // Тулпар. – 2000. – № 2. – Б. 54–55.

А.Г. Терегулов

«Морзалар хәбәрчесе» – первая газета татарского дворянства

Взлет национальной печати, который произошел в стране в 1990-е годы, по размаху можно сопоставить с количеством татарских газет и журналов, выходивших в Российской империи в период с 1906 по 1918 годы. По их числу на душу населения татары занимали в то время первое место. Газеты «Йолдыз», «Вақыт», «Шәркый Рус», «Әл-Ислах», журналы «Яшен», «Чүкеч», «Акмулла», «Чикерткә», «Ялт-Йолт» и другие имелись во многих татарских семьях в деревнях и городах.

За небольшим исключением все издания печатались арабской графикой на татарском языке. Благодаря распространенности тюркских языков, татарские издания читали и казахи, и туркмены, и киргизы. В свою очередь, казахские журналы свободно читали татары и башкиры.

Они отражали весь спектр тогдашней жизни, поэтому носили и религиозный, и политический, и исторический, и сатирический характер.

Такой же характер по своей тематике носили издания, начавшие выходить в конце XX века, в подавляющем большинстве на двух языках – татарском и русском – и в основном на кириллице.

Многие мурзы также работали в газетах и журналах. Классик татарской литературы мурза Амирхан Еники всю жизнь сотрудничал с татарскими журналами. С оренбургским журналом «Кармак» («Крючок») делал первые шаги в литературе народный поэт Башкортостана князь Сайфи Кудаш. Многие, наверно, помнят главного редактора князя Ремеля Дашкина, на протяжении многих лет возглавлявшего республиканскую общественно-политическую газету «Кызыл Таң», которая выходит в Уфе на татарском языке с 1918 года.

Свое время «Кызыл Таң» по тиражу был самой читаемой татарской газетой в России. В городе Лениногорске (Татарстан), заместителем редактора газеты «Заветы Ильича» был мурза З.Терегулов. В Уфе редактором «Уфимской недели» работал мурза Айрат Еникеев.

Дед автора этой статьи по материнской линии, уроженец деревни Роман Чистопольского района Султан Черкасов в молодости преподавал в знаменитом медресе «Расулия» в г.Троицке (ныне – Челябинская область), работал домашним учителем у богатых князей Якушевых, а также активно сотрудничал с газетой «Йолдыз» и журналом «Акмулла» (смотрите книгу У.И.Гимадиева «Сила сатирического слова», Казань, 1987, с.75).

Газета «Дворянский вестник» – «Морзалар хәбәрчесе» является органом Меджлиса татарских мурз, организованного в 1992 году в Уфе. Инициатором и идейным руководителем, а также первым главным редактором газеты был первый предводитель Меджлиса Саид Ханафиевич князь Еникеев.

К этому времени он уже имел тридцатилетний опыт исследования темы татарского дворянства, у него был накоплен огромный архивный и исследовательский материал, статьи на эту тему печатались в различных изданиях. Необходимо было систематизировать и аккумулировать все разрозненные публикации, предать гласности статьи с перспективой в дальнейшем издать книгу.

Первый, как сейчас говорят, пилотный номер вышел в Уфе в октябре 1993 года и назывался «Дворянский информационный листок». Он был приурочен к очередному ежегодному Большому валовому сбору Меджлиса и открывался статьей «Төп максатыбыз» (на татарском языке) члена Совета аксакалов Меджлиса, завотделом газеты «Кызыл Таң», хаджи, потомственного мурзы Рашита Биглова. В номере, который вышел тысячным тиражом, было помещено приветствие Меджлису предводителя РДС князя А.К. Голицына, были опубликованы доклад С.Х. Еникеева, прочитанный на Всероссийском дворянском съезде в Москве, информация о вице-предводителе Риф мурзе – князе Акчурине, статья о видном человеке Уфимской губернии Ахмет-Султане Галеевиче Терегулове и другие материалы.

Здесь же была дана Концепция Меджлиса, приоритетным пунктом которой стало восстановление утраченных духовных, моральных, культурных и материальных ценностей, прерванной преемственности поколений.

Выход «...листка» был одобрен и положительно встречен всеми членами Меджлиса, потомками мурз. Поэтому было решено начать регулярный выпуск зарегистрированной в Министерстве печати и массовой информации Республики Башкортостан этой газеты. В марте 1994 года, в благословенный месяц Рамазан, вышел первый номер газеты «Дворянский вестник» – единственный и до настоящего времени печатный орган возрожденного сословия татарских мурз, князей и беков. Тираж газеты был 600 экземпляров. Сразу было определено, что газета будет двуязычной – на татарском и русском языках. В работе над первыми номерами работали Саид мурза князь Еникеев, члены Совета: Рашит мурза Биглов, Анвар мурза Терегулов, Венера княжна Кудашева.

До 1998 г. /№№ с 1 по 41/ газета выходила с периодичностью 9 номеров в год, с приостановкой на летние месяцы. В 1999 г. вышло 4 номера, в 2000 и 2001 гг. – по одному номеру, с 2002 г. по настоящее время /№№ 48–78/ выходит по 4 номера в год, объемом от 16 до 20 страниц. Тираж вырос с 600 до 950 экземпляров.

№№ 1–48 /1994 г./ – 600 экз.

№№ 49–51 /2002 г./ – 700 экз.

№№ 52 /2003 г./ – 750 экз.

№№ 53 – 55 /2003 г./ – 800 экз.

№№ 56 – 59 /2004 г./ – 850 экз.

№№ 60 /2005 г./ по наст. время – 950 экз.

Газета распространялась вначале среди тех, кто приходил в Меджлис, издавалась за счет спонсорских средств и пожертвований членов Меджлиса. По мере того, как о Меджлисе стали узнавать в других городах, увеличился тираж, объемы рассылки. Несколько лет была организована подписка по Уфе, однако сейчас это приостановилось. Газету вновь получают в офисе Меджлиса.

В настоящее время разрабатывается сайт Меджлиса, важное место в котором займет и газета «Дворянский вестник», имеющая с № 11 и второе название – «Морзалар хәбәрчесе».

Основное, ради чего возрождалась газета, это показать большую роль татарского дворянства в жизни нашего и других народов, их основополагающее значение в образовании государственности России. В эпоху, когда возрождаются духовные ценности, божественные каноны, исторический пример мурз и беков, нужно как следует сохранять верность слову, своей вере. Преданность мурз

Исламу – постоянная, большая и неисчерпаемая тема, именно в этом заключается первая ипостась их благородства.

Лишившись всех привилегий, титулов и званий, земель, материальных ценностей, превратившись в «чабаталы морзалар» /лапотных дворян/, они тем не менее не променяли земные льготы на милость Всевышнего, чем прославили свои фамилии. Благодаря газете эти факты истории, хранившиеся в отдельных семьях, родах, становятся достоянием гласности. Это стимулирует все новых и новых исследователей изучать, беречь, сохранять и передавать знания последующим поколениям.

В первых номерах газеты публиковались родословные, истории родов, семей, деяния отдельных представителей фамилии. Многие из опубликованного впервые в «Дворянском вестнике» вошло потом в книги С.Х. Еникеева, М.Р. Габдуллина, М.Ш. и Р.Ф. Мамлеевых. Поэтому сейчас больше публикаций об отдельных людях, книжных и газетных новинках, текущие события, информация о мероприятиях Меджлиса, больших сборах. Имеются постоянные рубрики: «Новости», «Год по Хиджре», «Мы пишем, о нас пишут», «Поздравляем – котлыйбыз!», «Истәлек зыяраты».

Активными авторами газеты являются многие члены Совета Меджлиса, аксакалы родов, активисты: Р.У. Акчурин, Р.Г. Биглов, Р.Х. Кудашев, В.М. Кудашева, Ф.Р. Латыпов, Л.Р. Мамлеева-Кадикова (Москва), А.Х. Чанышев (Москва), А.А. Чанышев (Казань), Л.Т. Еникеева (Казань).

Газета заняла свое место в дворянском сообществе России, о ней знают в Российском Императорском Доме, Российском Дворянском Собрании, странах СНГ и зарубежом. Ее ждут и в деревнях Республики, и в больших городах, присылают эксклюзивные материалы специально для того, чтобы они были опубликованы у нас. Мы стараемся никого не разочаровывать. Все, что так или иначе касается темы татарского, тюркского дворянства, найдет место на страницах нашей газеты.

Нас часто просят выслать ранние, первые номера газет десяти-, пятнадцатилетней давности. К сожалению, мы не всегда можем выполнить такую просьбу. В наших планах давно стоит выпуск всех номеров отдельной брошюрой или в виде альманаха, по 10, 30 или 50 номеров под одной обложкой. Надеемся, что эти планы когда-нибудь сбудутся.

И.Р. Утямышев

Татарское дворянство: история и современность

История татарского дворянства как и история татарского народа имеет глубокие исторические корни. Генетически связанный с историей тюркских этносов, начиная с эпохи великого переселения народов, гуннского движения, формирования средневековых государств на территории современной России, татарский народ был свидетелем и участником важных событий и изменений, происходивших на обширных просторах Евразии.

Особо следует отметить роль татарских государств в формировании государственности России, которая является правопреемником Улуса Джучи, Золотой Орды, Русского царства, Российской империи и Советского Союза.

Как в любом государстве татарские ханы и мурзы являлись консолидирующим и организующим звеном в государстве.

Особо следует отметить отличительные особенности политики тюрко-татарских государств: национальное согласие и веротерпимость, что позволило сохраниться многим самобытным этносам и культурам в жестокие времена средних веков до наших дней, создать основы и традиции государственности.

Несмотря на беспрецедентные преследования по религиозному признаку, последовавшие после падения татарских ханств, народу удалось сохранить свою национальную идентичность, культуру, религию и традиции. Во многом это заслуга татарских мурз, как наиболее просвещенной и пассионарной части народа, которые на протяжении нескольких веков являлись консолидирующим звеном нации, несли знания и формировали самосознание татарского населения.

Проживая совместно с русскими, являясь титульной нацией, на протяжении более тысячелетия татары дали начало многим русским дворянским родам, фактически был сформирован единый тюрко-славянский суперэтнос.

Сегодня в XXI веке в эпоху глобализации и резкого обострения межцивилизационных конфликтов, как и в прежние исторические периоды, роль России, и особенно татарского народа, крайне

велика. Прежде всего, это противоречия между Востоком и Западом, Исламом и западным образом жизни, обществом высокой морали и созидания и потребления.

Как и раньше татарское дворянство, представляющее культурную элиту народа, должно активно участвовать в решении сложных проблем современности.

Э.И. Саттаров

Татарские мурзы в истории Российского государства

Дворянство – высшее правящее сословие в России, возникло на почве государственной службы. Это был служилый класс, основной обязанностью которого была защита Отечества.

Из представителей этого сословия формировались ряды военачальников, государственных и политических деятелей, священников, ученых, художников и писателей. Вклад дворянства в дело становления российской государственности огромен. Дворянское сословие, жившее на территории России, было многонациональным. Наряду с русскими в него входили поляки, грузины, украинцы, литовцы и многие другие. Значительный слой в составе российского дворянства занимали мусульмане, в частности татары и башкиры. Родословие мусульманского дворянства имеет богатые традиции, интерес к которым в последние десятилетия заметно возрос.

История татарских дворянских родов берет свое начало со времен зарождения Великой Булгарии и Булгарского царства еще в VIII веке.

Затем, несколько веков спустя, в иерархии князей произошли определенные изменения, связанные с завоеваниями Чингиз хана, что существенно повлияло на этногенез многих народов Восточной Европы и Центральной Азии. Как упоминается исследователями, «Волжская Булгария к тому времени являлась сложившимся исламским государством с развитой многоукладной экономикой, имела обширные международные и торговые связи со многими странами Востока и Запада. Высок был культурный и образовательный уровень населения, в чем немаловажную роль играла местная аристократия как проводник знаний и духовности в массы» [1]. Татарская нация по уровню грамотности (умению писать и читать на своем языке) еще до переворота 1917 года занимала одно из ведущих мест в Российской империи. Традиционная тяга к знаниям сохранилась и у нынешнего поколения.

Любое государственное образование всегда нуждалось и нуждается в сильных и авторитетных личностях, которые способны организовать население для обеспечения обороны от внешних врагов, сбора налогов, поддержания порядка внутри государства, а также способны принуждать людей к выполнению законов. Защищая государство, защищая правителей, эти люди стремились к официальному оформлению своего особого положения, чтобы и самим быть в какой-то степени защищенными от произвола – как государства, так и отдельных правителей. Так создавались и развивались институты дворянства, в том числе и в русских княжествах, а позже и в России.

Свою знать многие тюркские народы называли мурзами. Сам термин «мурза» (мирза) был заимствован в тюркскую титулатуру из персидского языка [2, с.6]. Это название сохранилось и после того, как мурзы вошли в ряды российского дворянства, причем часто они получали в документах также и титул князя [3, с.98].

Основными документами для формирования мусульманского дворянства в губернии были указы императрицы Екатерины II от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» и от 21 апреля 1785 г. «Жалованная грамота дворянству Российской империи», которая давала право производства во дворянство губернскому депутатскому собранию. К дворянскому достоинству относились такие роды, как Акчурины, Бигловы, Дашкины, Еникеевы, Кашаевы, Кудашевы, Мамлеевы, Тенишевы, Терегуловы, Сакаевы, Чанышевы, Яушевы и многие другие.

Основным путем вхождения в состав дворянства для многих мусульман стало достижения звания, чинов на военной и на гражданской службах.

В дворянстве сосредоточились наиболее образованные и умственные силы мусульман. Многие из них занимали важные общественные должности, избирались депутатами Государственной Думы. Они принимали активное участие в дипломатических делах Российского государства, служили переводчиками, посредниками. Их содействие было жизненно необходимо царской администрации для укрепления своей государственности.

Особо хотелось бы сказать о мурзах и князьях Еникеевых. Они принадлежали к той наиболее образованной и культурной части дворянства, которую можно назвать татарской дворянской интеллигенцией.

Из этого рода в разное время произошли известные и довольно влиятельные люди. Сегодня мало кто знает имя мурзы Аюба Еникеева, жившего в середине XVIII в. «В 1767 г. от татар, башкир и других местных инородцев были вызваны в Москву депутаты для участия в работе комиссии по составлению нового Уложения. Служилые мурзы Пензенской и Саранской провинций послали Аюба Еникеева своим депутатом в эту комиссию. Он там с особой энергией защищал интересы мусульман, выступая застрельщиком прений против тех законов, в соответствии с которыми, татарские мурзы и князья были лишены своих привилегий и состояния. Он просил, чтобы служилых князей и мурз не равняли с ясачными крестьянами. Наказы комиссии были учтены при работе над Жалованной грамотой дворянству 1785 г.» [4].

Таким образом, в конце XVIII века произошло достижение исторического компромисса между татарской элитой и российским государством. Также был признан официальный статус Ислама.

По данным историка и юриста Николая Загоскина, как минимум шестая часть из 915 самых знатных служилых родов Московской Руси XVII века имели тюрко-татарское происхождение. В эпоху Пушкина тридцать тысяч семейств обеспечивали развитие не только империи, но и «золотого века» русской культуры. Сила государства была не в этнической чистоте или в еще более бессмысленной чистоте крови, а в способности работать во имя процветания великой державы.

26 августа 2005 года в Татарском академическом театре оперы и балета им. Мусы Джалиля в Казани В.В. Путин отметил, что многовековые отношения Москвы и татарских ханств складывались по-разному. Однако даже в самые сложные периоды, даже когда возникали конфликты, они не носили характера межэтнической или религиозной вражды. В основе своей они были типичной для того времени борьбой за влияние над новыми территориями.

В Уфе с 1992 г. существует Татарское дворянское собрание – Меджлис татарских мурз – специальное объединение потомков татарских дворян, состоящее в структуре Российского Дворянского Собрания и возглавляемое князем Рифом Акчуриным. В подавляющем большинстве это потомки переселенцев из Мордовии, из Темниковской Мещеры.

В постсоветской России для потомков дворян снова открылась возможность добиваться возврата своих титулов – сохранились документы, подтверждающие их благородное происхождение. Если претенденты на возврат титула могут документально подтвердить свое происхождение по мужской линии к одному из своих предков, внесенному в VI часть родословной книги как «князья татарские», а в некоторых случаях и в V часть, среди «князей российских», то у них появляется возможность подать прошение Главе Российского Императорского Дома о восстановлении в прежнем благородном состоянии [5]. Первый такой возврат произошел в 1998 г., когда Великая княгиня Мария Владимировна подписала в Мадриде рескрипт с повелением «...внести князя Исмагила Закировича Чанышева с детьми и внуками его в VI часть дворянской родословной книги и выдать им свидетельства о княжеском достоинстве» [6].

«Только единение государственных и нравственных начал позволяло нашему государству с глубокой древности до новейшей истории преодолевать глубокие кризисы» [7].

Список использованной литературы

1. Использованы материалы сайта <http://tatarmurza.org/reports.aspx> Утямышев И.Р. Татарское дворянство: прошлое и настоящее (Конференция в г.Темникове (Мордовия), июнь, 2007 г. // <http://tatarmurza.org/reports.aspx>.
2. Еникеев Саид мурза, князь. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа, 1999. – С.6.
3. Думин С.В. Татарские князья в Российской империи // Дворянские роды Российской империи. – Т.3. Князья. – М., 1996. – С.98.
4. Кашаев Шакур. Они служили Отечеству // Татарский мир. – 2005. – № 11.
5. Биккинин Ирек. Татарская аристократия Темниковского княжества и ее потомки // Татарская газета <http://tatar.yuldash.com/176.html>.
6. Рескрипт Главы Российского Императорского Дома Великой княгини Марии Владимировны о восстановлении в княжеском достоинстве оренбургской ветви Чанышевых. – Мадрид, 25 мая 1998 г.
7. Государственная и общественно-политическая концепция Российского Дворянского движения (собрания). 20–21 ноября 1992 г.

Р.У. Акчурин

Достойный сын своего народа

*Благородство и подлость, отвага и страх,
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы и хуже не будем, и лучшие не станем,
Мы такие – какими нас создал Аллах.*

*Для достойного – нет достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных – вот истинный ад!*

Омар Хайям

Впервые я встретился с академиком Робертом Искандеровичем Нигматулиным в 1995 г. в здании Президиума Уфимского научного центра РАН на улице К. Маркса, 6, куда меня пригласил для встречи и беседы первый предводитель и основатель Татарского Дворянского Собрания – Меджлиса татарских мурз Саид мурза князь Еникеев (мир праху Его). Из-за стола навстречу нам встал высокий, статный, спортивного телосложения красивый мужчина лет пятидесяти. Это был Роберт Искандерович.

Меня представили ему как вице-предводителя Меджлиса. Мы долго беседовали за чашкой чая об истории, о наших славных предках – татарских мурзах, об их нелегкой судьбе, о рукописи, которую написал Саид мурза, которую мы никак не могли отредактировать и издать. Рукопись называлась «Очерк истории татарского дворянства». Происходя из древнего татарского рода Терегуловых, а по бабушке – Еникеевых, Роберт Искандерович, конечно, не мог остаться равнодушным к этому труду. Занимая ответственные посты – Председателя Президиума УНЦ РАН и Президента Академии наук Республики Башкортостан и, видимо, опасаясь обвинений недоброжелателей в протекционизме, он попросил нас показать рукопись известному тюркологу, члену-корреспонденту РАН Раилю Гумеровичу Кузееву (мир праху Его).

Получив его положительное заключение, Роберт Искандерович принял решение об издании книги. Редактировал рукопись председатель историко-родословного общества г. Москвы Станислав Владимирович Думин. Книга Саида мурзы князя Еникеева «Очерк истории татарского дворянства» вышла в свет в 1999 г. в издательстве «Гилем» – к сожалению, после кончины автора. Книга сразу же стала раритетной – ее заказывали из США, Австралии, Канады, Турции, Китая и других стран. В 2007 г. по многочисленным просьбам ее переиздали, и она снова стала раритетной. На мой взгляд, символично, что последний экземпляр этой книги я подарил дочери Роберта Искандеровича – Кариме в июне 2009 г., когда она приезжала с мамой Венерой Абдрахмановной после защиты диссертации в Уфу, чтобы повидаться с родственниками. Неподдельный интерес к истории, к своим корням, к памяти предков, родителям, попытка осмысления их действий, поведения, ментальности – характерны для Роберта Искандеровича. Этот интерес он старается передать своим детям: сыну Тагиру, дочери Кариме, внучке Галие, чтобы не прерывалась «цепь времен», знаний, преемственности.

Вторая моя встреча с Робертом Искандеровичем состоялась в 1997 г. Как-то раз, в моем офисе раздался телефонный звонок. Звонили из приемной академика Нигматулина с просьбой приехать к нему на встречу в Президиум Уфимского научного центра РАН. Я приехал. Разговор зашел о том, как лучше встретить впервые приезжающего в Республику Башкортостан известного кардиохирурга Рената Сулеймановича Акчурина вместе с братом генерал-полковником Расимом Сулеймановичем и с супругами Натальей Павловной и Фаузией ханум. Оказалось, что, будучи в Москве, Роберт Искандерович пригласил их посетить республику, к тому же Ренат Сулейманович, известный во всем мире кардиохирург, сделавший операцию на сердце Президенту России Б.Н. Ельцину, был избран почетным членом Академии наук Республики Башкортостан. Роберт Искандерович очень уважительно относится к Ренату Сулеймановичу, «самому известному в мире татарину», которым, по его словам, мы все должны гордиться. Наметив программу визита, посещений, встреч, обедов и ужинов, мы – Роберт Искандерович, генеральный директор научно-производственного предприятия «Азимут» Хамзя Исхакович Акчурин, депутат Госдумы РФ Рамиль Имамагзамович Бигнов и я – встретили гостей в аэропорту. Разместились они в «Президент-отеле», там мы и

поужинали, и пообщались. На следующий день был прием у Президента Республики Муртазы Губайдулловича Рахимова. Мы приняли участие в Первом съезде татар Башкортостана, были на приеме у Верховного муфтия Шейх-уль-Ислама Талгата Таджуддина. Затем нас повезли на «малую родину» Роберта Искандеровича – в санаторий «Янган-Тау», основателем которого по праву считается дед Роберта Искандеровича – Гениатулла Терегулов. Роберт Искандерович с гордостью показывал нам участок земли в районе санатория, который ему выделили на «малой родине». За это время в процессе общения мы ближе познакомились с Робертом Искандеровичем.

В 1996 г., после кончины Саида мурзы (мир праху Его) по его рекомендации на большом сборе Меджлиса татарских мурз меня избрали Предводителем. Перед его кончиной у нас состоялся долгий разговор с ним, тяжело больным человеком. Говоря о Роберте Искандеровиче, он отметил, что в Башкирию приехал выдающийся ученый, мурза, человек неординарных способностей. Сначала, сказал он, перед ним многие будут заискивать, затем, видя масштаб его личности, начнут раздражаться, особенно власть предрежающие, потому что он будет всегда высказывать свое мнение по тем или иным вопросам. Потом сделают все, чтобы он покинул республику. Находясь на смертном одре, Саид мурза взял с меня слово, что я, как мурза, буду последним, кто покинет Роберта Искандеровича, иначе, сказал он, академик разочаруется в людях: «Ты должен быть рядом с ним, когда ему будет трудно».

И такой момент настал. Государственное собрание Республики Башкортостан-Курултай приняло Закон о государственных языках Республики Башкортостан, ими были провозглашены русский и башкирский. По просьбе Президента Республики М.Г. Рахимова, Роберт Искандерович, будучи депутатом Курултая, Президентом Академии наук РБ и Председателем Президиума УНЦ РАН, выступил в поддержку принимаемого закона. Депутаты Курултая абсолютным большинством приняли закон. По переписи 1989 г. русские в Башкирии составляли 39,3%, татары – 28,4%, а башкиры 21,8% населения республики. Невключение в число государственных татарского языка вызвало озабоченность и раздражение у лидеров татарских общественных организаций, а порой и прямую критику. Это был трудный момент в жизни Роберта Искандеровича. В то время у него начиналась избирательная кампания по выборам в Государственную Думу РФ. Не помню, по чьей просьбе, я заехал к нему в Президиум Уфимского центра РАН. После разговора Роберт Искандерович предложил поработать у него сначала помощником Президента Академии наук РБ, а затем, в случае победы на выборах – помощником депутата. Он спросил, есть ли у меня просьбы, пожелания. Я ответил: только одно пожелание – я не птица «Гамаюн», которая вещает Истину, но я привык говорить то, что думаю. Он ответил, что его это устраивает. Я согласился, и с тех пор мы вместе уже более десяти лет. Впереди была трудная, но интересная работа – избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации.

Руководителем штаба Роберта Искандеровича и его доверенным лицом был ближайший соратник, заместитель Председателя Президиума УНЦ РАН, член-корреспондент РАН, директор Института нефтехимии и катализа Усеин Меметович Джемилев – человек очень организованный и аккуратный. Был разработан план организационных мероприятий и график встреч с коллективами предприятий, сельхозпредприятий, жителями районов, входящих в Кировский избирательный округ № 4, определен лозунг «Понять и действовать», выработана программа. В день проходили в среднем четыре-шесть встреч с коллективами и жителями; в субботу и воскресенье выезжали в сельские районы. Встречи проходили с неизменным успехом: блестящий оратор Роберт Искандерович умел доходчиво и просто донести до людей свою позицию по тем или иным вопросам экономики, политики, жизни. Люди задавали много вопросов и встречи проходили в режиме диалога. После встреч, обсуждения итогов, планов на следующий день, мы расходились далеко за полночь. И так три месяца. Именно тогда я заметил удивительную работоспособность Роберта Искандеровича. Даже тогда, когда мы, молодые люди, валились с ног в буквальном смысле слова, он требовал от нас действия. У нас в то время не было ни выходных, ни праздников. Энтузиазм был в УНЦ и Академии наук РБ всеобщий – от директоров института до рядовых сотрудников. И мы не ошиблись. Впервые в истории Республики Башкортостан Председатель Президиума УНЦ РАН и Президент академии наук РБ, одновременно академик РАН Роберт Искандерович, как независимый кандидат, в декабре 1999 г. был избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации по Кировскому одномандатному округу № 4, намного опередив своих конкурентов. Радости нашей не было предела. Но после выборов сразу же наступили тяжелые депутатские будни. Мне было предложено стать помощником депутата на контрактной основе. Я с радостью согласился.

Пока Роберт Искандерович оформлялся как депутат Госдумы РФ в Москве, я занялся ремонтом и обустройством помещения, выделенного под депутатскую приемную по адресу ул. Цюрупы, 102. В феврале 2000 г. депутатская приемная заработала в полную силу. До этого времени, да и после Роберт Искандерович принимал людей с их просьбами в особняке Президиума УНЦ РАН. График работы в тот период у него был такой: вторник, среда, четверг – работа в Москве, пятница, понедельник – в Уфе, одна неделя каждого месяца – работа в регионе (Республика Башкортостан). И так все четыре года с 1999 г. по 2003 г. Во время работы в Госдуме РФ Роберт Искандерович был избран представителем России в Европарламенте, Председателем Высшего экологического совета Госдумы РФ. Я представляю изумление депутатов Европарламента во время обсуждения очень сложного вопроса о положении в Чеченской Республике, когда слово для выступления предоставили представителю России академику РАН, мусульманину, татарину, в совершенстве владеющему английским языком Р.И. Нигматулину. В своем выступлении академик высказал свою озабоченность положением в Чечне, судьбой многих ученых, которых он лично знал, просто и доходчиво высказал позицию России.

Во время работы в Госдуме РФ Роберт Искандерович образовал денежный фонд, из которого выделялись деньги на лечение детей инвалидов, на приобретение дорогостоящих лекарств для пенсионеров, на другие неотложные нужды людей. Помню, как к Роберту Искандеровичу обратились учителя и учащиеся школы деревни Зайтово Архангельского района Башкортостана с просьбой помочь пополнить книжный фонд сгоревшей библиотеки. По предложению Роберта Искандеровича мы организовали сбор книг у сотрудников Уфимского научного центра РАН и Академии наук РБ. Собрали около трех тысяч экземпляров книг, организовали их доставку в Зайтово. Надо было видеть благодарные глаза детей, учителей и жителей деревни. А чего стоил ремонт школы для слабовидящих детей в Уфе, где годами не проводился ремонт.

По просьбе Роберта Искандеровича, депутата Госдумы РФ, в Уфе был выделен участок земли для строительства еврейского культурно-религиозного центра. Современный центр и синагога были построены в 2008 г. По приглашению профессора Семена Израилевича Спивака Роберт Искандерович посетил центр и встретился с раввином, ему были высказаны слова признательности и благодарности за содействие. Роберт Искандерович всегда внимательно и уважительно относился к культурно-историческому наследию всех народов. Любит литературу, поэзию, музыку, сам играет на фортепьяно, хорошо знает родной язык.

Уже в конце депутатского срока, мы с Робертом Искандеровичем съездили в его родное село Каргалы Благоварского района Республики Башкортостан, откуда родом были его дед и отец, и по просьбе жителей и общественности установили мемориальные доски на школе двум выдающимся ученикам, братьям, профессорам Терегуловым: Гениатулле Нигматуловичу и Терегулову-Нигматулину Искандеру Нигматуловичу. Во время встречи с учащимися и преподавателями школы Роберт Искандерович подарил школе новый современный компьютер, что по тем временам в деревне было большой редкостью.

Запомнился 60-летний юбилей Роберта Искандеровича приездом многих именитых гостей: академиков, общественных деятелей. Приехали академики РАН Г.Г. Черный, Р.З. Сагдеев, С.С. Григорян, Р.Ф. Ганиев и другие, член-корреспондент РАН летчик-космонавт, дважды герой Советского союза В.В. Лебедев, генерал-полковник Р.С. Акчуринов, коллеги-депутаты Госдумы РФ, зарубежные гости. В торжественном собрании приняли участие Президент Башкортостана М.Г. Рахимов, Премьер-министр Правительства РБ Р.И. Байдавлетов, члены правительства, научная общественность.

Тогда еще была жива мама Роберта Искандеровича – Галия Лутфулловна (светлая ей память). Удивительная женщина, несмотря на свой преклонный возраст, она сохранила хорошую память, живой ум и очень следила за собой. Галия Лутфулловна очень гордилась своими тремя сыновьями...

Основные торжества проходили в Башкирском государственном театре оперы и балета. Было сказано очень много теплых слов в адрес Роберта Искандеровича, зачитано поздравление Государственной Думы РФ, Президента Российской академии наук Ю.С.Осипова. Свои поздравления также прислали председатели научных центров РАН из регионов России, президенты Академий наук суверенных государств, многие академики РАН и зарубежные ученые. Роберт Искандерович был награжден орденом Почета. Казалось, что это было только вчера. После окончания торжеств гостей повезли в прекрасный санаторий Янган-Тау, дорогое сердцу Роберта Искандеровича место.

Удивительная история произошла с поисками могилы другого деда Роберта Искандеровича по линии матери, известного просветителя, учителя Лутфуллы Абдулгазизова – основателя и дирек-

тора школы в Троицке (ныне Челябинская область). Потребовалось несколько выездов в Троицк, неутомимых поисков, прежде чем нашли могилу деда. Как говорит татарская пословица: «Кто не знает могил предков, тот не знает ценностей жизни». Роберт Искандерович вместе с семьей посетил могилу, привел ее в порядок, посетил музей, где был портрет Лутфуллы Абдулгазизова и материалы о его просветительской деятельности. Здесь мы узнали, что он являлся почетным гражданином царской России, председателем привилегированной категории «городских обывателей». Нашлось свидетельство о присвоении звания личного почетного гражданина Российской империи Указом Правительственного Сената от 17 января 1906 г.

Памятен прием, устроенный Робертом Искандеровичем в ноябре 2008 г. в Уфе, посвященный 100-летию его отца – профессора Нигматулина (Терегулова) Искандера Нигматуловича, на который была приглашена многочисленная родня из рода Терегуловых и Еникеевых. Трепетно-уважительное отношение Роберта Искандеровича к памяти отца, понимание того, что наши предки были не глупее нас, а в чем-то и превосходили, особенно в вопросах морали и совести, должно быть примером для молодого поколения.

Имея таких выдающихся предков Терегуловых и Еникеевых со стороны отца и Абдулгазизовых со стороны матери, Роберт Искандерович в полной мере реализовал свой потенциал: он – академик РАН, известный в мире ученый, общественный деятель, гражданин – достойный сын своего народа.

Во время встреч с избирателями и личных приемов, в 85% случаях поднимался так называемый «квартирный вопрос». За время своего депутатства Роберт Искандерович привлек федеральные средства в республику для строительства научно-лабораторного корпуса, где сегодня располагаются три института УНЦ РАН: биохимии и генетики; физики молекул и кристаллов; механики. И был построен недалеко от этого корпуса 16-ти этажный 70-ти квартирный жилой дом, где сегодня проживают семьи сотрудников УНЦ РАН и АН РБ. Эти объекты навсегда останутся свидетелями пребывания Роберта Искандеровича в нашей республике, о них будут помнить люди. И это в то время, когда в нашей стране строили в основном развлекательные заведения: ночные клубы, рестораны, казино.

Мы участвовали в составе делегации Республики Башкортостан на заседаниях Всемирного съезда татар в Казани, Всемирного съезда башкир в Уфе, Соборе русских Башкортостана, где Роберт Искандерович неизменно выступал с интересными докладами. Принимали участие в работе нефтегазовых конгрессов и многих других мероприятиях.

Многочисленные встречи с людьми, трудовыми коллективами, избирателями, я думаю, подвигли Роберта Искандеровича задуматься о судьбе страны, об ее экономике. Так появились статья «Нельзя прожить без правды вещей», опубликованная в 2002 г. в журнале «Вестник Российской академии наук» № 7, экономический манифест «Как обустроить экономику России» в 2003 г., книга «Как обустроить экономику и власть России» в 2007 г. Впервые на моей памяти депутатом Госдумы РФ был написан, отпечатан и разослан населению отчет о депутатской деятельности. А недавние статьи Роберта Искандеровича «Воспоминания о добре и зле», опубликованные в нескольких номерах общероссийской газеты «Татарский мир», вызывали и вызывают неподдельный интерес и отклик читателей по всей стране. В этих воспоминаниях – позиция ученого и гражданина, неравнодушного к судьбе своего Отечества, своего народа. И пусть власть предрержащие не всегда адекватно реагируют на выступления Роберта Искандеровича, большинство населения и здравомыслящая интеллигенция поддерживают его.

Во время приезда Роберта Искандеровича в Уфу в июне 2009 г., после серии публикаций в газете «Татарский мир», я настоятельно попросил его, несмотря на его большую занятость научной и административной работой, продолжить писать статьи о нашей жизни. Жизненная позиция, мысли, размышления выдающегося ученого и гражданина, академика РАН, дворянина, интеллигента не в первом поколении, орденоносца, вызывали и будут вызывать интерес, привлекать внимание населения нашей страны.

Мы, его соратники, с которыми Роберт Искандерович проработал бок о бок в течение тринадцати лет будучи Председателем президиума УНЦ РАН и Президентом Академии наук Республики Башкортостан, его ученики, аспиранты и докторанты всегда с нетерпением ждем его приезда в Уфу, но, к сожалению, это бывает не так часто, как нам хотелось бы. Мне памятли слова Роберта Искандеровича о том, что нам всем предстоит умереть в этой жизни и хотелось бы сделать это с чистой совестью.

И, наверное, это счастье, когда в твоей жизни встречаются люди благородные, люди чести и долга, люди ответственные не только за себя, свою семью, но и за соотечественников, люди, дружбой с которыми ты дорожишь. Если у народа рождаются такие сыновья – у этого народа есть будущее.

М.И. Мансырев

Потомки владельцев имения в Килимово

Имение в Килимово Буздякского района, расположено в 100 км от Уфы – родовое поместье Тевкелевых. На его территории были построены усадьба (1848 г.) и мечеть (1821 г.). Весь комплекс занимал площадь три гектара и состоял из двух частей – нижнего парка, расположенного в пойме реки Идяш, и верхнего парка, возвышавшегося над поймой на 15 метров. Усадьба размещалась в глубине верхнего парка.

После реформы 1861 г. все владения Тевкелевых были разделены между сыновьями и племянниками Шахингарея Юсуфовича. Килимово перешло к его младшему сыну Саитгирею (1819–1891).

Младшая дочь Саитгирея Суфия (1877/78–1911) вышла замуж за Салимгирея Сеитхановича Джантюрина (1864–1926). Джантюрины были последними владельцами имения в Килимово.

Салимгирей и Суфия Джантюрины известны своей общественной деятельностью [1]. После 1917 г. С.Джантюрин потерял все свои владения в Уфе, Петрограде, в том числе и Килимово. Накануне дня, когда новые власти должны были прийти реквизировать имение, его об этом предупредил кто-то из местных крестьян. Он успел уехать в Уфу. Килимово пережило раскулачивание, коллективизацию и многочисленные преобразования. Усадьба использовалась как зерновой амбар и имущественный склад. Ее часть была отведена под школу-семилетку еще в 1922 г. и это обстоятельство в какой-то степени сохранило здание. В 1992 г. здания усадьбы и мечети были взяты под государственную охрану как памятники архитектуры и включены в перечень недвижимых объектов историко-культурного наследия народов Республики Башкортостан, а в 1995 г. – включены в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

В 1919–1923 гг. С.Джантюрин жил с семьей и работал статистом в различных учреждениях в г. Иркутске, затем – в Москве. В Москве он жил в коммунальной квартире с дочерью. С августа 1925 г. работал в Наркомторге Татарии в Казани, а жил в семье своего родственника Аскара Алиевича Шейх-Али (1885–1968) [2].

Аскар – сын Али Давлетовича Шейх-Али и Гульсум (в девичестве Тевкелева), дочери Саитгирея Шангареевича Тевкелева и от его 1-й жены Зулейхи. Аскар Алиевич до Великой Отечественной войны некоторое время жил с семьей под Москвой в г. Истре, его дочь Динора Аскарровна была врачом в местной больнице. Впоследствии они переехали в Казань.

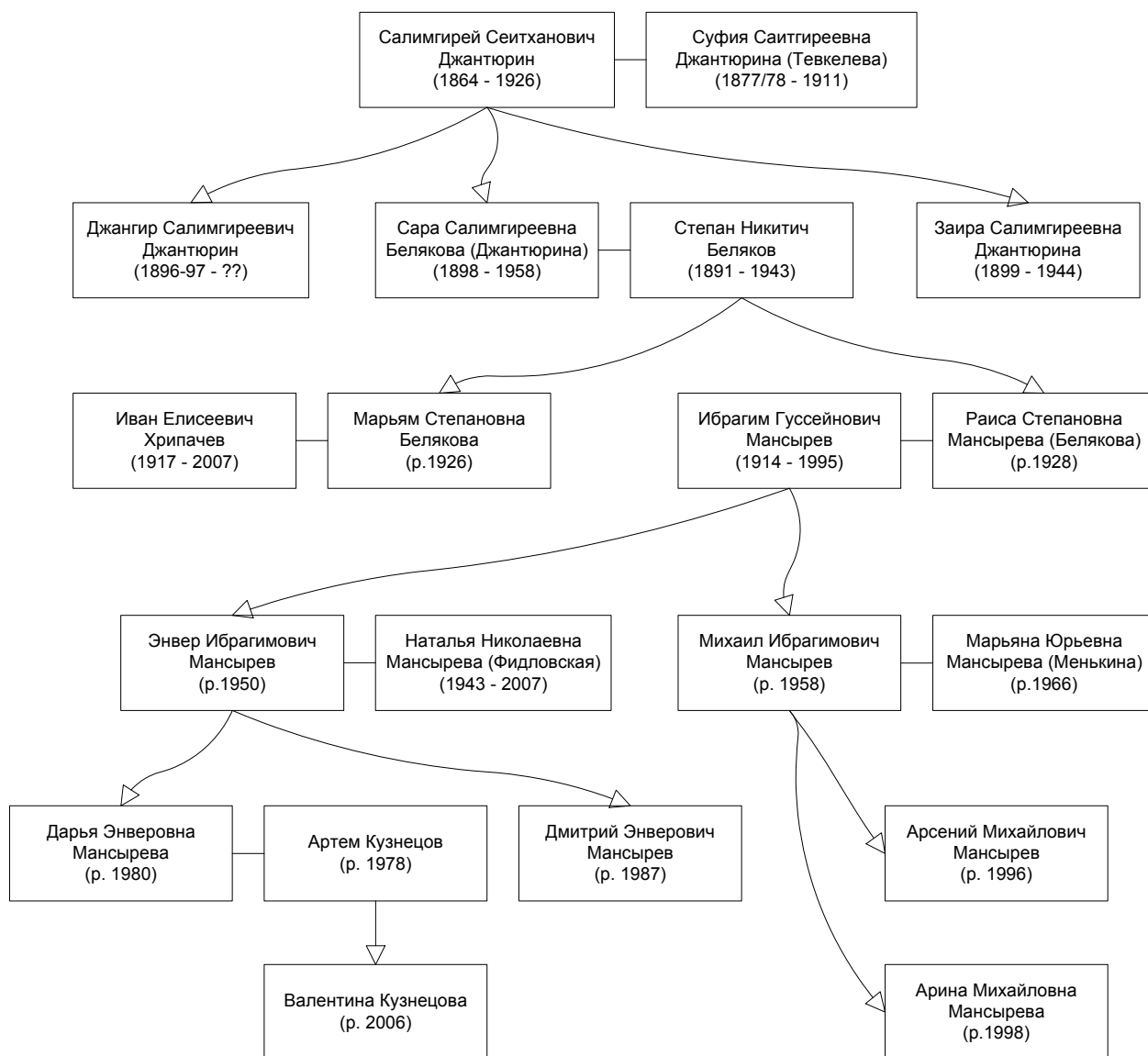
У Джантюриных было трое детей: Джангир (1896(97)–?), Сара (1898–1958) и Заира (1899–1944).

О Джангире Салимгиреевиче сведений сохранилось очень мало – известно, что он был кадетом. Во время Гражданской войны воевал в армии Колчака. Впоследствии эмигрировал из России в Турцию, там вероятно жил на вилле, расположенной на Принцевых островах около Константинополя, принадлежавшей С. Джантюрину. Дальнейшая судьба Джангира неизвестна.

Заира Салимгиреевна училась в Московском государственном педагогическом институте в 1923–28 гг. на немецкой секции отделения западно-европейских языков и литературы. После окончания обучения в 1926–28 гг. она была отправлена в Германию на практику и при возвращении обратно специально устроила свое путешествие через Турцию, разыскала там Джангира и встретила с ним, но подробностей их встречи не сохранилось.

Заира работала в Москве в татарской школе № 603 учителем немецкого языка. Во время войны она жила в комнате на Новослободской ул. в Москве. После возвращения сестры Сары с семьей из г. Фрунзе в 1943 г., она жила там же вместе с ними.

Сара Салимгиреевна в то время, когда С. Джантюрин жил в Иркутске, училась в Институте востоковедения на японском отделении и окончила четыре курса. После переезда в Москву в 1923 г. Сара Салимгиреевна работала счетоводом в Объединенном Представительстве Торгово-заготовительных, сбытовых и Промышленных организаций Казахской АССР. Она вышла замуж за Степана Никитича Белякова (1891–1943) – он тоже работал в этом представительстве. Отец Сары, придавая важное значение национальным корням, не одобрял этого брака, но препятствовать не стал.

Потомки Салимгирея и Суфии Джантюриных.

В начале Великой отечественной войны в октябре 1941 г. Сара Салимгиреевна вместе с мужем и дочерьми Мирой (Марьям Степановной, 1926 г.р.) и Раисой (1928 г.р.) уехала во Фрунзе.

Из Москвы они уехали с Курского вокзала в товарном поезде, он не отапливался, путь до места назначения занял три недели. Во Фрунзе жили в семье Дауда Махмудовича Шейх-Али (1879–1953) и Елены Алексеевны Стобеус. Раиса и Мира учились в школе. Первое время Сара Салимгиреевна работала швеей на Госшвейфабрике, а потом в столовой посудомойкой. До работы и обратно каждый день она ходила по пять километров. Обстоятельства жизни там были очень тяжелыми, Степан Никитич тяжело болел.

В конце 1943 г. Беляковы вместе с труппой Концертного зала им. Чайковского, которая тоже находилась во Фрунзе, приехали обратно. В труппе работали знакомые Сары Салимгиреевны – Хруцкие. Они помогли оформить документы, чтобы вернуться в Москву.

До 1947 г. Сара Салимгиреевна работала в Октябрьском райисполкоме, а с 1947 г. – бухгалтером в сберкассе. Она жила с дочерьми на Новослобоской ул., в этом доме до недавнего времени жила Марьям Степановна Белякова с мужем Иваном Елисеевичем Хрипачевым. В 2006 г. они переехали на юг Москвы.

Марьям Степановна окончила Институт пищевой промышленности в Москве. По специальности она химик-технолог. После окончания института начала работать на строящемся Щелковском витаминном заводе под Москвой. Сначала она была инженером по оборудованию – занималась закупкой оборудования и его запуском в двух цехах. Потом стала начальником центральной заводской лабораторией.

Иван Елисеевич Хрипачев тоже работал на Щелковском витаминном заводе главным механиком. Во время Великой отечественной войны он служил механиком на военном аэродроме.

Раиса Степановна родилась в Москве. После возвращения из эвакуации она окончила школу, некоторое время работала в Москве. В 1949 г. вышла замуж и переехала в Ленинград. В Ленинграде закончила радиополитехникум и работала техником, потом инженером-электронщиком в НИИ Электротехнических устройств. Муж Раисы Степановны – Ибрагим Гуссейнович Мансырев (1914–1995). Был доцентом, потом профессором Ленинградского Политехнического института (ЛПИ им. Калинина, в настоящее время С.-Петербургский государственный технический университет). У них двое сыновей – Энвер (род. 1950) и Михаил (род. 1958).

Энвер с семьей живет в С.-Петербурге, он – доцент СПб. Государственного политехнического университета.

Михаил Мансырев окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности – инженер-радиофизик, с 1996 г. работает в Москве в области мобильной связи.

Список использованных источников и литературы

1. Султанбеков Б. Дворянин, политик, просветитель // Татарстан. – 1996. – № 5.
2. Милицын Б. Пишущая машинка «Яналиф» и ее создатели // Эхо веков. – 2004. – № 2.

Р.Г. Насыйров

Көнбатыш Кама аръягы морзалары шәҗәрәләрен тәү тәҗрибәсеннән

Татарстан Җәмһүриятенә Көнбатыш Кама аръягы зонасы – морза нәселләре аеруча күпләп урнашкан төбәкләрдән санала. Бу жирлеккә морзаларның килеп урнашуы XVI–XVIII гасырларга карый. Чыгышлары белән аларның күпчелеге – Алатыр, Сембер, Темников өязләреннән, ә бер өлеше Тау ягы һәм Каманың уң ягы авылларынан була. Мәскәү һәм Казан архивларында табылган чыганаclarны өйрәнү нәтижәсендә төбәкнең дүрт дистәгә якын авылында барлыгы алтмышлап морза ыруының яшәгәнлеге ачыкланды. Шулардан Абдулов (Татар Ялтаны); Агаев (Олы Тигәнәле); Аганин (Мулла, Иске Әмзә, Чируле Шонталы); Агишев (Югары Майна); Айдаров (Чиртуш, Колмакса); Акбирдин (Татар Ялтаны); Арсланов (Шәрбән); Багданов (Мулла, Мамык, Сәлэнгеш, Чируле Шонталы, Мөслим, Югары Майна, Төгәлбай); Байбиков /Баймәков/ (Кичү-Әдәмсә, Татар Ялтаны, Мөслим); Байгишев (Мулла); Барышев (Коры Көрнәле); Бекшеев (Ямбақты); Биглов (Иске һәм Яңа Әмзәләр, Яңа Кади); Бикбулатов /Бикбулов, Бишбулатов/ (Иске Әлмәт, Тернәче, Иске Әмзә); Булаев (Иске Татар Әдәмсуы, Каргалы); Бурнашев /Бурнаев/ (Яуширмә); Гомәров (Иске Кади); Дирбешев (Иске Чаллы); Дәүләткилдиев / Дәүләкәев / (Чируле Шонталы, Иске Әдәм, Гаделшә); Еникеев (Юкәле, Ямбақты, Актай?, Мулла, Югары Майна); Ибраһимов (Мулла); Исаев (Татар Ялтаны); Исәшев (Үргәгар, Урта Тигәнәле); Кайбичев (Мөслим); Калмаев (Югары Майна); Карашев (Яңа Әмзә, Суыксу); Килдишев (Мулла, Карга, Чируле Шонталы, Гаделшә); Киреев (Чируле Шонталы, Яуширмә, Мөслим, Нарат Елга, Талкыш); Кодайбирдин (Татар Ялтаны); Крымов (Мулла, Татар Ялтаны); Мамешев (Олы Тигәнәле, Исләй, Чаллы Башы); Мамин (Татар Ялтаны); Мансырев (Иске Кармәт); Молтеев (Мулла); Мостаев (Иске Салман); Мостафин (Иске Чаллы, Яңа Чаллы, Карга); Нураев (Иске Чаллы, Бибай Чаллысы); Рамазанов (Иске Кади); Салтагозин (Иске Салман); Сәйфуллин (Иске Кади); Сүндюков (Колбай Мораса, Карга); Сүняков /Сүняшев/ (Яуширмә, Мулла); Теләшев (Алпар, Чаллы Башы); Теләйчиев-Едиберский (Мулла); Тимбәков (Иске Әлмәт, Иске Әмзә); Тимәшев (Татар Ялтаны); Тумашев (Каргалы); Умрәков (Мулла); Уразаев (Иске Кади); Уразгилдиев (Уразгилдин); Уразлеев (Өҗмер); Уразмәмәтов (Олы Тигәнәле); Уреев /Ураев/ (Сәлэнгеш); Урманчиев (Камка, Исләй, Колбай Мораса); Урусов /Уразов/ (Мулла, Тернәче); Үтәшев (Иске Чаллы, Колбай Мораса, Иске Ибрай); Чепкенева /Чапкунов/ (Иске Салман, Югары Майна); Чупин (Олы Тигәнәле); Чураев /Чураков/ (Чируле Шонталы, Мөслим); Шихмәмәтов (Яуширмә); Юлдашев (Иске Кади); Янбарисов (Мулла); Яушевларны (Зирекле, Олы Тигәнәле, Мулла) төгәл билгеләп үтәргә мөмкин [12, с.209, 210, 226–231]. Әлеге фамилияләргә караган морза нәселләре үзләренә шәҗәрә тамырларын шул авыллардан барлый алалар.

Күпчелек йомышлы татар авыллары XVII гасыр дәвамында һәм XVIII гасырның беренче яртысында барлыкка киләләр. Бу авылларның шактый өлеше морзалар житәкчелегендә нигезләнгән яки тузган авыл урынында яңадан торгызыла. Түбәндәге таблицада шундый авыллар китерелә [1, л.129, 178 об.; 12, с.53, 54, 74, 76, 97, 98, 99, 100, 101]. Өстәмә чыганаclar табылган очракта, бу исемлекне тагын да арттыру мөмкин булыр иде.

Таблица. Көнбатыш Кама аръягында морзалар нигезләгән авылларның барлыкка килү вакыты

Морзалар нигезләгән авыллар	Авылның барлыкка килү (торгызылу) вакыты	Авылны нигезләүчеләр
Әжмер	1630 елга кадәр	Мәскәү морза Туйкилде улы кенәз Уразлеев
Исләй	1649 елга кадәр	Исәнәли морза Мамешев
Колбай Мораса	1681 елга кадәр	Колбай Туктамыш улы Үтәшев
Мулла авылы	1681	Чураш морза Үтәй улы кенәз Теләйчеев-Идиберский
Төрнәче	1691	Төрнәш Уразов
Иске Үргәгар	1692	Мәмәтчәли, Сөендек һәм Уразмәт Бамай уллары Исәшевләр
Татар Ялтаны (Раман)	1700	Раман морза Кадрәк улы кенәз Мамин
Яңа Әмзә	1712	Сәет морза Кадыйргали улы Биглов
Мөслим	1713	Мөслим морза Морат улы Киреев
Иске Ибрай	1721 елга кадәр	Ибрай Туктамыш улы Үтәшев
Татар Талкышы	1722	Габдрахман һәм Исмәгыйль Морат уллары Киреевлар

XVIII гасырның икенче яртысы – XIX гасыр башларында кайбер морза нәселләренә аерым авыл булып бүленеп чыгуы күзәтелә. Бу хәлнең төп сәбәбе әлегә төгәл ачыкланмаган. Шулай да ул чорның шартларыннан чыгып үй йөртсәк, морзаларның үз авыллары белән аерым урнашуын шәхси биләмәләрен торган саен гади игенчегә әверелә барган кайбер йомышлы татар жирләреннән аеру теләге белән аңлатырга мөмкин. Морзаларның шул рәвешчә аерым авылларга туплануы аларның нәсел шәжәрәләрен өйрәнүне күпкә жинеләйтә.

Кама аръягындагы тәүге морза авылын кенәз Булаевлар нәселенә Әдәмсуы авылында яшәүче вәкиле Собханкол Мостафа улы Булаев нигезли. Бу авыл 1762 елда Собханкол морзаның, Әдәмсуы һәм Такталы елгалары кушылган жирдәге су тегермән сатып алгач, үз хужалыгын да шул урынга күчәргәннән соң барлыкка килә [9, с.83; 10, с.213]. Собханкол авылы, 100 елдан артыграк яшәп, 1880 еллар тирәсендә Иске Татар Әдәмсуы авылы белән кушыла.

1773 елда Колбай Мораса авылыннан Сүнчәләй морза Сүндюков уллары Дуңгыз инеше тамагында үз авылларын нигезлиләр [2, л.1040 об.; 10, с.224]. Ләкин бу авыл озын гомерле булмый. 1790 елларда аның хужалары яңадан Колбай Морасага кайтып урнаша.

1784–1795 еллар арасында Биктимер, Яңа Усман, Яңа Гаделшә һәм Яңа Ихсан дигән морза авыллары барлыкка килә. Биктимер авылына Раман авылы морзалары нигез сала. Яңа Усманны Мөслим авылыннан Госман морза Солтан улы Байбиков, Яңа Гаделшәне Олы Тигәнәледән Гаделшә морза Мамешев, Яңа Ихсанны Исләйдән Ихсан морза Мөслим улы Урманчеевлар нигезли. Биктимер һәм Яңа Усман авылларына морзалардан тыш башка йомышлы татарлар да урнашалар [3, л.92; 8, л.15 об., 27, 38 об.]. XIX гасыр башында Яңа Усман авылы яшәүдән туктый. Биктимер, Яңа Гаделшә һәм Яңа Ихсан, 100 ел чамасы аерым авыл булып, 1860 елдан соң Раман, Олы Тигәнәле һәм Исләй авыллары белән кушыла [11, с.93, 159].

1806–1811 еллар арасында морза Чепкеневләр нәселеннән булган Давыт Кадир улы Ишкәевнең балалары, Иске Салман авылыннан китеп, Морзалар Салманы дип аталган авылга нигез салалар [5, л.340–342 об.]. Кечерәеп калуга карамастан, бу авыл әле хәзер дә исән. Морзалар Салманыннан соң Кама аръягы жирләрендә башка морза авылларының барлыкка килгәнлегә төгәл билгеле түгел.

Өлкә реформасы барышында өяз шәһәрләре барлыкка килгәч, морзалар, төбәк халкы арасынан беренчеләрдән булып, сәүдәгәрләр катлавына күчә башлый. Көнбатыш Кама аръягы территориясендә Спас һәм Чистай өязләре оештырылып, аларның үзәкләре буларак расланган Чертык һәм Чистое Поле авылларына 1781 елда шәһәр статусы бирелә. Бу авылларда болгарлардан соң

күбесенчә урыс халкы гына яшәгәнлектән, андагы һәм янадан килеп урнашкан татарлар алдында яна шәһәр мэхәлләләре оештыру бурычы тора.

Чистай шәһәрәнә татарлардан беренче булып күченүчеләр Гомәр морза Солтан улы Байбиков белән Бәләбәй сәүдәгәрләре бертуган Габдулла, Габдерәшит һәм Габделгази Хәлимовлар булалар. 1790 елларда морзалардан Исмәгыйль Габдеразак улы Уразгилдиев, бертуган Сәетборһан, Рәжәп һәм Собханкол Борһанша уллары Тумашевлар, Мөхәммәтшәриф Ихсан улы һәм Хәмит Фәйзулла улы Урманчеевларның, сәүдәгәр катлавына күчеп, Чистай шәһәре гражданлығын алулары билгеле [6, л.32 об., 33, 42].

Чистайдан аермалы буларак, Спас шәһәрәндә, халыкның аз урнашуы сәбәпле булса кирәк, татар мэхәлләсе оешып китә алмый. Спас шәһәре гражданлығын алган беренче татар кешесе, әле IV ревизиягә кадәр үк сәүдәгәрлеккә күчкән Исәй Гаделшә улы кенәз Мамешев була. Ләкин ул, бу шәһәрдә төпләнергә дә өлгермичә, 1796 елда Чистайга күченә [7, л.8]. (1816 елгы ревизия кенәгәсендә бу кенәз ни өчендер Килдишев фамилиясе белән язылган [4, л.164 об.]). Чистай татарлары арасында хәзер дә Байбиков, Уразгилдеев, Тумашев, Урманчеев, Мамешев һәм Килдишевларның нәсел дәвамчылары булырга мөмкин.

Архивларда морза нәселләре тарихын чагылдыручы документларның үзенчәлекле якларын ачыклау мөмкин булды. Кайбер нәселләренң төп ватаннарында калган тармаклары документларда даими рәвештә морза буларак теркәлсәләр дә, аларның Кама арьягына күчкән туганнары бер генә язмага да бу дәрәжәләре белән искә алынмыйлар. Моңа мисал итеп чыгышлары Сембер өязенң Бизнә авылыннан булган Үтәшевләр төбән китерергә мөмкин. 1730 еллардан соң язылган документларда бу нәсел вәкилләре Үтәшев фамилиясе белән башка теркәлмиләр [12, с.74, 77]. Бу хәлнең төгәл сәбәпләре ачыкланмаган килеш кала бирә.

Кайбер морзалар, XVII–XVIII гасыр язмаларында йомышлы татар сыйфатында теркәлеп тә, XIX гасырның беренче яртысына караган халык исәбен алу кенәгәләрендә генә морза буларак языла башлыйлар. Морзалар Салманына аерылып чыккан Чепкенеевләр мисалында моны күрергә мөмкин.

Жир бәхәсе буенча алып барылган кайбер документларда һәм икътисади тасвирламаларда морзалар үз дәрәжәләре белән күрсәтелсәләр дә, шул ук чорга караган халык исәбен алу кенәгәләрендә гади йомышлы татар буларак, нәсел фамилиясен язмыйча гына китереләләр. Шулай ук, йомышлылар катлавын тулаем исәпкә алган 1716–1717 елгы халык санын алуда морза буларак күрсәтелгәннәрнең күпчелеге 1745 һәм 1762 еллардагы ревизия кенәгәләрендә морзалыклары һәм нәсел фамилияләре исәпкә алынмыйча теркәлеләр. III ревизиянең Ногай даругасының йомышлы татарлары исәпләнгән кенәгәсендә бары тик жиде морза гаиләсе генә китерелә. Боларга Колбай Мораса авылыннан Сюдюков, Яңа Кадидән Биглов, Чиртуштан Айдаров, Гаделшәдән Килдишев, Төгәлбай һәм Чирүле Шонталыдан Багданов морзалар керә. Наратлыдан Мәхмүт Мөслимов морза буларак язылса да, Киреевлардан икәнлегә күрсәтелми [2, л.147, 361, 421, 526, 568, 688 об., 1013].

Рәсми документларда морза статусын һәм затлы нәселләргә мөнәсәбәтне күрсәтүче фамилияләренә исәпкә алмауны патша хакимиятенң татарларның югары катлау вәкилләре дәрәжәләрен төрле юллар белән төшерергә тырышуы дип бәяләргә мөмкин. Татар морзаларына дворянлык өстенлекләрен кайтару турында указ чыкканнан соң да, аларның күпчелеге, нәсел зыялыгын раслаучы документлары булмау сәбәпле, бу мөмкинлектән файдалана алмыйча кала. Хәтта бер үк нәселнең аерым тармаклары дворянлыкларын кабат торгызганда да, башка туганнарын дәрәжәләреннән мэхрүм итү очраклары була [13].

Нәтижә ясап әйткәндә, татар морзаларының шәжәрәләрен торгызу гаять катлаулы һәм четерекле эш булып тора. Шәжәрә төзүдә, төп чыганак саналган халык исәбен алу һәм метрика материалларыннан тыш, башка төр документларны да жәлеп итү зарур. Гомумән алганда, бу эшне башкаручылардан зур жаваплылык таләп ителә. Шуңа да карамастан, татар морзалары шәжәрәләрен торгызу – милләтебез тарихы өчен бик зур әһәмияткә ия. Чөнки аларның нәсел башлары иң авыр заманнарда малларын һәм дәрәжәләрен корбан итү бәрабәрәнә иманнарын саклап калганнар. Татар кенәз һәм морзаларының нәсел дәвамчылары, ата-бабаларының лаеклы варислары булып, милләт хадиме дигән олы вазыйфаны күтәрерләр, дигән өметтә каласы килә.

Кулланылган чыганаклар һәм әдәбият исемлеге

1. РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 1157. Книга переписная выбывших после первой ревизии служилых (татар, мордва и чуваш), определенных к «корабельной работе» Татарской слободы г. Казани и Алатской, Галицкой, Арской, Зюрейской и Ногайской дорог Казанского уезда. 1748 г.

2. РГАДА. Ф. 350. О.2. Д. 1221. Сказки о служилых татарах, чувашах Ногайской дороги Казанского уезда. 1762–1772 гг.

3. РГАДА. Ф. 1355. Экономические примечания. Оп.1. Д. 427. Экономические примечания на 209 дач, описание г. Спасск.
4. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 438. Ревизская сказка г. Чистополя и Чистопольского уезда о купцах, мещанах, помещичьих крестьянах и пахотных солдатах за 1816 г.
5. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 598. Ревизские сказки Спасского уезда. 1816 г.
6. НА РТ. Ф. 27. Чистопольский городской магистрат. Оп. 62. Д. 54. Дело о представлении в Казанскую казенную палату реестров о казенных и ясачных крестьянах, служивых татарах, записавшихся в купечество, мещанство и цехи по городам Чистополь, Спасск, Мамадыш. 1795–1796 гг.
7. НА РТ. Ф. 27. Оп. 62. Д. 86. Дело о представлении в Казанский губернский магистрат и казенную палату ведомостей о купцах, мещанах и цеховых городов Чистополь, Мамадыш и Спасск. 1796 г.
8. НА РТ. Ф. 324. Казанская губернская чертежная. 1779–1918 гг. Оп. 740. Д. 348. Экономическое описание сел и деревень Чистопольского уезда Казанской губернии.
9. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – Ч.1. – М., Л. 1936.
10. Корсаков Д. А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. / Д.А. Корсаков // ИОАИЭ. – 1908. – Т. 18. – Вып. 4–6. – С.159–361.
11. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Казанская губерния: по сведениям 1859 года / обработан ст. ред. А. Артемьевым. – СПб., 1866.
12. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.
13. Хайрутдинов Р.Р. Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. (специальный выпуск). 1997. – № 12. – С.83–101.

О.Н. Сенюткина

Из истории нижегородских татарских музр (семья Кашаевых)

История служивых татар есть не только история социального слоя населения России периода XV–XVII вв., но и история конкретных семей, значительно оживляющая общие исторические сюжеты и придающая им особый колорит.

Жизнь семьи музр Кашаевых переплетается с историей таких татарских деревень Нижегородчины, как Пара, Красный Яр и Ключищи. Собранная по крупницам архивная информация дает нам представление о некоторых сторонах жизни этого семейства.

Материальную основу жизни Кашаевым давала земля, передаваемая в виде поместий за несение службы в пользу Отечества. В XVII веке в условиях развернувшегося наделения служивых татар землей в Алатырском уезде¹ одним из фигурантов процесса был музр Кашай Алекаев (или по другим документам – Акбулатов).

В 1640 году он был наделен землей в составе группы темниковских татар под руководством Смольяна Сеитова. По размеру оклада в 500 четей можно утверждать, что Кашай не был новичком, а его верстание на службу произошло ранее 1640 года.

Группа Сеитова состояла из 11 человек, а выделенная им земля общей площадью в 1043 чети («с покосы») представляла собой часть угодий деревни Пара, одной из старинных татарских деревень Нижегородчины. С юга межа владений служивых татар – «темниковских переходцев» – упиралась в «государеву землю дикое поле близ речки Ключища, впадающей в реку Пару» [1, ф.161, оп.109, д.31, л.268, 268 об., 269].

Таким образом, истоки семьи музр Кашаевых следует искать вне Нижегородчины на темниковских землях (ныне территория Мордовии). Размещенные в алатырских местах татары должны были защищать берега Пьяны и немногочисленные русские и мордовские деревни от грозных степняков юга.

Вскоре после получения земли и определения на службу Кашай Алекаев (Акбулатов) умер, умер и его товарищ по службе Кудаш Кудаев, тоже из отряда Смольяна Сеитова. В 1644 году после смерти Кашай его сын Тохтар музр Кашаев получает из отцовского надела 40 четей. Кроме того,

¹ Подробнее о появлении «государевых татар» в алатырских степях см.: Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Монография. – М. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. – С. 172–203.

ему досталось выморочное поместье Кудаша Кудаяева – 125 четей и обязанность платить с этой земли оброк («17 алтын в год оброку»). Попутно отметим, что оброк с земли, выделяемой служилым татарам – явление на Нижегородчине довольно редкое.

В 1686 году Тохтар музрза Кашаев (ориентировочно 1620 года рождения), имевший оклад ниже, чем его отец – в размере 350 четей, получает за службу три поместья («дано»). Уж не по разинскому ли сыску? Это были поместья Игимая Мокшаева сына Ногаева и его родственников, Азимая Сяндюкова и Ивакая Бакаева. Получение земли было зафиксировано в Выписи с отдельных книг от 24 октября 1686 года [1, ф.161, оп.109, д.51, л.420].

Крупный по тем временам землевладелец Тохтар-музрза в 1688–1692 гг. отмежевался как красноряец от земель ключищинских помещиков. Потому что Тохтар назван красноряцем, объясняет его внук, правнук Кашая, по имени Абдулла, в своем прошении к власти с просьбой подтвердить его права на владение землею предков. В своем прошении Абдулла Аюпов поясняет, что поместья Кашаевых ведут начало от наделения землей служилых татар группы Смольяна Сеитова, «темниковских и других переходцев», что было закреплено Выписью из отдельных книг от 19 мая 1641 года². Об этом известно и из других документов о земледелении.

Кроме того, в связи с наделением землей группы Сеитова автор прошения указывает на рождение новой деревни, названной Красным Яром, что само по себе интересно с точки зрения изучения времени появления поселений служилых татар на Нижегородчине. Во многом благодаря музрзе Абдулле Аюпову мы можем уверенно утверждать, что рождение татарской деревни Красный Яр относится к 1641 году («отведено, сделано свое поселение, которое и получило название деревни Красный Яр») [1, ф.161, оп.109, д.51, л.419 об.].

Благодаря музрзе Кашаеву мы можем исследовать некоторые эпизоды ранней истории татарской деревни Ключищи. Пространство, которое занимают сегодня деревня Ключищи Краснооктябрьского района Нижегородской области и её окрестности, в начале XVII века ещё не использовалось в хозяйственных целях. Это были пустовавшие земли по берегам речки Ключищи (по-татарски Суык-Су : «суык» – мороз, «су» – вода, то есть «студеная вода»), несущей свои воды в реку Пару. В 1623 году, согласно документальным свидетельствам, к этому месту с севера плотную подходили угодья Уразая Дербышева с товарищами [1, ф.161, оп.109, д.51, л.450 об.], т.е. земли жителей тогдашней деревни Уразовой. Основанная Уразаем Дербышевым ещё до 1615 года в результате раздела земель с Кузьмой Судяровым (деревня Пара), она простирала свои владения «до Ключа до текущей речки» [1, ф.161, оп.109, д.31, л.181]. А далее в направлении Васы Помры (Старые Ендовищи) земля вплоть до межи Мемеша Исекеева считалась «вопчей», т.е. общей для служилых татар деревень Васы Помры и Уразовой [1, ф.161, оп.109, д.31, л.197 об.].

Возникший в 1641 году Красный Яр начал осваивать часть этого свободного пространства. С юга межа его владений упёрлась в «государеву землю дикое поле» близ речки Ключища, впадающей в реку Пару [1, ф.161, оп.109, д.31, л.268 об.–269]. Вот эта-то «государева земля дикое поле» (место будущих Ключищ) и привлекла внимание ищущих свободную землю татар.

Эта земля была расположена, согласно источнику, у «студеного ключища» и примыкала к землям теперь уже не только Уразовой, но и вновь образовавшегося Красного Яра. Таким образом, от устья реки Ключища вверх по реке Большой Паре земли пустовали, представляя собой Дикое поле. Но такая ситуация сохранялась недолго.

12 января 1643 года четыре служилых татарина во главе с неким Осипом Алпаевым³ получили за службу 119 четей земли в том месте, где впоследствии будет развиваться само поселение Ключищи [1, ф.2, оп.6, д.232, л.60]. Первые четыре дома⁴, поставленные Осипом Алпаевым и его товарищами, стали началом новой деревни. К группе Алпаева в условиях существующего интереса к «пустым» землям должны были присоединиться другие татары, что и произошло. Из четырех человек в том же году коллектив возрос до 20. Эти 20 человек получили поровну за службу во вла-

² Выпись была сделана по грамоте царя Михаила Федоровича и по наказной памяти воеводы Ивана Филиппова алаторцем Иваном Ленивцевым и подьячим Долматом Ивановым [1, ф.161, оп.109, д.51, л.420].

³ По другим источникам Осип Алпаев именуется Аскиль Опаев, Осип Опаев.

⁴ Позволим себе предположить, что в первой четверке служилых татар, кроме Осипа Алпаева, были Байбак Дербышев, Бакбулат Чецбулатов и Килмай Енгильдеев. Косвенным подтверждением этому служат следующие обстоятельства: Байбаку Дербышеву поручается следить за порядком землепользования внутри единой межи помещиков, а Бакбулат первым ставит подпись под поручной записью, о которой речь ниже [1, ф.1404, оп.1, д.1а, л.1–4], а Килмай Енгильдеев согласно анализу разных источников являлся родным братом Осипа Алпаева. Таким образом, некий Енгилдей, служилый темниковский татарин, может рассматриваться как предок (дед) основателя деревни Осипа Алпаева [1, ф.161, оп.109, д.51, л.282 об.].

дение в общей сложности 1000 четей, то есть приблизительно 500 га [1, ф.161, оп.109, д.51, л.289; ф.2, оп.6, д.232, л.158]. Тогда же в 1644 году 8 июня имело место ещё одно наделение некоего Смольяна Ишенеева размером в 50 четей⁵. Этим участком община «поступилась», то есть выделила эту землю Смольяну из своей отмежеванной, из своей 1000 четей.

Так, в 1643 году родилась деревня Суык-Су (Ключищи), расширившая в 1644 году свой усад до 20 человек. После этого в том же 1644 году «Алатырского уезду служилые татаровя верстанные и неверстанные деревень Ендовищи и Уразово» били челом к царю Михаилу Федоровичу пожаловать им «примерную землю» близ того усада и «государь их пожаловал» [1, ф.2, оп.6, д.232]; «государь пожаловал им татарам владеть тою поместною землею всем поровну и государственные службы служить с того поместья всем помещикам вместе и государственный оброк платить тоже вместе и всякий поместный харч платить им вместе»⁶.

Тогда же, в 1644 году, Осип Алпаев и другие члены этого коллектива служилых, образовавшегося из верстанных и неверстанных татар разных деревень, решили, собравшись вместе, что за порядком землепользования должен следить один из ключищенцев – Байбак, по фамилии Дербышев, приходившийся родным братом основателю деревни Уразовой Уразаю Дербышеву.

В марте того года была составлена так называемая «поручная запись Осипа Алпаева и других служилых татар за Байбака Дербышева по делу о поместном владении в Алатырском уезде»⁷, в которой эта группа служилых из 20 человек договорилась между собой о том, чтобы в означенную деревню никого не подселять и без общего согласия из деревни не выселяться. Всё, что происходило на земле внутри единой межи было подконтрольным общине. Все перемены могли осуществляться «без боярского доклада». Ключищенцы начали осваивать подтвержденные по закону земли в хозяйственных целях.

В 1674 году (25 июня), когда рождалась по соседству с Ключищами деревня Медяна, границу угодий Ключищ при размежевании земель показывал старожил, служилый татарин из группы Осипа Алпаева – Мамеделей (Мамай) Мемешев. Тогда у ключищенцев появились соседи с востока – 26 служилых татар-медянцев [1, ф.1986, оп.764, д.187, 196, 213, 214], начавшие создание нового татарского селения. Тем летом, когда между Ключищами и рождающейся Медяной шло размежевание, через 30 лет после первых наделений 1644 года, происходит ещё одно наделение землей служилых татар рядом с Ключищами. По 50 четей получают Ишмаммет Исмаев (21 июля) и Биманей Килмамметев (22 июля)⁸.

Уместен вопрос, в связи с чем происходит это наделение? Дело в том, что оба татарина получили землю умерших отцов: Ишмаммет – землю умершего Исмая Худякова, а Биманей – также умершего Килмая (Килмамея) Енгиладеева. Так что, строго говоря, это не наделение, а наследование повзрослевшими сыновьями в связи с их зачислением на службу собственности отцов, ушедших в мир иной. После этого «наделения» нам известно только ещё одно, а именно получение 18 четей уже упомянутым Смольяном Ишенеевым в 1685 году.

И уже в XVII столетии некоторым служилым татарам Ключищ, хотя деревня просуществовала ещё совсем немного времени, приходилось обращаться к властям за подтверждением права пользования наследственными владениями после смерти некоторых основателей деревни. Например, 14

⁵ Можно предположить, что это был повзрослевший сын Ишея (Ишенея) Енбохтеева из группы Алпаева [1, ф.1404, оп.1, д.1а, л.1].

⁶ К сожалению, полный текст о наделении в 1644 году землей служилых татар близ Ключищ не сохранился. Мы знаем о нем, так как в документах рубежа XVIII–XIX вв. фигурирует «общественная 7152 года мая 25 выпись», то есть копия о наделении землей от 25 мая 1644 года. Однако, по более поздним материалам [1, ф.161, оп.109, д.51, л.289] нам удалось реконструировать часть списка получивших в 1644 году землю. Это 9 фамилий, совпадающих с фамилиями из списка поручной записи Осипа Алпаева, а именно: Байбак Дербышев, Глякай Сюнюкаев сын Дербышев, Енбулат Кудайбердеев, Ишей Енбохтеев, Тулубай Тенебяков, Баймаралей Енборисов, Канмай Андреев, Килмай Енгиладеев, Чепкун Альшев [1, ф.2, оп.6, д.232, л.158]. Это ещё раз утверждает нас в мысли о правильности определения принадлежности поручной записи к ключищенской истории. Что касается датировки документа: 7152 год, то в допетровский период было принято исчислять время не от Рождества Христова, а от Сотворения мира согласно Библии. К тому же, год начинался с 1 сентября, а не с 1 января. В связи с этим 7152 год (или 152 год) от Сотворения мира надо рассматривать как начинающийся 1 сентября 1643 года и заканчивающийся 31 августа 1644 года, то есть 7152 год = 1643/1644. Но так как в датировке документа указан месяц – май, то 25 мая 7152 года = 25 мая 1644 года.

⁷ «Поручная запись» дошла до нас в копии от 20 октября 1748 года. Ныне хранится в фонде 1404 ЦАНО (Алатырская приказная изба) [1, ф.1404, оп.1, д.1а, л.1–4].

⁸ Видимо, Биманей Калмамметев был сыном умершего Калмаммета (Килмая) Енгиладеева, служилого татарина из группы О.Алпаева [1, ф.2, оп.6, д.232, л.158].

марта 1684 года в Алатырь в местную приказную избу прибыл алатырский служилый татарин из Ключищ Нуралей Елфимов, внук Осипа Алпаева. Он проделал этот путь, чтобы подать челобитную на имя великих государей, царей Ивана и Петра, с просьбой подтвердить его права на землю. Прошение рассмотрел стольник и воевода Степан Лукич Бобришев-Пушкин, а подъячий приказной избы составил выписку из документа, по которой он, Нуралей Елфимов, имел право владеть 60 четьми земли [1, ф.161, оп.109, д.51, л.281–282 об.].

При рассмотрении фактов, раскрывающих ситуацию рождения Ключищ в 1643–1644 годах, становится неизбежным поиск ответа на вполне конкретный вопрос: почему государство не отказало в просьбе о земледелении представителям Ендовищ и Уразовой. Ибо историкам известно достаточно примеров, когда многочисленные аналогичные прошения отклонялись уездной администрацией. В попытке решить поставленную задачу обратимся к известным данным и сопоставим их.

Согласно историческим источникам, уже в начале XVII века существовала стратегически важная Адашевская дорога, пересекающая все Межпьянье от Адашева до Кочко-Пожарок. Близ неё и для контроля за ней возникли такие служило-татарские деревни как Кочко-Пожарки, Семёновка, Пошатовка, Кузьминка, Уразова. Но участок в 20 верст между Уразовой и Салганом оставался без надзора. И потому вполне логичным видится решение властей поставить поселение конных татар точно посередине между упомянутыми пунктами для охраны важной коммуникации. Причем для эффективного несения службы требовались те люди, что достаточно хорошо знали природные особенности данной местности – места расположения и протяженность балок, оврагов, урочищ, а также общих особенностей ландшафтного рельефа. Обычно именно таких татар власти старались подобрать и определить для несения службы. Тем самым они (служилые) имели превосходство над силами вторгавшихся на Нижегородчину кочевников. И потому неудивительно, что власти пошли навстречу просьбам представителей рядом расположенных Ендовищ и Уразовой. Таким образом, в очередной раз уездная администрация увязывала интересы государства и его подданных, причем к обоюдной пользе.

Если не знать содержания других документов, кроме поручной записи Осипа Алпаева, то невозможно понять о зарождении какой деревни идет речь. В записи не фиксируется название вновь образованного усада, однако имя Осипа Алпаева вновь упоминается позже в документах от 7 мая 200 (1692) года как жителя деревни Рейтарской [1, ф.161, оп.109, д.51, л.423.].

Интересно, что в течение некоторого времени во второй половине XVII века деревня Ключищи носила название Рейтарская. Узнаём мы об этом благодаря северному соседу ключищенцев музру Тохтару Кашаеву, который, владея землями близ Красного Яра, затеял в 1686 году межевание с соседями из Ключищ. Как уже было отмечено, Тохтар был сыном одного из основателей деревни Красный Яр – Кашая Алекаева из группы темниковских татар Смольяна Сеитова. Оклад музры Кашая составлял в 1640 году 500 четей земли. После смерти отца Тохтар решил разобраться со своими землями: 40 четей он получил из отцовского наследства, часть из выморочной земли (125 четей) умершего соратника отца – Кудая Кудаяева. По окладу же Тохтару Кашаеву было положено 300 четей; а поскольку на оклад земли не набиралось, он и решил проверить межу по южной границе своих владений, точна ли она. От него на имя стольника и воеводы Степана Кузьмина-Караваева поступила в Алатырь челобитная с просьбой провести межевание между владениями Т. Кашаева близ Красного Яра и владениями жителей молодой деревни Ключищи. Но названы в этом документе Ключищи Рейтарской, а не Ключищами.

Почему мы не сомневаемся в том, что речь идет об интересующих нас Ключищах? Уверенность придают нам несколько обстоятельств. Во-первых, деревня Рейтарская должна быть по соседству с Красным Яром, если речь идет о размежевании соседних земель. Таким образом, круг деревень, которые могли бы быть названы Рейтарскими, достаточно узок.

Во-вторых, располагая описанием межи (содержится в документе 1692 года [1, ф.161, оп.109, д.51, л.422]), мы имеем представление, с кем размежевался Кашаев: это Кузьма Судеяров, Чинай Байбулатов, Мемеш Исекеев и Осип Алпаев с товарищами. Документ не уточняет, в каких деревнях проживали эти предводители групп служилых татар. Но, зная другие материалы из истории возникновения татарских деревень, мы можем сопоставить имена и назвать интересующие нас деревни. Это соответственно Пара, Трехозеры, Ендовищи и Ключищи.

В-третьих, чтобы выбрать нужную нам деревню из указанных четырех, следует обратить внимание на обозначение Рейтарской: она названа «деревня Рейтарская от татар разных помещиков» [1, ф.161, оп.109, д.51, л.421 об.].

Зная, как появлялись все из указанных деревень, мы останавливаемся на Ключищах, поскольку именно их история связана с инициативой служилых татар разных деревень, прежде всего

Ендовищ и Уразовой, отселиться на «государево поле». Таким образом, мы подтверждаем свое предположение, что именно деревня Ключищи в тот период именовалась Рейтарской, по-видимому, сохраняя и свое первоначальное название Ключищи.

1 августа 1688 года по челобитной краснаярвца мурзы Т. Кашаева стольник и воевода С. Кузьмин-Караваев отправил своего человека на место для установления точной межи с Ключищами. Однако работа по установлению межевых столбов не была завершена. По-видимому, от мурзы Кашаева вновь поступила челобитная на имя государя, поскольку 7 мая 1692 года по грамоте царя на Алатырь стольнику и воеводе – теперь уже Мартемьяну Лопухину – пришло распоряжение заняться этим делом, проконтролировать проведение домежевания («оставшиеся столбы поставить») и прислать в Приказ Казанского дворца межевые книги [1, ф.161, оп.109, д.51, л.422].

По распоряжению Лопухина в деревни Красный Яр и Ключищи направился стольник Семен Грибоедов. Межевание происходило очень тщательно: были подняты все Писцовые книги прежних лет, изучены старые межи, там, где межевые грани оказались утерянными, их восстанавливали по информации старожилов этих мест («разыскав старожил, чтобы межи были знатны»). Кроме того, все пустующие рядом земли были описаны по распоряжению алатырских властей и определены в государев фонд. Чтобы определить площадь выделяемых дач, предлагалось строго учитывать качество земли: 125 четей средней земли приравнивались 150 четям худой, то есть хуже по качеству [1, ф.161, оп.109, д.51, л.424].

Таким образом, благодаря инициативным действиям мурзы Кашаева, до нас дошли некоторые детали истории деревни Ключищи, а также ещё одно её название, по-видимому, связанное с набором служилых татар этой деревни во вновь образованные рейтарские полки. Какое-то время в делопроизводстве Алатырского уезда фигурировали оба названия, в конечном итоге уступив топониму Ключищи.

Итак, из архивных материалов нами были извлечены некоторые сведения о роде мурз Кашаевых. Боле того, благодаря отдельным документам рассмотрение истории семьи Кашаевых привело к получению дополнительных сведений о татарских деревнях Нижегородчины.

Список использованных источников

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).

Р.Г. Галлям

Род мурз Яушевых в XVI–XVII вв.

История рода татарских князей и мурз Яушевых примечательна и показательна, прежде всего, в том плане, что относительно неплохо прослеживаясь по актовой делопроизводственной документации своей эпохи, источникам летописного, легендарного характера, позволяет на «живом», конкретном примере рассмотреть такие весьма важные, актуальные проблемы татарской, отечественной истории, как предпосылки, генеалогические корни и география испомещения социальной элиты в тюрко-татарских государствах позднего средневековья (в особенности, в Казанском ханстве), их роль и место в государственной системе управления, генезис и исторические судьбы татарского феодального сословия в условиях Русского централизованного государства, Российской империи второй половины XVI – начала XX вв. и т.д. Одним словом, изучение истории рода князей и мурз Яушевых может внести некоторую ясность на целый клубок малоизученных, дискуссионных проблем татарской, отечественной истории позднего средневековья, а также эпох новой и новейшей истории.

В этой связи интересно само происхождение татарских князей и мурз Яушевых. Установлено, что они принадлежали к, так называемым, летописным «Арским князьям» эпохи позднего средневековья, география расселения которых в XV–XVI вв. распространялась на Заказанье с центром в Арске и территорию позднейшего Слободского уезда Вятской губернии с центром в Нукрате (Карино). Установлено родство фамилий Арских князей и мурз Арслановых, Давлетьяровых, Долгоаршинных, Дюняшевых, Касимовых, Сейтяковых, Байкеевых, Бузюковых, Хияловых, Хозесеитовых, Яушевых.

В русскоязычной документации конца XIV – XVII вв. «Арские князья» Вятской земли именуется также «вятскими князьями». В связи с образованием на Вятке в 1361 г. Каринского княжества, они стали также именоваться «каринскими князьями».

В условиях Казанского ханства «Арские князья» имели высокий социальный статус, играя весьма важную роль во внутренней и внешней политике государства, фактически были автономными от центральной ханской власти.

С середины XV века «Арские князья» оказались активно вовлеченными в борьбу Москвы с Казанью за Вятскую землю, межпартийные, межклановые распри за обладание тронном в Казанском ханстве. Известен случай, когда «Арские князья» сыграли решающую роль при свержении в 1496 г. с престола сибирского ставленника Мамука. Проведав, что последние действуют заодно с лидером оппозиции в Казани князем Кель-Ахмедом, который решил восстановить подпорченные отношения с Московией, Мамук попытался взять штурмом непокорный Арский городок. Однако, по сообщению русских летописей, «Арские князья града своего не сдаша, но бишася с ними крепко» (ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т.6. – С.40–41). Поражение хана под Арском привело к изменению расстановки политических сил в Казани. Недовольные Мамуком казанцы укрепили город и не впустили в него Мамука, вынудив его уйти восвояси. В итоге они обратились к правителю Московии, великому князю Ивану III, который направил в Казань своего ставленника – царевича Абдул-Латифа. Таким образом, в данном случае позиция «Арских князей» стала решающей в расстановке политических сил в Казанском ханстве.

С нашей точки зрения, именно это обстоятельство – положение буферной силы между Москвой и Казанью в борьбе между ними за обладание властью, землями на Вятке, в расстановке политических сил в Казани ставили «Арских князей» на особое положение с точки зрения как Казани, так и Москвы, придавая им особый статус. В свою очередь, это позволяло «Арским князьям» пользоваться определенной долей самостоятельности, лавируя между разными политическими силами, сыграть одну из ключевых ролей в расстановке политических сил в казанском царстве. В этой связи известно, например, что князь Шайсуп (возможно, сын брата князя Яуша Сейтяк бека), вотчина которого располагалась в селении Верхние Аты на речке Аты в среднем правом бассейне р. Казанки, ездил в 1516 г. в Москву послом. Очевидно, что представители «Арских князей» занимали также при ханском дворе почетную, важную должность одного из четырех основных советников хана – «караучы» («караучы бэк»). Это говорит о том, что без участия «Арских князей» в ханстве не могло быть принято ни одно какое-нибудь важное государственное решение.

По-видимому, также особым положением «Арских князей» на Волго-Вятском пространстве в период ханства было обусловлено наделение их после присоединения Вятской земли в 1489 г. к Московскому княжеству поместьями в бассейнах рек Чепца, Иж, Вятка, получение их «старейшинами» (князьями и боярами) право сбора дани и пошлин с местного населения, а также суда над ним (за исключением уголовных дел). В дальнейшем «вятские князья» стали действенной частью казанской политики Московской Руси. Поскольку родственные связи, между «Арскими князьями» Заказанья и Вятской земли установлены, то очевидно, что в основе своей промосковская политика «Арских князей», в особенности в конце XV – первой четверти XVI вв., объясняется этим обстоятельством.

Род же князей и мурз Яушевых свое начало ведет от князя Яуша (Жавуша, Чуваша) эпохи Казанского ханства, вотчина которого локализуется в селениях Кошар и Старый Менгер современного Атнинского района РТ. Как установлено, род относится к шежере легендарного Кара-бека (вторая половина – конец XIV вв.). Известно несколько списков шежере Кара-бека, которые отличаются между собой в деталях. По ним родоначальником шежере является легендарный князь «Кара бек», возможно, он же последний правитель Булгара Абдулла хан, убитый эмиром-завоевателем Тамерланом в конце XIV в. Сам Кара-бек, якобы, восходит к легендарному Бачман (Пачман) хану (солтану) – эмиру племени «Ильбуре» из народа «Кипчак», который оказал ожесточенное сопротивление в 1237 г. монголам в низовьях Волги («Актюба есть юрт Пачман хана»). Его же – Пачман хана – некоторые относят к потомкам легендарного половецкого хана Боняка (1050–1147 гг.). Потомок же легендарного Бачман хана и Кара-бека – Гали бек (би) – правитель Казанской области, убитый сыном Улу Мухаммеда Махмутом в 1445 г. Сыновья Гали-бека – Алыш (баш) бек, Давлетъяр, Альсуфый бек. Сыновья Альсуфия (жена которого умерла в 1504 г.) – Яуш бек, Сейтяк бек. Таким образом, соотнеся различные списки шежере Кара-бека можно прийти к нескольким определяющим выводам: I) род князей и мурз Яушевых не из Чингисидов, а из местного кипчакского племени (кипчакского рода). Другое же наименование в

источниках имени Яуша в форме «Чуваши» говорит о его болгарских корнях, так как источники XV–XVI вв. людей с болгарскими корнями зачастую называют «чувашиами» (по Р.Ахметьянову – земледелец); 2) Яуш бек – внук или же правнук легендарного основателя г. Казани (Ст. Казани – ?) Галимбека – сына Абдуллы хана, последнего болгарского правителя; 3) потомки шежере Кара-бека – выходцы с Нижнего Поволжья.

С сер. – второй половины XIV в. представители рода оказываются в бассейне Средней Волги и Вятки, в т.ч. и в Заказанье.

Как уже было отмечено, вотчина князя Яуша локализуется в селениях Кошар и Старый Менгер современного Актинского района. По местным преданиям, в окрестностях селения Ст. Менгер некогда в ханские времена находилась ставка московского ставленника, хана Шигалея, который, как известно, правил в Казани с перерывами: в 1519–1521, 1546, 1551–1552 (март) годах. Об этом свидетельствует и тот факт, что в селе Большой Менгер обнаружен единственный рукописный список шежере хана Шигалея, где присутствует 8 звеньев, а между селениями Старый и Большой Менгер находится так называемое «Ханское кладбище» XV–XVII вв., которое, безусловно, имеет отношение к роду Яушевых. Более того, по местным преданиям, якобы Яуш был даже женат на дочери Шигалея (?!). Все эти сведения требуют дополнительной проверки, хотя о его нахождении здесь в свое время писал и ученый, просветитель XIX в. К.Насыри.

По летописным сведениям, при осаде в 1552 г. Казани русским войском, князь Яуш командовал конным войском Казанского ханства, нападавшем на кольцо окружения города с тыла. Хотя на этот счет есть достаточно противоречивые сведения. Так, по местным преданиям, якобы мурзы селения Старый Менгер указали путь на Казань пришедшему с Вятки русскому войску, за что три мурзы села были вознаграждены. Один получил в вечное вотчинное пользование окрестные леса (Каенсар урманы), другому был подарен кубок с надписью-повелением, чтобы в любом кабаке, в какой бы он не заходил, его кубок был наполнен хмельным напитком. В конце концов, якобы, у него этот кубок выкрали. Третьему мурзе было дано право бесчинствовать над женской половиной села. Якобы, многие, не выдержав бесчинств этих мурз, впоследствии переселились на новое место в окрестностях села и образовали неподалеку новое селение – Большой Менгер (Олы Мәңгәр).

Конечно же, это всего лишь местное предание, однако достоверен факт, когда после падения Казани князьям Яушевым, видимо, за какие-то особые заслуги перед правительством или же в силу особо близких отношений с касимовским ханом Шигалеем была пожалована в вотчину волость Терьса в нижнем бассейне р. Иж (современная территория Агрызского района). В Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. И. Болтина сказано: «князь Багишу [сыну Яуша – Р.Г.] ... с сыном [по государству – Р.Г.] Жалованной грамоте дано... за государство жалованье волость Терьса на реке на Каме» (с.391). А его брат к 1568 г. имел в посаде г. Казани свой двор. И это тогда, когда татарские феодалы бывшего ханства уничтожались как классу у них отбирались земли, бывшие привилегии, их остатки ссылались в центральные области Русского государства с требованием крещения в православную веру и т.д.

Далее вотчинные, поместные владения разветвленного рода Яушевых во второй половине XVI – XVII вв. увеличивались, ширилась их география.

К началу 1602–1603 гг. за сыном Яуша кн. Багишем Яушевым была вотчина в д. Кошар по Алатской дороге, «что раньше была за племянником же его за кн. Иванаем Кадышевым вопче со князь кадышевскую княгинею Девленеем, мельница колесная на реке Ашите, да по реке по Ашите бобровье гоны; да два бортные ужожаи ж около Кошарь деревни и за Ильнетем; да в реке Волге рыбные ловли; да кабак; да волость Терьса на реке Каме с 28 крестьянскими и бобыльскими дворами». Кроме того, за Яушевыми имелись поместья по Ногайской дороге – в селениях Ташкирмень, Тамгачи и др. Впоследствии, в XVII – нач. XVIII вв. владения Яушевых распространились на Закамье, Уфимский уезд. Их представители были в 30–40-х годах XVIII в. одними из основателей Сеидовой слободы в окрестностях г. Оренбурга (ныне в черте города).

РЕЗОЛЮЦИЯ
Всероссийской научно-практической конференции
«Татарские мурзы и дворяне: история и современность»
(г. Казань, 9 апреля 2010 г.)

Учитывая большую научную актуальность изучения места и роли татарских мурз и дворян в истории и культуре татарского народа, в процессах государственного и национального строительства в России, в целях интенсификации и популяризации исследований по обозначенной проблематике участники конференции постановили:

1. С целью выявления роли и места татарских мурз, князей, служилых татар, татарского дворянства в позднесредневековых тюрко-татарских государствах XV – третьей четверти XVIII вв. и Российской империи, культурном развитии татарского народа, предложить усилить научно-исследовательские работы по этой тематике, учитывая их при планировании научно-исследовательских работ и распределении научных грантов в системе АН РТ и РГНФ.

2. Предложить дирекциям Института татарской энциклопедии и Института истории им. Ш.Марджани провести семинар по созданию базы данных о татарских представителях дворянства Европейской части России и Сибири с привлечением всех заинтересованных сторон.

3. Обратиться в Академию наук РТ с предложением о подготовке к изданию сборника документов и материалов по татарским шеджере в рамках специального гранта.

4. Предложить дирекции Института татарской энциклопедии приступить к созданию Энциклопедии татарского дворянства.

5. Обратиться в Министерство культуры РТ с предложением усилить пропаганду истории и культуры татарского народа, а именно его генеалогическую сторону, через экспозиции Национального музея и историко-краеведческих музеев РТ, СМИ и специальные разделы сети Интернет.

6. Рекомендовать дирекции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ на сайте tataroved.ru ввести подраздел «Татарские мурзы и дворяне» для размещения статей.

7. Рекомендовать Министерству образования и науки РТ содействовать активизации краеведческих исследований в регионах, в том числе по истории татарских родов.

8. Рекомендовать АН РТ содействовать включению материалов и сведений о татарских мурзах и дворянах в фундаментальные издания, издаваемых под эгидой АН РТ.

9. Продолжить регулярное проведение конференций по данной тематике и рекомендовать дирекции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ предусмотреть в бюджете средства для их проведения.

10. Обратиться в АН РТ с предложением о переиздании «Истории Татарии в документах и материалах» (М., 1937) в связи с ее особой научной ценностью в разработке данной проблематики, истории Среднего Поволжья и татарского народа до начала XX в.

11. Рекомендовать Министерству культуры Республики Татарстан решить вопрос по захоронению останков казанских ханов на территории Казанского Кремля.

12. Обратиться к главе муниципального образования города Казани с предложением увековечить имя первого татарского профессора медицины, заслуженного деятеля ТАССР и РСФСР Абу-бекира Батыр-Гиреевича Терегулова, назвав его именем одну из улиц г.Казани.

13. Опубликовать материалы конференции.

Сведения об авторах

Адутов Рафаэль Масгутович – методист научно-исследовательского сектора Набережно-Челнинского государственного педагогического института (г. Набережные Челны)

Азаматова Гульназ Булатовна – к.и.н., с.н.с. Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Башкортостан (г. Уфа)

Акчурин Максум Маратович – исследователь Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (г. Казань)

Акчурин Риф Узбекович – заместитель директора Института механики УНЦ РАН (г. Уфа)

Амерханова Эльмира Исаковна – к.и.н., зав. отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КФУ (г. Казань)

Амирханов Рафик Хазимович – краевед (г. Альметьевск)

Апакова Лилия Валерьевна – к.психол.н., ассистент кафедры романо-германской филологии КФУ (г. Казань)

Апакова Луиза Якубовна – краевед (г. Казань)

Ахметзянов Марсель Ибрагимович – д.филол.н., гл.н.с. отдела рукописей, научного и архивного фонда ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)

Аюпов Зуфар Якупович – Предводитель Татарского Дворянского Собрании (Меджлис татарских мурз) Республики Башкортостан, академик Академии общественных наук РФ, почетный академик Международной академии качества и маркетинга г. Санкт-Петербург, член Совета Российского Дворянского Собрании, начальник управления Канцелярии Е.И.В. по мусульманским делам, член Палестинского православного Императорского общества

Байбулатова Лилия Фаритовна – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Бакиров Ростэм – Үтәш морза оныгы, галим һәм табиб (г. Казань)

Беляев Адиль Бакиевич – зам. председателя геральдической комиссии Меджлиса татарских мурз Москвы (г. Москва)

Беляков Андрей Васильевич – к.и.н., доцент кафедры Социально-культурного сервиса и туризма Рязанского филиала Московского психолого-социального института

Бикбов Равиль Зуфарович – постоянный представитель РТ в Свердловской области (г. Екатеринбург)

Волков Владимир Геннадьевич – зав. экспозиционно-выставочным отделом МУ «Музей истории Томска» (г. Томск)

Габдуллин Ильдус Рашитович – историк-краевед (г. Уфа)

Гагарин Григорий Григорьевич – Предводитель Российского Дворянского Собрании (г. Москва)

Галлям Рашид Габдельфартович – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Гариф Нурулла Гиматдинович – к.и.н., член Союза писателей РТ (г. Казань)

Гимадеев Минзагит Миргасимович – краевед (г. Набережные Челны)

Горин Антон Анатольевич – соискатель ТГГПУ, старший преподаватель Камского Института искусств и дизайна (г. Набережные Челны)

Гумаров Фархад Линарович – студент V курса исторического факультета КФУ (г. Казань)

Давлетшина Лябуда Ахмедфидовна – директор Кукморского муниципального краеведческого музея, заслуженный работник культуры (Кукмор)

Думин Станислав Владимирович – Президент Российской генеалогической федерации, председатель Историко-родословного общества России (г. Москва)

Еникеев Альберт Фазлы-Ахметович – к.биол.н., доцент (г. Москва)

Еникеев Арслан Ильясович – к.физ.-мат.н., доцент КФУ (г. Казань)

Еникеев Гали Рашитович – историк-краевед (г. Уфа)

Еникеев Шамиль Ильясович – к.экон.н., профессор кафедры экономической теории Института экономики, управления и права (г. Казань)

Идрисов Рауф Рифгатович – к.филол.н., доцент кафедры татарской филологии Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Ислаев Файзульхак Габдельхакевич – д.и.н., профессор Института развития образования РТ (г. Казань)

Исхаков Дамир Мавляевич – д.и.н., гл.н.с. отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Ишеев Мулланур Равильевич – исследователь Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (г. Казань)

Кудашев Ринат Шагалиевич – к.техн.н., вице-предводитель Меджлиса татарских мурз Москвы (г. Москва)

Кудашев Рифгат Хусаинович – д.хим.н., профессор Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа)

Кудашев Рустэм Кимович – к.пед.н., доцент, ст. преподаватель Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Макаров Дмитрий Витальевич – н.с. Нижегородского исламского института им. Х.Фаезханова (г. Нижний Новгород)

Мансырев Михаил Ибрагимович – к.физ.-мат.н., руководитель отдела планирования радиосети и измерений столичного филиала ОАО «МегаФон» (г. Москва)

Насыров Рафик Гумерович – к.и.н., директор Нижнетатмайнской средней школы Аксубаевского муниципального р-на РТ

Нугманов Рашит Мусаевич – кинорежиссер (Франция)

Петров-Текин Николай Иванович – соискатель отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Почекаев Роман Юлианович – к.ю.н., преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Рахимзянов Булат Раимович – к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Сакаев Василь Тимерьянович – к.и.н., доцент кафедры политических наук Набережно-Челнинского филиала КФУ (г. Набережные Челны)

Саттаров Эдуард Ирекович – социолог Института экономики и управления УГАТУ (г. Уфа)

Сафин Ленар Мотигуллович – военнослужащий (г. Казань)

Сенюткина Ольга Николаевна – д.и.н., профессор кафедры культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова (г. Н.Новгород)

Сердинский Валерий – краевед (г. Казань)

Терегулов Айрат Шарафутдинович – предводитель Меджлиса татарских мурз РТ (г. Казань)

Терегулов Анвар Галеевич – редактор газеты «Морзалар хәбәрчесе» (г. Уфа)

Тычинских Зайтуна Антрашитовна – к.и.н., ученый секретарь Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Тобольск)

Уразаев Фарит Язкарлович – вице-предводитель Меджлиса татарских мурз РТ (г. Казань)

Усманов Миркасым Абдулахатович – д.и.н., академик АН РТ (г. Казань)

Утямышев Ильдар Рустамович – д.техн.н., академик РАЕН (г. Москва)

Файзуллин Гаяз Габделисламович – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа)

Хэйри Әнвәр – галим һәм язучы (г. Казань)

Шарифуллина Фарида Лотфулловна – к.и.н., с.н.с. отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань)

Эдилерский Алишер Джелялович – юрист, адвокат (г. Набережные Челны)

Список сокращений

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
Архив КФАН СССР – Архив Казанского филиала Академии наук СССР
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГУТО ГА в Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске»
КГУ – Казанский государственный университет (ныне КФУ)
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НА УНЦ РАН – Национальный архив Уфимского научного центра Российской Академии наук
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
УГАТУ – Уфимский государственный авиационный технический университет
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Открытие конференции

<i>Терегулов А.Ш.</i> Приветственное слово	3
<i>Усманов М.А.</i> Приветственное слово	6
<i>Бикбов Р.З.</i> Приветственное слово	8
<i>Нугманов Р.М.</i> Приветственное слово	8
<i>Гагарин Г.Г.</i> Приветственное слово	9
<i>Утямышев И.Р.</i> Приветственное слово	10

Доклады

<i>Уразаев Ф.Я.</i> Родословная тюрко-татар: мировоззренческий аспект	12
<i>Рахимзянов Б.Р.</i> Контакты Москвы с сибирскими Чингисидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку»	17
<i>Шарифуллина Ф.Л.</i> Роль касимовских татар в истории России	21
<i>Тычинских З.А.</i> Об этнических контактах сибирских и касимовских татар	31
<i>Файзуллин Г.Г., Саттаров Э.И.</i> Правовые основы института татарских мурз и дворян в постсоветской России: история и современность	34

СЕКЦИЯ 1. «Исторические вопросы формирования татарского дворянского сословия»

<i>Габдуллин И.Р.</i> Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв.	37
<i>Горин А.А.</i> К вопросу о роли татарской аристократии в процессе формирования служилого сословия Московского государства XV–XVII вв.	45
<i>Макаров Д.В.</i> Малоизученные группы служилых татар XVI–XVII вв.	48
<i>Амерханова Э.И.</i> Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII вв.	52
<i>Думин С.В.</i> Татары-казаки в Великом княжестве Литовском	55
<i>Амирханов Р.Х.</i> От Урала до Вятки: земли татар племени минг	65
<i>Ислаев Ф.Г.</i> К вопросу о происхождении «лапотных» мурз	72
<i>Байбулатова Л.Ф.</i> «Асар» Ризаэддина Фахреддина как источник по истории татарских мурз Поволжья и Приуралья	75
<i>Еникеев Г.Р.</i> Хранители наследия Татарской Орды	78
<i>Азаматова Г.Б.</i> Деятельность представителей татарского дворянства Уфимской губернии в земских учреждениях и просвещении мусульманского населения (вторая половина XIX – начало XX вв.)	85
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Сановные династии Золотой Орды	91

СЕКЦИЯ 2. «Генеалогия и этнические связи татарских дворянских родов»

<i>Исхаков Д.М.</i> Об исторических стратах генеалогии «Арских князей»	94
<i>Адутов Р.М.</i> Дети Удигутов (фрагмент из неопубликованной рукописи). Алтайская гипотеза	100
<i>Акчурин Р.У.</i> Из истории рода Акчуриных	103
<i>Ишеев М.Р., Акчурин М.М.</i> Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре	109
<i>Әхмәтҗанов М.И.</i> Кара бәк шәжәрәсенен Мөрсәйет тармагы	115
<i>Гариф Н.Г.</i> Казан ханлыгы чоры эпиграфик һәйкәлләрендә социаль титуллар чагылышы	120
<i>Тычинских З.А.</i> О конфессиональной политике Российского государства в XVII–XIX вв. в отношении служилых татар Сибири	126
<i>Волков В.Г.</i> Мурзы и князцы чатских и томских татар XVII – начала XVIII вв. Опыт генеалогической реконструкции династий	130
<i>Амирханов Р.Х.</i> Родословная Кильдибековых	133
<i>Амирханов Р.Х.</i> Родословная Амирхановых	156

СЕКЦИЯ 3. «Современные проблемы татарского дворянского сословия»

<i>Кудашев Р.Ш.</i> Генеалогия татарских князей, мурз и дворян, их вклад в развитие татарской и русской культур и укрепление Российской государственности	248
<i>Аюпов З.Я.</i> Возрождение дворянства в современных условиях: проблемы и перспективы	251
<i>Беляев А.Б.</i> Историческая генеалогия татарского народа. Родственные династии и их роль в истории семьи, нации и государства	255
<i>Еникеев А.Ф.-А.</i> Пути сохранения истории татарских дворянских родов	257
<i>Гимадеев М.М.</i> Из опыта работы по изучению истории села Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на РТ. Задачи по возрождению татарских дворянских родов	261
<i>Давлетшина Л.А.</i> Родословная Ишмана – «Ветвь Утямишевых»	263
<i>Эдилерский А.Д.</i> Правовое положение татарских мурз в Российской Федерации	269
<i>Сафин Л.М.</i> Вклад представителей рода Булнаевых в историю России	271
<i>Гумаров Ф.Л.</i> Генеалогические исследования родовых корней как механизм формирования личности молодого поколения россиян начала XXI в.	274

СЕКЦИЯ 4. «Краеведческие вопросы истории татарских мурз и дворян»

<i>Петров-Текин Н.И., Сердинский В.И.</i> Об особенностях заселения Примешинской зоны Западного Предкамья во второй половине XVI – середине XVII вв. (1552–1660 гг.)	276
<i>Сакаев В.Т.</i> Переселение представителей рода Сакаевых на территорию современного Башкортостана	284
<i>Еникеев А.И., Еникеев Ш.И.</i> Об одной из династий рода Еникеевых: история и современность	287
<i>Кудашев Р.Х.</i> Прошлое и настоящее князей Кудашевых	290
<i>Кудашев Р.К.</i> Мурзы Кудашевы в развитии культуры татарского народа	293
<i>Апакова Л.Я., Апакова Л.В.</i> Общественная и торговая деятельность Апаковых в XVII–XIX вв.	296
<i>Идрисов Р.Р.</i> Э.Еники эсэрләрәндә татар морзалары хакында тарихи мәгълүматлар	307
<i>Терезулов А.Г.</i> «Морзалар хәбәрчесе» – первая газета татарского дворянства	309
<i>Утямишев И.Р.</i> Татарское дворянство: история и современность	311
<i>Саттаров Э.И.</i> Татарские мурзы в истории Российского государства	312
<i>Акчурин Р.У.</i> Достойный сын своего народа	314
<i>Мансыров М.И.</i> Потомки владельцев имения в Килимово	318
<i>Насыров Р.Г.</i> Көнбатыш Кама арьягы морзалары шәжәрәләрен төзү тәҗрибәсеннән	320
<i>Сенюткина О.Н.</i> Из истории нижегородских татарских мурз (семья Кашаевых)	323
<i>Галлям Р.Г.</i> Род мурз Яушевых в XVI–XVII вв.	327

Приложение

<i>Хәйри Ә., Бакиров Р.</i> Кемнәр алар – Үтәшләр, Үтәшевләр?	330
Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Татарские мурзы и дворяне: история и современность» (г. Казань, 9 апреля 2010 г.)	370
Сведения об авторах	371
Список сокращений	373

**Татарские мурзы и дворяне:
история и современность**

Научное издание

Компьютерный набор – *М.Н. Исламова*
Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Р.Ф. Гатауллина*
Подписано в печать 13.12.2010 г. Формат 60×84 ¹/₈
Усл. печ. листов 47,0 Тираж 300 экз.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09